Власть истории – История власти

Том 12. Часть 2. (№68)

The Power Of History – The History Of Power

Volume 12. Issue 2. (№68)

Свидетельство о регистрации средств массовой информации

ПИ № ФС77-61481 от 24 апреля 2015 г.

Эл № ФС77-61482 от 24 апреля 2015 г.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Власть истории – история власти» обязательна.

Рукописи рецензируются.

Журнал входит в Перечень **ВАК** (№ 694)

Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад в поддержку проекта.

ISSN 2415-7015
8 номеров в год
E-mail: etnosocium@mail.ru
Сайт: http://etnosocium.ru/vi
Язык: русский, английский.

Зам. гл. ред. С.В. Рыбаков
Корректор Е.А. Белоусова
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro
Формат 60x90/16. Тираж экз. 500
Усл. п. л. 31,75

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «Этносоциум»
Отпечатано в типографии Международного издательского центра «Этносоциум», 105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Москва 2026

Certificate of registration of mass media

ПИ № ФС77-61481 Founded in April 24, 2015

Эл № ФС77-61482 Founded in April 24, 2015

The journal is ready to cooperate with authors from Russia and far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the scientific society.

"The Power Of History" aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free access to all publications, unless the contract with the author presupposes other conditions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

The journal is included in the list of **HAC** (№ 694)

We express our gratitude of the outstanding scientists and public figures, who made a financial contribution to the project.

ISSN 2415-7015
8 issues per year
E-mail: etnosocium@mail.ru
Website: http://etnosocium.ru/english/The-Power-Of-History-vi-iv
Languages: Russian, English

Deputy Chief Editor: Rybakov S.V.
Corrector: Belousova E.A.
Paper: offset
Types: Minion Pro
Format: 60x90
Copies: 500

The original layout was prepared by the International Publishing Center «Ethnosocium»
Printed in the printing house of the International Publishing Center «Ethnosocium»
105066, Moscow, Spartakovskaya st., 19, building 3.

Moscow 2026

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Зам. Главного Редактора, руководитель проекта:

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Рыбаков С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой национальных и федеративных отношений Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Долгенко А.Н., доктор филологических наук. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков. Московская Академия Следственного комитета Российской Федерации.

Ненарокова М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ РУДН, ведущий научный сотрудник, отдел Классических литератур Запада и сравнительного литературоведения. Институт мировой литературы имени А.М. Горького (ИМЛИ) РАН. Переводчик.

Нагорнова Е.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Никашина Н.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Клименко Д.А., кандидат филологических наук, специалист по Италии.

Мурашко С.Ф., кандидат психологических наук, профессор кафедры русского и иностранных языков. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Ивакин Г.А., доктор исторических наук, профессор, эксперт. Заместитель директора ФГБНУ «Психологический институт РАО».

Наумова Г.Р., доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ).

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ковалева Н.А., доктор филологических наук, доцент. Профессор кафедры русского языка и литературы Института иностранных языков Нанкинского университета (КНР).

Летуновский П.В., кандидат исторических наук, доктор политических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Варсонофьев В.В., кандидат политических наук, военный эксперт.

Чапкин С.В., почетный академик, президент «Академии экологии и права».

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Вражнова М.Н., доктор педагогических наук, профессор, МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Курбонзода Хонали, доктор исторических наук, Ректор Республиканского института повышения квалификации и переподготовки работников сферы образования, Республика Таджикистан, г. Душанбе.

Платонова Н.М., доктор исторических наук, профессор кафедры «Социально-гуманитарные науки» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный государственный университет путей сообщения» (г. Хабаровск).

Ашрапов Б.П., кандидат филологических наук. Доцент кафедры английского языка, ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова».

Степанов С.А., доктор исторических наук, профессор. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Юридический институт, кафедра публичной политики и истории государства и права.

EDITORIAL BOARD

Deputy. Chief Editor and Project Manager:

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Moscow Automobile and Road Construction University.

Rybakov S.V., Doctor of historical sciences, Associate Professor of the history of Russian Ural Federal University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of National and Federal Relations of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Dolgenko A.N., Doctor of Philology. Head of the Department of Russian and Foreign Languages at the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Nenarokova M.R., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, RUDN University, Leading Researcher, Department of Classical Literature of the West and Comparative Literature. Institute of World Literature RAN. Interpreter/Translator.

Nagornova E.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages at the Institute of Foreign Languages of the Peoples' Friendship University of Russia.

Nikashina N.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Klimenko D.A., Candidate of Philology, specialist in Italy.

Murashko S.F., Candidate of Psychological Sciences, Professor of the Department of Russian and Foreign Languages. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Ivakin G.A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Expert. Deputy Director of the Federal State Budgetary Scientific Institution "Psychological Institute of the Russian Academy of Education".

Naumova G.R., Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councellor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kovaleva N.A., Doctor of Philology, Associate Professor. Professor of the Department of Russian Language and Literature of the Institute of Foreign Languages of Nanjing University (PRC).

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the A.M. Vassilevsky Soviet Union.

Varsonofiev V.V., Candidate of Political Science, Military expert.

Chapkin S.V., Honorary Academician, President of the "Academy of Ecology and Law".

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor.

Vrajnova M.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Road Construction University (MADI).

Honali Kurbonzoda, Doctor of Historical Sciences, Rector of the «National Institute of professional development and training of educators».

Platonova N.M., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

Ashrapov B.P., Candidate of Philological Sciences. Associate Professor, Department of English, Khujand State University named after Academician Bobojon Gafurov.

Stepanov S.A., Doctor of Historical Sciences, Peoples' Friendship University of Russia, Law Institute, Department of Public Policy and History of State and Law.

Содержание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ЛИНГВИСТИКА

Стадульская Н.А., Антипова Л.А.
Метафорическое измерение речей климатического саммита COP30.....14
Седень Е.А., Арзамазов А.А.
Постирония, языковая гибридность и метатекстуальность
как стратегии культурного самоутверждения
в тексте «Последний кылбур» Богдана Анфиногенова.....22
Хайдарова Ф.У. Сравнительный анализ
структурных особенностей местоименных
словосочетаний в таджикском и английском языках.....32
Стрелкова А.Ю. Активизация речевой
деятельности обучающихся с помощью коммуникативных
игр на занятиях по иностранному языку.....41
Аскерова М.А., Баталов А.А. Речевой портрет Камалы Харрис:
лингвистические особенности в контексте выборов в США 2024 года.....46
Барановская Б.В. Разграничение термина
«адекватность» со смежными терминами.....52
Бовелиева Я.В. Языковая личность и текст в цифровую эпоху.....63
Брахима Тогола, Бит-Юнан Ю.Г. Специфика
интерпретации падения режима М. Траоре в газетах Мали.....68
Губин А.Ю. Дихотомия «творчество – жизнь»
в производственных романах Федора Гладкова.....76
Гуломова Ф.А. Эволюция и характеристики
военных терминов в немецком, таджикском
и русском языках: взгляд на терминосистему.....87
Гэ Жань Аннализ мультимодального
взаимодействия в российском стендапе.....105
Захарова И.Р. Развитие навыка
аудирования при изучении немецкого языка:
от традиционных методик к экстенсивному подходу.....113
Ломакина С.А. Мирообразы поэзии Любови Турбиной.....130
Баталов А.А., Серегина М.К. TED Talks как база исследования
вербальной лингвистической специфики ораторского мастерства.....141

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Синегубов С.Н., Шостак В.А., Долгушина П.С. Трансформация
гендерных ролей в советской профессиональной среде 1930-х гг.....149

Пром Тхари Гибридная демократия
и внешнее влияние в Камбодже: роль безусловной помощи
Китая и восприятие демократии молодёжью.....155
Смирнов А.В., Куликов С.П. Стратегические планы
США в отношении Европы в период демократической
администрации Билла Дж. Клинтона (1990-е годы XX века).....168
Храмова Ю.В. Официальные визиты
и саммиты лидеров Японии и КНР как индикатор
нормализации двусторонних отношений (2014-2019).....187
Хугали Мохамед Хассан Абдин
Плотина GERD как фактор региональной безопасности:
последствия для Судана и дилемма кооперации на Голубом Ниле.....200
Цзяцзы Цзинь, Юйюэ Лю Изучение способа
образования императорской столицы
династии Тан с точки зрения климата и гидрологии.....211
Абдипатта Ж.Н., Кайыркен Т.З.
Формирование границ и национальное строительство
в советской Центральной Азии: национально-территориальное
разграничение и возникновение Казахской и Киргизской ССР.....223
Абдуллаев С.Р. Албанское побережье в балканской
политике Наполеона (1801–1807 гг.): угроза вторжения.....230
Амбарян С.С. Проблема
темнокожего населения капиталистических стран
на страницах советской периодической печати.....237
Куровский С.В., Мишин Д.А., Морозов М.А.
Трансформация стратегического взаимодействия
между ФРГ и США в рамках североатлантического альянса
в контексте кризиса европейской безопасности (2014-2023 гг.).....245
Нарбут М.И., Сюннерберг М.А.
Француженки в колониальном Вьетнаме (1862–1945 гг.):
экономическая деятельность и социальная роль.....263
Пау А.Н. Субъектность Международной
организации Франкофонии: критерии и этапы формирования.....277
Пром Тхари Роль гражданского
общества и граждан в демократическом процессе
Камбоджи: участие или маргинализация?.....286

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Терновая Л.О., Чапкин Н.С.
Математика исторического нарратива: порядковая нумерация
событий и ее роль в формировании коллективной памяти.....303

Шавлохова Е.С., Пашковский Б.Г., Фролова Д.Е., Лихацкая С.В. Федерализация российского государства в проекте конституция Муравьёва.....314
Упоров И.В. Партийные инстанции ВКП(б) и местные советы: особенности взаимодействия в послевоенные годы.....324
Гневышев С.В., Золотарев О.В. Гитлерюгенд: анатомия зла.....333
Чжао Фань Историческое образование в первые годы советской власти (1917–1934 гг.): от радикальной социологизации к восстановлению гражданской истории.....351
Антипова А.А. История сохранения объекта культурного наследия (на примере жилого флигеля в переулке Чернышевского).....360
Беляев Д.В. План голода на оккупированных территориях СССР: цели, механизмы реализации и демографические последствия нацистской оккупационной политики (1941–1944 гг.).....371
Брызгалова И.Г., Деордиева А.Н. Процесс формирования новой государственности в национальных районах северного Кавказа (на примере Терской области). Особенности и специфика (весна 1917 г. – начало 1918 г.).....377
Будаева А.Э. Некоторые аспекты биографии М.М. Сахьяновой (1896-1981).....392
Власов И.А. Образ Петра I (Великого) в отечественной и зарубежной научной публицистике и историографии: специфика интерпретации личности и деяний первого русского императора.....404
Мокеева М.О., Возмищева Е.С., Вторушина А.П., Улитина Е.Д., Иванов К.С. Жизнь после подвига: психологические трансформации поколения победителей.....423
Горкуш С.В. Произведения батальной живописи как исторический источник, повествующий о событиях, происходящих в годы великой отечественной войны.....435
Ершова К.Е. Антропология звука в весенне-летних обрядах календарного цикла народа саха.....442
Захарченко И.А. Официальная пресса Российской империи о потерях солдат-приамурцев во время Первой мировой войны (по материалам газеты «Приамурские ведомости»).....451
Потапова А.Н., Телякаева А.Ф. Страницы истории оренбургского кафедрального собора.....462

Аннотации.....470
Авторы.....502

Content

PHILOLOGICAL SCIENCES, LINGUISTICS

Stadulskaya N.A., Antipova L.A.
The metaphorical dimension of COP30 climate summit speeches.....14
Seden E.A., Arzamazov A.A.
Post-irony, linguistic hybridity and metatextuality as strategies
of cultural self-assertion in Bogdan Anfinogenov's text "The last kylbur".....22
Haidarova F.U. A comparative analysis of the structural
features of pronominal word combinations in Tajik and English.....32
Strelkova A.Y. Activation of learners' speech
activity through communicative games in foreign language classes.....41
Askerova M.A., ***Batalov A.A.*** The speech portrait
of Kamala Harris: linguistic features in the context of the US 2024 election.....46
Baranovskaya B.V. Distinction
of the term "adequacy" from related terms.....52
Bovelieva Y.V. Linguistic personality and text in the digital age.....63
Brahima Togola, Bit-Yunan Y.G. The specifics
of interpreting the fall of M. Traore's regime in Malian newspapers.....68
Gubin A.Yu. The "creativity-life"
dichotomy in Fyodor Gladkov's industrial novels.....76
Gulomova F.A. Evolution
and characteristics of military terms in the German, Tajik
and Russian languages: a look at the terminological system.....87
Ge Ran Analysis
of multimodal interaction in Russian stand-up comedy.....105
Zakharova I.R. The development
of listening skills in German language learning:
from traditional methodologies to an extensive approach.....113
Lomakina S.A. The world images of Lyubov Turbina's poetry.....130
Batalov A.A., Seregina M.K. TED Talks as a base
for the study of the verbal linguistic specificity of public speaking.....141

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND GENERAL HISTORY

Sinegubov S.N., Shostak V.A., Dolgushina P.S. Transformation
of gender roles in the soviet professional environment in the 1930s.....149

Prom Thary Hybrid democracy
and foreign influence in Cambodia: the role of China's
unconditional aid and youth perceptions of democracy.....155
Smirnov A.V., Kulikov S.P. US strategic plans for Europe
during the democratic Administration of Bill J. Clinton (1990s).....168
Khramova Yu.V. Official visits and summit meetings
between the leaders of Japan and the people's republic of China
as an indicator of the normalization of bilateral relations (2014–2019).....187
Khugali Mohamed Hassan Abdin
The GERD dam as a regional security factor:
implications for Sudan and the dilemma of cooperation on the Blue Nile.....200
Jiaji Jin, Yuyue Liu Research on the formation
mechanism of Tang Dynasty Imperial capital
from the perspectives of climate and hydrology.....211
Abdipatta Z.N., Kayirken T.Z. Border-making
and nation-building in Soviet Central Asia: national-territorial
delimitation and the emergence of the Kazakh and Kyrgyz SSRs.....223
Abdullaev S.R. The Albanian coast
in Napoleon's Balkan Policy (1801–1807): the threat of invasion.....230
Ambaryan S.S. The problem of the black population
of capitalist countries on the pages of the Soviet periodical press.....237
Kurovsky S.V., Mishin D.A., Morozov M.A.
Transformation of strategic interaction between Germany
and the USA within the framework of the north Atlantic
alliance in the context of the European security crisis (2014-2023).....245
Narbut M.I., Syunnerberg M.A. French women
in colonial Vietnam (1862–1945): economic activity and social role.....263
Pau A.N. Subjectivity of the international
organization of La Francophonie: criteria and stages of formation.....277
Prom Thary The role of civil society and citizens
in Cambodia's democratic process: participation or marginalization?.....286

ACTUAL QUESTIONS OF HISTORICAL SCIENCES

Ternovaya L.O., Chapkin N.S.
The mathematics of historical narrative: ordinal numbering
of events and its role in the formation of collective memory.....303
Shavlokhova E.S., Pashkovsky B.G.,
Frolova D.E., Likhatskaya S.V. Federalization
of the Russian state in Muravyov's draft constitution.....314

Uporov I.V. Party authorities of the all-Russian committee (Bolshevik) and local councils: interaction in the post-war years.....324
Gnevyshev S.V., Zolotarev O.V. Hitler Youth: anatomy of evil.....333
Zhao Fan History education in the early years of soviet power (1917–1934): from radical sociologization to the restoration of civil history.....351
Antipova A.A. The history of the cultural heritage site preservation (on the example of a residential wing in Chernyshevsky Lane).....360
Belyaev D.V. The famine plan in the occupied territories of the USSR: goals, implementation mechanisms and demographic consequences of the Nazi occupation policy (1941-1944).....371
Bryzgalova I.G., Deordieva A.N. The process of formation of a new statehood in the national regions of the north Caucasus (on the example of the Terek region). Features and specificities (spring 1917 – beginning of 1918).....377
Budaeva A.E. Some aspects of the biography of M. Sakhyanova (1896-1981).....392
Vlasov I.A. The image of Peter I (the Great) in Russian and foreign scientific journalism and historiography: the specifics of the interpretation of the personality and deeds of the first Russian emperor.....404
Mokeeva M.O., Vozmishcheva E.S., Vtorushina A.P., Ulitina E.D., Ivanov K.S. Life after the feat: psychological transformations of the generation of victors.....423
Gorkush S.V. The battle paintings as a historical source of narrating the events that took place during the great patriotic war.....435
Ershova K.E. Anthropology of sound in the spring-summer rituals of the Sakha people's calendar cycle.....442
Zakharchenko I.A. Official press of the Russian Empire on the losses of Amur soldiers during the First World war (based on the Priamur Vedomosti newspaper).....451
Potapova A.N., Telyakaeva A.F. Pages of the history of the Orenburg cathedral.....462

Abstracts.....487
Authors.....505

Стадульская Н.А.

Доктор филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков. Пятигорский медико-фармацевтический институт, филиал Волгоградского государственного медицинского университета, г. Пятигорск.

Антипова Л.А.

Кандидат педагогических, кафедра иностранных языков. Пятигорский медико-фармацевтический институт, филиал Волгоградского государственного медицинского университета, г. Пятигорск.

Метафорическое измерение речей климатического саммита COP30*

Аннотация. Статья посвящена исследованию метафорического измерения речей участников тридцатой конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP30), проходившей в Белене (Бразилия) в ноябре 2025 года. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания того, как языковые средства, в частности метафоры, конструируют восприятие климатического кризиса и влияют на принятие политических решений в условиях растущего разрыва между риторикой амбиций и реальными результатами переговоров. Материалом исследования послужили официальные выступления спикеров и лидеров государств, представителей коренных народов, а также аналитические комментарии экспертов, опубликованные в ходе конференции и сразу после ее окончания. Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении представлений о прагматическом потенциале метафоры в политическом дискурсе и ее роли в конструировании климатической реальности. Практическая значимость связана с возможностью использования результатов в курсах политической лингвистики, теории перевода и экологической коммуникации.

Ключевые слова: климатический дискурс, политическая метафора, дискурсивные стратегии, концептуальная метафора, речевое воздействие.

* © Стадульская Н.А., Антипова Л.А., 2026.

Stadulskaya N.A.
Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages. Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute – a branch of Volgograd State Medical University, Pyatigorsk.

Antipova L.A.
Candidate of Pedagogical. Sciences Department of Foreign Languages, Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute – a branch of Volgograd State Medical University, Pyatigorsk.

The metaphorical dimension of COP30 climate summit speeches

Abstract. The article is devoted to the study of the metaphorical dimension of the speeches of the participants of the thirtieth Conference of the Parties to the United Nations Framework Convention on Climate Change (COP30), held in Belém (Brazil) in November 2025. The relevance of the research is determined by the need to understand how linguistic means, in particular metaphors, construct the perception of the climate crisis and influence political decision-making in the context of a growing gap between the rhetoric of ambitions and the real results of negotiations. The research was based on official speeches by speakers and leaders of states, representatives of indigenous peoples, as well as analytical comments by experts published during the conference and immediately after its end. The theoretical significance of the research lies in clarifying ideas about the pragmatic potential of metaphor in political discourse and its role in constructing climate reality. The practical significance is related to the possibility of using the results in courses in political linguistics, translation theory, and environmental communication.

Key words: climate discourse, political metaphor, discursive strategies, conceptual metaphor, speech impact.

10 ноября 2025 года в бразильском Белене открылась 30-я конференция сторон РКИК ООН. Президент Бразилии Луис Инасиу Лула да Силва позиционировал COP30 как поворотный момент или “саммит истины”, который должен был перевести климатическую дипломатию от обещаний к реальным действиям. Десятилетие Парижского соглашения, беспрецедентное участие коренных народов (конференцию называли “COP коренных народов”) и символическое место проведения - сердце Амазонии - создавали ожидания прорыва. Однако итоговые документы и сам ход переговоров продемонстрировали глубокий разрыв между риторикой амбиций и политической реальностью. Финальное соглашение “Глобальный Мутиран”

(Mutirão) не содержит упоминаний об ископаемом топливе, а обязательства по финансированию остаются преимущественно декларативными. В фокусе данного исследования - не столько количественные показатели принятых обязательств, сколько качественные характеристики языка, на котором эти обязательства (или их отсутствие) артикулировались.

Мы исходим из теоретической предпосылки, что язык не просто отражает политические процессы, но активно их формирует. Как отмечают авторы анализа итогового текста COP30 в Climate Home News, "юридические глаголы и фразы в Мутиране показывают, что климатическая дипломатия научилась уклоняться" [1]. Цель данной статьи - выявить ключевые дискурсивные стратегии, использованные выступающими на COP30, и показать, как языковые практики способствовали либо конструированию новых климатических смыслов, либо закреплению status quo. Метафора - это не просто украшение речи, а фундаментальный инструмент политического дискурса, конструирующий реальность и формирующий восприятие аудитории. На тридцатой конференции сторон в Белене метафоры играли ключевую роль, так как они помогали спикерам объяснять сложные климатические процессы, убеждать оппонентов и мобилизовать сторонников. Настоящее исследование анализирует метафорический репертуар выступлений на COP30, классифицирует выявленные образные средства и предлагает варианты их перевода на русский язык с учетом культурных и контекстуальных особенностей.

Материалом для анализа послужили официальные выступления генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша, исполнительного секретаря РКИК ООН Саймона Стила, лидеров государств, а также заявления представителей коренных народов и аналитические комментарии экспертов, опубликованные в ходе конференции и сразу после ее окончания [2].

Анализ корпуса текстов позволяет выделить четыре основные группы метафор, доминировавших в дискурсе COP30. Наиболее многочисленная и эмоционально насыщенная группа, которую спикеры активно использовали - это образы огня, воды, климатических катастроф. Рассмотрим несколько примеров:

1. The roof is on fire (Крыша горит) - заголовок статьи в Newsweek и расхожая фраза делегатов.

2. The world is on fire (Мир в огне) - метафора, получившая буквальное воплощение, когда загорелся выставочный павильон .

3. The Amazon as a river system powered by over a thousand tributaries (Амазонка как речная система, питаемая более чем тысячью притоков) - метафора Саймона Стила, описывающая механизм международного сотрудничества.

4. We are approaching dangerous and irreversible tipping points (Мы при-

ближаемся к опасным и необратимым точкам невозврата) - Антониу Гутерриш.

Пожар в выставочном павильоне COP30 20 ноября 2025 года стал, пожалуй, самым мощным метафорическим событием конференции. Как отмечает Хайди Харт, "defining image of the COP30 climate summit flashed around the world: fire in an exhibition pavilion". То, что началось как реальное происшествие, мгновенно превратилось в символ. Доктор Харт подчеркивает: "the "'world is on fire" adage took a literal turn" - расхожее выражение "мир в огне" обрело буквальное воплощение. Климатолог Майкл Манн назвал это "тревожно точной метафорой" [3]. Мы считаем, что метафора огня выполняет здесь несколько функций, таких как, верификация угрозы (1) - абстрактная опасность климатического кризиса становится физически ощутимой; синхронизация значений (2) - делегаты, обсуждающие "горящую планету", видят реальный огонь, в этом случае метафора и реальность совпадают; медиатизация (3) - образ пожара легко воспроизводится в СМИ и социальных сетях.

Интересна в данном контексте метафора реки и притоков из вступительной речи Саймон Стил: "We find ourselves here in Belém, at the mouth of the Amazon. And we can learn a lot from this mighty river. Not a single entity, rather a vast river system supported by over a thousand tributaries". Сама структура метафоры достаточная сложная, так как подразумевается, что Амазонка, как одна из крупнейших рек воплощает глобальную климатическую архитектуру (Парижское соглашение), а ее тысяча притоков - это множество форм сотрудничества (финансы, технологии, местные инициативы, частный сектор), в то время, как устье реки символизирует точка сбору и интеграции усилий по борьбе за "зеленую" политику. Как отмечают исследователи из King's College London "the Amazon metaphor is doing a lot of work politically as well as rhetorically". Данная метафора позволяет признать сложность и многосоставность процесса, избежать иерархичности (все притоки важны), а также создать позитивный образ единства в многообразии.

В приведенных примерах природные метафоры создают ощущение неотложности, визуализируют абстрактные климатические процессы и апеллируют к коллективному опыту человечества перед лицом стихии.

Следующая группа метафор, выделенная нами по принципу реккурентности, - это технократические и инфраструктурные метафоры, которые представляют климатический процесс как механизм, инженерное сооружение или техническую систему. Среди релевантных примеров можно выделить следующие:

1. The Paris Agreement has built an engine (Парижское соглашение создало двигатель) - Саймон Стил о рамочном документе как о работающем механизме;

2. To hit the accelerator (Нажать на педаль газа) так Саймон Стил призывает ускорить выполнение обязательств;

3. The curve of emissions bends downwards (Кривая выбросов изгибается вниз) - центральная метафора речи Стила, получившая название "The bent curve speech".

Центральная метафора речи Саймона Стила - это "изогнутая кривая выбросов", которая стала настолько значимой, что получила собственное имя в аналитике (the bent curve speech). В оригинале это выглядело так: "Ten years ago in Paris, we were designing the future, a future that would clearly see the curve of emissions bend downwards". Климатолог Майкл Манн развивает эту метафору и говорит "We are approaching dangerous and irreversible tipping points". Здесь "точки перелома" (tipping points) из физической метафоры превращаются в политический диагноз.

В приведенных примерах прослеживается четкая прагматическая функция - технократические метафоры создают иллюзию управляемости процесса, снижают тревожность и апеллируют к рациональному мышлению. Они представляют климатическую политику как инженерную задачу, имеющую техническое решение.

Третья группа метафор, выделенная нами из всего корпуса речей стали метафоры космической и апокалиптической тематики, описывающие климатический кризис на уровень планетарной и даже космической проблемы, подчеркивая экзистенциальный характер угрозы. Рассмотрим несколько соответствующих примеров.

1. Spaceship Earth (Космический корабль "Земля") - метафора, восходящая к Бакминстеру Фуллеру, активно использовавшаяся в аналитических комментариях о COP30.

2. The spaceship is on fire (Космический корабль в огне) - метафора, соединяющая природный и космический образы.

3. Climate apocalypse (Климатический апокалипсис) - метафора спикера Луис Инасиу Лула да Силва.

4. Sci-fi doomsday scenario (Научно-фантастический сценарий Судного дня) - метафора из аналитики о популистском дискурсе.

Метафора "Spaceship Earth" получила новое звучание в контексте COP30. Хайди Харт пишет: "The idea of 'Spaceship Earth,' popularized by Buckminster Fuller in the late 1970s, portrays the planet as a closed system with limited resources". В современном прочтении метафора акцентирует не только ограниченность ресурсов, но и отсутствие внешней помощи: "on a "spaceship" with finite resources, political paralysis is accelerating us toward irreversible tipping points". Метафора космического корабля в огне (the spaceship is on fire) соединяет природный и технологический образы, создавая уникальный гибрид.

Как видно из этих примеров метафоры данной группы подчеркивают ограниченность ресурсов, уязвимость человечества и отсутствие "запасной планеты"; таким образом создается эмоциональный фон чрезвычайной ситуации.

Известно, что интерес к изучению метафоры в политической коммуникации со стороны лингвистов обусловлен ее уникальной способностью не просто украшать речь, но активно воздействовать на сознание адресата, влиять на ценностные установки и менять восприятие действительности . В современной лингвистике метафора рассматривается не только как троп или стилистическое средство, но и как мощный инструмент речевого воздействия, обладающий значительным прагматическим потенциалом.

В филологическом поле на сегодняшний день достаточно много исследований, посвященных метафоре и ее функциям в текстах разных жанров. В рамках настоящего исследования упомянем тот факт, что вопрос о манипулятивном характере политической метафоры остается дискуссионным. О.С. Иссерс рассматривает метафору как инструмент речевого манипулирования. По их мнению, манипулятивный эффект достигается за счет того, что метафора представляет одно явление в терминах другого, скрывая определенные аспекты и высвечивая другие [4, с. 99]. Другие исследователи (например, М.М. Раевская и И.В. Селиванова [5]) подчеркивают, что метафора не всегда является инструментом манипуляции; она может выполнять и конструктивные функции - объяснение сложного, эмоциональное объединение аудитории, создание позитивной повестки. Мы считаем, что следующая, четвертая, выделенная нами группа метафор хорошо иллюстрирует данную концепцию.

Итак, социальные и театральные метафоры описывают COP30 как социальное действие, спектакль или ритуал, часто с ироническим подтекстом. Следующие примеры подтверждают данное высказывание.

1. Good COP, bad COP (Хороший полицейский, плохой полицейский) - игра слов, обыгрывающая аббревиатуру COP и классическую полицейскую тактику;

2. The COP30 Picnic: A Pantomime of Promises» (Пикник COP30: Пантомима обещаний) - заголовок критической статьи о результатах работы форума;

3. The global climate circus pitches its tent (Глобальный климатический цирк разбивает шатер) - ироническая метафора в статье о работе форума;

4. Promises served like canapés (Обещания, подаваемые как канапе) - метафора поверхностности и необязательности обязательств;

5. Vamos à luta! Parem de nos matar! (Мы здесь, чтобы бороться! Перестаньте нас убивать!) - лозунги, метафорически описывающие борьбу за выживание .

Вообще, представители коренных народов использовали принципиально иной метафорический ряд. Их язык апеллирует к телу, территории, крови и выживанию, как, например, “Parem de nos matar!” (Перестаньте нас убивать!), что в буквальном смысле говорит: “Остановите убийство нас” или еще пример: “The answer is us” (Ответ - это мы) - метафора коллективной субъектности. Представители корренных народов в речи используют также метафору “Since time immemorial” (С незапамятных времен), показывая глубину традиции и права на землю.

Как видно из примеров социальные метафоры выполняют критическую функцию, обнажая противоречия процесса и в тоже время снижая пафос официальных заявлений и возвращая дискуссию к реальным интересам участников.

Проведенный анализ метафорического измерения речей климатического саммита COP30 позволяет сформулировать ряд выводов, значимых как для понимания современного климатического дискурса, так и для теории политической метафоры.

Итак, метафорический репертуар выступлений на COP30 отражает глубокие противоречия современной климатической дипломатии. Выделенные четыре группы метафор - природные (стихийные), технократические, космические (апокалиптические) и социальные (театральные) - выполняют различные прагматические функции и обращены к разным аспектам восприятия аудитории.

Природные метафоры (огонь, вода, река) создают ощущение неотложности и визуализируют абстрактные климатические процессы, апеллируя к коллективному опыту человечества перед лицом стихии. Технократические и инфраструктурные метафоры (двигатель, педаль газа, кривая выбросов) выполняют принципиально иную функцию: они создают иллюзию управляемости процесса, снижают тревожность и апеллируют к рациональному мышлению. Космические и апокалиптические метафоры подчеркивают ограниченность ресурсов, уязвимость человечества и отсутствие «запасной планеты», создавая эмоциональный фон чрезвычайной ситуации. Социальные и театральные метафоры (цирк, пантомима, канапе) выполняют критическую функцию, обнажая противоречия дипломатического процесса и снижая пафос официальных заявлений.

В целом, метафорическое измерение COP30 демонстрирует, что язык климатической дипломатии находится в состоянии глубокой трансформации. С одной стороны, он пытается найти новые образы для описания беспрецедентного кризиса, с другой воспроизводит старые риторические стратегии, унаследованные от предшествующих десятилетий переговоров.

В целом, дальнейшие исследования метафорики климатического дис-

курса представляются значимыми не только для академической лингвистики, но и для понимания того, как язык формирует восприятие глобальных угроз и, в конечном счете, влияет на принятие политических решений. Как показал анализ COP30, метафоры - это не просто риторические украшения, а инструменты конструирования реальности, и от того, на каком языке мы говорим о климате, зависит и то, какие решения мы готовы принимать.

Библиографический список:

1. WILPF. COP30 in Review: Wins for Justice, Woes for Finance, Fossil Fuels, and Militarism // URL: https://www.wilpf.org/cop30-in-review-wins-for-justice-woes-for-finance-fossil-fuels-and-militarism/
2. Review of Democracy. Populism vs. the Planet: How COP30 Fell Apart // URL: https://revdem.ceu.edu/2025/12/02/how-cop30-fell-apart/
3. Consilium. Opening remarks by President António Costa at the COP30 plenary session // URL: https://www.consilium.europa.eu/lv/press/press-releases/2025/11/06/opening-remarks-by-president-antonio-costa-at-the-plenary-session-of-cop30/
4. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учебное пособие. – 3-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2013. 240 с.
5. Раевская М.М., Селиванова И.В. Прагматический потенциал метафоры в публичном выступлении (На материале рождественских речей испанского монарха Хуана Карлоса I) // Вестник Московского Университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 57-64.
6. Нестеров О.В. Информационно-аналитические системы как инструмент снижения операционных издержек промышленных предприятий // Альманах «Крым». 2025. № 49. С. 134-143.

Reference

1. WILPF. COP30 in Review: Wins for Justice, Woes for Finance, Fossil Fuels, and Militarism // URL: https://www.wilpf.org/cop30-in-review-wins-for-justice-woes-for-finance-fossil-fuels-and-militarism/
2. Review of Democracy. Populism vs. the Planet: How COP30 Fell Apart // URL: https://revdem.ceu.edu/2025/12/02/how-cop30-fell-apart/
3. Consilium. Opening remarks by President António Costa at the COP30 plenary session // URL: https://www.consilium.europa.eu/lv/press/press-releases/2025/11/06/opening-remarks-by-president-antonio-costa-at-the-plenary-session-of-cop30/
4. Issers O.S. Speech Impact: A Study Guide. 3rd ed., corrected. Moscow: Flinta: Nauka, 2013. 240 p.
5. Raevskaya M.M., Selivanova I.V. The Pragmatic Potential of Metaphor in Public Speaking (Based on the Christmas Speeches of the Spanish Monarch Juan Carlos I) // Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication. 2020. № 4. P. 57-64.
6. Nesterov O.V. Information and analytical systems (IAS) as a tool for reducing operating costs of industrial enterprises // Almanac "Crimea". 2025. № 49. P. 134-143.

Седень Е.А.
Магистрант. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Арзамазов А.А.
Доктор филологических наук, профессор кафедры русистики ИРЯ РУДН (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы), этноориентированной педагогики, цифровой дидактики. Руководитель Лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии Казанского научного центра РАН.

Постирония, языковая гибридность и метатекстуальность как стратегии культурного самоутверждения в тексте «Последний кылбур» Богдана Анфиногенова*

Аннотация. В статье рассматривается поэтический текст Богдана Анфиногенова «Последний кылбур», анализируются постирония, языковая гибридность и метатекстуальность как ключевые элементы его художественной организации, определяется их роль в формировании стратегии культурного самоутверждения. Особое внимание уделяется функционированию гибридного языкового кода и цифровых маркеров как средств репрезентации этнической идентичности в условиях социокультурной фрагментации. Автор показывает, что текст представляет собой синтетический феномен современной удмуртской словесности, в котором отражаются процессы трансформации этнофутуризма и особенности существования малых литератур в цифровую эпоху.

Ключевые слова: Богдан Анфиногенов, удмуртская литература, этнофутуризм, постирония, языковая гибридность, метатекстуальность, цифровая поэтика, культурная идентичность, лингвистическая деколонизация.

Seden E.A.
Master's student, Peoples' Friendship University of Russia.

Arzamazov A.A.
Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Studies, Peoples' Friendship University of Russia, Ethnic-oriented Pedagogy, Digital Didactics. Head of the Laboratory of Multivariate Humanitarian Analysis and Cognitive Philology of the Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

* © Седень Е.А., Арзамазов А.А., 2026.

Post-irony, linguistic hybridity and metatextuality as strategies of cultural self-assertion in Bogdan Anfinogenov's text "The last kylbur"

Abstract. The article examines Bogdan Anfinogenov's poetic text "The Last Kylbur." It analyzes post-irony, linguistic hybridity and metatextuality as key elements of its artistic structure and determines their role in shaping a strategy of cultural self-assertion. Particular attention is paid to the functioning of hybrid language and digital markers as means of representing ethnic identity under conditions of socio-cultural fragmentation. The author emphasizes that the text represents a synthetic phenomenon of contemporary Udmurt literature, reflecting the transformation of ethnofuturism and the specific features of minority literatures in the digital era.

Key words: Bogdan Anfinogenov, Udmurt literature, ethnofuturism, postirony, linguistic hybridity, metatextuality, digital poetics, cultural identity, and linguistic decolonization.

Введение

Статья посвящена анализу творчества Богдана Анфиногенова как феномена, органично вырастающего из удмуртского этнокультурного контекста и подводящего своеобразный итог развитию удмуртского этнофутуризма. В работе исследуется, каким образом характерная для удмуртской ментальности ирония трансформируется в его поэтике в сложную стратегию постиронии, выполняющую идентификационную и психорегулирующую функции. Мы рассматриваем произведения Анфиногенова как синтетическое явление, где происходит гармоничный синтез архаики (фольклор, мифология) и современности (постмодернистские практики, цифровая культура). Особое внимание уделяется языковой стратегии писателя: сознательное использование «ломанного» удмуртского, выученного во взрослом возрасте, анализируется не как недостаток, а как акт культурного самоутверждения и форма лингвистической деколонизации. Через призму таких категорий, как языковая гибридность (код-свитчинг, цифровая фонетическая мимикрия), метатекстуальность и автофикциональность, демонстрируется, как творчество Анфиногенова становится формой рефлексии над посттравматическим состоянием в условиях глобализации и культурной периферийности.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления трансформации этнических литератур в условиях цифровизации, глобализации и усиления процессов культурной фрагментации. Современное литературоведение всё чаще сталкивается с феноменами гибридных текстов, в которых национальная идентичность формируется не через нормативную

языковую модель, а через осознанное смешение кодов, постироническую дистанцию и метатекстуальную рефлексию. В этом контексте анализ творчества Богдана Анфиногенова позволяет выявить механизмы культурного самоутверждения малых народов в постинтернет-эпоху.

Цель исследования — установить и теоретически обосновать функционирование постиронии, языковой гибридности и метатекстуальности как взаимосвязанных стратегий культурного самоутверждения в тексте «Последний кылбур» и определить их роль в формировании модели постэтнической идентичности в условиях цифровой и социокультурной фрагментации.

Задачи исследования:

1. Проанализировать функции постиронии как механизма культурной рефлексии.

2. Выявить формы языковой гибридности и определить их идентификационную роль.

3. Описать проявления метатекстуальности и автофикциональности как стратегии саморепрезентации.

4. Рассмотреть влияние цифровой среды на художественную организацию текста.

Методы исследования:

– дискурсивный анализ (для выявления стратегий идентичности);

– метод close reading (для детального анализа поэтической структуры);

– интертекстуальный анализ (для выявления культурных кодов и отсылок);

– семиотический анализ (для интерпретации знаковых элементов цифровой поэтики);

– культурологический анализ (для осмысления текста в этнокультурном контексте).

Материалы исследования — поэтический текст Богдана Анфиногенова «Последний кылбур» (2024), опубликованный в цифровой среде.

Теоретическая база включает исследования по этнофутуризму (Арзамазов, Колчева, Завьялов), проблематике финно-угорской поэзии (Пантелеева), теории языковой гибридности (Ефимов, Зартдинова), феномену постмодернистской игры (Найденко и др.), метатекстуальности (Жолобова).

Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов при преподавании курсов по современной национальной литературе, теории постмодернизма, этнокультурной поэтике, цифровой словесности и спецсеминаров по финно-угорским литературам.

Удмуртский этнокультурный контекст и феномен Богдана Анфиногенова

Фигура Богдана Анфиногенова занимает особое место в современном

удмуртском литературном процессе. Его творчество не случайно появилось именно в удмуртском культурном контексте: имя и произведения Анфиногенова стали самостоятельным явлением, отразившим ряд ключевых тенденций развития удмуртской литературы и этнического самосознания.

Во-первых, характерной чертой удмуртской ментальности - как и ментальности многих финно-угорских народов - является ироничное отношение к жизни. Ирония в данном случае выступает не просто художественным приёмом, а способом мировосприятия, своеобразным механизмом психологической и культурной саморегуляции. Для удмуртов, составляющих около трети населения своей республики, чувство иронии во многом становится ответной реакцией на внутреннюю фрустрацию, связанную с нереализованностью общественных и культурных проектов, а также с ограниченными возможностями для их развития. В литературе и культуре эта ироничность проявляется как форма осмысления собственной этнической идентичности и одновременно - как инструмент сохранения самоиронии и достоинства в условиях культурной периферийности.

Во-вторых, Богдан Анфиногенов принадлежит к числу последних крупных удмуртских авторов, чьё творчество непосредственно связано с направлением удмуртского этнофутуризма. Это течение, зародившееся в 1990-е годы и затем активно развивавшееся среди финно-угорских народов, объединило художников, поэтов и писателей, стремившихся соединить глубинные пласты этнической мифологии и фольклора с постмодернистскими художественными практиками.

Как отмечает Арзамазов А.А.: «Писатели, творящие преимущественно на границах этнофутуризма, создали культурный феномен. Они являются (в осознанно-неосознанном взаимодействии?) участниками проекта противостояния глобализации и одновременно в танце этого противостояния вовлекаются в её разрушительный грандиозный спектакль. По сути, современная удмуртская словесность развивается в двух, казалось бы, несовместимых направлениях - направлениях Начала и Конца» [5]. Эта мысль точно отражает двойственную природу творчества Анфиногенова: его произведения балансируют между архаикой и современностью, между сохранением и разрушением, между началом и концом культурного цикла. Писатель одновременно выступает как хранитель традиции и её переосмыслитель, превращая сам процесс письма в форму этнокультурного диалога.

В этом контексте творчество Анфиногенова можно рассматривать как завершающий и во многом синтетический этап развития удмуртского этнофутуризма. Его произведения демонстрируют глубокое знание этнопоэтической традиции, умелое переосмысление фольклорных мотивов и ироничную игру с этническими кодами.

В то же время важно учитывать, что этнофутуризм как культурное яв-

ление выходит за рамки только литературы и «высокого искусства». Как справедливо отмечается в работе Б.В. Анфиногенова, этнофутуризм как явление массовой культуры, проявляющейся в этнодискотеках, экспериментах в поп-музыке, кино, направлен на популяризацию этничности. Он говорит о том, что для того, чтобы пользоваться благами цивилизации, входить в городскую жизнь, не обязательно нужно переходить на язык большинства, отказываться от своих традиций: возможен путь трансформации, гармоничного синтеза [6].

Именно этот принцип гармоничного синтеза традиции и модерна воплощён в поэтике Анфиногенова. Его обращение к удмуртскому языку - не акт архаизации, а форма культурного обновления, попытка доказать, что этничность может быть динамичной, современной и интеллектуально насыщенной.

Особое значение имеет тот факт, что сам автор выучил удмуртский язык уже во взрослом возрасте. Это обстоятельство обусловило своеобразную «гипер-удмуртскость» его поэтики: осознанное обращение к языку предков стало для него не просто художественным выбором, а актом культурной самоидентификации. Таким образом, язык в его творчестве превращается в символ возрождённой этничности, многослойной и многомерной по своему смыслу.

Анфиногенов выступает не только как писатель и поэт, но и как культурный медиатор, соединяющий традиционное и современное, локальное и универсальное. Его творчество — это одновременно итог и продолжение удмуртского этнофутуризма, где прошлое и будущее сливаются в едином культурном коде.

1. Постирония как стратегия культурного самоутверждения

Постирония в тексте Анфиногенова выполняет не только художественную, но и идентификационную функцию. Она выражается в особом типе иронического высказывания, которое не направлено на разрушение смысла или дистанцирование от предмета речи, а, напротив, служит способом его восстановления и переосмысления. Ирония здесь не цинична и не обесценивающа; она сохраняет эмоциональное ядро высказывания, позволяя субъекту одновременно признавать собственную уязвимость и утверждать право на голос.

Речевое несовершенство лирического героя («Все ржут, когда я по-удмуртски, / пытаюсь что-то говорить») превращается в осознанную поэтическую позицию. Оно не скрывается и не компенсируется, а, напротив, демонстративно выносится в центр художественного высказывания. Тем самым «ломаный» язык предстает не как признак слабости или некомпетентности, а как проявление языковой травмы и одновременно как попытка её преодоления. В этой точке и возникает постироническое напряжение:

субъект одновременно смеётся над собой и отказывается от самоотрицания.

Строки «Как я на ломаном удмуртском / стихотворенья говорю» [4] фиксируют этот парадокс. С одной стороны, здесь присутствует ироническая дистанция — герой осознаёт несовершенство своей речи; с другой — высказывание наполнено внутренней серьёзностью и стремлением к подлинности. Постирония позволяет удерживать оба плана одновременно: и игровой, и искренний. В результате возникает эффект двойной оптики, при котором ирония не отменяет искренность, а делает её более сложной и многослойной.

Подобная стратегия перекликается с характеристиками постмодернистской игры, описанной в исследованиях Найденко и др. (2023), где граница между искренностью и иронической маской оказывается размытой. Однако в тексте Анфиногенова постирония выходит за пределы чисто эстетической игры: она становится способом утверждения культурной идентичности. Субъект не прячется за маской иронии, а использует её как форму защиты и одновременно как средство самообнаружения. Тем самым постирония трансформируется в механизм культурного самоутверждения, позволяющий говорить о травматичном опыте не через прямое признание, а через сложную, многослойную художественную форму.

2. Языковая гибридность как отражение культурной фрагментации

Текст демонстрирует множественные формы языкового код-свитчинга: русский язык, фрагменты удмуртского, элементы интернет-сленга, заимствования и аллюзии на массовую культуру. Эти языковые «сдвиги» не являются результатом недостаточной компетенции, напротив - они отражают посттравматическое состояние культуры и служат маркером идентичности (см. Ефимов, Зартдинова, 2025).

Пример: удмуртская вставка «Быриз, быриз кызо нюлэс» [4] (Тише, тише - нет леса) подчеркивает разрушение органической языковой среды и её эмуляцию в тексте. Такое речевое «ломание» становится знаком утраты и одновременно символом сопротивления глобальному лингвистическому давлению.

Интересной является и цифровая фонетическая мимикрия: «жалЯса верано», где звуковая неправильность становится выразительным средством. Исследователи отмечают, что гибридизация может выполнять как прагматическую, так и экспрессивную функцию (Ефимов, Зартдинова, 2025).

В данном случае:

• Прагматическая - помогает автору установить контакт с аудиторией, демонстрируя неформальность, принадлежность к определённому культурному или цифровому сообществу, создаёт эффект «своего» языка.

• Экспрессивная - усиливает индивидуальный стиль, передаёт ироничное или игровое настроение, подчеркивает характер героя или эмоцио-

нальное состояние говорящего.

Таким образом, цифровая фонетическая мимикрия становится не просто элементом «сетевого жаргона», а новой формой художественной выразительности, отражающей динамику языка в цифровой среде и гибридизацию современного культурного кода.

3. Метатекстуальность и автофикциональность

Лирический субъект в тексте «Последний кылбур» не просто артикулирует опыт маргинализированной идентичности, но и постоянно рефлексирует над самим актом речи. В этом выражается метатекстуальность, которая, по определению Жолобовой (2012), является способом комментирования, интерпретации и осмысления как собственного, так и чужого текста:

«Идешь послушать, словно к алтарю, / как я на ломаном удмуртском / стихотворенья говорю:)» [4].

Смайлик в конце строки - явный признак цифровой лексики и способ передачи эмоциональности, характерный для интернет-дискурса. Он делает высказывание одновременно ироничным и уязвимым, демонстрируя двойную дистанцию: от себя, от аудитории, от культурной нормы.

Присутствие метатекста позволяет субъекту выходить за пределы прямого высказывания, осмысляя не только содержание речи, но и сам акт говорения — его условия, ограничения и внутренние противоречия. Лирический герой рефлексирует над тем, на каком языке он говорит, почему он говорит именно так и как его речь воспринимается окружающими. Таким образом, в центре внимания оказывается не только то, *что* сказано, но и *как* и *в каких обстоятельствах* это становится возможным. Говорение на «ломаном» удмуртском перестаёт быть простым коммуникативным актом и превращается в культурный жест, требующий осознания и интерпретации.

Метатекстуальность в данном случае функционирует как способ проблематизации самой языковой ситуации. Субъект оказывается в пространстве двуязычия и культурной асимметрии, где каждый выбор языка связан с вопросами принадлежности, легитимности и самоопределения. Рефлексируя над собственной речью, он тем самым демонстрирует сложность своего положения: удмуртский язык для него одновременно родной и приобретённый, близкий и освоенный заново. Эта двойственность порождает необходимость постоянного самокомментирования. В результате метатекстуальность становится не просто структурной особенностью текста, а формой существования субъекта в языковом пограничье.

Через метатекст раскрывается внутренняя драма высказывания: право говорить на удмуртском языке оказывается неочевидным, требующим подтверждения и оправдания. Однако именно эта рефлексия и превращает речь в акт самоутверждения. Субъект осознаёт свою позицию и тем самым утверждает её. В этом проявляется глубинная связь метатекстуальности и

идентичности: осмысление речи становится способом осмысления себя.

В таком контексте Анфиногенов выступает не только как писатель и поэт, но и как культурный медиатор. Он соединяет традиционное и современное, локальное и универсальное, фольклорные коды и цифровую эстетику. Его творчество разворачивается на пересечении нескольких культурных пластов: этнической памяти, постмодернистской иронии и постинтернет-чувствительности. Благодаря этому тексты Анфиногенова одновременно подводят итог развитию удмуртского этнофутуризма и продолжают его в новом культурном измерении.

Если классический этнофутуризм стремился к синтезу архаики и модерна, то в творчестве Анфиногенова этот синтез усложняется цифровым измерением. Прошлое и будущее сливаются в едином культурном коде, но этот код уже не монолитен — он гибриден, фрагментарен и рефлексивен. Именно поэтому метатекстуальность становится одним из ключевых механизмов художественного мышления автора: она фиксирует процесс постоянного переосмысления традиции в условиях современности и позволяет говорить о переходе к новому этапу развития национальной словесности.

Заключение

Проведённое исследование позволило рассмотреть текст Богдана Анфиногенова «Последний кылбур» как сложное художественное явление, в котором поэтика напрямую связана с проблемами этнической идентичности, языкового выбора и цифровой трансформации культуры. Анализ показал, что произведение выходит за рамки частного авторского высказывания и отражает более широкий процесс переосмысления этничности в условиях глобализации и цифровой среды.

В результате исследования сформулированы следующие выводы.

Во-первых, постирония в тексте выполняет не разрушительную, а созидательную функцию. Она не обесценивает высказывание, а, напротив, позволяет восстановить подлинность переживания через признание собственной уязвимости. Речевая «несовершенность» лирического субъекта становится осознанной художественной позицией и способом самоутверждения. Тем самым решена задача выявления функций постиронии как механизма культурной рефлексии и идентификации.

Во-вторых, языковая гибридность (код-свитчинг, удмуртские вставки, элементы цифровой фонетики, обращения к массовой культуре) предстает как осмысленная стратегия. Она выражает состояние культурной фрагментации, но одновременно служит формой сопротивления ассимиляционным процессам. Таким образом, решена задача определения роли языковой гибридности: гибридный код в тексте выступает не признаком дефицита, а способом утверждения культурной субъектности.

В-третьих, метатекстуальность и автофикциональность формируют пространство постоянной саморефлексии. Лирический субъект осознаёт собственный речевой жест, комментирует его и тем самым выстраивает дистанцию между собой и культурной нормой. Это позволяет говорить о метатекстуальности как о стратегии саморепрезентации, через которую этническая идентичность осмысляется как процесс, а не как статичная данность.

В-четвёртых, влияние цифровой среды оказывается принципиальным для художественной организации текста. Сетевые маркеры, смайлики, элементы интернет-дискурса и поп-культурные аллюзии становятся не внешним украшением, а частью поэтической структуры. Тем самым решена задача анализа цифрового контекста: цифровая поэтика формирует новое пространство выражения этнического опыта.

Таким образом, текст «Последний кылбур» представляет собой лингвокультурный артефакт, в котором постирония, языковая гибридность и метатекстуальность образуют целостную стратегию культурного самоутверждения. Удмуртский рэп в интерпретации Анфиногенова можно рассматривать как форму лингвистической деколонизации — попытку через «ломаный», уязвимый язык заявить о собственной культурной субъектности. В этом контексте гибридность оказывается не признаком распада, а способом существования культуры в условиях многокодовости современного мира. Автор не просто использует нестандартные речевые формы, но превращает их в художественный инструмент культурного выживания.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением сравнительного материала и включением в анализ текстов других финно-угорских авторов, работающих в цифровой среде. Представляется важным дальнейшее изучение феномена постэтнофутуризма как этапа развития национальных литератур, а также исследование гибридных языковых стратегий в современной рэп-поэзии и постинтернет-творчестве. Отдельного внимания заслуживает междисциплинарный анализ взаимодействия цифровых медиа и этнической идентичности, что позволит глубже понять механизмы формирования культурной субъектности в трансформирующемся лингвопространстве.

В целом проведённое исследование позволяет рассматривать «Последний кылбур» не только как отдельный художественный текст, но и как симптом более широких процессов, происходящих в современной национальной словесности. Произведение Анфиногенова демонстрирует, что этническая идентичность в цифровую эпоху формируется через гибридность, рефлексию и осознанную языковую уязвимость. Тем самым текст фиксирует переход от традиционного этнофутуризма к новой модели культурного самоосмысления, в которой «ломаный» язык, постирония и метатекстуальность становятся средствами утверждения культурной субъектности. Это

позволяет уточнить представления о механизмах существования малых литератур в условиях глобальной многокодовости и расширяет поле современного литературоведческого анализа.

Библиографический список:

1. Найденко М.К., Найденко Е.А., Мишина Т.В. Культурологические трансформации феномена игры в эпоху постмодерна // Культурная жизнь Юга России. 2023. № 2 (89). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskie-transformatsii-fenomena-igry-v-epohu-postmoderna-1 (Дата обращения: 04.06.2025).
2. Ефимов Д.К., Зартдинова Ю.А. Языковая гибридизация: теоретические аспекты и особенности билингвизма // Ученые записки Шадринского государственного педагогического университета. 2025. № 1. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-gibridizatsiya-teoreticheskie-aspekty-i-osobennosti-bilingvizma (Дата обращения: 01.06.2025).
3. Жолобова Ю.С. Возможные подходы к определению понятия метатекстуальности // Известия Алт-ГУ. 2012. № 2-1. С. 176-180. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnye-podhody-k-opredeleniyu-ponyatiya-metatekstualnosti (Дата обращения: 23.06.2025).
4. Анфиногенов Б. Последний кылбур (текст песни). 2024. // URL: https://vk.com/wall-48568293_322 (Дата обращения: 01.06.2025).
5. Арзамазов А.А. Феномен визуального в современной удмуртской поэзии // Удмуртский государственный университет. 2010.
6. Анфиногенов Б.В. Этнофутуризм и этнические проблемы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 7-1. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnofuturizm-i-etnicheskie-problemy (Дата обращения: 09.11.2025).
7. Арзамазов А.А. Поэзия финно-угорских народов Урало-Поволжья: внешние вызовы, внутренние трансформации, новые смыслы. – Казань, Издательство АН РТ, 2023. 388 с.
8. Арзамазов А.А. Удмуртская поэзия второй половины 1970 – начала 2010-х годов: человек, природа, город. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, Институт компьютерных исследований, 2015. 336 с.
9. Завьялов С.А. Сквозь мох беззвучия: поэзия восточнофинского этнофутуризма // Новое литературное обозрение. 2007. № 85. С. 339-353.
10. Колчева Э.М. Этнофутуризм как явление культуры. – Йошкар-Ола, Мар. гос. у-нт., 2008. 164 с.
11. Пантелеева В. Г. Удмуртская поэзия рубежа XX–XXI вв: жанрово-стилевые и образные модификации // Studia Litterarum. 2019. Т. 4. № 1. С. 286-309.

Reference

1. Naidenko M.K., Naidenko E.A., Mishina T.V. Culturological transformations of the phenomenon of play in the postmodern era // Cultural life of the South of Russia. 2023. № 2 (89). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskie-transformatsii-fenomena-igry-v-epohu-postmoderna-1 (04.06.2025).
2. Efimov D.K., Zartdinova Yu.A. Language hybridization: theoretical aspects and features of bilingualism // Scientific notes of the Shadrinsk State Pedagogical University. 2025. № 1. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-gibridizatsiya-teoreticheskie-aspekty-i-osobennosti-bilingvizma (01.06.2025).
3. Zholobova Yu.S. Possible approaches to defining the concept of metatextuality // Bulletin of Altai State University. 2012. № 2-1. P. 176-180. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnye-podhody-k-opredeleniyu-ponyatiya-metatekstualnosti (23.06.2025).
4. Anfinogenov B. The Last Kylbur (song lyrics). 2024. // URL: https://vk.com/wall-48568293_322 (01.06.2025).
5. Arzamazov A.A. The Phenomenon of the Visual in Contemporary Udmurt Poetry // Udmurt State University. 2010.
6. Anfinogenov B.V. Ethnofuturism and Ethnic Problems // Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences. 2015. № 7-1. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnofuturizm-i-etnicheskie-problemy (09.11.2025).
7. Arzamazov A.A. Poetry of the Finno-Ugric Peoples of the Ural-Volga Region: External Challenges, Internal Transformations, New Meanings. – Kazan, Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2023. 388 p.
8. Arzamazov A. A. Udmurt Poetry of the Second Half of the 1970s – Early 2010s: Man, Nature, City. – Izhevsk: UiYaL UrB RAS, Institute of Computer Research, 2015. 336 p.
9. Zavyalov S. A. Through the Moss of Soundlessness: The Poetry of East Finnish Ethnofuturism // New Literary Review. 2007. № 85. P. 339-353.
10. Kolcheva E. M. Ethnofuturism as a Cultural Phenomenon. – Yoshkar-Ola, Mari State University, 2008. 164 p.
11. Panteleeva V. G. Udmurt poetry at the turn of the 20th–21st centuries: genre-stylistic and figurative modifications // Studia Litterarum. 2019. Vol. 4. № 1. P. 286-309.

Хайдарова Ф.У.

Кандидат филологических наук кафедры теории и практики английского языка факультета иностранных языков ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова», Республика Таджикистан, г. Худжанд.

Сравнительный анализ структурных особенностей местоименных словосочетаний в таджикском и английском языках*

Аннотация. В статье рассматриваются структурные особенности местоимённых словосочетаний в таджикском и английском языках в сопоставительном аспекте. Основное внимание уделяется классификации местоимённых словосочетаний, их морфологическому и синтаксическому строению, а также функциям в предложении. Анализируются сходства и различия в позиционном расположении местоимений, способах согласования и управления, а также в их взаимодействии с именными и глагольными компонентами словосочетаний. Материал исследования основан на примерах из художественных и публицистических текстов двух языков. В результате выявляются типологические особенности таджикского и английского языков, обусловленные их принадлежностью к различным языковым системам, что позволяет углубить понимание специфики местоимённых конструкций и может быть использовано в теории перевода, контрастивной лингвистике и практике преподавания иностранных языков.

Ключевые слова: местоимённые словосочетания, неопределённые местоимения, личные местоимения, адъюнкт, ядро, изафет, примыкание, сопоставительный анализ, английский язык, таджикский язык.

Haidarova F.U.

Candidate of Philological Sciences of the Department of Theory and practice of English Language, Faculty of Foreign Languages, SEI "Khujand State University named after academician B. Gafurov", Khujand, Republic of Tajikistan.

A comparative analysis of the structural features of pronominal word combinations in Tajik and English

Abstract. The article examines the structural features of pronominal word com-

* © Хайдарова Ф.У., 2026.

binations in the Tajik and English languages from a comparative perspective. Special attention is paid to the classification of pronominal phrases, their morphological and syntactic structure, as well as their functions within the sentence. Similarities and differences in the positional arrangement of pronouns, agreement and government patterns, and their interaction with nominal and verbal components of word combinations are analyzed. The research material is based on examples taken from literary and journalistic texts in both languages. As a result, typological characteristics of the Tajik and English languages, determined by their belonging to different language systems, are identified. The findings contribute to a deeper understanding of the specificity of pronominal constructions and may be applied in translation theory, contrastive linguistics, and the practice of foreign language teaching.

Key words: pronominal word combinations, indefinite pronouns, personal pronouns, adjunct, head, izafet, adjunction, contrastive analysis, English language, Tajik language.

Современная лингвистика проявляет устойчивый интерес к сопоставительному изучению языков, что обусловлено необходимостью выявления как универсальных, так и специфических языковых явлений. Особое место в этом контексте занимает анализ местоимений и местоименных словосочетаний, поскольку данные единицы обладают высокой частотностью и выполняют важные коммуникативные функции.

Несмотря на наличие исследований, посвящённых грамматике таджикского и английского языков, структурные особенности местоименных словосочетаний в сопоставительном аспекте остаются недостаточно изученными, что и определяет актуальность настоящего исследования.

Изучение местоимённых словосочетаний является важной частью синтаксического анализа, как в таджикском, так и в английском языках. Ученые разных направлений уделяли внимание классификации местоимений, их синтаксическим функциям и особенностям в контексте словосочетаний [12; 13; 14; 15; 16].

В теоретическом плане изучение местоимённых словосочетаний опирается на работы ряда отечественных и зарубежных лингвистов. Так, В. Бархударов акцентировал внимание на роли местоимений как ядра словосочетания и их синтаксической связи с зависимыми элементами. Он выделял различие между субстантивными и адъективными местоимениями, указывая на их способность формировать устойчивые синтаксические конструкции, что является основой для сопоставительного анализа различных языков. Подход В. Бархударова позволяет систематизировать местоимения не только по морфологическим признакам, но и по функциональной нагрузке в составе словосочетания [1].

В. Виноградов развивал представления о синтаксических и стилистиче-

ских функциях местоимений, подчеркивая их семантическую обобщенность и ограниченные словообразовательные возможности. Его исследования помогают понять, каким образом личные, указательные, вопросительные и неопределённые местоимения функционируют в предложении и словосочетании, а также каким образом они соотносятся с зависимыми компонентами. Идеи Виноградова особенно полезны при сопоставлении английских и таджикских местоимённых конструкций, где наблюдаются как сходства, так и различия в позиционировании и согласовании элементов [3].

В. Бурлакова внес значительный вклад в изучение структуры словосочетаний, исследуя способы связи между ядром и адъюнктом. Он выделял такие механизмы, как связь с помощью предлога, согласование и примыкание, что позволяет объяснить различия между английскими местоимёнными словосочетаниями с предлогами («of», «like») и таджикскими конструкциями с изафетом или другими средствами связи. Теоретические положения В.Бурлакова дают возможность выявлять закономерности построения местоимённых словосочетаний и обосновывать их сравнительные характеристики в разных языках [2].

В синтаксической структуре местоимённых словосочетаний особую роль играет иерархия компонентов, в рамках которой выделяются ядро и адъюнкт. Ядро, как правило, представлено местоимением, обладающим более высокой синтаксической автономией, тогда как адъюнкт конкретизирует или уточняет его значение. Подобная организация отражает общие закономерности построения словосочетаний в языках различного типологического строя, однако в каждом языке она реализуется специфическими формально-грамматическими средствами.

Местоименные словосочетания представляют собой одну из ключевых категорий синтаксического уровня языка, играя важную роль в выражении отношения принадлежности, указания и замещения номинативных единиц. Они представляют собой синтаксические единицы, состоящие из местоимения и зависимого слова, чаще всего выражающего уточнение или принадлежность.

Целью данной статьи является выявление и анализ структурных особенностей местоименных словосочетаний в таджикском и английском языках, на основе сопоставления их формальной организации и функциональных характеристик.

Исследование структурных особенностей местоименных словосочетаний в таджикском и английском языках позволяет выявить как общие закономерности, так и уникальные грамматические черты каждого языка, что особенно актуально в контексте сопоставительной лингвистики и межкультурной коммуникации.

Степень синтаксической связанности компонентов местоимённого

словосочетания в таджикском и английском языках неодинакова. В таджикском языке формальные показатели связи (прежде всего изафет) способствуют большей структурной интеграции компонентов, тогда как в английском языке аналогичные отношения выражаются преимущественно за счёт линейного порядка слов, что придаёт словосочетаниям более аналитический характер.

Как известно, в зависимости от выполняемой функции местоимения подразделяются на субстантивные и адъективные. Местоимения первого типа по своим грамматическим и синтаксическим свойствам соотносятся с существительными, тогда как местоимения второго типа функционируют подобно прилагательным.

Следует подчеркнуть, что разграничение субстантивных и адъективных местоимений имеет принципиальное значение для анализа структуры словосочетаний, поскольку именно функциональный статус местоимения определяет его позицию в словосочетании и характер синтаксической связи с зависимым компонентом. Субстантивные местоимения, обладая номинативной функцией, способны формировать словосочетания, в которых они выступают в роли ядра и подчиняют себе адъюнкт. Адъективные местоимения, напротив, лишены синтаксической самостоятельности и функционируют исключительно в позиции зависимого компонента.

В сопоставляемых языках данное противопоставление реализуется поразному. В английском языке адъективные местоимения характеризуются строгой препозицией по отношению к существительному и не допускают вариативности порядка компонентов. В таджикском языке адъективные местоимения также преимущественно занимают препозицию, однако формальная связь с существительным может оформляться как с помощью изафета, так и посредством примыкания, что свидетельствует о большей структурной гибкости. Например:

I don't know what happened to him after that [11, C. 130]. – Я не знаю, что с ним произошло после этого. Ман намедонам, ки баъди он ба ӯ чӣ руй дод [4, C. 128].

В данном примере в обоих языках местоимения **«what - чӣ», «him - ӯ», «that - он»** употреблены как имена существительные в синтаксических функциях подлежащего **(what - чӣ)**, дополнения **(him - ба ӯ)** и обстоятельства **(after that - баъди он)**. Такие местоимения считаются субстантивными местоимениями. В следующих примерах рассматриваются адъективные местоимения:

All these *outsiders could go up and speak to him and he would lay* ***his*** *hand on* ***their*** *children's hair [11, C. 210] - Все эти чужаки могли подойти и поговорить с ним, и он кладил руку на волосы их детей. Ҳамаи ин бегонагон ба пеши ҳазрати Монтанелли рафта бо ӯ сӯҳбат карда метавонистанд ва ӯ*

бо дасти худ сари бачаҳои онҳоро сила мекард [4, С. 209].

В данном примере местоимения **«all - ҳама», «these - ин», «his - худ» и «their - онҳо»**, находясь рядом с существительными **«outsiders - бегонагон», «hand - даст»** и **«children - бачаҳо»**, определяют их, т.е. подобно прилагательному выступают в функции определения. По этой причине они относятся к категории **адъективных местоимений**.

Следует подчеркнуть, что некоторые местоимения могут выступать как в роли существительных, так и в роли прилагательных, в зависимости от их распределения и синтаксической позиции в составе предложения или словосочетания.

Анализ материалов показывает, что в таджикском и английском языках субстантивные местоимения, выступая в роли ядра словосочетания, формируют местоимённые словосочетания, демонстрируя сходные структурные свойства в обоих языках.

В представленном материале выделяются следующие структурные модели местоимённых словосочетаний:

1) Pron+Prep+N: *some of the chairs [10, С. 210] – некоторые из стульев – баъзе аз курсиҳо (перевод информантов), somebody from the office [10, С. 211] – кто-то из офиса – касе (ким-кӣ) аз идора (перевод информантов), all of the toys [10, С. 29] – все игрушки – ҳамаи бозичаҳо (перевод информантов), neither of my friends [10, С. 97] – ни один из моих друзей – ҳеҷ яке аз дӯстонам (перевод информантов), one of the nights [10, С. 257] – одна из ночей – яке аз он шабҳо (перевод информантов).*

Анализ представленных словосочетаний английского языка показывает, что их ядром выступают неопределённые местоимения, которые в таджикском языке соответствующим образом передаются через неопределённые или отрицательные местоимения. Связь между компонентами словосочетания, как правило, выражается с помощью предлога **«of»** в английском языке и предлога **«аз»** в таджикском. В ряде случаев используются и другие предлоги, что наглядно иллюстрируют следующие примеры: *somebody in the room* - кто-то в комнате - касе дар хона; *anyone from the east* - кто-то с востока - касе аз ҷануб; *something on the table* - что-то на столе - чизе дар рӯи миз и др.

Следует отметить, что в рамках данной модели наблюдается определённая степень структурной симметрии между английским и таджикским языками, обусловленная использованием предлогов в обоих языках. Однако при внешнем сходстве конструкций их внутренняя организация не является тождественной. В английском языке предлог «of» обладает высокой степенью грамматикализации и функционирует как универсальное средство выражения отношений принадлежности и части целого. В таджикском языке предлог «аз» сохраняет более конкретное лексическое значение, что

влияет на семантическую интерпретацию словосочетания.

Кроме того, в таджикском языке в ряде случаев возможна конкуренция предложной конструкции с изафетной формой, что расширяет парадигму структурных вариантов местоимённых словосочетаний и отсутствует в английском языке.

2. Pron+Prep+Pron. Например: *any of it [9, C. 24] – любой из этого - ҳар яки он (перевод информантов), most of them [9, C. 25] – большинство из них - бештари онҳо (перевод информантов), either of them [9, C. 118] – любой из них - ҳар яке аз онҳо (перевод информантов), anything about him [9, C. 118] – что-либо о нём - чизе дар бораи ӯ (перевод информантов), some of them [9, C. 95] – некоторые из них - баъзе аз онҳо (баъзеи онҳо) (перевод информантов), which of them [9, C. 235] – который из них - кадоми онҳо (перевод информантов), one of those [9, C. 257] – один из тех - яке аз онон (перевод информантов), none of them [9, C. 836] – никто из них / ни один из них - ҳеҷ яке аз онҳо (ҳеҷ яки онҳо) (перевод информантов)* и др.

Анализ показывает, что в качестве ядра рассматриваемой модели преимущественно выступают английские неопределённые местоимения, которые передаются на таджикский язык посредством соответствующих неопределённых местоимений. Кроме того, возможно употребление вопросительных местоимений в обоих языках.

В рассматриваемой модели основным средством связи адъюнкта с ядром является предлог **«of»**, однако в этой функции встречаются и другие предлоги. В таджикском переводе соответствующую функцию выполняет либо изафет **«-и»**, либо предлог **«аз»**.

В подобных словосочетаниях в качестве адъюнкта могут выступать личные местоимения в объектном падеже, а также, в редких случаях, указательное местоимение в субстантивной функции.

В таджикском языке, ввиду отсутствия падежных форм у личных местоимений английского языка, эта функция передаётся посредством личных местоимений в исходной форме. В качестве средства связи могут использоваться предлог **«аз»** или изафет **«-и»**, что на практике проявляется в выражениях: **«баъзе аз онҳо - некоторые из них»**, **«баъзеи онҳо - некоторые из них»**, **«ҳар яке он - каждый из них»**, **«ҳар яке аз он - каждый из них»**, **«ҳеҷ яке аз онҳо - ни один из них»**, **«ҳеҷ яки онҳо - ни один из них»**.

Кроме того, в этой модели возможна реализация с другими предлогами. Последовательность компонентов в сопоставляемых языках совпадает: ядро располагается на первом месте, адъюнкт — на втором.

3. Pron+Pron: *all that [10, C. 256] – всё это- ҳамаи он (перевод информантов), all this [10, C. 195] – всё это - ҳамаи ин (перевод информантов), we all [10, C. 112] – мы все - мо ҳама, which one [10, C. 19] – который из них - кадоми он (перевод информантов)* и др.

В данной модели ядро чаще всего выражается неопределёнными, личными или вопросительными местоимениями, тогда как адъюнкт представлен указательным или неопределённым местоимением. Связь между компонентами таких словосочетаний осуществляется посредством примыкания.

Для данной модели характерна высокая степень семантической слитности компонентов, что обусловлено отсутствием формальных показателей связи. В английском языке примыкание является основным способом соединения компонентов, тогда как в таджикском языке примыкание нередко сочетается с изафетной связью, что приводит к появлению структурных вариантов при сохранении идентичного семантического содержания.

Позиционная устойчивость компонентов в этой модели также различается: если в английском языке нарушение порядка компонентов невозможно, то в таджикском языке допускаются ограниченные варианты перестановки, не приводящие к разрушению грамматической структуры словосочетания.

В таджикском языке также встречаются подобные словосочетания. В них ядро выражается неопределёнными, личными или вопросительными местоимениями, а адъюнкт — указательными или неопределёнными местоимениями. Связь между ядром и адъюнктом обеспечивается либо с помощью изафета **«-и»**, либо посредством примыкания. В обоих языках ядро занимает препозицию.

4. Pron+Prep+Pron: *anything like this [11, C. 30] – что-то вроде этого - чизе чун он (перевод информантов), somebody like you [11, C. 19] – кто-то вроде тебя - касе чун ту (перевод информантов), something like that [11, C. 88] – что-то вроде того - чизе чун он (перевод информантов).*

В рассматриваемой модели ядро чаще всего представлено неопределённым местоимением, которое связывается с адъюнктом посредством предлога **«like»**. Адъюнкт выражается личным или указательным местоимением. В таджикском языке аналогичное словосочетание формируется с помощью неопределённого местоимения в функции ядра и указательного либо личного местоимения в роли адъюнкта, а средством связи служит предлог **«чун»**. В обоих языках адъюнкт занимает постпозицию.

По мнению С. Абдурахимова, в таджикском языке личные местоимения в сочетании с существительными, прилагательными или причастиями формируют особый тип местоимённых словосочетаний, не имеющий аналогов в английском языке. В качестве примеров он приводит следующие конструкции: **мани журналист** (я как журналист), **мани модар** (я как мать), **туи деҳқон** (ты как крестьянин), **мани нодон** (я как невежественный), **мани муйсафед** (я как пожилой) [5, С. 70]. В этих словосочетаниях компоненты

связываются посредством изафета, при этом ядро предшествует адъюнкту. Такие словосочетания можно приблизительно перевести на английский язык как: *I as a journalist - я как журналист*, *I as a mother - я как мать*, *you as a peasant - ты как крестьянин*, *I being ignorant - я как невежественный*, *I being old - я как пожилой* и т.д.

В данных словосочетаниях компоненты связываются посредством изафета, при этом ядро предшествует адъюнкту. Эти конструкции можно приблизительно перевести на английский язык следующим образом: *I as a journalist (я как журналист), I as a mother (я как мать), you as a peasant (ты как крестьянин), I being ignorant (я как невежественный), I being old (я как пожилой)* и т.д.

Таким образом, рассмотренные структурные модели местоимённых словосочетаний демонстрируют, что при общем функциональном сходстве их формальная организация в таджикском и английском языках определяется различными грамматическими механизмами. Совпадение отдельных моделей носит преимущественно поверхностный характер и не отменяет глубинных типологических различий, проявляющихся в способах синтаксической связи, позиционном распределении компонентов и степени морфологической выраженности отношений зависимости.

Проведённый анализ местоимённых словосочетаний в английском и таджикском языках позволяет сделать вывод об их сравнительно ограниченной продуктивности по сравнению с субстантивными и адъективными словосочетаниями. Это обусловлено спецификой местоимений как части речи, их семантической обобщённостью и ограниченными словообразовательными возможностями.

В обоих языках местоимённые словосочетания характеризуются устойчивым порядком компонентов, при котором ядро, как правило, занимает препозицию по отношению к адъюнкту. При этом средства связи между компонентами различаются: в английском языке доминируют предлоги и приём примыкания, тогда как в таджикском языке важную роль играет изафет, наряду с примыканием и предлогами.

Библиографический список:

1. Бархударов Л.С. Грамматика английского языка / Л.С. Бархударов, Д.А. Штелинг. – Либроком, 2009. 160 с.
2. Бурлакова В.В. Основы структуры словосочетания в современном английском языке. – Л., 1975. 128 с.
3. Виноградов В.В. Вопросы изучения словосочетания // Вопросы языкознания. 1954. № 3. С. 3-24.
4. Войнич Е. Ғурмагас. – Душанбе: Маориф, 1982. 318 с.
5. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик, ҷилди II, – Душанбе: Дониш, 1986. 372 с.
6. Ильиш Б.А. Современный английский язык. – М.: Изд. лит. на ин.яз., 1948. 348 с.
7. Мирзоев А. Ибора дар забони тоҷикӣ. Дисс. докторӣ. – Душанбе, 2002. 232 с.
8. Усмонов, К. Грамматикаи муқоисавии забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ. – Хуҷанд: Нури маърифат, 2017. 380 с.
9. Galsworthy, J. A Modern Comedy. Book 2. – M.: Progress, 1976. 280 p.

10. Hardy, Th. Far from the Madding Crowd. Lnd. Pan Books LTD, 1967. 398 p.
11. Voynich E. The Gadfly. – M.: Foreign languages Publishing House, 1954. 332 p.
12. Ashrapov B.P. Certain Theoretical Views on Morphologico-Functional Peculiarities of English Parenthetic Units // Stephanos. 2025. № 5 (73). P. 52-62. – DOI 10.24249/2309-9917-2025-73-5-52-62.
13. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Lexico-Functional Peculiarities of Conjunctions Connecting Words and Phrases in English and Tajik (on the example of "Reminiscences" by S. Aini) // Stephanos. 2025. № 1 (69). P. 28-35. – DOI 10.24249/2309-9917-2025-69-1-28-35.
14. Ashrapov B.P. Comparative analysis of semantico-functional and morphological-syntactical peculiarities of the Tajik modal particle гӯё and its English equivalents // Herald of Daghestan Scientific Center. 2025. № 97. P. 116-123. – DOI 10.31029/vestdnc97/17.
15. Ashrapov B.P. On the Issue of the Usage of Certain Tajik Modal Particles and Their English Equivalents // Stephanos. 2025. № 6 (74). P. 21-30. – DOI 10.24249/2309-9917-2025-74-6-21-30.
16. Ashrapov B.P. The Level of Usage of Some Measure Words Quantifying Time and Distance in Tajik, Chinese and English // Stephanos. 2025. № 2 (70). P. 19-24. – DOI 10.24249/2309-9917-2025-30-4-19-24
17. Сулейманов А.Р. Постсоветская Евразия в большом евразийском партнёрстве // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 8 (206). С. 110-115.

Reference

1. Barkhudarov L.S. English Grammar / L.S. Barkhudarov, D.A. Shteling. – Librokom, 2009. 160 p.
2. Burlakova V.V. Basics of Phrase Structure in Modern English. – Leningrad, 1975. 128 p.
3. Vinogradov,V.V. Phrase Study Issues // Voprosy yazykoznaniya (Problems of Linguistics). 1954. № 3. P. 3-24.
4. Voynich E. Гурмагас. – Dushanbe: Маориф, 1982. 318 p.
5. Гриматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик, ҷилди II, – Dushanbe: Дониш, 1986. 372 p.
6. Ilyish B.A. Modern English. – M.: Publishing house. lit. in foreign language, 1948. 348 p.
7. Mirzoev A. Ibora dar zaboni tokiki. Diss. doctor. – Dushanbe, 2002. 232 p.
8. Usmonov K. Grammar of mukoisavii zabonkhoi english va tokiki. – Khukhand: Nuri marifat, 2017. 380 p.
9. Galsworthy J. A Modern Comedy. Book 2. – M.: Progress, 1976. 280 p.
10. Hardy Th. Far from the Madding Crowd. Lnd. Pan Books LTD, 1967. 398 p.
11. Voynich E. The Gadfly. – M.: Foreign languages Publishing House, 1954. 332 p.
12. Ashrapov B.P. Certain Theoretical Views on Morphologico-Functional Peculiarities of English Parenthetic Units // Stephanos. 2025. № 5 (73). P. 52-62. – DOI 10.24249/2309-9917-2025-73-5-52-62.
13. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Lexico-Functional Peculiarities of Conjunctions Connecting Words and Phrases in English and Tajik (on the example of "Reminiscences" by S. Aini) // Stephanos. 2025. № 1 (69). P. 28-35. – DOI 10.24249/2309-9917-2025-69-1-28-35.
14. Ashrapov B.P. Comparative analysis of semantico-functional and morphological-syntactical peculiarities of the Tajik modal particle гӯё and its English equivalents // Herald of Daghestan Scientific Center. 2025. № 97. P. 116-123. – DOI 10.31029/vestdnc97/17.
15. Ashrapov B.P. On the Issue of the Usage of Certain Tajik Modal Particles and Their English Equivalents // Stephanos. 2025. № 6 (74). P. 21-30. – DOI 10.24249/2309-9917-2025-74-6-21-30.
16. Ashrapov B.P. The Level of Usage of Some Measure Words Quantifying Time and Distance in Tajik, Chinese and English // Stephanos. 2025. № 2 (70). P. 19-24. – DOI 10.24249/2309-9917-2025-30-4-19-24
17. Suleymanov A.R. Post-soviet Eurasia in the great Eurasian partnership // Etnosotsium and international culture. 2025. № 8 (206). P. 110-115.

Стрелкова А.Ю.
Кандидат филологических наук, старший преподаватель. Московский государственный педагогический университет.

Активизация речевой деятельности обучающихся с помощью коммуникативных игр на занятиях по иностранному языку*

Аннотация. В статье обоснована эффективность коммуникативных игр для активизации речевой деятельности у обучающихся. Игровые технологии на примере коммуникативных игр рассматриваются как средство повышения мотивации, снижения языковой тревожности и трансформации навыков в умения. Проанализированы этапы организации игры и роль преподавателя как модератора и организатора процесса. Рассмотрены варианты как базовых игр, так и профессионально-ориентированные сценарии (case-study, деловые симуляции) для моделирования будущей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: коммуникативные игры, мотивация обучения, игровые технологии, роль преподавателя, методика обучения, навыки, умения.

Strelkova A.Y.
Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer. Moscow State Pedagogical University.

Activation of learners' speech activity through communicative games in foreign language classes

Abstract. The article substantiates the effectiveness of communicative games in activating speech activity among learners. Game-based technologies, exemplified by communicative games, are considered as a means of enhancing motivation, reducing language anxiety, and transforming language skills into communicative competences. The stages of game organization and the teacher's role as a moderator and facilitator of the process are analyzed. Both basic games and professionally-oriented scenarios (case studies, business simulations) for modeling future professional activity are examined.

Key words: communicative games, learning motivation, game-based technologies, teacher's role, teaching methodology, language skills, communicative competences.

* © Стрелкова А.Ю., 2026.

При обучении иностранному языку самым сложным этапом считается речевая деятельность, потому что этот этап предполагает не только оперирование уже изученными лексическими единицами, но и знание правил их употребления. Необходимо употреблять лексику в новых условиях, самостоятельно строить высказывание, поэтому на этом уровне навык становится умением. Умение предполагает не только автоматизм, но и динамичность, это способность употреблять изученную лексику и правила в изменяющихся, нестандартных ситуациях.

Одним из самых эффективных способов развития речи на иностранном языке являются коммуникативные игры. Коммуникативные игры можно рассматривать как способ повышения мотивации. «Одной из проблем, возникающих в процессе обучения иностранным языкам студентов неязыковых специальностей, является, на наш взгляд, нехватка или отсутствие у учащихся мотивации к серьезному изучению иностранного языка» [пыхтина, С. 247], именно эту проблему и позволяют решить коммуникативные игры. Хотя при обучении студенты и те, кто обучается в частном порядке или на курсах, демонстрируют более высокий уровень мотивации, чем школьники, даже им требуется смена деятельности и возможность применять знания вне стандартных многократных повторений языковых структур, фраз или звуков для автоматизации навыков (drills).

Игровая форма заданий снижает уровень стресса и минимизирует страх сделать ошибку [триус, С. 308]. В процессе обучающей игровой деятельности студенты меньше устают благодаря тому, что они занимаются деятельностью, которая повышает вовлеченность и соответственно мотивированность [bayi, С. 52]. Завуалированность образовательной цели на фоне игровой обеспечивает более продуктивное восприятие речи и выражение мыслей [архипова, С. 28]. Подключение эмоциональной составляющей, активное участие обучаемых в игре позволяет оптимизировать процесс усвоения, эффективнее, запоминать новый материал. Это происходит потому, что «задача не ставится сама по себе, но становится органической частью игры. Повышается также и уровень эмоциональности обучающихся в положительном смысле и их мотивация, так как игра предполагает менее формальную обстановку и может включать элемент соревновательности» [стрелкова 2, С. 47]. Кроме того, коммуникативные игры обеспечивают возможность настоящего общения, хотя и в рамках условных ситуаций, определенных преподавателем границ. Игра обеспечивает воссоздание и усвоение общественного опыта, моделирование социального взаимодействия.

Такие игры, тем не менее, целесообразно применять на этапе обобщения и систематизации материала, так как речевая деятельность подразумевает наличие лексической и грамматической базы. Чтобы квалифицировать определенные приемы обучения как игру, нужно иметь в виду, что игра

подразумевает создание воображаемой ситуации, имеет определенные правила. При этом студенты должны осознавать тот результат, к которому они стремятся в процессе игры. Детальная предварительная проработка игры может включать отработку лексики в смысловых речевых единствах, организацию микроситуаций. Также на этой стадии происходит распределение ролей, определение таких обстоятельств игры, как место, время, задачи, планируемый результат, но при этом в рамках игровой ситуации обучаемый должен иметь свободу действий и речевых поступков [larsen, C. 132].

Подчеркнем однако, значимость в этом контексте связи взаимодействия преподавания и учения. «Преподавание невозможно без учения, а учение без преподавания выпадает из системы дидактических отношений и тем самым – из процесса обучения», – так пишут В.В. Краевский и И.Я. Лернер [краевский, C. 129-180]. Именно преподаватель должен во время проведения игры создать такие условия, чтобы обучаемые могли творчески применить полученные знания. Другая цель преподавателя – мониторинг и контроль без непосредственного вмешательства в процесс игры.

На этапе обсуждения результатов преподавателю необходимо обратить внимание на ошибки и неточности, выявленные в ходе мониторинга и контроля игры. Однако здесь важно сохранить мотивацию студентов, акцентировать внимание не только на отрицательных, но и на положительных аспектах, не создавать предпосылки для обобщенной отрицательной оценки деятельности обучаемых [арефьева, C. 615-616]. Можно еще раз повторить основные речевые структуры, которые отрабатывались в процессе игрового взаимодействия. Одним из приемов обобщения может быть вопрос о том, какие моменты в игре вызвали наибольшие затруднения, какие элементы были наиболее полезны для развития коммуникативных способностей.

Таким образом, коммуникативная игра предполагает несколько значимых этапов. Значительная предварительная подготовка преподавателя заключается в отборе лексики, грамматических и синтаксических конструкций, релевантных в контексте данной учебной ситуации. Во время проведения самой игры перед участниками должна быть поставлена четкая игровая цель, объяснены правила. Преподаватель при этом осуществляет неформальный текущий контроль и без значительной необходимости не поправляет участников игры. На этапе обсуждения результатов игры разбираются допущенные ошибки, однако не всегда целесообразно называть учеников поименно, чтобы не повышать уровень стресса.

Разберем несколько конкретных примеров [стрелкова 1]. Игра «Snowball story» основана на последовательном продолжении истории, где каждый участник добавляет свое предложение. Это развивает связную речь и творческие способности учащихся. Игра «Questions to the story» направлена на отработку грамматических структур и различных типов вопросов: после

прослушивания истории обучающиеся задают максимальное количество уточняющих вопросов, что развивает навыки аудирования и поиска необходимой информации. «Snakes and ladders» требует предварительной подготовки со стороны преподавателя, который разрабатывает тематическое игровое поле с вопросами; в ходе игры участники бросают кубик, перемещают фишку и отвечают на вопросы в соответствующих клетках, что сочетает игровой элемент с учебной деятельностью и повышает мотивацию к изучению языка.

Однако перечисленные выше игровые механики, несмотря на свою эффективность для активизации лексики и снятия языкового барьера, носят преимущественно общеучебный характер. Для студентов целесообразно трансформировать игровой подход в сторону моделирования профессионально значимых ситуаций. На продвинутых этапах обучения базовые игры могут быть заменены или дополнены методом case-study, деловыми ролевыми симуляциями и имитацией профессиональных коммуникаций (переговоры, презентации, совещания). Так, метод case-study (анализ конкретных ситуаций) предполагает изучение обучающимися реальных или смоделированных профессиональных проблем, требующих принятия обоснованных решений на иностранном языке. В отличие от языковых игр, фокус смещается с формы высказывания на содержание и результат решения задачи. Например, студентам экономического профиля может быть предложена ситуация снижения прибыли компании, где необходимо проанализировать факторы риска и презентовать стратегию выхода из кризиса, используя соответствующую терминологию. Подобная деятельность требует не только лингвистической подготовки, но и применения профильных знаний, что обеспечивает глубокую интеграцию языка в профессиональный контекст и способствует формированию навыков критического мышления и аргументации. Таким образом, игровая деятельность эволюционирует от простой языковой разминки к инструменту формирования профессиональной коммуникативной компетенции, где условность ситуации компенсируется реалистичностью решаемых задач.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что коммуникативные игры являются действенным инструментом интенсификации процесса обучения иностранному языку. Их дидактический потенциал заключается не только в автоматизации языковых навыков, но и в создании безопасной среды для экспериментирования с речью, что критически важно для преодоления психологических барьеров. Успешность реализации игровой методики напрямую зависит от профессиональной позиции преподавателя, который должен балансировать между контролем и невмешательством, обеспечивая конструктивную обратную связь на этапе рефлексии. Перспективным направлением развития данной технологии является интегра-

ция игровых форматов с профессионально-ориентированным обучением (ESP), где игра выступает моделью реальных рабочих ситуаций. Грамотное использование коммуникативных игр способствует не только языковому развитию, но и профессиональной социализации студентов, повышая качество подготовки специалистов.

Библиографический список:

1. Арефьева Т.С. Ролевые игры как элемент коммуникативной методики обучения английскому языку студентов неязыковых вузов / Т. С. Арефьева // Синергия наук. 2017. № 15. С. 614-622.
2. Архипова Е.А. Основы методики развития речи учащихся / Е. А. Архипова. – М.: 2004. 192 с.
3. Краевский В.В., Лернер И.Я. Процесс обучения и его закономерности // Дидактика средней школы. Некоторые проблемы современной дидактики / под ред. М.Н. Скаткина. – М.: Просвещение, 1982. 319 с.
4. Пыхтина А.Ю. Применение творческих заданий в современной лингводидактике // Искусство и художественное образование: традиционные ценности в современной культуре: сборник статей и материалов. – Челябинск, 2025. С. 247-250.
5. Стрелкова А.Ю. Коммуникативные игры в обучении говорению на уроках иностранного языка // Язык как основа современного межкультурного взаимодействия: Материалы XI Международной научно-практической конференции, Пенза, 25-27 ноября 2024 года. – Пенза: Пензенский государственный технологический университет, 2024. С. 146-149.
6. Стрелкова А.Ю. Коммуникативные игры как технология обучения иностранному языку // Образование от «А» до «Я». 2024. № 4. С. 47-49.
7. Триус Л.И. Игры в обучении профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции у студентов в лингвистическом вузе на примере английского языка / Л.И. Триус // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2020. № 13. С. 307-313.
8. Bayirtepe E. The Effects of Game-Based Learning Environments on Students' Achievement and Self-Efficacy in a Computer Course / E. Bayirtepe, H. Tuzun // H.U. Journal of Education. 2007. Vol. 33. P. 41-54.
9. Larsen-Freeman, D. Techniques and principles in language teaching / D. Larsen-Freeman. – Oxford, 1986. 142 p.
10. Гольцов А.Н., Дедиу Е.И. Экономико-политический симбиоз: британский империализм и идеология свободной торговли как элементы единого национального проекта (вторая половина XIX века – первая треть XX века) // Альманах «Крым». 2025. № 50. С. 21-33.

Reference

1. Arefieva T.S. Role-playing games as an element of communicative methods of teaching English to students of non-linguistic universities / T.S. Arefieva // Synergy of sciences. 2017. № 15. P. 614-622.
2. Arkhipova E.A. Fundamentals of methods of developing students' speech / E.A. Arkhipova. - Moscow: 2004. 192 p.
3. Kraevsky V.V., Lerner I.Ya. The learning process and its patterns // Didactics of secondary school. Some problems of modern didactics / edited by M.N. Skatkin. – Moscow: Education, 1982. 319 p.
4. Pykhtina A.Yu. The Use of Creative Tasks in Modern Linguodidactics // Art and Art Education: Traditional Values in Modern Culture: A Collection of Articles and Materials. – Chelyabinsk, 2025. P. 247-250.
5. Strelkova A. Yu. Communicative Games in Teaching Speaking in Foreign Language Lessons // Language as the Basis for Modern Intercultural Interaction: Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference, Penza, November 25-27, 2024. – Penza: Penza State Technological University, 2024. P. 146-149.
6. Strelkova A. Yu. Communicative Games as a Technology for Teaching a Foreign Language // Education from A to Z. 2024. № 4. P. 47-49.
7. Trius L.I. Games in teaching professional foreign language communicative competence to students at a linguistic university using the English language as an example / L.I. Trius // Professional communication: current issues in linguistics and methodology. 2020. № 13. P. 307-313.
8. Bayirtepe E. The Effects of Game-Based Learning Environments on Students' Achievement and Self-Efficacy in a Computer Course / E. Bayirtepe, H. Tuzun // H.U. Journal of Education. 2007. Vol. 33. P. 41-54.
9. Larsen-Freeman, D. Techniques and principles in language teaching / D. Larsen-Freeman. – Oxford, 1986. 142 p.
10. Goltsov A.N., Dediu E.I. Economic-political symbiosis: British imperialism and the ideology of free trade as elements of a unified national project (second half of the XIX century – first third of the XX century) // Almanac "Crimea". 2025. № 50. P. 21-33.

Аскерова М.А.
Студентка магистратуры. Институт иностранных языков, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Баталов А.А.
Кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра теории и практики иностранных языков, Институт иностранных языков, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Речевой портрет Камалы Харрис: лингвистические особенности в контексте выборов в США 2024 года*

Аннотация. Статья посвящена исследованию лингвистических особенностей, формирующих речевой портрет политического деятеля. Анализируется речевой портрет Камалы Харрис в контексте ее поражения на выборах 2024 года в США и влияние этого контекста на вербализацию политических идей. Целью работы является изучение языковых средств, с помощью которых создается речевой портрет Камалы Харрис в ситуации проигрыша на президентских выборах в США в 2024 году.

Ключевые слова: политический дискурс, языковая личность, речевой портрет, политическое выступление, контекст, стилистические приемы.

Askerova M.A.
Master's Degree Student. The Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Batalov A.A.
PhD, Assistant Professor, Department of Foreign Languages in Theory and Practice, the Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

The speech portrait of Kamala Harris: linguistic features in the context of the US 2024 election

Abstract. The article is devoted to the study of features of the speech portrait of the politician. The study analyzes the speech portrait of Kamala Harris in the context of the politician's defeat at election 2024 in the United States and the impact of this context on

* © Аскерова М.А., Баталов А.А., 2026.

the verbalization of political ideas. The objective of the research is to identify the linguistic means by which the speech portrait of Kamala Harris is formed within the framework of the defeat at the US presidential election 2024.

Key words: political discourse, linguistic personality, speech portrait, political speech, context, stylistic devices.

1. Введение

В современном обществе публичные выступления политических фигур играют ключевую роль в формировании не только общественного мнения, но и общего настроения социума. Речь политического деятеля задает вектор дальнейшего развития государства, так как через публичные выступления политик передает свои идеи, ставит цели и озвучивает решения касаемо внешней и внутренней политики.

Важную роль в политическом дискурсе играют публичные выступления, имеющие отношение к значимым событиям в стране, например, выборам, кризисным моментам, чрезвычайным ситуациям, торжественным мероприятиям и т. д. В таких речах внимание уделяется не только содержанию, но и способу передачи информации, обращению к публике, выбор тех или иных лексических единиц и стилистических приемов. Оратору необходимо детально продумывать речь, поскольку его слова влияют на общественное мнение и настроение народа.

В статье рассматривается публичная речь Камалы Харрис по итогам президентских выборов в США в 2024 году. Анализ данного политического выступления позволяет определить лингвостилистические особенности, используемые в речи индивида. Изучение этих особенностей позволяет определить речевой портрет публичной личности и выявить ее характерные черты.

2. Цель исследования

Целью исследования является изучение лингвистических особенностей, формирующих речевой портрет Камалы Харрис на материале ее выступления по итогам выборов в США в 2024 году.

3. Методология

В ходе работы применяются *методы* лингвостилистического анализа при изучении и описании стилистических особенностей речи, контекстуальный анализ при сопоставлении коммуникативной ситуации и цели речевого сообщения, метод семантического анализа текста.

4. Теоретическая база исследования

В политическом дискурсе ключевую роль играют речи политических лидеров, которые используют язык не только для передачи информации, но и для формирования общественного мнения. Язык является инструментом как для передачи идей оратора, так и для формирования политического имиджа. Политический имидж представляет собой эмоционально окрашенный образ политической фигуры, образовавшийся в общественном сознании и имеющий эмоциональную окрашенность [2]. Речевой портрет политической фигуры играет особую роль в процессе создания имиджа политического деятеля.

В языкознание термин «речевой портрет» тесно связан с термином «языковая личность», поскольку оба понятия характеризуют лингвистические особенности индивида [4]. Языковая личность (ЯЛ) охватывает биологические, психологические и лингвистические факторы [1]. ЯЛ, согласно Ю. Н. Караулову, представляет собой совокупность характеристик, которые реализуются в речи индивида. Ю. Н. Караулов определил трехуровневую систему изучения языковой личности: нулевой уровень определяет принадлежность к определенному этносу и культуре; первый уровень описывает индивидуальные особенности человека; второй уровень включает коммуникативные цели, интенции и мотивация говорящего в процессе воспроизведения речи [5].

Если понятие языковой личности шире и охватывает совокупность выше представленных факторов, то понятие речевого портрета рассматривается в конкретном промежутке времени и в определенной ситуации. Речевой портрет отражает динамическую сторону языковой личности, то есть определяет речевое поведение, отражающее взгляды и намерения индивида, а также способы речевого воздействия на аудиторию [3].

Важную роль в формировании речевого портрета личности играет контекст, в рамках которого оратор формирует речь. На выбор языковых средств влияют следующие факторы: политическая ситуация, настроение аудитории, формат выступления. В зависимости от контекста политический деятель использует те или иные стилистические приемы, чтобы поддерживать свой имидж и создать образ грамотного представителя власти.

Речевой портрет отражает индивидуальный стиль говорящего и включает особенности лексики, интонации и синтаксиса. В политической коммуникации анализ речевого портрета позволяет изучить, как оратор устанавливает связь с аудиторией и какие лингвистические средства выбирает для выражения своих идей. Анализ речевого портрета представителя власти позволяет выявить, каким образом используется язык для создания политического образа.

5. Полученные данные

Объектом исследования выступает речь Камалы Харрис, кандидата на пост президента в США в 2024 году. Согласно социально-статусному типу языковой личности, К. Харрис является представителем американской культуры, политический деятель, член демократической партии США. При анализе психологических факторов (эмоциональное состояние говорящего), политик характеризуется сдержанностью и придерживается официального тона для создания благоприятного имиджа.

Для дальнейшего анализа речевого портрета необходимо учитывать контекст. В исследовании рассматривается речь Камалы Харрис по итогам выборов в США. Проигрыш на выборах влияет на содержание речи, выбор лексических и риторических приемов.

So let me say my heart is full today. My heart full today, full of gratitude for the trust you have placed in me, full of love for our country, and full of resolve [6].

Водная конструкция *So let me say* обладает фатической функцией. Политик использует вводную конструкцию с целью акцентирования внимания аудитории на сообщении и установления контакта с публикой.

Высказывание строится на основе лексического повтора *My heart is full today* и использовании однородных членов предложения *gratitude, love, resolve* в конструкции с *full of.* Лексические единицы *gratitude, love, resolve* принадлежат к лексико-семантическому полю ценностных ориентаций, и их положительная коннотация позволяет оратору построить образ искреннего политика. Словосочетания *full of gratitude, full of love, full of resolve* являются параллельными конструкциями и выполняют функцию градации, подчеркивая эмоциональное состояние говорящего и его чувства от благодарности и любви до решимости.

Look, I am so proud of the race we ran. And the way we ran it [6].

Глагол *look* в данном примере выполняет роль вводной конструкции и обладает контактоустанавливающей функцией. В рамках политического дискурса лексема *look* в качестве вводной словоформы характеризуется неформальностью общения.

Словосочетание *I am so proud* выражает эмоциональное состояние говорящего. Оценочная лексическая единица *proud* отражает положительное отношение политика к результатам своей работы. Употребление в политическом выступлении личного местоимения *we* объединяет политика и избирателей, создавая образ единства.

But here's the thing America, if it is, let us fill the sky with the light of a brilliant, brilliant billion of stars. The light, the light of optimism, of faith, of truth and service [6].

Употребление лексической единицы *America* выполняет контактноустанавливающую функцию. В предложении представлен метонимический перенос значения имени собственного *America*, обозначающего народ и ее

аудиторию. Стилистический прием метонимии используется с целью создания чувства сплоченности, принадлежности к одной группе.

Метафора *to fill the sky with the light of a brilliant billion of stars* подчеркивает экспрессивность языка политика. Метафора имеет коннотацию призыва к действию и мотивации. В контексте проигрыша на выборах политик использует метафору с положительной коннотацией, чтобы создать образ надежды и стойкости. Цель политика сохранить доверие аудитории, несмотря на проигрыш.

Лексические единицы *optimism, faith, truth, service* имеют положительную оценочную окраску и принадлежат к семантическому полю духовных ценностей. Лексемы *optimism, faith, truth, service* в сочетании с метафорой со значением мотивации *to fill the sky with the light of a brilliant billion of stars* имеют символическую функцию, указывая на ценности и моральные принципы.

But hear me when I say, hear me when I say, the light of America's promise will always burn bright as long as we keep fighting [6].

Основой высказывания является метафора *the light of America's promise will always burn bright*. Лексема *promise,* имеющая абстрактное значение, репрезентируется в речи через образ *the light*. В данном случае свет является символом устойчивости и поддержания моральных ценностей. В речи политика метафора выступает как инструмент, консолидирующий народ вокруг общей системы ценностей.

6. Заключение

Речевой портрет личности определяется контекстом, от которого зависит как содержательная часть выступления, так и выбор лингвистических приемов для передачи сообщения. Контекстом анализируемого политического выступления является проигрыш Камалы Харрис на выборах США 2024 года. Поражение на выборах ставит перед политическим деятелем задачу сохранить доверие аудитории и создать образ политика, достойно принимающего проигрыш.

Исследование демонстрирует взаимосвязь контекста поражения на выборах с речевым портретом политического деятеля. В речи политика выявлены следующие особенности:

- реализация фатической функции в речи с целью установить контакт с публикой и сплотиться с ней в контексте кризиса;

- использование лексических единиц лексико-семантического поля ценностных ориентаций влияет на позитивное восприятие оратора и построение позитивного образа политика, который в условиях проигрыша остается верен своим принципам и моральным ценностям;

- использование в речи экспрессивной лексики, вербально реализуемой

за счет метафор и оценочных лексических единиц с положительной коннотацией;

- стиль речи характеризуется сочетанием официальных и разговорных элементов, что позволяет одновременно поддерживать авторитетность представителя власти и обеспечивать доступность высказывания для понимания аудиторией;

- синтаксические особенности речи заключаются в использовании параллельных конструкций, которые усиливают акцент на ключевых идеях и способствуют привлечению внимания аудитории.

Таким образом, анализ материала исследования позволил выявить особенности, формирующие речевой портрет Камалы Харрис в рамках поражения на выборах в США в 2024 году.

Библиографический список:

1. Об общем и частном в понятиях «языковая личность», «речевой портрет», «идиостиль» и «идиолект» (на примере вербального поведения современных политических деятелей) / Д.С. Мухортов // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: Материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 26-28 августа 2014 года. 2014. С. 167-172.
2. Политический бренд и имидж политического лидера / М.В. Бурлакова, С.А. Ефимова // Скиф. 2023. № 6 (82). С. 227-232.
3. Речевой портрет британского политика XXI века / К.В. Ершова // Политическая лингвистика. 2023. № 6 (102). С. 88-96.
4. Речевой портрет как объект исследования в современной лингвистике / М. Н. Крылова // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2020. № 3-2 (37). С. 53-60.
5. Русский язык и языковая личность. 7 изд. / Ю.Н. Караулов // – Москва: Издательство ЛКИ. 2010. 264 с.
6. Harris K. Vice President Kamala Harris' Full Concession Speech: // URL: https://time.com/7173617/kamala-harris-concession-speech-full-transcript/ (Дата обращения: 12.09.2025).
7. Лукьянова А.А., Гаврикова О.Ю. Педагогические условия формирования здоровьесберегающей деятельности в образовании студентов колледжа // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 38-45.

Reference

1. On the General and the Specific in the Concepts of "Linguistic Personality", "Speech Portrait", "Idiostyle" and "Idiolect" (Based on the Verbal Behavior of Modern Politicians) / D.S. Mukhortov // Political Communication: Prospects for the Development of a Scientific Direction: Proceedings of the Int. Scientific Conf. Ekaterinburg, August 26-28, 2014. 2014. P. 167-172.
2. Political Brand and Image of a Political Leader / M.V. Burlakova, S.A. Efimova // Skif. 2023. № 6 (82). P. 227-232.
3. Speech Portrait of a 21st Century British Politician / K.V. Ershova // Political Linguistics. 2023. № 6 (102). P. 88-96. 4. Speech portrait as an object of research in modern linguistics / M.N. Krylova // Bulletin of the Don State Agrarian University. 2020. № 3-2 (37). P. 53-60.
5. Russian language and linguistic personality. 7th ed. / Yu.N. Karaulov // – Moscow: LKI Publishing House. 2010. 264 p.
6. Harris K. Vice President Kamala Harris' Full Concession Speech: // URL: https://time.com/7173617/kamala-harris-concession-speech-full-transcript/ (Дата обращения: 12.09.2025).
7. Lukyanova A.A., Gavrikova O.Yu. Pedagogical conditions for the formation of health-saving activities in the education of college students // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 38-45.

Барановская Б.В.
Независимый исследователь, г. Южно-Сахалинск.

Разграничение термина «адекватность» со смежными терминами*

Аннотация. В настоящей статье автор сравнивает термин «адекватность» перевода с другими смежными терминами, используемыми при переводе текстов. Для достижения максимальной адекватности в переводе переводчику необходимо помимо воспроизведения стилистических и семантических особенностей, обратить внимание на восприятие текста читателями, которые должны воспринять текст перевода также как носителя исходного языка. Переводческие решения субъективны и зависят от восприятия переводчиком исходного текста.

Ключевые слова: адекватность, перевод, термины, эквивалентность, полноценность, функциональность.

Baranovskaya B.V.
Independent researcher, Yuzhno-Sakhalinsk.

Distinction of the term “adequacy” from related terms

Abstract. In this article, the author compares the term “adequacy” of translation with other related terms used in the translation of texts. To achieve maximum adequacy in translation, the translator, in addition to reproducing stylistic and semantic features, must pay attention to the perception of the text by readers, who must perceive the translated text in the same way as a native speaker of the source language. Translation decisions are subjective and depend on the translator’s perception of the source text.

Key words: adequacy, translation, terms, equivalence, completeness, functionality.

В языкознании по мере формирования термина «адекватность» как базового и системообразующего получили развитие и другие термины, тесно связанные с ним. Одним из таких терминов является «эквивалентность», который мы рассмотрим в контексте нашего исследования.

Впервые понятие «эквивалентность» было рассмотрено П.М. Топером

* © Барановская Б.В., 2026.

и Р.О. Якобсоном в статье «О лингвистических аспектах перевода» в 1959 году. В основе вывода об эквивалентности лежит семиотический подход, суть которого заключается в том, что «нет полной эквивалентности между кодовыми единицами», т.е. любыми возможными единицами перевода (текст, фраза, слово, предложение).

Термин эквивалентность невозможно рассматривать без изучения его типов, к созданию которых привело многообразие подходов к термину. Например, немецкий лингвист В. Коллер выделяет следующие типы эквивалентности: 1) денотативная эквивалентность – это равноценность ИТ и ПТ на уровне предметно-логического содержания; 2) коннотативная эквивалентность – это равноценность сигнификативных значений, зафиксированных в коллективном сознании носителей исходного языка (ИЯ) и переводящего языка (ПЯ); 3) текстуально-нормативная эквивалентность – это соблюдение языковых норм, узуальных предпочтений в ПЯ и сохранение структуры ИТ; 4) прагматическая эквивалентность – это равноценность воздействия на адресата ИТ и ПТ; 5) формально-эстетическая эквивалентность – это полноценная передача эстетических, языковых и индивидуально-стилистических особенностей ИТ [38, с. 173].

Другую типологию выделяет В.Н. Комиссаров, согласно которой выделяют: эквивалентность на уровне цели коммуникации; эквивалентность на уровне описания ситуации; эквивалентность на уровне способа описания ситуации; эквивалентность на уровне семантике словесных знаков; эквивалентность на уровне структурной организации высказывания [19].

В обоснование своего вывода об эквивалентности Якобсон Р.О. выделяет три типа перевода:

- интралингвальный перевод, представляющий собой интерпретацию словесных знаков с помощью других знаков того же языка, то есть пересказ или перефразирование синонимами (в данном переводе эквивалентность отсутствует);

- интерсемиотический перевод определяется как «интерпретация вербальных знаков с помощью знаков невербальных знаковых систем»;

- интерлингвальный перевод – перевод как «интерпретация словесных знаков с помощью знаков какого-то другого языка» (в таком переводе нет полной эквивалентности между кодовыми единицами, поскольку как исходная, так и целевая культура воспринимают реальность по-разному: культуры отличаются друг от друга в большей или меньшей степени) [11].

Другие ученые выделяют иные типы эквивалентности, которые легли в основу ее понимания. Так, например, М. Бейкер пишет о текстуальной эквивалентности, под которой понимается сходство информационных потоков в исходном языке и языке перевода [3]. Ю. Найда подчеркивает,

что деление эквивалентности на типы зависит от доминирующего способа достижения. Согласно их теории можно эквивалентность разделить на динамическую (перевод одинаково воздействует на носителей исходного текста и текста перевода) и формальную (получается в результате использования межъязыковых соответствий в переводе [27, с. 99-114]. А. Ньюман в особый тип выделяет функциональную эквивалентность, согласно которой тексты подвергаются обработке, а именно часть текста опускается или редуцируется [28].

Как указывает Ю.В. Ванников, эквивалентность может быть разной. В ней близость двух текстов зависит от ситуации, в связи с чем выделяются четыре основных случая (ситуации): 1) перевод является адекватным в целом и эквивалентным на уровне всех отдельных сегментов текста; 2) перевод является адекватным, но не эквивалентным на уровне отдельных сегментов текста; 3) перевод эквивалентный, но не адекватный (из-за стремления переводчика точно передать отдельные сегменты не понята коммуникативная интенция автора); 4) перевод не эквивалентный и не адекватный [9, с. 34-38].

В.Н. Комиссаров признает «хорошим» или «правильным» переводом только эквивалентный перевод [17].

С точки зрения Л.К. Латышева, эквивалентность – это полноценная передача содержания оригинала текста с сохранением структурно-семантических и языковых особенностей исходного текста с учетом равноценного воздействия на читателя переводного текста [25].

Понятие эквивалентности – это основное понятие, предполагающее адекватную передачу различных составляющих. В связи с тем, что главная задача переводчика состоит в том, чтобы производить переводческие трансформации, а именно чтобы текст перевода передавал информацию текста оригинала точно и при этом соблюдались соответствующие нормы языка перевода. Именно трансформация оригинального текста иногда является единственной возможностью добиться адекватности перевода, производится с целью передать информацию исходного текста в максимально возможной полной форме с соблюдением норм языка перевода.

Определенную методику оценки адекватности и эквивалентности перевода предлагает Г. Тури [35], положив в ее основу оценку исходного текста и текста перевода и построение определенного инварианта и сравнение текста перевода с исходным текстом.

По мнению Н.А. Ивановой, приемы перевода в общей сложности сводятся к следующим: 1) транскрипция/транслитерация; 2) калькирование; 3) описательный (разъяснительный) перевод; 4) приближенный (уподобляющий) перевод; 5) элиминация национально-культурной специфики.

Реально в процессе перевода они носят смешанный характер, объединяя в себе признаки различных структурно- уровневых и содержательных трансформаций [15].

Как верно указывает И.В. Зарочинцева, переводчик всегда должен помнить, не он автор текста, и изменения, которые он вносит, должны полностью соответствовать информации исходного текста. Так, при переводе можно столкнуться с трансформациями, которые по сути являются противоположными: добавлениями в тексте, с одной стороны, и опущениями, с другой. Чтобы овладеть этими трансформациями необходимо иметь не только большой словарный запас и знание грамматики, но и обладать общей эрудицией и фоновыми знаниями предмета [14, с. 93].

Основным средством, позволяющим достичь адекватности перевода, являются переводческие трансформации (преобразования). Существенный вклад в разработку типологии переводческих трансформаций внёс Л.С. Бархударов. Он исходит из того, что переводческие трансформации – это те многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования, которые осуществляются для достижения переводческой эквивалентности («адекватности перевода») вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков [5, с. 130].

Путем введения термина «адекватность перевода» некоторые исследователи объединяют эквивалентность функции текста и его коммуникативного результата с эквивалентностью отдельных единиц такого текста. Например, в концепции, разработанной Ю.В. Ванниковым адекватность подразумевает под собой воспроизведение доминантной функции текста в полной форме, формируемой с целью коммуникативной интенции составителя текста и нацеленной на обеспечение определенного коммуникативного эффекта [9, с. 34-38].

В зависимость от вида перевода В.В. Сдобников и О.В. Петрова отмечают взаимосвязь терминов адекватности и эквивалентности. Адекватность они считают основным критерием оценки качества любого перевода, он может быть адекватен или неадекватен. Эквивалентность же зависит от ситуации, которые в своей работе выделяет Ю.В. Ванников [32]. Предпосылками к различию адекватности и эквивалентности служит переводимость, т.е. принципиальная возможность осуществить перевод, в основе которой лежит метод графосемантического моделирования. Сутью такого моделирования является формирование набора данных в системном виде, где термины выражаются через другие термины в рамках того или иного понятийного поля. В рамках данного метода выделяют 26 понятийных поля («воспроизведение особенностей подлинника», «семантическая полнота», «перевод», «стиль», «соответствие», «полноценность», «функциональность», «коммуникативность», «эмотивность» и др.) [31, с. 14].

Другая исследовательница [38, с. 179] рассматривает соотношение эквивалентности и адекватности исходя из следующих подходов:

- эквивалентность как ретроспективная категория ориентирована на результат, а адекватность – как перспективная категория ориентирована на сам процесс перевода;

- эквивалентность рассматривается как равноценность оригинала и текста перевода, а адекватность – как оценка степени эквивалентности;

- эквивалентность служит для оценки качества художественного перевода, а адекватность измеряет качество нехудожественного перевода.

Адекватность, осмысливаемая как соответствие перевода своей коммуникативной цели, есть непременное свойство перевода вообще, т.е. свойство любой разновидности перевода. Эквивалентность есть максимальное структурно-функциональное подобие перевода оригиналу. И адекватность и эквивалентность перевода выявляются в рамках диктемного строя текста, разворачивающего содержание текста по микротемам [7, с. 7].

Е.В. Приказчикова считает, что задача переводчика осмыслить и почувствовать концепции автора текста через адекватность и эквивалентность перевода с целью сохранения обязательных элементов текста при переводе [30, с. 72].

В теории перевода выделяют западноевропейский подход к сопоставлению понятий эквивалентности и адекватности перевода. Так, согласно мнению ученых К. Райс и Г. Фермеера, эквивалентность относится к переводу как к результату, а адекватность – к самому процессу перевода. Оба этих понятия имеют оценочно-нормативный оттенок. Перевод может быть признан адекватным даже при условии, что конечный текст эквивалентен оригиналу лишь на одном из семиотических уровней или в одном из функциональных измерений. При таком подходе понятие эквивалентности утрачивает нормативный характер, а адекватность выступает как мерило оценки качества выполненного перевода, то есть его результат, только не по отношению к оригиналу, а к задаче акта опосредованной коммуникации [8, с. 43].

Таким образом, мы видим, что в современном языкознании выделяют различные подходы[1] к пониманию адекватности и эквивалентности пере-

1 Например, по А.А. Лебедеву, адекватность перевода подразумевает поиск эквивалентов, адекватных оригиналу // Лебедева А.А. Проблема эквивалентности лексических единиц при переводе юридических текстов // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Сер.: Филологические науки. 2013. № 3, С. 74; как отмечает Л.К. Латышев, эквивалентность – это результат переводческого процесса, а адекватность - путь к оптимальному переводу. Для создания эквивалентного перевода переводчик подбирает адекватный перевод // Латышев Л.К. Технология перевода. М., 2000; По мнению Т.А. Егоровой, невозможно адекватно осуществить перевод текста ввиду различий в исход-

вода, являющиеся одновременно разными терминами и в то же время одинаковыми.

Некоторые ученые наоборот считают, что проблема соотношения адекватности и эквивалентности исчерпала себя. Например, Л.М. Алексеева считает, что «традиционные понятия, такие как языковая эквивалентность и адекватность, проявили неспособность к выявлению исключительно сложной природы перевода как деятельности, сопоставимой с созданием ментальных конструкций, выступающих в качестве продукта понимания переводимого текста» [1, с. 46]

Что касается соотношения понятий адекватности и эквивалентности перевода именно художественного произведения, то оба этих понятия не являются дублетными, то есть совпадающими во всех аспектах своих значений. Под адекватностью следует понимать инвариантный компонент перевода, который определяется как текстовое сообщение, смысл, заключенный в произведение. Эквивалентность, в свою очередь, подразумевает формальное соответствие языковой формы исходного текста языковой форме текста перевода. В основе эквивалентности лежит множественность равноправных вариантов перевода [29].

Близким по значению термину «адекватность» исследователи выделяют «полноценность». При этом под «адекватностью» подразумевается «полноценность», а по сути «эквивалентность». «Полноценность перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему» [37, с. 68]. Данную теорию разработали Федоров А.В. и Рецкер Я.И., которые определили следующие качества адекватного перевода: 1) исчерпывающая передача смыслового содержания текста; 2) передача содержания равноценными (то есть выполняющими функцию, аналогичную выразительной функции языковых средств подлинника) средствами.

Как пишет М.В. Умерова, предложенное А.В. Федоровым понятие «полноценный» перевод было расширено и детализировано. Идея о взаимной зависимости полноценности перевода от характера подлинника и стоящих перед переводчиком задач, получила свое развитие в предложенной В.Н. Комиссаровым концепции прагматической нормы перевода. И если А.В. Федоров подчеркивает особую актуальность понятия «полноценности перевода» для художественного перевода как наиболее сложного вида переводческой деятельности, то В.Н. Комиссаров распространяет его на все виды переводов (как художественный, так и информативный)

ном тексте и переводящем тексте (лексических, языковых, оборотов, в том числе фразеологических, грамматических форм и др.), не имеющих эквивалентов в двух разных языках // Егорова Т.А. Проблема определения адекватности и эквивалентности перевода // Вестник науки и образования. 2018. №18 (54). Часть 1, С. 80.

[36, с. 4-5].

В науке также можно встретить противопоставление адекватности с неадекватностью в переводе. Неадекватным считается, с одной стороны, буквалистский перевод, искажающий содержание исходящего текста (ИТ) и/или нарушений норм переводящего языка (ПЯ), и, с другой стороны, вольный перевод, который не нарушает нормы ПЯ, но искажает содержание ИТ, в том числе за счет неоправданных сокращений и добавлений [34, с. 72].

Следует отметить, что существует подход согласно которому термин «адекватность» соотносится с термином «идентичность», а термин «эквивалентность» с термином «тождественность». Гармоничный перевод подразумевает, что смыслы текстов оригинала и перевода гармоничны, но не идентичны (взаимосвязь идентичности с адекватностью) и не тождественны (в данном случае тождество соотносится с эквивалентностью). В результате создания гармоничного перевода рождается новый смысл, смысл расширяется, что позволяет войти в чужую культуру гармонично, органично без перекосов, обогащая ее [22, с. 81-86]. О гармоничности перевода в своих трудах также упоминает Гончар Н.Г.[2] и Енбаева Л.В.[3].

В теории перевода авторы выделяют также соотношение категории «адекватность» с категорией «функциональность». Впервые о данной зависимости упоминается в исследованиях Лозерайт К. в середине 1980-х годов, которая считала, что уровень «лингвистической корректности» переводимого текста связано с функциональной адекватностью, в рамках которой «языковые формулировки» меняются в зависимости от их целевой аудитории и ситуаций, в которых они создаются, и присущих им задач [36, с. 4-5]. И.Г. Кошевая [20, с. 57-63], поддерживая точку зрения Лозерайт К. о существование взаимосвязи адекватности с функциональностью, пишет: «Функциональность» в переводе действует как инструмент, воздействующий на различные уровни речи, ассимилируется в определение «функциональная смысловая зависимость».

Проблему разграничения адекватности и эквивалентности в своих трудах изучал немецкий ученый Альбрехт Й., который помимо двух этих понятий в схему взаимоотношений ввел термин «инвариантность». Согласно

2 Переводческая гармония достигается через ассиметричные отношения между исходным и производимым текстом // Гончар Н.Г. Ассиметрия в переводе художественного текста: этнолингвокультурный аспект: автореф. дис. … канд.филол.наук. Тюмень, 2009. 21 с.

3 Гармония в переводе является сложным творческим процессом, включающим в себя создание переводческого пространства, формирование альтернатив перевода и выбор этой альтернативы // Енбаева Л.В. Переводческое решение речевой многозначности (на материале литературы нонсенса) автореф.дис. …канд.филол.наук. Тюмень, 2009. 24 с.

его теории «эквивалентность» - это отношения между исходным текстом и требованиями к инвариантности в тексте перевода, который формируется переводчиком при переводе на основе таких факторов как стилистические особенности текста, элементы его содержания, цель перевода, тип текста, реакция адресата на текст перевода и т.д. Если переводчик не учел все эти факторы, то такой перевод является адекватным, так как сделан с определенной целью и для определенного круга людей [38, с. 177]. Об инвариантности как элементе содержания текста писал также Латышев Л.К. Инвариантность помогает создать коммуникативный эффект текста и влияет на эквивалентность передачи смысла исходного текста в текст перевода. К инвариантным элементам он относит такие элементы, замена или опущение которых приведут к искажению смысла исходного текста.

Исходя из анализа взаимосвязи терминов «эквивалентность» и «адекватность» в проведенном нами исследовании, можно выделить несколько направлений в теории перевода:

- адекватный перевод подразумевает соответствующий конкретному случаю уровень эквивалентности, при этом эквивалентный перевод ни всегда является адекватным (Швейцер А.Д., Паршин А., Комиссаров В.Н. и др.);

- адекватный перевод как способ достижения эквивалентности с использованием межъязыковых соответствий при помощи различного рода трансформаций (Вине Ж.-П., Дарбельне Ж., Бейкер М., Табер Ч., Бархударов Л.С., Иванова Н.А., Зарочинцев И.В. и др.);

- эквивалентность как результат адекватного перевода, т.е. соответствие текста перевода тексту оригинала (Топер М.П., Якобсон Р.О. и др.);

- модель «скопос», в основе которой эквивалентность отмечается как отношения между отдельными знаками и целыми текстами, а адекватность – отношения между культурами. Оба этих термина не статичны, они меняются в зависимости от цели перевода и времени его восприятия (Райс К., Фермеер Х., Норд К.);

- адекватность и есть эквивалентность (Левицкий Р.);

- адекватность зависит от оценки качества перевода переводчиком, а эквивалентность от ситуации (Сдобников В.В., Петрова О.В., Ванников Ю.В.);

- адекватность зависит от типа эквивалентности (Ньюман А., Найда Ю., Бейкер М., Коллер В.).

Некоторые ученые полагают, что «адекватный» перевод является синонимом «хорошего» перевода, в связи с тем, что такой перевод обеспечивает достаточную полноту межъязыковой коммуникации в определенных условиях, в то время как эквивалентность характеризуется как смысловое объединение единиц языка и речи.

Библиографический список:

1. Алексеева Л.М. Перевод как рефлексия деятельности // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология Пермь: ПГУ, 2010. Вып. 1 (7). С. 45-51.
2. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. Учебное пособие для студентов филологических и лингвистических факультетов высших учебных заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; – М.: Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
3. Baker V. In Other Words: A Coursebook on Translation. – L. and N.Y.: Routledge, 1992.
4. Бархударов Л.С. Уровни языковой иерархии и перевод // Тетради переводчика. – М.: МГПИИЯ, 1969. № 6. С. 3-12.
5. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: Международные отношения, 1975. 238 с.
6. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка. Журн. «Вопросы языкознания», 2000. № 4.
7. Блох М.Я. Эквивалентность и адекватность в переводческой проблематике // Новое в переводоведении и лингвистике. Материалы международной научно-практической конференции. – Орехово-Зуево.: МГОГИ, 2012. 308 с.
8. Быкова И.А. Национально-культурная специфика языкового сознания и перевод. Учебное пособие: теоретический курс для студентов, изучающих основы теории и практики перевода. – М.: РУДН, 2011. 90 с.
9. Ванников Ю.В. Проблемы адекватности перевода: Типы адекватности, виды перевода и переводческой деятельности // Текст и перевод. – М.: 1988. С. 3438.
10. Гончар Н.Г. Ассиметрия в переводе художественного текста: этнолингвокультурный аспект: автореф. дис. … канд.филол.наук. Тюмень, 2009. 21 с.
11. Jakobson R. On linguistic aspects of translation. In L. Venuti (ed.), The Translation Studies Reader. – New York: Routledge. (1959/2004). P. 113-118.
12. Егорова Т.А. Проблемы определения адекватности и эквивалентности перевода // Вестник науки и образования. №18 (54). Часть 1. 2018. С. 79-82.
13. Енбаева Л.В. Переводческое решение речевой многозначности (на материале литературы нонсенса) автореф.дис.…канд.филол.наук. Тюмень, 2009. 24 с.
14. Зарочинцева И.В. Некоторые проблемы лексико-грамматических трансформаций при обучении переводу / И.В. Зарочинцева. С. 93.
15. Иванова Н.А. Достижение адекватности перевода языковых реалий // Новое в переводоведении и лингвистике. Материалы международной научно-практической конференции. – Орехово-Зуево.: МГОГИ, 2012. 308 с.
16. Комиссаров В.Н. Теория современного переводоведения. – М.: ЭТС, 2001. С. 167
17. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 1999. 192 с
18. Комиссаров В.Н. Теория перевода. (Лингвистические аспекты). – М., «Высшая школа», 1990. 252с.
19. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
20. Кошевая И.Г., Кузьменко Е.Л., Макарова В.А. Название в его отношении к художественному и лингво-психологическому времени. // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2018. № 2. С. 57-63.
21. Кушнина Л.В., Гейхман Л.К. Функциональная вариативность перевода как фактор успешного межкультурного взаимодействия субъектов // Вестник Томского государственного университета. Гуманитарные исследования. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 26-41.
22. Кушнина Л.В. Перевод как синергетическая система // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3 (15). С. 81-86.
23. Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания: Учеб. пособие для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. 192 с.
24. Латышев Л.К. Технология перевода / Л.К. Латышев. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. 280 с.
25. Латышев Л.К. Технология перевода. – М.: 2000.
26. Лебедева А.А. Проблема эквивалентности лексических единиц при переводе юридических текстов // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Рема. 2013. № 3. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ekvivalentnosti-i-bezekvivalentnosti-leksicheskih-edinits-pri-perevode-yuridicheskih-tekstov
27. Найда Ю.А. К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: 1978. С. 99-114.
28. Newman A. Translation Equivalence: Nature / Ed. R.E. Asher, J.M.Y. Simpson. The Encyclopedia of Language and Linguistics. – Oxford & N.Y.: Pergamon Press. 1994.
29. Новикова М.Г. Смысловые корреляции в дискурсивной динамике перевода: дис. …докт.филолог.наук. – Москва, 2014. 340 с.
30. Приказчикова Е.В. Перевод: подходы к интерпретации понятия и обоснованность существования кате-

гории переводной множественности // Вестник Московского государственного университета. Сер.: Лингвистика. 2012. № 6. С. 70-75.
31. Романова Л.Г. Адекватность и эквивалентность как переводческие категории (теоретико-экспериментальное исследование): дис. … канд. филол. наук. Оренбург, 2011. 259 с.
32. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода. – М.: Флинта, МПСИ, 2006. 416 с.
33. Сдобников В.В. Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода: дис. … д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2015. 492 с.
34. Семко С.А., Калмыков В.А., Дубинко С.А. Проблемы общей теории перевода. Отв.ред. А. Пихлак; АН ЭССР. Таллинн: Валгус, 1988. 200 с.
35. Touri G. In Search of a Theory of Translation. – Tel Aviv: Porter Institute, 1980.
36. Умерова М.В. Полноценность и адекватность перевода в современном переводоведении. Федоровские чтения 2007 – М.: ГУ-ВШЭ, 2007. С. 4-5.
37. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. – М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
38. Шамова Н.В. Разграничение понятий «эквивалентность» и «адекватность» в переводе // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 171-180.

Reference

1. Alekseeva L.M. Translation as a Reflection of Activity // Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology. Perm: PSU, 2010. Issue 1 (7). P. 45-51.
2. Alekseeva I.S. Introduction to Translation Studies. A Textbook for Students of Philological and Linguistic Faculties of Higher Education Institutions. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg University; Moscow: Academy Publishing Center, 2004. 352 p.
3. Baker V. In Other Words: A Coursebook on Translation. L. and N.Y.: Routledge, 1992.
4. Barkhudarov L.S. Levels of Language Hierarchy and Translation // Translator's Notebooks. Moscow: Moscow State Pedagogical Institute of Languages, 1969. № 6. P. 3-12.
5. Barkhudarov L.S. Language and Translation. General and Specific Theory of Translation. Moscow: International Relations, 1975. 238 p.
6. Blokh M.Ya. Dictem in the Level Structure of Language. Zhurn. "Problems of Linguistics", 2000, № 4.
7. Blokh M.Ya. Equivalence and Adequacy in Translation Problems // New in Translation Studies and Linguistics. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Orekhovo-Zuyevo: MGOGI, 2012. 308 p.
8. Bykova I.A. National and Cultural Specificity of Linguistic Consciousness and Translation. A Textbook: A Theoretical Course for Students Studying the Fundamentals of Translation Theory and Practice. Moscow: RUDN University, 2011. 90 p.
9. Vannikov Yu.V. Translation Adequacy Issues: Types of Adequacy, Types of Translation, and Translation Activity // Text and Translation. Moscow: 1988, P. 3438.
10. Gonchar N.G. Assymmetry in Translation of Literary Texts: Ethnolinguocultural Aspect: Abstract of Cand. Sci. (Philological Sciences) Dissertation. Tyumen, 2009, 21 p.
11. Jacobson R. On Linguistic Aspects of Translation. In L. Venuti (ed.), The Translation Studies Reader. New York: Routledge. (1959/2004), P. 113-118.
12. Egorova T.A. Problems of Determining Translation Adequacy and Equivalence // Bulletin of Science and Education. № 18 (54). Part 1. 2018. P. 79-82.
13. Enbaeva L.V. Translation solution of speech ambiguity (based on nonsense literature) author's abstract of dissertation… candidate of philological sciences. Tyumen, 2009. 24 p.
14. Zarochintseva I.V. Some Problems of Lexical and Grammatical Transformations in Teaching Translation / I.V. Zarochintseva. P. 93.
15. Ivanova N.A. Achieving Adequacy of Translation of Linguistic Realities // New in Translation Studies and Linguistics. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. – Orekhovo-Zuyevo.: MGOGI, 2012. 308 p.
16. Komissarov V.N. Theory of Modern Translation Studies. – Moscow: ETS, 2001. P. 167
17. Komissarov V.N. Modern Translation Studies. – Moscow: ETS, 1999. 192 p.
18. Komissarov V.N. Translation Theory. (Linguistic Aspects). – Moscow, "Higher School", 1990. 252 p.
19. Komissarov V.N. General Theory of Translation (linguistic aspects): Textbook for institutes and faculties of foreign languages. Moscow: Higher School, 1990. 253 p.
20. Koshevaya I.G., Kuzmenko E.L., Makarova V.A. The Title in Its Relation to Artistic and Linguistic-Psychological Time. // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics. 2018. № 2. P. 57-63.
21. Kushnina L.V., Geykhman L.K. Functional Variability of Translation as a Factor in Successful Intercultural Interaction of Subjects // Bulletin of Tomsk State University. Humanitarian Studies. 2021. Vol. 7. № 4 (28). P. 26-41.
22. Kushnina L.V. Translation as a synergetic system // Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology. 2011. Issue 3 (15). P. 81-86.

23. Latyshev L.K., Semenov A.L. Translation: Theory, Practice, and Teaching Methods: Textbook for students of translation departments of higher educational institutions. – Moscow: Publishing Center "Academy", 2003. 192 p.
24. Latyshev L.K. Translation Technology / L.K. Latyshev. - Moscow: NVI-TESAURUS, 2001. 280 p.
25. Latyshev L.K. Translation Technology. – Moscow: 2000.
26. Lebedeva A.A. The Problem of Equivalence of Lexical Units in Translation of Legal Texts // Bulletin of the Moscow State Humanitarian University named after M.A. Sholokhov. Rema. 2013. № 3. // URL: https://cyber-leninka.ru/article/n/problema-ekvivalentnosti-i-bezekvivalentnosti-leksicheskih-edinits-pri-perevode-yuridicheskih-tekstov
27. Naida Yu.A. Toward the Science of Translation // Issues of Translation Theory in Foreign Linguistics. – M.: 1978. P. 99-114.
28. Newman A. Translation Equivalence: Nature / Ed. R.E. Asher, J.M.Y. Simpson. The Encyclopedia of Language and Linguistics. – Oxford & N.Y.: Pergamon Press. 1994.
29. Novikova M.G. Semantic Correlations in the Discourse Dynamics of Translation: Dis. … Doctor of Philology. – Moscow, 2014. 340 p.
30. Prikazchikova E.V. Translation: Approaches to the Interpretation of the Concept and the Validity of the Existence of the Category of Translation Plurality // Bulletin of Moscow State University. Series: Linguistics. 2012. № 6. P. 70-75.
31. Romanova L.G. Adequacy and Equivalence as Translation Categories (A Theoretical and Experimental Study): Cand. Sci. (Philology). Orenburg, 2011. 259 p.
32. Sdobnikov V.V., Petrova O.V. Translation Theory. Moscow: Flinta, MPSI, 2006. 416 p.
33. Sdobnikov V.V. Communicative Situation as a Basis for Choosing a Translation Strategy: Doctor of Philology (Philology). Nizhny Novgorod, 2015. 492 p.
34. Semko S.A., Kalmykov V.A., Dubinko S.A. Problems of General Translation Theory. Ed. A. Pikhlak; Academy of Sciences of the Estonian SSR. Tallinn: Valgus, 1988. 200 p.
35. Touri G. In Search of a Theory of Translation. – Tel Aviv: Porter Institute, 1980.
36. Umerova M.V. Completeness and Adequacy of Translation in Contemporary Translation Studies. Fedorov Readings 2007 – Moscow: GU-HSE, 2007. P. 4-5.
37. Fedorov A.V. Fundamentals of the General Theory of Translation. – Moscow: Vysshaya Shkola, 1983. 303 p.
38. Shamova N.V. Distinction between the Concepts of "Equivalence" and "Adequacy" in Translation // Bulletin of Moscow State University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication. 2005. № 2. P. 171-180.

Бовелиева Я.В.
Независимый исследователь. Индивидуальное предприятие «Хунарли йигит».

Языковая личность и текст в цифровую эпоху*

Аннотация. В условиях развития цифровой эпохи языковая личность претерпевает значительные трансформации. В статье рассматривается, как изменения в коммуникационных практиках влияют на текст и формирование языковой личности, исследуются новые черты и тенденции, появляющиеся в результате широкого использования цифровых технологий в повседневной жизни.
Ключевые слова: языковая личность, цифровая личность, цифровая эпоха, текст, информационные коммуникации.

Bovelieva Y.V.
Independent researcher. Individual enterprise "Hunarli Yigit".

Linguistic personality and text in the digital age

Abstract. In the context of the development of the digital age, the linguistic personality is undergoing significant transformations. The article examines how changes in communication practices affect text and the formation of linguistic personality, explores new features and trends emerging as a result of the widespread use of digital technologies in everyday life.
Key words: linguistic personality, digital personality, digital age, text, information communications.

Введение. Языковая личность – это комплекс языковых и речевых характеристик, которые отражают индивидуальность человека в общественном и культурном контексте. «Идентификация участника коммуникации осуществляется через текст как результат речевой реализации личности, которая существует в языковом пространстве и пользуется вербальными знаками» [4].

В эпоху цифровых технологий границы коммуникации значительно

* © Бовелиева Я.В., 2026.

расширились, это неизбежно влияет на языковую личность каждого человека. Такие современные средства общения, как социальные сети, мессенджеры и форумы, преобразовывают способы выражения мыслей и ощущений. Языковая личность, как совокупность индивидуальных лингвистических особенностей, сталкивается с новыми вызовами и возможностями для развития в этой изменчивой цифровой среде. Сегодня можно смело говорить о формировании языковой интернет-личности или о цифровой языковой личности.

Этот тип языковой личности можно считать самостоятельным, отдельным типом, так как технологические возможности цифровой эпохи позволяют пользоваться при создании текста сервисами для создания контента, услугами контент-менеджеров, а также использовать различные текстовые редакторы. Следовательно, тексты в интернете не отражают реальную языковую личность человека, так как маскируют, исправляют и замещают его языковые особенности. Таким образом, можно утверждать, что перемещение общения в цифровое пространство сформировало новый тип языковой личности – цифровую языковую личность [6].

Влияние цифровой эпохи на формирование языковой личности.

Текст – это основное средство передачи информации и самовыражения в Интернете. Он приобретает новые формы и функции, отражая в себе динамику цифрового общества в целом и являясь цифровым портретом языковой личности конкретного человека.

Цифровая эпоха оказывает значительное влияние на формирование языковой личности. С появлением интернета и соцсетей общение стало глобальным и мгновенным, что порождает не только новые языковые практики, но и меняет структуру языкового сознания. Электронная коммуникация требует лаконичности, зачастую в ущерб грамматической и стилистической корректности. Сокращения, эмодзи, мемы, гифки входят в обиход, наполняя язык новыми значимыми элементами, которые, не являясь напрямую элементами речи, тем не менее формируют языковую личность. Таким образом складывается уникальная текстовая и языковая картина мира пользователей цифровых платформ. Это является ещё одним аргументом в пользу появления цифровой языковой личности.

Цифровые технологии предоставляют новые возможности для экспрессии языковой личности чрез текст. Социальные медиа, блоги и форумы служат платформами для самовыражения и обмена идеями. Через текстовые сообщения, комментарии и посты, пользователи в интернете не только делятся информацией, но и выстраивают свои идентичности и социальные отношения. Электронные книги и доступ к онлайн-библиотекам делают литературу более доступной, расширяя границы чтения и интерпретации текстов. Текст в цифровую эпоху претерпевает трансформацию, становясь

одновременно продуктом и инструментом языковой личности.

Эпоха цифровых коммуникаций коренным образом трансформировала структуру текста. С появлением интернета, мобильных устройств и социальных сетей возникли новые формы письменности. Тексты стали более динамичными, интерактивными и доступными, обретая способность мгновенно распространяться по всему миру. Сжатие информации, упрощение языка и визуальные средства стали определять новый облик текстовой коммуникации. Это привело к изменениям в восприятии и создании текстов, особенно среди молодежи, для которой новые медиа являются основным каналом общения.

Современный цифровой текст реализует принцип деконструкции, совмещая читателя и автора: человек за компьютером становится не только потребителем контента, но и его создателем через широчайшие возможности интерпретации [9]. В цифровую эпоху трансформируется и структура текста, адаптируясь к новой манере восприятия информации. Скорость потока данных увеличивается, что требует лаконичности и четкости сообщений. Гипертекст, ссылки, эмодзи становятся неотъемлемыми элементами текста, придающими ему дополнительные смыслы и контекст. Преобладание визуального контента также меняет подход к написанию текстов, делая их визуально более насыщенными и взаимодействующими с другими типами медийного содержимого. Текст стал более фрагментированным и интерактивным. Использование гиперссылок позволяет читателям переходить между разделами и источниками, обогащая чтение дополнительной информацией. Социальные сети и блоги способствовали появлению коротких форм сообщений, акцентирующих внимание на ключевых идеях, исключая избыточную информацию. Эмодзи и мемы стали новым способом выражения эмоций и идей, делая текст более лаконичным и в то же время более выразительным и понятным для широкой аудитории.

Следует также отдельно остановиться на цифровых инструментах и их влиянии на формирование языковой личности. В цифровую эпоху такие инструменты, как текстовые редакторы, социальные медиа и переводчики, реформируют языковую личность. Они предлагают новые формы экспрессии и коммуникации, влияя на языковые навыки и практики. Функции автокоррекции и подсказок, автоматические формулировки фраз могут ограничивать индивидуальные языковые выборы, одновременно повышая грамотность. При этом грамотность не является чертой вторичной языковой личности, а лишь чертой информационной языковой личности. Также интернет-платформы стимулируют смешение языков, создавая гибридные формы общения и множественные идентичности, что делает языковую личность более глобализированной и многофункциональной.

Социальные сети – особенно значимая, резонансная площадка для вы-

ражения языковой личности. Они обеспечивают пользователям инструменты для самовыражения через текстовые комментарии, эмодзи, хэштеги и мемы, что способствует формированию цифровой идентичности. Социальные сети стали местом, где языковая личность может проявлять себя и эволюционировать. Здесь пользователи адаптируют сленг, жаргон и профессиональный лексикон для общения с различными группами. Экспрессивность общения в соцсетях способствует тому, что люди экспериментируют с новыми словами, выражениями и стилями речи, что приводит к развитию уникальной многослойной, совокупной языковой идентичности. Именно здесь языковые нормы не статичны, они эволюционируют вместе с культурными кодами общества. Сетевая коммуникация расширяет границы применения языка, позволяя формировать новые стили и особые языковые культуры, которые отражают как индивидуальные, так и групповые языковые особенности. Это, в свою очередь, влияет на языковое разнообразие и поддержку мультикультурного общения.

Социальные сети также являются инструментом выражения национальной языковой идентичности. Они предоставляют платформу для общения и обмена информацией на разных языках, что способствует повышению видимости национальных языков и языков меньшинств, одновременно проявляя и закрепляя их существование в информационном поле. Пользователи социальных сетей могут публиковать контент на своем родном языке, обсуждать национальные темы и объединяться в сообщества, что помогает сохранять языковое разнообразие. Однако существует и обратная сторона: глобализация и доминирование английского языка в интернете могут оказывать давление на национальные языки, влиять на них, привнося заимствования и изменения. Принимая во внимание этот момент, можно утверждать, что социальные сети являются одновременно и инструментом выржения, и инструментом формирования национальной языковой идентичности определённых социальных групп.

Выводы.

Таким образом, мы можем утверждать, что языковая личность и текст, как её выражение, в цифровую эпоху претерпевают значительные трансформации. Формируется новый тип языковой личности – цифровая языковая личность, которая формируется в виртуальном пространстве с использованием всех возможностей сети. Она не всегда совпадает с реальной языковой личностью конкретного человека, так как формируется не только на базе собственного языкового и интеллектуального опыта личности, но и при помощи различных информационных технологий и инструментов. Исходя из этого, можно говорить о многослойности и многофункциональности языковой личности в цифровую эпоху.

Библиографический список:

1. Бондаренко Т.А. Трансформация личности в условиях виртуальной реальности. – Ростов-на-Дону: Издательский центр ДГТУ, 2006. 51 с.
2. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века. – Волгоград: Перемена, 2007. 307 с.
3. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. 312 с.
4. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. Изд-е 4-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. 264 с.
5. Катермина В.В., Шестакова А.А. Герои online-сетевых практик - цифровая личность: типология и стратегии поведения / Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире. – Минск, 2018. С. 6-9.
6. Лутовинова О.В. Языковая личность в виртуальном дискурсе: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.19. – Волгоград, 2013. 437 с.
7. Потапова Р.К., Потапов В.В., 2017. Основы многоаспектного исследования «электронной личности» по голосу и речи в информационно-коммуникационной среде Интернета // Человек: Образ и сущность. №> 1/2 (28/29). Р. 87-111.
8. Речевая коммуникация в информационном пространстве, 2016 / отв. ред. Р.К. Потапова. – М.: ЛЕНАНД. 112 с.
9. Северина Е. М. Цифровой текст в пространстве современной культуры // Человек и культуа. 2019. № 5. С. 65-72. // URL: https://e-notabene.ru/ca/article_30967.html
10. Чёрненькая С.В. Текст в цифровом пространстве культуры // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2018. № 3. С. 58.
11. Кравченко В.И., Мартынова Д.А. Влияние социальных сетей на рекламу в условиях зарождающегося искусственного интеллекта // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 137-143.

Reference

1. Bondarenko T.A. Personality Transformation in the Context of Virtual Reality. Rostov-on-Don: DSTU Publishing Center, 2006. 51 p.
2. Dmitrieva O.A. Linguocultural Types of Russia and France in the 19th Century. Volgograd: Peremena, 2007. 307 p.
3. Ivantsova E.V. The Phenomenon of Dialectal Linguistic Personality. Tomsk: Tomsk University Publishing House, 2002. 312 p.
4. Karaulov Yu.N. Russian Language and Linguistic Personality / Yu.N. Karaulov. 4th Edition, Stereotype. Moscow: Editorial URSS, 2004. 264 p.
5. Katerina V.V., Shestakova A.A. Heroes of Online Network Practices - Digital Personality: Typology and Behavioral Strategies / Linguistic Personality and Effective Communication in the Modern Multicultural World. Minsk, 2018. P. 6-9.
6. Lutovinova O.V. Linguistic Personality in Virtual Discourse: Dissertation for the degree of Doctor of Philology: February 10, 2019. Volgograd, 2013. 437 p.
7. Potapova R.K., Potapov V.V., 2017. Fundamentals of a Multifaceted Study of the "Electronic Personality" Based on Voice and Speech in the Information and Communication Environment of the Internet // Man: Image and Essence. № 1/2 (28/29). P. 87-111.
8. Speech Communication in the Information Space, 2016 / ed. R.K. Potapova. – M.: LENAND. 112 p.
9. Severina E.M. Digital Text in the Space of Contemporary Culture // Man and Culture. 2019. № 5. P. 65-72. // URL: https://e-notabene.ru/ca/article_30967.html
10. Chernenkaya S.V. Text in the Digital Space of Culture // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Philosophical Sciences. 2018. № 3. P. 58.
11. Kravchenko V.I., Martynova D.A. The impact of social media on advertising in the context of emerging artificial intelligence // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 137-143.

Брахима Тогола
Аспирант, Российский государственный гуманитарный университет.

Научный руководитель:
Бит-Юнан Ю.Г.
Доктор филологических наук Российский государственный гуманитарный университет, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Высшая школа экономики, г. Москва.

Специфика интерпретации падения режима М. Траоре в газетах Мали*

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей интерпретации падения режима генерала Муссы Траоре в малийских газетах. Рассматривается освещение политического кризиса 1991 г. в государственной и независимой прессе Мали. Особое внимание уделяется различиям в интерпретации причин падения режима, роли протестного движения, армии и международных факторов. На основе сравнительног.. Настоящеебликаций газег.. Настоящее, *"Les Echos"* и *"L'Indépendant"* выявляются ключевые дискурсивные стратегии СМИ: легитимация политического перехода, делегитимация авторитарного режима, мобилизация общественного мнения и формирование коллективной памяти о событиях марта 1991 г.. Настоящее исследование приходит к выводу, что малийская пресса в этой эпохе сыграла важную роль в формировании общественного восприятия политического кризиса и демократического перехода в Мали.

Ключевые слова: Мали, Мусса Траоре, пресса, политический кризис, демократизация, медийный дискурс, политическая коммуникация.

Brahima Togola
PhD student. Russian State University for the Humanities.

Supervisor:
Bit-Yunan Y.G.
Doctor of Philology, Russian State Humanitarian University, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Higher School of Economics, Moscow.

* © Лысикова И.В., 2026.

The specifics of interpreting the fall of M. Traore's regime in Malian newspapers

Abstract. The article examines the specific features of media interpretations of the fall of Moussa Traoré's regime in the Malian press. The study analyzes how the political crisis of 1991 was covered by both state-controlled and independent newspapers in Mali. Attention is paid to differences in interpretations regarding the causes of the regime's collapse, the role of protest movements, the army, and international factors. Based on a comparative analysis of publications in the newspapers *'L'Essor", "Les Echos"*, and *''L'Indépendant'*, the paper identifies key media discourse strategies such as the delegitimization of the authoritarian regime, the legitimization of political transition, the mobilization of public opinion, and the construction of collective memory about the events of March 1991. The study concludes that the Malian press at that period played a significant role in shaping public perceptions of the political crisis and the democratic transition in Mali.

Key words: Mali, Moussa Traoré, press, Political crisis, democratization, media discourse, Political communication.

Введение

Проблема политической трансформации Мали и падения режима президента Муссы Траоре в 1991 году получила определённое освещение в зарубежной и африканской историографии, однако интерпретация этих событий в национальной прессе исследована в значительно меньшей степени. Общие закономерности демократических переходов в конце XX века были рассмотрены в работах Хантингтон С.П. и Пшеворский А., которые анализировали процессы перехода от авторитарных режимов к демократическим системам. Их исследования позволяют рассматривать события 1991 года в Мали в контексте глобальной «третьей волны» демократизации.

Политическая история Мали и особенности функционирования режима президента Муссы Траоре анализируются в работах Брэттон М. и Ван де Валле Н., которые исследуют демократические трансформации в странах Африки. Значительное внимание политическим кризисам и механизмам смены власти на африканском континенте уделяет также Снайдер Р.. Социально-политические процессы и роль интеллектуальных и общественных групп в политической мобилизации рассматриваются в исследованиях Диуф М. в этих работах подчеркивается влияние студенческих движений, профсоюзов и интеллигенции на формирование оппозиционного дискурса в странах Западной Африки. Отдельное направление исследований посвящено роли средств массовой информации в политических процессах африканских государств. В частности, вопросы взаимодействия медиа и поли-

тической власти анализируются в трудах Ньямнио Ф. и Шульц Д., которые исследуют влияние прессы и публичной коммуникации на формирование политической культуры и общественного мнения.

Несмотря на наличие значительного количества работ, посвящённых демократизации в Африке и политической истории Мали, проблема интерпретации падения режима Муссы Траоре в национальной прессе остаётся недостаточно разработанной. В большинстве исследований внимание сосредоточено на политических и социально-экономических факторах кризиса, тогда как анализ медийного дискурса и особенностей освещения этих событий в малийских газетах практически отсутствует.

Научная новизна данной работы заключается в том, что в ней впервые предпринимается попытка комплексного анализа интерпретации падения режима Генерала Муссы Траоре в публикациях малийской прессы начала 1990-х годов.

Хронология Событие марта 1991 года

Кульминацией политического кризиса стали события марта 1991 года. 22 марта в столице страны Бамако начались массовые студенческие демонстрации, вызванные ухудшением социально-экономической ситуации и ограничением политических свобод. Столкновения между демонстрантами и силами безопасности привели к многочисленным жертвам среди гражданского населения. Газеты *"L'Essor"* и *"Les Echos"* описывали произошедшее как «кровавую резню», подчеркивая масштаб насилия и постепенную трансформацию локальных протестов в общенациональное восстание [Вентер, 1991, с. 78–92].

26 марта 1991 года группа военных во главе с лейтенант-полковником Амаду Тумани Туре осуществила государственный переворот, в результате которого Генерал Мусса Траоре был арестован. В большинстве газет данное событие интерпретировалось как акт «спасения нации», при котором армия выступила не в роли узурпатора власти, а в качестве гаранта демократического перехода [Блек, 2010, с. 201–223].

После переворота был создан Переходный комитет по спасению народа CTSP (Comité de Transition pour le Salut du Peuple), который объявил о роспуске UDPM и начале процесса политической либерализации. Газетные публикации характеризовали этот момент как завершение «эпохи политической тьмы» и начало демократических реформ.

Интерпретация событий в государственной прессе *(L'Essor)*

До событий 1991 года медийное пространство Мали находилось под значительным контролем государства. Центральное место в информационной системе занимала газета *"L'Essor"*, выполнявшая функции официаль-

ного органа власти. В конце 1980-х годов редакционная политика издания была направлена на легитимацию режима Муссы Траоре и поддержание образа политической стабильности.

В публикациях официальной прессы протестные действия зачастую интерпретировались как «нарушения общественного порядка» или результат внешних манипуляций [Сиссоко, 1988, с. 209–214].

Социально-экономические проблемы, такие как инфляция, рост безработицы и кризис образовательной системы, освещались фрагментарно и рассматривались преимущественно как временные трудности на пути модернизации [Кейта, 1993, с. 63–68]. Однако после свержения режима редакционная политика *"L'Essor"* резко изменилась. Газета начала активно критиковать бывшее руководство страны, обвиняя Муссу Траоре в экономических просчетах, политических репрессиях и подавлении свободы прессы [Сидибе, 1993, с. 34–50]. Подобная трансформация отражала стремление журналистской и политической элиты адаптироваться к новым политическим условиям.

Интерпретация падения режима в независимой и оппозиционной прессе (*les Échos, L'Indépendant*)

В отличие от официальных СМИ, независимые издания интерпретировали падение режима генерала Траоре прежде всего как результат длительного народного сопротивления авторитарному правлению. Газеты *"Les Echos"* и *"L'Indépendant"*, а также подпольные бюллетени студенческой организации Association des Élèves et Étudiants du Mali (AEEM), активно освещали протестные акции и обвиняли правительство в систематическом применении насилия против гражданского населения [Умар, 1992, с. 67–85]. Особое внимание уделялось роли студенческого движения, которое рассматривалось как один из ключевых акторов политических изменений. Публикации подчеркивали, что именно университетская молодежь стала инициатором массовых демонстраций и сыграла важную роль в мобилизации общества.

Нарратив государственного насилия и этнического конфликта

Одной из центральных тем оппозиционной прессы стало освещение репрессий со стороны государства. Журналисты связывали кризис режима с событиями Туарегского восстания 1990–1995-х гг., рассматривая этот конфликт как следствие длительной маргинализации северных регионов страны.

В ряде публикаций действия правительственных сил характеризовались как этнические репрессии, а некоторые журналисты использовали термин «геноцид». Подобные формулировки усиливали моральную делегитима-

цию режима и подчеркивали системный характер насилия.

Международный контекст демократических преобразований

Независимая пресса интерпретировала политические изменения в Мали также в более широком международном контексте. Журналисты связывали падение режима с глобальными процессами политической либерализации, описанными Самюэлем Хантингтоном в концепции «третьей волны демократизации». [Хантингтон, 1991, с. 5–12].

Согласно данной интерпретации, демократический переход в Мали рассматривался как часть более масштабных трансформаций, происходивших в странах Африки и других регионах мира после окончания холодной войны. Дополнительным фактором политического давления на режим президента Траоре назывались экономические реформы, проводимые под контролем Международного валютного фонда.

Формирование образов политических акторов в прессе

В газетных публикациях активно формировались символические образы ключевых политических фигур. Генерал Мусса Траоре, как правило, изображался в негативном контексте – как представитель устаревшей социалистической системы, коррумпированный автократ и политический лидер, утративший связь с обществом.

В противоположность этому Амаду Тумани Туре представлялся как «солдат демократии», сыгравший решающую роль в мирном переходе к новой политической системе. Его решение передать власть гражданскому правительству после проведения выборов способствовало формированию позитивного общественного образа.

Антикоррупционный дискурс в прессе

Значительное место в публикациях независимых СМИ занимала критика коррупции. Газета *"L'Indépendant"* публиковала журналистские расследования, посвященные незаконному обогащению представителей политической элиты. В частности, в прессе регулярно появлялись сведения о конфискованном имуществе бывших чиновников, что формировало представление о систематическом «разграблении государства» правящей верхушкой [Кулибали, 1995, P. 120–140].

Функции оппозиционного медийного дискурса

Анализ публикаций независимых газет (*Les Echos, L'Indépendant др.*) позволяет выделить несколько основных функций оппозиционного медийного дискурса:

1. Делегитимация авторитарного режима посредством критики по-

литических репрессий, коррупции и экономического кризиса.

2. Мобилизация общественного мнения через представление протестов как легитимной формы гражданского сопротивления.

3. Формирование коллективной памяти о событиях 1991 года как о переломном моменте национальной истории.

4. Легитимация нового политического порядка через поддержку демократических реформ и положительное изображение лидеров переходного периода.

Сравнение интерпретаций в малийской прессе

Сравнительный анализ публикаций различных газет (*L'Essor, Les Echos, L'Indépendant*) показывает наличие существенных различий в интерпретации причин и характера падения режима.

Таблица 1. Сравнение интерпретаций в малийской прессе.

Газета	Основной нарратив	Причины падения режима	Роль армии и общества
L'Essor	Победа демократии над тиранией	Экономический кризис и протесты	Народ – инициатор, армия – арбитр
Les Echos	Народная революция	Репрессии и фальсификация выборов	Студенты – авангард протестов
L'Indépendant	Конец социалистического режима	Коррупция, внешний долг, конфликт на севере	Массы против правящей элиты

Данная таблица демонстрирует определенную поляризацию интерпретаций: государственные СМИ стремились смягчить роль армии и подчеркнуть институциональный характер перехода, тогда как независимые издания радикализировали протестный дискурс и подчеркивали революционный характер событий (*Блек & Ван де Валле Н., 2011*).

Заключение

Падение режима Генерала Муссы Траоре стало важнейшим этапом политической трансформации Мали и ознаменовало начало демократического перехода. Анализ публикаций малийской прессы показывает, что интерпретация этих событий существенно зависела от политической ориентации конкретных изданий. Государственная пресса (*L'Essor*) первоначально стремилась сохранить легитимность режима, однако после переворота быстро адаптировалась к новой политической реальности. В то же

время независимые и оппозиционные издания с самого начала представляли события 1991 г. как результат длительной борьбы общества против авторитаризма.

Таким образом, малийская пресса сыграла значительную роль в формировании общественного восприятия политического кризиса и последующего демократического перехода, став важным элементом процесса переосмысления авторитарного прошлого и конструирования новой политической идентичности Мали.

Библиографический список:

1. Хантингтон С.П. Третья Волна: Демократизация В Конце Двадцатого Века. Норман: Издательство Университета Оклахомы, 1991. С. 5-26, 107-132.
2. Пшеворский А. Демократия и рынок: Политические и Экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 1991. С. 112-130.
3. Снайдер Р. Демократизация И Политический Кризис В Африке. Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 1992. С. 45-67.
4. Джуф М. Интеллектуалы и власть в Африке. Париж: Картала, 1994. С. 89-105.
5. Брэттон М. Николас ван Де Валле Н. Демократические эксперименты в Африке: Смена правительств в сравнительной перспективе. Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 1997. С. 152-176.
6. Брюс Мэдди-Вейцман. Политическая либерализация в Африке: на примере Мали. Лондон: Ратледж, 1993. С. 64-88.
7. Леонардо А. Виллалон, Питер Вондоепп. Судьба Демократических Экспериментов В Африке: Элиты И Институты. Блумингтон: Издательство университета Индианы, 2005. С. 201-223.
8. Шульц Д. Культура И Средства Массовой Информации В Мали. Блумингтон: Издательство университета Индианы, 2003. С. 73-96.
9. Бенджамин Ф. Суарес Ф.Б. Ислам и молитвенная экономика: История и власть в Малийском городе. Эдинбург: Издательство Эдинбургского университета, 2005. С. 54-70.
10. Блек Т. Образование И Демократизация В Мали. Боулдер: Издательство Линн Риннер, 2011. С. 201-223.
11. Блек Т. Николас ван Де Валле. Избирательная политика в Африке. Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 2011. С. 142-168.
12. Ньямнио Ф. Африканские средства Массовой информации, Демократия и Политика Принадлежности. Лондон: Zed Books, 2005. С. 145-162.
13. Перре Ж-П. Демократизация и народовластие в Мали. Париж: Картала, 2005. С. 130-139.
14. Сиссоко И.Н. Средства массовой информации и власть в Мали. Бамако: Издание Джаманы, 1988. С. 209-214.
15. Сиссоко Ш.У. Политический кризис и Переходный Период В Мали. Бамако: Издательство университета Бамако, 1992. С. 67-85.
16. Кулибали А. Коррупция и политические элиты в Мали. Бамако: Джамана Пресс, 1995. С. 120-140.
17. Сангаре А. Политический конфликт на севере Мали. Бамако: Сахельский исследовательский центр, 2017. С. 155-170.
18. Буржо А. Восстания. Париж: CNRS editions, 1996. С. 98-112.
19. Пиго Ф. Война утратила свой террористический характер. Смотрите также: Париж, 2012. С. 150-160.
20. Сидибе М. Демократия и переходный период в Мали. Бамако: Издательство Малийского Университета, 1993. С. 34-50.
21. Королёва Э.В., Волынчук Я.А. Конструирование имиджа «политического лица» // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 9 (207). С. 62-73.
22. Байханов И.Б. Корпоративное образование: смыслы и отличия от общего или дополнительного образования // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 298-306.

Reference

1. Huntington S.P. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman, Oklahoma: University Press, 1991. P. 5-26, 107-132.
2. Przeworski A. Democracy and the Market: Political and Economic Reform in Eastern Europe and Latin America. Cambridge, Cambridge University Press, 1991. P. 112-130.

3. Snyder R. Democratization and Political Crisis in Africa. New York, Oxford University Press, 1992. P. 45-67.
4. Jouf M. Intellectuals and Power in Africa. Paris, Kartala, 1994. P. 89-105.
5. Bratton M., Nicholas van de Walle N. (2007). Democratic Experiments in Africa: Government Change in Comparative Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 152-176.
6. Bruce Maddy-Weitzman. Political Liberalization in Africa: The Case of Mali. London: Rutledge, 1993. P. 64-88.
7. Leonardo A. Villalon and Peter Vondoepp. The Fate of Democratic Experiments in Africa: Elites and Institutions. Bloomington: Indiana University Press, 2005. P. 201-223.
8. Schultz D. Culture and the Media in Mali. Bloomington: Indiana University Press, 2003. P. 73-96.
9. Benjamin F. Suarez, F.B. Islam and the Prayer Economy: History and Power in a Malian City. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2005. P. 54-70.
10. Black T. Education and Democratization in Mali. Boulder: Lynne Rienner, 2011. P. 201-223.
11. Black T. and Nicholas van de Walle. Electoral Politics in Africa. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 142-168.
12. Nyamnyo F. African Media, Democracy, and the Politics of Belonging. London: Zed Books, 2005. P. 145-162.
13. Perret J.-P. Democratization and Popular Power in Mali. Paris: Kartala, 2005. P. 130-139.
14. Sissoko I.N. Media and Power in Mali. Bamako: Jamana Press, 1988. P. 209-214.
15. Sissoko C.U. Political Crisis and Transition in Mali. Bamako: Bamako University Press, 1992. P. 67-85.
16. Coulibaly A. Corruption and Political Elites in Mali. Bamako: Jamana Press, 1995. P. 120-140.
17. Sangaré A. Political Conflict in Northern Mali. Bamako: Sahel Research Center, 2017. P. 155-170.
18. Bourgeau A. Rebellions. Paris: CNRS editions, 1996. P. 98-112.
19. Pigot F. The war has lost its terrorist character. See also: Paris, 2012. P. 150-160.
20. Sidibe M. Democracy and transition in Mali. Bamako: University of Mali Press, 1993. P. 34-50.
21. Koroleva E.V., Volynchuk Y.A. Constructing the image of a “political person” // Etnosotsium and international culture. 2025. № 9 (207). P. 62-73.
22. Bayhanov I.B. Corporate education: meanings and differences from general or additional education // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 298-306.

Губин А.Ю.

Аспирант. Российский технологический университет МИРЭА (Московский институт радиотехники, электроники и автоматики).

Дихотомия «творчество – жизнь» в производственных романах Федора Гладкова*

Аннотация. В статье рассматривается дихотомия «творчество – жизнь» в производственных романах Федора Гладкова («Цемент», «Энергия») в контексте становления и развития жанра производственного романа в советской литературе. Исследуется влияние историко-культурных условий, идеологических установок социалистического реализма и документальной основы произведений на художественное воплощение темы труда. Особое внимание уделяется психологической глубине персонажей, нравственным конфликтам и актуальности поднимаемых Гладковым проблем для современности. Проводится параллель между советскими производственными романами и их современными аналогами, отражающими цифровую трансформацию и новые социально-экономические реалии. Статья подчеркивает непреходящую ценность произведений Гладкова как историко-культурного наследия и источника для осмысления роли труда в жизни человека.

Ключевые слова: Федор Гладков, производственный роман, социалистический реализм, «Цемент», «Энергия», дихотомия творчества и жизни, труд, индустриализация, советская литература, современный производственный роман, цифровая трансформация, психологизм, историко-культурный контекст.

Gubin A.Yu.

Postgraduate student. Moscow Institute of Radio Engineering, Electronics, and Automation of the Russian Technological University.

The "creativity-life" dichotomy in Fyodor Gladkov's industrial novels

Abstract. This article examines the dichotomy of "creativity versus life" in Fyodor Gladkov's industrial novels ("Cement," "Energy") within the context of the emergence and development of the industrial novel genre in Soviet literature. It explores the influence of historical and cultural conditions, the ideological tenets of socialist realism, and the documentary basis of the works on the artistic embodiment of the theme of labor. Par-

* © Губин А.Ю., 2026.

ticular attention is paid to the psychological depth of the characters, moral conflicts, and the contemporary relevance of the issues raised by Gladkov. A parallel is drawn between Soviet industrial novels and their contemporary counterparts, reflecting digital transformation and new socioeconomic realities. The article emphasizes the enduring value of Gladkov's works as a historical and cultural legacy and a source for understanding the role of labor in human life.

Key words: Fyodor Gladkov, industrial novel, socialist realism, "Cement," "Energy," dichotomy of creativity and life, labor, industrialization, Soviet literature, contemporary industrial novel, digital transformation, psychologism, historical and cultural context.

Производственный роман (англ. *Occupational Novel*) известен как литературное произведение, в центре повествования которого находится профессионал, решающий стоящие перед ним задачи из сферы труда. Так Н.Л. Лейдерман определил его, как «жанр, в котором человек рассматривается прежде всего в свете его рабочих функций»[1].

Общепринятое мнение, что жанр производственного романа оформляется в Европе в начале XX в. Его родоначальником считают французского писателя Анри Бурильона (1876 – 1962). Возможно то, что он имел богатый трудовой опыт, включавший работу кондитером, на железной дороге и в инспекции по труду, позволило создать серию романов о производстве «Страда человеческая» (фр. *La Peine des Hommes*, 1908 – 1957) под псевдонимом Пьер Амп. В ней внимание было сосредоточено на совершенствовании технического процесса и рационализации, что оказывалось созвучным задачам ускоренного промышленного развития прошлого столетия.

Исследователи предлагают обратиться к поиску более ранних истоков этого жанра, справедливо связывая потребность в подобной литературе с Промышленной революцией. В частности, в качестве зачинателя производственного романа называют английского писателя, поэта, прозаика и композитора Томаса Делони (1543 – 1600), который писал баллады на исторические и бытовые сюжеты, а также романы из жизни ремесленников-башмачников «Благородное ремесло» (англ. *The gentle craft*, 1598)[2]. Критики также усматривают истоки производственного романа в натурализме, например, у Эмиля Золя (1840 – 1902). Его роман «Труд» (фр. *Travail*, 1901) со-

1 *Лейдерман Н.Л.* и др. Русская литература XX века, 1917 – 1920-е годы: учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования: в 2 кн. / под ред. Н.Л. Лейдермана. – М.: Академия, 2012. Кн. 1. С. 30.

2 *Гроссман Л.П.* Производственный роман в эпоху Шекспира // Гроссман Л.П. Цех пера: Статьи о литературе. – М.: Федерация, 1930. С. 29-48.

четал описание капиталистического сталелитейного завода с утопической картиной счастливого труда в гигантском фаланстере, принадлежащем рабочим. Среди образцов, оказавших наибольшее влияние на все направление, называют роман Бернхарда Келлермана (1879 – 1951) «Туннель» (нем. *Der Tunnel*, 1913), раскрывающий тему строительства трансатлантического туннеля, соединяющего Европу и Америку. Как герой «Труда» Люк Фроман, так и герой «Туннеля» Мак Аллан в некоторой степени предвосхищают черты героев советских соцреалистических романов. Неудивительно, что в СССР роман Келлермана в 1920 – 1930-е гг. переиздавался около двадцати раз.

Хотя интерес писателей к технической стороне социальных процессов и причинам склонности управления к машиноцентричности первоначально проявились в европейской литературе, по-настоящему внимание к этим процессам было уделено советскими писателями. Это отвечало задачам строительства нового мира и формирования нового человека. Максим Горький (1868 – 1936) на Первом Всесоюзном съезде советских писателей провозглашал, что героем литературы становится «человек, организуемый процессами труда»[3]. Такое видение соответствовало эпохе кардинальных перемен в жизни советских людей, связанных с индустриализацией, коллективизацией, раскулачиванием…

Об их влиянии на писательский труд говорилось в постановлении ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций», принятом в апреле 1932 г. Основные тезисы этого документа можно сформулировать следующим образом: во-первых, ликвидировать Российскую ассоциацию пролетарских писателей (РАПП); во-вторых, объединить всех авторов, поддерживающих платформу советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем[4]. Эти задачи были поддержаны на вышеупомянутом писательском съезде, который открылся в Москве в августе 1934 г. С его трибуны литературный функционер Александр Фадеев (1901 – 1956), которого называли «писательским министром», выступил с призывом создавать новые литературные формы, звучащие в унисон с монументальностью задач, которые ставит партия.

Эти новые произведения должны создаваться по канонам социалисти-

3 *Горький М.* Советская литература: вступительное слово, доклад, речь и заключительное слово на Первом Всесоюзном съезде советских писателей. – М.: Художественная литература, 1934. С. 18.

4 Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» 23 апреля 1932 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/1932.htm.

ческого реализма, как единого метода советской литературы[5]. Данное понятие, впервые озвученное в мае 1932 г. на собрании писателей Москвы, впоследствии стало доминировать над другими вариантами реализма, среди которых были: революционный, тенденциозный, монументальный, героический, романтический, классовый. Во вводимом сочетании главным служил отнюдь не реализм, как правдивое отображение действительности, а верность идеологии построения нового общества, что отражало слово «социалистический». Термин получил одобрение Сталина. Определились и классики соцреализма, которыми были Горький с романом «Мать», Фадеев с «Разгромом» и Дмитрий Фурманов (1891 – 1926) с «Чапаевым». Остальные авторы призывались равняться на эти образцы.

Производственный роман не случайно стал «визитной карточкой» соцреализма. Жизнь представляла богатейший материал для таких произведений, ежедневно расширяя сводки созидания новых объектов индустрии и трудовых подвигов. Этот резко бьющийся нерв позволял авторам легко подниматься от заводских будней до космогонической картины сотворения нового мира, преодоления человеческим гением хаоса природы. Даже названия производственных романов того времени напоминали вспышки молнии, возникавшей от напряжения тысяч станков и прорывающей темные силы стихии: «Время, вперед!» (Валентин Катаев), «Гидроцентраль» (Мариэтта Шагинян), «Большой конвейер» (Яков Ильин), «Цемент» и «Энергия» (Федор Гладков).

Одновременно с этим эпическим охватом кардинально преобразующейся человеком реальности создатели производственного романа смогли удержаться в рамках повседневности, представляя ее и как испытание, и как радость[6]. Во многом это было результатом их прямого погружения в жизнь труда и внимания к документам эпохи[7]. Специалисты особо подчеркивают акцентировку конкретных жизненных фактов, использование в романах приемов, характерных для очерка или репортажа, что было для многих из них дополнительным художественным вызовом[8]. Однако при этой документальной точности репрезентации социалистической дей-

5 *Святославский А.В.* Первый Всесоюзный съезд советских писателей: взгляд из XXI века (к 80-летнему юбилею) // Культурологический журнал. 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pervyy-vsesoyuznyy-sezd-sovetskih-pisateley-vzglyad-iz-xxi-veka-k-80-letnemu-yubileyu/viewer.

6 *Терновая Л.О.* Политическая социология повседневности: монография. – М.: ИНФРА-М, 2023.

7 *Земскова Д.Д.* Советский производственный роман: эволюция и художественные особенности жанра. Дис. … канд. филол. наук. М., 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.philol.msu.ru/~ref/dcx/2016_ZemskovaDD_diss_10.01.01_32.pdf.

8 *Никонова Т.А.* «Производственный» роман 1930-х годов в поисках «новой» художественности // Вестник ВГУ. Серия: филология. Журналистика. 2020. № 3. С. 44.

ствительности в произведениях ощущалось мощное биение конфликта. То было не столько идеологически выверенное противостояние старого порядка и нового времени, сколько более глубинные нравственные коллизии самих героев[9].

Производственные романы Федора Гладкова «Цемент» (1925) и «Энергия» (1933), вписывающиеся в эту схему, не просто являются ценными литературными памятниками эпохи становления советской власти, но и носителями актуальных смыслов[10]. Прежде всего речь идет об их историко-культурной значимости.

Время и место действия романа «Цемент» переносит читателя в южный приморский город, в весну 1921 г. Именно туда после трех лет Гражданской войны красноармеец Глеб Чумалов возвращается домой. Уже в топониме места действия, поселке Уютная Колония при заброшенном заводе, обнаруживается конфликт: стремление к возрождению, покою, уюту и депрессивности колонии, проявляемой в сплошной разрухе, остановленном заводе и растаскивающих последнее оборудование рабочих. Эта картина, многим читателям напоминает «лихие 90-е». Не менее жив в наши дни и смысл трансформации семьи, когда жена погружена в общественную деятельность, а дочь отправлена в детский дом. И все же наиболее созвучной современности можно назвать проблему возрождения завода, в которой перекликаются разные сюжеты, например, привлечения прежних специалистов или борьбы с бандами и бюрократией. Особенностью советского производственного роман был оптимизм. И, естественно, Гладков рисует именно такой финал, когда завод запускает в знаковую для молодой Советской России дату – четвертую годовщину Октября.

Несмотря на столетний период, прошедший со времени написания романа, его основные темы: возрождение производства как основа новой жизни; конфликт личного и общественного; борьба с разрухой, бандитизмом и бюрократией; трансформация семьи и отношений в эпоху перемен, – не воспринимаются читателем обветшавшими. Более того, эта художественная ретроспектива позволяет на сегодняшние трудности смотреть более масштабно, за фактами видеть причины, лежащие не в сложностях повседневности, а в глубине человеческой натуры, которая в периоды бурных социальных перемен часто при внешнем проявлении согласия с ними выворачивается темной стороной, проявляет поистине инфернальную энергию.

9 *Гаганова А.А.* Производственный роман: драматургия жанра. Герой. Эстетика. Конфликт. Б.и., 2025; *Гаганова А.А.* Производственный роман, стадиальное развитие жанра: монография. – М.: «У Никитских ворот», 2022; *Гаганова А.А.* Художественная доминанта образа героя производственного романа // Филология: научные исследования. 2020. № 1. С. 93-103.

10 *Гладков Ф.В.* Цемент: Роман / Авт. послесл. и коммент. Е.Б. Скороспелова; Худож. А.Г. Тюрин. – М.: Просвещение, 1986; *Гладков Ф.В.* Энергия: Роман. – М.: Гослитиздат, 1947.

Эти же вопросы автор поднимал в романе «Энергия», время действия которого – вторая половина 1920-х гг., а место – стройка гидроэлектростанции. Автор имел такие прототипы, как возведение Волховской ГЭС (имени В.И. Ленина, ГЭС-6) и Днепровской ГЭС. Роман был написан Гладковым после его поездки на Волховстрой и Днепрострой (1927). Это придало произведению документальную основу, как отмечалось, отличавшую советские производственные романы. Эта же база неоднократно требовала от писателя внесения корректив, которые позволяли более рельефно передавать представления о ценности энергии и в смысле электричества для индустриализации, и в плане биения жизни, готовности отвечать на технические и социальные вызовы, разрешать конфликт личного и коллективного начал, быть не только в потоке времени, но и опережать его. Здесь, как и в романе «Цемент», Гладков четко очерчивает основные темы: индустриализации как миссии; героизма повседневного труда; столкновения старого и нового в технике и сознании; формирования нового человека в процессе созидания. Разница во времени написания этих романов меньше десяти лет, но поразительно, насколько иначе в «Энергии» расставлены акценты в освещении вечных нравственных коллизий, как тонко автор вводит новую для того периода проблематику, в частности, вопрос о роли науки и инженерии в социалистическом строительстве.

Безусловно, производственные романы Гладкова отражают специфику времени – восстановление после Гражданской войны, НЭП, первые пятилетки, строительство социализма. Автор через призму производственных процессов и трудовых будней раскрывает трудности социальных, экономических и идеологических трансформаций общества. С одной стороны, благодаря этим произведениям можно лучше понять историю страны и ее культурные особенности. С другой стороны, отличие художественной литературы от документальной истории ярко выражено не только в общем, но и частном – в демонстрации характеров героев.

Гладков проявил художественное новаторство, соединив героическое изображение труда с глубоким психологическим анализом персонажей и их личных трагедий. Он сумел показать и трудовые подвиги, и социальные конфликты, разрушенные семьи, поруганную любовь. Такой сложный художественный синтез делает производственные романы писателя многогранными и, вопреки жестким идеологическим клише того времени, неидеализированными.

Важно отметить, что в традиции советского производственного романа решающую роль играет развитие двух типов персонажей: первый, тот, который убеждением и личным примером, с новой силой включая коллектив в работу, заставляет его вновь поверить в осмысленность и пользу собственного труда; второй, часто – интеллигент, не верящий в возмож-

ность большой стройки и восстановление дисциплины труда, но, под воздействием коллективной воли, включающийся в работу и заслуживающий уважение рабочих. Оба типажа отлично переданы Гладковым в романе «Цемент»: это – главный герой, Чумалов, который приходит на завод и помогает выстроить новую рабочую дисциплину, и «спец» Клейст, отображающий в романе тип «попутчика» революции, тем не менее, он включается в работу, нацеленную на построение нового общества.

Еще один ракурс, центральный для производственного романа и исключительно востребованный сейчас в связи с цифровым переходом, состоит в презентации вечной проблемы труда и его смысла. У Гладкова труд выступает не просто как физическая деятельность, а как основа человеческого достоинства и смысла жизни. Безусловно, ценностные ориентиры изменились. Но вопрос о роли труда в самореализации личности по-прежнему актуален. Современные авторы рассуждают о сломанной трудовой матрице, балансе работа-жизнь (англ. *work-life balance*), особенностях прекарной занятости[11]. При этом в поиске смысла в труде они не могут не находить точки соприкосновения с трактовкой труда как основы человеческого бытия в романах Гладкова.

Также ценна психологическая глубина персонажей, которые вырисованы Гладковым не как ходячие идеологические конструкции, а как сложные, противоречивые личности, с внутренними конфликтами, переживаниями, страстями. Отсюда понятно, что для того, чтобы сделать их живыми и узнаваемыми, необходима была насыщенная стилистическая палитра – богатая, сочная и образная. Гладков творил в непростое время. Его мастерство в описании человеческих характеров, пейзажей и, конечно, производственных процессов пробивалось сквозь идейные ограничения. С учетом тех политических реалий авторский стиль служит очень ценной линзой, позволяющей разглядеть не только то, что лежало на поверхности, но и было скрыто в глубине советской социальной реальности.

Ценность производственных романов Гладкова сегодня заключается в их историко-культурной значимости, художественном новаторстве, тонкости и глубине психологического анализа. Их и сейчас можно использовать как материал для изучения эпохи и механизмов взаимодействия литературы и идеологии. Такие поднимаемые Гладковым темы, как восстановление промышленности, коллективизм, преодоление трудностей и модернизация производства, могут быть сопоставлены с нынешним положением дел в регионах Донбасса и Новороссии, особенно учитывая экономические труд-

11 *Вежлян Е.* Производственный роман в эпоху прекарной занятости, или размышления о сломанной матрице // Литература. 2020. № 236. январь [Электронный ресурс]. URL: https://literratura.org/criticism/4650-evgeniya-vezhlyan-proizvodstvennyy-roman-v-epohu-prekarnoy-zanyatosti-ili-razmyshleniya-o-slomannoy-matrice.html.

ности, вызванные конфликтом и международными санкциями. Эти регионы сталкиваются с необходимостью восстановления инфраструктуры, обеспечения энергоснабжения и развития промышленных предприятий в условиях нестабильной геополитической обстановки.

Производственные романы Гладкова остаются значимыми для понимания современных событий, прежде всего, благодаря общечеловеческим проблемам, вере в преодоление кризиса, вниманию к развитию промышленности и социальной солидарности, которые сохраняют свою актуальность во многих аспектах. Несомненно, конкретные исторические и культурные контексты романов отличаются от текущей ситуации, а прямое сравнение требует осторожности и тщательного анализа обеих эпох.

В то же время нельзя не заметить, что гениальность автора заключается в умении увидеть и выделить сквозные проблемы. И для прошлого, и для настоящего одной из таких проблем выступает переосмысление цивилизационной коллизии «человек – техника». В сравнении с произведениями Гладкова современные производственные романы претерпели значительные трансформации. Их авторы адаптируются к новым социально-экономическим реалиям, технологическим изменениям и сдвигам в восприятии труда, что можно сказать о ставших классическими в этом жанре романах канадского прозаика Артура Хейли (1920 – 2004)[12].

Современные производственные романы в первую очередь отличаются расширением тематики и сфер производства. В прошлом авторы делали акцент на индустриальном производстве. Их интересовали его образцы – фабрики, заводы, электростанции... Сейчас же жанр, охватывая самые разные сферы, явно склоняется в сторону цифровой экономики: IT, кибербезопасность, наука, творческие профессии... Например, в романе «Вирьё моё! Хроники невидимых хакерских войн от Сыктывкара до Сингапура» авторов, скрытых под сетевыми именами Гайка Митич и Бойко Двачич, рассказывается о работе аналитиков киберугроз[13]. В «Кластере» Дмитрия Захарова описываются три конкурирующие компании из высокотехнологичной сферы[14]. Более того, в этом произведении даже присутствуют фантастические элементы.

---

12 *Московская Н.Л., Мацаева М.А.* К вопросу о жанровой специфике производственного романа (на материале произведений Артура Хейли) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. № 3. С. 282-291; *Фадеичева В.В.* Сюжетно-композиционные особенности производственных романов Артура Хейли / Молодой ученый. 2024. № 25 (524). С. 370-372. [Электронный ресурс]. URL: https://moluch.ru/archive/524/115933.

13 *Гайка Митич, Бойко Двачич.* Вирьё моё! Хроники невидимых хакерских войн от Сыктывкара до Сингапура. – М.: Эксмо, 2025.

14 *Захаров Д.С.* Кластер. – М.: Редакция Елены Шубиной, 2020.

Изменяются времена и с ними изменяется образ героя. Это уже не глыба, социальный лидер, а личность многогранная, что делает лишь сложнее ее столкновение с этическими дилеммами и профессиональными вызовами. Такая фигура отнюдь не стремится к реализации цели, а часто погружена в собственные разочарования. Но эти внутренние переживания неотрывны от внешних: выгорания, токсичности коллег, конкуренции, буллинга и пр. Так, главная героиня повести Маши Гавриловой «Я обязательно уволюсь», постоянно рефлексируя, пытается найти комфортные трудовые условия[15]. Или в романе Александры Ручьевой «Заводские настройки» героиня старается понять для себя, что мотивирует ее оставаться работать на заводе, и почему она находит в этой работе чуткий и трепетный интерес[16].

В то же время у новых романов находится перекличка с советским производственным романом и его базированием на документальной основе. Авторам нашего времени требуется разбираться в современных технологиях, владеть специализированной терминологией и быть в курсе актуальных научно-технических открытий, сохраняя баланс между инновационной детализацией и доступностью изложения. В поиске этого баланса они идут на эксперименты с формой, стирают жанровые границы. Повествование часто разворачивается в нелинейной парадигме, наполнено архетипами и метафорами, которые по-иному преподносят традиционные вопросы производственного романа, в частности, какова роли труда в жизни человека, как на него влияют постоянно изменяющиеся технологии, где устанавливаются этические границы профессионализма и т.д.

Одним из наиболее заметных отличий современных производственных романов от их советских предшественников выступает снятие пространственных границ. Даже если их место действия Россия, в них так или иначе присутствует глобальный контекст. Он может проявляться в виде продукта глобального потока знаний, общих для сферы деятельности профессиональных конфликтах и страхах, зримом или незримом присутствии геополитических мировых игроков, таких как транснациональные компании. Однако рассматривать эти произведения вне связи с предшественниками невозможно, потому что их главная задача заключается в том, чтобы подвести читателя к необходимости осмысления усложняющейся связи личности, труда, технологий, социума[17]. Они сплетают

15 *Гаврилова М.* Я обязательно уволюсь. – М.: Popcorn Books, 2024.

16 *Ручьева А.* Заводские настройки. – М.: Редакция Елены Шубиной, 2025.

17 *Вражнова М.Н., Терновая Л.О.* Произведения художественной литературы в вузовском курсе «Основы кадровой безопасности» // Альманах Казачество. 2024. № 6 (79). С. 109-116; *Терновая Л.О.* Методика преподавания инженерной педагогики: учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2026.

не уютный кокон существования здесь и сейчас, а формируют сложный канал движения человека в будущее, в котором не всегда социальные, экономические и технологические перемены создают комфорт. Но появляется возможность, прочитав производственный роман прошлого времени, включая романы Федора Гладкова, прочувствовать динамику изменений и найти то, что обеспечивает это движение и что древние мудрецы называли точкой опоры.

Библиографический список:

1. Вежлян Е. Производственный роман в эпоху прекарной занятости, или размышления о сломанной матрице // Литература. 2020. № 236. январь // URL: https://literratura.org/criticism/4650-evgeniya-vezhlyan-proizvodstvennyy-roman-v-epohu-prekarnoy-zanyatosti-ili-razmyshleniya-o-slomannoy-matrice.html.
2. Вражнова М.Н., Терновая Л.О. Произведения художественной литературы в вузовском курсе «Основы кадровой безопасности» // Альманах Казачество. 2024. № 6 (79). С. 109-116.
3. Захаров Д.С. Кластер. – М.: Редакция Елены Шубиной, 2020. 352 с.
4. Гаврилова М. Я обязательно уволюсь. – М.: Popcorn Books, 2024. 176 с.
5. Гаганова А.А. Производственный роман: драматургия жанра. Герой. Эстетика. Конфликт. Б.и., 2025. 192 с.
6. Гаганова А.А. Производственный роман, стадиальное развитие жанра: монография. – М.: «У Никитских ворот», 2022. 302 с.
7. Гаганова А.А. Художественная доминанта образа героя производственного романа // Филология: научные исследования. 2020. № 1. С. 93-103.
8. Гайка Митич, Бойко Двачич. Вирьё моё! Хроники невидимых хакерских войн от Сыктывкара до Сингапура. – М.: Эксмо, 2025. 320 с.
9. Гладков Ф.В. Цемент: Роман / Авт. послесл. и коммент. Е.Б. Скороспелова; Худож. А.Г. Тюрин. – М.: Просвещение, 1986. 238 с.
10. Гладков Ф.В. Энергия: Роман. – М.: Гослитиздат, 1947. 712 с.
11. Горький М. Советская литература: вступительное слово, доклад, речь и заключительное слово на Первом Всесоюзном съезде советских писателей. – М.: Художественная литература, 1934. 64 с.
12. Гроссман Л.П. Производственный роман в эпоху Шекспира // Гроссман Л.П. Цех пера: Статьи о литературе. М. : Федерация, 1930. С. 29-48.
13. Земскова Д.Д. Советский производственный роман: эволюция и художественные особенности жанра. Дис. … канд. филол. наук. – М.: 2016 // URL: https://www.philol.msu.ru/~ref/dcx/2016_ZemskovaDD_diss_10.01.01_32.pdf.
14. Лейдерман Н.Л. и др. Русская литература XX века, 1917 – 1920-е годы: учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования: в 2 кн. / под ред. Н.Л. Лейдермана. – М.: Академия, 2012. Кн. 1. 463 с.
15. Московская Н.Л., Мацаева М.А. К вопросу о жанровой специфике производственного романа (на материале произведений Артура Хейли) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. № 3. С. 282-291.
16. Никонова Т. А. «Производственный» роман 1930-х годов в поисках «новой» художественности // Вестник ВГУ. Серия: филология. Журналистика. 2020. № 3. С. 44-48.
17. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» 23 апреля 1932 г. // URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/1932.htm
18. Ручьева А. Заводские настройки. – М.: Редакция Елены Шубиной, 2025. 284 с.
19. Святославский А.В. Первый Всесоюзный съезд советских писателей: взгляд из XXI века (к 80-летнему юбилею) // Культурологический журнал. 2014. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pervyy-vsesoyuznyy-sezd-sovetskih-pisateley-vzglyad-iz-xxi-veka-k-80-letnemu-yubileyu/viewer.
20. Терновая Л.О. Методика преподавания инженерной педагогики: учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2026. 255 с.
21. Терновая Л.О. Политическая социология повседневности: монография. – М.: ИНФРА-М, 2023. 380 с.
22. Фадеичева В.В. Сюжетно-композиционные особенности производственных романов Артура Хейли / Молодой ученый. 2024. № 25 (524). С. 370-372. // URL: https://moluch.ru/archive/524/115933.
23. Ананченкова П.И. Возраст как предмет философского дискурса // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 78-86.

Reference

1. Vezhlyan E. The Industrial Novel in the Era of Precarious Employment, or Reflections on the Broken Matrix // Literature. 2020. № 236. January // URL: https://literratura.org/criticism/4650-evgeniya-vezhlyan-proizvodstvennyy-roman-v-epohu-prekarnoy-zanyatosti-ili-razmyshleniya-o-slomannoy-matrice.html.
2. Vrazhnova M.N., Ternovaya L.O. Works of Fiction in the University Course "Fundamentals of Personnel Security" // Cossacks Almanac. 2024. № 6 (79). P. 109-116.
3. Zakharov D.S. Cluster. – M.: Elena Shubina Editorial Office, 2020. 352 p.
4. Gavrilova, M. "I Will Definitely Quit My Job." Moscow: Popcorn Books, 2024. 176 p.
5. Gaganova A.A. "The Industrial Novel: Dramaturgy of the Genre. Hero. Aesthetics. Conflict." B.i., 2025. 192 p.
6. Gaganova A.A. "The Industrial Novel: Stage-by-Stage Development of the Genre: A Monograph." Moscow: "At the Nikitsky Gate," 2022. 302 p.
7. Gaganova A.A. "The Artistic Dominance of the Image of the Hero in the Industrial Novel." Philology: Research. 2020. № 1. P. 93-103.
8. Gaika Mitic, Boyko Dvacic. My Virje! Chronicles of Invisible Hacker Wars from Syktyvkar to Singapore. – M.: Eksmo, 2025. 320 p.
9. Gladkov F.V. Cement: A Novel / Auth. afterword and commentary E.B. Skorospelova; Art. A.G. Tyurin. – M.: Prosveshchenie, 1986. 238 p.
10. Gladkov F.V. Energy: A Novel. – M.: Goslitizdat, 1947. 712 p.
11. Gorky M. Soviet Literature: Introduction, Report, Speech, and Closing Remarks at the First All-Union Congress of Soviet Writers. – M.: Fiction, 1934. 64 p.
12. Grossman L.P. The Industrial Novel in the Age of Shakespeare // Grossman L.P. The Pen Workshop: Articles on Literature. M.: Federation, 1930. pp. 29-48.
13. Zemskova D.D. The Soviet Industrial Novel: Evolution and Artistic Features of the Genre. Diss. … Cand. Philological Sciences. – M.: 2016 // URL: https://www.philol.msu.ru/~ref/dcx/2016_ZemskovaDD_diss_10.01.01_32.pdf.
14. Leiderman N.L. et al. Russian Literature of the 20th Century, 1917–1920s: A Textbook for Students of Institutions of Higher Professional Education: in 2 books / edited by N.L. Leiderman. – M.: Academy, 2012. Book 1. 463 p.
15. Moskovskaya N.L., Matsaeva M.A. On the Genre Specificity of the Industrial Novel (Based on the Works of Arthur Hailey) // Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University. 2013. № 3. P. 282-291.
16. Nikonova T.A. "The Industrial Novel of the 1930s in Search of a "New" Artistry // Bulletin of VSU. Series: Philology. Journalism. 2020. № 3. P. 44-48.
17. Resolution of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) "On the Restructuring of Literary and Artistic Organizations" of April 23, 1932 // URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/1932.htm
18. Ruchyeva A. Factory Settings. – M.: Elena Shubina Publishing House, 2025. 284 p.
19. Svyatoslavsky A.V. The First All-Union Congress of Soviet Writers: A View from the 21st Century (on the 80th Anniversary) // Cultural Studies Journal. 2014. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pervyy-vsesoyuznyy-sezd-sovetskih-pisateley-vzglyad-iz-xxi-veka-k-80-letnemu-yubileyu/viewer.
20. Ternovaya L.O. Methods of Teaching Engineering Pedagogy: A Manual. – M.: INFRA-M, 2026. 255 p.
21. Ternovaya L.O. Political Sociology of Everyday Life: A Monograph. – M.: INFRA-M, 2023. 380 p.
22. Fadeicheva V.V. Plot and compositional features of Arthur Hailey's production novels / Young scientist. 2024. № 25 (524). P. 370-372. // URL: https://moluch.ru/archive/524/115933.
23. Ananchenkova P.I. Age as a subject of philosophical discourse // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 78-86.

Гуломова Ф.А.
Докторант. Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни, г. Душанбе, Таджикистан.

Эволюция и характеристики военных терминов в немецком, таджикском и русском языках: взгляд на терминосистему*

Аннотация. Данная статья посвящена военным терминам в процессе преподавания немецкого языка и их аналогам в таджикском и русском языках. Современные процессы глобализации требуют от специалистов-лингвистов пересмотра подходов к преподаванию иностранных языков на всех уровнях обучения и разработки новых образовательных программ и методов. В частности, изучение немецких военных терминов в ходе преподавания этого языка должно осуществляться в новой форме и с использованием новых методов.

В силу особенностей немецкого языка примерно 80% немецких военных терминов представляют собой сложные слова, и, к сожалению, таджикский читатель из-за сложности понимания военных терминов на немецком языке не может должным образом осмыслить и использовать их исходное значение. Автор решил провести научную работу по этой проблеме, чтобы внести значительный вклад в развитие и рост таджикской лингвистики. В связи с этим в статье обсуждается ряд военных терминов.

Целью данного исследования является выявление и представление современных и эффективных методов и подходов в направлении изучения военных терминов в процессе преподавания немецкого языка.

Новизна этого исследования заключается в том, что автор объединил классический подход к изучению иностранных языков и терминов с развитием современных технологий.

Ключевые слова: специальный, термин, перевод, преподавание немецкого языка, профессиональные слова, военная терминология, лингвистика, аналог, иностранный язык, метод, образование, технология, научный.

Gulomova F.A.
Doctoral candidate. Tajik State Pedagogical University named after S. Aini, Dushanbe, Tajikistan.

* © Гуломова Ф.А., 2026.

Evolution and characteristics of military terms in the German, Tajik and Russian languages: a look at the terminological system

Abstract. This article focuses on military terms used in German language teaching and their equivalents in Tajik and Russian. Current globalization processes require linguists to reconsider approaches to teaching foreign languages at all levels and develop new educational programs and methods. Specifically, the study of German military terms in German language teaching must be implemented in a new format and using new methods.

Due to the peculiarities of the German language, approximately 80% of German military terms are complex words. Unfortunately, the Tajik reader, due to the difficulty of understanding military terms in German, is unable to properly comprehend and utilize their original meanings. The author decided to conduct research on this issue to make a significant contribution to the development and growth of Tajik linguistics. In this regard, a number of military terms are discussed in this article.

The purpose of this study is to identify and present modern and effective methods and approaches for studying military terms in German language teaching. The novelty of this study lies in the author's combination of a classical approach to the study of foreign languages and terms with the development of modern technologies.

Key words: specialized, term, translation, German language teaching, professional vocabulary, military terminology, linguistics, equivalent, foreign language, method, education, Technologie, scientific.

История каждой научной дисциплины охватывает как понятия, так и термины, которые их выражают. Слово «термин» в таджикском языке активно употребляется с 30-х годов XX века.

Прежде чем перейти к рассмотрению вопросов, которые связаны с термином и терминологией, необходимо разграничить понятия «слово» и «термин» и выявить их принципиальные различия.

Слово – это основная языковая единица, состоящая из звуков, которая подчиняется фонетическим и грамматическим законам языка. Слово употребляется для передачи лексического или грамматического значения, обозначения объектов действительности и выражения мыслей. Значение слова часто зависит от контекста и может быть многозначным.

Термин же отличается от обычного слова прежде всего точностью, специфичностью и привязанностью к определённой области знания. Если слово является универсальной единицей языка, то термин – это специальная лексическая единица, функционирующая в рамках узкой профессиональной или научной сферы.

Точки зрения лингвистов относительно статуса термина расходятся.

Одни исследователи рассматривают термин как идеальный знак, обладающий следующими свойствами:

– однозначность,
– точность,
– системность,
– независимость от контекста,
– эмоциональная нейтральность.

Другие учёные определяют термин более широко – как слово или устойчивое словосочетание, которое в пределах конкретной дисциплины обладает фиксированным, профессионально значимым значением и используется для точного обозначения понятий, объектов, процессов и отношений в науке, технике и профессиональной деятельности.

Таким образом, термин – это особая лексическая единица, входящая в специализированную систему знаков. В пределах одной научной или профессиональной области он, как правило, обладает свойством однозначности и передаёт строго определённое значение. При этом абсолютная однозначность остаётся скорее теоретическим идеалом: в ходе развития науки термины могут уточняться, расширяться по объёму или переосмысливаться.

В отличие от обычного слова, значение которого подвижно и контекстуально, значение термина относительно стабильно в рамках конкретной дисциплины. Это обеспечивает его точность и надёжность в научном общении. Однако в междисциплинарном контексте один и тот же термин может приобретать иные оттенки смысла, что свидетельствует о динамичности терминологической системы.

Итак, слова составляют фундамент любого языка и служат универсальным средством выражения мысли, тогда как термины выполняют специализированную функцию – точное и однозначное обозначение понятий в рамках научного и профессионального дискурса. Именно поэтому лингвистика рассматривает терминологию как важнейший инструмент формирования и развития специализированного научного языка.

Большинство современных исследователей сходятся в том, что термин – это слово или фиксированное словосочетание, закреплённое за определённым понятием в конкретной области знания. При этом терминологическая система остаётся открытой и подвижной: границы между терминами и общеупотребительной лексикой нередко размыты, а научный прогресс постоянно вносит коррективы в содержание и состав терминов.

В сферу исследования терминологии таджикского языка внесли свой вклад такие учёные, как С. Айни, Б. Гафуров, Т. Зехни, Р. Хошим, М. Шукуров, Э. Муллокандов, Я. Калонтаров, Н. Шарофов, Ш. Рустамов, С. Кодири Р.Ш. Рустамов, Л. Бузургзода, Б. Ниёзмухаммадов, Н. Маъсуми. и Ш. Ниёзи, Д. Тоджиев, в период независимости С. Назарзода (Становление соци-

ально-политической терминологии в XX веке, 2003), Х.С. Мирзо (Научная терминология «Китоб-ут-тахфим» Абурайхани Беруни, 2004), П. Нуров (Термин и терминообразование в научном таджикском языке, 2006), Н.Н. Худоиева (Структурный анализ системы военной терминологии таджикского языка, 2019) и другие. В их трудах терминология рассматривается как слово и фраза, характеризующие понятие определённой сферы и науки, культуры и жизни общества.

С. Айни первым работал над составлением ценного словаря. Он считал, что в каждой области науки необходимо разработать специализированный словарь как научный и литературный источник для исследований и продуктивной деятельности работников сферы науки и литературы [1: 4].

Таким образом, сопоставительный анализ терминологии военной сферы показывает, что терминология в языкознании является важным инструментом совершенствования и развития научной лексики. С этой точки зрения, идея Айни полностью соответствует лингвистическому анализу:

Как отмечает исследователь в данной области С. Назарзода: «Слово «термины» в таджикском и персидском языках взято из арабского языка и употребляется в новом значении, в то время как в прошлом, по нашим сведениям, оно означало «собирать вместе, договориться, мирить и примирятью. Однако сегодня это слово в таком значении больше не употребляется в арабском языке, что является одной из особенностей и признаков в современной терминологии и так далее» [6: 57].

«Термин (от лат. terminus – предел, граница) – слово или словосочетание, выражающее понятие, относящее к науке, производству, искусству и другим сферам жизни и имеющее единое значение» [6: 2014, с. 59].

Многие учёные работали в этом направлении и внесли свой ценный вклад. Результатом этих усилий стало издание учебников, словарей и различных сборников, что создало благоприятную основу для развития таджикского языка как в стране, так и за рубежом.

Исследования лингвиста С. Назарзода в области языкознания многогранны, а терминология и словообразование составляют одно из центральных и значимых направлений его деятельности. Действительно, постоянные усилия С. Назарзода по выявлению национальных и инонациональных терминов, а также по пересмотру важнейших законов терминологии направлены на сохранение и расширение родного языка.

Исследователь С. Назарзода подчёркивает, что «терминология – это не только средство языка, но и элемент научного мышления, поскольку полноценное развитие любой области науки невозможно без системы терминов. По его словам, «термины считаются зеркалом развития науки и техники, уровня мышления общества» [6: 51].

Термин – это особая лексическая единица, которая используется для точного выражения научных, техничексих, политических или социальных понятий. Однако его точное определение и объём варьируются в зависимости от научной школы и теоритического направления.

По определению М.Б. Султонова, термин – это слово или словосочетание, имеющее специальное научное значение и в пределах определённой науки точно и кратко обозначающее конкретное понятие [15: 127].

М. Султон предлагает различать термин и слово на основе четырёх ключевых признаков:

- термин является словом или словосочетанием с особыми функциями;
- он обладает уникальным, чётко определённым значением, в отличие от многозначного общеупотребительного слова;
- термин непосредственно соотносится с понятием, в то время как слово связано с ним опосредованно;
- он имеет строгие смысловые границы [15: 48-55].

Кроме того, исследователь выделяет основные требования к терминологии:

- **Однозначность** – термин должен обозначать одно конкретное понятие;
- **Чёткость** – термин должен быть грамматически корректным;
- **Компактность** – предпочтение отдаётся кратким и удобным для произношения терминам;
- **Композитивность** – термин должен обладать словообразовательными свойствами для создания новых терминов;
- **Фонетическое соответствие** – термин не должен нарушать фонетические нормы языка [14: 46-55].

Эти критерии актуальны и сегодня, хотя жёсткие ограничения в реальных условиях часто уступают место междисциплинарным заимствованиям, расширяющим смысловой диапазон терминов.

С течением времени новые термины заменяют устаревшие, отражая прогресс общества и обогащая словарный состав каждого языка. Этот процесс обусловлен развитием науки и техники, появлением новых концепций и технологий, требующих точного языкового выражения. Среди исследователей существуют разногласия относительно источника происхождения терминов.

Одна группа считает, что большинство терминов возникает в результате внутриязыковых процессов (то есть, из исходных корней языка), в то время как другая группа считает заимствование иноязычных терминов в неотъемленой частью развития языка.

Например, в таджикском языке в ходе исторического процесса вошли и приобрели национальный характер технические и научные слова из араб-

ского, персидского, русского и английского языков.

В результате среди лингвистов до сих пор нет единого мнения относительно единого определения и толкования понятия «термин». Причиной этого разногласия является, прежде всего, многообразние теоритических подходов, различие научной и культурой среды исследования.

Однако во всех определениях прослеживается ряд общих черт: точность, однозначность, регулярность и непосредственная связь с конкретной областью науки.

Слова, которые входят в лексический состав, одинаково употребляются в разных стилях (художественная литература, научные произведения и так далее). Такие слова имеют общеупотребительный характер, называемый общеупотребительным стилем. Общеупотребительные слова составляют значительную часть лексического состава языка.

М. Мухаммадиев подчеркивает: «Специфические слова, связанные с понятием, употребляющиеся для выражения одного значения, в какой-либо сфере общественной жизни называются терминами».

Каждая сфера общественной жизни (наука, техника, экономика и так далее) имеет свои специальные термины. Лексические составные слова приобретают терминологический характер, и в результате сфера их употребления ограничивается. Термины имеют однозначную природу и объясняют одно конкретное значение: синоним, слог, слово, словосочетание, префикс, графема, диалектология и так далее [5: 39].

В случае приобретения иного значения и отхода от своего конкретного значения термины теряют свою специфику и составляют часть общеупотребительной лексики или становятся терминами другой области. Основные черты терминов, их структура и стиль в полной мере отражаются в отдельном разделе лексикографии, называемом терминологией.

Терминология является одним из важных разделов таджикского языкознания. Проблема терминов и терминологии в настоящее время является одной из актуальных и важнейших в общем языкознании.

Термин – это слово или словосочетание, имеющее особое научное семантическое значение и выражающее определённое понятие в практике конкретной науки. Как отмечалось, термины занимают определённое и устойчивое положение в лексическом составе каждого языка, также обладая определённым рядом собственных особенностей, отличаются от других языковых единиц, от общеупотребительных слов.

Одним из отличительных признаков терминов является то, что термин, как языковая единица, подчиняется фонетическим и грамматическим законам языка. Он является специфическим и самостоятельным объектом лингвистической науки –терминологии [3: 65].

В некоторых источниках это понятие разъясняется следующим об-

разом. Термины (от лат. terminus – пограничный знак, граница, предел) выступают однозначными языковыми единицами, в отличие от общеупотребительных слов, и являются составным элементом терминологической системы языка, одновременно представляя собой единицы его лексической системы.

Как видно, слово «термин» отошло от своего первоначального значения и постепенно приобрело совершенно иное значение, которое в нашем языке-оригинале выражается арабским словом.

Однако важно подчеркнуть, что выражение «истилоҳ», используемое в устной и письменной речи, служит для понимания содержания и не имеет никакой связи с пониманием термина.

Слово «истилоҳ» на самом деле происходит из арабского языка от глагола «istalaha», который имеет следующие значения: 1) улучшаться, исправляться; 2) заключать мир; 3) соглашаться, идти на компромисс, ставить условие и принимать. В арабском языке это слово означает 1) быть условным, находиться в общем согласии, быть связанным словами и 2) выражать особое выражение, то есть термин. [3: 65].

В таджикском языке понятию «термин» больше соответствует лексическая единица «истилоҳ» (термин). Однако следует отметить, что в арабском языке слово «mustalah» обычно используется для выражения значения термина [3: 65].

Автор, изучив этот вопрос, пояснил понятие термина следующим образом: «…но термин – это конкретное слово, или, скорее, слово с конкретной функцией.

Это слово или словосочетание, имеющее конкретное значение в сфере практики конкретной науки и выражающее определённое понятие в точной форме. Термин может иногда терять свое терминологическое значение в тексте и употребляется как общеупотребительное слово языка» [3: 65].

Лингвист П. Нуров предложил в этой связи следующую точку зрения: «Термины – это такие слова или словосочетания, связь слов, каждое из которых выражает только одно и имеет одно значение в рамках данной дисциплины или в рамках данной группы дисциплин» [10: 95-96].

П.Г. Нуров считает, что термины должны разрабатываться и приниматься в рамках точного понимания понятий, единообразия в употреблении, совместности со структурой языка и национального своеобразия.

Он предлагает, чтобы все научные термины развивались в гармонии с литературным и народным языком.

Автор «Муқаддимаи забоншиносӣ (Введения в языкознание)» М. Норматов пояснил термин следующим образом: «Термины – это особые слова, имеющие одно значение и этим признаком отличающиеся от обычных, повседневных слов, особенно многозначных. Они должны выражать единое

значение не только в пределах языка, но и в пределах своей области» [9: 48].

По многочисленным точкам зрения можно сделать вывод, что термин является особенной смысловой системой слова или словосочетания и выражает конкретное и устойчивое понятие определенный области.

В отличии от общеупотребляемых слов, термин имеет точный и определенный смысл. Термин не может отражать разные и переносные значения, а выражает обоснованное и определенное значение.

Другими словами термин не только выполняет свою номинативную задачу, но выражает значение упомянутого понятия. Термин употребляется для выражения определённнных научных понятий отражая процесс или новизну, которые происходят в том или ином разделе языкознания. Термин относится только к языку науки и служит средством профессионального обмена.

С учетом этих особенностей термина при его возникновении, то есть при его образовании не нужна пользоваться употребительными словами, но некоторые термины и общеупотребляемые слова могут быть похожили и соответствовать друг другу.

В общем, опираясь на данную систему, термин должен иметь одно значение, нейтральный стиль, быть систематичным и отличающимся.

Как было подчеркнуто, термин имеет свои особенности. В том числе систематичность, однозначность, тенденция к терминологии своей сферы, то есть терминологии той же науки, а также является отличительными особенностями терминологии.

Из выражения мыслей и разъяснений лингвистов по вопросу понятия термин и его различия от общеупотребительных слов становится ясно, что их точки зрения совпадают и он воспринимает термин как особое слово или словосочентание разных сфер науки.

Большинство учёных подчеркивают, что термин должен быть однозначным и должен образоваться на основе норм словообразования языка. Действительно, опираясь на точки зрения учёных можно сделать вывод, что термин – это слово или словосочетание, имеющее своё определённое значение и упоребляющее в той или иной сфере науки.

Необходимо отметить, что употребление общеупотребительных слов в их прямом значении вместо терминов или как термин считается не всегда правильным. Это действие в таком случае считается правильным, если общеупотребляемые слова употребляются в не своем общем значении, а как специальный термин, выражающий определенное научное понятие.

Как было подчеркнуто, термин в словарной структуре каждого языка имеет определённое и устойчивое место и отличается от других языковых единиц, от общеупотребляемых слов наличием своей спецификой.

Один из отличительных признаков терминологии заключается в том,

что термин как отдельная языковая единица подчиняется фонетическим и синтаксическим законам языка. Это самостоятельный и установленный объект лингвистической науки – терминология. [11: 48-52].

Исследователь этой области С. Назарзода сформулировал специфические характеристики термина следующим образом:

1. Термин – это, прежде всего, слово, которое точно, строго и конкретно выражает понятие в терминологической структуре определённой области.

2. Термин в пределах определённой области, выражая своё определённое значение, тесно связан с этой областью и связанными с ней областями единым значением.

3. Термин, наряду со своей определённой спецификой, действует в структуре языка в соответствии с правилами обучения и участвует в словообразованиях как терминологическая единица.

4. Термин или терминологическая единица вне определённой области теряют своё терминологическое значение и используются как общеупотребительное слово языка и слово, употребляемое в повседневности.

5. Термин – это больше, чем просто слово, образованное или придуманное, и терминологические выражения ещё не обладают всеми свойствами термина.

Конечно, можно объяснить и другие признаки термина, но в целом эти признаки более характерны для терминологии во всех областях. Как отмечает автор, «терминология и терминоведение в таджикском языкознании ещё не заняли своего достойного места и всё ещё находятся в процессе становления и совершенствования» [6: 42].

Несмотря на определённые продвижения в исследовании терминологии и создания национальной терминологии в таджикской лингвистике терминология до сих пор не считается вполне сформированной областью науки.

Исследователь С. Назарзода выражает свои мысли следующим образом: «Область терминообразования и терминологии в таджикской лингвистике до сих пор не заняла своё достойное место, до сих пор находятся на стадий становления и развития» [6: 42].

М. Султон отмечает, что до сих пор не существует конкретного выражения понятия «термина». В последние годы в нашей стране проводились глубокие исследования понятия термина. По мнению различных ученых, термин – это слово или словосочетание, которое в пределах действия определенной науки выражает точное понятие и, взаимодействуя с другими языковыми единицами, создает целостную терминологическую систему [15: 135].

Теоритические вопросы, как и десятки других актуальных вопросов

словообразования и терминологии таджикского языка все ещё ждут своих исследователей.

С точки зрения лингвистов, термины отличаются своими специфическими признаками и характеристиками. Например, лингвист М. Норматов выделяет следующие характерные для терминов признаки.

1) термины часто однозначны;

2) термины не имеют переносного значения;

3) термины, как правило, не имеют синонимов и антонимов;

4) большинство терминов не являются употребительными;

5) термины не поддаются легкому и свободному переводу с других языков, как обычные слова» [9: 59].

Данная оценка показывает, что необходимость в научном развитии в этой области, включая разработку теоритических основ, сопоставительные исследования с иностранными языками и составление специализированных словарей, ощущается как никогда ранее.

В современном мире терминология стала важной областью языкознания, играя ключевую роль в развитии и регулировании терминологии в различных областях науки и техники, культуры и общества. Из исследованных источников следует, что термин – это слово или словосочетание, принадлежащее определённому предмету или определённой науке и технике.

Таким образом, из разъяснения понятия «термин» стало понятно, что эта единица, наряду со словом, выполняет определённую функцию в языке. То есть, термин – это слово, употребляемое в определённой области науки и техники.

Следует отметить, что среди лингвистов до сих пор существуют различные взгляды и мнения относительно конкретного определения термина и его употребления. В настоящее время не существует общепринятой дефиниции понятия «термин», несмотря на большие попытки в анализе специальной терминологической литературы и усилия представителей различных терминологических школ. Кроме того, в области лексикографии до сих пор не решен вопрос о вкючении языковых явлений в группу синонимов, омонимов, полисемии и антонимов.

Из анализа высказываний учёных следует, что лексикографы и учёные в области терминологии до сих пор не пришли к научному результату относительно того, какие области лексики следует считать терминологией, за исключением некоторых научно-технических терминов, принадлежность которых становится более или менее ясной по мере увеличения их числа.

Однако, до сих пор сложно отнести многие слова к категории терминов, будь то общенаучные термины или общая лексика литературного языка.

Так как некоторые исследователи считают, что термин также является словом и обладает всеми признаками обычных слов, такими как наличие синонимов, антонимов, полисемии и так далее.

Таким образом, толкование и формирование значения терминов и лексики тесно связаны с историей и культурным контекскот, а использование исторической лексики может создать новые возможности для развития современной таджикской терминологии.

Выбранные слова и термины, как основные элементы научно-технического языка, должны обладать рядом важных и незаменимых качеств, которые мы также наблюдаем в опыте других языков.

В практике и теоритическом анализе важнейшими свойствами слов и терминов являютя следующие:

1. *Точность*. Слова и термины должны быть правильными, научными и конкретными с точки зрения передачи смысла. Точность термина гарантирует, что его значение будет принято без противоречий и различных переводов и сможет стабильно передавать один и тот же основной смысл в научной и профессиональной среде. Это свойство позволяет языку создавать гармоничную и связную систему в образовании терминов.

2. *Прозрачность*. Как отмечают семантики, слова можно разделить на две группы: **прозрачные и непрозрачные.** *Прозрачные слова* – это те, значение которых легко понять и угадать. То есть значение слова видно по его форме и звучанию. Это свойство позволяет слушателю или читателю приблизиться к его основному значению, глядя на слово.

Непрозрачные слова, напротив, трудно понять по форме и звучанию, и для их понимания необходим анализ или объяснение.

При разработке терминологии следует стремиться ограничивать употребление непрозрачных слов и отдавать предпочтение понятным, поскольку они облегчают и делают понимание термина более простым и эффективным. Эта особенность позволяет термину быть понятным пользователю, слушатель или читатель, видя или слыша слово, в какой-то степени ощущает его связь с основным значением.

Анализ опыта разных языков показывает, что успешные термины обладают специфическими свойствами, которые необходимо учитывать на всех этапах образования терминов.

Слова и термины являются одними из основных элементов научно-технического языка и играют важную роль в формировании языка науки, культуры и в военной сфере. В таджикском языке особенности слов и терминов военной сферы играют важную роль в обеспечении точности, плавности и согласованности со структурой и предписаниями языка.

Слова и термины в военной сфере должны быть максимально интерпритеруемыми, то есть иметь возможность составляться и адапироваться к

различным грамматическим и морфологическим формам.

– Эта особенность позволяет создавать термины с употреблением:

– префиксов и суффиксов,

– форм времени, лица, множественного числа,

и других языковых особенностей. Результатом этой особенности является более быстрая передача значения термина и его более легкое понимание пользователем [6: 346].

– Поэтому при введении терминов необходимо обращать внимание на изменяемую лексику, поскольку она позволяет правильно употреблять её в структуре и образовании новых терминологических единиц в языке.

Предписанная структура. Выбранные словари должны соответствовать нормам и предписанной конструкции языка. Конечно, это не означает, что термины обязательно должны происходить от корней «исконно таджикских» слов, но могут быть взяты и из корней чужих языков.

Однако они должны соответствовать требованиям преподавания таджикского языка. При заимствовании таких слов необходимо учитывать принцип необходимости их заимствования из чужих языков.

Краткость слов. Краткость – один из важных факторов принятия и употребления терминов. Короткие слова легко понять, что делает их употребление в научных, технических и публицистических текстах более быстрым и эффективным.

Опыт западных языков, особенно русского, а также их переводов и цитирования на таджикский язык показывает, что науно-технический прогресс, а также политические и социальные события привели к появлению новых научных и технических понятий. Эти понятия часто выражаются в составе нескольких слов или длинных фраз. В этом случае эквиваленгность и терминологическое построение для них представляют большую сложность, а в прошлом в терминологической деятельности такого опыта для некоторых понятий не существовало.

В связи с этим при выборе эквивалентного слова или термина для таких понятий следует приложить все усилия к тому, чтобы выбранные слова были краткими и понятными. Краткость приводит к:

– увеличению скорости передачи смысла слушателю или читателю;

– употреблению и адаптации термина, что не вызывает проблем при построении и выражении составных и союзных понятий. Этот принцип положительно влияет на эффективность терминологии в научной и профессиональной среде и позволяет сделать значение термина ясным и понятным для пользователя.

– *Красота и приемлемость*. Одним из важных условий принятия термина или термина в языке, особенно в научной, общественной и политической сферах, является его красота и приемлимость. Предлагаемое слово

должно быть:

– хорошо сложенным,

– грамотно составленным,

– гармоничным с другими словами и легко произносимым.

Первоначально термин предлагается или разрабатывается специалистами, исследователями или лицами, связанными с конкретной областью, для описания понятия. После этого термин представляется для широкого пользования через прессу и средств массовой информации.

Даже если термин обладает всеми вышеперечисленными качествами, если он принят обществом с точки зрения приемлемости и симпатии, его внедрение и употребление могут занять годы. В некоторых случаях это приводит к многократному тестированию и итерации предложений, пока один из вариантов не будет окончательно принят и укоренён среди пользователей.

– Поэтому при проектировании и выборе термина следует:

– избегать длинных и труднопроизносимых слов,

– обращать внимание на простоту употребления и принятия в обществе [6: 34].

Осуществлять эти условия непросто, но данный процесс демонстрирует потенциал и силу языка, а также мастерство создателей терминов. Более того, язык, как и общество, всегда находится в состоянии эволюции и развития, и вполне вероятно, что в будущем по мере развития и совершенствования терминологии возникнут новые закономерности и принципы.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что в истории языка многие исследователи рассматривали этот вопрос и предложили разные теории и правила. Термин – специальная единица лексика, которая употребляется для выражения конкретного понятия в конкретной сфере науки, техники или исскуства. Термин имеет более точное и ограниченное значение, чем слово, и семантически тождественен.

Термин должен обладать следующими характеристиками: точностью, единство, конкретность и соответствие терминологической системе данной области. Слово может иметь разные значения и употребляться в разных контекстах. Основное отличие между словом и термином заключается в том, что слово имеет общее значение и не привязано к конкретной области.

Также следует отметить, что многие лингвисты подчеркивают его междисциплинарный характер. Терминология рассматривается как область, интегрирующая элементы семантики, логики, онтологии и лексикологии, а также как раздел прикладной лингвистики. В этом контексте термины выступают одновременно языковыми единицами, когнитивными элементами и средствами профессиональной коммуникации, где связь между формой и

значением слова выходит за рамки простой условной ассоциации, включая прямые и косвенные семантические связи.

Расширение научно-технической терминологии привело к росту числа толкований терминов и увеличению специализированной лексики, указывающей на сферу применения. В таджикском языке значительное количество заимствованных слов интегрировалось, хотя многие из них со временем устарели и перешли в категорию архаизмов.

Таджикская военная терминология формировалась и развивается на базе национального языка, пройдя ключевые периоды: дореволюционный и послереволюционный. Она представляет собой часть специализированной военной лексики, где центральным понятием служат «военные термины». Для обозначения всей системы терминов в данной области часто используется понятие «терминосистема», подчеркивающее ее системный характер.

Процесс совершенствования терминологии тесно связан с эволюцией военной культуры. Количественные и качественные изменения в немецкой военной терминологии, в частности, обусловлены взаимодействием лингвистических и экстралингвистических факторов, включая обоснованные заимствования. Большинство языковедов в анализе терминологии акцентируют внимание на семантической структуре слова.

Важно подчеркнуть, что термины и терминология изучаются в рамках конкретных научных дисциплин, где ключевым требованием к термину остается его относительная однозначность в пределах отрасли. Лексика, связанная с научным познанием и военным оснащением, служит примером сознательного словотворчества, усиливая инновации в словообразовании.

Далее, в продолжение анализа эволюции и характеристик терминологии в немецком, русском и таджикском языках, где мы уже рассмотрели общие определения термина, его отличия от обычного слова, исторический вклад ученых и ключевые требования к терминам, особое внимание следует уделить специфике военных терминов. Эта сфера представляет собой яркий пример динамичной терминосистемы, формирующейся под влиянием как лингвистических, так и экстралингвистических факторов, таких как военная культура, технологический прогресс и межъязыковые взаимодействия. Военная терминология не только отражает развитие науки и общества, но и подчеркивает вызовы перевода и адаптации терминов между языками, особенно в контексте композитной структуры немецких терминов и их эквивалентов в таджикском и русском. Ученые предлагают разнообразные трактовки понятия «термин», но в военной области акцент неизменно делается на его роли как инструмента точной коммуникации в профессиональной среде, где однозначность и систем-

ность критически важны для избежания неоднозначностей в оперативных и стратегических контекстах.

Военные термины определяются как специализированные лексические единицы, обладающие строгой однозначной соотнесенностью с понятиями в сфере военного дела. Эти термины строго привязаны к конкретным денотатам (объектам реальности) или группам однородных предметов, исключая полисемию и синонимию как в пределах одной подотрасли военной терминологии, так и в смежных дисциплинах. Такая жесткая фиксация значения обеспечивает эффективность в профессиональном дискурсе, где любое недоразумение может иметь серьезные последствия. Согласно концепции Г.М. Стрелковского, все военные термины обладают следующими фундаментальными свойствами, которые подчеркивают их отличие от общеупотребительной лексики и способствуют унификации терминологии в многоязычных контекстах:

– однозначная соотнесенность терминов в рамках конкретной отрасли военного дела, обеспечивающая точное соответствие формы и содержания;

– номинативность термина, то есть способность четко и непосредственно обозначать понятия без дополнительных интерпретаций;

– сохранение стилистической нейтральности, что позволяет терминам функционировать в формальных, технических и оперативных текстах без эмоциональной окраски [14: 156].

Эти свойства особенно актуальны для сопоставительного анализа, поскольку они позволяют выявить, как немецкая терминология, часто опирающаяся на композиты, адаптируется в таджикском и русском языках, где преобладают заимствования и описательные конструкции.

В зависимости от функциональной и содержательной направленности, военные термины классифицируются на несколько видов, что отражает многоуровневую структуру военной терминосистемы и облегчает их изучение в кросс-лингвистическом аспекте:

– тактические термины, связанные с планированием, проведением операций и маневрами на поле боя (например, термины, описывающие стратегии атаки или обороны);

– организационные термины, отражающие структуру вооруженных сил, иерархию и административные аспекты (например, обозначения подразделений или командных цепочек);

– военно-технические термины, фокусирующиеся на оборудовании, вооружении и технологиях (например, названия оружия или систем наведения);

– термины, относящиеся к родам войск и видам вооруженных сил, включая специфику сухопутных, воздушных, морских или специальных сил, а также другие подкатегории, такие как логистические или разведыва-

тельные термины.

Такая классификация подчеркивает системность военной терминологии и ее эволюцию в ответ на исторические изменения в военном деле, что особенно заметно при сравнении немецкой традиции (с ее лаконичными композитами) с таджикской, где термины часто заимствуются и адаптируются для сохранения национальной идентичности.

Опираясь на морфологическую классификацию М.Д. Степановой, которая акцентирует внимание на словообразовательных механизмах, проанализированные военные термины, выраженные в форме существительных (как наиболее продуктивной категории в немецкой терминологии), разделены на следующие группы. Эта классификация позволяет раскрыть структурные различия между языками и выявить проблемы перевода, поскольку около 80% немецких военных терминов – это сложные слова, что затрудняет их прямую передачу в таджикский язык без потери точности или естественности [12: 57]:

Простые (непроизводные, корневые, первообразные) существительные – это односложные слова, состоящие из одной морфемы, часто представляющие базовые понятия без дополнительных аффиксов. Такие термины обычно легко переводимы и сохраняют универсальность в разных языках. В анализируемом материале примеры включают: die Armee (нем.) – артиш (тадж.) – армия (рус.), обозначающее организованную военную силу; die Einheit (нем.) – ягонагӣ (тадж.) – единство (рус.), подразумевающее единство или подразделение; қисми ҳарбӣ (тадж.) – войсковая часть (рус.), подразделение, отряд или единица; der Gegner (нем.) – душман, рақиб (тадж.) – враг, противник (рус.); die Strasse (нем.) – хатсайр (тадж.) – маршрут (рус.). Эти примеры иллюстрируют, как простые термины служат фундаментом терминосистемы, облегчая межъязыковую адаптацию.

Производные существительные – слова, образованные от одного корня с добавлением словообразовательного суффикса, что добавляет нюансы значения и позволяет уточнять понятия. В немецком языке суффиксы часто усиливают специфику, в то время как в таджикском и русском языках эквиваленты могут использовать аффиксы или описательные формы. Примеры: die Besatzung (нем.) – экипаж (тадж./рус.) – экипаж, обозначающее состав экипажа; die Aufklärung (нем.) – иктишоф (тадж.); разведка (рус.) – разведка, подразумевающее разведывательную деятельность; die Beobachtung (нем.) – назорат, мушоҳида; дидбонӣ (тадж.) – наблюдение (рус.). Здесь производные формы подчеркивают процесс или действие, что важно для динамичных военных контекстов.

Сложные (составные) существительные – слова, состоящие из двух или более компонентов (основ, целых слов или корней с аффиксами), типичные для немецкого языка, где композиты обеспечивают компакт-

ность и точность. В таджикском языке такие термины часто переводятся описательными фразами, что может приводить к потере лаконичности, но сохраняет культурную адаптацию. Примеры: die Erprobungsstelle (нем.) – маркази санҷишӣ (озмоишӣ) (тадж.) – испытательный центр (рус.), обозначающее центр тестирования; die Fahnenflucht (нем.) – фирор (тадж.) – дезертирство (рус.), подразумевающее бегство с поля боя; der Feldzug (нем.) – юриши ҳарбӣ (тадж.) – военный поход (рус.). Эти конструкции демонстрируют, как сложные термины интегрируют несколько семантических элементов, отражая эволюцию терминологии в ответ на технологические и стратегические инновации.

Этот подробный анализ военных терминов не только раскрывает их структурные и семантические особенности, но и связывает их с общей темой статьи – эволюцией терминосистемы в трех языках. Он подчеркивает необходимость новых подходов к преподаванию и переводу, особенно в условиях глобализации, где точность терминов обеспечивает межкультурное понимание и развитие национальной лингвистики.

Заключение

В заключении данной статьи были рассмотрены понятия «термин» и «слово» в контексте исследований отечественных и зарубежных ученых, а также выявлены их различия. Кроме того, проанализирована история формирования науки терминологии в таджикском языке, вклад ученых, таких как С. Айни, Б. Гафуров, С. Назарзода, М. Султон, П. Нуров и другие, в развитие национальной терминологии. Были выделены характерные особенности терминов, включая однозначность, точность, краткость, прозрачность, красоту и соответствие структуре языка как основные требования к терминам.

В основной части изучены немецкие военные термины и особенности их перевода на таджикский язык. Военно-технические термины, выраженные в форме существительных, были разделены на группы: простые (непроизводные), производные и сложные. Приведены конкретные примеры, такие как die Armee (армия), die Aufklärung (разведка) и другие, с анализом состава и переводами. Этот анализ показывает, что перевод военных терминов с немецкого на таджикский требует не только точности и сохранения смысла, но и соответствия национальным особенностям и структуре таджикского языка, чтобы предотвратить чрезмерные заимствования и способствовать развитию национальной терминологии.

Результаты исследования могут быть полезны для ученых и переводчиков в области военного перевода, а также для составления специализированных словарей и сравнительного изучения терминосистем таджикского, немецкого и русского языков.

Библиографический список:

1. Айнӣ С. Луғати нимтафсилии тоҷикӣ, барои забони адабии тоҷик: дар 12 ҷ. // С.Айнӣ, Куллиёт. – Душанбе: Ирфон, 1976. Часть 12. 770 с.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / В.Н. Комиссаров. – Москва: Высшая школа, 1990. 253 с.
3. Мирзо Ҳасани Султон. Истилоҳшиносӣ ва истилоҳнигории тоҷикӣ. Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон, Институти забон ва адабиёти ба номи Рӯдакӣ. / М.Ҳ. Султон – Душанбе, 2019. 196 с.
4. Моисеев А.И. О языковой природе термина / А.И. Моисеев. – Текст: непосредственный // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – Москва, 1970. С. 127-139.
5. Муҳаммадиев, М. «Синонимҳо дар забони адабии ҳозираи тоҷик. Ҳиссаи номии нутк,Душанбе.1982. 159 с.
6. Назарзода С. Назаре ба усулҳои истилоҳсозии забони тоҷикӣ. Танзим ва корбурди истилоҳот дар забони давлатӣ. / Назарзода С. – Душанбе: Ирфон, 2014. 128 с.
7. Назарзода С. Таджикская общественно-политическая терминология: История, направления, перспективы: автореф. дис… дра. филол. наук: 10.02.22 / Сайфидин Назарзода. – Душанбе, 2004. 39с.
8. Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода / Л.Л. Нелюбин. – Москва: Флинта, 2009. 216 с.
9. Норматов М. Муқаддимаи забоншиносӣ. / Норматов М. – Душанбе: Матбуот, 2007. 239 с.
10. Нуров П.Г. Истилоҳ ва истилоҳсозӣ дар забони илмии тоҷикӣ. – Душанбе: Дониш, 2006. 223 с.
11. Нуров П.Г. Истилоҳоти илмии техникии тоҷикӣ ва хусусиятҳои забонии он. // Паёми Донишгоҳи милии Тоҷикистон, 2014. №4/3 (137). С. 48-52.
12. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка / М.Д. Степанова. – Москва: Изд-во Литературы на иностранных языках, 1953. 378 с.
13. Стрелковский Г.М. Научно-технический перевод / Г.М. Стрелковский, Л.К. Латышев. – Москва: Просвещение, 1980. 175 с.
14. Стрелковский Г.М. Теория и практика военного перевода. Немецкий язык / Г.М. Стрелковский. – Москва: Воениздат, 1979. 272 с.
15. Султонов М.Б. Истилоњот ва истилоњнигории тољикї/М.Б. Султонов – Душанбе: «Эр-граф», 2019. 135 с.
16. Таюкин А.Г., Востриков К.В. Профилактика антитеррористической деятельности в Томской области: региональные особенности и перспективы развития // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 9 (207). С. 74-81.

Reference

1. Aini S. Lugati nimtafsilii tokiki, baroi zaboni adabii tokik: gift 12 h. // S.Aini, Kulliyot. – Dushanbe: Irfon, 1976. Part 12. 770 p.
2. Komissarov V.N. Theory of translation (linguistic aspects): a textbook for institutes and faculties. foreign language / V.N. Commissioners. – Moscow: Higher School, 1990. 253 p.
3. Mirzo Hasani Sulton. Istilohshinosi va istilogonigoria tokiki. Akademiyai ilmhoi guumhurii Tokikiston, Instituti zabon va adabiyoti ba nomi Rudaki. / M.Ҳ Sulton – Dushanbe, 2019. 196 p.
4. Moiseev A.I. On the linguistic nature of the term / A.I. Moiseev. – Text: immediate // Linguistic problems of scientific and technical terminology. – Moscow, 1970. P. 127-139.
5. Mukhammadiev, M. “Synonymo dar zaboni adabii khozirai tohik. Ҳissai nomii nutk. Dushanbe. 1982. 159 p.
6. Nazarzoda S. Nazaré ba usulhoi istilogosozii zaboni togiki. Tanzim va korburdi istilohot dar zaboni davlati. / Nazarzoda S. – Dushanbe: Irfon, 2014. 128 p.
7. Nazarzoda S. Tajik socio-political terminology: History, directions, prospects: abstract. dis... dra. Philol. Sciences: 10.02.22 / Saifidin Nazarzoda. – Dushanbe, 2004. 39 p.
8. Nelyubin L.L. Introduction to translation techniques / L.L. Nelyubin. – Moscow: Flinta, 2009. 216 p.
9. Normatov M. Muqaddimai zabonshinosi. / Новосибирск М. – Dushanbe: Матбуот, 2007. 239 p.
10. Nurov P.G. Istiloh va istilohosozi dar zaboni ilmiya tokiki. – Dushanbe: Donish, 2006. 223 p.
11. Nurov P.G. Istilohoti ilmii technology togiki va hususiyattoi zabonii on. // Payomi Donishgohi mili Tojikiston, 2014. № 4/3 (137). P. 48-52.
12. Stepanova M.D. Word formation in the modern German language / M.D. Stepanova. – Moscow: Publishing house of Literature in foreign languages, 1953. 378 p.
13. Strelkovsky G.M. Scientific and Technical Translation / G.M. Strelkovsky, L.K. Latyshev. Moscow: Prosveshchenie, 1980. 175 p.
14. Strelkovsky G.M. Theory and Practice of Military Translation. German / G.M. Strelkovsky. Moscow: Voenizdat, 1979. 272 p.
15. Sultonov M.B. Theory and Practice of Military Translation / M.B. Sultonov – Dushanbe: “Er-graf”, 2019. 135 p.
16. Tayukin A.G., Vostrikov K.V. Features of anti-terrorist activities in the Tomsk region: Regional context and possibilities of development strategies // Etnosotsium and international culture. 2025. № 9 (207). P. 74-81.

Гэ Жань
Магистр. Институт русского языка, Хэйлунцзянский университет, г. Харбин, Китайская Народная Республика.

Аннализ мультимодального взаимодействия в российском стендапе*

Аннотация. В статье рассматривается феномен мультимодального взаимодействия между исполнителем и зрительной аудиторией в российском стендапе. Работа подробно классифицирует конкретные виды мультимодальных взаимодействий, присутствующих в стендап-выступлениях, и на основе кооперации вербальных и невербальных модальностей всесторонне анализирует выраженные характеристики взаимодействий на различных уровнях. Систематически исследуется ключевая роль мультимодального взаимодействия в представлении искусства стендап-комедии и передаче его эффектов комического выступления. Опираясь на конкретные примеры исполнения, в исследовании реконструируются пути генерации юмора для каждой выделенной формы взаимодействия, что направлено на обеспечение теоретической основы и эмпирической иллюстрации для межкультурных исследований комедии и прикладных аспектов теории мультимодального взаимодействия.

Ключевые слова: мультимодальность, мультимодальное взаимодействие, стендап, комедия, юмор, модальноть.

Ge Ran
Master. Institute of Russian Language, Heilongjiang University, Harbin, China.

Analysis of multimodal interaction in Russian stand-up comedy

Abstract. The article examines the phenomenon of multimodal interaction between performers and live audiences in Russian stand-up comedy. It offers a detailed typology of specific multimodal interactional forms present in stand-up performances and, by analyzing the cooperation of verbal and non-verbal modalities, provides a comprehensive account of the interactional features manifested at different levels. The study systematically investigates the pivotal role of multimodal interaction in the staging of stand-up as an art form and in the transmission of the effects of comedic performance. Drawing on concrete performance examples, the research reconstructs the mechanisms of humor generation for each identified interactional form, thereby providing both a theoretical foundation and empirical illustrations for cross-cultural studies of comedy and for applied work in multimodal interaction theory.

* © Лысикова И.В., 2026.

Key words: multimodality, multimodal interaction, stand-up, comedy, humor, modality.

Введение

С развитием цифровой эпохи мультимодальность стала одной из ведущих парадигм восприятия и передачи информации. Термин «мультимодальность» получил широкое распространение в научной дискуссии в конце XX века. По определению Чжан Делу, модальность – это феномен коммуникации, в котором значение создаётся посредством задействования различных сенсорных каналов (слухового, визуального, тактильного и др.) и различных знаковых средств (язык, изображение, звук, движение) [5, с. 24]. В соответствии с позицией Норриса, помимо языковых средств участники коммуникации используют невербальные модальные ресурсы для конструирования смысла; следовательно, человеческое взаимодействие по своей природе мультимодально [3]. Таким образом, мультимодальное взаимодействие понимается как процесс, в котором участники с помощью различных модальностей или знаковых систем конструируют смысл, передают информацию и достигают взаимопонимания.

Стендап-комедия – это особый жанр юмора, при котором комики выступают по одиночке перед публикой с заранее подготовленным юмористическим монологом, включающим в себя также элементы взаимодействия с аудиторией с целью вызвать реакцию смеха [2, с. 114]. В данном исследовании основное внимание сосредоточено на мультимодальном взаимодействии в процессе исполнения российского стендапа. Это направление позволяет расширить аналитические возможности теории мультимодальности и предложить новые подходы к изучению механизмов генерации юмора и культурно-семантических аспектов в российском стендап-дискурсе.

Анализ Мультимодального Взаимодействия

С целью понимания феномена мультимодального взаимодействия в российском стендапе необходимо овладеть теорией анализа мультимодального взаимодействия. Анализ мультимодального взаимодействия (Multimodal Interaction Analysis) представляет собой целостную методологическую парадигму, позволяющую исследователю интегрировать вербальные и невербальные средства, а также соотносить их с материальными объектами и средой, используемыми людьми в процессе действия и взаимодействия [4, с. 1]. В рамках анализа мультимодального взаимодействия единицей анализа является медиатированное действие (Mediated Action). Норрис выделяет три типа медиатированного действия как единицы анализа мультимодального взаимодействия. Низкоуровневое действие

(lower-level action) – «минимальная единица интерактивного смысла», например смещение взгляда, вербальная реплика или движение руки; такие действия имеют чётко очерченные начало и конец. Высокоуровневое действие (high-level action) представляет собой последовательность низкоуровневых действий и также характеризуется определёнными границами начала и завершения. Замороженное действие (frozen action) – это высокоуровневое действие, выполненное до анализируемого взаимодействия и воплощённое в материальных объектах. В иллюстративном примере анализа стендапа отдельное движение руки или установление зрительного контакта внутри этого эпизода – как низкоуровневое действие, единичный эпизод взаимодействия между комиком и аудиторией рассматривается как высокоуровневое действие, а представленный перед аудиторией зафиксированный результат взаимодействия – как замороженное действие.

Опираясь на уровень внимания или степень осознанности, Норрис дополнительно делит высокоуровневые действия на передний план (foreground), средний план (mid-ground) и задний план (background). Различные высокоуровневые действия привлекают разную степень внимания или осознания (см. рис. 1): действия, получающие наибольшую степень внимания, относятся к переднему плану (foreground); те, чья степень внимания ниже, – к среднему плану (mid-ground); действия, привлекающие наименьшее внимание, относятся к заднему плану (background).

В настоящем исследовании в качестве теоретической основы принят мультимодальный анализ взаимодействия. На материале российских стендап-комедиях и с опорой на такие критерии, как плотность модальностей, глубина взаимодействия, измерения способностей комика и достигнутый в ходе взаимодействия юмористический эффект, мультимодальные взаимодействия в стендапе подразделяются на три типа: низкоуровневое, среднеуровневое и высокоуровневое:

1. Низкоуровневое взаимодействие

Низкоуровневое взаимодействие характеризуется небольшой плот-

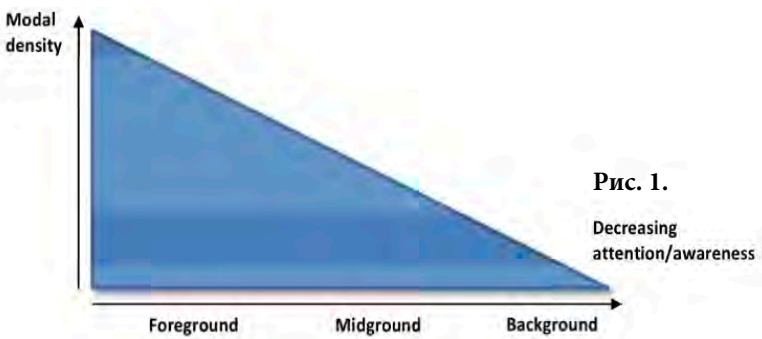

Рис. 1.

ностью модальностей, невысокой глубиной вовлечённости, низкими требованиями к профессиональным навыкам исполнителя и ограниченным влиянием на масштаб распространения комического эффекта. Его ключевая особенность – доминирование языковой модальности как основного носителя содержания при вспомогательной поддержке телесных модальностей (жесты, взгляд и т. п.). Исполнитель обычно инициирует взаимодействие, обращаясь к аудитории с топиком или вопросом, непосредственно связанным с содержанием выступления; реакция зрителей сводится, как правило, к простым формам обратной связи (аплодисменты, короткие реплики и т. п.).

Ну просто давайте будем откровенными, вся полезная еда. Это отстой честно, кто хоть раз сидел на диете, поаплодируйте, а кто ни разу не сидел бы, аплодируете. Сейчас я расскажу. (Женский стендап «Секркты похудения» Варвара Щербакова)

В приведённом примере взаимодействие реализуется преимущественно через вербальную модальность, что делает его предсказуемым и пригодным для планирования на этапе подготовки текста выступления. Такие взаимодействия, как правило, не требуют мгновенной импровизации и мало влияют на заданный темп выступления; они экономичны в реализации и высокоадаптивны, что делает их эффективной стратегией поддержания контакта с аудиторией и организации повествования.

Основные функции низкоуровневого взаимодействия в стендапе следующие: (1) связывание фрагментов повествования и склеивание структуры сценического номера; (2) умеренная активация сценической атмосферы и повышение вовлечённости аудитории; (3) наведение аудитории на определённые когнитивные ожидания и концентрация внимания на последующем материале.

2. Среднеуровневое взаимодействие

Среднеуровневое взаимодействие в стендапе обозначает переход исполнителя от роли одностороннего автора к роли соавтора и модератора комической ситуации, обеспечивая более глубокую совместную генерацию смысла со зрительской аудиторией. В отличие от низкоуровневых форм, ориентированных на получение информации или на поверхностные поддразнивания, среднеуровневое взаимодействие переводит аудиторию из пассивного состояния в активное соучастие: исполнитель использует мгновенные и спонтанные реакции публики как ресурс для импровизации, а не полагается исключительно на заранее подготовленный текст. Импровизация – это текст, не предусмотренный программой и создающийся комиком прямо во время выступления [1, с. 110].

В чём проблема? Почему нельзя есть именно конину, она бегает, так ещё. Мне интересно конь хорошая, а свинья фу мразь. Это сука зарежь, её тварь! Розовая не носа фу еще и не бегает. Мразь такая! А лошадка хорошая, она

Рис. 2.

Рис. 3.

были к людям, также относитесь меня обитали умер, да, он не бегал на это мразота свинину, жырау тварь такая. (StandUp Нурлан Сабуров)

В рассматриваемом фрагменте комик инициирует взаимодействие риторическим вопросом: «Почему нельзя есть именно конину?», рассчитывая на импровизационные подсказки, а не на информативный ответ. Получив от зала реплику «Она бегает», исполнитель вербализует отклик, далее с помощью агрессивной мимики и пластики конкретизирует невербальную модальность и насмешливо охарактеризует свинью(см. рис. 2), противопоставляя услышанному утверждению. Затем следует интонационно-аттитюдный разворот: мягкая мимика и имитация поглаживания вводят аргументацию в пользу лошади (см. рис. 3), использующую зрительский отклик как эмпирическую опору для гиперболизированной похвалы. Таким образом реализуется цикл «инициация – импровизационный отклик – комедийная переработка», в котором координация вербальных и невербальных модальностей, контрастная стилизация и интеграция моментальных откликов преобразуют аудиторию из интерактивного партнёра в соавтора комического высказывания.

По сравнению с низкоуровневыми формами среднеуровневые взаимодействия характеризуются большей модальной плотностью, глубиной вовлечённости, повышенными требованиями к профессиональным компетенциям исполнителя и большей эффективностью генерации юмора. Их ключевые функции можно сформулировать следующим образом: (1) превращение аудитории в соучастников выступления и формирование механизма со-творческого участия; (2) создание погружённого интерактивного поля, подчёркивающего уникальность живого выступления; (3) обогащение юмористического повествования и углубление комедийной конструктивности за счёт импровизационной переработки спонтанных откликов.

3. Высокоуровневое взаимодействие

Высокоуровневое взаимодействие в стендапе принципиально отличается от парадигмы, где инициатива полностью принадлежит исполнителю: аудитория при этом приобретает статус соавтора. В отличие от низко- и среднеуровневых форм, частично фиксируемых на этапе редакции текста, высоко-

уровневое взаимодействие характеризуется высокой непредсказуемостью и мгновенной генеративностью – у него отсутствует фиксированная схема реализации и предустановленное пространство. Это предъявляет повышенные требования к комплексным сценическим компетенциям исполнителя: он должен оперативно и качественно реагировать на случайные отклики зрителей, непредвиденные события и неожиданные динамики, проактивно переводя пассивную ситуацию в активную и интегрируя возникшую импровизацию в основную тему и подготовленный материал. В результате часто применяется приём «колбек» (callback).

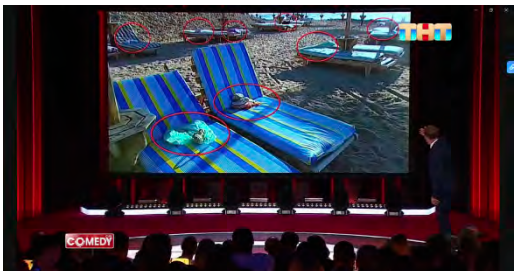

Рис. 4.

«Колбек – это элемент выступления, когда один панчлайн повторяется снова через какой-то промежуток времени, но уже с другим сетапом.В таком случае панчлайн должен быть кратким и запоминающимся, чтобы аудитория вспомнила его спустя какое-то время.» [1, с. 110]. В контексте высокоуровневого взаимодействия устанавливается мультимодальная схема «зритель инициирует – комик импровизирует и комедийно перерабатывает», при которой начальный импульс от аудитории рециклируется и усиливается на уровне сценического высказывания.

1) Все видели этих занимателей на пляже? Ты идешь по пляжу, а там, а там, вот это, вот посмотрите, всё занято, ноль людей, ажиотаж сумасшедший вообще.(Камеди Клаб «Эгоисты» Павел Воля)

В рассматриваемом фрагменте стендап-выступления комик развивает повествование вокруг темы «эгоисты». На раннем этапе он с помощью текста и конкретизирующей визуальной модальности реконструирует сцену на пляже, где чьё-то место оказывается занятым без причины(см. рис. 4). Это медиально-вербальное и визуальное воспроизведение служит рефреном по теме «эгоисты» и укрепляет основы экспозиции ключевой проблематики выступления.

2) Смотри, я рассказываю про эгоизм, она поперлась куда-то смотри, а про эгоизм, а это не про меня. Я пошла, я знаю куда она пошла, знаете куда она пошла, она сейчас там лежат камнем займёт и назад сюда вернётся. (Камеди Клаб «Эгоисты» Павел Воля)

Во время выступления зритель внезапно покинул зал(см. рис. 5); комик не избежал инцидента, а грамотно трансформировал его в материал высокоуровневого взаимодействия. Указательным жестом он оперативно фокусирует внимание публики на ушедшей(см. рис. 6), затем посредством

Рис. 5.

Рис. 6.

Рис. 7.

Рис. 8.

инсценировки внутреннего монолога и имитации её реакций адресно высмеивает ситуацию(см. рис. 7), сокращая дистанцию с аудиторией. Вопросом «Знаете, куда она пошла?» создаётся когнитивное напряжение, которое разрешается репликой «Она сейчас там займёт место и вернётся», подкреплённой мимикой и телесными средствами (см. рис. 8); эта реплика семантически соотносится с темой «эгоисты», активируя коллективную репрезентацию и повторно используя комический мотив. В результате эпизод превращается в ресурс для углубления центральной темы «эгоисты» и служит примером приёма «колбек» , демонстрируя творческую ценность и оперативную генеративность высокоуровневого взаимодействия.

Таким образом, успех такой практики зависит не только от понимания комической логики и социальной проницательности актёра, но и от его способности управлять сценическим полем. В отличие от низко- и среднеуровневых взаимодействий, высокоуровневое взаимодействие обеспечивает качественный скачок по показателям модальной плотности, глубины обмена, требуемых компетенций и эффективности реализации юмора. Его ключевые функции сводятся к трём основным направлениям: (1) создание и трансформация непредвиденных ситуаций с приписыванием им комедийной ценности; (2) углубление нарративной эффективности приёма «колбеки» и демонстрация мастерства управления сценическим полем; (3) обогащение многомерности юмористического повествования и проявление уникальной эстетики импровизационного исполнения.

Заключение

Взаимодействие как ключевая отличительная черта стендап-комедии, играет решающую роль в генерации и распространении комического эффекта. На основе анализа мультимодальных взаимодействий в российском стендапе были сделаны следующие выводы:

1. Мультимодальные взаимодействия в стендап-выступлениях отличаются по четырём параметрам – модальная плотность, глубина взаимодействия, требуемые компетенции и эффективность юмористической реализации – и классифицируются на низко-, средне- и высокоуровневые, что формирует ясную типологическую рамку интеракций.

2. В российском стендапе, ввиду вербальной природы монолога, доминирует вербальная модальность при поддерживающей роли невербальных средств; их кооперация составляет базовую медиуму выражения юмора.

3. Различные уровни взаимодействия опираются на дифференцированную практическую логику и формируют иерархию коммуникативных ценностей в построении юмора. Низкоуровневое взаимодействие выполняет функцию тематической связки: заранее заданные интерактивные конструкции обеспечивают логические и стилистические переходы между частями номера. Среднеуровневое взаимодействие, базируясь на мультимодальной импровизации, превращает зрителя в соавтора высказывания и демонстрирует комедийное мастерство исполнителя в работе с откликами публики. Высокоуровневое взаимодействие ориентировано на оперативное реагирование в внезапных ситуациях, проверяя способность артиста воспринимать, контролировать и адаптировать комическое в реальном времени, что углубляет художественно-выразительный уровень представления и расширяет многомерность юмористического нарратива.

Библиографический список:

1. Решетарова А.М. Структурные и композиционные особенности юмористических текстов в жанре стендап-комедии // Вестник Донецкого Национального Университета. Серия Д: филология и психология. 2020. № 2. С. 108-111.
2. Степанова А.В., Квалдыкова Е.В. Структурные и лингвистические особенности стендапа // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 5. С. 111 -115.
3. Norris S. Analyzing Multimodal Interaction: A Methodological Framework [M]. London: Routledge. 2004. № 1.
4. Norris, Sigrid. Multimodal Interaction Analysis. 2020. С. 1-6.
5. Чжан Дэлу. Исследование интегративной теоретической модели многомодального дискурсивного анализа [J]. Китайский иностранный язык, 2009. № 6. С. 24-30.

Reference

1. Reshetarova A.M. Structural and compositional features of humorous texts in the stand-up comedy genre // Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology. 2020. № 2. P. 108-111.
2. Stepanova A.V., Kvaldykova E.V. Structural and linguistic features of stand-up // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. № 5. P. 111-115.
3. Norris S. Analyzing Multimodal Interaction: A Methodological Framework [M]. London: Routledge. 2004. № 1.
4. Norris, Sigrid. Multimodal Interaction Analysis. 2020. P. 1-6.
5. Zhang Delu. Research on the integrative theoretical model of multimodal discourse analysis [J]. Chinese Foreign Language, 2009. № 6. P. 24-30.

Захарова И.Р.

Старший преподаватель. Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова, г. Санкт-Петербург. SPIN-код: 8414-7060

Развитие навыка аудирования при изучении немецкого языка: от традиционных методик к экстенсивному подходу*

Аннотация. Статья посвящена развитию навыка аудирования при изучении иностранного (немецкого) языка. В первой части рассматривается эволюция методических подходов к обучению аудированию – от грамматико-переводного метода до коммуникативной дидактики. Анализируются когнитивные процессы, лежащие в основе понимания речи на слух, в частности взаимодействие стратегий «снизу вверх» (декодирование языковых единиц) и «сверху вниз» (использование фоновых знаний и контекста). Выявляются типичные ошибки при выполнении упражнений на аудирование и предлагается оптимальная трехфазная модель работы с аудиотекстом (предтекстовая фаза, фаза слушания, послетекстовая фаза), подробно описываются цели и виды деятельности на каждом этапе. На примере учебника «Schritte plus neu 3» проводится дидактический анализ заданий к аудиотекстам, включая работу с диалогическими текстами для чтения и аудирования. Особое внимание уделяется концепции экстенсивного аудирования – регулярного просмотра аутентичных видеоматериалов (телесериалов) с целью глобального понимания. Представлены результаты эмпирического исследования, проведенного с восемью студентами уровня A1 в течение двух семестров, которое демонстрирует положительное влияние экстенсивного аудирования на понимание речи на слух и расширение словарного запаса, однако выявляет проблему сохранения грамматических ошибок в письменной речи. В связи с этим обосновывается необходимость комбинирования экстенсивного аудирования с экстенсивным чтением для более гармоничного развития всех языковых компетенций.

Ключевые слова: аудирование, понимание речи на слух, методика преподавания иностранных языков, немецкий язык, когнитивные процессы, стратегии «снизу вверх» и «сверху вниз», трехфазная модель, дидактический анализ, диалогические тексты, экстенсивное аудирование, аутентичные материалы, телесериалы, уровень A1, языковые компетенции.

Zakharova I.R.

Senior Lecturer. Military Medical Academy named after S.M. Kirov, St. Petersburg. SPIN-code: 8414-7060

* © Захарова И.Р., 2026.

The development of listening skills in German language learning: from traditional methodologies to an extensive approach

Abstract. The article is devoted to the development of listening comprehension skills in learning a foreign (German) language. The first part examines the evolution of methodological approaches to teaching listening comprehension – from the grammar-translation method to communicative didactics. It analyzes the cognitive processes underlying listening comprehension, in particular the interaction of "bottom-up" strategies (decoding linguistic units) and "top-down" strategies (using background knowledge and context). Typical mistakes in performing listening exercises are identified, and an optimal three-phase model for working with audio texts (pre-listening phase, while-listening phase, post-listening phase) is proposed, with a detailed description of the goals and activities at each stage. Using the textbook "Schritte plus neu 3" as an example, a didactic analysis of tasks for audio texts is carried out, including work with dialogic reading-listening texts. Special attention is paid to the concept of extensive listening – regular viewing of authentic video materials (TV series) for global understanding. The results of an empirical study conducted with eight A1-level students over two semesters are presented, demonstrating the positive impact of extensive listening on listening comprehension and vocabulary expansion, while also revealing the issue of persistent grammatical errors in written speech. In this regard, the necessity of combining extensive listening with extensive reading for a more balanced development of all language competencies is substantiated.

Key words: listening comprehension, listening, teaching methodology of foreign languages, German language, cognitive processes, bottom-up and top-down strategies, three-phase model, didactic analysis, dialogic texts, extensive listening, authentic materials, TV series, A1 level, language competencies.

Навык аудирования является одним из важнейших как при овладении родным языком, так и при изучении второго и иностранного языков. Овладение родным языком начинается со слушания речи. Эта способность развивается с рождения, в то время как ребенок начинает произносить свои первые слова только в возрасте 12 или 15 месяцев. Слушание предшествует говорению.

О взаимосвязи этих двух навыков свидетельствует тот факт, что без слушания нет говорения. Дети, рожденные без способности слышать, в большинстве случаев остаются немыми и должны учиться общаться с помощью языка жестов [1:4]. Следовательно, аудирование на уроках иностранного языка также оказывает большое влияние на развитие разговорных навыков и хорошего произношения. Многие учащиеся, испытывающие трудности именно в этих областях, должны гораздо больше слушать иностранную речь, поскольку тексты для аудирования обеспечивают языковой ввод (input), без которого изучение языка невозможно [2]. Рецептивные навыки

составляют две трети коммуникации на родном языке, при этом навык аудирования находится на первом месте (55 %), за ним следуют говорение (23 %), чтение (13 %) и письмо (9 %) [3:23]. По этой причине рецептивные навыки, и особенно понимание речи на слух, должны развиваться систематически и регулярно [4:75].

1 История обучения аудированию в преподавании иностранных языков

Долгое время аудирование было недооцениваемым навыком. В грамматико-переводном методе основное внимание уделялось грамматике, переводу и интенсивному чтению. Аудиозаписей к учебникам не было, язык воспринимался на слух преимущественно через голос учителя [5:12].

В аудиовизуальном и аудиолингвальном методах аудирование и говорение были выдвинуты в центр обучения иностранным языкам. Появились аудиокассеты и лингафонные кабинеты, однако специальных упражнений для развития именно понимания речи на слух по-прежнему не существовало. Аудирование сводилось к таким видам деятельности, как «слушай и повторяй», «слушай и отвечай», «слушай и преобразовывай предложения». В рамках этих методов внимание уделялось так называемым процессам «снизу вверх» (bottom-up): фонологическому, морфосинтаксическому и лексико-семантическому декодированию [5:12].

Лишь в рамках коммуникативной дидактики аудированию стало уделяться большое внимание. Исследуются не только процессы «снизу вверх», но и процессы «сверху вниз» (top-down), или управляемые знаниями процессы, которые опираются на знание коммуникативной ситуации, намерения говорящего и фоновые знания (картину мира). Эта информация, а именно, имеет огромное значение для правильного понимания звучащих текстов [6].

2. Аудирование и когнитивные процессы

Под влиянием семиотики в середине XX века речевая коммуникация рассматривалась как передача информации от отправителя к получателю. Согласно этой модели, общий код, или общий язык, обеспечивал однозначную интерпретацию сообщения, независимо от слушающего или получателя [7:139]. Аудирование и чтение назывались пассивными навыками, поскольку слушающему или читающему передается информация, которую он должен лишь воспринять. То, что роль реципиента чрезвычайно важна, было установлено благодаря развитию прагмалингвистики. Слушающий должен понять намерение говорящего (иллокуцию), смысл сказанного и причину, по которой что-то говорится [8].

Достижения когнитивной психологии в значительной степени способствовали изменению взглядов на обработку информации. С 1980-х годов

аудирование понимается не как пассивный, а как активный процесс конструирования значения, при котором информация из текста соединяется с языковыми, прагматическими и социокультурными знаниями. Понимание звучащего текста основывается на взаимодействии процессов «сверху вниз» (top-down) и «снизу вверх» (bottom-up). Под процессами «сверху вниз» понимаются знание коммуникативной ситуации, намерений говорящих и фоновые знания (картина мира), в то время как процессы «снизу вверх» относятся к декодированию языковых знаков на фонологическом, морфологическом, синтаксическом, семантическом и лексическом уровнях [9:2]. Эти процессы протекают не последовательно, а одновременно. Хорошо понимающие на слух используют как стратегии «сверху вниз», так и «снизу вверх», тогда как менее успешные учащиеся концентрируются преимущественно на стратегиях «снизу вверх» [2:104].

Известно, однако, что процессы «снизу вверх» не обязательно должны быть завершены до конца, чтобы учащийся понял смысл высказывания. Опираясь на языковые и внеязыковые знания, можно от известного прийти к неизвестному. Если, например, в речи говорится: «Дамы и хххх. Я приветствую вас...», то нужное слово для хххх легко можно восстановить. Слыша по радио «Тяжелый хххх на трассе А45!», человек не только автоматически дополняет слово «авария», но и понимает, что А45 – это особый тип дороги, по которой автомобили движутся с высокой скоростью. Опыт и предварительные знания дают нам возможность предвосхищать будущие события. Очень часто мы понимаем высказывание еще до того, как оно закончено. При этом, однако, следует подчеркнуть, что для реконструкции значения из контекста учащиеся уже должны обладать определенными языковыми знаниями [1:7].

3. Ошибки при выполнении упражнений на аудирование

Наблюдения показывают, что упражнения на аудирование очень часто проводятся по следующей схеме:

Включается компакт-диск, и учащихся призывают внимательно слушать. Учебник открыт, ученики слушают, следят по тексту и подчеркивают незнакомые слова.

При таком подходе внимание учащихся обращается на незнакомую, а не на знакомую информацию, что формирует у них неправильную стратегию. Кроме того, при одновременном слушании и чтении развивается не навык аудирования, а произношение.

В качестве аргумента в пользу такого подхода от учителей можно услышать, что ученики не поняли бы текст из-за его сложности и что отработка содержания без письменной опоры заняла бы слишком много времени. С текстовой основой можно выиграть время. Каждый, кто из-

учал иностранный язык, знает, как трудно понимать тексты на слух. Но навык аудирования будет развиваться только при регулярной тренировке, и именно тогда, когда ученики слушают тексты без письменной опоры [5:12]. Гюнтер Циммерманн (1980) придерживается мнения, что при слушании без одновременного чтения внимание полностью сосредоточено на восприятии на слух и что ученики таким образом могут развить доверие к своим навыкам аудирования.

В принципе, текст для аудирования следует проигрывать без возможности следить по тексту. Транскрипция аудиотекста должна предоставляться учащимся только на втором или третьем прослушивании, если учитель вообще не решил полностью отказаться от письменного текста [5:38].

Вторая схема, по которой проводятся упражнения на аудирование, выглядит следующим образом:

Включается компакт-диск, и учащихся призывают внимательно слушать. Учебники закрыты. Затем звучит текст, и, наконец, для проверки понимания задаются вопросы по тексту.

При таком подходе неудивительно, что навык аудирования развивается медленно и многие учащиеся испытывают страх перед каждым новым текстом. Обучающиеся не знают, на что обращать внимание при слушании. Вопросы после прослушивания проверяют ведь не столько понимание текста, сколько работу памяти [5:38]. При таком подходе даже носителю языка было бы трудно отвечать на вопросы после прослушивания.

4. Методический подход к работе с текстами для аудирования

Аудирование является одним из самых сложных навыков при изучении языка. В отличие от текста для чтения, который можно читать в своем темпе, при аудировании необходимо привыкать к темпу речи говорящего. Когда учитель говорит на уроке, его, как правило, хорошо понимают. К его манере речи учащиеся привыкли, и он учитывает их невысокий уровень владения языком. Но когда учащийся сталкивается с другими носителями иностранного языка – при личной встрече или в средствах массовой информации – он часто теряет нить повествования уже после нескольких слов и в итоге ничего не понимает. Упражнения на аудирование, при которых ничего не понятно, являются «убийцами мотивации» и могут отбить у учащихся желание дальше работать с устными текстами [1:4]. Эта проблема может быть преодолена только путем непрерывной работы с аудиотекстами, а также благодаря хорошему методико-дидактическому подходу.

Что касается конкретного планирования урока с использованием аудиотекстов, в специальной литературе выделяются три фазы: предтекстовая фаза, фаза слушания и послетекстовая фаза. Соответственно, различают задания:

– которые выполняются до прослушивания текста;

– которые выполняются во время прослушивания текста;

– которые выполняются после прослушивания текста.

Задания, выполняемые до прослушивания текста, могут наиболее интенсивно влиять на процесс понимания и управлять им. Основное внимание в методико-дидактической работе следует поэтому уделять заданиям предтекстовой фазы [5].

4.1 Предтекстовая фаза

К предтекстовой или вводной фазе относятся (как и для текстов для чтения) все виды деятельности, которые выполняются до того, как учащиеся впервые услышат текст [10:162]. Они преследуют те же цели, что и упражнения для текстов для чтения:

Цели вводной фазы:

– активировать содержательные и языковые фоновые знания учащихся;

– пробудить интерес и способствовать мотивации;

– сформировать ожидания;

– снять предварительные трудности (превентивное облегчение понимания текста) – вводятся слова, важные для понимания аудиотекста. То, что могло бы помешать глобальному пониманию текста и создать нагрузку, объясняется до прослушивания.

В предтекстовой фазе могут быть выполнены следующие виды деятельности:

1. Работа с иллюстрациями. Как и для текстов для чтения, иллюстрации также хорошо использовать для аудиотекстов. Если к аудиотексту дана фотография, учителю следует обсудить с учениками, что изображено на картинке, чтобы подготовить тему и ситуацию общения. Если иллюстрация предполагает диалог, целесообразно спросить учеников, что, по их мнению, могли бы говорить изображенные люди. Таким образом вводятся важные речевые обороты и слова из аудиотекста, а также формируются ожидания от текста [5:17]. Если иллюстрации в учебнике недостаточно стимулируют, учитель может принести свои изображения или подготовить презентацию PowerPoint с интересными картинками. Опыт показывает, что интерес учащихся к теме возрастает с увеличением привлекательности иллюстраций, равно как и мотивация к участию в уроке.

2. Проработка текста для чтения. В некоторых учебниках в рамках одного раздела сначала прорабатывается текст для чтения, а затем – текст для аудирования. При этом текст для чтения, тематически связанный с аудиотекстом, служит важной фазой предварительного снятия трудностей.

3. Ассоциограммы (ментальные карты). Ассоциограммы, как и для текстов для чтения, могут использоваться на вводном этапе для аудиотекстов. Чтобы активизировать всех учеников в учебном процессе, можно сначала попросить учащихся записать ассоциации индивидуально, чтобы

каждый ученик мог внести свой вклад в общий сбор ассоциаций [5:54]. С помощью ассоциограмм можно, с одной стороны, активировать языковые фоновые знания, с другой стороны, вводятся важные слова, облегчающие понимание текста.

4. Предъявление карточек с предложениями/словами. С помощью карточек с предложениями/словами учитель задает учащимся важные слова/предложения, которые встречаются в аудиотексте и имеют отношение к тексту, в то время как учащиеся пытаются на основе этих выражений написать свою историю [10]. Благодаря этому формируются ожидания, что ведет к направленному (целенаправленному) слушанию, так как в фазе восприятия текста учащиеся обращают внимание на то, были ли их гипотезы верны или нет.

5. Предоставление фоновой информации по теме. В предтекстовой фазе учитель может предоставить учащимся фоновую информацию по теме аудиотекста, чтобы таким образом подготовить их к прослушиванию и облегчить понимание текста.

Во вводной фазе можно комбинировать несколько видов деятельности, чтобы лучше подготовить учащихся к аудированию. После использования этих приемов учитель может также инициировать короткую дискуссию, чтобы заинтересовать учащихся темой. Продолжительность вводной фазы может варьироваться, но обычно составляет от 5 до 10 минут.

Необходимо запомнить:

– Задания перед прослушиванием текста имеют важную функцию, так как они управляют процессом аудирования и могут указать учащимся на важные аспекты текста.

– В предтекстовой фазе объясняются самые важные слова (ключевые слова) → для аудиотекстов нет фазы семантизации, как для текстов для чтения и текстов для чтения с аудированием.

– Учащиеся должны перед прослушиванием текста прочитать инструкцию к заданию, которое нужно будет выполнить в фазе слушания. Таким образом ученики учатся слушать целенаправленно .

4.2 Фаза слушания (аудирования)

Аудиотексты могут быть поняты на разных уровнях. Чаще всего они понимаются на глобальном или селективном (выборочном) уровне, в то время как детальное понимание, как правило, не требуется [5].

Задания для фазы слушания должны быть максимально простыми по структуре и требовать минимальной письменной активности, так как одновременное слушание и письмо создают для учащихся чрезмерную нагрузку. Особенно критически рассматриваются вопросы к тексту при аудировании, поскольку для ответа на них требуется не только умение слушать. Вопросы к тексту предполагают определенный уровень навыка чтения, так как они предъявляются в письменной форме.

В фазе аудирования могут быть использованы следующие типы упражнений [5]:

• Множественный выбор;
• Задания «Верно/Неверно»;
• Соотнесение информации;
• Заполнение пропусков в тексте;
• Заполнение таблиц / текстовых матриц;
• Установление правильной последовательности (слов, заголовков, абзацев, картинок);
• Остановка записи и выдвижение предположений.

Все задания, которые выполняются во время прослушивания, должны быть сначала прочитаны до начала аудирования, чтобы учащиеся слушали целенаправленно [5].

4.3 Послетекстовая фаза

В фазе после прослушивания текста прежде всего проверяются решения заданий, которые выполнялись во время фазы аудирования. Кроме того, здесь используются различные репродуктивные и продуктивные задания, связанные с темой аудиотекста. В фазе после прослушивания текста могут быть выполнены следующие виды деятельности:

– Пересказ (краткое изложение) текста;
– Рассказ о собственном опыте, касающемся темы;
– Диалоги или ролевые игры;
– Написание комментария или критического отзыва на текст;
– Творческие задания.

Для всех типов заданий большое значение имеет предоставление учащимся различных речевых опор и вспомогательных средств в виде вопросов, ключевых слов или начал предложений, чтобы им было легче высказываться по заданной теме и справиться с соответствующим заданием. Если задания по аудированию подготовлены таким образом, это также снижает страх перед прослушиванием иноязычных текстов.

5. Дидактический анализ аудиотекста из учебника

В данном разделе проанализируем методико-дидактическую разработку аудиотекста из учебника «Schritte plus neu 3».

ЦЕЛЬ: Обучающиеся могут извлечь наиболее важную информацию из аудиотекста «Планирование вечеринки» и спланировать вечеринку.

Учебник для вводной фазы (предтекстовой фазы) предлагает три ситуации (E1), которые должны подготовить учащихся к ситуации аудирования. Учащиеся должны высказать свое мнение об изображенных ситуациях или указать, какую вечеринку они хотели бы посетить и почему. Посредством описания картинок и выражения мнения преподаватель должен ввести

Рис. 1. „Schritte plus neu 3“стр. 89.

E Ein Fest planen 7

3 0.32 **E1 Sabine und Khaled planen ein Fest.**

a Für welches Fest entscheiden sie sich? Hören Sie das Gespräch und kreuzen Sie an.

○ 1

○ 2

b Hören Sie noch einmal. Wer sagt was?
Ordnen Sie zu: Sabine (S) oder Khaled (K).

1 K Man kann die Gäste per SMS einladen.
2 ○ Ich möchte mit Kollegen feiern.
3 ○ Ich möchte eine Tanzparty machen.
4 ○ Hauptsache, das Essen ist gut und wir unterhalten uns gut.
5 ○ Mir ist wichtig, dass der Raum groß ist und wir genug Platz haben.
6 ○ Man sollte eine Party zu Hause feiern.
7 ○ Ich finde es toll, wenn die Leute Spaß haben und die Stimmung gut ist.
8 ○ Ich finde, wir müssen den Raum nicht dekorieren.

E2 Unser Fest

a Planen Sie in kleinen Gruppen ein Fest mit einem Motto, z. B. Tänze und Musik aus aller Welt, internationale Spezialitäten, Picknick im Grünen ... Was ist Ihnen wichtig? Was nicht? Einigen Sie sich und machen Sie ein Plakat.

• das Budget • die Gäste • die Uhrzeit • der Raum • die Dekoration
• die Unterhaltung (• die Musik, • das Feuerwerk ...) • das Essen / • die Getränke ...

Ich finde es toll, wenn ...
Mir ist ... wichtig. Mir ist wichtig, dass ...
Die Hauptsache ist / Hauptsache, dass ...
Ich finde das nicht so toll.
Ist das wirklich so wichtig?
Am wichtigsten ist, dass ...
Muss das sein?

Herzlich willkommen bei unserem Straßenfest

Motto: Musik aus aller Welt
Termin: 20. Juli, ab 14 Uhr
Musikvorführungen:
• Guzheng aus China (Cindy)
• Harmonium aus Indien (Vijendra)
• Lieder aus Polen (Ania und Marek)

Bitte bringt gern eure Familien mit!

b Stellen Sie Ihr Fest vor und überzeugen Sie die anderen im Kurs: Sie sollen zu Ihrem Fest kommen.

Unser Motto ist ...
Wir feiern in/im ... / zu Hause bei ...
Unser Raum ist so dekoriert: ...
Und natürlich haben wir auch Musik: ...
Unser Fest findet am ... um/ab ... Uhr statt.
Ihr müsst ...
Zu essen/trinken gibt es ...

Источник: Составлено автором на основании [12].

важные слова, которые встречаются в аудиотексте. Всё, что могло бы затруднить понимание текста, объясняется до, а не после прослушивания текста. В данном занятии требование об использовании предтекстовой деятельности выполнено. Однако если такое задание отсутствует, преподаватель должен его добавить, чтобы хорошо подготовить обучающихся к аудированию.

В рамках презентационной фазы (фазы слушания) текст прослушивается дважды (или, при необходимости, трижды) для глобального понимания (задания E2a, E2b). Важно указать обучающимся на необходимость прочитать задания перед прослушиванием текста. Кроме того, преподаватель должен перед первым прослушиванием текста убедиться, что обучающиеся поняли задание, и, если необходимо, объяснить незнакомые слова.

В тренировочной фазе (послетекстовой фазе) выполняются продуктивные задания. Обучающиеся должны организовать вечеринку (E3a) и затем представить свой план другим (E3b). Для обоих заданий предлагаются речевые опоры, чтобы облегчить обучающимся выполнение задания. Если для последней фазы речевых опор нет или их очень мало, они должны быть дополнены преподавателем, чтобы обучающиеся могли более уверенно и легко высказываться по теме.

В данном занятии представлены все фазы, а именно предтекстовая фаза, фаза слушания и послетекстовая фаза. В некоторых учебниках бывает так, что в рамках одного занятия прорабатываются как аудиотекст, так и текст для чтения. Поскольку они тематически относятся к одной и той же теме, обычно будет достаточно провести после проработки текста для чтения и аудиотекста одну общую продуктивную тренировочную фазу.

6. Работа с диалогическими текстами для чтения и аудирования (Lese-Hör-Texte)

Аудиотексты имеют различные формы предъявления. При этом различаются две основные формы: аудиотексты с письменной опорой (транскрипцией) и без нее. Аудиотексты с текстом (транскрипцией) встречаются прежде всего на начальных уровнях владения языком (A1 и A2), так как с помощью таких аудиотекстов тренируется не только понимание на слух, но и произношение. Речь идет прежде всего о так называемых диалогических текстах для чтения и аудирования. Они выглядят как аудиотексты, представлены в диалогической форме и содержат задание на аудирование, но в конечном итоге обрабатываются как тексты для чтения. Цель этой работы с диалогами – подготовить учащихся к различным повседневным ситуациям в стране изучаемого языка (как вести беседу в ресторане, на стойке регистрации в отеле, при покупках и на рабочем месте, как договариваться о встрече, приглашать друзей на вечеринку и т.д.).

6.1 Методический подход к работе с диалогическими текстами для

чтения и аудирования

При работе с диалогическими текстами для чтения и аудирования используются методико-дидактические приемы, аналогичные применяемым при работе с текстами для чтения. Выделяются вводная фаза, фаза презентации, фаза семантизации и тренировочная фаза.

Вводная фаза

Во вводной фазе могут использоваться те же виды деятельности, что и для текстов для чтения и аудирования, а именно: ассоциограммы, иллюстрации, заголовки, а также карточки с предложениями и словами, с помощью которых активизируются языковые и содержательные фоновые знания, высказываются гипотезы о содержании текста и вводятся ключевые слова.

Фаза презентации

Фаза презентации начинается, когда ученики впервые слышат новый текст. В этой фазе учащиеся сначала читают задание (если оно есть), в то время как учитель объясняет незнакомые слова в задании. Затем текст прослушивается, и одновременно выполняется задание на проверку понимания на слух.

На втором этапе аудиотекст одновременно слушается и читается (прослушивание с опорой на текст), так как таким образом тренируется произношение. В завершение диалог читается по ролям.

Фаза семантизации

В последующей фазе семантизации объясняются ключевые слова. Поскольку диалоги на начальном уровне относительно короткие, проверять селективное (выборочное) понимание текста нет необходимости. Скорее, цель работы с диалогом – позволить учащимся на основе данного диалога написать и разыграть новый диалог [10:220]. По этой причине для данного типа текстов репродуктивная фаза не проводится.

Тренировочная фаза – продуктивная фаза

В продуктивной фазе учащиеся должны, наконец, варьировать диалог, используя предложенные речевые опоры. Если такие речевые опоры отсутствуют, учитель должен либо добавить их, либо порекомендовать учащимся ориентироваться на имеющийся диалог при составлении нового. Таким образом развивается диалогическая речь, которая представляет собой важный навык на уроках немецкого языка как иностранного.

Однако диалоги следует не только отрабатывать и варьировать в рамках урока, но и задавать на дом в качестве домашнего задания. Для развития навыка говорения регулярные речевые упражнения дома необходимы. В этом смысле после изучения темы учащимся можно предложить в качестве домашней работы устно отработать пройденный диалог. Таким образом учащиеся запоминают важные речевые обороты и закрепляют свои знания,

с самого начала привыкая тренировать свои разговорные навыки.

6.2 Дидактический анализ диалогического текста для чтения и аудирования из учебника

Ниже проанализируем методико-дидактическую разработку диалогического текста для чтения и аудирования из учебника «»Schritte plus neu 3»» (Hilpert et al., 2006).

ЦЕЛЬ: Обучающиеся могут извлечь наиболее важную информацию из аудиотекста «Телефонные разговоры на рабочем месте» и вести телефонные разговоры на рабочем месте.

В рамках данного урока аудиотексты представлены двумя способами – как аудиотекст с иллюстрацией (без транскрипции) (D1), посредством которого развивается навык аудирования, и как аудиотекст с транскрипцией (текст для чтения и аудирования) (D2), с помощью которого развиваются как навык аудирования, так и произношение и диалогическая речь.

Оба аудиотекста тематически связаны между собой – они оба посвящены теме «Телефонные разговоры на рабочем месте». Однако отсутствует вводная фаза (предтекстовая фаза), в которой учащиеся подготавливались бы к ситуации аудирования. В учебнике хотя и есть иллюстрация, которую учитель может обсудить, для учащихся была бы гораздо интереснее презентация PowerPoint с различными изображениями на тему «Телефонные разговоры на рабочем месте». Кроме того, учитель может также включить видеоклип на YouTube, показывающий соответствующую ситуацию, чтобы таким образом кратко ввести учащихся в тему. Дополнительно учитель может начать тему «Телефонные разговоры на рабочем месте», предложив учащимся рассказать о своем опыте или высказать свое мнение по теме. Благодаря всем перечисленным видам деятельности пробуждается интерес, формируются ожидания, а также предварительно снимаются лексические трудности, так что учащиеся могут легче и лучше понять аудиотексты.

В рамках фазы презентации сначала воспроизводится первый аудиотекст (D1), а затем второй (D2). Перед каждым прослушиванием учителю следует указать обучающимся на необходимость прочитать задание, так как таким образом обучающиеся учатся слушать целенаправленно. Если в задании встречаются незнакомые слова, преподавателю следует их объяснить.

Аудиотекст (D2) представляет собой диалогический текст для чтения и аудирования и состоит из трех различных диалогов. В рамках этого задания учащиеся должны вставить предложенные слова в соответствующие пропуски в тексте. После того как текст прослушан и глобальное понимание текста проверено, учитель может воспроизвести текст еще раз, чтобы дать учащимся возможность на этот раз обратить внимание на произношение. На следующем этапе текст может быть прочитан обучающимися вслух.

В фазе семантизации наиболее важные ключевые слова следует пояс-

Рис. 1. „Schritte plus neu 3“стр. 89.

D Telefongespräche am Arbeitsplatz 4

2 9–11 **D1 Welcher Text aus C1 passt?**
Hören Sie drei Telefongespräche und ordnen Sie zu.

Gespräch	A	B	C
Text			

2 9–11 **D2 Ordnen Sie die Telefongespräche.**
Hören Sie dann noch einmal und vergleichen Sie.

A
- ○ Tut mir leid, der ist gerade nicht am Platz. Kann ich ihm etwas ausrichten?
- ① Exportabteilung, Weigand, guten Tag.
- ○ Guten Tag, hier ist Al-Sayed. Können Sie mich bitte mit Herrn Sauter verbinden?
- ○ Ja, gut. Dann auf Wiederhören.
- ○ Nein, danke, nichts. Es geht um seinen Abschied. Ich bin im Juni leider im Urlaub. Aber das möchte ich ihm selbst sagen. Ich versuche es später noch einmal.

B
- ○ Tut mir leid, sie ist noch nicht da. Soll sie zurückrufen, wenn sie kommt?
- ○ Guten Tag, hier ist Amelie Stein. Ist Frau Neufeld schon im Haus?
- ○ Gut. Auf Wiederhören.
- ○ Nein, danke. Ich habe noch eine Frage zu dem Seminar. Ich rufe später noch einmal an.

C
- ○ Ja, gut. Dann geben Sie mir doch bitte die Durchwahl von der Kantine.
- ○ Hallo, Richter hier. Können Sie mich bitte zu Frau Demir durchstellen?
- ○ Nein, da ist im Moment niemand da. Die haben schon Feierabend. Können Sie vielleicht morgen früh noch einmal anrufen?
- ○ Die ist leider nicht mehr im Haus.
- ○ Ist denn sonst jemand aus der Kantine da? Es geht um eine Veranstaltung.
- ○ Vielen Dank. Auf Wiederhören.
- ○ Ja, gern, das ist die 265.

etwas ↔ nichts
schon ↔ noch nicht
jemand ↔ niemand

D3 Rollenspiel

a Wählen Sie mit Ihrer Partnerin / Ihrem Partner eine Situation. Was wollen Sie sagen? Verwenden Sie passende Sätze aus D2.

Anrufer/in
Sie wollen Frau ... sprechen. Sie rufen später noch einmal an.

Firma
Frau ... ist nicht da.

Anrufer/in
Sie möchten Herrn ... aus der Export-Import-Abteilung oder sonst jemanden aus der Abteilung sprechen.

Firma
Herr ... ist nicht da. Es ist niemand sonst da. – bitte später anrufen – etwas ausrichten?

Anrufer/in
bitte mit Frau ... verbinden – Durchwahl geben

Firma
Frau ... ist außer Haus. Durchwahl: 253

b Spielen Sie die Telefongespräche.

einundfünfzig 51 KB LEKTION 4

Источник: Составлено автором на основании [12].

нить с помощью иллюстраций, мимики и жестов или вербальных объяснений. Поскольку диалоги очень короткие, проверять селективное (выборочное) понимание текста нет необходимости, и можно сразу переходить к тренировочной фазе.

В тренировочной фазе (продуктивной фазе) учащиеся должны варьировать предложенный диалог. Это достигается с помощью задания D3, в котором обучающиеся должны моделировать телефонные разговоры на рабочем месте, используя предложенные речевые опоры и данный диалог. Поскольку речевых опор предложено достаточно, преподавателю не нужно добавлять дополнительные.

В рамках домашней работы обучающимся можно предложить устно выучить пройденный диалог. Таким образом учащиеся запоминают важные речевые обороты и закрепляют свои знания, с самого начала привыкая тренировать свои разговорные навыки.

Из анализа следует, что учебник учитывает при работе с текстами для чтения и аудирования фазу презентации и тренировочную фазу, в то время как вводная фаза и фаза семантизации (объяснение незнакомых слов) отсутствуют.

Следовательно, эти две фазы должны быть дополнены соответствующими приемами и видами деятельности.

7. Экстенсивное аудирование

«Экстенсивное аудирование» обозначает прослушивание большого количества текстов с целью глобального понимания содержания. Целями использования программ экстенсивного аудирования являются, с одной стороны, повышение мотивации к аудированию, а с другой стороны, развитие навыка аудирования. Как и при экстенсивном чтении, при экстенсивном аудировании выбор текстов играет большую роль для успешности обучения. Прослушивание должно мотивировать учащихся, поэтому им следует предоставлять возможность самим выбирать аудио(видео)материалы. Для упражнений на аудирование в целом рекомендуется использовать аутентичные тексты, так как они обладают высоким мотивационным потенциалом. Требование использования аутентичных текстов связано также и с языковыми аспектами. Если учащиеся по окончании языкового курса должны понимать не только своего учителя, большое значение имеет знакомство с различными голосами, скоростью речи и языковыми вариантами [13:127]. Кроме того, как конструктивистская теория, так и гипотеза о языковом вводе (input) подчеркивают роль интенсивного контакта с иностранным языком как важного условия для успешных процессов овладения языком. В рамках экстенсивного аудирования учащиеся могут смотреть и слушать телесериалы, фильмы, различные передачи или подкасты. Боль-

шинство материалов сегодня доступны также онлайн (Stipančević, 2020).

Чтобы обеспечить эффективность экстенсивного аудирования, важно, как и при экстенсивном чтении, связывать аудиотексты с продуктивными видами деятельности, т.е. предлагать учащимся обобщать просмотренное видео своими словами и устно его пересказывать. Результаты различных исследований показывают, что это положительно влияет на процесс овладения языком.

Положительное влияние экстенсивного аудирования на языковые навыки было доказано в некоторых исследованиях, в частности, на уроках испанского языка и на уроках немецкого как иностранного [14]. В этих исследованиях было установлено, что регулярный просмотр телесериалов расширяет словарный запас учащихся.

Возникает вопрос, с какого уровня владения языком можно использовать экстенсивное чтение и аудирование. Практический опыт показывает, что такие программы можно проводить даже с начинающими. Далее будет показано, какое влияние оказало экстенсивное аудирование на языковые навыки обучающихся уровня A1.

8. Влияние экстенсивного аудирования на языковые навыки

Исследование влияния экстенсивного аудирования было проведено со обучающимися языковых курсов, которые изучали немецкий язык как второй иностранный язык. Обучающиеся в основном находились на уровне A1, при этом некоторые обучающиеся уже изучали немецкий язык в прошлом, но все равно выбрали курс для начинающих. Исследование было проведено в 2023 году с восемью обучающимися.

В рамках программы экстенсивного аудирования учащиеся смотрели телесериалы. Целью исследования было развитие навыков аудирования, так как лишь немногие учащиеся имеют возможность слышать немецкий язык вне занятий. Путем усиленного языкового ввода (input) предполагалось создать хорошую основу для развития других навыков. Обучающиеся могли выбирать между двумя сериалами: «Между нами» (Unter uns, 1994 – настоящее время) и «Всё, что имеет значение» (Alles was zählt, 2006 – настоящее время), так как оба доступны ежедневно в онлайн-режиме.

Важным для исследования было поставить перед учащимися задачу перед просмотром сериала, чтобы избежать пассивного слушания/просмотра. Поскольку в данном случае речь шла о обучающихся уровня A1, задачей было просто записывать слова, которые были поняты. Исходили из предположения, что понимание на слух при регулярном просмотре сериала улучшится и с каждым разом будет пониматься всё больше слов. Кроме того, велась статистика количества понятых слов в первом и втором семестрах.

Первый семестр

Таблица 1. Результаты просмотра телесериалов в течение 1-го семестра.

1-й ЧАС	3-й ЧАС	4-й ЧАС	КОНЕЦ СЕМЕСТРА
30 слов	60 слов, также конструкции (синтагмы)	Слова, конструкции и предложения	50 слов, 8 конструкций, 5 предложений
			Исключение: 70 слов, 6 конструкций, 41 предложение

В первых двух сериях студенты в среднем поняли по 30 слов. Речь шла главным образом о словах, которые вводились на первых уроках и относятся к следующим сферам: приветствие и прощание, члены семьи. С третьего часа количество понятых слов возросло до 60, причем некоторые студенты понимали не только слова, но и синтагмы или конструкции. С четвертого часа большинство также понимало предложения. Поскольку не все студенты смотрели сериалы регулярно, результаты варьируются. В конце первого семестра большинство в среднем выделяли на слух в одной серии 5 предложений, 8 конструкций и дополнительно еще 50 слов. Исключение составила одна студентка, которая смотрела сериал два раза в неделю и в конце первого семестра смогла понять 41 предложение, 6 конструкций и еще дополнительно 70 слов. Речь идет при этом о студентке, которая уже изучала немецкий язык в прошлом, и у которой благодаря регулярному просмотру телесериалов очень быстро активизировались пассивные языковые знания (Stipančević, 2014).

Второй семестр

Таблица 2. Результаты просмотра телесериалов в течение 2-го семестра.

Март	Апрель	Май
90–100 слов, также конструкции и предложения	Краткое изложение серии в 3 предложениях	Написание более длинных текстов

Та же самая методика применялась и во втором семестре. Обучающиеся должны были записывать то, что они поняли при прослушивании. Но так как обучающиеся в течение семестра могли выделить на слух до 100 слов и к тому времени приобрели уверенность в своем понимании на слух, был сделан следующий шаг в направлении речевой продукции. А именно, обучающиеся должны были попытаться обобщить соответствующую серию в нескольких предложениях. В начале семестра обучающиеся обобщали серию примерно в трех предложениях, в то время как к концу семестра они

писали длинные тексты (около 200 слов). Из этого можно сделать вывод, что регулярное слушание иностранной речи не только улучшает понимание на слух, но и расширяет словарный запас.

В этом исследовании можно было также отметить некоторые недостатки работы с аудиовизуальными текстами. Хотя обучающиеся достигли больших успехов в аудировании и речевой продукции, при письме вкралось много грамматических ошибок. Это касалось также грамматических областей, которые были известны обучающимся и проходились на уроках. По этой причине в следующем исследовании (см. главу «Экстенсивное чтение») использовались как тексты для чтения, так и аудиотексты, причем таким образом, что обучающиеся в качестве домашнего задания после одного урока читали текст, а после другого урока смотрели видеосюжет. Этот подход оказался эффективным, так как чтение и обобщение аутентичных текстов для чтения улучшило грамматическую компетенцию учащихся, которые при написании текстов делали значительно меньше ошибок, чем участники данного исследования.

Библиографический список / Reference

1. Solmecke G. Ohne Hoeren kein Sprechen. Bedeutung und Entwicklung des Hoerverstehens im Deutschunterricht // Fremdsprache Deutsch. 1992. № 7. P. 4-11.
2. Surkamp C. Metzler Lexikon Fremdsprachendidaktik: Ansätze – Methoden – Grundbegriffe [Электронный ресурс] / C. Surkamp (Hrsg.). – 3. Auflage. – Stuttgart: J.B. Metzler, 2025. X. 549 p. // URL: https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-476-06000-6 (Дата обращения: 12.01.2026). – DOI: 10.1007/978-3-476-06000-6.
3. Kieweg W. Mentale Prozesse beim Hörverstehen. Möglichkeiten zur Verbesserung der Hörverstehenskompetenz / W. Kieweg // Der fremdsprachliche Unterricht Englisch. 2003. Jg. 37. Nr. 64-65. P. 18-27.
4. Doff S. Englischdidaktik. Praxishandbuch für die Sekundarstufe I und II / S. Doff, F. Klippel. – Berlin : Cornelsen, 2007. 256 p.
5. Dahlhaus B. Fertigkeit Hören / B. Dahlhaus. – München: Langenscheidt, 1994. 176 p.
6. Dirven R. Von der Hörfertigkeit zum Hörverstehen - Praktische Handreichung für Fremdsprachenlehrer [Электронный ресурс] / R. Dirven. – Peter Lang Verlag, Frankfurt am Main, 2009. // URL: https://www.academia.edu/30648620/Schwieirigkeiten_beim_Hoerverstehen (Дата обращения: 12.01.2026).
7. Hörmann H. Einführung in die Psycholinguistik / H. Hörmann. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1981. 208 p.
8. Rost M. Listening in Language Learning [Электронный ресурс] / M. Rost. – London: Routledge, 1991. 296 p. // URL: https://www.taylorfrancis.com/books/mono/10.4324/9781315846699/listening-language-learning-michael-rost-candlin (Дата обращения: 15.02.2026).
9. Buck G. Assessing Listening / G. Buck. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – (The Cambridge Language Assessment Series).
10. Storch G. Deutsch als Fremdsprache. Eine Didaktik [Электронный ресурс] / G. Storch. – Paderborn : Wilhelm Fink, 2009. 367 p. // URL: https://archive.org/details/deutschalsfremds0000gnth (Дата обращения: 15.02.2026).
11. Teaching listening // URL: https://books.google.ru/books/about/Teaching_listening.html?id=ksclAQAAIAAJ (Дата обращения: 15.02.2026).
12. Niebisch D. Schritte plus Neu 3: Deutsch als Zweitsprache für Alltag und Beruf: Kurs- und Arbeitsbuch: Niveau A2.1 / D. Niebisch, S. Penning-Hiemstra, A. Pude [и др.]. – München: Hueber Verlag, 2024. 216 p.
13. Grimm Th. Hörverstehen [Текст] / Th. Grimm, N. Gutenberg // Deutschunterricht in Theorie und Praxis. Deutsch als Fremdsprache. Band 10 / Hrsg. I. Oomen-Welke, B. Ahrenholz. – Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren, 2013. P. 121-129.
14. Stipančević A. Die Vermittlung der interkulturellen Kompetenz im Unterricht Deutsch als Fremdsprache durch die Rezeption von Fernsehserien / A. Stipančević // Fremdsprachenunterricht im Spannungsfeld zwischen Sprachwissen und Sprachkönnen: (Saabrücker Schriften zu Linguistik und Fremdsprachendidaktik, SSLF) / Hrsg. Th. Tinnefeld. – Saarbrücken: htw saar, 2014. P. 491-501.

Ломакина С.А.
Кандидат филологических наук, доцент. Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина, г. Елец. SPIN-код: 9849-2780

Мирообразы поэзии Любови Турбиной*

Аннотация. В статье рассматривается художественно-эстетическое составляющее поэзии Любови Николаевны Турбиной, которая выработала собственный оригинальный поэтический стиль, сочетающий своеобразие ритма и интонации, глубину размышлений, интимную камерность. Цель настоящей статьи заключается в рассмотрении мирообразов поэзии Турбиной через авторское видение "вечных тем", переживания того, что происходит как во внутреннем, так и во внешнем мире. Автор считает, что Л. Турбина своим творчеством сохраняет художественный опыт прошлого, преобразовывает и развивает полученные традиции в настоящем. Особое внимание в статье уделяется мирообразам дороги и дома, которые являются фундаментом всей мировоззренческой концепции поэта. Они создают реальное культурное пространство, наполненное системой смыслов и духовных ценностей: нравственных, экзистенциальных, эстетических. Эмоциональная насыщенность, острый психологизм, мгновенность существования отражают тонкое мастерство художника слова, демонстрируя не просто поэзию, а определенный душевный строй. Каждое произведение Любови Турбиной – это реальная жизнь, в которой счастье прячется за самым обыденным и заурядным, а истинным чудом является окружающий нас мир.

Ключевые слова: Л. Турбина, современная поэзия, мирообраз, смысл бытия, метафора, метафизика, вечные темы.

Lomakina S.A.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yelets State University named after I.A. Bunin, Yelets. SPIN-code: 9849-2780

The world images of Lyubov Turbina's poetry

Abstract. The article examines the artistic and aesthetic component of Lyubov Nikolaevna Turbina's poetry, which has developed its own original poetic style, combining the uniqueness of rhythm and intonation, the depth of reflection, and the intimate nature of its chamber. The purpose of this article is to explore the worldview of Turbina's poetry through the author's perception of timeless themes and the experience of what happens both in the inner and outer world. The author believes that Turbina's work preserves the

* © Ломакина С.А., 2026.

artistic legacy of the past, transforming and developing the traditions in the present. The article pays special attention to the world images of the road and the house, which are the foundation of the poet's entire worldview system. They create a real cultural space filled with a system of meanings and spiritual values: moral, existential, and aesthetic. The emotional intensity, acute psychologism, and momentary existence reflect the subtle skill of the word artist, demonstrating not just poetry but a specific state of mind. Every work by Lyubov Turbina is a reflection of real life, where happiness hides behind the most ordinary and unremarkable things, and the true miracle is the world around us.

Key words: L. Turbina, modern poetry, worldview, meaning of existence, metaphor, metaphysics, eternal themes.

Современную поэзию всегда трудно анализировать: появляется желание сравнить с поэзией золотого и серебряного веков, найти отголоски различных литературных направлений и течений, понять то новое, что складывается из современных информационных и технологических реалий. Первая четверть XXI века уже дала различные оценки поэтического пространства. Слава Лен еще в конце 80-х годов XX века выдвинул концепцию о зарождении поэзии «бронзового века» [3], имеющей свои «школы русского стиха». В 2007 году Федор Сваровский, размышляя о современной поэзии, называет ее «новым эпосом» и отмечает такие внешние признаки, как «повествовательность, ярко выраженная необычность, острота тем и сюжетов, а также концентрация смыслов не на реальной личности автора и его лирическом высказывании, а на некоем метафизическом и часто скрытом смысле происходящего, находящемся всегда за пределами текста» [11, с. 3].

Поэзия многогранна. В авторских знаках, замысловатых сочетаниях и явлениях каждый находит что-то новое, отличающее поэзию рубежа веков. Так, Е.С. Зинурова считает, что современные «поэты уходят в глубину собственных рефлексий. Такого рода тенденцию можно назвать интериоризмом – уходом в глубь, попыткой объяснить человеческую психику, пересказывая жизненные события мифопоэтическим языком с ноткой отношения к описываемому» [1, с. 74].

Современная поэзия воспринимается неоднозначно. По мнению С. Чупринина, «из русской поэзии последних двух десятилетий ушёл масштаб – масштаб большого миропонимания. Масштаб, когда космос, вселенная – космос необязательно физический, космос ведь бывает и духовным – оказались за горизонтом восприятия» [12, с. 40]. А с позиции Л.В. Костюкова, наоборот: «Поэту нового времени удается гениально выразить новое время – его воздух, его иллюзии, его характер. Вместе с тем по-настоящему волнуют его вечные темы» [2, с. 78].

Если говорить о «вечных темах», то следует обратиться к творчеству Л.Турбиной. Ее поэзия – это заряд добра, сострадания, красоты, волнующая глубина анализа общества и мира и великие словесные открытия. В основе ее мирообразов лежат четкие компоненты, создающие жизненные маршруты для постижения универсальных смыслов. В центре – человек и окружающий его мир. Все это делает ее творчество жизненно необходимым человеку медийно-техногенно-воинственного XXI века. Гуманистически осмысленные проблемы времени, национальных корней, человека и общества, жизни и смерти, любви, дружбы, памяти, семьи, разочарованности, трагизма и радости жизни будут определять творчество Любови Николаевны Турбиной, отличающееся живым и одухотворенным наполнением. Во всей сложности поставленный поэтом вопрос о тайне человека, его судьбы, души, поведения привел ее к великим психологическим открытиям: «Жизнь – упущенное чудо…», «С годами приходит обратное зренье», «Доля наша такая – хранить», «Кто камень катит вверх – сорвется!», «Проснулась и думаю – где я?/ Смотрю – а нигде меня нет», «Нищие духом – блаженны!», «Жизнь – это гибельный танец…», «Что случается однажды – происходит навсегда» [9].

Язык Турбиной начинает осознаваться как адекват психологии. Чтобы понять все это богатство и овладеть им, необходимо обратиться к текстам. В ее лирике все взаимосвязано и взаимозависимо. Каждое стихотворение Любови Турбиной, несмотря на то, что включает целый ряд сцеплений, намеков и ассоциаций, разнообразных культурных, символических, семантических связей, представляет собой определенную знаковую целостность.

Это не усталость, это зрелость,
Отошли сомненья, зависть, злость,
Прозвучало то, чего хотелось,
Более ли, менее сбылось

Главное – стал мир почти прозрачен,
И, как ласка, близко благодать…
Лишь того, кто был мне предназначен,
Так и не сумела отгадать.

«Благодать» [10].

Это – художественная мифологема, самовыражение личности, умение не только заявить о себе, но и увидеть то, что проходит через сердца других людей. Именно об этом писал Б.Л. Пастернак, размышляя о предназначении поэзии: «Привлечь к себе любовь пространства, услышать будущего

зов» [4]. Это отмечал А. Тарковский, рассуждая о поэтах: «Мы – уста пространства и времени» [6]. Для Турбиной ее возможность говорить о прошлом и настоящем так же, как Пушкин и Бунин, – великий дар, позволяющий жить сразу во многих временах, размышлять о будущем и мечтать:

Пробуждающий к жизни и радости дар!
(Невозможно логично и в прозе…)
Не сжигающий – душу ласкающий жар,
Долгожданный костер на морозе [8].

Погружаясь в содержание стихотворений Любови Турбиной, начинаешь чувствовать «дыхание» слова, его образность, пытаешься понять его первородный смысл. В ее текстах нет ничего случайного: метафоры, иносказание, намеки – это все детали нового, пересотворенного мира, личного мира, в какой-то степени интимного, в котором лирическому герою свободно думается и живётся, где заново постигаются основы бытия и по-новому воспринимаются красота и правда.

Жизнь – упущенное чудо…
Лоскуток цветной бумаги
В сумке прачечной – откуда?
Я нашла. Насквозь от влаги
Мокрый – дождь размыл узоры.
Вдруг проснулось – в эти числа
Длились в домике у моря
Дни, исполненные смысла.

Сколько? – помнить бесполезно,
Золотое изголовье,
Мост, раскинутый над бездной,
Именуемый любовью.
«Жизнь – упущенное чудо…» [9].

Метафоры Турбиной – это мгновенная метафизика, философия. В них слова уплотнены до предела, а мысль уходит в бесконечность: «Поезд застыл – вокзал поехал;/ Это земля течёт под ногами,/ Крикнешь – «куда?» – но не слышно эхо:/ Это Родина расстается с нами» или «Судьбу утюгом не разгладишь,/ Дорога пошла на излом...», «Далекие птицы крестами/ Легли на остывший закат./ Вослед улетающей стае/ Гнездо покидает мой брат» [8]. Из метафор сплетается тематическая канва поэзии Любови Турбиной. С одной стороны, образность выступает как новая сущность:

Мимо пролетают – тени не спугнут
Бабочки мгновений, ласточки минут,
Пробегают мыши серые ночей:
Стук дождя по крыше, шорох у печей.

«Июль» [9].

С другой, – перед нами способ авторского познания мира и отражения результатов этого познания в тексте: «… что же, / Продлит экзистенции миг, / Раздвинуть пределы поможет, / И мы не упрёмся в тупик?». Так возникает тема пути – метафора странствия, подчас без пункта назначения, как самоцель в бесприютности бытия. Это сквозная тема в творчестве Л.Н. Турбиной, поэт всегда в движении, в полете, в своем стремлении постичь лирическое пространство, понять, что происходит вокруг него и в нём самом.

Постепенно понимаю, что опять не тот маршрут.
Нам сойти… Но остановки нет. В мелькании названий
Поезд катит всё быстрее, отторгает наотрез
Нас оттуда, где в предвечном, грозном, розовом сиянье
Косогор, дымится баня,
Круг луны, застывший лес,
Конь пасётся вороной.
Дом родимый за спиной.

«На распутье» [9].

Мирообраз пути метафорически связан с выбором лирического героя Турбиной, с выбором линии поведения, с ощущением своего предназначения. Путешествие, совершаемое лирической героиней Турбиной, проходит не только сквозь время и пространство, но и сквозь культуру: детство, юность, зрелость – с одной стороны, и с другой, – история страны, поэты и писатели прошлых веков, герои литературных произведений. Все это создает образ огромной страны с ее трагедиями и достижениями, а сама героиня становится странником, «путником, истины алкающим» в этом грешном мире.

Поэтесса с болью восприняла распад страны, отделение «братских республик». Она пытается понять происходящее и в ряде своих сборников («Сны-города́», «Огни на воде», «Отплывающий катер», «Ангел на велосипеде») размышляет о единстве и родстве народов. По мнению Турбиной, русскому народу всегда был присущ «идеал всеединства». Она вспоминает философские работы В.Соловьева о всеединстве и отмечает греховность спасения в одиночку перед лицом социальных катастроф, которые могут

расколоть общество и привести человечество к новым войнам:

Пусть так…Но тьмой укрыты стены,
Дай Бог – и станет слышно Слово:
О вечном, женственном, нетленном
Напомнит призрак Соловьева.

Грешно спасаться в одиночку.
Когда исполнятся все сроки –
Дай Бог – одну припомнить строчку
И не споткнуться на пороге.

«Поездка в Узкое» [7].

Объединение пути страны и личного движения по жизненным перипетиям способствовало появлению в творчестве Л. Турбиной новой виртуальной дороги, путешествуя по которой, она обращается к личным воспоминаниям, с болью и надеждой на лучшее показывает увиденное и пережитое. Как дань ушедшей эпохе она обращается к различным городам бывших советских республик и социалистических стран – Баку, Минску, Фергане, Ашхабаду, Варшаве, Софии и другим. С уважением говорит поэтесса о людях, с которыми общалась, об общем культурном коде, значимом и понятном всем «из тех лет», ставшем частью и ее судьбы. Эти стихотворения звучат не просто как воспоминание о прекрасном, о стране, где «Нам посчастливилось родиться!». Турбина подводит итоги жизни, в которой было много и горестного, и радостного, осмысливает категории бытия и небытия, формулирует свои кодовые метафоры «путь жизни», «путь восхищения», «путь разрушения», «путь созидания», олицетворяющие маршрут действия лирической героини от познания до обретения внутренней гармонии. С благодарностью говорит она о создателях кода русской культуры, упокоившихся в России или в вынужденной эмиграции:

Две бархатные бабочки с одышкой
Взлетали тяжело среди имен,
Известных на Руси не понаслышке
Героев, гениев и дам былых времен.

И бунинское «Легкое дыханье»,
И тихий шепот: «Вечером у Клер?»
А Сталкер лег в магическом молчании
И образы следил из дальних сфер.

Казалось, так легко поддаться нежной силе,
Которая остаться тут влекла,
Что я очки забыла на могиле –
Но все-таки вернулась и нашла.

«Сент-Женевьев-де-буа» [9].

Последняя строфа интересна по своему содержанию. Лирическая героиня «нашла очки». Эта авторская метафора говорит об изменении ее духовного состояния: получив «инструмент», она увидела мир не искаженным – реальным. «Путь жизни» приносит новый опыт, позволяет осознать важность выбора и найти новые решения, сделать неутешительные выводы:

На перекличке поколений
Зачем искать, кто виноват?
Чтоб больше света, меньше тени,
Срубают мой вишневый сад.
…Был путь и сладок, и печален,
Итог скитаниям – такой:
Конец с началом впрямь зеркален –
Срубают липы на Тверской!

«Две сестры» [7].

Дорога длиною в жизнь, наполненная личностным и общественным познанием, сопровождающимся появлением вопросов, неутомимым поиском ответов на них, стала дорогой формирования духовности. Попытка познать неведомое, разгадать этот мир и его законы ведет поэта от внешнего к внутреннему, от простой констатации событий к постижению закономерностей бытия, от родительского дома к размышлению о происходящем в стране, об истине, вере.

Тема дома значима в творчестве Л.Н. Турбиной. Об этом свидетельствует частотность ее использования во всех поэтических сборниках. Дом для поэтессы – это то место, которое наполняет жизненной силой. И если его уже нет, то «навсегда» в памяти остается множество вещей, «без коих нет уюта»: узорная штора, бархатная кушетка, вальсы Шопена. И даже чистка овощей, и мытье посуды тоже остаются среди приятных воспоминаний.

Дом в творчестве Турбиной, во-первых, представлен многопланово: родные люди (мама, папа, сестры, братья), предметы – маркеры дома (стол, штора, камин, шкаф, свитер), чувства (радость, печаль, доверие, страх), действия (читает, делает уроки, вяжет свитер). При этом поэтесса не выписывает в деталях облик дома, она создает особое пространство, наполнен-

ное нежностью, заботой, теплом. Место, куда хочется вернуться:

Во сне я видела зимой
Последний день – без колебанья
Мое последнее желанье –
Перенестись туда, домой!

«Нас изгоняли, увезли» [9].

Во-вторых, дом многофункционален. Он отражает внутренний мир лирической героини Турбиной, в воспоминаниях она проживает еще раз важные для нее ситуации:

Размечена жизнь на уроки,
Виновность – как горб за спиной.
Каким ты казался мне строгим,
А строг был к себе, не со мной.

Но ты за столом в ореоле
Той лампы, светившей ночам…
Но мысли высокое поле –
Не кажется – есть и сейчас.

Гляжусь в старый снимок, как в воду –
Зеркален рисунок лица.
Мостом изогнулась сквозь годы
Навстречу улыбка отца.

«Отец» [9].

Дом – «центр стремительного круга», своего рода убежище от холодного и не всегда справедливого внешнего мира, наполненного тревогами, жестоким равнодушием. Это место, где не только собираются и хранятся семейные предания, например, об утенке Тиме, но и происходят сказочные превращения, если дети не засыпают: «И то ли ведьма, то ли птица/ Неслышно сядет на кровать/ И скажет: – Доченька, не спится?» [9]. Именно здесь создается всей семьей хрупкое, но защищенное пространство покоя и безопасности.

Особенно трепетно звучит тема дома, когда поэтесса возвращается к нему спустя много лет. История детства воспринимается через дом и его обитателей. Среди стихотворений встречаются посвящения маме, отцу, брату, сестре. Автор не дает читателю развернутых описаний родных людей, штрихами показаны те их черты, которые говорят об устойчивости

отношений в семье, те, которые врезаются в память и остаются в ней одновременно как напоминание и как покаяние. С мамой связаны все эмоциональные картины, созданные запахами, одеждой, описанием переживаний и волнений.

Фигура отца в поэтических текстах Любови Турбиной статична. Он больше связан с интеллектуальной сферой. Академик Н.В. Турбин, известный ученый-генетик, селекционер стоял у истоков развития научной генетической школы Беларуси. Он оказал большое влияние на профессиональный выбор дочери, под его давлением она защитила диссертацию по радиобиологии. И только много позже Турбина решилась отправить на вступительный конкурс в Ленинградский литературный институт свои стихи: «Прошла творческий конкурс – это показалось мне чудом! Училась заочно. Отец, узнав, сказал: «Наконец-то Люба проявила несвойственные ей настойчивость и силу характера...»» [7]. Каждая строка стихотворения Турбиной – это штрих к пониманию характера, каждое действие – это путь к осознанию реальности, каждая деталь – это глубина чувств пережитого и прожитого:

С годами приходит обратное зренье
И видится детство особенно ярко:
Да, было мне в детстве отца одобренье
Дороже подарка.
Но было и это – сплошные сомненья:
Испорчено платье, плохие отметки…
Непросто жилось мне – отца одобренье
Звучало так редко.

«С годами приходит обратное зренье» [10].

Следует отметить, что мирообраз дома у Турбиной – вневременная универсалия – в зрелом возрасте становится символом стабильности. Осознание этой духовной ценности позволяет достойно встретить все внешние жизненные перипетии. Кроме этого, дом для поэта – фундамент всей мировоззренческой системы, который скреплен древними традициями, связями с предками и светлыми страницами жизни, вносящих в личную картину мира упорядоченность и устойчивость.

За всеми текстами Л. Турбиной стоит образ человека талантливого, неравнодушного, который активно вмешивается в жизнь, поддерживает в ней все светлое, находит новое и помогает читателю увидеть в мгновении прекрасное. Любовь Турбина среди современного нейро-вымышленного поэтического многообразия нашла свою тропинку в реальной жизни, смогла показать, что настоящее счастье прячется за самым обыденным и

заурядным, а истинным чудом является окружающий нас мир. Она попыталась показать путь к правде, к созданию действительного поэтического пространства, открытого для простого человека, не подверженного медиазомбированию в век цифровизации:

Но вера в лучшее – опора,
И не умрут добро и честь!
Слышны шаги по коридору:
Спешу туда, навстречу взору –
Свет ежеутренний – Вы есть!

«Воздать хвалу!» [9].

Любовь Николаевна Турбина, продолжая традиции классической литературы, совершила попытку воскресить надежду и веру в исконные начала человеческой жизни: дом, родину, сострадание, ностальгию, чувствительность. Как отмечает Н. Полотнянко, Л. Турбина «полностью и безоглядно доверилась поэтической стихии, которая вынесла её туда, куда должна вернуться вся современная литература, к вечным смыслам великой русской классики» [5].

Итак, лирика Турбиной, включая в себя простое бытийное чувство, расширяет сознание, соединяя три значимых категории: «Я», слово и мир. Каждое ее стихотворение – это движение к постижению смысла бытия, к созданию определенной модели мироздания в ходе воспоминаний, размышлений, рефлексий.

Выводы исследования. Мирообразы дороги, семьи, дома в поэтических текстах Л. Турбиной многокомпонентны и многофункциональны, имеют глубокий символический смысл и представляют собой мотивный узел, являющийся средоточием творчества поэта, направленного на понимание высшего смысла земной жизни. Образ дороги в лирике Турбиной – это всегда движение вперед, это путь человека, призывающего помнить традиции, простые нравственные истины, это самопознание и стремление к целям. Образ дома, кроме того, что также является носителем традиций, способствует формированию характеров, является местом заботы, высокой культуры и духовности. Мирообразы в творчестве Любови Турбиной, взаимодействуя, создают реальное культурное пространство, наполненное системой смыслов и духовных ценностей: нравственных, экзистенциальных, эстетических, которые определяют образ мышления людей. Объединяя разные временные пласты, мирообразы показывают движение авторской мысли в процессе построения художественной картины мира.

Библиографический список:

1. Зинурова Е.С. Русская поэзия рубежа XX–XXI вв.: векторы развития // Вестник РУДН, серия Литературоведение. Журналистика. 2016. № 2. С. 69-76.
2. Костюков Л. В. Интонации нового века // Новый мир. 2010. № 4. С. 177-185.
3. Лен С. Древо русского стиха (концепция бронзового века) // Часы. 1987. № 66. С. 104-140.
4. Пастернак Б.Л. Стихотворения и поэмы / Борис Пастернак; [Послесл. Н. В. Банникова; Ил. Л.О. Пастернака]. – Москва: Худож. лит., 1988. 511с.
5. Полотнянко Н. Поэтическое пространство Любови Турбиной. // URL: (Дата обращения: 08.02.2026)
6. Тарковский А.А. Рифма. // URL: https://rustih.ru/arsenij-tarkovskij-rifma/ (Дата обращения: 16.02.2026)
7. Турбина Л. У него было чутье на идеи. // URL: https://rg.ru/2024/06/14/ genetikaliubvi. html (Дата обращения: 10.01.2026)
8. Турбина Л.Н. Ангел на велосипеде / Любовь Турбина. – М.: ИПО «У Никитских ворот». 2017. 136 с.
9. Турбина Л.Н. Стихотворения. // URL: https://stihi.ru/2013/07/29/352?ysclid =m8w8 (Дата обращения: 12.02.2026)
10. Турбина Л. Сны-города. Сборник стихотворений. // URL: (Дата обращения: 10.01.2026)
11. Сваровский Ф. Несколько слов о «новом эпосе»// «РЕЦ», «Новый эпос». 2007. № 44. С. 3-6.
12. Чупринин С. О лакунах в современной поэзии (Написано на основе публичной лекции в Институте филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета 11 октября 2014 года) // Prosodia. 2015. № 2. С. 37- 42.
13. Никитина Ю.С. Психологические аспекты эффективного обучения в системе высшего образования // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 89-92.

Reference

1. Zinurova E.S. Russian Poetry at the Turn of the Twentieth and Twenty-first Centuries: Vectors of Development // RUDN Bulletin, Literary Studies. Journalism series. 2016. № 2. P. 69-76.
2. Kostyukov L.V. Intonations of the New Century // Novy Mir. 2010. № 4. P. 177-185.
3. Len S. The Tree of Russian Verse (the Concept of the Bronze Age) // Chaski. 1987. № 66. P. 104-140.
4. Pasternak B.L. Poems and Poems / Boris Pasternak; [Afterword by N.V. Bannikov; Il. L.O. Pasternak]. – Moscow: Art. Literature, 1988. 511 p.
5. Polotnyanko N. The Poetic Space of Lyubov Turbina. // URL: https://nikpolot. livejournal.com/178894.html (08.02.2026)
6. Tarkovsky A.A. Rhyme. // URL: https://rustih.ru/arsenij-tarkovskij-rifma/ (16.02.2026)
7. Turbina L. He Had a Flair for Ideas. // URL: https://rg.ru/2024/06/14/genetikaliubvi. html (10.01.2026)
8. Turbina L.N. Angel on a Bicycle / Lyubov Turbina. - Moscow: IPO “At the Nikitsky Gate”. 2017. 136 p.
9. Turbina L.N. Poems. // URL: https://stihi.ru/2013/07/29/352?ysclid =m8w8 (12.02.2026)
10. Turbina L. Dreams-Cities. A Collection of Poems. // URL: https://docs. yandex.ru/docs/view?tm=1743366 (10.01.2026)
11. Svarovsky F. A Few Words about the “New Epic” // “REC”, “New Epic”. 2007. № 44. P. 3-6.
12. Chuprinin S. On the Gaps in Contemporary Poetry (Written based on a public lecture at the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University on October 11, 2014) // Prosodia. 2015. № 2. P. 37-42.
13. Nikitina Y.S. Psychological aspects of effective learning in higher education // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 89-92.

Баталов А.А.
Кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра теории и практики иностранных языков. Институт иностранных языков, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Серегина М.К.
Студентка магистратуры. Института иностранных языков, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

TED Talks как база исследования вербальной лингвистической специфики ораторского мастерства*

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей речевого поведения спикеров англоязычных научно-популярных конференций фонда TED в контексте лингвистики. Рассматриваются экспрессивный языковой потенциал на лексико-грамматическом уровне и распространенные вербальные модели репрезентации авторского мнения в корреляции с такими экстралингвистическими признаками как речевой портрет адресанта сообщения и его коммуникативными целями как оратора. Основным направлением исследования является выявление типичных речевых лингвистических особенностей TED Talks как жанра публичных выступлений.

Ключевые слова: речевое поведение, экспрессивный языковой потенциал, вербальная модель, речевой портрет, оратор, коммуникативная цель, публичное выступление.

Batalov A.A.
Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, Department of Foreign Language Theory and Practice, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Seregina M.K.
Master's student at the Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

TED Talks as a base for the study of the verbal linguistic specificity of public speaking

* © Баталов А.А., Серегина М.К., 2026.

Abstract. The article is devoted to the study of speech behaviour of speakers of popular science conferences in English of the TED Foundation from the point of view of linguistics. The main points under research are expressive linguistic potential at the lexical and grammatical levels and common verbal models of representation of the author's opinion in correlation with such extra-linguistic features as the speech portrait of the speaker and his communicative goals. The main focus of the research is to detect the typical speech linguistic features of TED Talks as a genre of public speaking.

Key words: speech behavior, expressive language potential, verbal model, speech portrait, speaker, communicative goals, public speaking.

1. Введение

На современном этапе развития цивилизации, коммуникация выступает в роли сложного опосредованного цифровыми технологиями феномена, в связи с чем вербальный процесс обмена информацией становится актуальным предметом исследований научного сообщества.

Вербальное взаимодействие людей становится более комплексным процессом, в рамках которого для успешного взаимодействия необходимо изучение моделей речевого поведения и других особенностей ораторского мастерства с целью наиболее эффективного и быстрого достижения поставленных коммуникативных целей.

В эпоху развитых технологий общение людей всё чаще сопровождается виртуальными источниками когнитивной информации, в числе которых видеофрагменты в сети Интернет. Научно-популярные конференции фонда TED становятся базой многочисленных исследований в качестве актуального синхронического языкового материала для ряда областей научного знания.

Лингвистические особенности публичных выступлений TED Talks вызывает интерес у ученых ввиду новизны интернет-конференций для смежных исследований лингвистики и ораторского мастерства. На основании результатов лингвистических работ специалисты области риторики описывают типичные языковые тенденции, особенности речи, влияющие на успешный процесс передачи коммуникативного сообщения.

Научно-популярные конференции TED являются объектом исследования, а вариативность языковых особенностей авторских выступлений, использованных с целью достижения поставленных коммуникативных целей, – предмет изучения. В рамках лингвистического исследования анализируются TED Talks с целью описания типичных речевых моделей поведения для успешного публичного взаимодействия.

2. Цель исследования

Целью исследования является выявление и описание распространенных

способов достижения поставленных коммуникативных целей посредством экспрессивного языкового потенциала на грамматическом и лексическом уровнях языка, а также – в корреляции с рядом экстралингвистических факторов.

Смежное изучение специфики речи ораторов TED Talks с точки зрения лингвистики и ораторского мастерства обеспечивает фактологическую базу для синхронического описания тенденций риторики в публичных выступлениях начала XXI века.

3. Методология

В ходе научной работы применяются *методы* сопоставления теоретических и эмпирических данных, описания – при изучении авторских выступлений и конкретных примеров способов достижения коммуникативных целей, анализ полученных данных и выявление лингвистических тенденций ораторского мастерства на примере научно-популярных конференций TED.

4. Теоретическая база исследования

Развитие инновационных технологий стимулирует процессы цифровизации и популяризации виртуальных источников информации, возрастает интерес к Интернет-ресурсам, и увеличивается количество пользователей сети. Учеными выделается такой феномен как «интернет-опосредованная коммуникация» [7], представляющий интерес для комплексного изучения ввиду сложности и неоднородности акта взаимодействия между коммуникантами виртуальной сети, особенностей формы интернет-коммуникации, феномена виртуальной языковой личности [7].

Изучение коммуникативных процессов в опосредованной среде подразумевает описание возможных моделей реализации данного процесса, а также целей. Например, с точки зрения американского ученого Г. Ласуэлла, основная модель коммуникации в виртуальной середе носит линейный характер (*кто? что говорил? кому? по какому каналу? с каким эффектом?*) [3] и функционально выполняет такие задачи как наблюдение за средой, обеспечение гармоничного взаимодействия его частей и передача социального, культурного наследия и опыта [7]. Создание коммуникативной модели, в которой первоочередную роль играет язык, принадлежит Р. Якобсону, в ней учитывается прежде всего воздействие, оказанное на реципиента [5], «под контекстом коммуникации понимается непосредственно дискурс» [С. 195, 7].

Влияние цифрового пространства на сознание человека становится неоспоримым фактом с точки зрения современных исследователей. Цифровая среда буквально модифицирует человеческое восприятие и оказывает прямое воздействие как на его поведенческие особенности, так и на способы трансляции социальных практик [4]. Цифровизация неизбежно транс-

формирует модели общения, поскольку восприятие как реального коммуникативного сообщения, так и опосредованного сетью, является разными комплексными процессами. Принимая во внимание данный фактор, идея исследования наиболее успешных каналов и способов передачи виртуального сообщения вызывает интерес современных исследователей.

Виртуальная публичная коммуникации носит разнородный характер и включает в себя ряд типов взаимодействия: на форумах, в частных мессенджерах, в формате аудио, видео и т.п. Рассматривая научную виртуальную среду, следует отметить, что научно-популярные конференции в формате коротких видео обретают всё большую популярность ввиду своей рентабельности использования и наглядности восприятия сложной научной информации. Дискурс в данном формате обладает функцией результата публичного обсуждения, который опирается на ряд источников, но в лаконичном виде транслируется в массы [6].

Примером подобного формата публичного взаимодействия становятся конференции фонда TED. TED Talks представляют собой авторские выступления на научно-популярные темы. Ораторы со всего мира имеют возможность выступить перед аудитории с монологическим высказыванием на интересующую их тематику. Данное взаимодействие представляет собой публичную устную подготовленную речь, обладающую рядом особенностей.

Лингвистическая специфика речи TED Talks заключается в использовании экспрессивного языкового потенциала языка на разных уровнях, прежде всего – на лексическом и грамматическом, с целью обеспечения наиболее устойчивого контакта со слушателями и выбора наиболее убедительного и эффективного способа вербализации коммуникативного сообщения. Вводные конструкции, повелительные предложения, определенные местоименные и глагольные формы, диалогизм, синтаксические конструкции, фигуры речи и др. входят в число распространённых способов передачи когнитивных данных в данном формате [8].

Анализ TED конференций представляет собой материал не только для лингвистических исследований, но также и для постановки и отработки ораторского мастерства. Ораторское искусство – комплексный подход к передаче информации широким массам, где спикер несет прямую ответственность за содержание и способы воздействия на сознание слушателей [2].

Для успешной реализации ораторских способностей на практике, необходимы не только теоретические знания, но и изучение наглядных примеров использования специфики риторики на конкретных примерах, таковыми выступают видеоконференции фонда TED.

5. Полученные данные

Лингвистическая специфика речи ораторов – комплекс средств вы-

разительности разных языковых уровней, используемый для реализации коммуникативной интенции говорящего. Коммуникативная интенция представляет собой импульс, саму суть коммуникативного сообщения, ориентирует вектор ведения коммуникативного процесса [10].

В ходе исследования ряда видеофрагментов научно-популярных конференций TED Talks были выявлены распространенные лингвистические особенности речи ораторов.

Результаты демонстрируют наиболее популярные среди профессиональных спикеров способы вербализации точки зрения в корреляции с коммуникативными целями. В качестве примеров приведены частные случаи наиболее распространённых способов реализации ораторского искусства в рамках авторских выступлений.

Now to begin with, the play received exactly the attention I expected from exactly the people I expected [9].

Наречие *now* в сочетании с глаголом в инфинитиве *to begin with* выполняет фатическую функцию установления контакта с адресантами коммуникативного сообщения, которое намеревается передать оратор. Лексический повтор синтагмы *I expected* и наречия *exactly* подчёркивает значимость проделанной спикером работы, поскольку объяснение предмета речи выстраивается в цикличной форме *the play received exactly the attention I expected from exactly the people I expected*.

But if you're a high school teacher in Queensland or a massage therapist in Massachusetts, why would you spend your nights and weekends desperately trying to debunk Earth science research? [9]

Вариативное употребление форм местоимения *you* транслирует направленность речи на аудиторию, желание говорящего обратиться к слушателям в форме диалога, чтобы заострить внимание на приведенном примере в рамках выступления TED.

Используются географические названия *Queensland* и *Massachusetts*, актуализирующие приводимую спикером информацию. В данном случае выполняется фатическая функция, привлекается внимание к аргументативной базе путем конкретизации предмета речи. Преувеличение идеи, выраженной синтагмой *spend your nights and weekends*, за счёт использования множественного числа существительных *nights* и *weekends* аффективно маркирует всё высказывание, построенное в вопросительной форме, в свою очередь нацеленное на создание эффекта диалогизма.

Remember how we used to clap for them? You know, we've been talking a lot about AI robots, but this work is also unlikely to be automated [11].

Вводная конструкция *you know* и повтор личного местоимения *we*, обобщающего образ спикера и слушателей, способствуют установлению контакта с аудиторией и удержанию устойчивого внимания на предмете

речи. Данный эффект дополняется вопросно-ответной формой изложения материала, имитируя диалог с залом.

So, the wages that are set by the market are low [11].

Реализация фатической функции осуществляется посредством использования союза *so* в начале предложения, которое вводит аргумент *the wages that are set by the market are low*. Существительное *the market*, обозначающее абстрактное понятие, олицетворяется и осуществляет действие *that are set by the market*. Таким образом, социальный концепт *the market* аффективно окрашен и привлекает интерес аудитории к предмету речи.

I want to talk about my mentor.

I want to talk about the day that I got a phone call saying that he had died.

And I want to talk about the moments later in the same phone call that I'd heard that he'd actually taken his own life [12].

Повтор синтаксически однородных конструкций в трех последовательно идущих предложениях, включающих лексический повтор синтагмы *I want to talk about*, акцентуирует внимание слушателей к содержанию примера. Поясняющие придаточные, начинающиеся сфразы *my mentor, the day, the moments* и вводимые после конструкции *I want to talk about*, выстроены в порядке восходящей градации по степени значимости для спикера.

Beautiful wife, my cousin. Three beautiful children. Why would someone like that take their own life? Why would they? Makes no sense to me [12].

Употребление номинативных предложений *beautiful wife, my cousin* и *three beautiful children* придает динамику реплике, сосредотачивает внимание реципиентов коммуникативного сообщения на последующих риторических вопросах *why would someone like that take their own life?* и *why would they?*, к которым следует комментарий оратора *makes no sense to me*.

Используемый прием диалогизма создает атмосферу беседы оратора с залом, произведенный эффект располагает к себе аудитории, так образом, реализуются не только коммуникативную, но и фатическую функции.

6. Заключение

В XXI веке в эпоху расцвета инновационных технологий виртуальное общение с каждым днем сильнее интегрируется в нашу жизнь. Опосредованная коммуникация в сети Интернет становится более сложным перманентно развивающимся феноменом, вызывающим интерес исследователей разных сфер научного знания.

Публичное взаимодействие в виртуальном пространстве в формате интернет-конференций представлено в устной форме, подразумевает владение базовыми званиями ораторского мастерства с целью выбора продуктивного способа вербализации коммуникативного сообщения, которое должно оказать влияние на адресанта сообщения, быть понятным и лаконичным.

Лингвистическая специфика речи ораторов научно-популярных конференций в формате TED Talks позволяет проследить наиболее распространенные и эффективные модели общения, выявить и описать способы реализации авторского мнения на конкретных примерах, являются базой для обучения ораторскому мастерству.

Среди наиболее часто используемых средств выражения критической оценки на лексическом уровне: такие средства выразительности как метафоры, гиперболы, сравнения, также прямое и переносное значение слов, лексика разных регистров языка, лексические повторы, диалогизм в построении речи, риторические вопросы; на грамматическом уровне: синтаксические конструкции, глагольные и местоименные формы, номинативные, нераспространенные и повелительные предложения, вводные слова и конструкции.

Таким образом, представляется возможным говорить о том, что TED Talks являются эффективной и важной базой для изучения и тренировки ораторского мастерства, поскольку данный формат виртуальной публичной коммуникации отражает лингвистические особенности речи профессиональных ораторов, демонстрируют языковые тенденции английского языка в синхроническом исследовании.

Библиографический список:

1. Кучер И.Н. Лингвистические характеристики речевого поведения // European science. 2019. № 2 (44). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-harakteristiki-rechevogo-povedeniya (Дата обращения: 07.09.2024).
2. Ильина М.С. Особенности ораторского искусства // Экономика и социум. 2016. № 2 (21). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-oratorskogo-iskusstva (Дата обращения: 07.09.2024).
3. Кривоносов А.Д., Киуру К.В. Парадигматика современной системы массовых коммуникаций в модели Г. Лассуэлла // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. № 1. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/paradigmatika-sovremennoy-sistemy-massovyh-kommunikatsiy-v-modeli-g-lassuella (Дата обращения: 07.09.2024).
4. Дыдров А.А., Пеннер Р.В. Построение дискурса о цифровом как феномене информационной современности // Социум и власть. 2022. № 3 (93). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/postroenie-diskursa-o-tsifrovom-kak-fenomene-informatsionnoy-sovremennosti (Дата обращения: 07.09.2024).
5. Обухов К.Н. Проблема удержания смысла в ситуации речевой коммуникации в концепции Р. Якобсона // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2010. № 2. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-uderzhaniya-smysla-v-situatsii-rechevoy-kommunikatsii-v-kontseptsii-r-yakobsona (Дата обращения: 07.09.2024).
6. Кривоносов А.Д. Публичная среда и публичные коммуникации в эпоху интернета // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 1. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/publichnaya-sreda-i-publichnye-kommunikatsii-v-epohu-interneta (Дата обращения: 07.09.2024).
7. Алексеенко И.С., Гукосьянц О.Ю. Специфика интернет-опосредованной коммуникации и феномен виртуальной языковой личности // Политическая лингвистика. 2014. № 4. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-internet-oposredovannoy-kommunikatsii-i-fenomen-virtualnoy-yazykovoy-lichnosti (Дата обращения: 07.09.2024).
8. Балакина И.А., Мунарова О.Д. Языковые особенности публичной речи на платформе «TED Talks» // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2020. № 4 (48). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-osobennosti-publichnoy-rechi-na-platforme-ted-talks (Дата обращения: 07.09.2024).
9. Finnigan, D. David Finnigan: A controversial play – and what it taught me about the psychology of climate | TED Talk: [сайт]. // URL: https://www.ted.com/talks/david_finnigan_a_controversial_play_and_what_it_taught_me_

about_the_psychology_of_climate/transcript?subtitle=en (Дата обращения: 07.09.2024).
10. Rimscaia I. Parameters of evaluation as a linguistic category in the English language // Studia Universitatis Moldaviae (Seria Ştiinţe Umanistice). 2011. № 4 (44). P. 111-114.
11. Ton Z. Zeynep Ton: The case for good jobs – and why they're good for business too | TED Talk: [сайт]. // URL: https://www.ted.com/talks/zeynep_ton_the_case_for_good_jobs_and_why_they_re_good_for_business_too/transcript?utm_source=homepage_featured&utm_content=5&utm_term=video-title&subtitle=en (Дата обращения: 07.09.2024).
12. Worland G. Gus Worland: Is someone you love suffering in silence? Here's what to do | TED Talk: [сайт]. // URL: https://www.ted.com/talks/gus_worland_is_someone_you_love_suffering_in_silence_here_s_what_to_do?vwo=featured (Дата обращения: 07.09.2024).
13. Щупленков О.В., Щупленков Н.О. Роль французского капитала в сохранении политического влияния в Сирии и Ливане 1920–1930-е гг. // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 13-26.

Reference

1. Kucher I.N. Linguistic characteristics of speech behavior // European science. 2019. № 2 (44). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-harakteristiki-rechevogo-povedeniya (09.07.2024).
2. Ilyina M.S. Features of oratory // Economy and Society. 2016. № 2 (21). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-oratorskogo-iskusstva (09.07.2024).
3. Krivonosov A.D., Kiuru K.V. Paradigmatics of the modern system of mass communications in the model of G. Lasswell // Issues of the theory and practice of journalism. 2022. № 1. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/paradigmatika-sovremennoy-sistemy-massovyh-kommunikatsiy-v-modeli-g-lassuella (09.07.2024).
4. Dydrov A.A., Penner R.V. Construction of a discourse on the digital as a phenomenon of information modernity // Society and power. 2022. № 3 (93). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/postroenie-diskursa-o-tsifrovom-kak-fenomene-informatsionnoy-sovremennosti (09.07.2024).
5. Obukhov K.N. The problem of retaining meaning in a situation of speech communication in the concept of R. Jacobson // Bulletin of Udmurt University. Series "Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2010. № 2. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-uderzhaniya-smysla-v-situatsii-rechevoy-kommunikatsii-v-kontseptsii-r-yakobsona (09.07.2024).
6. Krivonosov A.D. Public Environment and Public Communications in the Internet Age // Upper Volga Philological Bulletin. 2016. № 1. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/publichnaya-sreda-i-publichnye-kommunikatsii-v-epohu-interneta (09.07.2024).
7. Alekseenko I.S., Gukosyants O.Yu. Specifics of Internet-mediated communication and the phenomenon of a virtual linguistic personality // Political linguistics. 2014. № 4. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-internet-oposredovannoy-kommunikatsii-i-fenomen-virtualnoy-yazykovoy-lichnosti (09.07.2024).
8. Balakina I.A., Munarova O.D. Linguistic features of public speech on the TED Talks platform // Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical University. 2020. № 4 (48). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-osobennosti-publichnoy-rechi-na-platforme-ted-talks (09.07.2024).
9. Finnigan, D. David Finnigan: A controversial play – and what it taught me about the psychology of climate | TED Talk: [website]. // URL: https://www.ted.com/talks/david_finnigan_a_controversial_play_and_what_it_taught_me_about_the_psychology_of_climate/transcript?subtitle=en (09.07.2024).
10. Rimscaia I. Parameters of evaluation as a linguistic category in the English language // Studia Universitatis Moldaviae (Seria Ştiinţe Umanistice). 2011. № 4 (44). P. 111-114.
11. Ton Z. Zeynep Ton: The case for good jobs – and why they're good for business too | TED Talk: [website]. // URL: https://www.ted.com/talks/zeynep_ton_the_case_for_good_jobs_and_why_they_re_good_for_business_too/transcript?utm_source=homepage_featured&utm_content=5&utm_term=video-title&subtitle=en (09.07.2024).
12. Worland G. Gus Worland: Is someone you love suffering in silence? Here's what to do | TED Talk: [website]. // URL: https://www.ted.com/talks/gus_worland_is_someone_you_love_suffering_in_silence_here_s_what_to_do?vwo=featured (09.07.2024).
13. Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. The role of French capital in maintaining political influence in Syria and Lebanon in the 1920s and 1930s // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 13-26.

Синегубов С.Н.

Доктор исторических наук, профессор. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Шостак В.А.

Студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Долгушина П.С.

Студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Трансформация гендерных ролей в советской профессиональной среде 1930-х гг.*

Аннотация. Аннотация. В данном исследовании рассматривается процесс трансформации гендерных ролей женщин в профессиональной сфере в период 1930-х гг. Производится анализ перехода от одной традиционной модели поведения к новой, которая сочетает в себе характеристику активного политического субъекта с культом материнства. Также анализируется масштабная вовлеченность женщин в производство. Рассматривается кадровая политика, которая выражалась в выдвижении ударниц на руководящие должности. Прослеживается идеологический аспект: влияние пропаганды через СМИ на самосознание людей. Раскрыты основные цели, которые правительство преследовали на самом деле, вовлекая женщин в тяжёлый труд. Работа служит базой для осмысления противоречивого характера советского реформирования, с одной стороны, разрушение патриархального уклада, с другой – обречение женщин на двойную нагрузку при сохранении мужского доминирования.

Ключевые слова: гендер, трансформация, патриархат, советская модернизация.

* © Синегубов С.Н., Шостак В.А., Долгушина П.С., 2026.

Sinegubov S.N.
Doctor of Historical Sciences, Professor. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) Tyumen State University.

Shostak V.A.
Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) Tyumen State University.

Dolgushina P.S.
Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) Tyumen State University.

Transformation of gender roles in the soviet professional environment in the 1930s

Abstract. This study examines the process of transformation of women's gender roles in the professional sphere during the 1930s. It analyzes the transition from one traditional model of behavior to a new one that combines the characteristics of an active political subject with the cult of motherhood. The study also analyzes the extensive involvement of women in production. It examines the personnel policy that led to the promotion of female workers to leadership positions. The study also explores the ideological aspect, including the influence of propaganda through the media on people's self-awareness. The article reveals the main goals that the government actually pursued by involving women in hard labor. The work serves as a basis for understanding the contradictory nature of Soviet reforms, which, on the one hand, destroyed the patriarchal system, but on the other hand, condemned women to a double burden while maintaining male dominance.

Key words: gender, transformation, patriarchy, Soviet modernization.

На протяжении нескольких столетий социально-ролевой статус женщины определялся рамками патриархата, который ограничивал сферой семейного быта [6]. Однако данный традиционный уклад претерпел видоизменение в период индустриализации в 1930-е г. Женщины стали привлекаться к работам в производственной среде, что означало дальнейший демонтаж гендерных ролей.

Процесс трансформации моделей поведения женщин в советский период делился на два этапа. Первый этап 1917-1926 гг. к нему относятся решения большевиков в области женской эмансипации. В этот период женщи-

ны получили избирательное право. Были разрешены: гражданские браки, аборты, охрана материнства и младенчества и т.д. [5].

Второй этап (конец 1920-х годов – конец 1930-х) имел свою особенность – это привлечение женского пола на «мужские» работы. Следующим моментом стал процесс вовлечения женщин в общественное производство [5].

Советская власть с 30-х г. стала активно заниматься пропагандой «нового гендерного порядка», она показывала женской половине населения, как они должны выглядеть в рабочем пространстве. Завлекая женскую половину на производственные работы, правительство СССР имело свои цели, которые были прикрыты «ширмой» феминизма [7]. К ним относятся:

1. Устранение дефицита рабочих сил. Требовалось огромное количество рабочих для развития индустриализации.

2. Снижение расходов на инфраструктуру. Нанимать рабочих из других регионов было затратной идеей, поэтому правительство нацелилось на жен и дочерей уже имевшихся на производстве мужчин.

3. Подготовка к войне. Власть понимала неизбежность войны с Германией, поэтому обучение женщин на тяжелых работах была необходима, так как в случае мобилизации мужчин они могли заменить их в тылу.

4. Создание «нового человека». Марксистская идеология утверждала, что изменение традиционного уклада превратит женщину в активного строителя социализма.

Агитация происходила через бумажные издания – газеты. В них особое внимание уделялось маркерам и заголовкам, которые описывали женщин «мужскими эпитетами», тем самым вселяя в их душу веру в том, что работа на заводе – это высшая миссия для будущего своих детей. Газеты использовали в работе историю «золушки», которая из неграмотной крестьянки превращается в знатную стахановку. Всё это создавало мотивацию идти работать на промышленное производство, которое служило «социальным лифтом» [8].

На психологию людей также филигранно действовали плакаты, которые несли в себе подоплёку, что женщины могут заменить в работе мужчин [12]. Если в дореволюционный период девушек изображали изящными и грациозными, то теперь им пририсовывалась маскулинность и доносилась идея «эмансипация через труд» [9].

Важным вектором изменения устоявшейся парадигмы советская власть выбрала переход от домашней идентичности женщины к публично-производственной. Если раньше функции жены ограничивались деторождением и ведением быта, то теперь к этому прибавлялся статус «передовой работницы». В след за этим приходит культ профессионального

универсализма, который нашёл воплощение в образах трактористок и многостаночницах.

В публичных изданиях это отражалось громкими тезисами («Сбросим путы домашнего рабства!», «Трактор – лучший агитатор за новую жизнь!», «Женщина, на самолёт!») и художественными образами, где трактор был символом власти над природой и свободой от старого уклада [2].

В статьях 30-х годов женщина была описана, как человек, лишенный политического сознания [4]. Поэтому государство решило превратить женщин в экономическую единицу. Переход к публично-производственной идентичности был принудительно-добровольным. Перед женской половиной вставали идеи успешной самореализации, но с другой стороны оставались проблемы, которые заключались в отсутствии детских садов и тяжёлых условиях труда, подрывающих здоровье.

Среди различных профессий, что были предложены, наиболее популярной стала работа ударницей. Но данный выбор обусловлен не столько желанием достижения успешной карьеры, сколько материальным стимулированием. В период карточной системы ударницы имели преимущество:

1. Доступ к товарам вне очереди.

2. Денежные премии.

3. Социальные блага: путевки в санатории, места в детских садах и яслях.

С одной стороны, данный статус служил социальным лифтом, который трансформировал женщину в активного субъекта политической жизни. Но с другой стороны существовала фиктивность трудовых рекордов, которые создавала администрация заводов для отчётов вышестоящим.

Для создания лояльных женских элит необходимо было совершить скачок – предоставить место в управлении. Но перед этим выделялись квоты на обучение инженерным специальностям, отправляли претенденток на курсы по руководству, организовывали краткосрочную переподготовку ударниц. Так появились первые женщины – управленцы [10].

Женщина-руководитель привносила благоприятные последствия для производства. Уделялось особое внимание к санитарным условиям рабочего места, велась борьба с ненормативной лексикой и пьянством [4].

Пропаганда вещала о полном равноправии женщин, но на деле всё это было формальностью. На работе возникали акты производственного сексизма. Мужчины встречали женщин насмешками, выделяли для изготовления материала заведомо неисправные станки.

На основе этого можно проследить конфликт сторон – декларация равенства и сохранение патриархального быта. Получая и пользуясь равными правами, женщина продолжала жизнь в гендерных рамках, где её роль

ущемлялась. В 1936 г. были запрещены аборты и одновременно с этим усилилась трудовая мобилизация [3].

Был взят курс на возвращение традиционной семьи, но теперь от женщины требовалось больше функций – работать, вести быт, воспитывать детей. Правительство оказывало поддержку материнству и младенчеству, но противоречие состояло в том, что из-за тяжёлых условий труда было большое количество прерываний беременности [1]. Применение женского труда концентрировалось в отраслях с низким уровнем оплаты и высокой физической нагрузкой. Недостаточное внимание со стороны промышленных предприятий к созданию благоприятных условий труда способствовало развитию профессиональных заболеваний и общему истощению организма работниц [11]. Государство взяло на себя функции, ранее присущие частному патриархату, установив контроль над моральными нормами и репродуктивными решениями, что привело к ограничению автономии и свободы выбора женщин.

Подводя итог выше сказанному, 30-е годы XX в. характеризуются попыткой объединения двух противоречий в одну картину гендерных ролей женщин – модернизации, которая заключалась в превращение женщины в рабочую силу и архаики, олицетворяющую женщину как оплот традиционного уклада. В результате была создана система, при помощи которой женская половина стала иметь две роли - социально активного субъекта и субъекта неоплачиваемого домашнего труда.

Библиографический список:

1. Гадицкая М. Эволюция гендерного статуса сельских женщин в коллективизированной деревне Юга России в 1930-х годах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. // URL: https://rep.herzen.spb.ru/publication/6579 (Дата обращения: 01.02.2026)

2. Женские образы в советском плакате 1930-1950-х гг. // URL: https://hsedesign.ru/project/043e5d4ffd6c4872afa567394b5ffd2f (Дата обращения: 02.02.2026)

3. Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // URL: https://www.hse.ru/data/2010/12/31/1208180074/zdravomyslova_temkina_gosudarstvennoe_konstruirovanie.PDF (Дата обращения: 02.02.2026)

4. Земзюлина Н.И. Гендерный аспект кадровой политики в СССР в 1920-1930-х гг. //Статья научная (@hist-edu). 2013. // URL: https://sciup.org/gendernyj-aspekt-kadrovoj-politiki-v-sssr-v-1920-1930-h-gg-14949901 (Дата обращения: 03.02.2026)

5. Мирошниченко М.И. Развитие первой советской гендерной модели в первой половине 1930-х гг. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-pervoy-sovetskoy-gendernoy-modeli-v-pervoy-polovine-1930-h-gg/viewer (Дата обращения: 03.02.2026)

6. Мирошниченко М.И. Содержание первой советской гендерной модели в 1920-е гг. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-pervoy-sovetskoy-gendernoy-modeli-v-1920-e-gg/viewer (Дата обращения: 04.02.2026)

7. Пушкарева Н.Л. Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // Журнальный зал // URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2012/5/gendernaya-sistema-sovetskoj-rossii-i-sudby-rossiyanok.html (Дата обращения: 04.02.2026)

8. Плакаты и лозунги: как формировался женский образ в советском искусстве 1920-1930 годов – мост // URL:https://mostmag.ru/plakaty-i-lozungi-kak-formirovalsja-zhenskij-obraz-v-sovetskom-iskusstve-1920-1930-godov/ (Дата обращения: 04.02.2026)

9. Руцинская И. Женщина модерна. Гендер в русской культуре 1890–1930-х годов | Артгид – 2022. // URL: https://artguide.com/posts/2452 (Дата обращения: 05.02.2026)

10. Фролова А.П. Изменение положения женщин в российском обществе в 20–30 годы XX века - Конкурс молодых историков «Наследие предков - молодым» // URL: https://ist-konkurs.ru/raboty/2014/1733- (Дата обращения: 06.02.2026)
11. Хмельницкий Д.Плановое зверство. Женский труд в первой пятилетке // URL: https://bessmertnybarak.ru/article/zhenskiy_trud_sssr/ (Дата обращения: 07.02.2026)
12. Шмидт А. Женские образы в советском плакате 1930-1950-х гг. // URL: https://hsedesign.ru/project/043e5d4ffd6c4872afa567394b5ffd2f (Дата обращения: 08.02.2026)
13. Шевцов В.В., Радченко Р.В. Цифровая идентичность и формирование новых социокультурных паттернов в условиях учхоза «Кубань» // Альманах «Крым». 2025. № 49. С. 103-110.

Reference

1. Gaditskaya M. Evolution of the Gender Status of Rural Women in the Collectivized Village of Southern Russia in the 1930s // Bulletin of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University. 2008. // URL: https://rep.herzen.spb.ru/publication/6579 (01.02.2026)
2. Female Images in Soviet Posters of the 1930s-1950s // URL: https://hsedesign.ru/project/043e5d4ffd6c4872afa567394b5ffd2f (02.02.2026)
3. Zdravomyslova E.A., Tyomkina A.A. State Construction of Gender in Soviet Society // URL: https://www.hse.ru/data/2010/12/31/1208180074/zdravomyslova_temkina_gosudarstvennoe_konstruirovanie.PDF (02.02.2026)
4. Zemzyulina N.I. Gender Aspect of Personnel Policy in the USSR in the 1920-1930s // Research Article (@hist-edu). 2013. // URL: https://sciup.org/gendernyj-aspekt-kadrovoj-politiki-v-sssr-v-1920-1930-h-gg-14949901 (03.02.2026)
5. Miroshnichenko M.I. The Development of the First Soviet Gender Model in the First Half of the 1930s // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-pervoy-sovetskoy-gendernoy-modeli-v-pervoy-polovine-1930-h-gg/viewer (03.02.2026)
6. Miroshnichenko M.I. The Contents of the First Soviet Gender Model in the 1920s // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-pervoy-sovetskoy-gendernoy-modeli-v-1920-e-gg/viewer (04.02.2026)
7. Pushkareva N.L. The Gender System of Soviet Russia and the Fates of Russian Women // Magazine Hall // URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2012/5/gendernaya-sistema-sovetskoj-rossii-i-sudby-rossiyanok.html (04.02.2026)
8. Posters and Slogans: How the Female Image Was Formed in Soviet Art of the 1920s-1930s – A Bridge // URL: https://mostmag.ru/plakaty-i-lozungi-kak-formirovalsja-zhenskij-obraz-v-sovetskom-iskusstve-1920-1930-godov/ (04.02.2026)
9. Rutsinskaya I. Woman of Modernism. Gender in Russian Culture of the 1890s-1930s | Artguide – 2022. // URL: https://artguide.com/posts/2452 (05.02.2026)
10. Frolova A.P. Changing Status of Women in Russian Society in the 1920s–1930s - Young Historians' Competition "Ancestral Heritage for the Young" // URL: https://ist-konkurs.ru/raboty/2014/1733- (06.02.2026)
11. Khmelnitsky D. Planned Brutality. Women's Labor in the First Five-Year Plan // URL: https://bessmertnybarak.ru/article/zhenskiy_trud_sssr/ (07.02.2026)
12. Schmidt A. Female Images in Soviet Posters of the 1930s–1950s. // URL: https://hsedesign.ru/project/043e5d4ffd6c4872afa567394b5ffd2f (08.02.2026)
13. Shevtsov V.V., Radchenko R.V. Digital identity and the formation of new socio-cultural patterns in the conditions of the Kuban agricultural enterprise // Almanac "Crimea". 2025. № 49. P. 103-110.

Пром Тхари

Аспирант по политическим наукам, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Министерство внутренних дел Камбоджи.

Гибридная демократия и внешнее влияние в Камбодже: роль безусловной помощи Китая и восприятие демократии молодёжью*

Аннотация. Данное исследование анализирует, каким образом Китай предоставляет Камбодже безусловную помощь, а также исследует сложные взаимосвязи между устойчивостью элит и восприятием демократии молодёжью в рамках гибридной демократической системы Камбоджи. В работе показано, что китайская помощь способствует поддержанию Народной партией Камбоджи (CPP) внешних атрибутов демократии, одновременно усиливая контроль элит через неопатримониальные и клиентелистские политические структуры. Большинство камбоджийской молодёжи, представляющей более половины населения, проявляет стремление к демократической подотчётности и гражданскому участию, используя цифровые платформы и обращаясь к международным демократическим дискурсам. Однако экономическая зависимость от китайских проектов и мощные сети политического покровительства со стороны CPP ограничивают амбиции камбоджийской молодёжи. В исследовании показано, что это политическое противоречие является ключевым элементом гибридной демократии Камбоджи и ставит под сомнение перспективы демократического развития в условиях, когда система контролируется внешним патронажем и внутренней авторитарной властью. В работе подчёркивается, что политикам следует сосредоточить усилия на развитии программ гражданского образования, формировании прозрачных механизмов государственного управления и создании безопасных пространств для политического участия молодежи.

Ключевые слова: Камбоджа, гибридная демократия, китайская помощь, неопатримониализм, клиентелистская политика, восприятие молодежи, демократическая подотчётность, гражданское участие.

Prom Thary

Postgraduate student in political science, Faculty of Humanities and Social Sciences, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia. Ministry of Interior of Cambodia.

* © Пром Тхари, 2026.

Hybrid democracy and foreign influence in Cambodia: the role of China's unconditional aid and youth perceptions of democracy

Abstract. This research examines how China provides unconditional aid to Cambodia while studying the intricate relationship between elite stability and youth perceptions of democracy in Cambodia's hybrid democratic system. The research examines how Chinese aid supports the Cambodian People's Party (CPP) to preserve democratic appearances while strengthening elite control through neopatrimonial and patronage political frameworks. The majority of Cambodian youth who make up more than half of the population want democratic accountability and civic engagement while using digital platforms and international democratic discourses. The economic dependence on Chinese-funded projects together with the CPP's strong patronage networks restricts the ambitions of Cambodian youth. The research reveals this political tension as the core element of Cambodia's hybrid democracy system which challenges the future prospects of democratic development in a system controlled by foreign patronage and domestic authoritarian power. The research demonstrates that policy makers should focus on developing civic education programs and establishing transparent governance partnerships and safe political engagement spaces for young people.

Key words: Cambodia, hybrid democracy, Chinese aid, neopatrimonialism, patronage politics, youth perceptions, democratic accountability, civic engagement.

Introduction

The United Nations-sponsored elections of 1993 launched Cambodia into a complicated journey of democratization that brought forth both democratic achievements and multiple difficulties (Un, 2005, p. 204). The political environment of Cambodia remains under the control of the Cambodian People's Party (CPP) despite the development of democratic institutions including regular elections and multiple political parties because the party maintains strong ties to state power which creates a hybrid democratic system (Un, 2005, p. 203; Cohen, 2019). Within this hybrid system the liberal democratic principles of election conduct and multiple political parties operate together with patronage practices and coercive measures that empower Prime Minister Hun Sen and his ruling party to control all power (Morgenbesser, 2016; Cohen, 2019). The Cambodian hybrid democracy shows formal democratic practices but illiberal practices beneath the surface continue to influence political conditions. Kheang Un (2005) demonstrates that the CPP-state alliance enables the party to use coercive power for voter cooption and opposition restriction (p. 204). Through these mechanisms the regime has successfully maintained democratic election appearances even though it restricts both democratic competition and civic engagement (Lilja, 2010). The ongoing practices of neopatrimonial governance along with selec-

tive repression create essential doubts about how long Cambodia's democratic transition will endure (Hughes, 2003; Sen, 2017).

China's expanding political and economic influence in Cambodia has made the current situation more complicated during the last few years. The Cambodian leadership depends on Chinese aid and investments to support its regime because these funds bring financial backing alongside diplomatic support (Pheakdey, 2012; Po, 2021). According to Heng Pheakdey (2012) China's policy of providing "non-interference and no-strings-attached" assistance has enabled the ruling CPP to maintain both its natural resource control and export market access and strengthened its position as a legitimate and resilient ruling party (p. 72). The rising Chinese influence has sparked worries about democratic practice decline because Beijing's investments strengthen existing patronage networks while solidifying Cambodia's hybrid political system (Po, 2021; Cohen, 2019).

The changing political environment requires researchers to study how Cambodian youth perceive democracy and their aspirations because they represent more than half of the total population (Cohen, 2019; Un, 2011). The youth population in Cambodia holds essential power regarding democratic progress because their democratic attitudes and civic participation and their reactions to patronage-based governance determine whether Cambodia will advance democratically or regress (Lilja, 2010; Sen, 2017).

This article investigates the relationship between China's unconditional aid and Cambodia's hybrid democracy by focusing on how these dynamics affect Cambodian youth perceptions. This research investigates how China's unconditional aid strengthens Cambodia's hybrid democracy system and what Cambodian youth believe about democracy in this situation. The research divides into some sections which start by studying hybrid democracy and neopatrimonial politics in Cambodia before analyzing China's aid model and its effects on domestic governance structures. The following sections analyze Chinese influence mechanisms and Cambodian youth political attitudes and their combined effects on democratic consolidation.

Conceptual Framework

The research draws upon multiple related ideas to study Cambodia's hybrid democracy through the lens of China's unconditional aid as seen by Cambodian youth. The core concept of this analysis involves hybrid democracy which describes political systems that combine democratic electoral processes with authoritarian governance structures (Kheang Un, 2005, p. 203). The Cambodian People's Party (CPP) controls the political system of Cambodia through regular multiparty elections yet the party maintains its dominance by using state resources to restrict real political competition (Morgenbesser, 2016, p. 2). The

system maintains democratic appearance through electoral processes yet actively restricts genuine citizen involvement (Lilja, 2010, p. 291).

Neopatrimonialism functions as an essential framework to analyze the governance structure of Cambodia. Political outcomes in this system result from personal relationships together with patron-client networks and informal exchanges of loyalty and resources which override formal rule-based governance (Morgenbesser, 2016, p. 12). According to Kheang Un (2005) the CPP sustains its control through neopatrimonial practices which combine with official institutions to maintain authority through material benefits and elite co-option (p. 204). Morgenbesser (2016) notes that these structures permit authoritarian regimes to use defective elections to strengthen their position instead of facing opposition which maintains their historical neopatrimonial authority (p. 12).

The political system of patronage deepens the existing power dynamics. The distribution of material resources including schools and pagodas and development projects serves as the basis for political support because it creates loyalty among citizens (Un, 2005, p. 221; Hughes, 2006). The exchange system creates ongoing dependency relationships that weaken democratic participation and strengthen authoritarian governance.

China's "unconditional aid" model of assistance has transformed Cambodia's political landscape according to Pheakdey (2012, p. 72) by providing rapid economic cooperation without governance or rights-based conditions. The support from China operates independently of Western aid requirements for transparency and accountability because it enables Cambodia to avoid democratic reforms while maintaining its patronage networks and hybrid regime structure (Cohen, 2019, p. 1; Sovinda Po, 2021, p. 4). According to Cohen (2019) the Cambodian government plays a dual role by accepting Chinese aid while preserving only enough democratic elements to receive Western financial support and international recognition (p. 6).

Youth perceptions about democracy serve as the last component of this framework. The young demographic structure of Cambodia which includes more than half of its population under 25 years old makes it essential to study how youth view and understand democracy to evaluate democratic progress (Cohen, 2019, p. 1; Sovinda Po & Sims, 2021, p. 3). The youth population holds significant importance because they embody both reform potential and susceptibility to being co-opted by the patronage-based system (Lilja, 2010, p. 302). The political culture dominated by patron-client networks together with democratic ideals influence how young people view elections and political participation and governance (Morgenbesser, 2016, p. 13).

The research combines these theoretical elements to develop an advanced framework for studying how China's aid influences Cambodia's hybrid democracy and how young people adapt to political and economic transformations.

Cambodia's Hybrid Democracy and Neopatrimonialism

The political environment of Cambodia has maintained a fragile equilibrium between post-conflict development and intricate power relationships since the 1993 Paris Peace Accords. The United Nations Transitional Authority in Cambodia (UNTAC) served as a key organization that organized the 1993 elections to build liberal democracy and national reconciliation after years of conflict (Lilja, 2010, p. 291). The intervention introduced a major transformation from authoritarian rule to an electoral system that allowed multiple parties to compete while engaging citizens through voting. The initial optimism from international observers about Cambodian democracy faded when historical divisions and deep-rooted political cultures reemerged to create a political system which combined democratic institutions with authoritarian practices (Lilja, 2010, p. 291; Un, 2005, p. 203).

The term "hybrid democracy" in Cambodia describes how democratic institutions operate alongside ongoing authoritarian control (Morgenbesser, 2016, p. 2). The Cambodian People's Party (CPP) along with Prime Minister Hun Sen maintain complete control of power despite regular elections and the formal existence of competing political parties (Un, 2005, p. 204). The CPP according to Hughes (2003) established an electoral system which provides procedural competition yet allows the ruling party to dominate the substance of politics thus preserving fake legitimacy without actual pluralism. The governance system exhibits hybrid characteristics because formal institutions operate alongside informal patron-client networks which determine how the state exercises authority and interacts with its society (Un, 2011, p. 547).

The political system of Cambodia relies heavily on Neopatrimonial practices which have shaped the hybrid democracy that emerged after 1993. The CPP maintains control over state institutions and electoral processes through patronage politics which involves providing material benefits in exchange for political backing (Un, 2005, p. 221; Hughes, 2003). According to Cohen (2019) the practice of rewarding loyal followers through development projects and financial incentives has strengthened the state-ruling party symbiosis which excludes alternative voices and restricts authentic democratic involvement. Morgenbesser (2016) demonstrates how the fusion of personal relationships with institutional structures enables neopatrimonial practices to thrive which creates confusion between public and private governance domains in Cambodia.

The hybrid democracy of Cambodia features elections that appear competitive to outsiders yet the CPP uses internal manipulation to maintain its dominant position (Morgenbesser, 2016, p. 12). The opposition party co-optation following the 1997 power struggle reduced political competition which solidified the CPP's ruling power (Un, 2005, p. 208). The state exercises dominance over the judiciary and media and security forces which regularly restricts both civil liberties and

political freedoms (Lilja, 2010, p. 296). The CPP uses controlled pluralism to preserve its power base while creating a democratic facade for international donors and domestic supporters (Hughes, 2003; Cohen, 2019). Elections function primarily to validate the current political structure instead of offering a real chance for political transformation in this setting.

China's Unconditional Aid and Cambodia's Political Economy

Since the late 1990s China has become Cambodia's major funding source and investment partner which transformed the political economic framework of the country. According to Pheakdey (2012), China took the lead position as Cambodia's largest investor during 2011 by surpassing South Korea, Malaysia, the UK and the United States with total foreign direct investment reaching 8.8 billion USD (p. 60). China directs most of its investments toward critical infrastructure such as roads and bridges and ports which function as visible indicators of Chinese economic influence across Cambodia. China functions as a donor while simultaneously making direct investments which represent the core elements of its contribution to Cambodia. Chinese aid consists of concessional loans in combination with grants as well as military assistance packages. China supplied the Royal Cambodian Armed Forces with patrol boats together with military vehicles and training between 2006 and 2012 (Pheakdey, 2012, p. 67). China demonstrates its economic influence in Cambodia through agricultural investments and mineral extraction as well as energy projects that expand the country's ties with Beijing (Pheakdey, 2012, p. 74). According to Po (2021) the Belt and Road Initiative (BRI) has strengthened Cambodia's dependence on Chinese capital and expertise through its port development projects in Sihanoukville and Kampot (Po & Sims, 2021, p. 3).

The "no-strings-attached" policy of Chinese aid towards Cambodia stands in contrast to Western donor practices that usually include conditional assistance. Pheakdey (2012) explains how Cambodian officials have commended Chinese aid for maintaining sovereignty while delivering funding without political influence (p. 65). The Cambodian government can now acquire infrastructure and development project resources through Chinese funding while maintaining its political independence from Western aid conditions. The Cambodian government maintains its domestic political stability through flexible project execution as Cohen (2019) points out (p. 6). According to Chheang Vannarith analysts Chinese aid programs include unofficial political conditions that demand loyalty within diplomatic and investment frameworks (Pheakdey, 2012, p. 65). The relationship between China and Cambodia is distinguished by China's lack of formal governance requirements but its presence of political expectations that have become a standard characteristic of their partnership.

China pursues strategic goals in Cambodia which reach further than eco-

nomic gains because they serve multiple geopolitical and security purposes. According to Po (2021) Cambodia's position in Southeast Asia serves as a vital link for China to implement its Belt and Road Initiative (BRI) through maritime routes connecting the South China Sea to the Indian Ocean (p. 10). China uses Sihanoukville ports and Dara Sakor Seashore Resort project in Koh Kong to establish strategic trade and energy security nodes which avoid US-controlled Strait of Malacca (Po & Sims, 2021, p. 3). According to Pheakdey (2012) China uses its investments in Cambodian agriculture and natural resources to create enduring supply channels for China's home economy (p. 74). Through Chinese financial support Prime Minister Hun Sen has strengthened his governance by using these resources to build the patronage networks which sustain Cambodia's hybrid democratic system (Cohen, 2019, p. 6). Through its alternative approach to Western democratic conditionality China enables Hun Sen to preserve democratic appearances through elections while building an authoritarian regime (Morgenbesser, 2016, p. 12). The growing Cambodian dependence on Chinese aid has strengthened the connection between Chinese strategic and economic interests and Cambodian domestic political systems which maintains a hybrid political system that supports elite control and stability above democratic progress.

Mechanisms of Influence: Patronage and Political Control

The political system of Cambodia based on patronage has become deeply connected to Chinese aid and investment flows which strengthen the ruling Cambodian People's Party (CPP) control. Un (2005) explains that neopatrimonial practices form the core of Cambodia's hybrid democracy because they create informal patron-client relationships that merge public and private interests (p. 221). The patronage networks receive Chinese aid which strengthens the regime's power base while deepening Chinese state and private actor influence throughout Cambodia's political economy. Sen (2017) notes that China's investments in infrastructure and agriculture and resource extraction have strengthened this dynamic because they involve Cambodian tycoons who maintain close ties with CPP leadership (p. 215). The complex network of economic and political connections directs Chinese aid benefits to the ruling elite and their loyal networks which enhances the regime's dominance over state institutions and societal control.

China's involvement in Cambodia has made infrastructure development its most noticeable aspect. The physical infrastructure development of Cambodia through Chinese-financed projects including roads and bridges and hydropower dams has enabled the political and business elite to accumulate wealth according to Pheakdey (2012) (p. 60). The construction of these projects allows Chinese contractors to team up with Cambodian firms that belong to political-

ly influential tycoons thus establishing new opportunities for rent-seeking and patronage distribution (Loughlin, 2021, p. 23). The CPP maintains its performance legitimacy through these investments because they demonstrate actual development and economic growth to Cambodian citizens (Loughlin, 2021, p. 24). The exclusive distribution of project advantages to elite groups creates social inequality that leads to negative feelings among those who do not receive patronage benefits.

Through military aid programs China has expanded its support for Cambodia which has strengthened the CPP's dominance over the country's security forces. According to Pheakdey (2012) China has become the primary military aid donor to Cambodia since the late 1990s by supplying vehicles and uniforms and conducting military training for the Royal Cambodian Armed Forces (p. 67). The CPP maintains military loyalty through Chinese aid because senior officers who serve as party members receive direct benefits from the aid (Loughlin, 2021, p. 24). The CPP maintains stability through military suppression of political dissent because Beijing provides assistance that enables the party to solidify its power base (Cohen, 2019, p. 6).

Chinese aid differs from Western donor methods because it lacks governance and rights-based conditions. Chinese aid operates with no transparency and unpredictability which allows the CPP to avoid democratic reforms while obtaining vital resources needed for survival (Pheakdey, 2012, p. 66). Morgenbesser (2016) explains how Cambodian government maintains democratic facades through elections and NGO activities while using Chinese aid to build military and coercive power structures (p. 12). Chinese aid creates a political context which hinders Western initiatives to establish good governance and democratic consolidation and enhance accountability in Cambodia.

China's patronage-based aid system produces effects that reach beyond state institutions to affect both civil society organizations and independent media outlets. Po and Sims (2021) explain that Chinese funding has allowed the Cambodian government to silence media outlets and civil society organizations which results in restricted political freedoms and limited pluralism (p. 3). Through Chinese investment in Cambodian media outlets the government established new channels for distributing pro-government propaganda which state-aligned publications like Fresh News duplicate content from Chinese state media (Loughlin, 2021, p. 23). The relationship between Chinese aid and the CPP and domestic media has established a controlled public space which systematically eliminates alternative viewpoints and dissenting opinions.

Chinese aid has simultaneously reduced the influence of Western democracy promoters who normally work with Cambodian civil society organizations and independent media to promote political accountability (Cohen, 2019, p. 6). Chinese aid funding enables the regime to either purchase these ac-

tors or circumvent their operations which has diminished civil society's power to challenge the regime's control and promote democratic transformation. Through its aid programs China has established complete political control of the CPP while reshaping Cambodia into a hybrid authoritarian system that relies on foreign patronage.

Cambodian Youth and Democracy: Perceptions and Challenges

The Cambodian youth segment which includes more than fifty percent of citizens under twenty-five years old determines the development of democratic values along with political engagement patterns (Cohen, 2019). Different research along with initiatives studied youth participation and political opinions in Cambodia to show a complex environment of both optimistic and doubtful perspectives and age-related differences. The National Endowment for Democracy (NED) together with the International Republican Institute (IRI) support young leaders through empowerment projects which let them express their opinions about social economic and political matters to build democratic aspirations (Cohen, 2019, p. 6; ssrn-3362140, p. 6). Social media and alternative broadcasting channels have created opportunities for Cambodian youth to access information which allows them to challenge official narratives while exposing themselves to democratic principles (ssrn-3362140, p. 6). Youth encounter obstacles because they exist between the established patron-client systems of the past and the modern digital media platforms which enable new political self-expression.

The political evolution of Cambodia exhibits distinct age-related patterns as one of its main characteristics. The Khmer Rouge genocide together with extended political instability has created a mindset among older generations who view politics as a system of patronage because they must maintain loyalty to powerful figures for survival (Lilja, 2010, p. 302). The younger population who entered the world after the 1990s benefits from exposure to democratic ideologies and international rights principles because of their connection to globalization (Sen, 2017; Hyde et al., 2022, p. 1035). The youth population shows higher acceptance of democratic values because they receive education and access international media content through Facebook and YouTube and digital platforms (ssrn-3362140, p. 6). The political participation patterns between old and young Cambodians differ because older citizens use personal relationships and patronage while younger citizens use digital platforms to challenge existing systems through civic dialogue and policy advocacy.

The economic relationship between Cambodian youth and Chinese investments and scholarships creates a difficult situation because their economic needs depend on Chinese funding while they want democratic reforms (Pheakdey, 2012, p. 65). Young Cambodians must balance their economic needs from Chi-

nese-funded projects with their political ambitions for change (Po & Sims, 2021, p. 3). The CPP's digital surveillance and social media regulations together with their youth network co-optation efforts make it difficult for young people to express their political views (Loughlin, 2021, p. 23). The willingness of youth to participate in civic activities has increased compared to past generations but they encounter substantial dangers including online harassment and censorship (Hyde et al., 2022, p. 1035). The hybrid political system of Cambodia demonstrates how youth participate in digital politics while facing limitations from patronage networks and economic ties with external powers.

Synthesis: The Double Game—Elite Stability vs. Popular Aspirations

Chinese aid has been instrumental in maintaining Cambodia's hybrid regime by strengthening the Cambodian People's Party (CPP) and reinforcing elite dominance, while at the same time creating tension with the democratic aspirations of Cambodian youth. Cohen (2019) notes that the lack of governance conditions in Chinese aid has allowed Prime Minister Hun Sen to maintain a democratic facade of elections and NGOs while using the resources to build patronage networks and military power (p. 6). The "double game" of accepting unconditional Chinese aid while maintaining a minimal democratic facade has allowed the regime to avoid reforms demanded by Western democracy promoters, thus deepening the gap between elite stability and popular expectations.

Youth in Cambodia, who make up a large part of the population, are a key force for democratic change but face many obstacles in this political context. The patronage networks that underpin Cambodia's hybrid regime have limited the new forms of political expression that have emerged from generational differences, particularly among digitally connected young Cambodians (Lilja, 2010, p. 302; Un, 2005, p. 221). Research indicates that youth are participating in civic dialogues and using social media to push for change, but they face significant obstacles in turning these efforts into actual political reform (Po & Sims, 2021, p. 3). Loughlin (2021) notes that Chinese investment and aid, which are often channeled through patronage networks and control, protect the CPP from domestic pressures for accountability that youth movements could otherwise use (p. 23).

The economic situation faced by Cambodian youth creates additional pressure on their situation. The economic dependencies created by Chinese-funded projects and scholarships make it difficult for youth to demand democratic reforms according to Pheakdey (2012, p. 65). The economic opportunities from Chinese investments in infrastructure and industry sectors have produced employment opportunities and training programs for young people which strengthens the complicated relationship between youth and the regime's Chinese-backed

patronage system (Po & Sims, 2021, p. 3). According to Cohen (2019) the dependency relationship between Cambodia and China together with restricted political freedom makes it difficult for youth to establish a strong democratic movement because Chinese economic benefits reduce their willingness to take political risks (p. 6).

Youth in Cambodia face an ongoing challenge to challenge established patronage networks because political reforms remain absent. Un (2011) explains that the CPP maintains complete dominance over media institutions and judiciary and security forces which blocks youth from using conventional political channels to challenge existing power structures (p. 549). The government maintains strict control over civil society and media spaces which prevents alternative voices from achieving significant influence (Morgenbesser, 2016, p. 12). Youth groups that work to promote democratic values and civic participation face restricted policy influence because elite dominance and neopatrimonial practices control the broader political environment (Hughes, 2003; Cohen, 2019, p. 6).

The future holds two possible directions for Cambodia: authoritarian control will either become stronger through Chinese backing or the youth movement will establish democratic reforms that challenge the hybrid system. The second scenario shows how the CPP will maintain its power through Chinese funding and military support that enhances the regime's control and its patronage system (Po & Sims, 2021, p. 3; Morgenbesser, 2016, p. 12). The hybrid regime would maintain stability through youth suppression of democratic aspirations which would prevent genuine democratic development (Un, 2005, p. 204).

The second possible future shows how Cambodia's extensive youth population using digital networks and international democratic values will work to diminish patronage politics and establish democratic reforms. The study by Hyde et al. (2022) demonstrates that the rising generation of politically engaged citizens who challenge social and economic inequalities creates new prospects for democratic transformation (p. 1035). This scenario depends on youth movements forming alliances with civil society organizations to receive international backing that will counteract the established power of China and the CPP's patronage networks (Cohen, 2019, p. 6).

Conclusion and Policy Implications

The research demonstrates that China's unconditional aid serves as the fundamental support for Cambodia's hybrid democracy through its ability to strengthen elite stability and patronage networks. According to Cohen (2019) the Chinese aid program helps Prime Minister Hun Sen preserve democratic appearances while strengthening both security institutions and patronage networks (p. 6). The political system of this region uses democratic institutions

and elections to create legitimacy for the ruling party instead of serving as actual mechanisms for political responsibility. The youth population in Cambodia maintains optimistic views about democracy because they want transparent governance and pluralistic systems and citizen participation yet their aspirations face barriers from neopatrimonial politics and Chinese aid influence (Lilja, 2010, p. 302; Po & Sims, 2021, p. 3).

Policy initiatives from both domestic and international sources have the potential to support the democratic aspirations of Cambodian youth. The first priority for civic education should be to develop critical democratic literacy while teaching young people about democratic practices that extend beyond election cycles (Hyde et al., 2022, p. 1030). Young Cambodians need civic education that teaches them how elections relate to rule of law and civil liberties so they can understand and fight for democratic accountability in their hybrid political system.

International stakeholders should establish partnerships which promote transparency while building up local democratic institutions. The efforts should include election monitoring technical assistance as well as independent media support and civil society group capacity-building programs which align with current IRI and NED projects in Cambodia (ssrn-3362140, p. 6). Such partnerships would create opportunities for inclusive governance while countering the negative impacts of Chinese aid.

Creating safe and inclusive spaces for youth engagement is essential. According to Po and Sims (2021), "Youth face significant risks when expressing dissent, including harassment and surveillance" (p. 3). Legal and institutional protection of youth-led organizations and their participation in policy dialogues can allow them to express democratic aspirations without fear of persecution.

The Cambodian case provides insights into hybrid democracies in the Global South. It shows how external economic and political patronage can strengthen authoritarian resilience while creating contradictions that can lead to democratic renewal. The Cambodian case shows that youth empowerment and civil society strengthening can lead to change even in limited political environments.

Библиографический список / Reference

1. Cohen H. Unconditional Aid and 'Hybrid Democracy': The Case of Cambodia. Organizations & Markets: Formal & Informal Structures eJournal. 2019. // URL: https://doi.org/10.18003/AJPA.20194.
2. Hyde S., Lamb E., & Samet O. Promoting Democracy Under Electoral Authoritarianism: Evidence From Cambodia. Comparative Political Studies, 2022. № 56. P. 1029-1071. // URL: https://doi.org/10.1177/00104140221139387.
3. Un K. Democratization in East Asia: Patronage Politics and Hybrid Democracy: Political Change in Cambodia, 1993-2003. Asian Perspective, 2005. № 29. P. 203-231.
4. Loughlin N. Chinese linkage, leverage, and Cambodia's transition to hegemonic authoritarianism. Democratization, 2021. № 28. P. 840-857. // URL: https://doi.org/10.1080/13510347.2021.1888931.
5. Po S., & Sims K. The Myth of Non-interference: Chinese Foreign Policy in Cambodia. Asian Studies Review, 2021. № 46. P. 36-54. // URL: https://doi.org/10.1080/10357823.2021.1887813.

6. Sen V. Hybrid governmentality: higher education policymaking in post-conflict Cambodia. Studies in Higher Education, 2019. № 44. P. 513-525. // URL: https://doi.org/10.1080/03075079.2017.1379985.
7. Lilja M. Discourses of Hybrid Democracy: The Case of Cambodia. Asian Journal of Political Science, 2010. № 18. P. 289-309. // URL: https://doi.org/10.1080/02185377.2010.527220.
8. Heng P. Cambodia–China Relations: A Positive-Sum Game?. Journal of Current Southeast Asian Affairs, 2012. № 31. P. 57-85. // URL: https://doi.org/10.1177/186810341203100203.
9. Un K. Cambodia: Moving away from democracy?. International Political Science Review, 2011. № 32. P. 546-562. // URL: https://doi.org/10.1177/0192512111417120.
10. Peou S. Intervention & Change in Cambodia: Towards Democracy?. 2000. // URL: https://doi.org/10.1355/9789812305923.
11. Levitsky S., & Way L.A. Competitive authoritarianism: Hybrid regimes after the Cold War. Cambridge University Press. 2010. // URL: https://doi.org/10.1017/CBO9780511781353
12. Case W. Late Malaysian politics: From single party dominance to multi party mayhem (RSIS Working Paper No. 335). S. Rajaratnam School of International Studies, Nanyang Technological University. 2021. // URL: https://hdl.handle.net/10356/152649
13. Yamahata C., & Anderson B. (Eds.). Demystifying Myanmar's transition and political crisis. Springer Nature Singapore Pte Ltd. 2022. // URL:https://doi.org/10.1007/978-981-16-6675-9
14. Williamson A. The economic and political implications of China's foreign aid in Cambodia. Moussons, 2023. № 41. P. 133-150. // URL: https://doi.org/10.4000/moussons.10476
15. Cheunboran C. Cambodia's China strategy: Security dilemmas of embracing the dragon. Routledge. 2021. // URL: https://doi.org/10.4324/9780429331534
16. Ly B. Social media and political involvement in Cambodia. Cogent Social Sciences, 2023. № 9 (1). P. 2194565. // URL: https://doi.org/10.1080/23311886.2023.2194565
17. Chanmony S. Youth participation in local Cambodian politics. Cambodia Development Resource Institute. 2023. // URL: https://cdri.org.kh/storage/pdf/CDR%2023-Article1SCM_1681094096.pdf
18. Grinter L.E. China, the United States, and mainland Southeast Asia: opportunism and the limits of power. Contemporary Southeast Asia, 2006. № 28 (3). P. 447-465. // URL: https://doi.org/10.1355/cs28-3e

Смирнов А.В.
Магистр Истории. Кафедра Всеобщей Истории. Новосибирский национально-исследовательский государственный Университет.

Научный руководитель:
Куликов С.П.
Кандидат исторических наук, доцент Кафедры Всеобщей Истории. Новосибирский национально-исследовательский государственный Университет.

Стратегические планы США в отношении Европы в период демократической администрации Билла Дж. Клинтона (1990-е годы XX века)*

Аннотация. В данной статье рассматривается процесс формирования новой внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов в период работы демократической администрации Билла Клинтона. На основании ряда материалов президентской библиотеки Билла Клинтона, материалов сессий Конгресса США и Государственного департамента США проиллюстрирована последовательность американской внешнеполитической доктрины относительно расширения НАТО на «Восток» за счёт бывших стран-участниц социалистического блока. Также рассмотрен вопрос отношения США к югославским военным конфликтам, особенности экономической и политической модернизации стран Восточной Европы после свершения в них серии «бархатных революций». Кроме того, рассмотрен вопрос формирования новой модели американо-восточноевропейских отношений и их стратегическое влияние на внешнеполитический курс Российской Федерации, находящейся в тот период на этапе выработки новой модели внешнеполитической стратегии.

Ключевые слова: расширение НАТО, Косово, Босния, распространение «демократических принципов», дипломатия, американо-российский дипломатический диалог.

Smirnov A.V.
Master of History. Department of General History. Novosibirsk National Research State University.

* © Смирнов А.В., Куликов С.П., 2026.

Academic Supervisor:
Kulikov S.P.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History. Novosibirsk National Research State University.

US strategic plans for Europe during the democratic Administration of Bill J. Clinton (1990s)

Abstract. This article examines the process of forming a new foreign policy strategy of the United States during the Democratic administration of Bill Clinton. Based on a number of materials from the Bill Clinton presidential Library, materials from sessions of the US Congress and the US Department of State, the sequence of the American foreign policy doctrine regarding the expansion of NATO to the "East" at the expense of the former member countries of the socialist bloc is illustrated. The issue of the US attitude towards the Yugoslav soldiers, the specifics of the economic and political modernization of Eastern European countries after the series of "velvet revolutions" were also considered. In addition, the issue of forming a new model of American-Eastern European relations and their strategic impact on the foreign policy course of the Russian Federation, which at that time was at the stage of developing a new model of foreign policy strategy, was considered.

Key words: NATO expansion, Kosovo, Bosnia, spreading of "democratic principles", diplomacy, US-Russian diplomatic dialogue.

После распада Советского Союза 26 декабря 1991 года и начала становления правопреемницы СССР Российской Федерации сложилась благоприятная политико-стратегическая ситуация для укрепления позиций Соединённых Штатов в Восточной Европе. К началу первого срока президентства демократа Билла Клинтона экономико-политическая обстановка в мире резко изменилась. В большинстве стран бывшего социалистического блока уже прошли серии «бархатных революций». Главный союзник СССР в Европе Германская Демократическая Республика (ГДР) прекратил своё существование и был официально присоединён к ФРГ. Венгрия, Румыния, Болгария и Польша, пережив по-разному революционные потрясения, двигались постепенно дорогой рыночных преобразований в экономической сфере. Все восточноевропейские страны пошли по пути западного мира в политическом и экономическом плане. В этой связи, следует упомянуть и Чехословакию с той лишь разницей, что Чехословакия как суверенное политическое образование 31 декабря 1992 года перестала существовать. Поэтому в западном направлении уже

двигались два государства - Чехия и Словакия.

Активизация американской внешнеполитической стратегии на югославском направлении

К началу 1993 года распалась Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ). На территории бывшей единой страны теперь образовался ряд независимых государств: Словения, Хорватия, Македония, Босния и Герцеговина (Союз Биг). От бывшей федеративной республики осталось лишь небольшое союзное объединение Сербии и Черногории под названием Союзная Республика Югославия (СРЮ). Процесс политического и экономического распада Югославии оказался во многом военно-стратегически непредвиденным. Особую роль в данной связи сыграл процесс национальной розни. Национальный вопрос особенно жестко стоял в Хорватии и Боснии. Если на территории Хорватии к началу работы демократической администрации Билла Клинтона боевые действия между хорватами и сербами имели довольно вялотекущий характер, то в Боснии и Герцеговине война шла полным ходом. В данной ситуации уже на следующий день после своей первой инаугурации новый американский лидер издал свою директиву «О пересмотре политики США в отношении Бывшей Республики Югославии» (PRD – 1). В этом документе в частности говорилось, что «…администрация президента Билла Клинтона будет предпринимать все наиболее энергичные меры и согласованные действия с нашими европейскими союзниками, чтобы положить конец бойне в Боснии…Европа и мировое сообщество в целом должны оказать реальное давление, экономическое, политическое и военное на сербское руководство, чтобы оно прекратило свою жёсткую политику этнических чисток»[1].

Директива PRD – 1 была засекречена до настоящего времени, хотя она является одним из ключевых факторов для исследования проблематики югославского конфликта. Секретным было также положение о реализации «принципа коллективной ответственности» для сербской нации. Открытые призывы со стороны США в рамках юрисдикции ООН к войне с СРЮ. А также и с боснийскими сербами могли резко обострить отношения Соединённых Штатов с европейскими союзниками по НАТО и что ещё не менее важно навредить имиджу США «в глазах» России, считающей в тот период США – главным блюстителем МП (Международного права). Кроме того следует подчеркнуть, что очередное вторжение Соединённых Штатов в су-

1 PRD – 1 U.S. Policy Regarding the Situation in the Former Yugoslavia, January 22, 1993 // William J. Clinton Presidential Library and Museum // URL: https://www.clintonlibrary.gov/sites/default/files/documents/pdd-1.pdf (Дата обращения: 02.11.2025)

веренные дела другого государства, тем более на европейском континенте, могло отрицательно сказаться на международном «образе» Соединённых Штатов как единственного мирового гегемона – единственной «сверхдержавы», оставшейся на плаву после завершения «холодной войны». А также создания единственно возможного принципа Международных отношений (МО) формата «Pax Americano», о котором активно говорили республиканцы-консерваторы с начала 1980-х[2].

Обзорная часть директивы PRD – 1 подразумевала своей изначальной целью активизировать всю внешнеполитическую программу США на югославском направлении, которая в период работы предыдущей республиканской администрации не была до конца проработана. Президент-республиканец Джордж Буш-старший в 1992 году начал активную разработку своей внешнеполитической стратегии по подготовке и реализации всеобъемлющих пакетов экономических санкций против СРЮ, руководствуясь формальным обоснованием в виде недовольства политическими действиями С. Милошевича по наведению конституционного порядка на территории Югославии. Противостояние различных религиозно-этнических групп в Хорватии, Боснии и Герцеговине представляло, по мнению президента США, «…необычную и экстраординарную угрозу национальной безопасности, внешней политике и экономике Соединённых Штатов»[3]. Таким образом, основным недочётом внешнеполитического курса республиканской администрации Джорджа Буша-старшего по мнению демократов было дистанцирование от непосредственного силового решения югославского вопроса. Именно этот подход собирались принципиально изменить демократы. Для активных консультаций по югославскому вопросу и военной проблематике при Совете национальной безопасности (СНБ) Соединёнными Штатами был создан специальный комитет по Боснии. В полном соответствии с поставленными президентом США задачами в директиве PRD – 1 рабочая группа сенаторов этого Комитета уже непосредственно 6 февраля 1993 года обозначила следующие направления политико-стратегической деятельности. Во-первых, информирование прессы в нужном для администрации президента-демократа Билла Дж. Клинтона контексте. Во-вторых, корректировка экономической стратегии Вэнса-Оуэна. В-третьих, организация специальных контактных групп для дипломатической работы

2 President Reagan's first speech at the White House on January 21, 1981. // Reagan Presidential Library and Museum // URL: https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/inaugural-address-1985 (Дата обращения: 04.11.2025)

3 Letter to Congressional Leaders Reporting on Sanctions Against the Federal Republic of Yugoslavia (Serbia and Montenegro). December 23, 1992 // Public Papers of the Presidents of the United States. George Bush. 1992-1993. Book II. Washington (D.C.), 1993. P. 2213. // URL: https://georgeandbarbarabush.org/ (Дата обращения: 04.11.2025)

с европейскими союзниками по НАТО и Российской Федерацией. Также следует отметить, что не исключались и многочисленные военные варианты решения югославской проблемы. В данной сфере сенаторы Комитета по Боснии и Комитет разведки Сената США во главе с госсекретарём Джеймсом Бейкером выработали ряд специальных вопросов: «Разработать ряд Специальных директив, для посланников, трибунал по военным преступлениям, обеспечение по воздуху оружием, бомбардировки сербских военных позиций, отмена эмбарго на поставку оружия»[4]. Ввиду того, что вопросы, касающиеся возможных военных решений американской демократической администрации, не предназначались для всеобщего оглашения перед американской нацией, этот документ также был впоследствии засекречен.

Начиная с 1993 года политической элитой США ответственными за югославский военно-политический кризис, без каких-либо уточнений, были назначены сербы. Попытка Югославии возродить движение «неприсоединения» в противовес «демократическому пути», продвигаемому администрацией США, виделась американской политической элите, как постепенное возвращение к социализму. Именно этот момент политического и идеологического страха сенаторов США перед «коммунистической угрозой» стал привычным идеологическим конструктом для Соединённых Штатов, чтобы принять все необходимые меры к ликвидации сербского суверенитета. Именно поэтому СРЮ назначили виновницей всех югославских событий. А то, что население вновь провозглашённых сербских республик в составе Хорватии и Биг стремилось к независимости в расчёт администрацией Билла Дж. Клинтона не бралось.

Кроме того, стоит обратить внимание на тот важный факт, что непосредственно в первые дни пребывания на олимпе американской политической системы, администрацией Б. Клинтона, как, безусловно, возможное американское действие, декларировалось решение югославской проблемы военным путём. Поэтому одобрение и планирование демократической администрацией миссии Вэнса-Оуэна по мирному урегулированию боснийского кризиса носило фактически формально-публицистический характер. Однако стоит отметить, что ряд формальных предложений данной миссии не устраивало как Правительство США так и представителей всех сторон конфликта.

Администрация Б. Клинтона приняла решение возглавить процесс международных усилий по прекращению Боснийской войны, поскольку

4 Interim Guidance for Use Until Decision Are Announced. February 6, 1993. DC0004 DC Meeting on Former Yugoslavia, 1993 // Bosnia Principals Committee and Deputies Committee Meetings. Clinton Digital Library. // URL: https://www.clintonlibrary.gov/sites/default/files/documents/pdd-1.pdf (Дата обращения: 09.11.2025)

европейские усилия под эгидой СБСЕ были малоэффективными. В качестве силового воздействия на воюющие стороны в первую очередь рассматривалось применение боевой авиации. Причём Соединённые Штаты стремились поставить во главе этой операции блок НАТО. На специальном заседании Комитета по Боснии 13 марта 1993 года, в частности, было заявлено, что после необходимого соглашения, носящего обязательный характер о прекращении огня всеми тремя сторонами, авиация НАТО могла быть использована в виде «сдерживающего фактора» для любой из сторон конфликта: «Наша авиация может быть использована против любой из сторон конфликта, совершившей серьёзное нарушение в ходе урегулирования конфликта»[5] - декларировалось в итоговом документе для руководителей силового блока США. Однако непосредственная готовностью бомбить любую сторону потенциального конфликта оказалась далека от реальной прагматичной американской внешнеполитической стратегии. Правительство США вступило в военно-политическое противостояние с той политической системой, которая подрывала конструируемый Соединёнными Штатами однополярный мир. В фокусе внимания Армии США являлось актуальное противодействие не только боснийской республике Сербской, а главным образом свержение режима С. Милошевича, как противника становления однополярного мира. При этом поддержать две стороны конфликта из трёх тоже было малоэффективно. Соединённые Штаты сформулировали для себя ряд целей по примирению боснийцев-мусульман и хорватов. В этой связи 2 октября 1993 года в ходе очередной сессии Комитета по Боснии было поручено специальной рабочей группе СНБ «подготовить предложение по развитию мусульманско-хорватского сотрудничества и расширению базы переговоров»[6].

В этой связи 18 марта 1994 года в Вашингтоне было подписано мусульмано-хорватское соглашение, следствием которого стало образование Федерации Боснии и Герцеговины и окончание хорватско-боснийского вооружённого противостояния. Вместе с этим у нового государства прозападной политической ориентации появился потенциальный противник – Республика Сербская. В этом же году авиация НАТО совершила первые бомбардировки позиций Республики Сербской. А в 1995 году НАТО развязало большую авиационную войну против СРЮ, чтобы в конечном итоге вынудить сербов сесть за стол переговоров. На военной базе США в Дейтоне (штат Огайо) 21 ноября 1995 года было подписано мирное

5 Decisions of Principals Committee Meeting on Bosnia. March 13, 1993 // Declassified Documents concerning Bosnia. Clinton Digital Library. P. 9. // URL: https://clinton.presidentiallibraries.us/solr-search?q=Commitet+Bosnia (Дата обращения: 06.12.2025)

6 Summary of Conclusions for Meeting of NSC Principals Committee. October 2, 1993 // Ibid. P. 26.

соглашение, положившее конец Боснийской войне и обособившее территории двух республик, входящих в Биг: Федерации Боснии и Герцеговины и Республики Сербской. В результате разработки ряда проектов соглашений и решения Боснийского вопроса военно-силовым путём, был открыт своеобразный «ящик Пандоры» во взаимоотношениях с Россией. Кроме того, это способствовало укреплению военно-стратегических позиций Соединённых Штатов в Восточной Европе.

При этом Виртуальный центр знаний о Европе (CVCE) проводивший свои исследования при Люксембургском Университете охарактеризовал роль США в процессе урегулирования югославского конфликта в докладе с весьма ярким названием «Тщетные попытки европейского сообщества выступить посредником в Югославии»[7]. По оценкам экспертов данной научно-исследовательской организации: «именно вмешательство американцев в конечном итоге стало решающим; оказав помощь хорватской армии, они установили равновесие с сербскими ВС в Боснии, а их дипломатическое вмешательство привело к мирной конференции»[8].

Таким образом, реализовав успешный опыт силового решения боснийской проблемы, Соединённые Штаты решили повторить его в период военного конфликта в Косово (1998-1999 гг.). Однако, в период в Боснийского кризиса авиация союзников по НАТО действовала в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН № 836 от 1993 года[9]. В тоже время стоит отметить, что в 1999 году НАТО во главе с США, применяли боевую авиацию по территории бывшей Югославии без легитимации через институты ООН, справедливо предполагая, что Китай и Россия наверняка заблокируют подобную инициативу в рамках Совбеза ООН. В результате без серии предварительных консультаций в стенах ООН НАТО начало боевые операции против Югославии, официально назвав их «гуманитарной интервенцией». Формальный повод для совершения бомбовых ударов США и НАТО также был выбран самостоятельно – отказ правительства СРЮ подписать Рамбуйское соглашение, в соответствии с которым выдвигался ряд требований. В частности, предполагалось, что правительство СРЮ и представители албанского большинства в Косово официально пригласят войска НАТО на свою юридически признанную территорию, предоставят место для военных баз и обеспечат вооружённые силы стран НАТО всем необходимым по первому запросу.

7 The Vain Mediation Attempts of the European Community // The Yugoslav Conflict and European Community Diplomacy. P. 2/4. // URL: https://www.cvce.eu/content/publication/2003/5/15/cf4477b6-87a5-4efb-982d-fb694beac969/publishable_en.pdf (Дата обращения: 1012.2025)

8 Ibid. P. 3/4.

9 Резолюция 836 СБ ОНН (от 4 июля 1993 года) п. 10 // URL: https://digitallibrary.un.org/record/166973?v=pdf (Дата обращения: 12.12.2025)

Однако стоит подчеркнуть, что в процессе ведения боевых действий обе стороны конфликта допускали насильственные действия в отношении мирного населения бывшей Югославии. При этом сербы боролись за сохранение своего государственного образования, а косовские албанцы в свою очередь за независимость от Сербии. В данной связи Государственный секретарь Соединённых Штатов Мадлен Олбрайт в своей речи в Американском институте мира в феврале 1999 года справедливо отмечала следующие: «Нет никакой гарантии, что обретение албанцами независимости приведёт к миру в Косово, и есть все основания опасаться, что это может подорвать стабильность в других частях региона»[10].

И сербы, и албанцы нарушали временные перемирия. На данный момент указывали сотрудники Государственного департамента, в том числе М. Олбрайт: «К сожалению, ни сербы, ни косовские албанцы никогда полностью не выполняли своих обязательств. Сегодня регион вновь находится на грани массового насилия и человеческой трагедии огромных масштабов»[11]. Однако эти заявления о равной виновности сторон были недолгими и не имели особого политического влияния.

Ещё 26 сентября 1998 года, за шесть месяцев до подписания албанцами Соглашения в Рамбуйе, СНБ США на специальном секретном заседании Комитета по Косово пришёл к определённым выводам о необходимости «…сохранять импульс к возможным воздушным ударам НАТО. В наших условиях НАТО должно быть готово начать воздушные операции в любое время и в любом месте по нашему собственному выбору, если Милошевич не выполнит требования, уже установленные ООН, НАТО и Контактной группой»[12]. Согласиться на условия договора кабального характера в рамках Рамбуйского соглашения президент СРЮ С. Милошевич не мог по социально-политическим причинам. Получив официальный ожидаемый отказ, НАТО под руководством США 24 марта 1999 года начала бомбардировку военных и гражданских объектов Сербии. Бомбили до тех пор пока сербы не подчинись силе. При этом, в самый разгар бомбардировок Севе-

10 The Importance of Kosovo. Secretary Albright. Remarks at the U.S. Institute for Peace, Washington (D.C.). February 4, 1999 // U.S. Department of State Dispatch. January / February 1999. Vol. 10 № 1. P. 4. // URL: https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/march-24-1999-statement-kosovo (Дата обращения: 15.12.2025).

11 The Importance of Kosovo. Secretary Albright. Remarks at the U.S. Institute for Peace, Washington (D.C.). February 4, 1999 // U.S. Department of State Dispatch. January / February 1999. Vol. 10 № 1. P. 5. // URL: https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/march-24-1999-statement-kosovo (Дата обращения: 15.12.2025).

12 Summary of Conclusions of Deputies Committee Meeting on Kosovo. September 26, 1998 // Declassified Documents Concerning the National Security Council Clinton Digital Library. P. 319. // URL: https://www.clintonlibrary.gov/sites/default/files/documents/pdd-1.pdf (Дата обращения: 15.12.2025)

ро-Атлантического альянса (НАТО) Югославии, госсекретарь М. Олбрайт заявила от лица демократической администрации Билла Клинтона, что не только президент С. Милошевич, но и вся сербская нация несут коллективную ответственность за «…кошмарный цикл убийств и погромов, которые вызвали хаос в регионе и непосредственно угрожали интересам и ценностям США и НАТО в Восточной Европе»[13].

Американский взгляд на реформирование Восточной Европы

Пятого января 1993 года, то есть примерно за 15 дней до первой инаугурации Б. Клинтона, своими «прощальными мыслями» с вновь назначенным главой внешнеполитического ведомства У. Кристофером поделился в засекреченном меморандуме его предшественник Льюс Б. Иглбергер. Опытный политик и дипломат Иглбергер открыто охарактеризовал важнейшие для США внешнеполитические направления, включая югославское размежевание и отношения со странами Восточной Европы. «Независимо от того, решите ли вы управлять нашими программами помощи странам бывшего Советского Союза и Восточной Европы, - писал Иглбергер, - найдите какой-нибудь способ работать с ними отдельно. В противном случае программы помощи странам бывшего Советского Союза превзойдут помощь восточноевропейским государствам, что приведёт к катастрофическим результатом для последних»[14]. В сентябре 1989 года был разработан и принят план «Поддержки восточно-европейской демократии» (Support for East European Democracy – SEED), нашедший свою практическую реализацию в специальном пакете законопроектов «Public Law 101-179», предполагающих предоставление финансовой помощи Польше (в размере 240 млн. долларов) и Венгрии (в размере 60 млн. долларов) соответственно[15]. Правительства соответствующих стран должны были активно продвигаться по пути демократизации своих обществ под американским наблюдением и переходу к рыночной экономике. В последующие годы соответствующие пакеты финансово-экономической по-

13 A New NATO for a New Century. Secretary Albright. Remarks at the Brookings Institution, National Issues Forum: A New NATO for a New Century, Washington (D.C.), April 6, 1999 // U.S. Department of State Dispatch. January / February 1999. Vol. 10. № 3. P. 7 // URL: https://www.clintonlibrary.gov/sites/default/files/documents/pdd-1.pdf (Дата обращения: 15.12. 2025)

14 Memorandum for Secretary of State-Designate Warren Christopher from Lawrence S. Eagleburger, Parting Thoughts: U.S. Foreign Policy in the Years Ahead // Launching the Clinton Administration Russian Policy in 1993. National Security Archive // URL: https://nsarchive.gwu.edu/ (Дата обращения: 01.01.2026)

15 Congressional Records proceedings and debates of the 101th congress, second session. Vol. 138. Part 12. Washington (D.C.), P. 1298-1324 // URL: https://www.congress.gov/bound-congressional-record/1992/06/29/138/senate-section/article/16582-16664?q=%7B%22search%22%3A%22Public+Law+101-179%22%7D&s=2&r=19 (Дата обращения: 05.01.2026)

мощи оказывались большему числу стран бывшего социалистического блока. А также бывшим прибалтийским республикам СССР. Последний контракт кабального характера при республиканской администрации Джорджа Буша-старшего, был принят Конгрессом в январе 1993 года и равнялся сумме 400 млн. долларов. А также следует учитывать большой кредит, выданный бывшим союзным республикам Советского Союза (исключая непосредственно РСФСР), который составлял 417 млн. долларов[16]. В период работы демократической администрации Била Клинтона на 1994 финансовый год в бюджет Соединённых Штатов было законодательно заложена примерно такая же сумма на помощь государствам Восточной Европы и Балтии (390 млн. долларов)[17]. Новым публичным политическим образованиям из числа бывших республик Советского Союза по этому законопроекту предоставлялось примерно 603, 82 млн. долларов[18]. Рекомендации предыдущей американской администрации были учтены, разделение финансовых потоков было обусловлено желанием американской администрации удержать Россию «на пути демократизации». Одним из факторов политического удержания в орбите своего влияния стал для США политический кризис в РФ 1993 года. В данной ситуации Правительство Соединённых Штатов было вынуждено выделить администрации Б.Н. Ельцина дополнительно 675 млн. долларов[19] на «поддержку демократии в России» в ходе конфликта администрации президента РФ с большинством членов Верховного Совета РФ в октябре 1993 года.

Впервые посетив Чехию с дипломатическим визитом в качестве президента Соединённых Штатов, Билл Клинтон заявил в своём обращении от 11 января 1994 года в Праге, следующие: «…безопасность этой Республики и стран Центральной и Восточной Европы важна для безопасности самих Соединённых Штатов, Европы и Атлантического альянса, …и нам также следует помнить об экономическом аспекте безопасности. Ибо странам трудно проводить правильную политику и отражать демократические ценности, если они не могут также дать надежду на успех людям»[20].

16 Congressional Records proceedings and debates of the 101th congress, second session. Vol. 138. Part 12. Washington (D.C.), P. 1633 // URL: https://www.congress.gov/bound-congressional-record/1992/06/29/138/senate-section/article/16582-16664?q=%7B%22search%22%3A%22Public+Law+101-179%22%7D&s=2&r=19 (Дата обращения: 05.01.2026)

17 Ibid. P.931

18 Ibid. P.976

19 Ibid. P. 978

20 Remarks and an Exchange with Reporters Following Discussions with President Vaclav Havel of the Czech Republic in Prague. January 11, 1994 // FRUS. Public Papers of the Presidents of the United States: William J. Clinton (1994, Book I). Washington (D.C.), 1994. P. 37 // URL: https://nsarchive.gwu.edu/document/16383-document-11-president-s-meeting-czech (Дата обращения: 05.01.2026)

В дальнейшем, после встречи на следующий день с руководством стран Вышеградской группы, президент-демократ в ходе пресс-конференции подчеркнул: «Я распорядился, чтобы в наших программах уделялось больше внимания оказания помощи этому региону в смягчении последствий реформ для ваших работников и вашего общества»[21]. Для успешного решения политических задач по удержанию Восточной и Центральной Европы в своей сфере влияния администрация Б. Клинтона разработала и выпустила обзорную директиву по европейской проблематике. Директор ЦРУ Роберт Джеймс Вулси передал в процессе званого обеда в Белом доме записку президенту, о содержании которой стало известно только в июне 2010 года. Эта записка, получившая своё воплощение в специальной директиве PRD – 36, имела следующие содержание: «…война на Балканах и усилия по оказанию широкомасштабной помощи России отвлекли внимание нашей администрации от Центральной и Восточной Европы»[22]. В данном документе раскрывалась важность этого региона для внешнеполитической стратегии США. А также был поставлен вопрос: «…делает ли администрация всё возможное для укрепления экономических, социальных и политических преобразований в регионе»[23]. Стоит подчеркнуть, что в президентской директиве отмечалось, что «…из-за ограниченности ресурсов финансирование программ формата SEED, вероятно, останется на ежегодном уровне в размере 400 млн. долларов»[24]. В период второго президентского срока Билла Клинтона финансирование европейских программ выросло до значений 450-535 млн. долларов. Наибольшую сумму администрация выделяла в 2000 году[25].

Стоит отметить важность экономических и политических проблем в странах Центральной и Восточной Европы. В том числе медленный рост экономики (0,4 % в год), усталости от высокой безработицы (36 %). В данных трудностях переходного периода администрация президента-демократа Билла Дж. Клинтона имела возможность убедиться при следующих официальных визитах в государства Восточной Европы. В 1994 году новый американский лидер посетил Латвию (6 июля), Польшу (6-7 июля), Венгрию (5 декабря). Преследуя во всех своих дипломатических визитах, возможность укрепить американское политическое влияние в Восточной Европе. Используя «демократию» как благородный символ для поддерж-

21 Ibid. P. 40.

22 PRD – 36. U.S. Policy Toward Central and Eastern Europe, July 5, 1993 // Clinton Digital Library. // URL: https://www.clintonlibrary.gov/ (Дата обращения: 05.01.2026)

23 Ibid P. 46.

24 Ibid P. 48.

25 PRD – 36. U.S. Policy Toward Central and Eastern Europe, July 5, 1993 P. 51. // Clinton Digital Library. // URL: https://www.clintonlibrary.gov/ (Дата обращения: 05.01.2026)

ки однополярного мира, президент-демократ всюду подтверждал решимость США оказывать политическую и экономическую помощь демократическим правительствам (проамериканской модели). В частности стоит упомянуть, что, находясь в Польше, во время общения с журналистами президент Соединённых Штатов подчеркнул важный момент своей внешнеполитической стратегии: «…мы стремимся не просто обеспечить экономический рост восточноевропейских государств, но и распространить преимущества этой реформы на тех, кто всё ещё не имеет опыта работы и испытывает трудности, не только для того, чтобы облегчить им страдания от этого экономического перехода, но и для того, чтобы у них появились лучшие надежды на будущее»[26].

Следующие политические визиты Б. Клинтона в государства Восточной Европы состоялись уже в период его второго президентского срока, то есть в 1997 году и в 1999 году. В этом случае одной из центральных тем переговоров с руководителями восточноевропейских государств стало их членство в Североатлантическом блоке (НАТО). В этот период по инициативе Соединённых Штатов «в парадной» НАТО была выстроена очередь из стран, желающих вступить в данный военно-политический блок. В начале своего летнего мирового турне президент-демократ Билл Дж Клинтон в процессе долгого (3-х часового) разговора с журналистами, 3 июля 1997 года, высказал одобрение приёму в НАТО новых членов -Румынии, Польши. Согласно мнению президента США, «…страны, которые вступают в НАТО, уже пережили взлёты и падения в своей экономике, в своих политических системах,…прошли через все трудности, которые возникают при переходе от коммунизма к свободе. Румыны и Поляки проделали потрясающую работу…всё, что нам нужно сделать - это установить зрелые отношения со всеми этими странами и продолжать работать с ними, чтобы подготовить их к вступлению в НАТО»[27].

Расширение НАТО на Восток за счёт восточноевропейских государств в 1990-е годы

В целом для администрации Б. Клинтона самыми острыми вопросами восточноевропейской политики были югославские войны и активизация

26 Remarks Following Discussions with President Lech Walensa of Poland and an Exchange with Reporters in Warsaw. July 6, 1994 // Public Papers of the United States: William J. Clinton (1994, Book I). Washington (D.C.), 1994 P. 1206 // URL: https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2024-01-25/clinton-yeltsin-moscow-summit-january-1994 (Дата обращения: 08.01.2026)

27 Interview with European Television Journalists. July 3, 1997 // Public Papers of the Presidents of the United States: William J. Clinton (1997, Book II). Washington (D.C.), 1997 P. 909. // URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-european-television-journalists (Дата обращения: 08.01.2026)

деятельности НАТО. При этом решение о втягивании государств Североатлантического альянса в югославский вооружённый конфликт открыло перед Соединёнными Штатами ряд возможностей для реализации ряда политических задач. Во-первых, показать как главным своим союзникам, так и всему миру, что без участия Америки нельзя благополучно решить международные политические вопросы. Во-вторых, легитимировать и укрепить международные лидирующие позиции Соединённых Штатов в структуре НАТО. В-третьих, пролонгировать для государств-членов НАТО, взять на себя значительную часть расходов на проведение военных операций на территории бывшей республики Югославии. В-четвёртых, показать восточноевропейским государствам военно-стратегические и политические возможности НАТО с тем, чтобы привлечь их в последующем в качестве потенциальных членов Североатлантического военно-политического блока.

Заинтересованность бывших европейских социалистических стран во вступлении в НАТО стала рассматриваться сразу после проведения в политическую жизнь основных задач «бархатных революций» под влиянием США. Президент-демократ Билл Клинтон в процессе своей пресс-конференции заявил журналистам 17 июня 1993 года о том, что все восточноевропейские политические руководители уже считают своим «… приоритетным номером один является вступление в НАТО»[28]. В качестве особой программы подготовки государств, желающих присоединиться к военно-политическому блоку, Соединённые Штаты разработали программу «Партнёрство ради мира». В сущности это стало первым политико-идеологическим обоснованием расширения Североатлантического блока. Администрация Б. Клинтона обнулила обещание предыдущей администрации Джорджа Буша-старшего о том, что «…юрисдикция НАТО не будет расширена ни на дюйм на Восток в отношении вооружённых сил НАТО»[29]. При этом президенту Б.Н. Ельцину эта доктрина была представлена как лучшая альтернатива стратегии расширения НАТО. Однако выводы комитета Сената США по разведке были не настолько дипломатично учтивыми для Российской Федерации: «Официальные лица США заставили президента России Бориса Ельцина поверить, что система «Партнёрство во имя мира» была альтернативой расширению НАТО, а не его преддверием,

28 The President`s News Conference. June 17, 1993 // Public Papers of the Presidents of the United States: William J. Clinton (1993, Book I). Washington (D.C.), 1993. P. 868 // URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-1080 (Дата обращения: 09.01.2026)

29 Memorandum of Conversation Between Mikhail Gorbachev and James Baker in Moscow // NATO Expansion: What Gorbachev Heard. National Security Archive. P.26. // URL: https://nsarchive.gwu.edu/document/16116-document-05-memorandum-conversation-between (Дата обращения: 11.01.2026)

одновременно планируя расширение после переизбрания Ельцина в 1996 году и неоднократно заявляя россиянам, что будущая система европейской безопасности будет включать, а не исключать Россию»[30]. Подтверждением гипотезы о том, что американская дипломатическая группа сознательно дезинформировала российских дипломатов в ходе переговоров, может служить специальный, относительно недавно рассекреченный, протокол встречи в Москве министра иностранных дел РФ А.В. Козырева и госсекретаря США У. Кристофера. Госсекретарь пояснил: «…мы делаем основной упор на проект «Партнёрство во имя мира», который будет включать в себя подготовку и учения по вопросам безопасности, и что это партнёрство поможет выработать привычку к взаимодействию и кооперации. Оно, безусловно, будет открыто для всех, и в нём не будет заранее определённых новых членов»[31].

Однако намерение Соединенных Штатов расширять НАТО за счёт приёма в её состав государств бывшего европейского социалистического блока к концу 1994 года уже стало реальностью для всех, в том числе и для российской политической элиты. Американский журналист Кристиан Флойт писал в газете The New York Times 6 декабря 1994 года: «В ходе сегодняшнего саммита глав государств СБСЕ в Будапеште господин Ельцин обрушился с критикой на те страны, которые хотели исключить его из того процесса, который американцы называют «новой архитектурой безопасности» для Европы. Россия опасается, что группировка вооружённых сил НАТО на её западных границах может стать угрозой»[32].

Восточная Европа в американо-российских отношениях

На третий день после инаугурации Б. Клинтона состоялся его телефонный разговор с президентом РФ Б.Н. Ельциным. Запись данного разговора была в скором времени засекречена на 25 лет. Новые сведения стали нам доступны лишь в марте 2018 года, стало понятно, какой вопрос американская сторона хотела бы оставить без внимания. Принято считать, что лишь в июне 1999 года российская сторона выступила в защиту сербов при решении косовского вопроса. Однако из содержания теле-

30 Russian President Led to Believe Partnership for Peace was Alternative to Expanded NATO // NATO Expansion: What Yeltsin Heard. National Security Archive. // URL: https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2018-03-16/nato-expansion-what-yeltsin-heard (Дата обращения: 11.01.2026).

31 Secretary Christopher`s meeting with Foreign Minister Kozyrev: NATO, Elections, Regional Issues // NATO Expansion: What Yeltsin Heard. National Security Archive. // URL: https://nsarchive.gwu.edu/document/16379-document-07-secretary-christopher-s-meeting (Дата обращения: 16.01.2026)

32 *Sclolino E.* Yeltsin Says NATO is Trying to Split Continent Again // The New York Times. 1994. December 6, Sec. A. P. 1.

фонного разговора американского и российского президентов от 23 января 1993 года становится ясно, что президент Борис Николаевич Ельцин выступал за решение сербского вопроса с учётом национальных интересов сербов. На замечание Б. Клинтона: «…я знаю, что ситуация в Боснии создала у Вас дома некоторые трудности»[33]. Президент Российской Федерации Борис Николаевич Ельцин дипломатично, но настойчиво ответил: «Я хочу, чтобы мы сотрудничали по Югославии, но надеюсь, что наша модель сотрудничества будет ближе к вашей более мягкой линии, подчёркивающей не только конфронтацию вооружённых сил, но и политическое урегулирование через ООН и её Совет Безопасности, чтобы найти взаимоприемлемое решение проблемы»[34].

В период своего президентства первый президент России Б.Н. Ельцин делал попытки добиться достойного места для России на внешнеполитической арене, что не соответствовало американскому видению европейской внешнеполитической стратегии. Как свидетельствует ряд служебных записок американского правительства и в частности заместителя госсекретаря США С. Тэлботта от 12 января 1994 года Администрация Б. Клинтона была категорически не согласна с новой гипотечиской политической инициативой российского министра иностранных дел А.В. Козырева «Партнёрство для объединённой Европы». Струбт Тэлботт в своих записях писал, что «… своим планом Козырев пытается ослабить главенство НАТО (к которому Россия не принадлежит), создать новую руководящую структуру, включающую 52 государства – члена СБСЕ … и тем самым подчеркнуть моральное и социально-политическое равенство сторон: СНГ и НАТО»[35]. При этом Тэлботт в довольно свободной манере дал оценку такой позиции российского внешнеполитического корпуса: «Козырев…предпочёл бы, чтобы Россия была архитектором и проектировщиком, наряду с США, совершенно нового порядка европейской безопасности. У них не укладывается в голове, что НАТО, похоже, готова диктовать условия нового порядка, и у России нет иного выбора, кроме как принять запоздалое приглашение за стол переговоров, которое Вашингтон готовил уже 45 лет»[36].

В данной записке Тэлботта речь по всей вероятности идёт о пригла-

33 Memorandum of Telephone Conversation Telecom with President Boris Yeltsin of Russia on January 23, 1993 // Clinton Digital Library. // URL: https://nsarchive.gwu.edu/document/30726-document-02-memorandum-telephone-conversation-telcon-president-boris-yeltsin-russia (Дата обращения: 19.01.2025)

34 Ibid. P. 2

35 Memorandum for Antony Lake from Stobe Talbott Subject: Kozyrev`s «European Security Plan», January 12, 1994 // The Clinton-Yeltsin Moscow Summit, January 1994. National Security Archive. // URL: https://nsarchive.gwu.edu/document/30915-document-3-memorandum-anthony-lake-strobe-talbott-subject-kozyrevs-european-security (Дата обращения: 01.02.2026)

36 Ibid P. 4

шении РФ к сотрудничеству с НАТО исключительно в рамках программы «Партнёрство ради мира». В том же пакете американских документов, связанных с визитом президента-демократа Билла Клинтона в Россию в январе 1994 года приводится заявление президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина по поводу НАТО. Первый президент «Новой России» довольно в серьёзной манере высказывался на тему совместных усилий Соединённых Штатов и Российской Федерации в обеспечении международной безопасности и конкретизировал эти рассуждения следующим образом: «…мы, безусловно, согласны с Вами по поводу роли НАТО. Россия должна стать первой страной вступившей в НАТО. Затем могут присоединиться другие страны Центральной и Восточной Европы. Должен быть создан своего рода картель из США, России и европейцев, который помогал бы обеспечить и улучшить мировую безопасность»[37].

По специальной оценки сотрудников Архива Национальной Безопасности США, подготовивших к публикации этот рассекреченный документ, в своём ответе президенту РФ Б.Н. Ельцину американский лидер весьма осторожен: «Он упоминает чувство величия России, но не затрагивает идею совместной работы или членства России в НАТО»[38].

Таким образом, прослеживается принципиальное различие между Россией и Соединёнными Штатами в стратегических подходах к обеспечению европейской безопасности, так и в основах формирования подходов к американо-российской модели взаимоотношений. Со своих позиций Борис Николаевич Ельцин старался сделать Россию равным партнёром для выстраивания стратегически доверительного диалога между РФ и США. Однако Соединённые Штаты со своих позиций стремились целенаправленно сделать новое государство в лице Российской Федерации. Однако это шло в разрез со стратегией Соединённых Штатов. Демократическая администрация Билла Дж. Клинтона осторожно, но целеустремлённо пыталась сделать из России «младшего друга-партнёра» по образцу других европейских государств.

Кроме того, на стратегические взаимоотношения РФ и США в особой степени влияла агрессивная политика Вашингтона в Восточной Европе в отношении югославского вопроса в целом так односторонний взгляд,

37 Cable from U.S. Embassy Moscow to State Department, «President`s Dinner with President Yeltsin, [January, 13], Novo-Ogarevo, January 14, 1994 // The Clinton-Yeltsin Moscow Summit, January 1994. National Security Archive // URL: https://nsarchive.gwu.edu/ (Дата обращения: 15.02.2026)

38 Cable from U.S. Embassy Moscow to State Department, «President`s Dinner with President Yeltsin, [January, 13], Novo-Ogarevo, January 14, 1994 // The Clinton-Yeltsin Moscow Summit, January 1994. National Security Archive // URL: https://nsarchive.gwu.edu/ (Дата обращения: 15.02.2026)

на югославскую проблему включающий ряд больших военно-стратегических санкций для «агрессивных сербов». Кризисная ситуация представляющая собой поэтапное включение в состав НАТО бывших стран европейского социалистического блока, режиссированная со стороны США привела к обострению американо-российских отношений. В данной политически «тупиковой» ситуации настоящим апогеем российской реакции на данные процессы стал захват российскими подразделениями ВДВ 12 июня 1999 года приштинского аэропорта в Слатина в Косово. Эта демонстрация Россией своих политических интересов на международной арене и своих прав на учёт этих интересов имела ответную реакцию американской стороны. Сенатор-демократ от штата Аризона Джон Маккейн в ходе сессии верхней палаты Конгресса США, в частности сделал следующие заявление: «Провокационный и вызывающий беспокойство захват аэропорта в Приштине 200-ми десантниками, несомненно, осложнил нашу миротворческую миссию в Косово. Что ещё более важно, это с какой ещё более важной проблемой мы столкнёмся, когда стремимся построить отношения с бывшей сверхдержавой-противником. Предстоящая встреча G-7 в Германии, целью которой было рассмотрение условий по оказанию помощи разрушенной российской экономике, теперь должна завершиться чётким и недвусмысленным заявлением, что такой помощи не будет, пока российские лидеры либо терпят, либо не в состоянии остановить попытки своих сил подорвать наши усилия в Косово»[39].

Однако русский спецназ оказался в Приштине первым и выполнил основную политическую задачу – заставить американских (и в целом западных политиков вести равный диалог с Россией). При этом продемократическое издание «The New York Times» в лице американского журналиста Джеймса Р. Фитчера в тот день писало что: «…основным осложняющим фактором является общее нежелание европейских правительств публично заявить о неопределённости в своей политике в отношении России. Тем временем крупные и авторитетные СМИ и официальные лица в Лондоне, Париже и других европейских столицах быстро согласились с предложениями о том, что бездействие НАТО в отношении Приштины вызвано особой озабоченностью США по поводу действий России»[40].

Таким образом, два президентских срока Билла Клинтона совпали по времени с периодом становления новой России. За эти годы отношения

39 Challenge of the Balkans (Senate – June 15, 1999) // Congressional Record. Proceedings and debates of the 106th congress, first session Vol. 145. № 84. P. 7019. // URL: https://www.congress.gov/congressional-record/volume-145/issue-84/daily-digest (Дата обращения: 01.03.2026)

40 Fitchett R. James Airport Was Lost in Command Confusion: Faulty Allied Teamwork Helped Russian Dash // The New York Times. June, 19 1999. Saturday. Issue 9, page 2 column 1-4. // URL: https://www.nytimes.com/ (Дата обращения: 01.03.2026)

двух государств претерпели, как стратегические взлеты, так и падения. Реализовавшиеся в этот период реформы в странах Восточной Европы, несомненно оказывали влияние и на Россию на её взаимодействие с Соединёнными Штатами. А следовательно один из центральных вопросов того периода международных отношений – югославские войны привёл к определённому дипломатическому диалогу между РФ и США, а приём в этом же году в НАТО новых членов – Польши, Венгрии, Чехии стал – началом новых стратегических и внешнеполитических проблем для Российской Федерации на десятилетия вперёд.

Политическое сотрудничество Соединёнными Штатами к рубежу тысячелетий привело в свою очередь Российскую Федерацию к той же социально-политической развилке, на которой Советский Союз уже стоял в 1991 году. Россия вновь оказалась перед выбором идти ли строго в фарватере политического курса США или выработать свою собственную стратегию политического движения? И куда нужно идти в целом? В свою очередь восточноевропейские страны-союзники СССР, бывшие государства социалистического лагеря к этому времени уже уверенно шли по проамериканскому политико-стратегическому пути, став новыми сателлитами США. Демократической администрации Б. Клинтона удалось почти в полном объёме решить задачу присоединения бывших европейских социалистических государств к западному «демократическому» сообществу, в котором к началу XXI столетия Соединённые Штаты были авторитетным и бесспорным лидером.

Библиографический список / Reference

1. PRD – 1 U.S. Policy Regarding the Situation in the Former Yugoslavia, January 22, 1993 // William J. Clinton Presidential Library and Museum // URL: https://www.clintonlibrary.gov/sites/default/files/documents/pdd-1.pdf (Дата обращения: 02.11.2025)
2. President Reagan's first speech at the White House on January 21, 1981. // Reagan Presidential Library and Museum // URL: https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/inaugural-address-1985 (Дата обращения: 04.11.2025)
3. Letter to Congressional Leaders Reporting on Sanctions Against the Federal Republic of Yugoslavia (Serbia and Montenegro). December 23, 1992 // Public Papers of the Presidents of the United States. George Bush. 1992-1993. Book II. Washington (D.C.), 1993. P. 2213. // URL: https://georgeandbarbarabush.org/ (Дата обращения: 04.11.2025)
4. Interim Guidance for Use Until Decision Are Announced. February 6, 1993. DC0004 DC Meeting on Former Yugoslavia, 1993 // Bosnia Principals Committee and Deputies Committee Meetings. Clinton Digital Library. // URL: https://www.clintonlibrary.gov/sites/default/files/documents/pdd-1.pdf (Дата обращения: 09.11.2025)
5. Decisions of Principals Committee Meeting on Bosnia. March 13, 1993 // Declassified Documents concerning Bosnia. Clinton Digital Library. P. 9. // URL: https://clinton.presidentiallibraries.us/solr-search?q=Commitet+Bosnia (Дата обращения: 06.12.2025)
6. Summary of Conclusions for Meeting of NSC Principals Committee. October 2, 1993
7. The Vain Mediation Attempts of the European Community // The Yugoslav Conflict and European Community Diplomacy. P. 2/8. // URL: https://www.cvce.eu/content/publication/2003/5/15/cf4477b6-87a5-4efb-982d-fb694beac969/publishable_en.pdf (Дата обращения: 1012.2025)
8. Резолюция 836 СБ ОНН (от 4 июля 1993 года) п. 10 // URL: https://digitallibrary.un.org/record/166973?v=pdf (Дата обращения: 12.12.2025)
9. The Importance of Kosovo. Secretary Albright. Remarks at the U.S. Institute for Peace, Washington (D.C.).

February 4, 1999 // U.S. Department of State Dispatch. January / February 1999. Vol. 10 № 1. P. 4. // URL: https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/march-24-1999-statement-kosovo (Дата обращения: 15.12.2025).
10. The Importance of Kosovo. Secretary Albright. Remarks at the U.S. Institute for Peace, Washington (D.C.). February 4, 1999 // U.S. Department of State Dispatch. January / February 1999. Vol. 10 № 1. P. 5. // URL: https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/march-24-1999-statement-kosovo (Дата обращения: 15.12.2025).
11. Summary of Conclusions of Deputies Committee Meeting on Kosovo. September 26, 1998 // Declassified Documents Concerning the National Security Council Clinton Digital Library. P. 319. // URL: https://www.clintonlibrary.gov/sites/default/files/documents/pdd-1.pdf (Дата обращения: 15.12.2025)
12. A New NATO for a New Century. Secretary Albright. Remarks at the Brookings Institution, National Issues Forum: A New NATO for a New Century, Washington (D.C.), April 6, 1999 // U.S. Department of State Dispatch. January / February 1999. Vol. 10. № 3. P. 7 // URL: https://www.clintonlibrary.gov/sites/default/files/documents/pdd-1.pdf (Дата обращения: 15.12. 2025)
13. Congressional Records proceedings and debates of the 101th congress, second session. Vol. 138. Part 12. Washington (D.C.), P. 1298-1324 // URL: https://www.congress.gov/bound-congressional-record/1992/06/29/138/senate-section/article/16582-16664?q=%7B%22search%22%3A%22Public+Law+101-179%22%7D&s=2&r=19 (Дата обращения: 05.01.2026)
14. Congressional Records proceedings and debates of the 101th congress, second session. Vol. 138. Part 12. Washington (D.C.), P. 1633 // URL: https://www.congress.gov/bound-congressional-record/1992/06/29/138/senate-section/article/16582-16664?q=%7B%22search%22%3A%22Public+Law+101-179%22%7D&s=2&r=19 (дата
15. Memorandum for Secretary of State-Designate Warren Christopher from Lawrence S. Eagleburger, Parting Thoughts: U.S. Foreign Policy in the Years Ahead // Launching the Clinton Administration Russian Policy in 1993. National Security Archive // URL: https://nsarchive.gwu.edu/ (Дата обращения: 01.01.2026)
16. The President`s News Conference. June 17, 1993 // Public Papers of the Presidents of the United States: William J. Clinton (1993, Book I). Washington (D.C.), 1993. P. 868 // URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-1080 (Дата обращения: 09.01.2026)
17. Secretary Christopher`s meeting with Foreign Minister Kozyrev: NATO, Elections, Regional Issues // NATO Expansion: What Yeltsin Heard. National Security Archive. // URL: https://nsarchive.gwu.edu/document/16379-document-07-secretary-christopher-s-meeting (Дата обращения: 16.01.2026)
18. Memorandum of Telephone Conversation Telecom with President Boris Yeltsin of Russia on January 23, 1993 // Clinton Digital Library. // URL: https://nsarchive.gwu.edu/document/30726-document-02-memorandum-telephone-conversation-telcon-president-boris-yeltsin-russia (Дата обращения: 19.01.2025)
19. Challenge of the Balkans (Senate – June 15, 1999) // Congressional Record. Proceedings and debates of the 106th congress, first session Vol. 145. № 84. P. 7019. // URL: https://www.congress.gov/congressional-record/volume-145/issue-84/daily-digest (Дата обращения: 01.03.2026)
20. Fitchett R. James Airport Was Lost in Command Confusion: Faulty Allied Teamwork Helped Russian Dash // The New York Times. June, 19 1999. Saturday. Issue 9, page 2 column 1-4. // URL: https://www.nytimes.com/ (Дата обращения: 01.03.2026)

Храмова Ю.В.

Аспирант 3-ого курса Института международных отношений и мировой истории ННГУ (Нижегородский государственный университет) имени Н.И. Лобачевского.

Официальные визиты и саммиты лидеров Японии и КНР как индикатор нормализации двусторонних отношений (2014-2019)*

Аннотация. Статья посвящена анализу официальных визитов и саммитов между руководством Японии и Китайской Народной Республики в период с 2012 по 2019 гг. как индикатора процесса нормализации двусторонних отношений после резкого ухудшения в начале 2010-х гг. Проблема исследования заключается в отсутствии системного анализа контактов на высшем уровне как самостоятельного показателя стабилизационных усилий сторон, несмотря на их широкое упоминание в политических и аналитических работах. Цель статьи состоит в выявлении динамики форматов и тематического наполнения встреч между премьер-министром Японии Синдзо Абэ и высшими руководителями Китая председателем Си Цзиньпином и премьером Государственного совета Ли Кэцяном. В работе анализируются официальные визиты и встречи на полях международных форумов, а также то, каким образом в ходе саммитов затрагивались вопросы истории, безопасности и экономики. В результате показано, что встречи в рассматриваемый период носили асимметричный и ограниченный характер и отражали не полноценную нормализацию, а попытки минимальной стабилизации отношений. Научная новизна статьи заключается в трактовке визитов и саммитов как индикатора нормализации, а не как вторичного элемента дипломатического взаимодействия.

Ключевые слова: Япония, КНР, Сенкаку, Дяоюйдао, исторический вопрос, экономическое сотрудничество.

Khramova Yu.V.

3rd-year graduate student at the Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (NIU).

Official visits and summit meetings between the leaders of Japan and the people's republic of China as an indicator of the normalization of bilateral relations (2014–2019)

* © Храмова Ю.В., 2026.

Abstract. This article examines official visits and summit meetings between the leaders of Japan and the People's Republic of China from 2014 to 2019 as an indicator of the normalization process following the sharp deterioration of bilateral relations in the early 2010s. The research problem lies in the lack of systematic analysis of high-level contacts as an independent measure of stabilization, despite their frequent mention in studies on East Asian diplomacy. The aim of the article is to assess the dynamics of the formats and thematic content of meetings between Japanese Prime Minister Shinzo Abe and the Chinese leadership, represented by President Xi Jinping and Premier Li Keqiang. The study focuses on official visits and summit meetings held on the margins of international forums, with particular attention to references to historical issues, security concerns, and economic cooperation. The findings demonstrate that summit diplomacy during this period reflected a limited and asymmetrical form of stabilization rather than full normalization. The novelty of the article lies in treating leader-level visits and summits as an indicator of normalization efforts, rather than as a secondary or purely symbolic element of diplomatic interaction.

Key words: Japan, People's Republic of China, Senkaku Islands, Diaoyu Islands, historical issues, economic cooperation.

Введение

Си Цзиньпин был избран генеральным секретарем ЦК Коммунистической партии Китая 15 ноября 2012 г. Примерно в то же время, 26 декабря 2012 г., в Японии Синдзо Абэ вновь стал премьер-министром и сформировал свое второе правительство, которое сохранялось до сентября 2020 г. Таким образом, почти на протяжении восьми лет и в Японии, и в Китае сохранялась относительная кадровая стабильность на высшем уровне, что стало редким случаем в истории двусторонних японо-китайских отношений, особенно на фоне частой смены премьер-министров в Японии в постбиполярный период. Устойчивость обоих лидеров у власти создала уникальные условия для развития отношений между Японией и Китаем.

Резкое ухудшение японо-китайских отношений после национализации Японией островов Сенкаку в 2012 г. поставило вопрос о способах их последующей стабилизации в условиях сохраняющихся противоречий. Актуальность статьи обусловлена сохраняющейся нестабильностью японо-китайских отношений и отсутствием устойчивых механизмов их нормализации на фоне противоречий в сфере безопасности, истории и экономического сотрудничества. В существующих исследованиях динамика нормализации, как правило, анализируется через призму отдельных политических решений, экономического взаимодействия или изменений в стратегическом балансе, тогда как системный анализ контактов на высшем уровне как самостоятельного индикатора нормализации остается частичным. Научная новизна данной работы заключается в том, что официальные визиты и встречи на полях международных форумов между руководителями Японии и КНР в 2014-2019 гг. рассматриваются не как вторичный дипломати-

ческий фон, а как показатель попыток восстановления двусторонних отношений, с акцентом на частоту, формат и тематическое наполнение встреч.

В этот период на начальном этапе наиболее отчетливо проявилась напряженность по трем направлениям: безопасность, история и экономика.

Национализация Японией спорных островов в 2012 г. обострила уже существовавший территориальный конфликт. Ряд инцидентов в 2013 г. в Восточно-Китайском море показал, что присутствуют риски непреднамеренной эскалации. Япония утверждала, что китайские корабли вблизи островов Сенкаку совершали провокационные сближения с морскими силами самообороны, а один из эпизодов включал применение РЛС управления огнем, что, по японской трактовке, выходит за рамки наблюдения и направлено против японских морских и воздушных целей в районе спорной акватории [1]. Китайская сторона эти обвинения отвергла. Кризис дополнился объявлением Китаем в ноябре 2013 г. зоны опознавания ПВО, охватывающей и спорные острова, что Япония восприняла как шаг, создающий риск эскалации [2].

Также дестабилизирующее воздействие продолжал оказывать «исторический вопрос». Посещение премьер-министром С Абэ храма Ясукуни в декабре 2013 г. вызвало резкую реакцию Пекина в виде дипломатических заявлений и протестов [3]. В 2014 г. КНР закрепила ряд общенациональных памятных дат, связанных с войной с Японией, включая 3 сентября (День победы в Войне сопротивления), 13 декабря (день памяти жертв Нанкинской резни), а также 30 сентября (День памяти павших героев) [4]. История стала не только предметом двустороннего конфликта, но и фактором, влияющим на треугольник Япония-США-Китай. Вашингтон впервые публично выразил «разочарование» действиями японского лидера, что осложняло для Токио двусторонние отношения с союзником.

В контексте экономической повестки внимание уделяется тому, каким образом в ходе указанных встреч обсуждались вопросы экономического сотрудничества, включая отношение Японии к инфраструктурным и региональным инициативам, продвигаемым Китаем. На первоначальном этапе Япония не формулировала публичной позиции по инициативе «Пояс - путь» как целостному проекту, однако в отношении китайской инфраструктурной повестки в целом Токио занял осторожную линию. В 2014-2015 гг. в официальных заявлениях японской стороны подчеркивалась необходимость обеспечения прозрачности, надлежащего управления, экономической целесообразности и долговой устойчивости инфраструктурных проектов, прежде всего в контексте обсуждения участия в Азиатском банке инфраструктурных инвестиций [5]. Параллельно в 2015 г. была институционализирована концепция «качественной инфраструктуры», закрепившая данные требования как базовые ориентиры японской внешнеэкономической политики.

Чтобы оценить динамику попыток стабилизации после ухудшения начала 2010-х гг., целесообразно анализировать контакты лидеров Японии и КНР и частоту и формат саммитов в период с марта 2013 г. по декабрь 2019 г., а также то, каким образом вопросы истории, безопасности и экономики упоминались во время встреч. В выборку входят два типа встреч: официальные визиты и встречи на полях международных форумов. Со стороны Японии рассматриваются визиты и встречи премьер-министра Синдзо Абэ, со стороны КНР - председателя Си Цзиньпин и премьера Госсовета Ли Кэцян.

Началом устойчивого диалога на высшем уровне в рассматриваемый период можно считать первую двустороннюю встречу С. Абэ и Си Цзиньпина в ноябре 2014 г. С 2015 г. контакты приобретают регулярный характер: ежегодно фиксируются не менее двух встреч на высшем уровне. В 2016-2017 гг. складывается стабильный формат: две встречи С. Абэ и Си Цзиньпина и одна встреча с Ли Кэцяном в год преимущественно на полях многосторонних форумов. Переход к фазе активной нормализации происходит в 2018 г., когда фиксируется наибольшее число двусторонних контактов, включая взаимные официальные визиты. В 2019 г. интенсивность контактов сохраняется, также реализуются взаимные визиты, приуроченные к крупным международным мероприятиям.

Анализ официальных визитов и саммитов

В ноябре 2014 г. премьер-министр Японии Синдзо Абэ посетил Пекин для участия в саммите АТЭС, в рамках которого состоялся первый личный диалог лидеров Японии и Китая после смены высшего руководства в обеих странах. Заявления МИД КНР и Японии по итогам встречи показали, что возобновление контакта на высшем уровне сопровождалось не сближением позиций, а озвучиванием напряженных вопросов двусторонних отношений.

Исторические вопросы являются ключевым фактором в китайской позиции. Заявления Пекина подчеркивают, что без надлежащего отношения к истории невозможно подлинное восстановление доверия: «вопрос истории затрагивает чувства более 1,3 млрд китайцев… Япония лишь при соблюдении своих обещаний, в том числе «Заявлении Мураяма», сможет развивать по-настоящему дружественные, ориентированные на будущее отношения со своими соседями» [6]. Тем самым Пекин намекает на то, что официальная позиция Японии по историческим вопросам остается недостаточной. Также в китайском заявлении говорится, что «правительство Японии будет и впредь придерживаться достигнутых предыдущими правительствами договоренностей по историческим вопросам». В японском заявлении такая ремарка отсутствует.

Экономическая повестка этой встречи выражена сдержанно. Пекин минимизировал внимание к экономическим выгодам или другим поло-

жительным инициативам, сфокусировав официальное сообщение на политико-дипломатических аспектах. Это позволяет предположить нежелание китайской стороны в публичной риторике преувеличивать степень потепления, не акцентируя любые конкретные проекты сотрудничества в официальном заявлении. Япония, напротив, подчеркивает интерес к возобновлению диалога и расширению сотрудничества в качестве «второй и третьей по величине экономикам мира» [7].

Тем не менее, Пекин подчеркивает значимость «Соглашения из четырех пунктов», заключенного накануне встречи, на которой стороны договорились улучшать китайско-японские отношения в соответствии с духом этого соглашения. Считается, что подписание этого документа является триумфов китайской стороны, так как Японию «вынудили открыто признать существование разных позиций» по территориальному вопросу островов Сенкаку / Дяоюйдао [8]. В этом соглашении Китай фактически адресует Японии три условия «улучшения» отношений: (1) ясная позиция Японии по истории, (2) конструктивная оценка китайского подъема и (3) подтверждение того, что Токио продолжит путь «мирного государства», что явно служит отсылкой к проводившимся администрацией Абэ изменениям в сфере безопасности. Японское изложение встречи показывает, что Абэ выстроил свои тезисы как ответ на второе и третье требования, исключив упоминание вопроса истории: 2) он охарактеризовал «мирное развитие Китая благоприятной возможностью для международного сообщества и Японии» 3) отдельно подчеркнул, что «Япония продолжит следовать по пути миролюбивой нации».

В японском официальном заявлении акцент сделан на восстановлении доверия через взаимодействие в различных областях. С. Абэ даже упомянул свое посещение китайского балета в Токио и важность культурного обмена. Китайское заявление, наоборот, носит более сдержанный тон. Китайские СМИ даже указали, что встреча состоялась «по просьбе японской стороны» [9]. Таким образом, уже формулировка подчеркивает инициативу Японии, а не равновесие сторон.

В совокупности, ноябрьская встреча 2014 г. не разрешила ни одной фундаментальной проблемы, но стала индикатором того, что обе стороны готовы искать механизмы временного снижения напряженности без решения глубинных противоречий. После этой встречи возобновились рабочие контакты министерств, прошли консультации по линии правящих партий и бизнес-ассоциаций, увеличился поток делегаций местных властей. В то же время Китай не снял претензий по реформе японского законодательства в сфере безопасности, а Япония продолжила подготовку к дальнейшему укреплению оборонной политики.

Встреча в Ханчжоу в рамках саммита G20 в сентябре 2016 г. показывает, что к этому моменту вопросы безопасности занимали центральное место

японской повестки. В японском заявлении подробно отражены вопросы Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, а также угроза со стороны Северной Кореи [10].

Абэ напрямую связывает стабильность двусторонних отношений со стабильностью в Восточно-Китайском море, называя «особую активность» китайских государственных судов «крайне прискорбной» и требуя отказаться от одностороннего повышения напряженности. В японском заявлении указано что стороны договорились возобновить прерванные переговоры о реализации соглашения 2008 г. по совместной разработке ресурсов в Восточно-Китайском море, а также ускорить запуск двустороннего механизма коммуникации между военными и морскими силами. Пекин же в своем официальном сообщении не упомянул о таких договоренностях. КНР говорит о «ключевой фазе» отношений, где «отсутствие прогресса равносильно регрессу» [11]. В тексте присутствуют императивные формулировки: «должны придерживаться…», «надо предотвратить…», что создает впечатление наставления или требования.

Используемая обеими сторонами лексика по вопросам безопасности («Восточно-Китайское море», «кризисный менеджмент» и «механизмы связи») указывает на обсуждение рисков инцидентов в том числе вокруг районов включающих спорные острова Сенкаку / Дяоюйдао, причем японский текст использует более жесткие оценочные формулировки.

Тема Южно-Китайского моря в итоговом заявлении КНР преподнесена не как совместно обсуждаемая проблема, а как предостережение Японии от каких-либо непродуманных высказываний и действий по этому вопросу, «чтобы не сорвать процесс улучшения китайско-японских отношений». Этот момент подчеркивает, что Китай считает участие Японии в обсуждении ситуации вокруг ЮКМ нежелательным и влияющим на динамику двусторонних отношений.

Об экономическом сотрудничестве Китай говорит в общих формулировках: «повысить уровень практического сотрудничества», «продвигать взаимную выгоду», «углублять межрегиональные обмены», тогда как Япония предлагает пять конкретных направлений сотрудничества (энергетика, вопросы старения населения, финансы, туризм, предотвращение катастроф) и упоминает необходимость отмены китайских ограничений на импорт японских продуктов питания, продвижение экспорта японского риса и визит крупной бизнес-делегации (около 230 человек) как «отличной возможности» для восстановления деловых контактов.

Историческая проблематика в 2016 г. заметно «обезличена» по сравнению со встречей 2014 г. Китайское заявление вновь привязывает двусторонние отношения к «четырем политическим документам» и к достигнутому в конце 2014 г. соглашению из четырех пунктов, подчеркивая необходимость

«правильно обращаться с историческими вопросами» и «не допускать появления новых проблем» для «сокращения препятствий». Но уже отсутствуют упоминание «чувств 1,3 млрд китайцев» и конкретных документов, например, «заявления Мураямы». Японское коммюнике не включает тему истории и вновь подтверждает приверженность соглашению из четырех пунктов 2014 г., отмечая необходимость «увеличивать плюсы и уменьшать минусы» в отношениях.

В целом на саммите в Ханчжоу 2016 г. Токио и Пекин расставили разные приоритеты. Вопросы безопасности, такие как ситуация в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, явно преобладали в японской повестке. Экономика играла вспомогательную роль, создавая положительный фон в контексте сложных политических разногласий. Исторические темы практически не обсуждались и не становились предметом открытых споров.

В совокупности выявленные различия в риторике и содержании отражают более широкий контекст двусторонних отношений середины 2010-х гг. В 2016 г. отношения Японии и Китая оставались сдержанными под воздействием совокупности факторов, включая сохранявшиеся исторические разногласия (оценки Второй мировой войны и символику памяти), территориальные разногласия вокруг Сенкаку / Дяоюйдао и активизацию региональной политики КНР. Япония, стремясь к восстановлению экономических связей и политического диалога, тем не менее не могла игнорировать вопросы безопасности и продолжала настаивать на международных нормах. Китай же был заинтересован в стабильности отношений, в том числе с учетом проведения саммита G20 в Ханчжоу.

В 2018 г. попытки стабилизации приобрели практический вид. 8-11 мая 2018 г. премьер Госсовета КНР Ли Кэцян совершил официальный визит в Японию впервые за восемь лет после визита Вэнь Цзябао в 2010 г. Риторика итоговых заявлений показывает улучшение двусторонних отношений после периода напряженности. Японская сторона говорит о «новом старте» и желании вывести отношения на новый уровень [12], китайская - о возвращении отношений в «нормальное русло» и намерении обеспечить их устойчивое развитие [13].

Содержательно это важно тем, что стороны закрепили улучшение двусторонних отношений не общими заявлениями, а пакетами конкретных договоренностей. По итогам визита были подписаны 2 межправительственных соглашения и 8 меморандумов о сотрудничестве. Среди них выделяются меморандум в области безопасности и меморандум в сфере экономического сотрудничества.

Подписание «Меморандума о морском и воздушном механизме взаимодействия», идея которого впервые была озвучена еще в 2008 г., предусматривает создание процедур предотвращения инцидентов в Восточно-Ки-

тайском море. По сути, это заявление институционализирует управление конфликтом вокруг Сенкаку / Дяоюйдао. Оно не решает территориальный спор и не ограничивает китайскую активность, но закрепляет правила поведения и каналы связи. Подписание этого меморандума показывает, что политическое руководство стремится урегулировать вопросы безопасности, чтобы улучшение японо-китайских отношений не было сорвано случайным инцидентом на море или в воздухе. Также стоит отметить, что Китай встроил эту тему в высказывания Абэ, то есть преподнес, что идея прозвучала с японской стороны, в то время как у японцев это подается как совместная инициатива.

Заключение «Меморандума по поводу японо-китайского экономического сотрудничества в третьих странах» направлено на выработку политических мер, способствующих выходу японских и китайских компаний на рынки стран третьего мира совместными усилиями. С китайской стороны это интерпретируется как шаг к участию Японии в реализации проектов, связанных с инициативой «Пояс - путь», тогда как Токио подчеркивает ограниченный и условный характер такого сотрудничества [14]. В японском тексте явно говорится о поддержке международных стандартов (прозрачность, открытость, эффективность) при сотрудничестве в рамках китайских проектов. Однако китайцы не упоминают озвученные японцами условия о прозрачности. Тем не менее, заметно большее стремление Китая к экономическому сотрудничеству, особенно в сравнении с риторикой 2014 и 2016 гг. КНР отмечает вклад Японии в свое развитие и заявляет о готовности вместе защищать свободную торговлю. Такое стремление к налаживанию экономического сотрудничества с Японией можно интерпретировать как реакцию Пекина на разворачивающуюся торговую войну между США и КНР.

В заявлении МИД КНР тема истории появляется прежде всего как часть аргументации вокруг 40-летия Договора о мире и дружбе и так называемого «политического фундамента» отношений, а не как тема открытой конфронтации между лидерами. МИД КНР говорит о необходимости «чтить уроки истории» и призывает Японию «продемонстрировать это конкретными действиями». В этом же контексте КНР напоминает о необходимости придерживаться принципа «одного Китая», а Токио в ответ, по китайской версии, подтверждает, что сохраняет лишь негосударственные контакты с Тайванем в рамках Совместного коммюнике 1972 г. Таким образом, тайваньская тема в 2018 г. присутствует явно, в отличие от встреч 2014 и 2016 гг., где она остается на уровне намеков.

Японское заявление очень подробно останавливается на теме гуманитарных и культурных связей. Приводятся цифры по туризму, взаимная помощь при стихийных бедствиях, даже символический жест с ибисами. Ки-

тайское же заявление упоминает культурно-гуманитарные обмены лишь общей фразой без деталей. Это показывает стремление Токио подчеркнуть активизацию гуманитарных и культурных обменов, что важно для формирования положительного мнения о КНР у японской аудитории, тогда как для Пекина этот вопрос является второстепенным по сравнению с политикой и экономикой.

Таким образом, тематика двух заявлений совпадает по крупным направлениям, но Китай опускает некоторые темы, важные для Японии (например, вопросы безопасности), в то время как Япония не упоминает отдельные чувствительные для Китая моменты (Тайвань), хотя китайская сторона утверждает, что эти вопросы поднимались и японский лидер выразил по ним позицию. Это свидетельствует о различии в приоритетах и в том, что каждая сторона считает нужным донести до общественности.

Первый за семь лет официальный визит Синдзо Абэ в Пекин в октябре 2018 г. стал логическим развитием курса на стабилизацию японо-китайских отношений, обозначенного в ходе визита Ли Кэцяна в Японию в мае 2018 г. На фоне уже начавшейся торговой войны между США и КНР в официальных заявлениях по итогам майской встречи было заметно смещение акцента с конфликтных сюжетов на защиту свободной торговли, стабильности торговых правил и расширение экономического сотрудничества. Октябрьский визит Абэ развил и закрепил эту линию через подписание 52 меморандумов о сотрудничестве на рынках третьих стран, запуск диалогов по инновациям и интеллектуальной собственности, а также обозначил символически значимое завершение программы Официальной помощи развитию с переходом к партнерской модели взаимодействия [15].

Преемственность прослеживается и в обращении с чувствительными политическими вопросами. В октябре 2018 г. темы истории и Тайваня были зафиксированы в китайской риторике как элементы «политического фундамента» двусторонних отношений и увязаны с Договором о мире и дружбе 1978 г. [16]. Вместе с тем на предыдущем этапе, в мае 2018 г., тайваньский вопрос выносился китайской стороной в отдельный пункт и напрямую связывался с требованием строгого соблюдения Японией принципа одного Китая. Изменение формы упоминания Тайваня нельзя объяснить снижением внешнего давления со стороны США. К октябрю 2018 г. конфронтация США-КНР не ослабла. Скорее изменились приоритеты публичной подачи двусторонней повестки. В ходе официального визита Абэ Пекин стремился закрепить «нормализацию» и вывести на первый план экономическое сотрудничество, поэтому чувствительные темы были оставлены в более общей рамке.

Схожая логика проявилась и в сфере безопасности. Уже в мае 2018 г. Китай в публичных заявлениях избегал прямого упоминания Восточно-

Китайского моря, ограничиваясь общими формулами доверия, тогда как японская сторона осторожно продвигала тему практических механизмов предотвращения инцидентов. В октябре эта модель была воспроизведена практически без изменений, что указывает на закрепившееся распределение ролей в публичной риторике сторон.

Таким образом, встреча Абэ и Си в октябре 2018 г. не открыла новый курс в японо-китайских отношениях, а зафиксировала достигнутый в мае того же года компромисс направленный на снижение уровня публичной конфронтации, институционализацию экономического взаимодействия и сознательное выведение спорных вопросов за рамки официальной риторики.

Визит С. Абэ в КНР для участия в саммите КНР-Япония-РК в декабре 2019 г. и его встречи с Си и Ли показывают характерный для периода 2018-2019 гг. процесс нормализации японо-китайских отношений в первую очередь через экономическое сотрудничество, тогда как формулировки по вопросам истории и безопасности остаются дипломатически сдержанными, направленными на снижение публичной конфликтности, но не устраняющими структурные расхождения.

В официальном отчете МИД Японии по итогам встречи Абэ-Си подчеркивается, что «не может быть подлинного улучшения… без стабильности в Восточно-Китайском море» [17]. Аналогично на первой официальной встрече с Абэ в 2014 г. Си связывал улучшение отношений со следованием Японией курсу на «мирное развитие» [6]. Абэ настойчиво призвал КНР к «позитивным шагам» в вопросе Восточно-Китайского моря, включая острова Сенкаку, причем спорный объект прямо назван в японском документе, что демонстрирует готовность Токио фиксировать предмет разногласий публично, а не ограничиваться нейтральной формулой про стабильность в Восточно-Китайском море.

Си Цзиньпин в публичном сообщении избегает прямого названия спорных островов или Восточно-Китайского моря. Но указывает на необходимость «наращивать взаимное доверие в сфере безопасности и более активно выстраивать конструктивные отношения в области безопасности» [18].

Экономическая тематика стала точкой максимального согласия сторон, но с некоторыми нюансами. На встрече Абэ-Ли оба политика фиксируют необходимость как можно скорее заключить Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) и ускорить переговоры по трехстороннему соглашению о свободной торговле Япония–КНР–РК. При этом китайская сторона акцентирует возможности расширения взаимовыгодного сотрудничества (в том числе в сфере услуг, инноваций и на рынках третьих стран), тогда как японская сторона указывает, что поддержит сотрудничество в третьих странах лишь при соблюдении международных стандартов

ссылаясь на «Принципы G20 по качественной инфраструктуре», одобренные на саммите в Осаке [19]. В свою очередь, конкретные проблемы, поднятые японцами (например, китайские ограничения на импорт японских продуктов питания (введенных после аварии на Фукусиме), или вопросы интеллектуальной собственности), китайцы в публичном изложении опускают, концентрируясь на возможностях сотрудничества. Наконец, японская сторона отдельно отмечает объявленное 19 декабря 2019 г. решение КНР о возобновлении импорта японской говядины как позитивный сигнал в развитии двусторонних отношений.

Устойчивой чертой китайских официальных сообщений 2016-2019 гг. является отсутствие в публичных формулировках конкретизации спорных исторических сюжетов при сохранении отсылок к «четырем политическим документам» и установке «помнить уроки истории и ориентироваться на будущее» [20].

Заключение

Анализ динамики контактов Синдзо Абэ и Си Цзиньпина позволяет условно выделить три этапа эволюции двусторонних отношений. В 2012-2014 гг. преобладала фаза жесткой конфронтации и фактической «заморозки» политического диалога на высшем уровне, обусловленная обострением территориального спора вокруг Сенкаку / Дяоюйдао и усилением взаимной негативной риторики на фоне посещения японскими премьер-министрами храма Ясукуни. Период 2014-2016 гг. можно охарактеризовать как управляемую разрядку: стороны вернулись к контактам лидеров, согласовали базовые принципы «управления разногласиями» и постепенно отказались от наиболее острых формулировок, хотя фундаментальное недоверие сохранялось. Наконец, в 2017-2019 гг. отношения вступили в фазу нормализации при сохраняющейся политической напряженности. Токио и Пекин расширили экономическое сотрудничество, запустили механизмы предотвращения инцидентов на море и начали совместные проекты в «третьих странах», но при этом не разрешили ни территориальные, ни историко-политические противоречия.

Такая эволюция японо-китайских отношений в указанный период обусловлена изменением как внешних, так и внутренних факторов. Во-первых, усиление американо-китайской конфронтации и рост неопределенности в политике США (от «поворота в Азию» до курса администрации Д. Трампа) подталкивали Токио и Пекин к нормализации отношений как способу страховки от внешних кризисов. Во-вторых, внутренняя политика кабинета Абэ направленная на консолидацию власти и продвижение оборонных реформ создавала у Японии ресурс одновременно отстаивать вопросы безопасности и искать политическую «перезагрузку» с КНР для укрепления

своих региональных позиций. В-третьих, высокая экономическая взаимозависимость и интересы деловых кругов обеих стран, а также конкретные политические задачи (подготовка государственного визита Си в Японию, необходимость успеха саммитов и трехсторонних форматов) стимулировали лидеров к расширению экономической повестки при формальном сохранении прежних спорных вопросов.

Библиографический список:

1. Протокол пресс-конференции министра иностранных дел (основные тезисы) (февраль 2013 года) // URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/kaiken/gaisho/g_1302.html (Дата обращения: 06.01.2026).
2. О заявлении Министерства обороны Китая относительно «зоны опознавания ПВО в Восточно-Китайском море» (заявление министра иностранных дел) // URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/page4_000293.html (Дата обращения: 06.01.2026).
3. The Statement by Foreign Ministry Spokesperson Qin Gang on Japanese Prime Minister Shinzo Abe's Visit to the Yasukuni Shrine // Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. December 26, 2013. // URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/fyrbt/fyrbt/202405/t20240530_11349252.html (Дата обращения: 13.01.2026).
4. Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying's Remarks on the Commemorative Activities to be Held by the Chinese Government Celebrating the Victory of the War Against Japanese Aggression // Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. August 15, 2014. // URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/fyrbt/fyrbt/202405/t20240530_11349327.html (Дата обращения: 13.01.2026).
5. Сэкине Эйити. Цели создания Азиатского банка инфраструктурных инвестиций китайским правительством и дальнейшие перспективы / Эйити Секине // Ежеквартальный журнал исследований китайского рынка капитала. 2015. Vol. 8. № 4. 168 с.
6. Си Цзиньпин встретился с премьер-министром Японии Абэ Синдзо // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики // URL: https://www.mfa.gov.cn/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/2014zt_675101/fzshyjxghd_675199/zxxx_675201/201411/t20141110_7954600.shtml (Дата обращения: 27.11.2025).
7. Японо-китайская встреча на высшем уровне // Министерство иностранных дел. 10 ноября 2014 года. // URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page3_000999.html (Дата обращения: 27.11.2025).
8. Understanding China and Japan's Four Point Consensus: A Breakthrough or Political Expediency? // Stimson. November 13, 2014. // URL: https://www.stimson.org/2014/understanding-china-and-japans-four-point-consensus-a-breakthrough-or-political-expediency/ (Дата обращения: 12.12.2025).
9. Xi calls on Japan for trust building // China Daily. November 10, 2014. // URL: https://www.chinadaily.com.cn/world/2014-11/10/content_18894048.htm (Дата обращения: 27.11.2025).
10. Встреча на высшем уровне между Японией и Китаем // Министерство иностранных дел. 5 сентября 2016 г. // URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page1_000246.html (Дата обращения: 28.11.2025).
11. Xi Jinping Meets with Prime Minister Shinzo Abe of Japan // Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. September 05, 2016. // URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/jj/2016zt/XJPCXBZCESGJTLDRDSYCFHJCXYGHD/202406/t20240606_11380931.html (Дата обращения: 28.11.2025).
12. Визит в Японию Ли Кэцяна, премьер-министра Государственного совета КНР; японо-китайская встреча на высшем уровне и торжественный ужин // Министерство иностранных дел. 9 мая 2018 г. // URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page1_000526.html (Дата обращения: 30.11.2025).
13. Li Keqiang Holds Talks with Prime Minister Shinzo Abe of Japan Stressing to Strive to Achieve Long-term, Healthy and Stable Development of China-Japan Relations // Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. May 10, 2018. // URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/gjhdq_665435/2675_665437/2721_663446/2724_663452/202406/t20240607_11409691.html (Дата обращения: 30.11.2025).
14. Masafumi L. Japan's Reluctant Embrace of BRI? / L. Masafumi // SWP Working Paper. 2018. Session Nr. 3. P. 5-6.
15. Визит премьер-министра Абэ в Китай (обзор)] // Министерство иностранных дел. 26 октября 2018 г. // URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page4_004452.html (Дата обращения: 08.01.2026).
16. Xi meets Japanese Prime Minister, urging effort to cherish positive momentum in ties // Xinhua. October 26, 2018. // URL: https://www.xinhuanet.com/english/2018-10/26/c_137561102.htm (Дата обращения: 08.01.2026).
17. Японо-китайская встреча на высшем уровне (переговоры) и официальный ужин с председателем КНР Си Цзиньпином // Министерство иностранных дел // 23 декабря 1962 г. // URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page3_003013.html (Дата обращения: 30.12.2025).
18. Xi Jinping Meets with Prime Minister Shinzo Abe of Japan // Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. December 23, 2019. // URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xw/zyxw/202405/t20240530_11328727.html (Дата обращения: 30.12.2025).
19. Японо-китайская встреча на высшем уровне и рабочий обед (премьер Госсовета КНР Ли Кэцян) //

Министерство иностранных дел. 25 декабря 1923 года. // URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page6_000469.html (Дата обращения: 30.12.2025).
20. Li Keqiang Holds Talks with Prime Minister Shinzo Abe of Japan // Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. December 25, 2019. // URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zy/jj/2019zt/dbczrhldrhy/202406/t20240606_11379341.html (Дата обращения: 30.12.2025).

Reference

1. Minutes of the Foreign Minister's Press Conference (Key Points) (February 2013) // URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/kaiken/gaisho/g_1302.html (06.01.2026).
2. On the Statement of the Chinese Ministry of Defense Regarding the «Air Defense Identification Zone in the East China Sea» (Statement by the Foreign Minister) // URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/page4_000293.html (06.01.2026).
3. The Statement by Foreign Ministry Spokesperson Qin Gang on Japanese Prime Minister Shinzo Abe's Visit to the Yasukuni Shrine // Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. December 26, 2013. // URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/fyrbt/fyrbt/202405/t20240530_11349252.html (01/13/2026).
4. Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying's Remarks on the Commemorative Activities to be Held by the Chinese Government Celebrating the Victory of the War Against Japanese Aggression // Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. August 15, 2014. // URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/fyrbt/fyrbt/202405/t20240530_11349327.html (01/13/2026).
5. Sekine Eiichi. The Objectives of the Establishment of the Asian Infrastructure Investment Bank by the Chinese Government and Future Prospects / Eiichi Sekine // Quarterly Journal of China Capital Market Research. 2015. Vol. 8. № 4. 168 p.
6. Xi Jinping Meets with Japanese Prime Minister Abe Shinzo // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China // URL: https://www.mfa.gov.cn/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/2014zt_675101/fzshyjxghd_675199/zxxx_675201/201411/t20141110_7954600.shtml (27.11.2025).
7. Japan-China Summit Meeting // Ministry of Foreign Affairs. November 10, 2014. // URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page3_000999.html (November 27, 2025).
8. Understanding China and Japan's Four Point Consensus: A Breakthrough or Political Expediency? // Stimson. November 13, 2014. // URL: https://www.stimson.org/2014/understanding-china-and-japans-four-point-consensus-a-breakthrough-or-political-expediency/ (December 12, 2025).
9. Xi calls on Japan for trust building // China Daily. November 10, 2014. // URL: https://www.chinadaily.com.cn/world/2014-11/10/content_18894048.htm (November 27, 2025).
10. Japan-China Summit Meeting // Ministry of Foreign Affairs. September 5, 2016 // URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page1_000246.html (November 28, 2025).
11. Xi Jinping Meets with Prime Minister Shinzo Abe of Japan // Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. September 5, 2016. // URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/jj/2016zt/XJPCXBZCESGJTLDRDSYCFHJCXYGHD/202406/t20240606_11380931.html (28.11.2025).
12. Visit to Japan of Li Keqiang, Premier of the State Council of the People's Republic of China; Japan-China Summit Meeting and Gala Dinner // Ministry of Foreign Affairs. May 9, 2018 // URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page1_000526.html (30.11.2025).
13. Li Keqiang Holds Talks with Prime Minister Shinzo Abe of Japan Stressing to Strive to Achieve Long-term, Healthy and Stable Development of China-Japan Relations // Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. May 10, 2018. // URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/gjhdq_665435/2675_665437/2721_663446/2724_663452/202406/t20240607_11409691.html (30.11.2025).
14. Masafumi L. Japan's Reluctant Embrace of BRI? / L. Masafumi // SWP Working Paper. 2018. Session Nr. 3. P. 5-6.
15. «Prime Minister Abe's Visit to China (Overview)» // Ministry of Foreign Affairs. October 26, 2018 // URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page4_004452.html (January 8, 2026).
16. «Xi Meets Japanese Prime Minister, Urging Effort to Cherish Positive Momentum in Ties» // Xinhua. October 26, 2018. // URL: https://www.xinhuanet.com/english/2018-10/26/c_137561102.htm (January 8, 2026).
17. Japan-China Summit Meeting (Negotiations) and Official Dinner with PRC Chairman Xi Jinping // Ministry of Foreign Affairs // December 23, 1962 // URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page3_003013.html (December 30, 2025).
18. Xi Jinping Meets with Prime Minister Shinzo Abe of Japan // Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. December 23, 2019. // URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xw/zyxw/202405/t20240530_11328727.html (December 30, 2025).
19. "Japan-China Summit Meeting and Working Lunch (Premier of the State Council of the People's Republic of China Li Keqiang)" // Ministry of Foreign Affairs. December 25, 1923. // URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page6_000469.html (December 30, 2025).
20. Li Keqiang Holds Talks with Prime Minister Shinzo Abe of Japan // Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. December 25, 2019. // URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zy/jj/2019zt/dbczrhldrhy/202406/t20240606_11379341.html (December 30, 2025).

Хугали Мохамед Хассан Абдин
Аспирант 3-ого курса. ***Казанский Федеральный Университет (КФУ), г. Казань.***

Плотина GERD как фактор региональной безопасности: последствия для Судана и дилемма кооперации на Голубом Ниле*

Аннотация. Статья посвящена анализу кризиса вокруг Плотины Великого Эфиопского Возрождения (Grand Ethiopian Renaissance Dam, GERD) и его последствий для Судана. Показано, что Судан, находясь непосредственно ниже по течению Голубого Нила, одновременно может извлечь выгоды из регулирования стока и энергетической кооперации, но несет повышенные риски из-за операционной неопределенности режимов наполнения и эксплуатации GERD, недостаточной институционализации обмена гидрологическими данными и каскадной зависимости суданских гидроузлов. Обосновано, что ключевой переменной снижения рисков выступают не столько абстрактные договоренности о «принципах», сколько стабильные процедуры раннего предупреждения, обмена данными и координации на период экстремальных осадков и засух. Отдельное внимание уделено влиянию внутренней политической нестабильности Судана после 2019 г. на его переговорную и административную способность управлять трансграничными водными рисками. Предложены сценарные оценки и рекомендации для суданской стороны в логике «минимального технического пакета» сотрудничества и укрепления национальных институтов мониторинга.

Ключевые слова: GERD, плотина Возрождение, Судан, Эфиопия, Египет, Голубой Нил, водная безопасность, гидрополитика, международное водное право.

Khugali Mohamed Hassan Abdin
Third-year postgraduate student. Kazan Federal University (KFU), Kazan.

The GERD dam as a regional security factor: implications for Sudan and the dilemma of cooperation on the Blue Nile

Abstract. This article analyzes the crisis surrounding the Grand Ethiopian Renaissance Dam (GERD) and its implications for Sudan in 2011–2023. It shows that Sudan, as the nearest downstream state on the Blue Nile, faces a dual outcome: potential gains from

* © Хугали Мохамед Хассан Абдин, 2026.

more regulated flows and prospects for energy cooperation, alongside heightened risks driven by operational uncertainty during reservoir filling and dam operation, limited institutionalization of hydrological data exchange, and cascading vulnerabilities for Sudan's downstream water infrastructure. The study argues that Sudan's core concern is not only long-term water allocation but, critically, short-term predictability of releases, early-warning procedures, and coordination mechanisms that determine the safe operation of key assets such as the Roseires and Sennar dams and related irrigation systems. The article also highlights how Sudan's domestic political instability after 2019 reduced state capacity for sustained technical negotiations and risk governance, thereby increasing the likelihood that external water uncertainty translates into domestic socioeconomic stress. Drawing on hydropolitics and institutional analysis, informed by principles of international watercourses law and relevant scholarship, the paper outlines cooperative, competitive, and crisis scenarios and proposes policy recommendations centered on a "minimum technical package" of cooperation: regular data sharing, operator-to-operator communication, and agreed operational procedures for droughts and extreme hydrometeorological events.

Key words: Grand Ethiopian Renaissance Dam (GERD), Renaissance Dam, Sudan, Ethiopia, Egypt, Blue Nile, water security, hydropolitics, international water law.

Кризис вокруг GERD является одним из наиболее значимых и одновременно сложных по структуре конфликтов в сфере трансграничных водных ресурсов в современной Африке. Его специфика определяется тем, что на сравнительно ограниченном пространстве пересекаются как минимум четыре логики: национальное развитие и энергетическая модернизация Эфиопии; экзистенциальная чувствительность Египта к любому изменению режима Нила; прагматический интерес Судана к снижению паводковых рисков и росту управляемости водоподачи, а также региональная конкуренция и институциональная слабость, характерные для пространства Восточной Африки в рассматриваемый период. В совокупности это делает GERD кейсом, где инфраструктурный объект становится триггером переопределения норм взаимодействия, изменяет переговорные позиции государств и усиливает значимость процедурного, «технического» измерения международной политики.

Для Судана данный кризис отличается от египетского восприятия. Если Египет традиционно фокусируется на стратегической доступности воды как на факторе национального выживания и устойчивости аграрной и городской системы, то Судан в большей степени уязвим к оперативным, краткосрочным параметрам режима стока. Судан расположен непосредственно ниже по течению Голубого Нила, поэтому любые изменения в режиме сбросов и наполнения на верхнем объекте быстро отражаются на суданских плотинах, водозаборах и ирригационных каналах. Это означает, что для Судана ключевой проблемой становится не только общий «объем воды», но и предсказуемость расхода, своевременность уведомле-

ния о изменениях и наличие устойчивого канала обмена данными между операторами систем управления водными ресурсами. Именно поэтому в суданской позиции в разные периоды доминировали требования процедурной координации и юридически значимых гарантий обмена информацией, тогда как политические декларации без механизмов исполнения воспринимались как недостаточные.

Выявление ключевых последствий кризиса GERD для Судана и в определении институциональных условий, при которых потенциальные выгоды проекта могут быть реализованы при приемлемом уровне рисков. На практике это означает анализ переговорной динамики и узлов разногласий, оценку возможных выгод для суданской водохозяйственной системы и экономики, а также систематизацию угроз для критической инфраструктуры и внешнеполитического положения Судана. В качестве практического результата формулируются рекомендации, ориентированные на достижимый «минимальный технический пакет» сотрудничества и на укрепление внутреннего административного потенциала Судана в сфере мониторинга, прогнозирования и межведомственной координации.

Нормы международного водного права применяются как аналитическая рамка для понимания легитимации позиций сторон и для оценки процедурных требований. Принципы «справедливого и разумного использования» и «обязанности предотвращать значительный ущерб», закрепленные в документах ООН и в практике водной дипломатии, в данном кейсе выступают не просто юридическими формулами, а политическими ресурсами. Каждая сторона стремится интерпретировать их в свою пользу, связывая с темпами наполнения, режимом засухи и статусом обязательств. Важное место занимают процедурные нормы, такие как уведомление, обмен данными и консультации, поскольку именно они переводят взаимодействие из сферы политических заявлений в сферу управляемого риска (UN Watercourses Convention, 1997; Salman, 2016).

Дополнительно используется подход к критической инфраструктуре и каскадным рискам. Для Судана плотины Roseires и Sennar, водозаборные узлы и ирригационные системы являются критической инфраструктурой, чувствительной к нештатным режимам и к дефициту информации. В этой логике безопасность определяется не только инженерной прочностью сооружений, но и управленческой надежностью: наличием данных, алгоритмов реагирования, межведомственных протоколов и процедур координации между странами.

Методологически статья опирается на сравнительно-исторический анализ переговорной динамики в 2011–2023 гг., на контент-анализ публичных документов и заявлений, а также на интерпретацию академической литературы, которая моделирует риски GERD и анализирует условия кооперации

на Восточном Ниле (Whittington, Waterbury, Jeuland, 2014; Wheeler et al., 2020). Используются также справочные и статистические источники по водным ресурсам и ирригации Судана (FAO AQUASTAT), а также материалы международных организаций, отражающие социально-экономический контекст и институциональную уязвимость Судана в годы политических кризисов (World Bank; OCHA; International Crisis Group).

Ограничения исследования связаны с тем, что часть технических параметров эксплуатации GERD и межведомственных протоколов может быть непубличной, а также с тем, что политизация темы влияет на качество и полноту публичной информации. В этих условиях основной акцент сделан на институционально наблюдаемых переменных: регулярность обмена данными, наличие или отсутствие процедур, структура переговорных форматов и повторяющиеся узлы разногласий, а также на выводах научных работ, которые оценивают возможные эффекты при разных режимах эксплуатации.

Переговорная динамика и узлы разногласий в 2011–2023 гг. Для понимания последствий для Судана важно выделить не столько хронологию событий как таковую, сколько устойчивую логику переговорных циклов. Начало проекта в 2011 г. сопровождается быстрым формированием конфликта интерпретаций. Эфиопия подчеркивает энергетическую и модернизационную природу проекта, рассматривая его как инструмент сокращения энергетического дефицита и основу для будущего экспорта электроэнергии. Египет воспринимает проект через призму национальной водной безопасности и исторических режимов распределения, акцентируя риск дефицита в засушливые периоды и необходимость юридически обязывающих гарантий. Судан занимает более гибкую позицию, которую можно охарактеризовать как прагматическую: он признает потенциальные преимущества регулирования стока и энергетической кооперации, но настаивает на предсказуемости режима эксплуатации и обмене данными, поскольку именно это напрямую связано с безопасностью суданских гидроузлов и водозаборов.

Подписание Декларации принципов 2015 г. стало важной вехой, поскольку закрепило рамку сотрудничества и признание принципа предотвращения значительного ущерба, а также общую установку на координацию. Однако рамочный характер документа, отсутствие конкретного алгоритма действий в засуху, а также разногласия по юридической обязательности будущих правил ограничили его эффективность. На практике это проявилось в том, что стороны могли согласовывать принципы, но сталкивались с трудностями при попытке превратить их в процедурные регламенты, особенно в вопросах темпов наполнения и режима засухи.

С переходом к более практическим стадиям наполнения водохранилища в 2020–2021 гг. кризис становится более чувствительным для Судана. Именно в этот период возрастает цена ошибок координации: несогласо-

ванные изменения расхода способны влиять на эксплуатацию суданских плотин и ирригационных систем. Африканский союз закрепился как основная переговорная площадка, что отражало тенденцию к регионализации посредничества, но устойчивого процедурного результата достичь не удалось. Для Судана это означало сохранение состояния операционной неопределенности, когда потенциальные выгоды от регулирования стока остаются условными, а риски требуют либо внешней институционализации обмена данными, либо внутренней дорогой адаптации.

На этапе 2022–2023 гг. водная повестка накладывается на внутреннюю нестабильность Судана. Политическая фрагментация, кризис управления и последующий вооруженный конфликт снижают способность государства вести непрерывный технический переговорный трек и одновременно модернизировать внутренние системы мониторинга и управления водными рисками. В результате возрастает вероятность того, что даже относительно умеренные внешние неопределенности по режиму стока могут трансформироваться в значимые социально-экономические последствия, включая сбои водоснабжения, проблемы ирригации и рост уязвимости аграрного сектора.

Если перейти от периодизации к содержательным узлам разногласий, можно выделить несколько взаимосвязанных блоков. Первый блок связан с темпами наполнения и распределением рисков. В политическом дискурсе этот вопрос часто трактуется как спор о том, насколько быстро Эфиопия может заполнить водохранилище, не нанося ущерб нижним странам. Для Судана важность этого узла определяется тем, что темпы наполнения и режимы сбросов влияют на динамику расхода Голубого Нила и на способность суданских операторов заранее планировать режимы работы плотин и водозаборов. Второй блок связан с правилами на период многолетней засухи. Именно здесь конфликт интересов становится наиболее жестким, поскольку ресурса меньше, а цена ошибки выше. Третий блок связан с обменом гидрологическими данными и ранним предупреждением. Для Судана это центральный узел: даже при отсутствии всеобъемлющего юридически обязывающего соглашения, устойчивый обмен данными способен существенно снизить риск нештатных режимов и инфраструктурного ущерба. Четвертый блок связан с правовым статусом договоренностей и механизмом разрешения споров. От степени обязательности зависит устойчивость процедур: чем слабее обязательность, тем выше риск, что координация будет прекращена или ограничена в периоды политической напряженности.

Потенциальные выгоды Судана от GERD связаны прежде всего с регулированием стока и с возможной энергетической кооперацией. Регулирование стока теоретически может снизить экстремальность паводков, уменьшить ущерб от наводнений и повысить предсказуемость сезонного

режима водоподачи. Для Судана это особенно важно в связи с исторически высокой уязвимостью ряда регионов к паводковым событиям и ограниченными возможностями реагирования. Более предсказуемый режим водоподачи способен улучшить планирование ирригации и сельскохозяйственного производства, что в условиях высокой роли аграрного сектора в экономике и занятости имеет прямое социально-экономическое значение.

Однако все перечисленные выгоды не являются автоматическими. Их реализация зависит от режима эксплуатации GERD и от качества координации и обмена данными. Важно подчеркнуть ключевую для Судана особенность: регулирование стока без данных может не снижать риск, а изменять его структуру, превращая традиционные сезонные колебания в менее предсказуемые управленческие решения. С точки зрения операторов суданских гидроузлов это означает, что отсутствие своевременного уведомления о сбросах способно создавать нештатные режимы, требующие экстренных реакций и повышающие риск инфраструктурного ущерба. Следовательно, выгода регулирования стока появляется только при наличии процедурного сопровождения: прогнозируемых регламентов, раннего предупреждения, согласованных пороговых параметров и прямых каналов связи.

Второй блок потенциальных выгод связан с энергетикой. GERD является гидроэнергетическим проектом, и Эфиопия рассматривает экспорт электроэнергии как направление региональной интеграции. Для Судана это может означать расширение доступа к электроэнергии и снижение энергетических дефицитов. Кроме того, в теории энергетическая взаимозависимость способна выступать фактором деэскалации: при наличии устойчивых коммерческих связей повышается цена конфликта. Тем не менее взаимозависимость является двусмысленным инструментом: в условиях доверия она стабилизирует, а в условиях политизации может превратиться в рычаг давления. Поэтому энергетические выгоды для Судана требуют прозрачных контрактов, коммерческой предсказуемости и институциональных гарантий деполитизации поставок.

Дополнительное измерение выгоды для Судана может возникать через изменение режима наносов и эксплуатационных характеристик водохозяйственных объектов ниже по течению. В ряде работ обсуждается, что крупное верхнее водохранилище способно удерживать часть наносов, потенциально влияя на заиливание отдельных участков ниже по течению. Однако этот эффект неоднозначен: изменение наносного режима может создавать и новые проблемы, связанные с изменением русловых процессов и необходимостью адаптации гидротехнических режимов. Для Судана это еще один аргумент в пользу постоянного мониторинга и обмена данными, поскольку адаптация к изменениям режима …Для Судана это еще один аргумент в пользу постоянного мониторинга и обмена данными, поскольку

адаптация к изменениям режима стока и наносов требует не разовых политических деклараций, а устойчивой «рутины» взаимодействия, встроенной в практику управления водными ресурсами.

Риски и негативные последствия для Судана: операционная водная безопасность и каскадная уязвимость инфраструктуры Ключевой риск для Судана в кризисе вокруг GERD связан с операционной неопределенностью. Водная безопасность в данном случае проявляется не только как доступность ресурса в среднем за год, но и как способность государственных и отраслевых институтов предсказуемо управлять рисками в горизонте дней и недель. Для суданских водохозяйственных объектов это особенно важно, поскольку даже краткосрочные, резкие изменения расхода Голубого Нила способны нарушать работу водозабора, ирригационных систем и режимов эксплуатации плотин. В академической литературе, посвященной рискам GERD, неоднократно отмечается, что именно дефицит прозрачности и процедур обмена данными повышает вероятность ущерба ниже по течению при переходных сезонных режимах и экстремальных погодных событиях.

Каскадная уязвимость Судана усиливается тем, что его собственные гидроузлы на Голубом Ниле функционируют в логике взаимосвязанной системы. Плотины Roseires и Sennar выполняют задачи регулирования и обеспечения ирригации, и их оптимальная работа требует понимания того, какие притоки и расходы ожидаются в ближайшей перспективе. Если выше по течению происходит изменение режима сбросов без своевременного уведомления, суданская система фактически вынуждена переходить в режим «реактивного управления», где решения принимаются после факта изменения, а не на основе прогнозирования. Это повышает износ оборудования, увеличивает вероятность нештатных режимов и снижает надежность водоподачи для аграрного сектора. Существенно, что в данном контексте необходимо различать инженерную безопасность сооружения и управленческую безопасность режима эксплуатации. Даже при высоком уровне инженерной надежности самой плотины GERD управленческие решения, принимаемые в условиях неполной координации, могут создавать значимые риски ниже по течению.

Отдельный блок рисков связан с режимом засухи и распределением водного дефицита. Засуха является моментом максимального усиления конфликтности, поскольку сокращение ресурса повышает цену любой управленческой ошибки и усиливает взаимные обвинения. Для Судана этот риск имеет выраженное социально-экономическое измерение. Снижение предсказуемости водоподачи для ирригации может приводить к падению урожайности, росту цен на продовольствие и ухудшению доходов домохозяйств, особенно в регионах, где альтернативные источники занятости ограничены (FAO AQUASTAT, 2025; World Bank, 2025). В условиях вну-

тренней нестабильности такие факторы способны ускорять миграцию из сельских районов, усиливать нагрузку на города и создавать дополнительные линии социального напряжения.

Кризис вокруг GERD также влияет на внешнеполитическое положение Судана. Хартум объективно находится между двумя крупными интересантами, и водная повестка формирует дилемму балансирования. С одной стороны, кооперация с Эфиопией необходима для обеспечения данных, раннего предупреждения и совместимости режимов эксплуатации, поскольку именно это снижает непосредственные риски для суданской инфраструктуры. С другой стороны, Египет остается значимым партнером и региональным актором, для которого водная тематика имеет высокую политическую и символическую нагрузку. В ситуациях, когда водная повестка политизируется, Судан сталкивается с риском быть втянутым в конфронтационный контур, где от него ожидают поддержки «жесткой» позиции одной из сторон. Дополнительную сложность создает то, что водная проблема может накладываться на иные линии напряженности региона, включая пограничные и военно-политические сюжеты, что усиливает риск «пакетирования» водной темы в более широкий конфликтный контекст (Nicol, Cascão, 2011; International Crisis Group, 2024).

Внутренняя нестабильность Судана после 2019 года является фактором, который усиливает все перечисленные риски. Трансграничная водная дипломатия требует институциональной устойчивости: компетентных технических ведомств, регулярной межведомственной координации, бюджета на мониторинг и прогнозирование, а также способности длительно поддерживать переговорные позиции на основе данных и сценарных расчетов. В условиях политической турбулентности и конфликта государственная способность к таким действиям снижается. Это приводит к тому, что Судан становится более уязвим к внешним неопределенностям и вынужден компенсировать дефицит кооперации более дорогими, но менее эффективными внутренними мерами, либо принимать повышенный уровень риска как неизбежный.

Сценарный анализ позволяет описать вероятные траектории кризиса как функции двух ключевых переменных: степени институционализации обмена данными и процедур координации, а также уровня политизации и конфронтационности отношений между основными сторонами.

В кооперативном сценарии формируется устойчиво работающий механизм обмена данными и раннего предупреждения, дополняемый согласованными правилами действий в период экстремальных осадков и засух. Даже если политические разногласия сохраняются, техническая кооперация создает слой «управляемости» и снижает вероятность того, что инцидент перерастет в кризис. Для Судана это означает более предсказуемую

эксплуатацию собственных гидроузлов, снижение риска нештатных режимов, повышение надежности водоподачи для ирригации и возможность постепенного превращения потенциальных выгод регулирования стока в реальный экономический эффект. В такой логике энергетическая кооперация может становиться дополнительным стимулом, но не заменяет водно-процедурные гарантии

В конкурентном, инерционном сценарии политические переговоры продолжаются, но устойчивого процедурного результата не достигают. Обмен данными носит эпизодический характер, а юридический статус обязательств остается предметом спора. Для Судана это означает закрепление операционной неопределенности как «новой нормы». Государство вынуждено повышать внутренние издержки адаптации, инвестируя в мониторинг, аварийную готовность и восстановление инфраструктуры, но при этом сохраняется вероятность периодических сбоев водозабора, трудностей ирригации и политизации каждого инцидента. В этом сценарии выгоды от регулирования стока остаются ограниченными, поскольку недостаток процедурной предсказуемости снижает способность извлечь экономический эффект из потенциальной стабилизации режима воды.

В кризисном сценарии происходит резкое обострение политической конфронтации или крупный операционный инцидент на фоне экстремальных гидрометеорологических условий. Угроза для Судана в таком случае заключается в возможности ущерба критической инфраструктуре ниже по течению, ухудшении гуманитарной ситуации и снижении внешнеполитической автономии. Страна может оказаться в ситуации усиленного внешнего давления, где водная повестка станет элементом более широкой региональной конфигурации безопасности. На фоне внутренней нестабильности последствия кризисного сценария для Судана могут быть непропорционально тяжелыми, поскольку способность государства к быстрому восстановлению инфраструктуры и стабилизации социально-экономических процессов ограничена.

Минимизация рисков и извлечение выгод Практическая логика рекомендаций, вытекающих из анализа, заключается в том, что Судану необходимо одновременно действовать по двум направлениям. Первое направление связано с внешней институционализацией кооперации на уровне процедур. Второе направление связано с внутренним укреплением национальной способности мониторинга и управления рисками, поскольку даже идеальные внешние договоренности не будут работать без внутреннего административного ресурса.

На внешнем треке приоритетом является «минимальный технический пакет» кооперации, который может быть достигнут даже при сохранении политических разногласий. Центральным элементом такого пакета должен

стать устойчивый протокол обмена данными и раннего предупреждения, включающий регулярную передачу информации о уровнях и сбросах, регламент уведомления о внеплановых изменениях и аварийных режимах, а также прямой канал связи между операторами водохозяйственных систем. Важность этого элемента для Судана состоит в том, что он снижает вероятность инфраструктурного ущерба уже в краткосрочной перспективе и уменьшает степень политизации технических инцидентов, переводя их в плоскость управляемого риска

Существенным является разделение технического и политического треков переговоров. Политические дискуссии о юридической обязательности, суверенитете и долгосрочном распределении рисков могут длиться годами, тогда как технические процедуры обмена данными могут приносить эффект сразу. Для Судана рациональной стратегией является продвижение устойчивых технических механизмов как «необходимого минимума» предотвращения ущерба. При этом политический трек должен сохраняться для закрепления гарантий и процедур на долгосрочной основе, включая согласование правил засухи и возможных механизмов разрешения споров (Salman, 2016; Woldetsadik, 2013).

Внутренний трек для Судана включает укрепление системы мониторинга и прогнозирования, расширение гидрометеорологической сети и телеметрии, повышение качества моделей краткосрочного и сезонного прогнозирования, а также усиление межведомственной координации между секторами воды, сельского хозяйства, энергетики и чрезвычайных ситуаций. Эти меры уменьшают зависимость от внешних решений и повышают автономность Судана в управлении операционными рисками. В условиях ограниченности ресурсов важна поэтапность: даже точечные инвестиции в критические узлы мониторинга и связи могут давать заметное снижение риска, особенно если они сопряжены с протоколами реагирования на резкие изменения расхода.

Энергетическое измерение следует рассматривать как потенциальный стимул кооперации, но не как замену водно-процедурных гарантий. Для Судана импорт электроэнергии может быть экономически выгоден и политически полезен как элемент взаимозависимости, однако только при прозрачных коммерческих условиях и гарантиях деполитизации поставок. Энергетические связи не должны превращаться в уязвимость, усиливающую внешнее давление в политически напряженные периоды. Поэтому энергетическую кооперацию целесообразно развивать параллельно с укреплением водных процедур и с выстраиванием институциональных механизмов доверия.

В дипломатическом измерении Судану важно сохранять баланс и избегать втягивания в «игру с нулевой суммой». Оптимальная переговорная позиция Судана в таком конфликте должна быть максимально процедурной и технически конкретной. Фокус на предотвращении значительного

ущерба, обмене данными и совместимости режимов эксплуатации позволяет представлять требования Судана как функциональные и инженерно обоснованные, а не как политическое примыкание к одной из сторон. Это повышает устойчивость позиции и снижает риск того, что Судан станет объектом давления, вынуждающего выбирать сторону в более широкой региональной конфронтации.

Кризис вокруг GERD в 2011–2023 гг. представляет для Судана комплексный вызов, в котором водная безопасность тесно связана с безопасностью критической инфраструктуры, устойчивостью аграрной экономики и внешнеполитическим балансированием. Потенциальные выгоды, связанные со сглаживанием паводков, повышением предсказуемости стока и энергетической кооперацией, существуют и могут быть значимыми. Однако они не являются автоматическими и зависят от институциональной архитектуры управления рисками. В отсутствие процедурной предсказуемости, обмена данными и раннего предупреждения регулирование стока может не снижать, а трансформировать риск, создавая угрозы для суданских плотин, водозабора и ирригации.

Библиографический список / Reference

1. African Union. Official communications on GERD mediation. // URL: https://au.int (Дата обращения: 23.01.2026).
2. Cascão A.E. Ethiopia Challenges to Egyptian Hegemony in the Nile Basin // Water Policy. 2008. Vol. 10. Suppl. 2. P. 13-28.
3. Dinar S., Dinar A. International Water Scarcity and Variability: Managing Resource Use across Political Boundaries. Berkeley: University of California Press, 2007.
4. Ethiopia, Egypt, Sudan. Declaration of Principles on the Grand Ethiopian Renaissance Dam. 2015. // URL: https://www.internationalwaterlaw.org/documents/regionaldocs/DoP_GERD.pdf (Дата обращения: 23.01.2026).
5. FAO AQUASTAT. Sudan: Country Profile. // URL: https://www.fao.org/aquastat (Дата обращения: 23.01.2026).
6. International Crisis Group. Reports and analyses on Sudan transition and conflict; GERD-related regional context. // URL: https://www.crisisgroup.org (Дата обращения: 23.01.2026).
7. Nile Basin Initiative (NBI). Resources and cooperation frameworks. // URL: https://www.nilebasin.org (Дата обращения: 23.01.2026).
8. OECD. Guidelines and reports on critical infrastructure resilience and risk governance. // URL: https://www.oecd.org (Дата обращения: 23.01.2026).
9. UNDP. Human Development Reports data and country profiles. // URL: https://hdr.undp.org (Дата обращения: 23.01.2026).
10. United Nations. Convention on the Law of the Non-Navigational Uses of International Watercourses. 1997. // URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/8_3_1997.pdf (Дата обращения: 23.01.2026).
11. United Nations. International Law Commission. Draft Articles on the Law of the Non-Navigational Uses of International Watercourses and related materials. // URL: https://legal.un.org/ilc/ (Дата обращения: 23.01.2026).
12. United Nations Digital Library. Documents on Sudan and regional security context. // URL: https://digitallibrary.un.org (Дата обращения: 23.01.2026).
13. United Nations OCHA. Sudan: Situation Reports and humanitarian updates. // URL: https://www.unocha.org/sudan (Дата обращения: 23.01.2026).
14. UNEP. Resources on transboundary water cooperation and water security. // URL: https://www.unep.org (Дата обращения: 23.01.2026).
15. Waterbury J. The Nile Basin: National Determinants of Collective Action. New Haven: Yale University Press, 2002.
16. Wheeler K.G., Jeuland M., Hall J.W., Zagona E., Whittington D. Understanding and Managing New Risks on the Nile with the Grand Ethiopian Renaissance Dam // Nature Communications. 2020. Vol. 11. Article 5222.
17. World Bank. Sudan: data and country overview. // URL: https://data.worldbank.org/country/sudan (Дата обращения: 23.01.2026).
18. World Bank. Ethiopia: data and country overview. // URL: https://data.worldbank.org/country/ethiopia (Дата обращения: 23.01.2026).

Цзяцзы Цзинь
Студент магистратуры. Сианьский университет, Сиань, Китайская Народная Республика.

Юйюэ Лю
Студент бакалавриата. Сианьский университет, Сиань, Китайская Народная Республика.

Изучение способа образования императорской столицы династии Тан с точки зрения климата и гидрологии*

Аннотация. «Четыре неприступные крепости» Чанъаня времён династии Тан были обеспечены естественным военным фортом, а гидрологическая система, окружающая столицу восемью реками, обеспечивала водоснабжение, орошение сельскохозяйственных угодий и транспортную доступность. Считается, что теплый и влажный климат в начале правления династии Тан (с середины VII до середины VIII века) создавал благоприятные условия для развития сельского хозяйства в регионе Гуаньчжун. В середине VIII века климат стал более холодным, что стало важной причиной изменения функций столицы и смещения политического центра на восток.

Авторы статьи систематизировали закономерности изменения климатических характеристик и гидрологической среды в эпоху династии Тан, проанализировали, как природные факторы взаимодействовали с политическими, военными, экономическими и другими социальными факторами и как результаты этого взаимодействия влияли на статус столичных городов Чанъань и Лоян.

В этом исследовании, основанном на сравнении и анализе различий в климате, гидрологии, географии и других аспектах двух императорских столиц — Чанъаня и Лояна — времён династии Тан, раскрывается механизм синергической эволюции природных и социальных факторов при выборе столицы. Это исследование позволяет по-новому взглянуть на закономерности формирования древних китайских столиц.

Ключевые слова: Династия Тан, город Чанъань, город Лоян, Древние китайские столицы, выбор места для столицы, климат, гидрология.

Jiaji Jin
Master's student Xi'an University, Xi'an, Shaanxi, China.

* © Цзяцзы Цзинь, Юйюэ Лю, 2026.

Yuyue Liu
Uundergraduate student Xi'an University, Xi'an, Shaanxi, China.

Research on the formation mechanism of Tang Dynasty Imperial capital from the perspectives of climate and hydrology

Abstract. The "four solid fortresses" of Chang'an in the Tang Dynasty provided a natural military barrier, while the hydrological pattern surrounded by eight rivers provided a basic guarantee for its water supply, agricultural irrigation, and transportation. It is believed that the warm and humid climate in the early Tang Dynasty (mid-7th to mid-8th century) created favorable conditions for the development of agriculture in the Guanzhong region. In the middle period (mid-8th century), the climate turned cold, becoming an important driving force for the adjustment of the capital's functions and the eastward shift of the political center. At the same time, the authors systematically sorted out the evolution laws of climate characteristics and hydrological environment in the Tang Dynasty, analyzed how natural factors interacted with political, military, economic and other social factors, and jointly shaped the capital status of Chang'an and Luoyang. By comparing and analyzing the differences in climate, hydrology, geography, and other aspects between the two imperial capitals of Chang'an and Luoyang in the Tang Dynasty, this study reveals the synergistic evolution mechanism of natural and social factors in the selection of capital cities, providing a new perspective for understanding the formation laws of ancient Chinese capital cities.

Key words: Tang Dynasty, Chang'an City, Luoyang City, Ancient Chinese capital cities, Capital location selection,climate, hydrology.

1. Introduction

The Tang Dynasty was not in a constant and unchanging climate state, but underwent a significant transition from warm and humid to cold and dry. This trend of climate change had a profound impact on the social economy, ecological environment, and even political landscape of the Tang Dynasty. In addition to the direct impact on agricultural production, changes in hydrological conditions, vegetation coverage, and disease transmission indirectly affect the social system. Hydrological factors cover various types of water bodies directly related to the development of the capital city, including rivers that serve as water sources and transportation channels (such as Wei River, Luo River, Chan River, Ba River, etc.), artificially excavated irrigation and water supply channels (such as Zhengguo Canal, Longshou Canal, Yong'an Canal, etc.), urban drainage systems (such as street ditches, city trenches), and groundwater systems.

The prosperity and decline of water resources, the quality of water, and the frequency and intensity of floods are all key variables that determine the location, planning, construction, and maintenance of the capital city. The social factors that interact with climate and hydrological factors cover a wider range, mainly including politics (such as dynastic changes, centralization, bureaucratic system), military (such as national defense strategy, border situation, military garrison), and economy (such as agricultural production, handicrafts, commercial trade, and transportation). These factors are the direct driving force behind the formation and development of the capital city. The interaction between natural and social factors is the core of this study, which refers to the complex dynamic relationship between climate, hydrology, and social factors that is not simply a one-way causal relationship, but rather a mutual influence, mutual constraint, and collaborative evolution. Specifically, climate change can alter the hydrological environment, such as warm and humid climates leading to increased precipitation, which in turn triggers more frequent floods; Changes in hydrological conditions can directly affect agricultural production and urban safety, posing challenges or providing opportunities for political stability and economic prosperity; And the social system (such as the government) will respond to the pressure of the natural environment through policy measures such as building water conservancy, adjusting taxes, and relocating populations. These response measures will in turn change the local hydrological environment and ecological conditions, forming a complex feedback loop, ultimately promoting the formation of the Tang Dynasty imperial capital.

In addition, the urban object discussed in this article is Chang'an City of the Tang Dynasty (now Xi'an, Shaanxi), while Luoyang City, which existed in the form of a provisional capital during the Tang Dynasty, is excluded from the scope of research.

2. Macro Background of Climate and Hydrological Environment in the Tang Dynasty

Through comprehensive analysis of phenology, plum tree planting north boundaries, elephant training records in historical documents[1], various disaster records, and modern paleoclimatology research results, scholars generally divide the climate of the Tang Dynasty into two main stages, namely the warm and humid period from the early Tang Dynasty to the prosperous Tang Dynasty and the cold and dry period in the middle and late Tang Dynasty. The phased evolution of this climate is an important environmental background for understanding many major events in the history of the Tang Dynasty, including the location of

1 *Wu Hongqi, Dang Anrong,* The Taming of Elephants in Chang'an during the Tang Dynasty and the Climate Conditions Reflected [J]. Journal of Chinese Historical Geography, 1996. № 11 (4). P. 171-177.

the capital city, agricultural policies, border situations, and even the rise and fall of the dynasty. Climate change not only directly affects the abundance of agricultural production, but also profoundly affects various aspects of human society by altering hydrological cycles, vegetation distribution, and disease transmission patterns, providing natural conditions for the formation and evolution of the Tang Dynasty imperial capital.

2.1. The Warm and Humid Period from the Early Tang Dynasty to the Prosperous Tang Dynasty

From the establishment of the Tang Dynasty in the early 7th century to the outbreak of the An Lushan Rebellion in the mid-8th century, most parts of China were in a relatively warm and humid climate stage. The climate characteristics of this period are characterized by an annual increase in average temperature, abundant precipitation, and large river runoff. Phenological evidence shows that at that time, plum trees and even citrus could be planted in Chang'an City, indicating that winter temperatures were significantly higher than modern times.[2] The warm and humid climate has brought extremely favorable conditions for agricultural production. As the core hinterland of the capital city, the Central Shaanxi Plain (Guanzhong) has guaranteed agricultural output, fertile soil, and sufficient irrigation water sources, which has continued its reputation as the "Land of Abundance" and provided a solid material foundation for Chang'an, a super city with a population of millions. At the same time, abundant precipitation has also made the water resources in the Guanzhong region relatively abundant, creating favorable conditions for urban water supply, transportation, and garden construction. During the Tang Dynasty, the water system inside and outside Chang'an City was well-developed, with natural rivers including the "Chang'an Eight Rivers"; The artificially constructed water pavilions and gardens include Qujiang Pool, Taiye Pool, etc., which are closely related to the humid climate environment at that time.

However, the warm and humid climate has also brought some negative impacts. The increase in precipitation has led to an increase in the frequency and intensity of floods. For the capital city, flooding is a serious threat. Although Chang'an City has considered flood control factors in site selection and planning, there are still records of rainstorm disasters in historical books. During the Tang Dynasty from Wude to Qianfu, there were a total of 32 floods in the Xi'an area.[3] Therefore, it can be said that the warm and humid climate from the early Tang Dynasty to the prosperous Tang Dynasty was a double-edged sword.

2 *Zhu Kezhen,* A Preliminary Study on the Climatic Fluctuations during the Last 5000 Years in China [J]. Acta Archaeologica Sinica, 1972. № 1. P.15-39.

3 *Gou Lijun,* On the Climatic Factor in Determining Chang An and Luo Yang as the Capital and the Alternate Capital Respectively in the Tang Dynasty [J]. Journal of Historical Science, 2002. № 2. P.39-44.

It not only provided agricultural and water resources support for the prosperity of the Tang Empire, but also posed challenges to the location and safety of the capital city. This climate background is one of the important natural factors in understanding why the Tang Dynasty ultimately chose Chang'an as its capital and positioned Luoyang as an alternate capital.

2.2. The Cold Climate and Social Turbulence in the Late Tang Dynasty

Starting from the An Lushan Rebellion in the mid-8th century, the climate of the Tang Dynasty gradually entered a relatively cold and dry period, which lasted until the downfall of the Tang Dynasty. This transformation has been confirmed in multiple aspects. Phenological records show that planting plum trees in Chang'an has become difficult, and the growth of subtropical crops such as citrus has shifted northward and southward. At the same time, there has been a significant increase in historical records about drought. In the first year of Emperor Dezong's Zhenyuan reign (785 AD), there was a severe drought in Guanzhong. In the "Annals of Emperor Dezong" of the Old Book of Tang, it is said that "(In 785 AD) spring drought lasted until August, and there was a great famine in Guanfu. The wheat fields died and many people were starving." This drought even affected two natural rivers in the "Eight Rivers of Chang'an". According to the "Five Elements Annals" in the "New Book of Tang", "In the first year of Zhenyuan, there was a famine in Guanzhong, a summer drought, and the Ba and Chan River was about to run out, with no water in the wells." The cooling and drying of this climate dealt a heavy blow to the Central Plains dynasties, which relied on agriculture as the foundation of their country. Firstly, the stability of agricultural production is seriously challenged. Drought has led to reduced grain production, exacerbating the already tense human land conflict and food supply pressure in the Guanzhong region. In order to maintain a large bureaucratic structure and military, the central government had to rely more on transporting food through water transport from the Jiangnan region, which increased the country's economic dependence on water transport to an unprecedented extent, as well as increasing financial burden and political risks.

The deterioration of climate is not only an economic issue, but also forms a vicious cycle with social unrest and political decline. The continuous drought and famine have caused a large number of farmers to go bankrupt and flee, becoming the root cause of social instability. After the An Lushan Rebellion, the control of the central government was greatly weakened, and its ability to provide relief and control was also greatly reduced in the face of frequent natural disasters. The destruction of the ecological environment, such as the reduction of vegetation and the depletion of water resources, further exacerbates the destructive power of natural disasters. At the same time, the cooling of the climate may also put pressure on the survival of northern nomadic peoples, prompting them to migrate southward and exacerbating the Tang Dynasty's border crisis. It can be said that

the cold climate in the mid to late Tang Dynasty was an important environmental background for understanding the period of regional separatism, frequent peasant uprisings, and sustained decline in national strength. As the capital city, Chang'an's decline is closely related to this macro climate change. The increasing scarcity of water resources and the difficulty in sustaining agricultural production, coupled with frequent wars, led to the gradual loss of Chang'an's livability and advantages as a political and economic center, ultimately losing its status as the capital after the fall of the Tang Dynasty.

3. The Direct Impact of Climate and Hydrological Factors on the Location of the Capital City

In the grand narrative of the selection of capital cities in the Tang Dynasty, political, military, and economic factors were undoubtedly the dominant considerations. However, behind these traditional cultural factors, climate and hydrological factors have played equally crucial and even more decisive roles in some aspects. The establishment of a capital city must first be a place that can guarantee basic survival and safety. The suitability of climate, abundant and stable water resources, and the risk of natural disasters collectively constitute the "hard constraints" for the selection of the capital city. It is precisely these differences in natural conditions that ultimately made Chang'an stand out among many cities and become the capital of the Tang Empire. In the following part, the authors will delve into how natural factors interact with social factors such as politics and military, jointly shaping the final form of the Tang Dynasty's capital structure.

3.1. The Water Resources and Water Conservancy Facilities of Chang'an City in the Tang Dynasty

The phrase "eight rivers surrounding Chang'an" is a vivid summary of the water system pattern in the Guanzhong region during the Sui and Tang dynasties. It refers to the eight main rivers that surround the capital Chang'an, namely the Jing River, Wei River, Chan River, Ba River, Feng River, Chan River, Chan River, and Lao River. This water system network not only provides extremely abundant water resources for Chang'an, but also constitutes the natural defense system of the city and the natural foundation of artificial landscapes. The Wei River is the largest tributary of the Yellow River and the main artery of the Guanzhong Plain. Most of the other seven rivers flow into the Wei River, jointly shaping the fertile land and convenient irrigation conditions of the Guanzhong Plain. Chang'an City in Tang Dynasty was established and developed based on such a unique hydrological environment. However, the pattern of "eight rivers surrounding Chang'an" is not static. The water volume and hydrological characteristics of these rivers are deeply influenced by climate change. In the warm and humid early Tang Dynasty, rivers had abundant water and transportation was well-developed. But with the cooling and drying of the climate in the mid to late Tang Dynasty, the water level of rivers decreased and even stopped flow-

ing, seriously affecting the smooth transportation of water and exacerbating the food crisis in Chang'an. In addition, rivers also pose a threat of flooding. Although Chang'an City is located in the relatively safe Longshou Plain area, the surrounding areas were still frequently affected by floods. In order to more effectively utilize and control water resources, the governments of the Sui and Tang dynasties invested enormous manpower and material resources in a series of water conservancy projects. In addition to the "five channels" for water diversion, there are also numerous ponds and lakes excavated in low-lying areas of the city, such as Qujiang Lake and Taiye Lake. These water bodies not only beautify the urban environment, but also play an important role in regulating floods and supplementing water sources, reflecting the ancient urban planning's wisdom of "following the natural way" in water management. Therefore, the concept of "eight rivers surrounding Chang'an" is not only a natural geographical concept, but also a humanistic geographical concept that deeply reflects the interaction between humans and nature. The changes in its connotation are a microcosm of the coordinated evolution of society and environment in the Tang Dynasty.

Natural rivers may not be entirely utilized by humans due to their channel guidance and other reasons. In order to efficiently introduce the water source of the "eight rivers" into the city and meet the production and living needs of millions of people, five main channels have been excavated inside and outside Chang'an: Longshou Canal, Yong'an Canal, Cao Canal, Huang Canal, and Qingming Canal. These channels respectively divert water from rivers such as Gaoshui, Gaoshui, and Huoshui, covering various areas of the city. Among them, Yong'an Canal and Qingming Canal mainly supply water to the western half of Chang'an City and the imperial palace; Longshou Canal mainly supplies water to the northeast and Daming Palace; Huang Canal is mainly responsible for the water supply in the southeastern part; Cao Canal is mainly used for urban transportation. The construction of these artificial channels not only effectively solves the water shortage caused by uneven distribution of natural rivers, but also greatly improves the stability and reliability of urban water supply. Numerous gates and dams have been installed along the channel, which can flexibly adjust the water volume according to actual needs, ensuring water supply in different seasons and regions. At the same time, the opening of channels has also driven agricultural development in surrounding areas, irrigating land that was previously difficult to cultivate due to water shortage, providing a solid guarantee for the food supply of Chang'an City. In addition, the channels are interconnected with numerous ponds and lakes within the city, forming a complete water system network and further enhancing the city's flood control and drainage capabilities. In addition to these "five canals", Tang Chang'an City also had one of the most advanced and complete urban drainage systems in the world at that time. Its design is exquisite, with clear hierarchy, fully considering the discharge of rainwater and domestic

sewage. The skeleton of the city is a chessboard style road network consisting of fourteen east-west streets and eleven north-south streets. On both sides of these wide streets, there are specialized drainage ditches called "royal ditches" or "water ditches". These ditches are built with bricks and stones, covered with wooden boards or stone slabs, forming underground channels that do not affect traffic and can effectively collect rainwater from the road surface and sewage discharged from the surrounding neighborhoods.

In addition to surface runoff, a large amount of groundwater was also needed as a daily source of water in Chang'an during the Tang Dynasty. However, as a mega city with a population of millions, long-term human activities, especially the infiltration of human and animal feces and domestic sewage, have caused serious pollution to groundwater. During the reign of Emperor Wen of Sui, the city of Chang'an in Han Dynasty was abandoned due to the "salty and unpleasant water". The decision to build Daxing City under the Longshou Plain was a direct response to the problem of groundwater environment. However, in the mid Tang Dynasty, the groundwater in the new Chang'an city also began to show the phenomenon of "salty and bitter", indicating that groundwater pollution was persistent and widespread, and was a key bottleneck restricting the sustainable development of ancient capital cities. Therefore, the hydrological environment of the Tang Dynasty was a dynamic and complex system, which was not only the foundation for the survival of the capital city, but also a severe challenge that the development of the capital city must face due to its own vulnerability and the influence of human activities.

The prosperity of Chang'an during the Tang Dynasty was inseparable from a large and efficient water conservancy engineering system. These projects are not only technological feats, but also strategic infrastructure serving the political, economic, and military needs of the empire. The construction of water conservancy projects had a close interactive relationship with the social and economic development of the Tang Dynasty, from the water supply system that ensured urban drinking water, to the irrigation network that supported agricultural production, and to the transportation channels that maintained the lifeline of the national economy. On the one hand, the development of social economy has put forward higher requirements for water resources, promoting the large-scale development of water conservancy construction; On the other hand, the improvement of water conservancy projects greatly promoted agricultural production, commercial prosperity, and urban expansion, laying a solid material foundation for the emergence of the "Great Tang Dynasty".

3.2. The Synergy Between Climate, Terrain, and Military Strategy

Chang'an is located in the Weihe River Basin, with a plateau barrier to the north, which weakens the invasion of winter cold waves. Against the background of the warm period, the climate inside the basin is milder, with less extreme cold

invasion. In addition, Chang'an is located in the core area of the Guanzhong Plain, with fertile land and abundant resources, which can provide sufficient material supply for the capital city. This also enhances its stability as a political center to a certain extent. The southern Qinling Mountains not only provide abundant water sources (eight rivers surround Chang'an), but their huge mountains also regulate the regional microclimate. Tang emperors also built palaces such as Cuiwei Palace in the Qinling Mountains. In summary, due to the dual effects of terrain and climate, Chang'an City has created a more livable environment compared to other northern regions, which is crucial for attracting elite populations and maintaining the stable operation of the court and bureaucratic institutions.

Moreover, the Guanzhong Plain, where Chang'an is located, has been known for its "four solid fortresses" since ancient times. To the east is Hangu Pass (later known as Tongguan), to the west is San-kuan Pass, to the south is Wu Pass, and to the north is Xiao Pass. Surrounded by mountains and rivers, it is easy to defend but difficult to attack. This natural geographical barrier provides the capital with extremely high military defense value. For any emerging dynasty, choosing a safe capital is the primary prerequisite for its stable rule and long-term stability. It is reasonable that the rulers of the Sui and Tang dynasties both came from the "Guanlong Group" and tended to establish their capital in Guanzhong. At the same time, in the early Tang Dynasty, facing the threat of nomadic tribes such as Turks and Tubo from the northwest, Chang'an's geographical location enabled it to effectively control the northwest border, with both offensive and defensive capabilities. Therefore, from the perspectives of politics, military, climate, and terrain, Chang'an is undoubtedly the best choice for the capital city of the Tang Dynasty.

4. The Deterioration of Natural Conditions and the Decline of the Tang Dynasty

After the mid-8th century AD, the overall climate in China shifted towards cold and dry. This poses a triple impact on the survival foundation of Chang'an. The first is the decline of agriculture, the decrease in temperature, and the possible trend of aridification, which has led to a decrease in grain production in Guanzhong and the whole country, and a sharp decline in local supply capacity. The second is that the atrophy of the transportation arteries has led to a decrease in the water volume of the Yellow River and its tributaries, and the shallow water and deep sand of the Wei River have made it increasingly difficult for transport ships to pass through. The cold prolongs the ice age of the canal, greatly reducing transportation efficiency. The third is the worsening of ecological degradation, which has led to excessive deforestation and severe soil erosion in the Guanzhong region due to long-term capital construction. Coupled with the trend of aridification, it further damages the agricultural ecological foundation. Mean-

while, due to the deterioration of natural conditions, invasions from ethnic minorities in the north and southwest have become increasingly frequent, leading to frequent wars. And due to the increasingly arrogant separatist forces of the feudal lords after the An Lushan Rebellion, Chang'an City faced enormous political and military pressure.

4.1. The Impact of Climate Change on the Capital City

As an ancient empire based on agriculture, the economic lifeline of the Tang Dynasty was closely related to climate and hydrological conditions. The occurrence of natural disasters such as floods and droughts directly threatens the stability of agricultural production, thereby causing a chain reaction to the entire economic system of the capital city. As a super city with a population of millions, Chang'an's food supply is a huge challenge, and any disaster that affects agricultural production may trigger serious social and economic crises. The grain supply in Chang'an during the Tang Dynasty mainly relied on local production in the Guanzhong region and imports from the Kanto and Jiangnan regions through water transportation. Both local agriculture and water transportation are highly sensitive to climate and hydrological conditions. Drought is the most direct factor leading to reduced agricultural production. In the Tang Dynasty, especially in the mid to late Tang Dynasty, frequent droughts severely affected the grain production in Guanzhong. The continuous drought has caused rivers to dry up, irrigation water sources to be depleted, crops to be unable to grow, resulting in widespread famine. This not only threatens the food supply for the residents of the capital city, but also makes it impossible for the government to collect sufficient taxes from the local area, resulting in a sharp increase in financial pressure. After the An Lushan Rebellion, the Tang emperor repeatedly "moved the capital to eat" and became the "chasing emperor", leading civil and military officials to Luoyang. This phenomenon reflects the decline in the grain supply capacity of the Guanzhong region, as well as the extent to which the natural conditions had impacted the entire dynasty's economy at that time.

In the late Tang Dynasty, as the climate continued to cool and water resources became increasingly scarce, the conditions for Chang'an as the capital city gradually lost. According to historical records, in the first year of the Zhonghe reign of Emperor Xizong of Tang Dynasty (881 AD), after the Huangchao Uprising army captured Chang'an, "the palace was burned down and the market was depressed", and the city was severely damaged. Afterwards, Zhu Wen forced Emperor Zhaozong of Tang to relocate the capital to Luoyang, marking the end of Chang'an's history as the imperial capital.

4.2. Political and Military Pressure Caused by Climate Change

Climate change and hydrological disasters are not only natural phenomena, but also deeply affect the social system by affecting agricultural production, exacerbating resource shortages, and becoming deep-seated drivers of intensifying

social contradictions and promoting political change. In the Tang Dynasty, especially in the middle and late Tang Dynasty, the climate turned cold and dry, intertwined with a series of major social and political events, jointly composing the history of the empire's rise and fall.

The cooling of the climate has had a huge impact on the ecological environment of the northern grassland areas. The shortened growth cycle of grass and the degradation of grasslands have led to the compression of the living space of northern nomadic ethnic groups (such as Turks, Khazars, Khitans, etc.), a decrease in livestock numbers, and a difficult life. In order to seek new survival resources, these nomadic tribes often choose to migrate southward and enter the border areas of the Central Plains dynasties. This climate change driven ethnic migration has brought enormous border pressure to the Central Plains dynasties.

In the Tang Dynasty, with the cooling climate, the southward movement of northern ethnic groups became more frequent. They either requested internal attachment or carried out harassment, causing tension in the northern and northwestern borders of the Tang Dynasty. In order to cope with this pressure, the Tang Dynasty had to maintain a large border defense army and incurred huge military expenses. At the same time, in order to accommodate the internally attached nomadic tribes, the Tang Dynasty established a large number of frontier prefectures in the interior. Although these measures eased conflicts in the short term, they also laid the groundwork for the later internal strife of the Shatuo people such as Zhu Wen. Therefore, it can be said that climate change was an important external factor that exacerbated the Tang Dynasty's border crisis, affected ethnic relations, and political stability. In the end, under the influence of multiple factors such as the fragmentation of fiefdoms, the loss of control over borders, and the emptiness of treasury reserves, the Tang Dynasty poet Bai Juyi's poem "Normally, the western frontier is thousands of miles away, but today the border defense is in Fengxiang" was created. Under such great military pressure, the status of Chang'an City plummeted, eventually slipping from the national political, economic, and cultural center to a key border defense town in the northwest.

5. Conclusion

Through a systematic analysis of the macro background of climate and hydrological environment in the Tang Dynasty, the location of the capital city, urban planning, water conservancy construction, and social response mechanisms, the deep role of natural environmental factors in the formation and evolution of the Tang Dynasty imperial capital was revealed. Research has shown that the formation mechanism of the imperial capital of the Tang Dynasty was not solely determined by political, military, or economic factors, but rather a complex process of mutual coupling and coordinated evolution of climate, hydrology, and social factors.

Firstly, climate change is a macro background force that shapes the historical process of the Tang Dynasty, especially the fate of the imperial capital. The warm and humid climate from the early Tang Dynasty to the prosperous Tang Dynasty provided a natural foundation for agricultural prosperity and national strength, but also exacerbated the risk of floods, highlighting the hydrological disadvantage of Luoyang. The climate of the mid to late Tang Dynasty turned cold and dry, which directly impacted agricultural production, intensified social conflicts, and indirectly led to the outbreak of border crises and the An Lushan Rebellion by affecting the migration of nomadic peoples, ultimately accelerating the decline of the Tang Empire.

Secondly, hydrological conditions are the "hard constraint" factors that determine the location of the capital city and urban safety. In the competition between Chang'an and Luoyang, although Luoyang has advantages in transportation and economy, the serious threat of floods that cannot be eradicated greatly reduces its safety in the capital city. In contrast, Chang'an has a decisive advantage in hydrological safety due to its high terrain, relatively stable water system, and complete water conservancy engineering system. This "superiority in hydrology conditions" jointly created by natural environment and human engineering was the key to Chang'an's long-term status as the capital of the Tang Dynasty.

Thirdly, urban planning and water conservancy construction are manifestations of human society's active adaptation and transformation of nature. The urban layout of Chang'an in the Tang Dynasty fully considered the climate, hydrology, and terrain conditions. Through manual excavation of channels and improved drainage systems, it effectively responded to the threat of floods and integrated water resources, ensuring the city's water and food supply. It also profoundly changed the regional hydrological pattern and served the political and economic needs of the empire. However, during the mid to late Tang Dynasty, when national strength declined, political corruption occurred, and vassal states were divided, these coping mechanisms also became ineffective, making society extremely vulnerable to climate change and hydrological disasters, ultimately leading to the collapse of the empire.

Библиографический список / Reference

1. Zhu Kezhen, A Preliminary Study on the Climatic Fluctuations during the Last 5000 Years in China [J]. Acta Archaeologica Sinica, 1972. № 1. P. 15-38.
2. Wu Hongqi, Researches on Historical Geography of Xi'an [M]. Xi'an: Xi'an Map Publishing House, 2006. № 7. 92 p.
3. Lan Yong, Climatic Variations and the Rise and fall of the Tang Dynasty [J]. Journal of Chinese Historical Geography, 2001. № 1. P. 4-15+125.
4. Gou Lijun, On the Climatic Factor in Determining Chang An and Luo Yang as the Capital and the Alternate Capital Respectively in the Tang Dynasty [J]. Journal of Historical Science, 2002. № 2. P. 39-43.
5. Wang Jianguo, Research on the Historical Geography of the "Chang'an Eight Rivers" [D]. Shaanxi Normal University, 2020.

Абдипатта Ж.Н.

Студент 2-го курса магистратуры, специальность «Востоведение», факультет востоковедения. Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилёва, г. Астана, Казахстан.

Кайыркен Т.З.

Доктор филологических наук, профессор кафедры Международные Отношения, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан.

Формирование границ и национальное строительство в советской Центральной Азии: национально-территориальное разграничение и возникновение Казахской и Киргизской ССР*

Аннотация. В данной статье рассматриваются различия в процессах формирования Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики и Кара-Кыргызской Автономной области. Формирование отдельных государств для местных этнических групп в Центральной Азии из бывших колоний Российской империи было стратегическим шагом большевиков для утверждения власти после гражданской войны. Центральный комитет, в частности Ленин, уделял этому вопросу особое внимание из-за политической поддержки национальных меньшинств во время Октябрьской революции, а позже — при формировании народных комиссариатов на отдельных территориях. Однако при создании автономных республик в Центральной Азии советы преследовали разные цели. Например, создание Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики в 1920 году и включение Кара-Кыргызской Автономной области в состав СССР в 1924 году различались по целям и устремлениям Центрального комитета в отношении образовавшихся государств. В исследовании также рассматривается роль местной интеллектуальной элиты, автономии алашей и кочевого восстания Жетисуского региона 1916 года в формировании ранних национальных движений. На основе сравнения создания Киргизской АССР и Кара-Кыргызской автономной области в статье показано, что советская национально-государственная дезинтеграция представляла собой процесс политического регулирования между местными элитами и большевиками, заложивший структурные основы современной казахской и кыргызской государственности.

Ключевые слова: национально-территориальное деление, советская национальная политика, Киргизская АССР, Кара-Кыргызская автономная область, Алаш-Орда.

* © Абдипатта Ж.Н., Кайыркен Т.З., 2026.

Abdipatta Z.N.
2nd year master's student, specialty "Oriental Studies", Faculty of Oriental Studies, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

Kayirken T.Z.
PhD of Philological Sciences, Professor of the Department of International Relations, L.N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

Border-making and nation-building in Soviet Central Asia: national-territorial delimitation and the emergence of the Kazakh and Kyrgyz SSRs

Abstract. This article examines the differences in the formation processes of the Kirghiz Autonomous Soviet Socialist Republic and the Kara-Kyrgyz Autonomous Oblast. The formation of separate states for local ethnic groups in Central Asia from former Russian Empire was a strategic move by the Bolsheviks to assert power after the civil war. The Central Committee, particularly Lenin, focused on this issue because of the political support of national minorities during the October Revolution and later, when forming people's commissariats in individual territories. However, when creating autonomous republics in Central Asia, the soviets supported different goals. For example, the creation of the Kirghiz Autonomous Soviet Socialist Republic in 1920 and the incorporation of the Kara-Kyrgyz Autonomous Oblast into the USSR in 1924 differed in the Central Committee's goals and aspirations for the resulting states. The study also focuses on the role of the local intellectual elite, the Alash autonomy, and the 1916 nomadic uprising of the Zhetisu region in the formation of early national movements. By comparing the creation of the Kyrgyz ASSR and the Kara-Kyrgyz Autonomous Region, the article demonstrates that Soviet National-State Delamination was a process of political regulation between local elites and the Bolsheviks that laid the structural foundations of modern Kazakh and Kyrgyz statehood.

Key words: National-territorial delimitation, Soviet nationality policy, Kirghiz (Kyrgyz) ASSR, Kara-Kyrgyz Autonomous Region, Alash Orda.

Introduction: The formation of separate states in Central Asia from the Russian Empire, such as the Kyrgyz Autonomous SSR in 1920, was a strategic move that the Bolsheviks used to stabilize the region after the civil war. The communist national program stated that only guaranteeing the rights of the Central Asian peoples to self-determination and even autonomy would eliminate the accumulated distrust of national minorities towards the "Russians" as the main aggressors and occupiers. The Central Committee concentrated its attention on this issue because the political support of national minorities

played a significant role during the October Revolution and a major role in the destruction of outposts of the retreating and established White Armies after the October Revolution [1]. Despite the victories of the Red Guards in the civil war against the White Guards in Central Asia, the political power of the communist parties in the region was nominal. Subsequently, to increase the political presence of the communist parties in Central Asia, the Bolsheviks recognized a new national policy. The resolution adopted at the 12th Congress of the Communist Party in 1923 provided for the right of indigenous peoples to self-determination and also created the now-known nationalities of Central Asia [2]. The Soviets focused on nation-building policies because, to gain the loyalty of the indigenous peoples of Central Asia, it was necessary to increase the political authority of the Soviet Union. The indigenous peoples of the Central Asian states received the right to self-determination and full cultural autonomy from the communist party. Cultural autonomy was considered based on the types of "nationality" that fit within the framework of a unitary state, designated by the Central Committee: national territories, national cultures, national languages, and national elites [2]. As a result of the new national policy of the Central Committee in 1924, on the initiative of local elites, the Turkic Republic was divided into five separate regions, one of which was the Kara-Kyrgyz Autonomous Region. The work will further examine the formation of the Kirghiz Autonomous SSR and the Kara-Kirghiz Autonomous Region, which in late 1926 became the Kirghiz Autonomous Socialist Soviet Republic.

Methodology: This article is based on a qualitative historical analysis of primary sources, particularly official reports from Soviet commissars on the actual situation in the region and letters from local elites addressed to the Central Committee. Official Soviet reports from local People's Commissariats, party resolutions of the Central Committee, and archival documents on national-territorial divisions are also considered. Secondary sources, including articles by historians from the late stages of Soviet rule and research on post-Soviet historiography, are also considered. The study employs a comparative approach to examine differences in Soviet political logic in the creation of the Kirghiz ASSR and the Kara-Kyrgyz Autonomous Oblast.

The Bolsheviks' first national policy was developed in 1903 when the Russian Social Democratic Labor Party was formed. In 1903, Lenin envisaged only two possibilities for national self-determination of states under socialist rule: membership in a proletarian society or separation from society. He said that the policy of self-determination, or the national policy of a particular nation, was a tool for creating an alliance of the united working class against imperial domination [3]. The disastrous consequence of the Russian Revolution of 1905 proved the fundamental importance of the chosen national policy in gaining the support of national minorities that were significantly negatively opposed

to the Europeans due to the national policy of the Metropolises. Therefore, in 1913, Joseph Stalin, on the orders of Lenin, drew up a new national policy for the Bolsheviks, adapting the national program of the Mensheviks for the communist program [3]. Later, the Bolsheviks' national policy created the first autonomous states with pro-Soviet leaders in Central Asia, which had previously been part of the of the Russian Empire.

If you focus on the formation of the Kyrgyz Autonomous SSR in 1920, it is necessary to consider the historical events that occurred up to this point. First, it is necessary to consider the uprising of the Kazakh population, which followed the tsar's order to recruit soldiers for rear work in 1916. Although the forces of General Kuropatkin suppressed the uprising in Semirechye in 1916, it subsequently led to a popular uprising against the tsar in various regions. The 1916 nomad uprising marked the end of Russian Empire that had continued since the first half of the 19th century. But the defeat of the nomads subsequently paved the way for a new, more aggressive policy that developed between 1917 and 1920, which led to more disastrous consequences [4]. But despite the suppression of the popular uprising in the region, this led to the fact that the local intelligentsia became more active and began to concentrate power in their hands, with the support of the local population. Therefore, after the overthrow of Nicholas II as a result of the February Revolution and the creation of a provisional government, the Kazakh intelligentsia promoted the idea of creating Kazakh autonomy as part of a new provisional government. As a result, the provisional government approved the creation of an autonomous region in the Kazakh steppes in document 7.2. The first paragraph of the document: The entire territory of the Kazakh steppe and the Kyrgyz districts in Fergana, Samarkand, the Amu Darya of the Trans-Kapia region, and the adjacent Kyrgyz volosts of the Altai province will be united into one Autonomous Republic of the Kazakh Kyrgyz region. Second point: Give the name "Alash" to the Autonomous Republic of the Kazakh Kyrgyz region. Also, in the fourth paragraph, it is said that the All-Russian Constituent Assembly approves the Constitution of the Autonomous Republic of Alash [5]. In due course, in December 1917, the Alash Orda was created, which existed until the end of the civil war between the Whites and the Reds.

Simultaneously, with the appearance of Alash Orda in 1917, an opposition that supported the Bolshevik council emerged in Central Asia. They later joined Red leader Vladimir Lenin in the brewing Russian Civil War. After the victory over the Whites, the Reds turned their attention to the other regions of the Russian Empire. At the Fifth Regional Congress of Soviets in 1918 in Turkestan, the Soviets proclaimed the creation of the Turkestan ASSR as part of the Russian Soviet Federative Socialist Republic [6]. The leaders of the Alash Orda, who previously supported the Mensheviks, were forced to negotiate with the Bolsheviks

to achieve better conditions for their people. As a result, in July 1919, the Kazakh Revolutionary Committee was created in Moscow, and one of the leaders of Alasha, Akhmet Baitursunov, became a member [6]. Also, by 1919, when the Bolsheviks' victory was in sight, Soviet troops disbanded the pro-White Alash autonomy, and later, its territory was annexed into the Soviet Union. On August 17, 1920, Lenin and Mikhail Kalinin proclaimed the Kyrgyz Autonomous Soviet Socialist Republic. Approved by the Soviets in 1920, the "Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars on the formation of the Autonomous Kyrgyz Socialist Soviet Republic" established the Kyrgyz Autonomous SSR instead of Alash Orda. The newly formed Kirghiz Autonomous SSR included the territories of Akmola, Semipalatinsk, Ural, Turgai, and Mangyshlak districts and part of the Astrakhan provinces, which were previously the territories of the Inner Horde and Sinemorskaya volost [7]. Also, the titular nation of the Kyrgyz Autonomous Soviet Socialist Republic was the Kyrgyzs (after 1924, the Kazakhs), who were considered "foreigners" or a backward, nomadic nation in the Russian Empire.

After the creation of the Kirghiz Autonomous SSR, the question of creating the Kara-Kyrgyz Autonomous Region was raised among the political elites of the Kirghiz ASSR and the Turkestan SSR because of the ongoing clashes between the Turkmens and the Kyrgyz and between the Uzbeks and the Kyrgyz as a result of the economic repression of the Kyrgyz [6]. Document 11.4, "On the National-State Delamination," stated that as a result of the disastrous actions of the Russian Empire, the financial condition of the Kara-Kyrgyz was in a catastrophic state, which led to the fact that the Kara-Kyrgyz economy became dependent on the economy of the Uzbeks [5]. Also, Uzbeks used the deplorable state of the Kara-Kyrgyz to their advantage. On June 13, 1923, Stalin sent a telegram to the Turkestan Communist Party asking for an explanation of the Kara-Kyrgyz Autonomous Region (KKMO) issue. Nazir Torequlov, the secretary of the Turkestan Communist Party, answered Stalin's demand and briefly explained KKMO's history and consequences. As a result, at the XII Congress of the Communist Party on April 25, 1923, Stalin discussed the issue of dividing the lands previously part of Bukhara and Khorezm until 1923, under the control of the Basmachi movement. Uzbeks comprised more than 50% of the population in Bukhara, and Tajiks comprised 32%. But Tajiks lived mainly in the eastern mountainous regions of Bukhara. In Khorezm, Uzbeks comprised more than 79% of the population, Turkmen just under 15%, and other nationalities were in the minority. In the territory of the Bukhara and Khorezm republics, the Soviets did not consider other national minorities, except Uzbeks, to be the majority. However, the national program of the Soviets planned the creation of national territories for each people of Central Asia with the support of the Bolsheviks [3]. As a result, three different national territories were created

on the Bukhara and Khorezm republics: the Turkmen SSR, the Uzbek SSR, and the Tajik ASSR.

As a result, the creation of separate states in the former territories of the Bukhara and Khorezm republics increased the importance of establishing the Kara-Kyrgyz Autonomous Region. The 1924 resolution of the II session of the All-Russian Central Executive Committee on the national-state delimitation of Central Asia divided the former territories of the Turkestan Autonomous Soviet Socialist Republic between the national minorities of Central Asia [7]. However, the national delimitation of the Turkestan region presented serious problems since different groups had claimed certain territories. For example, in a letter from S. Khojanov to Stalin about the results of the demarcation of Turkestan, the difficulties that arose during the demarcation are noted [8]. "The question of the delimitation of Central Asia is over. The resolutions adopted by the Politburo on the delimitation of the Turkestan SSR do not satisfy me. The Kyrgyz side wanted to include the Tashkent region and choose Tashkent as the state center, but the Politburo decided it was left for Uzbekistan. We especially insisted on including the Chirchik region in the Kyrgyz Republic valleys (the cultural Kyrgyz region) and the Golodnostep (Mirzaul) district - they failed. Only the Irjar and Slavic volosts remained. The only thing that Kyrgyzstan achieved was the Shurahansky district [9]." However, the Bolsheviks considered the percentage of national minorities that lived in the region during the delimitation. Turkestan SSR, Uzbeks made up 41%, and Kazakhs comprised about 19% of the region's population. The third largest group of Kyrgyz people lived mainly around Bishkek, in the Fergana Valley, Osh, and the Pamirs. The Tajiks inhabited mainly in Fergana and Samarkand, the Karakalpaks lived in the Amu Darya region, and the Turkmens mainly inhabited the Trans-Caspian region [3]. As a result of the 1924 decree, the territories where the Kyrgyz population predominated in the Turkestan Autonomous Soviet Socialist Republic became part of the Kyrgyz Autonomous Soviet Socialist Republic. On the initiative of the Communist Party, the Uzbek people formed the Uzbek SSR [10]. In addition, the Turkmens also formed the Turkmen SSR in the territories described above, where the Turkmens predominated. In the case of the Tajiks and Karakirghiz, the Soviets granted the right to create autonomies: the Karakirghiz Autonomous Region within the RSFSR and the Tajik Autonomous SSR within the Uzbek SSR [7]. By the resolution adopted in 1924, all national minorities of Central Asia received from the Bolsheviks their national territories, in which these nations constituted the majority.

In conclusion, it can be said that the creation of the Kirghiz Autonomous Soviet Socialist Republic in 1920 and the creation and incorporation of the Kara-Kyrgyz Autonomous Oblast into the USSR in 1924 differ significantly in political terms. The Kirghiz Autonomous Soviet Socialist Republic was created on the

foundation of a proto-state that emerged from a national movement of the local population against imperial tyranny, controlled by local intellectuals and dating back to the 1916 nomadic uprising of the Zhetisu region. The Kirghiz Autonomous Soviet Socialist Republic also replaced the autonomous Alash Orda, which had existed since 1917 and collapsed under the influence of the Bolsheviks. The Bolsheviks' replacement of the Alash Autonomous Republic with the Kirghiz ASSR sought to eliminate a competing political countermovement that was popular among the local population. By creating the Kirghiz ASSR, the Soviets initially united Kazakh and Kirghiz identities under the common name "Kirghiz," but this action subsequently redefined national identity during the Soviet era. In the case of the Kara-Kirghiz Autonomous Region, the project to create the Kara-Kirghiz Autonomous Region was initiated by the political elite of the Turkestan SSR, which dreamed of uniting even more territories into the Kirghiz ASSR, as well as by Moscow's desire to resolve interethnic conflicts, especially in areas where economic power was concentrated in the hands of the Uzbeks. Furthermore, the political elites themselves, among the Kirghiz, supported the creation of the autonomous region to eliminate dependence on the Uzbeks. Ultimately, the creation of the Kara-Kirghiz Autonomous Region was a political move by the political elite and reflected Moscow's desire to grant cultural recognition and territorial boundaries to certain groups. In the case of the Kirghiz ASSR, the Soviets' desire to replace the autonomous Alash Orda and expand their political influence in the region was paramount.

Библиографический список / Reference

1. Сталин И.В. «Заключительное слово по докладу о национальных моментах в партийном и государственном строительстве.» Собр. соч 13. 1947.
2. Martin Terry Dean. The affirmative action empire: nations and nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. Cornell University Press, 2001.
3. Sabol Steven. "The creation of Soviet Central Asia: the 1924 national delimitation." Central Asian Survey 14, 1995. № 2. P. 225-241.
4. Buttino Marco. "Central Asia (1916-1920): A Kaleidoscope of Local Revolutions and the Building of the Bolshevik Order." In The empire and nationalism at war, Slavica Publisher, 2014. P. 109-135.
5. Malikov Yuriy. Modern Central Asia: A primary source reader. Lanham, US: Lexington Books, 2020.
6. Bektursunov Mirlan ""Two parts–one whole'? Kazakh–Kyrgyz relations in the making of Soviet Kyrgyzstan, 1917–24," Central Asian Survey 42, 2023. № 1 P. 114.
7. Alimgazinov K.S., and Dzhaparov B.A. Istoriiâ Kazakhstana: Dokumenty I materialy: (1917-2012). Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan. 2017.
8. Almazbekova Zhanara. Soviet and National Kyrgyzstan: Local Agency and State-Building in Central Asia (1918–1940). PhD diss., University of British Columbia, 2020.
9. "Письмо С. Ходжанова Сталину о результатах размежевания Туркестана," Russian Perspectives on Islam, accessed March 20, 2024 // URL: https://islamperspectives.org/rpi/items/show/11764.
10. Kara Füsun. "Kirgiz Sovyet Devletinin Oluşması." Journal of Academic Social Science Studies 6, 2013. № 2. P. 1749-1767.

Абдуллаев С.Р.
Аспирант. Уральский государственный педагогический университет. SPIN-код: 4087-1060

Албанское побережье в балканской политике Наполеона (1801–1807 гг.): угроза вторжения*

Аннотация. В статье, основанной на материалах Османского архива, исследуются оборонительные и дипломатические меры Высокой Порты в условиях острой угрозы французского вторжения в Албанию и Морею в 1801–1807 годах. Особое внимание уделяется комплексу военно-административных распоряжений: укреплению береговой обороны, реорганизации местных сил, назначению чрезвычайных наместников и координации с албанскими лидерами. Анализируется реакция ключевых европейских держав — Российской империи и Великобритании, чья позиция во многом определяла манёвр Османской империи. Особо подчёркивается двойственная и крайне подозрительная политика Наполеона: сочетание дипломатических заверений с тайными военными подготовками и проектами раздела османских владений. Именно эта политика, даже без реализации прямой агрессии, вызвала глубокий и, по сути, необратимый кризис доверия между Стамбулом и Парижем. Кульминацией этого процесса стал Тильзитский договор 1807 года, радикально изменивший расстановку сил на Балканах и в Восточном вопросе в целом.

Ключевые слова: Османская империя, Франция, Албания, Морея, Порта, Наполеон, Наполеоновские войны, Тильзитский мир, франко-османские отношения, великие державы.

Abdullaev S.R.
Graduate student. Ural State Pedagogical University. SPIN-code: 4087-1060

The Albanian coast in Napoleon's Balkan Policy (1801–1807): the threat of invasion

Abstract. The article, based on materials from the Ottoman archives, examines the defensive and diplomatic measures taken by the Sublime Porte in response to the acute threat of a French invasion of Albania and the Morea between 1801 and 1807. Particular attention is paid to the comprehensive set of military-administrative measures: strengthening coastal defenses, reorganizing local forces, appointing extraordinary governors,

* © Абдуллаев С.Р., 2026.

and coordinating with Albanian leaders. The reactions of the key European powers—the Russian Empire and Great Britain—are analyzed, as their positions largely shaped the Ottoman Empire's maneuvering. Special emphasis is placed on Napoleon's duplicitous and highly suspicious policy: combining diplomatic assurances with secret military preparations and projects for partitioning Ottoman territories. It was precisely this policy—even without the execution of direct aggression—that provoked a profound and essentially irreversible crisis of trust between Istanbul and Paris. The culmination of this process was the Treaty of Tilsit in 1807, which radically altered the balance of power in the Balkans and in the Eastern Question as a whole.

Key words: Ottoman Empire, France, Albania, Morea, Sublime Porte, Napoleon, Napoleonic Wars, Treaty of Tilsit, Franco-Ottoman relations, great powers.

К началу XIX века Албания, находившаяся под властью Османской империи с конца XIV века, представляла собой стратегически ключевой регион [1]. Обладая выходом к Адриатическому и Ионическому морям, она контролировала важные узлы средиземноморской торговли и рассматривалась Наполеоном Бонапартом как плацдарм для достижения масштабной цели – превращения Средиземноморья в «французское озеро» [2, С. 122]. Контроль над албанским побережьем позволил бы обеспечить французские войска в Италии продовольствием и ресурсами [3, С. 264], что делало этот регион важным объектом балканской политики императора.

Хотя Египетский поход Наполеона завершился неудачей, он не отказался от своих балканских планов. Вскоре после возвращения из Египта была организована новая экспедиция с целью вернуть утраченные позиции. 21 января 1801 года из порта Брест к Александрии вышла эскадра из семи боевых кораблей под командованием адмирала Гантома, имевшая на борту 5000 солдат и военные припасы [4, С. 217]. Однако у мыса Карбонара на Сардинии два корабля получили повреждения, и часть флота вернулась в Тулон. После ремонта поход возобновился, но его преследовали новые неудачи: из-за болезни солдат эскадру пришлось разделить. С оставшимися примерно 2000 солдат Гантом продолжил путь, но, опасаясь нападения англичан, высадил войска в порту Дерне, где они подверглись атакам местного населения, после чего адмирал принял решение вернуться в Тулон [5, С. 1803]. На обратном пути эскадра была перехвачена англичанами. Таким образом, экспедиция не достигла своей цели.

Тем не менее эти события не остались незамеченной. Получив сведения о выходе эскадры из Бреста, Османское государство, опасаясь удара по Албании и Морее, начало предпринимать беспрецедентные меры безопасности. В Стамбуле было отдано распоряжение о приведении в состояние полной готовности ряда высших чиновников, включая бывших помощ-

ников визиря, министра продовольствия, эмина Терсане (управляющего арсеналом), кетхюда-бея и рейс-эфенди. От валиев (губернаторов) Боснии и Мореи, гарнизонных начальников Лепанто и Кандии, албанских пашей и назира пролива Дарданеллы (Бахр-и Сефид) Хадимзаде Осман-бея были затребованы сведения о принятых мерах [6, С. 813]. Были запрошены подкрепления из отдаленных регионов империи, таких как Ракка, Диярбакыр и Эрзурум, однако их прибытие так и не было обеспечено. Особо подчеркивалось требование к албанским пашам проявлять бдительность [7].

В этой ситуации губернатор Янины Тепеделенли Али-паша сообщил, что, в то время как в Морее имеются артиллеристы и сапёры, в его распоряжении подобных специалистов нет. Он просил передать ему находившихся в Янине артиллеристов и сапёров для организации обороны региона. Великий визирь Юсуф Зия-паша, в свою очередь, приказал Али-паше проявлять крайнюю бдительность и в случае начала враждебных действий немедленно переходить к обороне без ожидания дополнительного разрешения [8]. Было также распряжено направить шпионов в районы дислокации французских войск для наблюдения и докладов в Стамбул, подчеркивая необходимость сохранения операций в тайне [9].

В документах конца 1803 – начала 1804 годов отмечается растущая озабоченность Порта слухами о том, что Франция создает в Италии тайные общества, намеревающиеся атаковать Албанию и Морею [10]. Для проверки этих сведений и координации действий предписывалось тесно взаимодействовать с наместниками приграничных провинций. Особое внимание уделялось районам Александрии, Влёры, Дельвины, Кандии и Ханьи. Губернатор Ханьи Сейид Мустафа-паша также докладывал о враждебных намерениях Франции и призывал к бдительности. Порта, реагируя на эти донесения, заявляла, что при наличии в регионе достаточного количества кораблей и войск французское нападение будет отражено [11].

30 января 1804 года, опираясь в том числе на газетные публикации, османские власти вновь подтвердили подозрения о возможном ударе по албанскому побережью и Морее. В качестве меры предосторожности было решено направить фрегаты и другие суда в район Ионических (Семи) островов для наблюдения. Великий адмирал Кючюк Хюсейн-паша издал приказ о необходимости постоянной бдительности [12]. Поскольку часть угрожаемой территории контролировалась губернатором Влёры Ибрагим-пашой, а часть – Тепеделенли Али-пашой, им было предписано поддерживать связь и совместно обеспечивать безопасность [13].

Разведка доносила о сосредоточении значительных французских сил близ Влёры, Катины, а также в итальянских портах Бриндизи и Галлиполи. В ответ было приказано немедленно укрепить безопасность района крепости Авлония (Влёра), разместив там пехотные части на круглосуточное

дежурство. Ибрагим-паша и Али-паша были уведомлены о необходимости быть в чрезвычайной готовности. Али-паша, в частности, сообщал Ибрагиму-паше о разведданных, согласно которым в районе Таранто, Отранто, Галлиполи и Бриндизи сосредоточены силы трех французских генералов, которые могут быть использованы против Янины, Влёры и владений в Морее. Для организации обороны Ибрагим-паша распорядился направить **военнослужащих – держателей тимаров** (условных земельных пожалований) из санджаков Авлонья, Эльбасан и Охрид на угрожаемые направления. Одновременно был организован сбор средств (акче) с местного населения и держателей зеаметов (крупных тимаров) для нужд обороны. Держатель тимара Муртеза Кемаледдин-халифа был назначен ответственным за охрану крепостей и побережья. Однако, как отмечалось в документах, из-за **«завоевания Корфу и очистки Египта»** поставки боеприпасов и снаряжения задерживались [14].

Предпринятые распоряжения обнажают характерные черты османской системы обороны на периферии в начале XIX века. Мобилизация основывалась на феодальном ополчении тимариотов и сборе средств на местах, что свидетельствовало об ограниченных возможностях центра по быстрой переброске регулярных войск и ресурсов. Проблемы с логистикой указывают на уязвимость имперских коммуникаций. Таким образом, реакция Порты на угрозу была интенсивной, но во многом оставалась в рамках устаревающей провинциальной модели организации.

Тревожные сигналы продолжали поступать. Адмирал Сэрмет Мехмед-эфенди получил сведения о том, что французские войска на Пелопоннесе (Морее) тайно намерены двинуться в сторону Албании [15]. После того как стало известно о направлении на албанское побережье венецианского шпиона, Сэрмет Мехмед-эфенди был назначен ответственным за безопасность побережий Албании, Мореи и Мани [16; 17].

На этом фоне активизировалась дипломатическая деятельность великих держав. Россия, начиная с 1804 года, регулярно предупреждала Порту о целенаправленной балканской политике Наполеона и возможности удара по албанскому побережью [18; 19]. В превентивных целях Россия сосредоточила в Одессе (Хаджибее) эскадру из 12 канонерских лодок, 4 фрегатов и 6 корветов. Одновременно и российская, и британская дипломатия зондировали вопрос о том, окажет ли Османская империя вооруженное сопротивление в случае реального нападения Франции. Порта заявляла о готовности дать решительный отпор любому агрессору [20]. Османские власти, несмотря на традиционное недоверие к России, сочли её предупреждения заслуживающими внимания, особенно после того, как неаполитанский шехбендер (консул) Анджело Фечет сообщил о подозрительном визите во владения Али-паши человека, который под видом закупки лошадей мог

выполнять разведывательные функции. Контакты Наполеона с Тепеделенли Али-пашой были хорошо известны. Император стремился использовать амбициозного пашу для дестабилизации ситуации в регионе, в то время как сам Али-паша, впечатленный мощью Франции, рассчитывал с её помощью расширить свои владения за счет албанских и греческих земель [21, С. 264]. В ответ на действия России Франция через генерала Брюна начала кампанию по дискредитации Петербурга в глазах Порты, обвиняя Россию в тайных планах по захвату Греции [22, С. 73]. Великобритания также заявила о поддержке Османской империи. Адмирал Нельсон в письме от 11 февраля 1804 года предупредил великого визиря и капудан-пашу Мехмеда Кадри-пашу о подготовке французского флота в Тулоне и призвал быть в полной боевой готовности. Британский флот патрулировал районы вокруг Сардинии и Мальты для предотвращения угроз [23].

Предпринятые Портой масштабные подготовки вызвали вопросы со стороны Франции. Османский посол в Париже Халет-эфенди, направленный в 1803 году, заявил, что все меры носят исключительно превентивный характер. Сам Наполеон в личном письме заверял, что не намерен нападать на Албанию и Морею [22, С. 73]. Однако, судя по продолжавшимся подготовительным мерам, доверия к этим заверениям в Стамбуле не было.

Политика Наполеона была построена на создании «управляемой неопределенности». Ярким примером стала публикация в январе 1803 года в официозе «*Moniteur*» доклада Ораса Себастиани, в котором утверждалось, что Египет можно захватить силами менее 6000 человек. Как отмечает Эндрю Робертс, это был дипломатический маневр, призванный посеять тревогу в Лондоне, а не огласка реального плана [24, С. 372-373]. Османская империя, имевшая горький опыт египетской экспедиции, воспринимала подобные шаги как часть опасной и двойственной игры.

Эта игра велась и на других направлениях. Несмотря на Амьенский мир (1802), спор из-за Мальты и Египта привел к его быстрому краху. Наполеон стремился вернуть Ионические острова и вел сложные переговоры с Россией, на что Порта реагировала угрозами отменить французские привилегии (капитуляции) [25, 119-120]. Одновременно император завершал завоевание Италии, аннексировав порты Анконы и Чивитавеккьи, присоединив Этрурию и захватив Неаполь [25, С. 133]. Эти успехи, учитывая давний интерес Наполеона к Балканам, естественным образом усиливали тревогу в Стамбуле.

Стремясь закрепить свое влияние на Балканах дипломатически, Наполеон заключил Прессбургский мир с Австрией (1805), по которому получил Далмацию, Западную Истрию и порт Котор, отрезав тем самым Австрию от прямого выхода к Албании и Адриатике [29, С. 57; 21, С. 270].

Кульминацией и одновременно развязкой этого многолетнего кризиса стал Тильзитский мирный договор между Францией и Россией, подписанный в июле 1807 года после поражения русской армии при Фридланде. Договор предусматривал раздел европейских владений Османской империи. Сфера влияния России должна была охватить Бессарабию, Валахию, Молдавию и Болгарию. В сферу влияния Франции отходили Албания, Котор, Ионические острова, Далмация, Крит, Эпир и Морея (Пелопоннес) [25; 26]. Это соглашение наглядно показало Порте, что её формальные союзники – и Россия, и Франция – готовы договориться за её счет.

Османская империя была потрясена. Как доносил из Стамбула французский посол Себастиани, «Франция теперь воспринимается исключительно как неверный союзник, предавший Блистательную Порту… турки ныне питают к Франции ненависть, превосходящую даже их враждебность к России» [22, С. 382]. Ирония ситуации заключалась в том, что Россия, годами предупреждавшая Порту о французской угрозе, теперь сама соглашалась передать Албанию и Морею Наполеону. Это подтвердило худшие подозрения османской дипломатии о непрочности любых союзов [27].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. **Во-первых,** угроза французского вторжения в Албанию и Морею в 1801–1807 гг. воспринималась правящими кругами Османской империи как серьезная и реальная, что подтверждается комплексом превентивных мер, зафиксированных в архивных документах: мобилизацией тимариотов, попытками укрепить крепости и гарнизоны, наладить взаимодействие между местными пашами и сбором экстренных средств. **Во-вторых,** реакция Порты носила реактивный и импровизированный характер, упираясь в ограниченность централизованных ресурсов, логистические проблемы и зависимость от устаревающей феодальной системы военной мобилизации. **В-третьих,** Наполеон искусно использовал «стратегию неопределенности», сочетая военные подготовки, тайные контакты с местными лидерами (Али-пашой) и дипломатические заверения в мирных намерениях. Эта двойная игра служила инструментом давления и дестабилизации. **Главным итогом** этого пятилетнего противостояния стал глубочайший кризис доверия между Стамбулом и Парижем, катализатором которого явился Тильзитский договор 1807 года. Договор о разделе османских владений был воспринят как акт вопиющего предательства со стороны союзника. Таким образом, балканские амбиции Наполеона, даже не реализовавшись в виде прямого военного вторжения, достигли важной стратегической цели: они окончательно дипломатически изолировали Османскую империю, продемонстрировав полную шаткость международных обязательств в эпоху наполеоновских войн.

Библиографический список / Reference

1. Rruga, İlir. XIV-XVI. Yüzyıllar Arasında Arnavutluk'ta Gayrimüslimler // İSTEM. 2017. № 29 (Aralık). C. 159-172.
2. Akalın, Durmuş ve Şimşek, Kamuran. Doğu Akdeniz'de Osmanlılar ve Ruslar 1768-1812. – İstanbul: Kesit Yayınları, 2022.
3. Balotı, Xenı. "Napoleon et L'Albanıe" // Balkan Studies. – Thessalonike, 1986. Volume: 27, Issue: 2. C. 263-289.
4. Bourgeois, Emile. Manuel Historique de Politique Etrangere, Les Révolutions (1789-1830) Tome II. – Paris: E. Belin, 1932.
5. Ahmet Cevdet Paşa. Tarih-i Cevdet. – 3-4. cilt. – İstanbul: Üçdal Neşriyat, 1966.
6. Diren Çakılcı. «Osmanlı Devleti'nin Saros Körfezi'nde Bir Asırlık Tahkimat Çabası» // Belleten. – 2024. – (aralık). – Cilt: 88. № 313. P. 813.
7. BOA, HAT, 267/15513. Hatt-ı Hümayun (HAT).
8. BOA, Cevdet Askeriye, C.AS., 879/37728.
9. BOA, Cevdet Hariciye (C.HR.), 101/5047.
10. BOA, HAT, 218/12007. Hatt-ı Hümayun (HAT).
11. BOA, HAT, 167/6977-A. Hatt-ı Hümayun (HAT).
12. BOA, Topkapı Sarayı Müzesi Arşivi Evrakı (TS.MA.e), 429/22.
13. BOA, HAT, 217/11950. Hatt-ı Hümayun (HAT).
14. BOA, HAT, 170/7221. Hatt-ı Hümayun (HAT).
15. BOA, HAT, 37/1882. Hatt-ı Hümayun (HAT).
16. BOA, HAT, 169/7199. Hatt-ı Hümayun (HAT).
17. BOA, HAT, 172/7432. Hatt-ı Hümayun (HAT).
18. BOA, HAT, 170/7228-A.
19. BOA, HAT, 170/7229-A. Hatt-ı Hümayun (HAT).
20. BOA, HAT, 170/7229.
21. Xenı Balotı. "Napoleon et L'Albanıe" // Balkan Studies. – Thessalonike, 1986. – (1 January). – Volume: 27. Issue: 2. P. 264.
22. Zinkeisen, Johann Wilhelm. Osmanlı İmparatorluğu Tarihi. – 7. cilt / çev. Nilüfer Epçeli. – İstanbul: Yeditepe Yayınevi, 2011.
23. BOA, HAT, 174/7511-A. Hatt-ı Hümayun (HAT).
24. Робертс Э. Наполеон: биография / Э. Робертс; пер. с англ. И. Кригера. – М.: Альпина нон-фикшн, 2023. 944 с.
25. Arfaoui, Salma. "Akdeniz'de Bir Uluslararası Çekişme Alanı: Yedi Ada Sorunu (1797-1814)": (Basılmamış Doktora Tezi) / Marmara Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü. – İstanbul, 2014.

Амбарян С.С.

Аспирант 3 курса. ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет». Учитель истории и географии, МБОУ-СОШ №15 имени Тамбиева Владимира Григорьевича, г. Армавир.

Проблема темнокожего населения капиталистических стран на страницах советской периодической печати*

Аннотация. Статья посвящена изучению положения темнокожего населения в странах капиталистического мира через призму советских средств массовой информации. В работе анализируются статьи различных советских журналов и газет по изучаемой проблеме. Источниками для написания работы послужили издания следующей периодической печати: журналы «Ровесник», «Крокодил», «Иностранная литература»; газета «Известия». Цель работы: описание положения темнокожего населения капиталистических стран на основе советских периодических изданий. Для достижения поставленной цели использовались специально-исторические методы: диахронный, историко-сравнительный, а также общенаучные методы исследования: анализ, синтез, систематизация. Особое внимание при написании статьи уделялось таким проблемам как: быт и социально-экономическое положение негритянского населения, борьба темнокожих за уравнение в правах, жизнь негров после нивелирования правовых устоев.

Для устроения более полной характеристики, проблема положения темнокожего населения стран капитализма прослеживается во времени с конца 1930-х годов до середины 1980-х. В работе делается особый акцент на описание состояния проблемы темнокожего населения США после отмены сегрегации, а также после законодательного уравнения «белых» и «черных» в Южной Африке. В заключение работы формулируется вывод о положении темнокожего населения в странах капитализма в XX веке.

Ключевые слова: советская периодическая печать, темнокожее население, капиталистическое общество, капитализм, расизм, сегрегация.

Ambaryan S.S.

Third-year postgraduate student, Armavir State Pedagogical University. History and Geography Teacher, Secondary School No. 15 named after Vladimir Grigorievich Tambiev, Armavir.

* © Лысикова И.В., 2026.

The problem of the black population of capitalist countries on the pages of the Soviet periodical press

Abstract. The article is devoted to the study of the situation of the black population in the countries of the capitalist world through the prism of the Soviet mass media. The paper analyzes articles from various Soviet magazines and newspapers on the issue under study. The sources for writing the work were the publications of the following periodicals: magazines "Rovesnik", "Crocodile", "Foreign literature"; newspaper "Izvestia". Purpose of the work: description of the situation of the black population capitalist countries based on Soviet periodicals. To achieve this goal, special historical methods were used: diachronic, historical and comparative, as well as general scientific research methods: analysis, synthesis, systematization. When writing the article, special attention was paid to such problems as: the life and socio- economic situation of the Black population, the struggle of blacks for equality in rights, the life of Blacks after the leveling of legal foundations.

To formulate a more complete description, the problem of the situation of the black population of capitalist countries can be traced back in time from the late 1930s to the mid-1980s. The paper focuses on describing the state of the problem of the black population of the United States after the abolition of segregation, as well as after the legislative equation of "whites" and "blacks" in the United States. South Africa. In conclusion, the paper draws a conclusion about the situation of the black population in the countries of capitalism in the 20th century.

Key words: Soviet periodical press, black population, capitalist society, capitalism, racism, segregation.

Введение

Периодическая печать Советского Союза издавала немало работ по изучаемой проблематике. Основными проблемами, раскрывающимися в статьях журналов и газет, были: проблема неравноправия разнорасового населения капиталистических стран, проблема борьбы темнокожего населения за свои права, проблема быта негритянского населения.

Актуальность рассмотрения заданной проблемы остается непоколебимой и сегодня, особенно при изучении культуры и быта, образа жизни и менталитета США и других стран капитализма.

Материалы и методы. Для решения поставленной цели были использованы общенаучные методы анализа, синтеза и систематизации информации. Специфика исследования обосновала использование и специально-исторических методов: историко-сравнительного и диахронного. Материалом для написания работы служили статьи, изданные в газете «Известия», журналах: «Иностранная литература», «Ровесник», «Крокодил».

Литературный обзор. Ключевыми вопросами в рассмотрении изучае-

мой темы являются: угнетения в правах негритянского населения, его быт и борьба за равноправие с представителями белой расы.

Проблема неравенства – одна из основных в обществах, где существуют классы угнетателей и угнетаемых. Бесспорно, обладателем таких классовых структур общества являются западные капиталистические страны. Для их «высших» классов основная задача - удовлетворение потребности в получении наибольшей выгоды, причём желательно, благодаря чужому труду. Именно таким и предстает проблема темнокожего населения стран капитализма на станицах многочисленной периодической печати, издаваемой в СССР. Причём, даже упоминание о равноправии «черных» и «белых», например, в американском обществе первой половины XX века вызывает наложение санкций: «Я совершенно безобидная личность. Я перехожу улицу точно на перекрёстках <…> Курю только папиросы «Кэмпбл» <…> Я верю газетам <…> За что же меня вызывают в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности? <…> Не может быть, чтобы только за то, что я, со слепой доверчивостью цитируя нашу конституцию, шепнул жене (мы проходили мимо ресторана, откуда выгоняли негров, потому что белым не хватало места): «Все люди созданы равными…» [1, с. 3]. Неравенство проявлялось особенно чётко в США. В 1937 году журнал «Интернациональная литература» публикует, как американское общество восприняло постановку пьесы «Все божьи дети имеют крылья» американского драматурга Юджина О'Нейля. «Когда эта пьеса на тему о браке негра с белой женщиной появилась на сцене, она вызвала целую бурю протеста» [11, с. 178].

Угнетение в правах: темнокожего населения в США не раз отражалось в советских изданиях. В одном из номеров журнала «Интернациональная литература» издается интервью негритянского певца Поля Робсона: «Я рассуждаю с точки зрения сына раба <…> Я послал своего сына учиться в Россию, чтобы избавить его от издевательств и оскорблений в Америке. До тех пор, пока я не попал в Россию, я не мог отделиться от чувства горечи, которую испытывает каждый негр, живущий в Америке» [3, с. 196].

В то время, как журнал «Америкиа» гордо публикует интервью адвокатом и видным негритянским деятелем Расселом Б. Шугармоном об отмене сегрегации, советская корреспонденция в даже более поздних издания твердит о противоположном. «… за последние годы в Мемфисе, во всех местах общественного пользования – на городском транспорте, в школах, библиотеках, парках, на спортивных площадках – началась отмена сегрегации. Доступ в гостиницы, кинотеатры <…> в рестораны и закусочные универмагов в центре города открыты каждому, независимо от расовой принадлежности» [2, с. 2]. Эти строки читаем в «Америке» 1956 года.

Несколько иная картина представлена в «Известиях» 1968 года. По при-

глашению Коретты Скотт Кинг - вдовы убитого в 1968 году руководителя движения за гражданские права в США Мартина Лютера Кинга – на праздновании юбилея со дня рождения М. Кинга присутствовала делегация Советского комитета защиты мира, а в ее составе и политический обозреватель «Известий» В. Матвеев, рассказавший об этой поездке в Атланту. «С крыши «Пичтри плаза» открывается вид на город <…> невидимая сила разделила все эти приземистые домики на два обособленных мира: богатство, благополучие на одном полюсе, обездоленность, лишения на другом. Таковы, с одной стороны, холеные лужайки, затейливые ограды, а с другой - прижатые друг к другу лачуги, груды мусора на улицах, атмосфера запустения <…> Мы идем по одному из таких негритянских кварталов к «центру Кинга». Здесь он родился 15 января 1929 года <…> Наступил день 1 декабря 1955 года, когда жительница Монтгомери Роза Паркс, имевшая несчастье родиться с темной кожей, отказалась уступить место в автобусе белым. Арест Розы Паркс был каплей, переполнившей чашу терпения, горечи местного негритянского населения» [6, с. 5].

Когда капитализм раскинул свои щупальца за пределы своих владений, началась колонизация. «Сесиль Родс, известный колонизатор и основатель Британской южноафриканской компании, захватив в 1890 году территорию нынешней Родезии, произнес «исторические» слова <…> «Я полагаю, - сказал Родс, - что мы (англичане) являемся первой расой на земле, и чем большая часть земли будет принадлежать нам, тем лучше будет для всего человеческого рода. Мы должны повелевать неграми…» Прошло восемьдесят шесть лет <…> Что же происходит в эти дни в Родезии, остающейся вместе с ЮАР едва ли не последним бастионом расизма <…> В тихом Солсбери <…> «европейцы», как любят себя называть белые поселенцы, живут все больше в отдельных виллах, как правило, с акром «приусадебного участка» вокруг. На изумрудных полях «европейцы», облаченные в шорты и тенниски, играют в гольф и крикет или сидят в уютных клубах, потягивая пиво <…> белые сидят по своим виллам; черные, днем занятые работой в центре, отправились в свои «монорасовые» кварталы - Хайфилд и Хараре. И там, в этих кварталах, все вроде по-старому: бараки из шлаковых стен, крытые жестью, - стандартные шесть бараков на акр площади <…> на одного «европейца» приходятся двадцать шесть африканцев. Точно так же неравнозначно, но как положено в расистской стране, в обратную сторону, разделение прав на владение землей, установленное специальным парламентским актом в 1970 году: вся земля была поделена почти пополам, причем чуть большая половина с плодородными землями, естественно отошла 250 тысячам «европейцев» <…> а заросшие кустарником-бушем <…> земли второй, меньшей половины – шести с лишним миллионам африканцев» [9, с. 10-11]. В момент, когда негритянское населе-

ние уравнивалось в правах с белыми, их протестная музыкальная культура становилась популярной, особенно в среде бунташных подростков, отвергавших музыкальные предпочтения своих родителей. Вот, что находим по этому поводу в журнале «Ровесник»: «Дети благополучной белой Америки инстинктивно потянулись к музыке наиболее бесправного и угнетаемого меньшинства черных» [8, с. 20].

Несмотря на ряд официальных политических изменений по вопросу расовой дискриминации, в США 1963 года продолжались бесчинства на этой почве. «Правящие круги США изображают существующий у них в стране режим как образец свободы и демократии. Последние события в Бирмингеме убедительно опровергают это лживое утверждение. Несмотря на 15-ю поправку к конституции США, запрещающую лишать или ограничивать права граждан «под предлогом расы, цвета кожи или прежнего рабского состояния», негритянское население страны испытывает на себе жесточайшее расовое и национальное неравноправие <…> Разгул расовой дискриминации на Юге США нельзя оценить иначе, как открытое пренебрежение американской конституцией и международными обязательствами правительства США» [10, с. 2]. Как известно, принятый в 1964 году «Закон о гражданских правах» ликвидировал дискриминацию по расовому признаку в США. Но в 1983 году страницы «Известий» публикуют следующее. «Администрация Рейгана признала бесплодность попыток убедить негритянское население в том, что социально-экономическая политика Белого дома служит его интересам <…> Из аппарата Белого дома изъяли сотрудников, отвечавших ранее за связи с негритянским населением. По циничному заявлению представителя администрации, президент Рейган не видит потребности «подыгрывать» этой аудитории» [7, с. 3]. «Буржуазная пресса Соединенных Штатов неустанно повторяет, что Америка-де страна, где создано «общество процветания и благополучия для всех», «общество равных возможностей». Но многочисленные факты свидетельствуют о лживости заявлений подобного рода. <…> Недавно в штате Калифорния двое белых юнцов и девица застрелили из охотничьего ружья негра <…> В Лос-Анджелесе <…> среди бела дня было совершено бандитское нападение на исполнительного секретаря Национального союза борьбы против расовых и политических репрессий <…> Шарлен Митчелл и двух членов этой массовой общественной организации Д. Александра и Р. Дьюрена <…> На глазах вооруженного полицейского несколько озверевших расистов жестоко избили Ш. Митчелл, а блюститель порядка вмешался лишь тогда, когда ее спутники попытались оказать сопротивление бандитам, и арестовал Д. Александра и Р. Дьюрена. В добавление лишь можно сказать, что пострадавшие чернокожие будут привлечены к суду за... «нарушение общественного порядка» <…> Зато в деле К. Робинсона <…> власти

усмотрели противозаконное деяние, обвинив его в попытке «покушения на жизнь» куклуксклановцев, когда те напали на участников антирасистской демонстрации. <…> При попустительстве властей и полиции расисты все больше наглеют» [12, с. 5].

Показательным в вопросе о расизме в США стал конкурс «мисс Америка-84». Как ни странно, в конкурсе победу одержала темнокожая Ванесса Уильямс из Миллвуда. Но «итоги парада звезд <…> поспешили «ополитизировать» <…> Красота красотой, вокал вокалом... Но смотрите, на пьедестале почета черная девушка! Это ли не свидетельство того, что в Соединенных Штатах «рушатся расовые барьеры», расизм вообще «исчезает с американских горизонтов» <…> Расизм не сдал своих позиций в Соединенных Штатах <…> Недавно у здания министерства юстиции США <…> представители чернокожего населения Америки заявили властям в Вашингтоне, что они «живут, окруженные ненавистью, и под постоянной угрозой смерти». <…> Через несколько дней после этой манифестации в самом Вашингтоне <…> расисты совершили новое преступление. Ночью неизвестные лица взломали дверь церкви, где священник негр, и устроили в ней разгром» [4, с. 5]. «Изнемогая от жары, люди ожидают автобус. Это конечная его остановка в престижном вашингтонском пригороде Чеви-Чейс. Уже зажглись огни в уютных особняках и коттеджах, где рядом с нарядными витринами магазинов, теннисными кортами «Кенвуд-клаба», дискотеками живут исключительно белые американцы. Отсюда автобус <…> уйдет в центр Вашингтона, к старым закопченным улочкам, лежащим в районе 10-й стрит, где осело негритянское население <…> Но расизм не свернул знамена сегрегации. <…> А то, что произошло недавно в Филадельфии, где были заживо сожжены представители негритянской секты «Мув» («Движение»), на дом которых с полицейского вертолета сбросили бомбу, продемонстрировало самое открытое проявление расистских порядков в США [5, с. 5].

Результаты

В ходе проведения исследования, установлено, что общая картина проблемы темнокожего населения стран капитализма представленная на страницах советской периодической печати, имеет следующие характерные черты:

1. Капиталистический мир, воспринимая «белых» высшей расой, подвергает «чёрных» жёсткой эксплуатации. Яркий пример – колонии в Африке, где использование «чёрного» труда при низких показателях качества жизни негритянского населения соседствует с правовой дискриминацией.

2. Несмотря на ряд законодательных мер, внедренных в американском

обществе, власти США ведут уже «скрытое» ущемление темнокожего населения.

3. Отголоски сегрегации в Соединенных Штатах видны даже в середине 1980-х годов, где продолжаются беспорядки, связанные с жизнью негритянского населения.

Заключая, следует также отметить, что, показательное признание прав чернокожих в странах капитализма не искоренило внутригосударственной дискриминации негритянского населения. Даже в Южной Африке, где большая часть населения – негры, не изжита несправедливость, порожденная колонизаторами «европейцами», по прежнему занимавшими высшее социально-экономическое положение по сравнению с темнокожими.

Обсуждение. Результаты исследования представляют собой анализ советской периодической печати по вопросу о положении темнокожего населения стран капиталистического толка. В работе прослеживаются изменения позиций негритянского населения в названных странах при вступлении в силу законодательных поправок, касающихся его прав.

В исследовании совершается попытка проследить развитие состояния проблемы негритянского населения капиталистических стран путем анализа изданий периодики от 1937 до 1985 годов.

Заключение

Руководствуясь результатами проведенного анализа, можно сделать вывод о том, как развивалась тема угнетения темнокожего населения в странах капитализма на страницах советских журналов и газет. Не удивителен тот факт, что в 1930-х, 1940-х годах советская корреспонденция печатала факты ущемления в правах негритянского населения. Поразительнее является то, что еще в 1985 году страницы «Известий» все же полны новостями о бунтующих «белых», до сих пор не смирившихся с уравнением в правах вместе с «чёрными». Еще более изумительным являются описанные в периодике факты расистских наклонностей самих капиталистических властей. Несмотря на внешнюю показательную законодательную базу, властные структуры попустительски относятся к фактам ее нарушения, а в худшем случае – сами ее игнорируют.

Таким образом, для истинного уравнения прав «чёрных» и «белых» представителей стран капитала потребовалось ни одно десятилетие.

Библиографический список:

1. Бакстэр М. Преступник // Крокодил. 1948. № 33. С. 3.
2. Грегори Н. Мемфис – мой дом // Америка. 1956. № 86. С. 2-6.
3. Кармов У. Заметки о литературной жизни в США // Интернациональная литература. 1940. № 2. С. 194-197.
4. Корявин Блеск карнавала и тени ненависти // Известия. 1983. № 274. С. 5.
5. Корявин Л. Только для белых // Известия. 1985. № 212. С. 5.

6. Матвеев В. На земле Лютера Кинга // Известия. 1979. № 28. С. 5.
7. Палладин А. Списали со счетов // Известия. 1983. № 134. С. 3.
8. Переверзев Л. О непрерывности музыки // Ровесник. 1976. № 10. С. 19-21.
9. Ремов С. На дно, первым классом?.. // Ровесник. 1976. № 8. С. 10-12.
10. Ромашкин П. Растоптанная демократия // Известия. 1963. № 119. С. 2.
11. Чармиан фон Виганд. От Караибского моря к подножию креста // Интернациональная литература. 1937. № 3. С. 175-186.
12. Черепанов А. Не дожидаясь темноты // Известия. 1980. № 269. С. 5.
13. Текеев С.О. Становление промышленной разработки свинцово-серебряных руд в верховьях Кубани во второй половине XIX века // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 83-88.

Reference

1. Baxter M. The Criminal // Crocodile. 1948. № 33. P. 3.
2. Gregory N. Memphis – My Home // Amerika. 1956. № 86. P. 2-6.
3. Karmov U. Notes on Literary Life in the USA // International Literature. 1940. № 2. P. 194-197.
4. Koryavin The Glitter of Carnival and the Shadows of Hatred // Izvestia. 1983. № 274. P. 5.
5. Koryavin L. Only for Whites // Izvestia. 1985. № 212. P. 5.
6. Matveyev V. In the Land of Luther King // Izvestia. 1979. № 28. P. 5.
7. Palladin, A. "Written Off" // Izvestia. 1983. № 134. P. 3.
8. Pereverzev, L. "On the Continuity of Music" // Rovesnik. 1976. № 10. P. 19-21.
9. Remov, S. "To the Bottom, First Class?.." // Rovesnik. 1976. № 8. P. 10-12.
10. Romashkin, P. "Trampled Democracy" // Izvestia. 1963. № 119. P. 2.
11. Charmian von Wiegand. "From the Caribbean Sea to the Foot of the Cross" // International Literature. 1937. № 3. P. 175-186.
12. Cherepanov A. Without waiting for darkness // Izvestia. 1980. № 269. P. 5.
13. Tekeev S.O. The development of industrial mining of lead and silver ores in the upper reaches of the Kuban in the second half of the 19th century // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 83-88.

Куровский С.В.
Руководитель научно-исследовательского подразделения ООО «Высшая Школа Образования».

Мишин Д.А.
Руководитель редакционно-издательского отдела ООО «Высшая Школа Образования».

Морозов М.А.
Студент факультета «Международные отношения и внешняя политика», Дипломатическая академия МИД России.

Трансформация стратегического взаимодействия между ФРГ и США в рамках североатлантического альянса в контексте кризиса европейской безопасности (2014-2023 гг.)*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования двухсторонних отношений ФРГ и США в рамках ключевого военно-политического союза, являющегося основополагающим элементом системы евроатлантической безопасности. Цель научного исследования – выявление ключевых этапов, направлений и результатов трансформации стратегического взаимодействия ФРГ и США в НАТО под влиянием кризиса европейской безопасности в 2014-2023 гг. В статье приведены теоретические и исторические предпосылки германо-американского взаимодействия в НАТО до 2014 года, факторы интенсификации и новые приоритеты взаимодействия после 2014 года, а также экономические, технологические и внутриполитические аспекты взаимодействия. Анализируется конкретный исторический период (2014-2023 гг.), отмеченный переломом в европейской безопасности (аннексия Крыма, геополитическая напряженность на Украине), что позволяет изучать эволюцию и интенсификацию отношений в условиях кризиса. Выбранный временной период характеризуется переходом Германии от «культуры сдержанности» к более активной и ответственной роли в альянсе под давлением США, что требует комплексного исторического осмысления. Исследование заполняет лакуну в отечественной историографии, фокусируясь на взаимодействии в рамках НАТО как на отдельном факторе международных связей.

Ключевые слова: стратегическое взаимодействие, Североатлантический альянс, система европейской безопасности, кризис, эволюция отношений, фактор международных связей, приоритеты.

* © Куровский С.В., Мишин Д.А., Морозов М.А., 2026.

Kurovsky S.V.
Head of the Research Department LLC "Higher School of Education".

Mishin D.A.
Head of the Editorial and Publishing Department of LLC "Higher School of Education".

Morozov M.A.
Student of the Faculty of International Relations and Foreign Policy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Transformation of strategic interaction between Germany and the USA within the framework of the north Atlantic alliance in the context of the European security crisis (2014-2023)

Abstract. This article presents the results of a study of bilateral relations between Germany and the United States within the framework of a key military-political alliance, which is a fundamental element of the Euro-Atlantic security system. The objective of the scientific study is to identify the key stages, directions, and results of the transformation of strategic interaction between Germany and the United States in NATO under the influence of the European security crisis in 2014-2023. The article presents the theoretical and historical prerequisites for German-American interaction in NATO before 2014, the factors of intensification and new priorities for interaction after 2014, as well as the economic, technological, and domestic political aspects of interaction. A specific historical period (2014-2023), marked by a turning point in European security (the annexation of Crimea, geopolitical tensions in Ukraine), is analyzed, which allows us to study the evolution and intensification of relations in a crisis. The selected time period is characterized by Germany's transition from a "culture of restraint" to a more active and responsible role in the alliance under pressure from the United States, which requires a comprehensive historical understanding. The study fills a gap in Russian historiography by focusing on interaction within NATO as a separate factor in international relations.

Key words: strategic interaction, the North Atlantic Alliance, the European security system, crisis, evolution of relations, the factor of international relations, priorities.

Введение.

Изучение динамики стратегического партнерства между Федеративной Республикой Германией (ФРГ) и Соединенными Штатами Америки (США) в рамках Североатлантического альянса представляет собой значимую научную проблему в области истории международных отношений. Актуаль-

ность данного исследования обусловлена изменениями в архитектуре европейской безопасности, наблюдаемыми в период с 2014 года по 2023 год [1]. Этот хронологический отрезок, начавшийся с присоединения Крыма к территории Российской Федерацией и завершившийся геополитической напряженностью на Украине, ознаменовал собой окончание постбиполярного порядка и переход к эпохе открытой геополитической конкуренции. В этих условиях НАТО как центральный институт коллективной обороны Запада столкнулся с необходимостью глубокой адаптации, где характер взаимодействия между его ведущей державой и наиболее влиятельным европейским членом приобрел решающее значение [2], [3].

Предметом анализа в данной работе является эволюция форм, механизмов и содержания координации между Берлином и Вашингтоном внутри альянса под воздействием внешних кризисных импульсов. Традиционные рамки этого взаимодействия, сложившиеся после холодной войны и характеризовавшиеся относительной предсказуемостью, оказались подвержены существенной трансформации. Со стороны США последовательно нарастало давление в сторону увеличения германского оборонного бюджета и принятия на себя большей ответственности за безопасность в Восточной Европе. Германия, в свою очередь, балансировала между обязательствами перед альянсом, идеей стратегической автономии ЕС, экономическими интересами и глубоко укорененной в политической культуре сдержанностью в военных вопросах. Напряжение между этими векторами определяло специфику двустороннего диалога [4], [5].

Историография проблемы обширна и включает как фундаментальные труды по истории трансатлантических отношений, так и более узкие исследования, посвященные внешней политике ФРГ и роли США в Европе после 2014 года. Работы таких авторов, как Ф.О. Трунов [6], С.В. Куровский, Д.А. Мишин, М.Г. Зинчук [7], [8], В.О. Ганат [9], В.Б. Белов [1], [10], дают важный контекст. Однако присутствует нехватка комплексных исследований, которые рассматривали бы именно эволюцию инструментов и практик взаимодействия внутри НАТО как самостоятельный фактор состояния двусторонних связей. Настоящая работа призвана восполнить эту лакуну, фокусируясь на том, как кризисные вызовы модифицировали процедуры принятия решений, распределение ролей и оперативную синергию между двумя государствами в рамках альянса.

Цель исследования заключается в выявлении ключевых этапов, направлений и результатов трансформации стратегического взаимодействия ФРГ и США в НАТО под влиянием кризиса европейской безопасности в 2014-2023 гг. Для ее достижения необходимо решить ряд взаимосвязанных задач: проанализировать состояние партнерства к 2014 году, выявить факторы его интенсификации, оценить влияние внутриполитических изменений

в обеих странах на динамику альянса, исследовать качественный скачок в координации, вызванный геополитической напряженностью на Украине, а также определить долгосрочные последствия этой трансформации для архитектуры евроатлантической безопасности.

Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении взаимодействия ФРГ и США именно как механизма альянса, его адаптивных возможностей и пределов в условиях стресс-теста. Практическая значимость работы состоит в возможности использования ее выводов для более глубокого понимания текущих процессов в НАТО, прогнозирования развития трансатлантических отношений и формирования научно обоснованных представлений о новой конфигурации сил в Европе.

Материалы и методы исследования.

Работа основывается на комплексном подходе к изучению исторических и политических процессов, что обусловило использование разнообразных источников и применение взаимодополняющих исследовательских методов. Методологический фундамент исследования образует сочетание принципов историзма и системного анализа, позволяющее рассматривать эволюцию двустороннего взаимодействия в динамике, с учетом взаимосвязи внутренних и внешних факторов, а также институциональных аспектов Североатлантического альянса.

Информационная база исследования включает несколько ключевых групп документов и материалов. Первую группу составляют официальные документы многосторонних и национальных институтов. К ним относятся решения, стратегические концепции и заявления, принятые на саммитах НАТО в Уэльсе (2014), Варшаве (2016), Брюсселе (2018), Мадриде (2022) и Вильнюсе (2023). Анализ этих текстов позволяет реконструировать формальную эволюцию позиции альянса, закрепление новых приоритетов и мер коллективной реакции. Вторую группу образуют документы национального уровня: официальные заявления, выступления и политические решения правительств Германии и США, а также материалы парламентских слушаний, в частности, бундестага ФРГ и Конгресса США. Особое значение для работы имеет текст выступления федерального канцлера О. Шольца от 27 февраля 2022 года («Zeitenwende») как программный документ, скрывающий переломный момент.

Третья группа источников представлена материалами, отражающими позиции непосредственных участников политического процесса: мемуарами, интервью и публичными заявлениями ключевых политических и военных деятелей обеих стран. Четвертую группу образует статистическая информация и отчетные данные, публикуемые НАТО, Международным институтом стратегических исследований (IISS), Стокгольмским междуна-

родным институтом исследований проблем мира (SIPRI) и национальными министерствами обороны. Эти данные используются для анализа динамики военных расходов, масштабов оперативной деятельности и трансформации военных потенциалов. Пятую группу составляют материалы аналитических центров и экспертного сообщества (таких как Германское общество внешней политики (DGAP), Фонд науки и политики (SWP)), публикации в авторитетных периодических изданиях и научных журналах, которые помогают интерпретировать события и выявлять дискуссионные точки в политическом и академическом дискурсе.

Теоретико-методологическая основа исследования сформирована для решения задач, подразумевающих как историческую реконструкцию процессов, так и анализ политических решений. Ведущим общенаучным подходом является системный, в рамках которого германо-американское взаимодействие рассматривается как подсистема внутри более широкой системы трансатлантических отношений и альянса НАТО, подверженная влиянию внешней среды и внутренней динамики (глобальные вызовы, смена администраций, внутриполитические процессы). Принцип историзма обеспечивает рассмотрение всех явлений в их становлении и развитии, отказе от абстрактных оценок и учете конкретно-исторических условий каждого этапа.

Исторические методы составили ядро аналитического инструментария. Историко-генетический метод был применен для выявления причинно-следственных связей и последовательной реконструкции процесса трансформации взаимодействия от истоков сложившейся после холодной войны модели до ее пересмотра после 2022 года. Историко-сравнительный метод использовался для проведения параллелей и выявления различий в реакциях и стратегиях Берлина и Вашингтона на различные кризисные вызовы (2014 г., 2022 г.), а также для анализа эволюции позиций каждой из сторон во времени. Для углубленного изучения ключевых поворотных моментов и конкретных решений (провозглашение «Zeitenwende», реформы НАТО) применялся метод кейс-стади, позволивший дать их детальную характеристику в контексте совокупности влияющих факторов.

В работе также использовались методы, заимствованные из политической науки и анализа международных отношений. Институциональный анализ помог оценить роль структур и процедур НАТО как рамки, ограничивающей или облегчающей координацию между союзниками. Анализ документов (контент-анализ) был применен к текстам резолюций, стратегических концепций и публичных выступлений для выявления изменений в терминологии, расстановке приоритетов и риторических конструкциях, что служило индикатором сдвигов в политическом мышлении. Поскольку исследование затрагивает вопросы восприятия и общественной дискуссии,

элементы дискурс-анализа были использованы для изучения эволюции ключевых понятий («сдержанность», «ответственность», «поворотная эпоха») в германском политическом и экспертном ландшафте.

Результаты и их обсуждение.

1. Теоретические и исторические предпосылки германо-американского взаимодействия в НАТО до 2014 года. После объединения Германии и окончания биполярного противостояния перед Берлином встал вопрос о выработке новой внешнеполитической идентичности в сфере безопасности. Взаимодействие с США в рамках НАТО оставалось ее краеугольным камнем, однако его содержание претерпело значительную эволюцию. На начальном этапе 1990-х гг. доминировала так называемая «культура сдержанности», унаследованная от послевоенной эпохи. Она проявлялась в осторожном подходе к применению военной силы за пределами территории альянса, конституционных и внутриполитических ограничениях, а также приоритете невоенных инструментов политики. Решения Конституционного суда ФРГ 1994 года, легитимизировавшие участие Бундесвера в миссиях за пределами НАТО, стали первым шагом к ее пересмотру.

Последующее участие Германии в операциях на Балканах (IFOR/SFOR в Боснии, воздушная кампания против Югославии в 1999 году), а затем, после исторического решения бундестага в 2001 году, в миссии ISAF в Афганистане, ознаменовало переход к этапу «нормализации». Под этим понимается постепенная адаптация ФРГ к роли «нормальной» державы, готовой брать на себя больше международной ответственности, в том числе военной, по мандату международных организаций. Однако эта нормализация носила противоречивый характер. Активность Берлина была скорее ответом на внешние кризисы и давление со стороны партнеров, прежде всего, США, чем результатом проактивной стратегии. Сохранялся значительный разрыв между растущими ожиданиями союзников и готовностью немецкого общества к силовому вмешательству, что задавало определенные параметры для диалога с Вашингтоном (таблица 1).

Как показывает таблица 1, процесс нормализации был постепенным и сопровождался внутренними дискуссиями. К 2013 году Германия уже была незаменимым партнером США в Афганистане, но сохраняла особую осторожность в вопросах, связанных с применением силы, что формировало специфический паттерн взаимодействия: Вашингтон часто выступал инициатором более решительных действий, а Берлин - фактором сдержанности, стремящимся к дипломатическим решениям и четким международным мандатам.

Таблица 1. Эволюция участия ФРГ в операциях НАТО (1990-2013 гг.).

Хронологический период	Ключевые операции или события	Характер участия ФРГ	Влияние на взаимодействие с США
1990-1994 гг. (легитимация)	Решения Конституционного суда	Правовое обоснование внешних миссий	Снятие правового барьера
			Запрос США на большее участие
1995-1999 гг. (первое применение силы)	IFOR/SFOR (Босния)	Логистическая поддержка	Демонстрация готовности, но выявление ограничений (неучастие в ударных операциях в Косово)
	Косово (1999)	Ограниченное боевое участие	
2001-2013 гг. (этап «нормализации»)	ISAF (Афганистан)	Развертывание контингента в сложном регионе	Рост оперативной взаимозависимости
		Боевые потери	Критика в США за ограничительные правила применения силы

Источник: составлено авторами на основе [10], [11].

Восприятие США в Германии в рассматриваемый период отличалось устойчивой амбивалентностью, которая влияла на подходы к взаимодействию в НАТО. С одной стороны, США продолжали рассматриваться как незаменимый внешний гарант безопасности. Это коренилось в опыте холодной войны, обеспечивавшем передовое военное присутствие на территории ФРГ, а также в понимании того, что лишь тесная связь с Вашингтоном позволяет Германии компенсировать собственную исторически обусловленную военно-политическую сдержанность. Американская мощь воспринималась как стабилизирующий фактор, сдерживающий потенциальные угрозы и обеспечивающий общую безопасность в Европе.

С другой стороны, начиная с 2000-х гг., в немецком политическом дискурсе все отчетливее проявлялось представление о США как о факторе риска и потенциальной дестабилизации. Односторонние действия Вашингтона, его готовность к превентивному применению силы вне рамок международного права способствовали формированию критического взгляда. Возникло понимание, что внешнеполитическая активность США способна втягивать союзников в конфликты, не соответствующие их национальным интересам или общественному мнению. Таким образом, в восприятии германских элит американская мощь выполняла двойственную функцию: она была одновременно и щитом, обеспечивающим безопасность, и мечом, чьим применением необходимо управлять и ино-

гда ограничивать. Эта двойственность делала отношения одновременно необходимыми и сложными, вынуждая Берлин постоянно лавировать между лояльностью альянсу и защитой собственного политического суверенитета.

Практическое функционирование германо-американского сотрудничества в НАТО проходило проверку в ходе международных кризисов, два из которых, Косово (1999) и Ирак (2002-2003 гг.), имели особое значение. Косовский кризис стал первым случаем боевого применения силы НАТО и выявил новую модель взаимодействия: США обеспечивали основную ударную мощь и оперативное лидерство, в то время как Германия, под руководством красно-зеленой коалиции, совершив поворот во внешней политике, обеспечила весьма важную политическую и дипломатическую легитимацию операции. Берлин сыграл ключевую роль в достижении консенсуса внутри альянса, демонстрируя, что даже при ограниченном военном вкладе он может выступать незаменимым политическим посредником и моральным авторитетом.

Иракский кризис, напротив, стал моментом институционального шока. Открытое противостояние администрации Дж. Буша-младшего и правительства Г. Шредера, отказавшегося участвовать во вторжении без мандата ООН, привело к трансатлантическому расколу. Этот кризис показал, что институциональные рамки НАТО не являются гарантом единства, когда затрагиваются вопросы суверенного права на применение силы и интерпретации международных норм. Германия в коалиции с Францией использовала свои возможности внутри альянса для блокирования инициативы США. Данный эпизод обусловил, что Берлин способен занять жесткую независимую позицию даже под давлением главного союзника. Последующее примирение и сотрудничество в Афганистане происходило уже на фоне этой осознанной возможности разногласия.

После расширения альянса на восток в 1999 году и 2004 году постепенно сформировался новый стратегический вектор, направленный на укрепление безопасности новых членов и построение партнерских отношений с постсоветскими странами, включая Украину и Грузию. Позиции Берлина и Вашингтона в этом процессе изначально расходились, что заложило основу для будущих трений. США, особенно после российской интервенции в Грузию в 2008 году, выступали за более решительное и быстрое продвижение архитектуры безопасности на Восток, включая перспективу дальнейшего расширения НАТО и развертывания элементов ПРО в Восточной Европе.

Германия, руководствуясь логикой стратегического баланса и экономических интересов, занимала более осторожную и сдержанную позицию. Берлин подчеркивал необходимость учета интересов России и выступал за

развитие диалога в рамках Совета Россия-НАТО и концепции «стратегического партнерства» с Москвой. Идея Партнерства ради мира и двустороннее сотрудничество с РФ, в частности в энергетической сфере, часто имели для Германии приоритет над мерами военного сдерживания. На саммите НАТО в Бухаресте в 2008 году именно сопротивление Германии и Франции заблокировало предоставление Украине и Грузии Плана действий по членству (ПДЧ), несмотря на активную поддержку этой инициативы со стороны США и новых членов альянса. Таким образом, к началу 2014 года «восточное» направление политики НАТО представляло собой компромисс, в котором американский курс на сдерживание и интеграцию уравновешивался германским стремлением к диалогу с Россией [12].

2. Факторы интенсификации и новые приоритеты взаимодействия после 2014 года. Первоначальные реакции Вашингтона и Берлина на действия России продемонстрировали как консенсус в оценке нарушения международного права, так и существенные нюансы в предлагаемых инструментах ответа. Администрация Б. Обамы, рассматривавшая кризис в контексте глобальной конкуренции и вызовов мировому порядку, с самого начала сделала акцент на силовое сдерживание и экономическое давление. Инициативы США были направлены на быструю демонстрацию решимости, включая развертывание дополнительных сил в Восточной Европе в рамках операции «Атлантическая решимость» (Atlantic Resolve) и активную роль в разработке секторальных санкций ЕС.

Правительство А. Меркель, напротив, исходило из принципов политико-дипломатического урегулирования и необходимости сохранения каналов коммуникации с Москвой. Германская позиция была обусловлена комплексом факторов: глубокими экономическими взаимосвязями, исторической ответственностью за диалог с Россией, а также опасениями относительно неконтролируемой эскалации. В результате был сформирован компромиссный подход, в котором жесткие дипломатические заявления и поддержка санкций со стороны Берлина сочетались с непрекращающимися попытками найти решение в нормандском формате. Этот дуализм, сочетание твердости в вопросах с открытостью к переговорам, стал отличительной чертой германской политики в последующий период [13].

Общим стратегическим ответом альянса на вызов со стороны России стала политика так называемого «сдерживания и диалога», утвержденная на Уэльском саммите НАТО в 2014 году. Ее практическая реализация потребовала адаптации военных структур и механизмов взаимодействия, в ходе которой позиции Берлина и Вашингтона требовали постоянной координации. Ключевыми элементами стали Фонды обеспечения безопасности (НФОБ), предназначенные для финансирования целевых проектов по укреплению обороноспособности союзников, а также развертывание сил

повышенной готовности в странах Балтии и Польше (eFP).

Германия взяла на себя лидирующую роль в формировании многонациональной тактической группы в Литве, что символизировало ее готовность к прямой ответственности за безопасность восточного фланга. Однако масштаб и характер этого присутствия изначально носили ограниченный, ротационный характер, что отражало стремление Берлина избежать восприятия этих мер как необратимого долгосрочного размещения сил, способного окончательно подорвать отношения с Москвой. При этом США настаивали на более масштабных и постоянных мерах, видя в eFP лишь первый шаг. Различия в подходах к реализации общей стратегии наглядно отражает таблица 2.

Таблица 2. Подходы ФРГ и США к реализации мер сдерживания НАТО после 2014 года.

Аспект политики	**Позиция и действия США**	**Позиция и действия ФРГ**	**Итоговый компромисс в рамках НАТО**
Военное присутствие на Востоке	Активное постоянное усиление военного присутствия	Ограниченное, ротационное участие в eFP (лидерство в Литве) с акцентом на обратимость действий	Развертывание eFP как «надежного сдерживания», но в формате ротационных батальонов
	Наращивание инфраструктуры		
Финансирование обороны	Давление на достижение цели в 2% ВВП к 2024 году	Первоначальная сдержанность	Условное принятие цели 2% как ориентира, но без жестких санкций за невыполнение
	Критика недостаточных военных расходов	Постепенный рост оборонного бюджета, но с опорой на политические и дипломатические инструменты	Акцент на НФОБ
Отношение к диалогу с РФ	Формальная поддержка при скептицизме относительно результативности	Рассмотрение диалога как необходимого элемента стратегии	Формальное сохранение каналов (Совет Россия-НАТО), но фактическое замораживание практического сотрудничества
	Акцент на силовой составляющей	Активные дипломатические инициативы (нормандский формат)	

Источник: составлено авторами на основе информационной базы исследования.

Приход к власти администрации Д. Трампа привнес в трансатлантические отношения элемент институционального стресса. Критика НАТО как «устаревшей» организации и жесткое, часто публичное требование от европейских союзников, и, в первую очередь, от Германии, немедленного увеличения оборонных расходов до 2% ВВП поставили под вопрос базовые принципы солидарности и взаимного доверия. Данный вопрос превратился в политический символ, вокруг которого велась борьба за перераспределение бремени ответственности и пересмотр основ альянса.

Для Германии давление со стороны Вашингтона создало сложную дилемму. С одной стороны, оборонный бюджет начал постепенно увеличиваться, а в 2014 году было дано согласие на цель в 2%. С другой стороны, германское правительство отказывалось принимать ультимативный тон и настаивало на более широком понимании вклада в безопасность, включающем дипломатию, развитие и участие в миротворческих миссиях. Конфликт вокруг расходов временно оттеснил на второй план консенсус по противодействию России, создав атмосферу взаимного недоверия. Это заставило Берлин активизировать усилия по укреплению европейской опоры в сфере безопасности (PESCO, Инициатива по интервенции), что, в свою очередь, вызывало новые вопросы в Вашингтоне. Таким образом, период 2017-2020 гг. стал временем испытания прочности германо-американских связей из-за внутреннего кризиса управления альянсом.

На протяжении всего периода 2014-2020 гг. Германия де-факто выполняла уникальную функцию ведущего посредника между США, НАТО и Россией. Эта роль вытекала из ее особого положения: будучи ключевым членом западных институтов и крупнейшей экономикой ЕС, она сохраняла наиболее интенсивные и институционализированные связи с Москвой среди западных держав. Берлин использовал такие форматы, как нормандские переговоры (вместе с Францией), для попыток нивелирования геополитической напряженности на Украине.

Такая посредническая деятельность была неоднозначно воспринята в Вашингтоне и странах ЦВЕ. С одной стороны, она признавалась как необходимая, поскольку поддерживала диалог в условиях его общего свертывания. С другой стороны, она порождала подозрения в излишней уступчивости [14]. Германия оказалась в положении, когда ей приходилось постоянно доказывать свою надежность как союзника по НАТО, одновременно пытаясь выполнять функцию дипломатического моста. Эта двойственность определяла сложный характер ее взаимодействия с США, где оперативное военное сотрудничество и солидарность по санкциям сочетались с периодическими тактическими расхождениями в вопросах дипломатического темпа и тональности коммуникации с Россией.

3. Геополитическая напряженность на Украине как фактор транс-

формации германо-американской координации в НАТО (2022-2023 гг.). Выступление федерального канцлера О. Шольца в бундестаге 27 февраля 2022 года, озаглавленное «Zeitenwende» («Поворотная эпоха»), стало документом, фиксирующим отказ от ключевых парадигм, определявших внешнюю политику Германии на протяжении десятилетий. В своей речи канцлер прямо связал проведение специальной военной операции России на Украине с необходимостью окончательного преодоления наследия послевоенной сдержанности и «изменения через сближение». Была провозглашена неотложность строительства «современной, мощной, прогрессивной» федеральной армии, способной служить основой обороны Европы. Этот риторический разрыв с прошлым получил немедленное материальное измерение в виде объявления о создании специального фонда обороны в размере 100 млрд. евро и обязательства ежегодно выделять на оборону более 2% ВВП.

Первоначальная реакция администрации Джо Байдена была смешанной. С одной стороны, сам факт столь радикального заявления со стороны германского руководства был воспринят как долгожданный и позитивный сдвиг, отвечающий многолетним призывам Вашингтона. С другой стороны, возникли закономерные вопросы о глубине, скорости и необратимости провозглашенного поворота, особенно на фоне предшествующих задержек в выполнении оборонных обязательств. Однако последовавшие конкретные шаги Берлина по снабжению Украины тяжелыми вооружениями (противотанковые системы, ЗРК, САУ) и, что особенно показательно, согласие на поставки танков Leopard 2, способствовали постепенной трансформации скепсиса в признание. Фонд в 100 млрд. евро стал не только внутренним финансовым инструментом, но и мощным символом для союзников, показывающим готовность Германии на практике выполнить прежние требования США о справедливом распределении бремени.

Сравнительный анализ ключевых изменений в германской политике до и после февраля 2022 года позволяет оценить масштаб произошедшего сдвига (таблица 3).

Провозглашенный Берлином поворот требовал немедленной операционализации в рамках Североатлантического альянса. Стратегические решения, принятые на саммитах в Мадриде (2022) и Вильнюсе (2023), зафиксировали переход от логики «адаптированного присутствия» к концепции «усиленного сдерживания и обороны». Если ранее меры, такие как eFP, носили в значительной степени сигнальный и ограниченный характер, то новая модель, оформленная в Вильнюсе, предполагала превращение сил на восточном фланге в боеготовые, масштабируемые контингенты с заранее развернутой инфраструктурой и утвержденными планами обороны. Германия заняла центральное место в этой новой конструкции.

Таблица 3. Сравнительный анализ подходов ФРГ к вопросам безопасности до и после провозглашения «Zeitenwende».

Ключевой аспект политики	Парадигма до 24 февраля 2022 года	Парадигма после 27 февраля 2022 года («Zeitenwende»)	Влияние на взаимодействие с США
Оборонный бюджет	Постепенный рост	Однократное пополнение капитала на 100 млрд. евро и законодательное закрепление цели более 2% ВВП как немедленной обязанности	Снятие ключевой претензии со стороны США
	Отставание от цели в 2% ВВП, воспринимаемой как отдаленный ориентир		Основа для доверия и планирования
Поставки вооружений Украине	Крайняя сдержанность	Разрешение на поставки тяжелых наступательных вооружений (САУ, ЗРК, танки), включая реэкспорт союзниками	Устранение главного тактического разногласия
	Отказ от летального оружия		Создание единой коалиции доноров
	Фокус на гуманитарной помощи		
Восприятие России	Приоритет диалога и дипломатического урегулирования	Фокус на сдерживание и ослабление как предпосылке будущей безопасности	Стратегическая конвергенция в оценке характера угрозы
Роль Бундесвера	Инструмент кризисного реагирования за пределами Европы и ограниченного участия в миссиях НАТО	Фундамент коллективной обороны Европы и ядро восточного фланга НАТО	Переход от взаимодополняемости к прямой оперативной взаимозависимости в Европе

Источник: составлено авторами на основе информационной базы исследования.

Показательной стала готовность Берлина взять на себя постоянное руководство и обеспечить основу для тактической группы в Литве, с развертыванием полноценной боеготовой бригады на ротационной основе. Это решение отвечало многолетним ожиданиям балтийских союзников и требованиям Вашингтона о более равномерном распределении лидерства. Одновременно Германия трансформировала свою национальную территорию из преимущественно тыловой базы времен холодной войны в ключевой

логистический, командный и транзитный хаб для всей восточной группировки альянса. Создание в Ульме Центра поддержки тыла НАТО для Восточного фланга и модернизация портов, аэродромов и железнодорожных путей для быстрого перемещения американских подкреплений (в рамках Европейской инициативы European Deterrence Initiative) означали интеграцию немецкой инфраструктуры в общие планы обороны НАТО [15]. Таким образом, оперативная роль ФРГ эволюционировала от одного из многих участников коллективных миссий до одного из двух (наряду с США) системообразующих «центров силы», обеспечивающих устойчивость всего восточного фланга альянса как в тактическом, так и в логистическом измерениях.

4. Экономические, технологические и внутриполитические аспекты взаимодействия. Энергетическая политика, которая долгое время рассматривалась в Германии преимущественно через призму экономической целесообразности и климатических целей, после 2014 года, а особенно с 2022 года, превратилась в стержневой элемент стратегии безопасности. Историческая зависимость от российских углеводородов, в частности природного газа, являлась значимым фактором, усложнявшим выработку единой жесткой линии в рамках НАТО. Ускоренный отказ от этой зависимости стал не только технико-экономической задачей, но и политическим императивом, связанным с надежностью ФРГ как союзника.

В этом контексте отношения с США приобрели новое, стратегическое измерение в энергетической сфере. США, превратившиеся в крупнейшего мирового экспортера сжиженного природного газа (СПГ), стали ключевым партнером Берлина в диверсификации поставок. Создание инфраструктуры для приема СПГ (плавучие и стационарные терминалы) и заключение долгосрочных контрактов с американскими компаниями знаменуют переход к новой модели отношений. Энергетическое партнерство перестало быть лишь коммерческим вопросом, трансформировавшись в элемент общей политики сдерживания и укрепления устойчивости союзников. Это сотрудничество снизило уязвимость Германии и создало дополнительную материальную взаимосвязь между экономиками двух стран, что влияет на долгосрочную динамику трансатлантических отношений (таблица 4).

Военно-техническое сотрудничество представляет собой переплетение совместных интересов и конкурентных отношений. С одной стороны, США остаются для Германии ключевым поставщиком высокотехнологичных систем, что наглядно демонстрирует решение о закупке истребителей пятого поколения F-35 для замены устаревших Tornado в рамках участия в ядерном сдерживании НАТО. Этот выбор свидетельствует о приоритете оперативной совместимости с союзниками и надежности в критически важной сфере над поддержкой европейских производителей.

Таблица 4. Динамика энергетических отношений ФРГ с Россией и США (2013-2023 гг.).

Параметр	До 2014 года (статус-кво)	2014-2021 гг. (переходный период)	2022-2023 гг. (смена парадигмы)
Доля российского газа в импорте ФРГ	Высокая (около 50-55%)	Постепенное снижение	Значительное сокращение до близкого к нулю
	Стратегические долгосрочные контракты	Поиск альтернатив, но сохраняющаяся критическая зависимость	Отказ от долгосрочных контрактов
Роль США как поставщика	Практически отсутствует	Появление СПГ как маржинального источника	Ключевой стратегический поставщик
		Высокие спотовые цены	Ускоренное строительство приемной инфраструктуры
			Долгосрочные контракты
Восприятие в контексте безопасности	Преимущественно экономический и экологический вопрос	Осознание уязвимости, но отсутствие политической воли для кардинального разрыва	Центральный элемент национальной и альянсовой безопасности
			Прямая связь с политикой сдерживания

Источник: составлено авторами на основе информационной базы исследования.

С другой стороны, существуют проекты, направленные на укрепление европейского оборонно-промышленного потенциала, такие как разработка евродрона (Eurodrone) или системы ПВО/ПРО еврорайон. Они, активно поддерживаемые Берлином, отражают стремление к большей стратегической автономии Европы и созданию собственных технологических цепочек. Вашингтон относится к ним с настороженностью, видя потенциальную угрозу фрагментации рынка и ослаблению трансатлантической связки [16]. Таким образом, германо-американское взаимодействие в этой области балансирует между логикой интеграции в американские системы снабжения и развития независимых европейских возможностей.

Киберпространство и борьба с гибридными угрозами стали новым, быстро развивающимся полем для кооперации в рамках альянса. Угрозы в этой области, отличающиеся трансграничным характером и асимметричностью, требуют тесной координации разведданных, выработки общих

стандартов и процедур реагирования. Германия и США, обладающие развитыми технологическими возможностями, выступают лидерами в формировании соответствующих институтов НАТО: Центр киберзащиты коалиции в Эстонии или Объединенный центр по противодействию гибридным угрозам в Хельсинки.

Двухстороннее сотрудничество затрагивает защиту критической инфраструктуры, избирательных процессов и информационного пространства. Совместные учения, обмен информацией об угрозах и разработка политики коллективной кибероборонны способствуют углублению оперативной взаимозависимости. Это создает прочные профессиональные и институциональные связи между соответствующими ведомствами двух стран, формируя дополнительный, высокотехнологичный уровень интеграции внутри альянса.

Выводы.

Исторический анализ выявил, что к 2014 году взаимодействие ФРГ и США характеризовалось устойчивой асимметрией и сложным балансом между германской «культурой сдержанности» и американскими ожиданиями большей ответственности. Кризисы начала 2000-х гг. показали пределы солидарности. Последовавший после 2014 года период стал фазой вынужденной интенсификации, где общая цель сдерживания России сочеталась с тактическими расхождениями в подходах и инструментах, особенно обострившимися во время администрации Трампа. Качественный перелом произошел в 2022 году, когда усиление геополитической напряженности на Украине вынудило Германию осуществить беспрецедентный стратегический разворот («Zeitenwende»), приведший к оперативной и материальной конвергенции с США в рамках НАТО. Наконец, выявлено, что эта конвергенция опирается на структурные сдвиги в энергетике, технологическом сотрудничестве и осознании новых угроз, хотя и продолжает корректироваться внутриполитическим контекстом в ФРГ.

Уровень достигнутой интенсификации взаимодействия можно оценить как исключительно высокий в оперативно-военной и институциональной сферах. Это подтверждается ростом немецких оборонных расходов, лидерством в формировании сил на восточном фланге НАТО, глубокой интеграцией логистических цепочек и тесной координацией помощи Украине. Вопрос об устойчивости этой модели остается открытым и зависит от способности Германии поддерживать новый уровень инвестиций в долгосрочной перспективе, отсутствия новых трансатлантических разногласий по вопросам, не связанным непосредственно с Россией, а также от эволюции внутриполитического консенсуса в ФРГ. Достигнутый прогресс носит в значительной степени кризисный характер, и его институционализация

потребует сознательных усилий.

Изучение данного кейса имеет существенное значение для понимания современной истории международных отношений. Оно демонстрирует механизмы адаптации наиболее институционализированного военно-политического альянса к фундаментальным изменениям в балансе сил и характере угроз. Этот процесс иллюстрирует, как внешний шок может преодолевать институциональную инерцию и внутриполитические ограничения, приводя к стремительной трансформации ролей ключевых игроков. Исследование также вносит вклад в осмысление эволюции внешней политики объединенной Германии, окончательно перешедшей к положению архитектора безопасности в Европе. Оно предлагает аналитическую рамку для оценки устойчивости трансатлантических связей в XXI веке, основанную на изучении динамического взаимодействия структурных факторов, политической воли и контекста международных кризисов.

Библиографический список:

1. Белов В.Б. Германия как хозяйственнополитический актор на Большом Ближнем Востоке: между стратегической инерцией и геоэкономической адаптацией // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 4 (128). С. 199-215.
2. Куровский С.В., Мишин Д.А., Судоргин А.Е. Старое новое окно в Африку: чего добивается Европейский союз. – М.: Высшая школа образования, 2025. 313 с.
3. Унатлоков В.Х., Мишин Д.А., Куровский С.В. Сравнительный анализ концептов в русском и китайском языках (на примере концептов «солдат», «успех», «учёба») // Власть истории и история власти. 2025. Т. 11. № 2 (60). С. 21-31.
4. Левандовский Н.В. Роль США в трансформации внешней политики европейских стран НАТО // Россия и мир. 2024. № 4. С. 86.
5. Чуань Л. КНР и ФРГ в системе современных международных отношений: политические и экономические отношения // Конфликтология/nota bene. 2025. № 3. С. 101-114.
6. Трунов Ф. О. Особенности стратегического проникновения ФРГ на Дальний Восток в начале 2020-х гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 1. С. 68-80.
7. Куровский С.В., Зинчук М.Г., Мишин Д.А. Детерминанты российской политики в прибрежных странах Персидского залива // Казачество. 2025. № 82 (1). С. 156-165.
8. Куровский С.В., Зинчук М.Г., Мишин Д.А. Торгово-экономическое сотрудничество РФ и стран Персидского залива: историческая ретроспектива, современные тренды и перспективы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 2-2. С. 11-16.
9. Ганат В.О. Политические и энергетические трансформации Германии в контексте выборов 2025 года и внешнеэкономических вызовов // Прогрессивная экономика. 2025. № 6. С. 167-181.
10. Белов В.Б. Роль и место Германии в антироссийской санкционной политике ЕС: эволюция, последствия и сценарии // Современная Европа. 2025. № 6 (134). С. 112-127.
11. Белов В.Б. Отношения ФРГ с КНР: непростое триединство партнерства, конкуренции и соперничества // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 4 (124). С. 199-222.
12. Сутырин В. Трансформация политики США, ЕС и КНР в области содействия развитию на фоне междержавного соперничества // Международные процессы. 2024. Т. 21. № 4. С. 53-82.
13. Куровский С.В., Мишин Д.А., Толоконникова Е.В. Перспективные направления внешнеэкономических связей РФ и Ирана в условиях новой экономической реальности // Инновации и инвестиции. 2025. № 2. С. 85-89.
14. Шляхтунов А.Г., Зуева П.А. Реализация внешней политики Федеративной Республики Германия в 2020-2024 гг.: изменение подходов // Россия и мир. 2025. № 3. С. 104.
15. Трунов Ф.О. Переизбрание Д. Трампа (2024) и отношения США–ФРГ в сфере безопасности и обороны // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 2 (126). С. 220-241.
16. Кузина О. Е. США в публичной дипломатии Германии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2023. Т. 16. № 4. С. 385-401.
17. Баранов А.Н. Гуманитарная политика как инструмент расширения международного влияния Турецкой

республики // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 8 (206). С. 78-84.

Reference

1. Belov V.B. Germany as an Economic and Political Actor in the Greater Middle East: Between Strategic Inertia and Geoeconomic Adaptation // Current Issues of Europe. 2025. № 4 (128). P. 199-215.
2. Kurovsky S.V., Mishin D.A., Sudorgin A.E. An Old New Window to Africa: What the European Union Is Achieving. Moscow: Higher School of Education, 2025. 313 p.
3. Unatlokov V.K., Mishin D.A., Kurovsky S.V. Comparative Analysis of Concepts in the Russian and Chinese Languages (using the concepts of "soldier", "success", "study") // The Power of History and the History of Power. 2025. Vol. 11. № 2 (60). P. 21-31.
4. Levandovsky N.V. The Role of the United States in the Transformation of the Foreign Policy of European NATO Countries // Russia and the World. 2024. № 4. P. 86.
5. Chuan L. China and Germany in the System of Modern International Relations: Political and Economic Relations // Conflictology/nota bene. 2025. № 3. P. 101-114.
6. Trunov F.O. Features of Germany's Strategic Penetration into the Far East in the Early 2020s // Problems of the Far East. 2022. № 1. P. 68-80.
7. Kurovsky S.V., Zinchuk M.G., Mishin D.A. Determinants of Russian Policy in the Coastal Countries of the Persian Gulf // Cossacks. 2025. № 82 (1). P. 156-165.
8. Kurovsky S.V., Zinchuk M.G., Mishin D.A. Trade and Economic Cooperation between the Russian Federation and the Persian Gulf Countries: Historical Retrospective, Current Trends and Prospects // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities. 2025. № 2-2. P. 11-16.
9. Ganat V.O. Political and Energy Transformations of Germany in the Context of the 2025 Elections and Foreign Economic Challenges // Progressive Economy. 2025. № 6. P. 167-181.
10. Belov V.B. The Role and Place of Germany in the EU Anti-Russian Sanctions Policy: Evolution, Consequences and Scenarios // Modern Europe. 2025. № 6 (134). P. 112-127.
11. Belov V.B. Germany's Relations with China: A Complex Trinity of Partnership, Competition, and Rivalry // Current Issues of Europe. 2024. № 4 (124). P. 199-222.
12. Sutyrin V. Transformation of the US, EU, and Chinese Development Assistance Policies Against the Background of Interpower Rivalry // International Processes. 2024. Vol. 21. № 4. P. 53-82.
13. Kurovsky S.V., Mishin D.A., Tolokonnikova E.V. Promising Directions of Foreign Economic Relations between the Russian Federation and Iran in the Context of the New Economic Reality // Innovations and Investments. 2025. № 2. P. 85-89.
14. Shlyakhtunov A.G., Zueva P.A. Implementation of the Foreign Policy of the Federal Republic of Germany in 2020-2024: Changing Approaches // Russia and the World. 2025. № 3. P. 104.
15. Trunov F.O. Re-election of D. Trump (2024) and US-Germany Relations in the Sphere of Security and Defense // Current Problems of Europe. 2025. № 2 (126). P. 220-241.
16. Kuzina O.E. The United States in German Public Diplomacy // Bulletin of St. Petersburg University. International Relations. 2023. Vol. 16. № 4. P. 385-401.
17. Baranov A.N. Humanitarian policy as a tool for expanding the international influence of the Republic of Turkey // Etnosotsium and international culture. 2025. № 8 (206). P. 78-84.

Нарбут М.И.
Студентка 4 курса факультета Международных отношений. Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Сюннерберг М.А.
Кандидат исторических наук, доцент Кафедры востоковедения. Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Француженки в колониальном Вьетнаме (1862–1945 гг.): экономическая деятельность и социальная роль*

Аннотация. В статье анализируется экономическая и социально значимая деятельность француженок в колониальном Вьетнаме в период 1862–1945 гг. На основе комплексного подхода – анализа административных ежегодников, публицистики и мемуаров, материалов по французской эмиграции и современной научной литературы – реконструируются основные виды занятости женщин во Французском Индокитае. Показано, что француженки вносили вклад в колониальную инфраструктуру образования и здравоохранения; вместе с тем их деятельность носила амбивалентный характер – позитивные социальные эффекты сопровождались репродукцией расовых и статусных иерархий. Работа заполняет историографический пробел, объединяя разрозненные источники и давая системное представление о роли французских женщин в экономике и общественной жизни Индокитая конца XIX – первой половины XX в.

Ключевые слова: француженки, колониальный Вьетнам, Индокитай, женская эмиграция, предпринимательство, образование, медицина, проституция, социальная история.

Narbut M.I.
Fourth-year student, Faculty of International Relations, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Syunnerberg M.A.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Oriental Studies, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

* © Нарбут М.И., Сюннерберг М.А., 2026.

French women in colonial Vietnam (1862–1945): economic activity and social role

Abstract. The article examines the economic and socially significant activities of French women in colonial Vietnam from 1862 to 1945. Drawing on a comprehensive approach that combines the analysis of administrative yearbooks, journalistic writings and memoirs, materials on French emigration, and contemporary scholarly literature, the study reconstructs the social profiles of female settlers in French Indochina. The article demonstrates that French women contributed to the development of colonial infrastructures of education and healthcare; at the same time, their activities were inherently ambivalent, as positive social effects were accompanied by the reproduction of racial and status hierarchies. By bringing together dispersed sources, the study addresses an important historiographical gap and offers a systematic account of the role of French women in the economic and social life of Indochina in the late 19th and first half of the 20th century.

Key words: French women, colonial Vietnam, Indochina, female migration, entrepreneurship, education, healthcare, prostitution, social history.

Введение

Французское колониальное присутствие во Вьетнаме в 1870-х – 1945 гг. оказало существенное влияние на социальные, экономические и культурные процессы в этой стране. В рамках этого присутствия важную, но до сих пор слабо изученную роль играли француженки, переселявшиеся во Вьетнам как в составе семей колониальных служащих, так и в поисках самостоятельной профессиональной и социальной реализации. Несмотря на наличие исследований, посвященных французской колониальной администрации и политике во Французском Индокитае, образ жизни и сферы занятости француженок во Вьетнаме остаются на периферии историографического внимания.

Настоящая статья посвящена анализу экономической и социально значимой деятельности француженок в колониальном Вьетнаме в конце XIX – первой половине XX вв. В центре внимания находятся формы их участия в колониальной экономике, образовательной и медицинской сферах, а также характер их взаимодействия с местным населением. Рассмотрение этих аспектов позволяет не только уточнить представления о повседневности колониального общества, но и выявить специфику женского опыта в нем. Актуальность исследования определяется как недостаточной разработанностью темы в историографии, особенно в русскоязычных и вьетнамских исследованиях, так и ее значимостью для развития социальной истории и истории женщин. Изучение деятельности француженок во Вьетнаме способствует более комплексному пониманию колониального общества и позволяет рассматривать колониализм не только через призму институтов

власти, но и через повседневные отношения.

Целью работы является реконструкция социального положения и связанных с ним занятий и быта француженок в колониальном Вьетнаме.

Для реализации цели поставлены следующие задачи:

– охарактеризовать экономически и социально значимую деятельность француженок во Вьетнаме;

– ответить на вопрос о влиянии француженок на местное население и его характере (социальное, культурное, экономическое и др.).

Литературный обзор

История француженок в колониальном Вьетнаме до сих пор остается слабо разработанным направлением, особенно в русскоязычной историографии. Основной массив исследований представлен французскими и англоязычными работами, в которых данная тема чаще всего рассматривается как часть более широких исследований по гендерной истории и социальной динамике французской колониальной империи [1]. Единственной монографией, непосредственно посвященной положению француженок в Индокитае, остается работа М.-П. Ха, в которой на основе широкого круга источников анализируются причины переезда, повседневная жизнь и формы социальной активности женщин из метрополии в колониальном обществе [3].

Монография Дж. А. Бойттин, а также ее научное обсуждение в форме рецензий, рассматривают мобильность французских женщин и механизмы колониального контроля, включая полицейский надзор и социальную регуляцию «нежелательных» групп [1, 5]. Работы, посвященные проституции во Вьетнаме, позволяют реконструировать один из наиболее уязвимых сегментов женского присутствия в колонии и проследить связь между колониальной политикой, урбанизацией и экономикой интимных услуг [9, 10, 11].

Отдельное направление исследований связано с медицинской и благотворительной деятельностью француженок. Статьи М. де Рюжи посвящены работе католических женских организаций и медицинских учреждений в Индокитае, в том числе подготовку вьетнамских медсестер и акушерок, что позволяет рассматривать француженок как активных участников формирования колониальной социальной инфраструктуры [12, 13]. Вьетнамские исследования по истории образования подчеркивают долгосрочное влияние французской системы обучения на положение женщин и расширение их социальных возможностей, что важно для оценки культурного и институционального наследия колониального периода [14].

Работа П. Бартелеми позволяет поместить опыт француженок в Индокитае в контекст идеологии «сестринства», возникшей в поздний колониальный период, показывая, как риторика солидарности использовалась в культурных и образовательных программах и служила инструментом ле-

гитимации колониального присутствия [15]. Публицистическая книга А. Виоллис дополняет академические исследования взглядом современницы, критически настроенной по отношению к колониальной политике, и содержит ценные наблюдения о положении женщин в Индокитае начала 1930-х гг. [16].

В целом существующая литература создает основу для анализа социальной роли и форм занятости француженок в колониальном Вьетнаме, однако остается разрозненной и не сводится к целостному исследованию, что во многом определяет актуальность настоящей работы.

Материалы и методы

В исследовании применен комплекс общенаучных и исторических методов, включая исторический анализ, контент- и дискурс-анализ, а также элементы просопографического подхода. Исторический метод использовался для реконструкции условий и мотивов переселения француженок в колониальный Вьетнам и их социального положения в разные периоды. Контент- и дискурс-анализ позволили выявить представления о роли французских женщин в колониальном обществе, зафиксированные в официальных и публицистических текстах. Просопографический подход применялся для обобщения сведений о роде занятий и формах деятельности француженок.

Материалами исследования послужили опубликованные источники конца XIX – начала XX вв., отражающие политику и идеологию французской колониальной эмиграции, в том числе труды Э. Пуарэ [2], Ж. Шайи-Бера [4], К. Шива-Барон [6] и Ж.-Б. Пиоле [7], а также административно-статистические ежегодники Французской Кохинхины, использованные для реконструкции профессиональной структуры и форм занятости француженок во Вьетнаме [8].

Результаты и обсуждение

После установления контроля над Индокитаем французская политика перестала ограничиваться военной и административной экспансией: колонию требовалось заселять французскими семьями и интегрировать в экономическую систему метрополии. Эмиграция француженок рассматривается в этом ключе как результат и индивидуальных, и государственных интересов. Личные мотивы переселения носили прежде всего прагматический характер – улучшение финансового и социального положения; лишь немногие руководствовались идеалами патриотизма и добровольного вклада в «цивилизационную» миссию [1, с. 3]. По социальному статусу среди переселенок можно выделить три группы: жены направлявшихся на работу в колонию служащих, женщины без достаточного приданого для выгодного брака во Франции и профессионально подготовленные женщины, оказавшиеся без работы или уязвимые в метрополии – среди них были

учительницы, медсестры, машинистки, телефонистки и телеграфистки [2, с. 217, 219] [3, с. 28-29].

С конца 1890-х годов переселение женщин получает поддержку государства и общественных институтов; в 1897 г. Ж. Шайи-Бер детально обосновал необходимость развития женской эмиграции, связав ее с задачами укрепления колониального общества и его «европеизации» [4]. В официальной риторике названные инициативы объяснялись не только демографическими и экономическими соображениями, но и идеями о сохранении «белого престижа» - переезд европейских женщин виделся способом сократить практику сожительства колониальных служащих с местными женщинами [5, с. 1]. Кроме того, присутствие семей рассматривалось как фактор, повышающий продолжительность нахождения в колониях военных и гражданских служащих, что придавало дополнительной стабильности колониальному управлению.

Современники и исследователи подчеркивали и символическую роль француженок – они приносили на колонизированные территории «маленькую Францию» - свой образ жизни и культурное влияние [6, с. 18]. М.-П. Ха дополнительно отмечает политико-демографическую логику, стоявшую за политикой переселения: более высокая рождаемость в колониях рассматривалась как способ увеличить «чистое» французское население и обеспечить долгосрочную колонизацию [3, с. 34]. В сочетании с идеологией «цивилизационной миссии» это делало женскую эмиграцию и демографическую политику взаимодополняющими элементами колониальной стратегии [7, с. 412-413].

Наконец, у правительства имелись и практические ожидания от профессионально подготовленных женщин: учительницы, медсестры и другие специалисты должны были укреплять колониальную инфраструктуру образования и здравоохранения и повышать привлекательность колониальной жизни. На практике же гарантировать рабочие места новым переселенкам было сложно: многие «государственные» вакансии уже занимали находившиеся в Индокитае жены военных и гражданских служащих, что ограничивало возможности трудовой интеграции прибывающих женщин [3, с. 44].

С переездом в колонии французские женщины выбирали для себя самые разные виды деятельности. Стоит отметить, что значительная часть женщин переезжала либо сопровождая мужа-француза, либо исключительно с целью поиска супруга в Индокитае. Эти женщины в большинстве своем становились домохозяйками. Другая группа состояла из женщин, стремившихся реализовать себя в колониях профессионально (в большинстве своем в дополнение к замужеству, а не исключая его) - через развитие собственного дела, а также внести вклад в развитие социальной сферы, распростра-

нение и укрепления французского влияния на заморских территориях.

Стоит отметить, что организации, занимавшиеся переселением женщин в колонии, в первую очередь ориентировались на отправку потенциальных жен для пребывающих там французов, в то время как поиску рабочих мест для женщин уделялось гораздо меньше времени. Тем не менее, проблемы с трудоустройством женщин были вызваны даже не этим, а конкуренцией местного населения, труд которого стоил в разы дешевле [3, с. 48]. В этой связи заинтересованное в женщинах в колониях правительство создало во многом уникальный институт, обеспечивавший француженкам занятость со стабильным доходом. Такое решение объяснялось еще и недопустимостью для «белого престижа» работы француженок в одних с вьетнамцами условиях [4]. Для них были выделены «государственные» рабочие места, не требовавшие значительных профессиональных навыков – вакансии прачек, телефонисток, кухарок, переплетчиц и машинисток [3, с. 168]. Работницам предоставлялись не только в разы более высокие зарплаты, чем местному населению на таких же должностях, но и значительные льготы – долгосрочные оплачиваемые отпуска, которые порой длились годами, выплаты на оплату жилья и содержание детей. Заработные платы были также в разы выше, чем в метрополии – таблица ниже наглядно показывает разницу между зарплатой прачек во Франции и в колониях [3, с. 169]:

Таблица 1. Зарплаты прачек в метрополии и колониях (1911).

Класс прачек	Европейская зарплата	Колониальная зарплата
Класс 1	1500 франков	3000 франков
Класс 2	1200 франков	2400 франков
Класс 3	900 франков	1800 франков

Такие условия, безусловно, выглядели крайне привлекательными, в связи с чем конкуренция за них была очень высокой. Еще одной проблемой для переезжавших в колонии стало то, что данные вакансии были прежде всего предназначены для вдов и дочерей французских военных и гражданских служащих, погибших в колониях. Логика колониальных властей здесь понятна – намного проще было удержать в колониях уже находившихся там женщин, чем привлекать новых [4]. Несмотря на попытки Общества французской женской эмиграции (франц. - Société française d'ém igration des femmes) и Общества помощи французским женщинам (франц. - Oeuvre Coloniale des Femmes Françaises) договориться о выделении дополнительных мест для новых эмигранток, колониальные власти не решались на такой шаг, прежде всего, по причине дороговизны; к 1930-м гг. количество таких должностей, напротив, сократилось [3, с. 149]. Таким образом,

государственные рабочие места являлись привлекательным для француженок, но не распространенным видом занятости. Стоит выделить и своего рода противоречие, заключавшееся в невозможности достичь единого направления действий между организациями по переселению женщин во Франции и администрацией в Индокитае – обе стороны, признавая необходимость и пользу от пребывания женщин в колониях, не смогли договориться по вопросу расширения количества государственных рабочих мест для новоприбывших в колонии женщин.

Имевшие капитал и предпринимательский дух женщины, переезжавшие в колониальный Вьетнам нередко начинали собственное дело, которое они развивали как самостоятельно, так и совместно с мужьями. Интересно, что женское предпринимательство появилось еще до начала политики переселения женщин в колонии – в Ежегодном сборнике Французской Кохинхины за 1870 г. уже присутствует упоминание о пяти женщинах-предпринимательницах. Тем не менее, нельзя сказать, что предприятия француженок развивались последовательно и непрестанно – следующее упоминание о предпринимательницах относится только к 1888 г., однако их число увеличилось в более чем 6 раз. Представляется, что в выборе своего дела француженки ориентировались на потребности потенциальных покупателей, вкупе с личным интересом к направлению, например, при открытии магазинов одежды, модных бутиков, а также желанием создать вокруг себя «маленькую Францию», где подобные магазины были широко распространены [8]. Ближе к началу XX в., с началом женской эмиграции и ростом французского населения растет и число женщин, открывающих свое дело. По данным М.П-Ха к 1900 г. только в Кохинхине существовало 15 кафе и ресторанов, 10 швейных мастерских, 7 модных и несколько корсетных магазинов, 4 розничных магазина, несколько прачечных [3, с. 149].

И в качестве «бизнеса», и в качестве рода занятий отдельных француженок стоит выделить проституцию. Проституция получила широкое распространение в колониальном Вьетнаме с приходом европейцев из-за возросшего спроса со стороны французских военных и служащих [9, с. 1]. В результате уже в 1880-х гг. в Сайгоне существовало как минимум 2 крупных публичных дома и около 150 представительниц древнейшей профессии [3, с. 151]. Довольно сложно говорить о том, были они вьетнамками, представительницами других азиатских народов (например, в Индокитае работали и японские проститутки) или француженками, но точно можно сказать, что француженки среди них были. Вспомним одну из задач, которую французское правительство хотело решить через переселение женщин во Вьетнам– прекратить сожительство французов с вьетнамками, а также пресечь использование услуг азиатских проституток со стороны французов. Конечно, в первую очередь Общества, занимавшиеся переселением,

стремились найти французам жен, но в связи с тем, что в рассматриваемый исторический момент проституция в Индокитае была легальна, можно предположить, что идеологи переселения, выбирая из двух зол меньшее, не порицали переезд в колонии для работы там французских проституток. Кроме этого, нередко проституцией занимались и замужние женщины, искавшие дополнительный источник заработка [10, с. 117].

Интересным является то, что даже после увеличения числа французских проституток, азиатки, скорее всего, не стали пользоваться меньшим спросом, что, прежде всего, было обусловлено более низкой стоимостью их услуг, что, в свою очередь, объяснялось более дешевыми осмотрами девушек и лицензиями для публичных домов - налог на медицинский осмотр в публичном доме для европеек составлял 3 пиастра, для японок – 2 пиастра, для китаянок – 1 пиастр, а для вьетнамок – всего 0,5 пиастра. Что касается налога на медицинский осмотр на дому, то для европеек он составлял 5 пиастров, для японок – 4 пиастра, для китаянок – 3 пиастра, а для вьетнамок –1 пиастр. Удостоверение и фотографии, в свою очередь, стоили одинаково для европеек, японок и китаянок – 3 пиастра, тогда как для вьетнамок они обходились всего в 1,2 пиастра. Цены на лицензии домов терпимости также значительно отличались - для европейских– 500 пиастров в год, для японских – 250 пиастров, для китайских – 120 пиастров, и, наконец, для вьетнамских – всего 60 пиастров в год [11, с. 290].

Для женщин, обладавшими профессиональными навыками, существовала возможность трудоустройства в социально-значимой сфере - прежде всего, это были вакансии врачей, медсестер, школьных учительниц. Последние были особенно востребованы в связи с проводившейся генерал-губернатором Полем Бо (1902-1908 гг.) политики «морального завоевания сердец», одним из проявлений которой стала замена традиционного китайско-вьетнамского образования на французско-вьетнамское. В рамках нее создавались доступные для широких слоев местного населения школы, в которых большое внимание уделялось изучению французского языка и культуры, и когда дело касалось выбора преподавателей для таких дисциплин, француженки, безусловно, были одним из лучших вариантов, ведь они, по крайней мере по мнению идеологов женской эмиграции, являлись олицетворением Франции. Тем не менее, опять же в связи с необходимостью выплачивать высокие зарплаты француженкам, они постепенно заменялись вьетнамскими учительницами. В таблице представлены данные по числу учительниц- француженок в Индокитае:

Несмотря на довольно стабильное увеличение числа французских учительниц, стоит помнить о том, что увеличивалось и количество колониальных школ, следовательно, в процентном отношении число француженок на этих должностях действительно сокращалось.

Таблица 2. Число французских учительниц в системе начального и среднего образования в Индокитае в 1924-1937 гг. [3, с. 188].

Год	Начальное образование	Среднее образование	Всего
1924	191	23	214
1925	182	29	211
1926	223	35	258
1928	212	48	260
1929	205	50	255
1930	222	51	273
1931	218	53	271
1932	219	104	323
1933	208	118	326
1934	149	121	270
1935	153	123	276
1936	170	253	423
1937	167	271	438

Говоря о работе женщин в медицинской сфере, важно подчеркнуть, что большинство из них в рассматриваемый момент занимало позиции медсестер, врачами все еще были в основном мужчины. Рассмотрим данные о численности французских медицинских работников в Индокитае:

Таблица 3. Численность французских медицинских работников в Индокитае в 1914 – 1936 гг. [3, с. 198].

Год	Медработники (мужчины и женщины)	Медбратья	Медсестры
1914	11	-	-
1915	23	-	-
1916	57	-	-
1917	51	-	-
1918	57	-	-
1919	62	-	-
1920	-	8	14С/36Р
1921	-	13	14С/26Р
1922	-	13	18С/41Р

1923	-	14	52
1924	-	14	53
1925	-	22	61
1926	-	21	62
1927	-	22	61
1928	-	25	70
1929	-	35	40С/42Р
1931	-	23	35С/42Р
1935	-	31	42С/54Р
1936	-	26	26С/43Р

Примечание: С - светские медсестры, Р – «религиозные медсестры», «сестры милосердия».

По данным таблицы можно отметить тенденцию к росту численности медицинских работников с течением времени. Кроме того, подтверждается факт большего числа медсестер, чем медбратьев. Интерес представляет постепенный рост как в процентном соотношении, так и в абсолютных числах числа «религиозных медсестер» - верующих, монахинь чаще всего выполнявших работу на безвозмездной основе [12, с. 135]. Рост их числа опять же объясняется желанием администрации сэкономить на высоких зарплатах обычных медсестер [3, с. 198].

Ближе к середине XX в. в Индокитае постепенно стали появляться женщины-врачи. Француженки с медицинским образованием занимали заметное, хотя и численно ограниченное место в системе здравоохранения Индокитая. Они работали в различных сферах медицины – от родильных домов, педиатрических и гинекологических отделений до лабораторий и учебных заведений, включая школы акушерок и средние медицинские учебные заведения для местных [13, с. 267]. Часть из них направлялась в колонию по контракту после завершения медицинского образования и клинической подготовки во Франции, другие переезжали вслед за супругами. Условия труда нередко были сопряжены с высокой эпидемиологической нагрузкой и институциональными ограничениями, что отражало специфику колониальной медицины и уязвимое положение женщин-врачей в иерархии колониального общества [3, с. 199-202].

После рассмотрения деятельности француженок, имеющую социальную направленность и подразумевавшую контакты с вьетнамцами, невольно встает вопрос о масштабе этих контактов и влиянии, которое они

оказали на местное население. Доподлинно нам неизвестно о масштабах распространения французско-вьетнамских школ, однако очевидно, что данное явление было массовым, так как являлось частью политики колониальной администрации. Касательно доступа вьетнамцев во французские медицинские учреждения, стоит отметить, что это было скорее исключением, нежели правилом. Нам не известно о существовании каких-либо крупных нормативно-правовых актов, постановляющих и регламентирующих создание медицинских учреждений для вьетнамцев, в связи с чем представляется, что они создавались для французов и, возможно, состоятельных вьетнамцев в качестве исключения. Тем не менее, даже там француженки могли взаимодействовать с вьетнамцами, например, среди коллег, и могли оказывать на них влияние.

Об образовательной же политике, реализованной благодаря женщинам, вьетнамцы по сей день отзываются с благодарностью – в статье научно-исследовательского журнала «Буддизм» говорится об объективных преимуществах, которые принесло французское образование. Систематическое и организованное обучение позволило лучше справляться с вызовами времени и использовать полученные знания в деле государственного строительства. Для вьетнамских женщин такое образование открыло множество возможностей для личностного роста и внесения значимого вклада в развитие общества [14].

В послевоенный период позднего колониализма французские женские организации, прежде всего Ассоциация женщин Французского союза, активно использовали риторику «сестринства» по отношению к женщинам колоний, включая Индокитай. В рамках этой идеологической модели образовательные, культурные и социальные программы, реализуемые француженками, представлялись не как элемент колониального управления, а как форма женской солидарности. Современные исследования показывают, что подобная риторика играла важную роль в легитимации участия французских женщин в колониальных проектах и формировании специфического дискурса «женского гуманизма» в Индокитае [15].

Тем не менее, стоит выделить и негативное влияние на вьетнамцев, оказанное как французской колонизацией в целом, так и француженками в частности. Прежде всего, оно заключалось в моральном унижении, в основе которого лежал расизм. М.-П. Ха приводит в своей книге чувства француженки во время ее встречи с высокопоставленным вьетнамским чиновником: «Это был первый раз, когда я пожала руку аннамиту, и дрожь прошла по мне, когда я почувствовала в своих собственных жуткие сухокожие пальцы с длинными ногтями. Это простое и естественное действие еще сильнее, чем когда-либо, продемонстрировало мне естественную антипатию, существующую между белой и желтой расами» [3, с. 253]. И похожие

идеи были крайне распространены. А. Виоллис по этой причине писала, что француженки не справились с высокой миссией привнесения в колониальный Индокитай европейской цивилизации, перекрыв своим отношением к вьетнамцам все то хорошее, что было ими же сделано [16, с. 73]. Сложно не согласиться с Виоллис, однако нам видится, что винить за это лишь одних француженок нельзя. В колониальную эпоху идеи национального и расового превосходства были распространены повсеместно и считались более чем нормой. В связи с этим идеи француженок о собственном национальном превосходстве над вьетнамцами в большинстве своем скорее были отражением эпохи, чем собственно сформулированными идеями.

Влияние француженок на местное население в Индокитае было двояким. С одной стороны, их вклад в образование оставил положительный след. Однако, с другой стороны, нельзя игнорировать негативное влияние, связанное с идеями расового превосходства. Распространенные в то время расистские взгляды сводили на нет позитивные результаты французской политики в отношении вьетнамцев и вызывали антипатию с их стороны. Хотя такая позиция была скорее отражением эпохи, а не личных убеждений отдельно взятых женщин, это не снимает с них ответственности за негативные последствия их отношения. В связи с этим, влияние француженок в колониальном Индокитае не может быть оценено однозначно.

Заключение

Исследование феномена присутствия француженок в колониальном Вьетнаме позволило выявить и проанализировать несколько ключевых аспектов их жизни и влияния на вьетнамское общество.

Среди женщин, решившихся на переезд в колониальный Индокитай, были жены служащих, женщины без приданого, не имевшие возможность выгодно выйти замуж во Франции и профессионально подготовленные француженки, не нашедшие работу на Родине. В целом переселение женщин в колонии отражало как личные устремления, так и стратегические интересы французского государства в укреплении своего влияния в Индокитае. Личные мотивы в основном включали стремление улучшить свое материальное и социальное положение. Государственные интересы в контексте переселения обусловливались рядом причин: правительство стремилось прекратить сожительство мужчин с местными женщинами, удерживать мужчин на службе в колониях и повысить рождаемость. Присутствие французских семей способствовало укреплению влияния колонизаторов и улучшению отношений с местным населением. Кроме того, женщины с профессиональными навыками могли внести вклад в развитие колониальной инфраструктуры и социальных служб.

Французские власти в колониях предоставляли женщинам возможность

трудоустройства на места, не требовавшие профессиональных навыков, и обеспечивали их высокими зарплатами и льготами, чтобы поддерживать «белый престиж». Однако число данных мест было крайне ограничено, поэтому они стали крайне привлекательным, хотя и не широко распространенным, вариантом занятости для француженок. Женское предпринимательство в колониальном Вьетнаме отражало как потребности местного рынка, так и личные интересы француженок. Женщины успешно вели бизнес, часто создавая вокруг себя «маленькую Францию». Важным аспектом женского предпринимательства была в том числе и организация публичных домов, что отражало спрос со стороны возросшего мужского населения. В то же время, французские проститутки не были безусловно лучшими в своей сфере, уступая вьетнамкам и другим азиаткам из-за высокой цены и «недостаточной экзотичности».

Говоря о социальной сфере, француженки нередко работали учительницами, медсестрами, врачами. Рассматривая социальную деятельность француженок и их взаимодействие с вьетнамцами, важно отметить, что французско-вьетнамские школы были массовым явлением, поддерживаемым колониальной администрацией, поэтому больше всего француженки влияли именно на своих учеников. К французским медицинским учреждениям простые вьетнамцы редко имели доступ, однако и здесь француженки могли оказывать влияние на вьетнамцев среди своих коллег.

Влияние француженок в Индокитае было неоднозначным. Они способствовали развитию образования, но колониальные идеи расового превосходства подрывали положительные результаты их деятельности и вызывали антипатию вьетнамцев. Хотя такие взгляды отражали эпоху, а не личные убеждения отдельных женщин, француженки все равно несут ответственность за негативные последствия своего отношения, поэтому их влияние в колониальном Индокитае нельзя оценить однозначно.

Библиографический список:

1. Бойттин Дж.А. Нежелательные: страстная мобильность и женское сопротивление французской колониальной полицейской системе, 1919–1952 гг. – Чикаго; Лондон: University of Chicago Press, 2022. 272 с.
2. Пуаре Э. Французская эмиграция в колонии – Париж, 1897. 402 с.
3. Ха М.-П. Французские женщины и империя: случай Индокитая – 1-е изд. – Нью-Йорк: Oxford University Press, 2014. 305 с.
4. Шайи-Бер Ж. Эмиграция женщин в колонии. 1897. // URL: https://archive.org/details/lmigrationdesfe00chaigoog/page/n41/mode/2up (Дата обращения: 07.02.2026)
5. Фридман Х. Рецензия на книгу Дж. А. Бойттин «Нежелательные: страстная мобильность и женское сопротивление французской колониальной полицейской системе, 1919–1952 гг.» // H-France Review. 2023. Vol. 23. № 124. // URL: https://h-france.net/vol23reviews/vol23_no124_Frydman.pdf (Дата обращения: 07.02.2026)
6. Шива - Барон Кл. Французская женщина в колониях. – Париж, 1929.
7. Пиоле Ж.-Б. Франция вне Франции: наша эмиграция, ее необходимость и условия – Париж, 1900. 705 с.
8. Ежегодник Французской Кохинхины // URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/cb32696348t/date (Дата обращения: 07.02.2026)
9. Нгуен Х.Т.Л. Проституция во Вьетнаме в новейшей истории: преемственность и разрывы // Конфликт, справедливость, деколонизация: критические исследования межазиатских обществ. 2022. // URL: https://

cjdproject.web.nycu.edu.tw/wp-content/uploads/sites/167/2022/04/Hanh.2022-Fall.-Prostitution-in-Vietnam-in-Recent-History.pdf (Дата обращения: 07.02.2026)
10. Фирпо К. Черный рынок: продажа сексуальных услуг в Северном Вьетнаме, 1920–1945 гг. – Итака: Cornell University Press, 2020. 276 с.
11. Зайков А.С. Индустрия сексуальных услуг во Вьетнаме в контексте французской колониальной политики и урбанистического развития (1862–1945 гг.): магистерская диссертация. – М.: 2021. 401 с.
12. де Рюжи М. Лечить и защищаться: дочери милосердия и францисканские миссионерки Марии в лепрозориях Британской Бирмы и Французского Индокитая в XX веке // Chrétiens et sociétés. 2023. Том 30. С. 135-154. – DOI: 10.4000/1479u.
13. де Рюжи М. Подготовка вьетнамских медсестер: Дочери милосердия и школа Красного Креста в Сайгоне, 1934 – 1950-е гг. // Mélanges de l'École française de Rome – Italie et Méditerranée modernes et contemporaines. 2022. № 134-1. С. 267-280. – DOI: 10.4000/mefrim.12173.
14. Французско-вьетнамское образование в начале XX века и некоторые типичные женщины периода западного образования // Tạp chí Nghiên cứu Phật Học. // URL: https://tapchinghiencuuphathoc.vn/giao-duc-phap-viet-dau-the-ky-xx-va-nhung-nhan-vat-nu-tieu-bieu-thoi-tay-hoc.html (Дата обращения: 07.02.2026)
15. Бартелеми П. Сестринство и колониализм: француженки и африканки во времена холодной войны (1944–1962) – Париж: Éditions de la Sorbonne, 2022. 416 с. // URL: https://books.openedition.org/psorbonne/113187 (Дата обращения: 07.02.2026) – DOI: 10.4000/books.psorbonne.113136.
16. Виоллис А. Индокитай SOS – Париж: Éditeurs Français Réunis, 1949. 112 с.
17. Попов С.И. Магия чисел как важная ступень перехода от мифа к логосу в ранней античности // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 107-112.

Reference

1. Boyttin J.A. The Undesirables: Passionate Mobility and Women's Resistance to the French Colonial Police System, 1919–1952. Chicago; London: University of Chicago Press, 2022. 272 p.
2. Poiret E. French Emigration to the Colonies. Paris, 1897. 402 p.
3. Ha, M.-P. French Women and Empire: The Case of Indochina. 1st ed. New York: Oxford University Press, 2014. 305 p.
4. Chailly-Ber J. Women's Emigration to the Colonies. 1897. // URL: https://archive.org/details/lmigrationdesfe00chaigoog/page/n41/mode/2up (07.02.2026)
5. Friedman H. Review of the book by J. A. Boyttin "The Undesirables: Passionate Mobility and Women's Resistance to the French Colonial Police System, 1919–1952" // H-France Review. 2023. Vol. 23. № 124. // URL: https://h-france.net/vol23reviews/vol23_no124_Frydman.pdf (07.02.2026)
6. Shiva - Baron Cl. French Woman in the Colonies. - Paris, 1929.
7. Piolet J.-B. France outside France: Our Emigration, Its Necessity and Conditions – Paris, 1900. 705 p.
8. Yearbook of French Cochinchina // URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/cb32696348t/date (07.02.2026)
9. Nguyen H.T.L. Prostitution in Vietnam in Modern History: Continuities and Discontinuities // Conflict, Justice, Decolonization: Critical Studies of Inter-Asian Societies. 2022. // URL: https://cjdproject.web.nycu.edu.tw/wp-content/uploads/sites/167/2022/04/Hanh.2022-Fall.-Prostitution-in-Vietnam-in-Recent-History.pdf (07.02.2026)
10. Firpo K. Black Market: The Sale of Sexual Services in North Vietnam, 1920–1945. – Ithaca: Cornell University Press, 2020. 276 p.
11. Zaykov A.S. The Sex Industry in Vietnam in the Context of French Colonial Policy and Urban Development (1862–1945): Master's Thesis. – Moscow: 2021. 401 p.
12. de Rugy M. To treat and to protect: the Daughters of Charity and the Franciscan Missionaries of Mary in the leper colonies of British Burma and French Indochina in the 20th century // Chrétiens et sociétés. 2023. Vol. 30. P. 135-154. – DOI: 10.4000/1479u.
13. de Rugy M. Training Vietnamese nurses: the Daughters of Charity and the Red Cross School in Saigon, 1934–1950s // Mélanges de l'École française de Rome – Italie et Méditerranée modernes et contemporaines. 2022. № 134-1. P. 267-280. – DOI: 10.4000/mefrim.12173.
14. French-Vietnamese education at the beginning of the 20th century and some typical women of the period of Western education // Tạp chí Nghiên cứu Phật Học. // URL: https://tapchinghiencuuphathoc.vn/giao-duc-phap-viet-dau-the-ky-xx-va-nhung-nhan-vat-nu-tieu-bieu-thoi-tay-hoc.html (07.02.2026)
15. Barthélemy P. Sisterhood and colonialism: French and African women during the Cold War (1944–1962) – Paris: Éditions de la Sorbonne, 2022. 416 p. // URL: https://books.openedition.org/psorbonne/113187 (07.02.2026) – DOI: 10.4000/books.psorbonne.113136.
16. Viollis A. Indochine SOS – Paris: Éditeurs Français Réunis, 1949. 112 p.
17. Popov S.I. The magic of numbers as an important step in the transition from myth to logos in early antiquity // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 107-112.

Пау А.Н.
Аспирант. Санкт-Петербургский государственный университет.

Субъектность Международной организации Франкофонии: критерии и этапы формирования*

Аннотация. В статье исследуется вопрос субъектности Международной организации Франкофонии (МОФ) через призму теории международных отношений и международного права. Дается определение субъектности применительно к международным организациям и выделяются ее ключевые критерии. На основе официальных документов МОФ – Ниамейской конвенции 1970 г., решений саммитов Франкофонии, Декларации Бамако 2000 г. и Хартии Франкофонии 2005 г. – прослеживается историческая эволюция франкофонных институтов от создания Агентства культурно-технического сотрудничества (АССТ) в 1970 г. до оформления Международной организации Франкофонии как самостоятельного участника международных отношений. Анализируются ключевые вехи этого процесса: конференция в Ниамее 1970 г., первые саммиты Франкофонии, учреждение должности Генерального секретаря, а также принятие нормативно-правовых актов, закрепивших политическое измерение и международно-правовой статус МОФ.

Ключевые слова: Международная организация Франкофонии, Франкофония, субъектность, международные организации, международная правосубъектность, институционализация, международные отношения, культурная дипломатия.

Pau A.N.
Postgraduate student. Saint Petersburg State University.

Subjectivity of the international organization of La Francophonie: criteria and stages of formation

Abstract. This article examines the issue of the subjectivity of the International Organization of La Francophonie (OIF) through the lens of international relations theory and international law. It provides a definition of subjectivity as it applies to international organizations and identifies its key criteria. Based on official OIF documents–the 1970 Niamey Convention, resolutions of Francophonie summits, the 2000 Bamako Declaration, and the 2005 Charter of La Francophonie–the historical evolution of Francophone institutions is traced from the creation of the Agency for Cultural and Technical Cooperation (ACCT) in 1970 to the establishment of the International Organization of La Fran-

* © Пау А.Н., 2026.

cophonie as an independent actor in international relations. The key milestones of this process are analyzed: the 1970 Niamey Conference, the first Francophonie Summits, the establishment of the office of Secretary General, as well as the adoption of regulatory and legal acts that cemented the political dimension and international legal status of the OIF.

Key words: International Organisation of La Francophonie, Francophonie, subjectivity, international organizations, international legal personality, institutionalization, international relations, cultural diplomacy.

Актуальность исследования: Актуальность исследования определяется возрастанием роли международных организаций как самостоятельных участников мировой политики, чья деятельность все чаще выходит за рамки технической координации государств. В этом контексте Международная организация Франкофонии представляет особый интерес как объединение, возникшее на языково-культурной основе, но постепенно превратившееся в институционализированного актора с политической, нормативной и дипломатической повесткой. При этом вопрос о том, в какой мере МОФ может рассматриваться именно как субъект международных отношений, остается недостаточно разработанным в российской научной литературе.

Научная значимость работы: Научная значимость работы заключается в систематизации критериев субъектности международных организаций и в их последовательном применении к истории институционального развития Франкофонии. Статья уточняет место МОФ в системе международных отношений, показывая, что ее субъектность формировалась не одномоментно, а как результат накопления правовых, институциональных и политических признаков. Полученные выводы могут быть использованы в дальнейших сравнительных исследованиях международных организаций, культурной дипломатии и мягкой силы.

Методология исследования: Методология исследования опирается на сочетание историко-институционального, историко-генетического и сравнительно-правового подходов. В работе используются анализ учредительных и программных документов Франкофонии, хронологический метод для выявления этапов формирования субъектности, а также элементы case study, позволяющие рассмотреть МОФ как особый тип международной организации, сочетающей культурно-языковую основу с политическим развитием.

Цель исследования: Цель исследования – определить содержание субъектности Международной организации Франкофонии, выделить ее основные критерии и проследить этапы их формирования в процессе институциональной эволюции франкофонных структур от АССТ к МОФ.

Результаты исследования: В результате исследования установлено, что субъектность МОФ складывалась поэтапно. Начальный уровень был задан Ниамейской конвенцией 1970 г., создавшей правовую основу франкофонного сотрудничества; последующее усиление произошло в ходе саммитов 1980–1990-х гг. и учреждения должности Генерального секретаря; завершение институционального оформления связано с Хартией Франкофонии 2005 г., закрепившей международно-правовой статус организации. Показано, что современная МОФ отвечает основным критериям субъектности международной организации: обладает правосубъектностью, собственной повесткой, устойчивой институциональной структурой, механизмами представительства и способностью к взаимодействию с другими международными акторами.

Понятие субъектности международных организаций

Субъектность в международных отношениях традиционно ассоциировалась с государством, однако современная теория расширяет понятие «субъекта» и на межгосударственные организации. Международная организация становится субъектом международного права лишь при наличии международной правосубъектности – то есть способностью обладать правами и обязанностями в рамках международного права[4]. При этом ее правосубъектность отличается от государственной: она не исходит из суверенитета, а определяется договором-учредителем и уставными задачами организации [4]. Международные организации обретает субъектность тогда, когда государства-учредители наделяют ее конкретным набором прав и обязанностей, оговоренных в учредительном документе. У каждой организации свой «круг» прав и обязанностей, ограниченный ее уставом [4].

Итак, можно выделить ряд типовых критериев субъектности в международных отношениях:

– Юридическая правосубъектность: наличие учредительного договора (конвенции, хартии), предоставляющего организации международное признание и правоспособность [4]. Для МОФ таким документом стала Ниамейская конвенция 1970 г., учредившая Агентство культурно-технического сотрудничества (АСCT) [1]. Учреждение АСCT дало франкофонному движению «правовую оболочку», что является ключевым признаком субъектности – организация, будучи созданной договором, получила самостоятельный правовой статус (в рамках доверенных функций) [4; 1].

– Автономия и политическая воля: способность самостоятельно формулировать и отстаивать собственную позицию в международном арене, наличие внутренних институтов принятия решений (конференции, исполнительного органа) и собственных руководящих лиц. Субъектность подразумевает, что организация не является лишь придатком какого-ли-

бо государства: у нее есть выраженная воля, выходящая за рамки прямого контроля учредителей. В случае МОФ важным этапом было учреждение должности Генерального секретаря (Котону, 1995 г.) – именно Генсек (представитель, не являющийся действующим главой государства) стал «оплотом политической воли» франкофонного сообщества [4].

– Институциональная структура: наличие постоянных органов управления (конференции глав, совета министров, секретариата), механизмов принятия решений и финансирования. У МОФ постепенно формировалась полноценная организационная система: от частых саммитов к учреждению постоянных органов – Генерального секретариата (штаб-квартира в Париже), Генерального директората АССТ (ныне Агентства Франкофонии) и постоянных комитетов. Такие институты усиливают субъектность, поскольку обеспечивают преемственность и устойчивость организационной воли.

– Представительство интересов: организация действует от лица группы государств (или членов), продвигая их общие интересы. МОФ исторически выступает как платформа для франкоязычных стран, защищая языковые, культурные и политические интересы своих участников на мировой арене. Появление категории «ассоциированных членов» и «наблюдателей» (например, делегации МОФ при ООН) подтверждает, что МОФ имеет расширенное представительство, что укрепляет ее субъектность.

– Способность к международному сотрудничеству и реагированию: субъектность проявляется в участии организации в международных соглашениях и решениях. МОФ со временем обрела полномочия в области образования, развития, демократии, прав человека и др., что видно из принятых деклараций (например, Декларация Бамако 2002 г.) и проектов резолюций. Наличие у МОФ собственной правосубъектности обеспечивает возможность взаимодействовать с другими субъектами – от подписания соглашений до участия в международных дискуссиях.

Таким образом, субъектность МОФ означает, что она обладает «особым» международно-правовым статусом: создана учредительным договором и наделена фиксированными полномочиями; имеет внутреннюю власть и институциональные каналы для их реализации; участвует в разрешении международных вопросов как самостоятельный участник. Согласно анализу, проведенному в литературе, международные организации являются «субъектами международного права особого рода» – их правоспособность «не идентична правосубъектности государств» [4], но тем не менее организации становятся субъектами, когда им обеспечивается возможность иметь международные права и обязанности [4]. Эти положения лежат в основе выдвигаемых критериев.

Этапы формирования субъектности Франкофонии

Становление субъектности МОФ прошло несколько исторически важных вех, которые отражают постепенное наращивание перечисленных критериев.

Создание АССТ (1970): После периода неформальных французских инициатив ООН и ОКАМ (1960-е гг.) франкофонное движение приобрело учрежденную основу на Второй межправительственной конференции франкоязычных стран в Ниамее (Нигер) в 1970 г. Итогом стало подписание Ниамейской конвенции (20 марта 1970 г.), учредившей **Агентство культурно-технического сотрудничества** (**АССТ**) как первую постоянную межправительственную структуру франкофонных государств [1]. Конвенция придала сотрудничеству франкоязычных стран «правовую оболочку», закрепив цели и задачи Агентства договором. На этом этапе МОФ получила лишь начальную форму субъектности: были определены полномочия АССТ в сфере культурной и технической поддержки, учрежден секретариат (в Париже), но организация оставалась преимущественно зависимой от инициатив государств-учредителей (главным образом Франции). Тем не менее налицо все основные юридические признаки: межправительственное соглашение, устав, финансирование – то есть АССТ начала функционировать как официальный субъект международных отношений.

Укрепление институциональной структуры (1986–1995): Ломка ледя современного франкофонного сообщества началась со встреч на высшем уровне. Первый саммит глав государств и правительств Франкофонии прошел в Версале (Франция) в 1986 г., а второй – в Квебеке (Канада) в 1987 г. Эти встречи вывели франкофонные институты на уровень «головы», подчеркнув политическую значимость ассоциации. На сессиях саммитов Франкофонии впервые заговорили о необходимости «играть реальную роль в глобальном мире», а не ограничиваться декларациями. Наращивалась роль Пленарной конференции глав государств и конференций министров – главных органов принятия решений, что добавляло политического веса организации. К 1995 г. было окончательно закреплено учреждение должности Генерального секретаря Франкофонии как «краеугольного камня ее институциональной системы» [5]. Решение о назначении Генерального секретаря (саммит в Котону, 1995) означало концентрацию функций управления и представительства в одном лице (кстати, им впервые стал известный международник Бутрос Бутрос-Гали). Это укрепило политическое измерение Франкофонии: появление постоянного руководителя увеличивает ее автономию и преемственность, убирая «двойственность функций» и превращая АССТ в де-факто исполнительный орган Франкофонии [6; 5].

Преобразование АССТ в Международную организацию Франкофонии (1997–2005): Кульминация институционализации наступила ближе к

концу XX века. На Саммите в Ханое (Вьетнам, 1997) Франкофония обрела «политическое измерение»: был избран первый Генеральный секретарь (Бутрос Бутрос-Гали)[5], а Нормы деятельности расширились на такие сферы, как предотвращение конфликтов и права человека. В 1997 г. также было формально переименовано Агентство: после Ханоя устав АССТ пересмотрели, и оно стало Агентством Франкофонии [5].

Следующим важным шагом стало принятие новых названий организации. На конференции в Бухаресте (1998 г.) официально утвердили ее нынешнее наименование – Международная организация Франкофонии (МОФ) [6]. И наконец, 23 ноября 2005 г. во время министерской конференции в Антананариву (Мадагаскар) была принята новая **Хартия Франкофонии**. Эта Хартия закрепила переименование Агентства Франкофонии в **Международную организацию Франкофонии (МОФ**) и придала организации полноценный международно-правовой статус [2; 5]. Новая Хартия не только обновила название, но и задала стратегические ориентиры: декларации Бамако (2002 г.) и Уагадугу (2004 г.) еще более четко обозначили политику распространения демократии, прав человека, экономического сотрудничества и т. д., что продемонстрировало участие МОФ в международной жизни за рамками сугубо культурных вопросов [3; 5].

Таблица 1. Иллюстрирует соответствие критериев субъектности МОФ основным историческим вехам:

Критерий субъектности	**Институциональный/правовой признак**	**Появление (год/саммит)**	**Примеры/доказательства**
Международный договор-учредитель (правосубъектность)	Учредительная конвенция (Niamey 1970)	1970 (Ниамей)	Создание АССТ по Niamey Convention[1]
Автономия и полит. воля	Назначение Генсекретаря, собственные органы	1995 (Котону) / 1997 (Ханой)	Постоянный Генсек Б. Бутрос-Гали; регламенты саммитов
Институциональная структура	Переименование и уставные изменения	1997 (Ханой) / 2005 (Антананариву)	АССТ→Agence de la Francophonie[5]; Хартия 2005 (МОФ)[2]
Представительство	Включение ассоц./наблюдательных членов	1987 (Квебек) / 2005 (Антананариву)	Устав АССТ предусматривал разные категории участников; наблюдатели МОФ (в т.ч. ООН)
Международное взаимодействие	Прием Деклараций (демократия, права и пр.)	2002 (Бамако) / 2004 (Уагадугу)	Декларация Бамако (демократия, права человека)[3]; другие резолюции саммитов

Эта хронология показывает, как с каждым этапом «вес» франкофонной организации нарастал: от технических культурных функций 1970 г. до принятия политико-правовых инициатив и стратегических планов в начале 2000-х. Особенно важно отметить принятие Бамакской декларации о демократии и правах человека в 2002 г., что является прямым свидетельством участия МОФ в решении международных политических вопросов [3].

МОФ может рассматриваться как субъект международных отношений не просто потому, что она существует как межправительственная организация, а потому, что обладает признаками самостоятельного действия во внешнем контуре. В логике анализа субъектности важен не сам факт институционального наличия, а способность организации вырабатывать устойчивую повестку, формировать цели, координировать действия участников и выступать вовне не только как площадка для встреч государств, но и как институт, имеющий собственные механизмы представительства и реализации решений. Именно в этом смысле франкофонный формат эволюционировал от культурно-языкового сообщества к политически значимой организации, претендующей на самостоятельную роль в международной среде [6].

Субъектность МОФ особенно заметна в расширении ее собственной повестки. Если ранняя франкофония строилась прежде всего вокруг языка, культуры и образовательного сотрудничества, то к концу XX – началу XXI в. организация закрепляет за собой более широкий нормативно-политический профиль. Ключевым рубежом здесь стала Бамакская декларация 2000 г., которая оформила демократию, права человека и верховенство права как центральные ориентиры франкофонного действия [3]. Тем самым повестка МОФ перестала быть лишь культурным приложением к французскому языку и превратилась в самостоятельный нормативно-политический модуль. Это означает, что организация не только сопровождает взаимодействие государств-членов, но и предлагает им стандарты поведения, по которым затем оцениваются политические практики, кризисные ситуации и допустимые формы смены власти.

Не менее важно и то, что субъектность МОФ выражается в институционально-правовой форме. Хартия 2005 г. закрепила современную организационную архитектуру франкофонии и прямо наделила OIF международной правосубъектностью: организация может заключать соглашения, получать финансирование, выступать в суде, а Генеральный секретарь является ее законным представителем и вправе подписывать международные договоренности. Хартия также фиксирует право OIF сотрудничать с международными и региональными организациями и создавать представительства при международных институтах [2]. На практике это вы-

ражается в наличии представительств при ООН в Нью-Йорке и Женеве, при ЕС в Брюсселе, в наблюдательском статусе в системе ООН, а также в договорных рамках сотрудничества, в частности с ЮНЕСКО. Все это позволяет говорить о МОФ не только как о внутреннем механизме координации франкофонных государств, но и как о признанном участнике международного взаимодействия.

Наконец, субъектность МОФ проявляется через реальные внешние инициативы и многоуровневые каналы действия. Саммиты Франкофонии постепенно вводили в повестку вопросы мирового равновесия, диалога Север–Юг, экономической координации, прав человека, демократического управления, предотвращения конфликтов, молодежной политики, устойчивого развития и урегулирования региональных кризисов. Существенно и то, что эта активность реализуется не только через «ядро» межправительственных органов, но и через институционально признанных операторов – Университетское агентство Франкофонии, TV5, Университет Сенгора и иные структуры, переводящие решения саммитов и министерских конференций в практику образовательных, медийных и гуманитарных программ. Поэтому МОФ следует рассматривать как коллективного актора, чья субъектность выражается в способности соединять нормативное производство, политическую координацию и практическую реализацию инициатив в сотрудничестве с другими международными институтами.

Заключение

В статье показано, что субъектность Международной организации Франкофонии формировалась постепенно, по мере того как она обретала ключевые признаки самодостаточного международного субъекта. Изначально АССТ был лишь кооперативным агентством (признак первичной правосубъектности закреплен Ниамейской конвенцией [1]), однако в ходе саммитов и реформ франкофонная структура получила политический мандат, собственные институциональные органы и официальное признание («международный наблюдатель» при ООН). По Хартии 2005 г. МОФ официально получила новое название и стратегию развития, что юридически закрепило ее независимый статус. Основываясь на академических источниках, мы выделили общие критерии субъектности МО (правосубъектность, автономия, представительство и пр.) и проследили их реализацию на конкретных этапах развития франкофонных институтов. Вывод состоит в том, что МОФ к середине 2000-х годов превратилась из культурно-технического агентства в организацию с «политическим измерением», отвечающую большинству заявленных критериев субъектности.

Библиографический список:

1. Convention relative à l'Agence de coopération culturelle et technique (ACCT): signée à Niamey le 20 mars 1970 // URL: https://www.presidence-de-la-republique.fr/hist/01/pres/franco/niamey1970.html (Дата обращения: 15.03.2026).
2. Organisation internationale de la Francophonie. Charte de la Francophonie: adoptée par la Conférence ministérielle de la Francophonie à Antananarivo, le 23 novembre 2005 // URL: https://www.francophonie.org/sites/default/files/2019-09/charte_francophonie_antananarivo_2005.pdf (Дата обращения: 15.03.2026).
3. Organisation internationale de la Francophonie. Déclaration de Bamako: adoptée le 3 novembre 2000 // URL: https://www.francophonie.org/sites/default/files/2019-10/Declaration_Bamako_2000.pdf (Дата обращения: 20.03.2026).
4. Глебов И.Н., Сидоров В.А. Правосубъектность международных организаций // Гуманитарное право. 2018. 15 мая. // URL: https://humanlaw.ru/easyblog/zapis/pravosub-ektnost-mezhdunarodnykh-organizatsij.html (Дата обращения: 15.03.2026).
5. Налетова Д.В. Формирование институциональной системы Международной организации Франкофония // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 23. № 175. С. 189-197. // URL: https://journals.tsutmb.ru/a8/upload/2018-10/%D0%93%D1%83%D0%BC%20175_2018.pdf (Дата обращения: 20.03.2026).
6. Советникова О.В. На пути от «франкофонии» к «Франкофонии» // Управленческое консультирование. 2014. № 5 (65). С. 125-132. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/na-puti-ot-frankofonii-k-frankofonii (Дата обращения: 21.03.2026)
7. Юшин И.В. Управление персоналом в современной бизнес-организации // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 9 (207). С. 29-39.

Reference

1. Convention relative à l'Agence de coopération culturelle et technique (ACCT): signée à Niamey le 20 mars 1970 // URL: https://www.presidence-de-la-republique.fr/hist/01/pres/franco/niamey1970.html (03.15.2026).
2. Organization internationale de la Francophonie. Charte de la Francophonie: adoptée par la Conférence ministérielle de la Francophonie à Antananarivo, le 23 November 2005 // URL: https://www.francophonie.org/sites/default/files/2019-09/charte_francophonie_antananarivo_2005.pdf (03.15.2026).
3. Organization internationale de la Francophonie. Declaration de Bamako: adoptée le 3 novembre 2000 // URL: https://www.francophonie.org/sites/default/files/2019-10/Declaration_Bamako_2000.pdf (03.20.2026).
4. Glebov I.N., Sidorov V.A. Legal personality of international organizations // Humanitarian law. 2018. May 15. // URL: https://humanlaw.ru/easyblog/zapis/pravosub-ektnost-mezhdunarodnykh-organizatsij.html (15.03.2026).
5. Naletova D.V. Formation of the institutional system of the International Organization of Francophonie // Bulletin of Tambov University. Series: Humanitarian Sciences. 2018. Vol. 23. No. 175. Pp. 189-197. // URL: https://journals.tsutmb.ru/a8/upload/2018-10/%D0%93%D1%83%D0%BC%20175_2018.pdf (20.03.2026).
6. Sovetnikova O.V. On the way from "Francophonie" to "Francophonie" // Management Consulting. 2014. № 5 (65). P. 125-132. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/na-puti-ot-frankofonii-k-frankofonii (21.03.2026)
7. Yushin I.V. HR management in a modern business organization // Etnosotsium and international culture. 2025. № 9 (207). P. 29-39.

Пром Тхари
Аспирант по политическим наукам, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Министерство внутренних дел Камбоджи.

Роль гражданского общества и граждан в демократическом процессе Камбоджи: участие или маргинализация?*

Аннотация. В этой статье рассматривается ограниченное участие гражданского общества и граждан в развивающейся демократической системе Камбоджи. Конституция Камбоджи 1993 года гарантирует основные права, такие как свобода выражения мнений, объединений и собраний, однако гражданская активность остаётся ограниченной и фрагментарной. В исследовании показано, что, несмотря на наличие демократических институтов и правовых норм, гражданское пространство продолжает сужаться под воздействием авторитарных традиций, политизированного правоприменения, контроля над СМИ и ограничительных законов. Используются анализ государственной политики, документированные кейсы и вторичный анализ правовых текстов и отчётов гражданского общества для демонстрации того, как структурные и нормативные барьеры сдерживают подлинное общественное участие. Обсуждается влияние закона об ассоциациях и неправительственных организациях (LANGO) на работу объединений и НПО, а также факторы, такие как цифровые репрессии, недостаточный уровень гражданского образования и проблемы участия молодежи. В статье утверждается, что для развития подлинной демократии необходимо осуществить правовую реформу, организовать инклюзивный диалог и инвестировать в образование для укрепления гражданской активности.

Ключевые слова: Камбоджа, гражданское общество, демократическое участие, LANGO, политическая культура, свобода СМИ, участие молодежи, гражданское образование.

Prom Thary
Postgraduate student in political science, Faculty of Humanities and Social Sciences, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia. Ministry of Interior of Cambodia.

The role of civil society and citizens in Cambodia's democratic process: participation or marginalization?

* © Пром Тхари, 2026.

Abstract. This paper investigates the restricted participation of civil society together with citizens within Cambodia's developing democratic system. The 1993 Constitution of Cambodia establishes basic rights including freedom of expression and association and assembly yet civic involvement remains restricted and scattered. The research demonstrates that Cambodia maintains democratic institutions and legal frameworks yet its civic space continues to contract because of authoritarianism's social traditions and enforcement politicization and media control and restrictive laws. The research uses policy reviews and documented case studies and secondary analysis of legal texts and civil society reports to demonstrate how structural and normative barriers limit meaningful public engagement. The research examines how LANGO affects associations and NGOs alongside digital repression and inadequate civic education and youth participation challenges. The paper establishes that a participatory democracy requires legal reform alongside inclusive dialogue and educational investment to strengthen civic empowerment.

Key words: Cambodia, civil society, democratic participation, LANGO, political culture, media freedom, youth engagement, civic education.

Introduction

The discussion of democracy and good governance and participatory development today depends heavily on the concept of civil society. Civil society exists as the non-governmental voluntary space which separates individuals from state authority according to multiple scholarly interpretations. Civil society incorporates various non-state actors which include community-based organizations along with NGOs and trade unions and think tanks and advocacy groups and media institutions and grassroots movements that work outside government control to protect common interests and uphold freedoms and rights (Barber, 1999, as cited in Chap, 2005, p. 5; Willetts, 2002). Civil society serves as a connecting link between state authority and private liberty which establishes dialogue and pluralism and maintains democratic equilibrium according to Chap (2005) p. 5.

A strong civil society stands as a fundamental requirement in democratic theory to make democracy more than election processes. The institution promotes active citizenship through public participation while using its oversight capacity to limit state power by defending marginalized voices and pushing for transparency and reform. Public officials remain accountable through media institutions which function as both watchdogs and expression platforms to develop democratic culture according to Sotharith (2005) and World Bank (2008) and Gemzell (2017).

The case of Cambodia provides valuable insights in this specific situation. After signing the Paris Peace Accords in 1991 and adopting its democratic constitution in 1993 Cambodia made progress toward formal democracy by maintaining elections and protecting human rights and establishing laws for political

parties and civic organizations. The surface-level constitutional and institutional reforms hide a complex and restricted reality. Cambodia maintains formal democratic institutions but its civic participation remains restricted and divided and faces active suppression. This conflict between formal democratic principles and actual political behavior in Cambodia represents what can be named the "democratic paradox".

The paradox appears in both institutional and behavioral terms. The Cambodian 1993 Constitution protects freedoms of expression and association and peaceful assembly (Constitution of Cambodia, 1993) yet these rights face practical limitations. Civil society organizations (CSOs) operate in an environment marked by legal ambiguity, political co-optation, and periodic repression. The LANGO legislation from 2015 established restrictive NGO registration standards and ambiguous organizational requirements which allow state agencies to control civic spaces and suppress independent activism (Gemzell, 2017; World Bank, 2008). Media outlets encounter censorship and monitoring by authorities when they publish content about sensitive political matters (Arnold, 2017; Chap, 2002; Downie & Kingsbury, 2001).

The combination of authoritarian rule with war trauma and hierarchical social structures has created widespread fear and political disengagement among citizens who distrust both state and non-state actors (Noren-Nilsson, 2019; Hughes, as cited in Gemzell, 2017). The expansion of political awareness among young people and urban residents has led to some progress but decision-making participation from citizens remains minimal and grassroots activism lacks institutional backing and legal protection (World Bank, 2008; Sotharith, 2005).

This study is guided by two core research questions:

1. Citizen participation in democratic processes remains low in Cambodia despite having legal guarantees in place.

2. What impact do legal and political barriers such as LANGO and restricted media space and cultural-political constraints have on civil society development and operation?

This research investigates the structural barriers and legal obstacles and normative limitations which restrict Cambodia's civil society development and prevent effective civic engagement. The research uses empirical studies together with legal analysis and policy reports to analyze how formal institutions and informal norms and civic agency interact within the Cambodian framework.

Legal Framework and Civic Space in Cambodia

The 1993 Constitution serves as Cambodia's foundational legal basis for civic participation after the United Nations-sponsored elections established a multiparty democratic system. The Constitution ensures basic freedoms through its provisions which include freedom of expression together with association and

assembly rights. Article 41 of the Constitution states that "Khmer citizens shall have freedom of expression, press, publication and assembly" and Article 42 establishes rights to form associations and political parties (Constitution of Cambodia, 1993). These constitutional provisions created a legal foundation which enabled civil society development and an independent media sector.

Despite the formal democratic legal framework the actual enforcement and interpretation of laws has drastically reduced the possibilities for civil society and dissent. Several laws enacted by the government throughout the last decade have created a system which critics say aims to increase executive authority while limiting the freedom of NGOs and journalists and human rights defenders.

The Law on Associations and Non-Governmental Organizations (LANGO) established in 2015 represents the key legal tool which shapes civic space. Observers note that the regulatory framework of NGOs under this law contains too many stringent requirements alongside extensive discretionary powers that might be employed to silence opposition voices. All domestic and international NGOs must register with the government while submitting periodic reports about their activities and financial statements. The law contains ambiguous sections which mandate organizations to maintain political neutrality while preventing activities that threaten national unity or public order (Gemzell, 2017, p. 21; World Bank, 2008).

The established requirements create a deterrent effect that discourages both domestic and international civil society groups from operating in Cambodia. Stiftung Asienhaus commissioned research which showed that Cambodian NGOs together with community-based organizations (CBOs) avoid political advocacy because they worry about registration non-renewal or retaliatory actions under LANGO (Gemzell, 2017, p. 21–22). The law's wide scope and insufficient judicial oversight allows authorities to force CSOs to practice self-censorship especially when they work on land rights and environmental justice and governance reform issues (Gemzell, 2017; Arnold, 2017).

The 1995 Press Law served as one of the first legal instruments to establish media freedom protections in Cambodia following the 1993 elections. The legislation establishes free press rights yet includes provisions which ban content that harms national security or political stability although the terms remain undefined. The unclear definitions in this law enable authorities to use their interpretation power for implementing restrictions that affect critical journalism. Chap (2005) notes that the Press Law contains ambiguous definitions for national security and political stability and defamation which present threats to media organizations and civil society (p. 15).

Media institutions in recent times have faced mounting challenges through judicial and administrative actions. Independent radio station Beehive Radio became the target of harassment while its program on civil rights and democracy

led to its closure. The Cambodian government closed down the Cambodia Daily and Radio Free Asia in 2017 after making claims of tax evasion and non-compliance with regulatory standards that most observers saw as politically driven (Sotharith, 2005; Gemzell, 2017). The media industry in Cambodia has experienced a major decline after the closure of various media outlets.

The surveillance practices combined with legal harassment and public delegitimization have created a worsening environment for civil society. The Cambodian Center for Human Rights founder Kem Sokha faces legal prosecution alongside imprisonment as a prominent civil society leader. The Cambodian government uses legalistic approaches and consent-seeking regulation to control dissent according to Arnold (2017) who notes that this strategy replaces direct repression with a more sophisticated system (pp. 23–25). The diminishing public spaces for citizens to express themselves and assemble and activate has led observers to use the term "shrinking civic space."

Legal and administrative measures against NGOs and media organizations operate through discriminatory practices that depend on their political relationship with the government. The government targets civil society members who oppose its rule through registration blockages and bureaucratic delays while those who maintain close ties to ruling elites face no such challenges (Chap, 2005; Gemzell, 2017). The politicized enforcement system damages the neutrality of civic organizations while creating doubts about institutional reliability among the public.

The cumulative impact of LANGO together with the Press Law and administrative practices has restricted the essential democratic freedoms of a thriving democratic society in Cambodia. The World Bank (2008) explains that poor legal protection implementation and insufficient constructive dialogue mechanisms have restricted civil society organizations from effectively promoting good governance and accountability.

Public Participation and Political Culture

The cultural and historical development of Cambodia strongly affects how people participate in political activities and engage with civic matters. The democratic constitution established in 1993 together with regular general elections have not resulted in substantial public involvement in political decision-making and voter education. The current legal restrictions do not fully explain this phenomenon because it stems from Cambodia's socio-political history and collective psychology together with its enduring political norms.

The combination of past authoritarian rule and ongoing conflict in Cambodia has established a culture where citizens tend to fear and remain cautious rather than actively participate in politics or express themselves openly. The Khmer Rouge regime from 1975 to 1979 brought about widespread surveillance and

violent destruction of civil society alongside ideological indoctrination which resulted in the deaths of nearly two million people. Downie and Kingsbury (2001) note that this period resulted in the complete destruction of Cambodia's economy and physical infrastructure together with its political and social institutions (p. 44). The traumatic events of those years have molded public conduct through political disengagement and low trust levels and respect for authority.

The People's Republic of Kampuchea and subsequent State of Cambodia maintained highly centralized governance systems that operated through top-down decision-making after the Khmer Rouge. The political systems of these regimes developed an environment which suppressed opposition while encouraging people to follow orders without question. The post-conflict period in Cambodia has not eliminated the paternalistic mindset toward government which older citizens and rural residents continue to hold. Public officials function primarily as powerful patrons instead of public servants according to public perception. The culture of dependency along with limited civic entitlement and individual agency exists because of this situation (World Bank, 2008, p. 7–8; Chap, 2005, p. 5).

The general public tends to view political engagement as an activity that carries risks. People from Cambodia show caution when expressing their opinions because they fear their statements might be viewed as hostile or provocative. The national survey conducted by the Center for Advanced Study and the Asia Foundation (2001) revealed that 66% of Cambodians claimed they had freedom to express their political thoughts locally yet 20% disagreed and 15% remained unclear (as cited in Chap, 2005, p. 3). Sotharith (2005) explains that Cambodians have constitutional freedoms of expression and association, yet fear of punishment continues to limit political involvement specifically in local areas (p. 3).

The political culture of Cambodia shows two main characteristics: political loyalty and dependency. The main reason for this situation lies in patron-client relationships which rule both political parties and civil administration and local governance systems. Noren-Nilsson (2019) states that Cambodian citizens choose to participate in politics through clientelistic networks because they receive benefits by promising loyalty instead of making policy or ideological choices. Under these circumstances people believe their survival depends more on building relationships with powerful officials than on exercising civic rights or institutional participation.

The loyalty culture receives support from political elites who maintain their dominant position at both national and local levels. The political system shows strong evidence of power concentration in individual leaders instead of institutions which creates public perception that changes require external intervention. The political system and state unite into one entity according to CICP research which results in the suppression of meaningful dissent (Downie & Kingsbury, 2001, p. 46–47). Party organizations serve as direct extensions of their leaders instead

of functioning as forums for policy discussions. When citizens participate in this system they mainly show allegiance instead of actively engaging with the content.

The limited voter education along with insufficient civic literacy creates obstacles for well-informed participation. Despite achieving high voter participation rates above 90% in some electoral contests the quality of citizen involvement remains uncertain. The majority of voters demonstrate weak knowledge about democratic principles along with party platforms and policy effects. According to the World Bank (2008) citizens show limited understanding about public financial processes and governance systems (p. 22). The information deficit in the country becomes worse because rural areas lack access to independent media and educational resources.

Civic education improvement efforts exist between civil society organizations and international donors yet these initiatives remain scattered and inconsistent. Media together with civil society organizations play a significant role in promoting democracy and governance through their information dissemination efforts and capacity-building activities (p. 10) according to Chap (2005). The implementation of these initiatives faces challenges from limited funding sources and political barriers as well as the absence of formal education system integration.

Social hierarchies together with traditional norms shape how people participate in society. The Cambodian social structure has maintained its hierarchical nature since ancient times because people respect authority figures who include monks and teachers and political leaders. The cultural practice of showing respect restricts common citizens from challenging authority decisions and fighting for their rights. The mandala concept from traditional times demonstrates a political framework which maintains centralized power and suppresses any form of dissent (Downie & Kingsbury, 2001, p. 47).

Younger people today have better access to digital platforms and political information yet they face multiple structural obstacles. The emergence of youth activism exists in particular situations where environmental and social justice issues are at stake yet these movements operate under surveillance and face restrictions on their ability to assemble and express themselves (Arnold, 2017). Youth civic engagement that occurs through informal and online channels fails to produce institutional changes because the political and legal systems lack necessary support.

The minimal public engagement in Cambodia stems from both restrictive laws and deep cultural traditions alongside historical authoritarian rule and social hierarchy. The solution to these challenges demands both legal reforms and sustained civic education programs and trust-building initiatives and political culture democratization efforts.

Role and Challenges of Civil Society Organizations (CSOs)

The civil society organizations (CSOs) of Cambodia form an expanding diverse sector which actively supports democratic advancement and civic educa-

tion and good governance. The 1993 Constitution and political pluralism adoption led to increased national visibility of CSOs yet their activities face ongoing legal and political and social restrictions.

– Types and Functions of CSOs in Cambodia

Cambodia hosts multiple types of CSO actors throughout its territory. Human rights organizations and anti-corruption watchdogs operate alongside education-focused groups and women's networks and youth-led initiatives and think tanks. The various types of CSOs serve distinct social purposes through their activities including service delivery and policy advocacy and electoral monitoring.

The two most notable human rights organizations in Cambodia are LICADHO (Cambodian League for the Promotion and Defense of Human Rights) and the Cambodian Center for Human Rights (CCHR). The organizations track violations and offer legal support to people while using their advocacy work to protect civil and political rights. Transparency International Cambodia works alongside other organizations to fight corruption through public administration transparency initiatives and citizen education programs that develop accountability demands. The NGO Education Partnership (NEP) functions as a leading education-oriented CSO through its work in policy dialogue and teacher training and grassroots information access expansion (World Bank, 2008, p. 12–14).

The Cooperation Committee for Cambodia (CCC) along with NGO Forum acts as an umbrella networks to help CSOs coordinate their actions through collective efforts. These platforms serve as advocacy platforms for environmental sustainability and land rights and labor protections while acting as communication channels between international donors and government agencies.

– Contributions to Democratic Processes and Governance

The democratic advancement of Cambodia has been significantly supported by CSOs through their work in voter education and electoral monitoring and policy advocacy and public awareness initiatives. COMFREL and NICFEC along with other organizations have played a crucial role in monitoring elections while reporting irregularities and making recommendations for electoral reform. The efforts have improved both voting procedure transparency and public trust in voting procedures despite institutional obstacles (Chap, 2005; World Bank, 2008).

CSOs have conducted public education initiatives that raised civic knowledge and understanding of human rights and governance matters. The Cambodian Center for Human Rights operated the "Voice of Democracy" radio program which enabled rural communities to voice their concerns and discuss public policies while accessing restricted information from state-controlled media (Chap, 2005, p. 13–14).

CSOs function as warning systems which detect governance failures before

they become major problems. Their investigative work and field research has exposed problems including illegal land concessions and forced evictions and environmental degradation and gender-based violence. Through their activities they maintain a watchdog function which ensures both government entities and private actors remain accountable (Gemzell, 2017, p. 15–16).

– Challenges and Government Pressures

The political climate of Cambodia restricts the operations of CSOs while their role in development continues to advance. The political environment in Cambodia has limited space for civil society while having restrictive laws and weak state-civil society engagement mechanisms. The Law on Associations and Non-Governmental Organizations (LANGO) enacted in 2015 stands as the major legal obstacle for CSOs. According to the World Bank (2008), Cambodian law permits CSOs to engage in governance but the country lacks formalized relationships between state and civil society organizations (p. 10). The LANGO law demands all NGOs to obtain registration from the Ministry of Interior and it defines political neutrality standards and national sovereignty requirements (Gemzell, 2017, p. 21). Advocacy-focused groups encounter opposition to registration and operational licenses because of these provisions which have been criticized for their vague nature.

Government interference occurs through multiple methods which include monitoring activities and bureaucratic slowdowns and sporadic court proceedings. Rights-based advocacy groups and those who criticize government actions receive criticism for instigating public disturbances and representing foreign interests. According to Chap (2005) civil society groups encounter governmental suspicion because the government believes they support particular political agendas which threatens public order stability (p. 15). The politicization of NGOs has resulted in their practice of self-censorship while they adopt a defensive method when engaging in public advocacy.

The dependence on international funding creates a major structural challenge for organizations. The majority of Cambodian civil society organizations depend on international funding which causes project continuity issues because they must follow donor priorities rather than address local needs. CICP research shows that insufficient local funding sources threatens both the autonomy of CSOs and their ability to respond to community needs (Chap, 2005, p. 16).

Civil society groups experience additional barriers to collective action because of internal divisions between different organizations. Various CSOs fight for resources and public attention which hinders their ability to create joint policy advocacy efforts. The lack of unity between sector members weakens their combined power to influence decision-making and reduces their ability to gain public trust (World Bank, 2008, p. 47).

– Case Study: Government Crackdown on LICADHO and COMFREL

The government has put significant pressure on civil society through its actions against LICADHO. The human rights organization LICADHO established itself in 1992 to become a central force for human rights work in Cambodia by addressing prisons alongside land rights and freedom of speech. The organization has encountered substantial state harassment throughout the recent period. The Cambodian government prohibited LICADHO from prison visits in 2015 through a measure which experts believe was a response to their public reports about prisoner mistreatment and prison overcrowding (Gemzell, 2017, p. 18). The organization faces ongoing public criticism from state-controlled media outlets, which portray its work as anti-government and destabilizing.

COMFREL as an essential electoral monitoring organization faces two main obstacles which include restricted observation activities and limited voter education programs. The government tightened its control over the organization before the 2018 national elections through national security measures. The electoral environment became restricted because the main opposition party Cambodia National Rescue Party (CNRP) faced dissolution which both damaged electoral integrity and restricted CSO freedom to observe elections (Noren-Nilsson, 2019, p. 85).

The dual pressures on CSOs in Cambodia become evident through these cases because they receive recognition for their civic development role yet must operate within a system which restricts their effectiveness and autonomy. Organizations continue their operations with determination by changing their strategies and exploring alternative ways to participate although their operational freedom has decreased significantly.

Media, Social Media, and Public Voice

The foundation of democratic participation rests on media which functions as both an information distribution system and a civic discussion platform. The traditional media environment in Cambodia operates under significant state control through regulatory measures. The 1995 Press Law establishes freedom of expression and censorship prohibition but Cambodian authorities use multiple methods to restrict independent journalism and limit press freedom and public debate (Chap, 2005, p. 8–9). The authorities use ambiguous legal provisions about national security and political stability to punish media organizations and journalists who criticize government policies (Gemzell, 2017, p. 17; World Bank, 2008, p. 20).

The traditional media sector consisting of radio, television and print newspapers in Cambodia operates under the control of individuals or corporations who maintain strong ties with the Cambodian People's Party (CPP). Sotharith (2005) explains how wealthy influential people exert significant control over journal-

ists who are financially struggling and lack moral principles which results in compromised editorial independence (p. 9). The closure of The Cambodia Daily newspaper and Radio Free Asia's departure from Cambodia in 2017 demonstrate how critical journalism faces diminishing opportunities. Traditional media pluralism has declined because of these developments which restricted citizens from accessing various viewpoints.

Social media has become a new influential platform for civic engagement and political discourse in this present environment. Facebook stands out as the most prominent platform among these platforms. The late 2010s saw Facebook become the primary digital platform Cambodians used to share news and engage in political discussions and grassroots organizing (Noren-Nilsson, 2019, p. 79). Through Facebook millions of Cambodians obtain their information while the platform serves as a direct communication channel for individual citizens civil society actors and opposition figures to reach the public.

The digital transformation has given Cambodian youth and urban residents the power to join discussions about governance and social justice and fight against corruption. Through social media civil society organizations can distribute reports and conduct live public forums and achieve broad supporter mobilization. Through his Facebook page the late political analyst Kem Ley created a platform for political analysis and civic education which distributed his widely read commentaries about governance matters (Noren-Nilsson, 2019, p. 80–82). Through social media platforms the Cambodian Center for Human Rights and other organizations run citizen-led reporting initiatives and rights-based awareness campaigns.

The government has implemented enhanced surveillance programs together with regulatory actions to limit the growing power of digital platforms. The state has transformed its digital repression methods from basic censorship into complex monitoring systems that maintain control. The government has made arrests and issued summons to people who post content that officials consider defamatory or false or threatening to national security. According to the World Bank (2008), although civil society actors have increasingly utilized information and communication technologies, "citizen voice is still constrained by fear of reprisal, low confidence, and limited institutional responsiveness" (p. 28).

The government's expanding surveillance capabilities have intensified public concerns about digital monitoring activities. The Cambodian government launched a national internet gateway during 2018 as a measure to improve public order and protect cybersecurity. Such infrastructure systems have raised concerns because they could be used by authorities to track users while filtering content and suppressing online dissent. The enforcement of laws through discretionary methods in digital and civic spaces has become more prevalent according to studies of Cambodian civil society (Arnold, 2017, p. 24–25; Gemzell, 2017, p. 19).

Digital activists together with CSOs have developed adaptive methods which

include encryption tools and legal literacy training and transnational advocacy to protect online expression. The overall environment continues to be characterized by guarded participation. According to Sotharith (2005) the media serves as a tool for grassroots democratization yet its potential remains limited because of political interference and weak protections for press and digital freedom (p. 12–13).

The relationship between state-run traditional media and new digital platforms represents the fundamental conflicts that exist in Cambodia's civic sphere. Facebook along with other online tools have established new communication pathways for people to express themselves yet these digital spaces face growing challenges from both creative development and restrictive measures.

Youth and Political Participation

Youth members hold essential status in developing democratic governance and civic engagement and inclusive development initiatives. The demographic composition of Cambodia shows its population under thirty consists of more than 65 percent (UNDP 2018 according to Noren-Nilsson 2019 p. 84) which indicates substantial youth potential for democratic reform participation. The full political engagement and civic leadership of Cambodian youth remain restricted because they face obstacles rooted in education along with cultural and structural challenges.

The political culture of Cambodia throughout history has operated through hierarchical structures that create deference to authority within educational institutions and public facilities. Such environments tend to prevent young citizens from taking an active role in political processes or from claiming their rights as engaged members of society. According to the World Bank (2008) women together with youth and people who are poor face specific obstacles when they try to get information and express themselves while attempting to create change (p. 32) because of combined factors that include lack of confidence and traditional cultural practices and insufficient access to participatory opportunities. The political atmosphere surrounding activism creates widespread wariness among young people because of the restrictions on expressing dissent.

The development of civic education stands as a vital element which influences youth participation in democratic processes although Cambodia's formal education system has not established sufficient programs. The current educational system devotes insufficient time to teach students about democratic principles and civic duties and governance-related critical thinking. The education system according to Chap (2005) fails to deliver proper training about democratic participation and public administration and citizen responsibility (p. 11). Civil society organizations run some programs outside regular school activities but these programs exist only sporadically without integration into official national policies. The educational system fails to prepare students adequately about their duties in democracy or their civic participation abilities.

Youth participation in civil society activities outside classrooms faces limitations because of both legal restrictions and political hurdles. Student organizations and youth-based NGOs face official challenges when they try to establish independent operations through registration procedures. The 2015 LANGO establishes strict regulations which all NGOs including youth organizations must follow. The ambiguous requirements about maintaining neutrality and following national interests generate a dangerous environment for young activists who want to participate in public matters (Gemzell, 2017, p. 21). The majority of youth-led projects operate outside formal channels or stay away from topics that could be considered politically risky.

Young people refrain from participating in protests and forums because they fear both surveillance activities and possible disciplinary actions. According to Arnold (2017) Cambodia's civic space faces significant challenges because consent-based regulatory methods have reached their boundary and evolved into multiple chaotic conflicts (p. 24). In these circumstances young people must weigh their aspirations against caution by finding ways to participate while staying within limits that protect their personal and academic prospects.

Some Cambodian youth demonstrate both determination and resourcefulness when it comes to civic engagement. The social media platform Facebook together with other digital platforms have become essential environments where youth can discuss issues while exchanging information and organizing collective action (Noren-Nilsson, 2019, p. 80–81). The online advocacy work focused on environmental protection and educational transformation and gender equality equity initiatives has gained significant support from young people who seek to influence public discussions. The digital spaces remain under surveillance and regulatory control which reduces their impact and restricts their ability to create transformative change (Gemzell, 2017, p. 19; World Bank, 2008, p. 28).

The current initiatives aimed at increasing youth involvement in formal political bodies show limited success. Youth participation through party youth wings serves to maintain vertical structures and party loyalty instead of developing critical engagement or policy development. Noren-Nilsson (2019) states that youth activism emerged during Cambodia's brief democratic period from 2013 to 2017 yet the CNRP did not achieve complete overlap with the opposition movement (p. 79) and this momentum failed to create enduring institutional transformations.

Youth in Cambodia demonstrate strong potential to lead democratic transformation yet multiple legal barriers alongside educational challenges and cultural obstacles prevent them from achieving full political participation. The elimination of these barriers needs multiple strategies which include educational reforms for civic education and supportive legal frameworks for youth initiatives alongside protection of both digital and physical spaces for free expression.

Figure 1. Strategic Pathways for Enhancing Civic Participation in Cambodia.

Strategies for Enhancing Participation

The development of Cambodia's civic landscape demands an integrated strategy that involves both legal and educational and institutional reforms to empower citizens and protect civic space and build state-civil society trust. The combination of national and international stakeholders can work together to establish a more active and democratic system despite ongoing challenges.

The improvement of civic education along with public political literacy stands as the most enduring method to boost civic participation. The current formal education system of Cambodia fails to teach students about democratic values and human rights and participatory governance according to Chap (2005) on page 11. The national curriculum should include civic education for primary and secondary students to teach them about their rights and state institution functions from an early age. The World Bank (2008) supports the implementation of "targeted information-education-communication (IEC) campaigns" to enhance public knowledge about governance institutions and democratic principles (p. 26). Public outreach initiatives should inform citizens about voting procedures and budget transparency and participatory planning methods that operate at sub-national levels.

The protection of civil society actors requires both legal and political safeguards which must be implemented alongside educational reforms. An environment that supports CSOs and media operations needs both clear regulations and institutional mechanisms which defend their operational independence. The unclear nature of LANGO laws together with their discretionary application has discouraged civic participation and limited advocacy work (Gemzell, 2017, p. 21). A legal review process involving multi-stakeholder consultation should be conducted to refine LANGO through alignment with international human rights standards and constitutional guarantees.

The creation of independent dispute resolution systems which operate impartially would provide CSOs with a means to address rights violations. The World

Bank (2008) emphasizes that government responsiveness and accountability improves when citizens have both opportunities and mechanisms to participate in dialogue (p. 61). The support of structured dialogue platforms between citizens and public officials and CSOs should be established through town halls and participatory budgeting sessions and community monitoring forums. These platforms need to ensure inclusivity through deliberate participation of women and youth along with marginalized groups. According to Arnold (2017) constructive dialogue between civil society and political society transforms contentious issues into opportunities for negotiated progress instead of zero-sum conflict (p. 25).

The safety and inclusivity of dialogue requires addressing the prevailing atmosphere of fear which commonly affects civic participation. People avoid expressing their opinions because they worry about being watched or facing negative consequences. The democratization process requires implementing confidence-building measures as part of its broader framework. The government should make public statements about protecting peaceful assembly rights and expression while guaranteeing that civic participation will remain free from political interference and criminalization. Civil servants who actively engage with citizens at the local level will enhance both downward accountability and responsiveness according to the World Bank (2008, p. 57).

International development partners together with donors and multilateral institutions play an essential role in maintaining a strong civic space. International funding for Cambodian CSOs should be accompanied by efforts to develop their organizational strength and establish local control and maintain enduring financial systems. International actors can defend civic space through their participation in policy discussions with the government and their financial backing of new platforms which serve youth and marginalized populations (Gemzell, 2017, p. 23). Donors should demonstrate good governance through operational transparency and community accountability in their service delivery (World Bank, 2008, p. 67).

Bilateral and multilateral support can be strengthened through regional networks which include ASEAN and the East Asian Development Network (EADN) to facilitate knowledge exchange and peer learning opportunities. The Cambodian Institute for Cooperation and Peace (CICP) alongside other local think tanks and academic institutions demonstrate that local expertise can effectively shape policy reform through appropriate support and resources (Chap, 2005, p. 6–7).

The development of civic engagement in Cambodia needs sustained inclusive methods which tackle institutional obstacles while developing local leadership and democratic values. The development of an open participatory society depends on strategic investments in civic education and legal reform alongside inclusive dialogue and institutional partnerships to empower citizens for constructive national development contributions.

Figure 2. Structural Challenges and Strategic Pathways for Civic Participation in Cambodia.

Conclusion

The democratic development of Cambodia since 1990 has shown both institutional growth and ongoing structural obstacles. This research examined how civil society together with citizens have influenced Cambodia's democratic path through analysis of legal structures and political attitudes and media conditions and youth involvement and methods to boost civic involvement. The practical barriers of legal restrictions together with political obstacles and cultural limitations prevent the effective realization of public participation and independent civil society activities despite constitutional protections for freedoms of association and expression and assembly (Constitution of Cambodia, 1993).

The value of civil society organizations (CSOs) becomes evident through their work to promote democratic accountability and human rights and public awareness. The Cambodian governance landscape benefits from the work of CSOs including LICADHO, COMFREL and the Cambodian Center for Human Rights through their activities of election monitoring and legal aid and civic education and advocacy (Chap, 2005; Gemzell, 2017; World Bank, 2008). These actors function within a restricted environment which includes unclear legal frameworks together with limited media freedom and political wariness that stems from historical conflict and traditional hierarchical governance systems (Downie & Kingsbury, 2001; Noren-Nilsson, 2019).

The empowerment of citizens to create Cambodia's future demands specific reforms which will establish trust and create opportunities for inclusive dialogue. The essential strategies for achieving this goal include enhancing civic education programs and safeguarding CSOs through legal protections and expanding information access and developing participatory governance mechanisms across all levels. The World Bank (2008) stresses that state responsiveness needs to match the public demand for public accountability (p. 65). Democratic resilience in Cambodia depends on a citizenry that is both informed and engaged

and supported by a civil society that operates independently and securely. The path toward a more participatory and accountable democratic system becomes promising through sustained cooperation between government institutions and civil society actors and international partners.

Библиографический список / Reference

1. Sotharith, C. (2002). Media, Civil Society, and Democracy in Cambodia. Media Asia, 29, 32-36. https://doi.org/10.1080/01296612.2002.11726660.
2. Cecil, C. (2021). Cambodian Civic Participation and COVID-19. COVID-19: The Economy and Society. https://doi.org/10.62458/camed/oar/symposium/2021/127-132.
3. Norén-Nilsson, A. (2019). Kem Ley and Cambodian Citizenship Today: Grass-Roots Mobilisation, Electoral Politics and Individuals. Journal of Current Southeast Asian Affairs, 38, 77-97. https://doi.org/10.1177/1868103419846009.
4. Narayan, S. (2024). THE ROLE OF CIVIL SOCIETY IN DEMOCRATIZATION PROCESSES. ShodhKosh: Journal of Visual and Performing Arts. https://doi.org/10.29121/shodhkosh.v5.i3.2024.4371.
5. Gemzell, M. (2017). Cambodia: Shrinking spaces versus empowerment of communities Analysis of framework conditions & options for strengthening civil society, democracy & human rights in Cambodia. https://doi.org/10.11588/XAREP.00004061.
6. Sotharith, C., & Santibhāb, V. (2005). Role of media and civil society in a democracy: a Cambodian case study.
7. Malena, C., & Chhim, K. (2009). Linking citizens and the state: an assessment of civil society contributions to good governance in Cambodia, 1-31.
8. Hughes, C. (2001). Mystics and Militants: Democratic Reform in Cambodia. International Politics, 38, 47-64. https://doi.org/10.1057/PALGRAVE.IP.8892612.
9. Downie, S., & Kingsbury, D. (2001). Political development and the re-emergence of civil society in Cambodia. Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs, 23, 43-64. https://doi.org/10.1355/CS23-1C.
10. Arnold, D. (2017). Civil society, political society and politics of disorder in Cambodia. Political Geography, 60, 23-33. https://doi.org/10.1016/J.POLGEO.2017.03.008.
11. Bünte, M., & Weiss, M. (2023). Civil Society and Democratic Decline in Southeast Asia. Journal of Current Southeast Asian Affairs, 42, 297-307. https://doi.org/10.1177/18681034231212488.
12. Lay, C., & Eng, N. (2020). State Regulations and Elitisation: A Study of Civil Society Elites in Indonesia and Cambodia. Politics and Governance, 8, 97-108. https://doi.org/10.17645/pag.v8i3.3005.
13. Morgenbesser, L. (2019). Cambodia's Transition to Hegemonic Authoritarianism. Journal of Democracy, 30, 158-171. https://doi.org/10.1353/JOD.2019.0012.
14. Hyde, S., Lamb, E., & Samet, O. (2022). Promoting Democracy Under Electoral Authoritarianism: Evidence From Cambodia. Comparative Political Studies, 56, 1029-1071. https://doi.org/10.1177/00104140221139387.
15. Cai, Q. (2024). Comparative Analysis of Democratic Systems in Cambodia, Laos, and Thailand. Journal of Ecohumanism. https://doi.org/10.62754/joe.v3i4.3816.
16. Un, K. (2006). State, Society and Democratic Consolidation: The Case of Cambodia. Pacific Affairs, 79, 225-245. https://doi.org/10.5509/2006792225.
17. Karbaum, M. (2011). Cambodia's Façade Democracy and European Assistance. Journal of Current Southeast Asian Affairs, 30, 111-143. https://doi.org/10.1177/186810341103000405.
18. Broadhurst, R., Bouhours, T., & Bouhours, B. (2015). Violence and the Civilising Process in Cambodia. https://doi.org/10.1017/cbo9781316271339.
19. Weiss, R. (2020). Peacebuilding, Democratization, and Political Reconciliation in Cambodia. Asian Journal of Peacebuilding. https://doi.org/10.18588/202005.00a069.
20. Rovira, M. (2020). Digital Political Participation and the Digital Divide: Insights from the Cambodia Case. Malaysian Journal of International Relations. https://doi.org/10.22452/mjir.vol8no1.5.
21. Lorch, J. (2023). Civil Society Between Repression and Cooptation: Adjusting to Shrinking Space in Cambodia. Journal of Current Southeast Asian Affairs, 42, 395-420. https://doi.org/10.1177/18681034231214397.
22. Springman, J., Malesky, E., Right, L., & Wibbels, E. (2022). The Effect of Government Repression on Civil Society: Evidence from Cambodia. International Studies Quarterly. https://doi.org/10.1093/isq/sqac028.
23. Marks, S., & Naraharisetti, R. (2013). Cambodia: Civil society, power and stalled democracy.
24. Norman, D. (2014). From shouting to counting: civil society and good governance reform in Cambodia. The Pacific Review, 27, 241-264. https://doi.org/10.1080/09512748.2014.882393.

Терновая Л.О.

Доктор исторических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Власть история и история власти», руководитель проекта.

Чапкин Н.С.

Старший преподаватель. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова». Базовая кафедра цифровой экономики института развития информационного общества.

Математика исторического нарратива: порядковая нумерация событий и ее роль в формировании коллективной памяти*

Abstract. В статье предпринята попытка проанализировать феномен использования порядковых числительных в историческом нарративе и его влияние на формирование коллективной памяти. На примере таких событий, как мировые войны, династические имена монархов, пятилетние планы и другие социально-политические явления, автор анализирует, как математическая нумерация структурирует историческое сознание, создавая иллюзию преемственности, цикличности или неизбежности. Междисциплинарное исследование, основанное на подходах антропологии математики, теории коллективной памяти и дискурс-анализа, позволяет выявить скрытые механизмы политической легитимации и конструирования национальной идентичности через простейшие математические операции счета. Анализируются исторические примеры применения математических методов к изучению войн, кризисов и социальных процессов с X по XX век, включая Столетнюю войну (1337–1453), Тридцатилетнюю войну (1618–1648) и Крымскую войну (1853–1856). Особое внимание уделяется роли математических инструментов в анализе политических традиций.

Ключевые слова: количественная история, клиометрия, математические методы, антропология математики, порядковые числительные, история войн, экономическая история.

* © Терновая Л.О., Чапкин Н.С., 2026.

Ternovaya L.O.
Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal «Power History and the History of Power,» and Project Director.

Chapkin N.S.
Senior Lecturer. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Economic University named after G.V. Plekhanov». Basic Department of Digital Economy of the Institute for the Development of the Information Society.

The mathematics of historical narrative: ordinal numbering of events and its role in the formation of collective memory

Abstract. This article attempts to analyze the use of ordinal numbers in historical narrative and its influence on the formation of collective memory. Using examples of events such as world wars, dynastic names of monarchs, five-year plans, and other sociopolitical phenomena, the author analyzes how mathematical numbering structures historical consciousness, creating the illusion of continuity, cyclicality, or inevitability. This interdisciplinary study, based on approaches from the anthropology of mathematics, collective memory theory, and discourse analysis, reveals hidden mechanisms of political legitimation and the construction of national identity through the simplest mathematical operations of counting. This article analyzes historical examples of the application of mathematical methods to the study of wars, crises, and social processes from the 10th to the 20th centuries, including the Hundred Years' War (1337–1453), the Thirty Years' War (1618–1648), and the Crimean War (1853–1856). Particular attention is paid to the role of mathematical tools in the analysis of political traditions.

Key words: quantitative history, cliometrics, mathematical methods, anthropology of mathematics, ordinal numbers, history of wars, economic history.

История не только пишется победителями, но еще и нумеруется ими. Порядковые числительные, сопровождающие важнейшие события политической и социальной жизни, представляют собой более, чем просто инструмент хронологического упорядочивания. Они проявляют себя как мощный семиотический механизм, формирующий коллективное восприятие прошлого и будущего. Мы знаем счет от «Первого» до «Второго» Рима, от «Первой» до «Второй» мировой войны, от Людовика I Благочестивого Людовика XVIII, от I съезда Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) до XXVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза (КПСС). В упоминаниях об этих событиях числовая

последовательность создает нарратив, в котором заложены ожидания, аналогии и предопределенность. Это обуславливает потребность изучения не только самих исторических обоснований для такой символики, но и саму ее воспринимать как особый тип повествования, имеющий свои правила и отступления от них.

Квантитативной история (англ. *Quantitative history*) оформилась как самостоятельный раздел исторической науки, применяющий числовые данные в качестве основного источника для анализа и интерпретации исторических событий. Значительный прогресс в этом направлении исследований, разумеется, связан с появлением компьютерного анализа данных, позволившего применять преобразование Фурье (FFT) к рядам данных, количественное моделирование, стохастическую фильтрацию и другие методы анализа долгосрочных тенденций. Сейчас уже невозможно игнорировать методы количественной истории, которая позволяет не только корректировать летопись событий, но и находить в ней новые проблемные точки и, соответственно, факты для размышлений.

Основу теоретической и методологической базы исследования составляют два подхода: номотетический (др.-греч. νόμος – закон и корень θη- – полагать, устанавливать), касающийся поиска общих закономерностей и моделей в истории с помощью количественных методов; идеографический (др.-греч. ἴδιος – своеобразный и γράφω – пишу), позволяющий описывать уникальные, индивидуальные особенности исторических событий. При применении количественных методов для анализа качественных явлений, таких как социально-политические нарративы, полезен контент-анализ исторических текстов[1]. Подсчет и интерпретация частоты использования порядковых числительных раскрывают различия разных эпох. Методология количественных исследований может включать создание базы данных таких наименований с указанием номера, исторического контекста, длительности ряда и его итога, анализ дискурса для изучения контекста употребления числительных.

Постольку поскольку гуманитарные науки становятся более человекоориентированными, а также мы входим в этап междисциплинарной исследований, то одним из наиболее плодотворных направлений развития количественной истории выступает ее связь с антропологией математики, как исследовательским полем, которое позволяет рассмотреть, каким образом абстрактные математические концепции вплетаются в ткань соци-

1 *Абрамов В.К.* О применении количественных методов в исторических иследованиях // Успехи современного естествознания. 2008. № 4. С. 47-48; Количественные методы в исторических исследованиях: учебное пособие для вузов по специальности «История» / Л.И. Бородкин, И.М. Гарскова, Т.Ф. Изместьева и др.; под ред. И.Д. Ковальченко. М.: Высшая школа, 1984.

альной реальности, приобретая идеологическую нагрузку[2]. Первым проявлением понимания важности междисциплинарного анализа стал термин «клиометрика» (англ. *cliometrics*), появившийся в декабре 1960 г. в *Journal of Economic History* в статье Л. Дэвиса, Дж. Хьюгса, и С. Рейтера «Аспекты количественного исследования в экономической истории»[3]. Название направления взято от имени музы истории и героической поэзии в греческой мифологии Клио. Такое обращение к мифопоэтическому образу служит предостережением исследователям о пагубности чрезмерного увлечения цифрой и ослаблением внимания к главному в истории, которым выступает человек.

Хотя понятие «клиометрика» возникло в США, американские авторы не были первопроходцами в этом направлении. В СССР с 1948 г. издавался сборник результатов историко-математических исследований[4]. Его публикации продолжаются и в наши дни. Близкая тематика освещается в альманахе «История и Математика: Эволюционная историческая макродинамика» из ставшей уже популярной серии сборников, представляющих различные аспекты использования математических методов в исторических, обществоведческих и экономических исследованиях[5]. В 1968 г. под руководством Ивана Дмитриевича Ковальченко была создана Комиссия по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях при Отделении истории АН СССР.

Количественные методы стали органичной частью исторического исследования. В качественный и количественный анализ исторических и политических дискурсов включен контент-анализ речей государственных и политических лидеров, официальных документов, медиатекстов, где используются порядковые обозначения событий. Широко применяется сравнительно-исторический анализ для выявления различий и сходств в нумерационной практике в разных культурно-политических и цивилизационных контекстах. Мы внимательны к результатам концептуального

2 *Рябова Е.Л., Терновая Л.О.* Ренессанс с цифровым лицом: переизобретение гуманитарного знания в эпоху технологий // Культура мира. 2025. Том 13. Выпуск 7. (№ 509). С. 152-160.

3 *Davis L.E., Hughes J.R.T., Reiter S.* Aspects of Quantitative Research in Economic History // Journal of Economic History. 1960. Vol. 20. P. 539-547.

4 Историко-математические исследования / Труды семинара МГУ по истории математики; Под редакцией Г.Ф. Рыбкина и А.П. Юшкевича. Выпуск I. М. – Л.: Гостехиздат, 1948; Историко-математические исследования / Под редакцией С.С. Демидова. Вторая серия. Вып. 13 (48). – М.: «Янус-К», 2009; Историко-математические исследования / Под редакцией С.С. Демидова. Вторая серия. Вып.16(51). Москва: «Янус-К», 2018.

5 История и Математика: Эволюционная историческая макродинамика / Ответственные редакторы: доктор технических наук С.Ю. Малков, доктор философских наук Л.Е. Гринин, доктор исторических наук А.В. Коротаев. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

анализа смыслов, приписываемых числительным («первый» как «революционный», «третий» как «окончательный» и т.д.). В контексте международных отношений порядковая нумерация превращается в инструмент геополитического позиционирования. Когда-то «Третий Рим» претендовал на наследие предыдущих двух. Сейчас разговоры о «Третьей мировой войне» формируют повестку международной безопасности.

Теоретическую рамку исследования составляют два взаимосвязанных направления: антропология математики и коллективная память. Первое –изучает, как математические практики укоренены в культурных и социальных контекстах. В историко-политическом контексте порядковый счет рассматривается не как нейтральный инструмент, а как социокультурная практика, структурирующая историческое мышление. Второе направление, опирающееся на теорию коллективной памяти, утверждает, что память о прошлом конструируется в настоящем под влиянием актуальных социальных запросов[6]. Порядковые числительные служат «якорями памяти», связывающими разрозненные события в единую, осмысленную последовательность, часто подчиненную логике национального или идеологического нарратива. Синтез этих подходов позволяет постулировать, что нумерация исторических событий является формой «математизации памяти», подчиняющей сложность исторического процесса простой и убедительной логике числового ряда.

В рамках этих направлений можно выдвинуть и проверить конкретные гипотезы, основанные на количественном анализе.

Гипотеза о прерывности длинных рядов предполагает, что длинные порядковые ряды (после X – XII) часто обрываются из-за смены политического режима, идеологии или технологического уклада, которые тоже имеют свою нумерацию. Для ее проверки требуется собрать базу данных таких наименований и проанализировать корреляцию между номером и историческим контекстом прекращения его употребления.

Гипотеза о легитимации и проекции, исходит из того, что низкие числительные (I – IV) часто служат для легитимации текущей власти, позволяя постоянно ссылаться на предшественников. В высокие числительные или абстрактные более пригодны для проекции политических амбиций в будущее. Проверка данной гипотезы возможна на основании сравнения частоты и контекста использования таких числовых параметров в официальных документах и пропаганде разных исторических периодов.

6 *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004; *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкин. – М.: Новое изд-во, 2007; The Invention of tradition / Ed. by Eric Hobsbawm a. Terence Ranger. Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 1983.

Гипотеза о переходе к «нечисловым» наименованиям объясняет причины отхода в современной политической риторике от порядковых числительных к уникальным «брендовым» названиям (Холодная война, Арабская весна). Этим подчеркивается уникальность события, значимость причастности к нему или его урегулирования. Чтобы проверить эту гипотезу следует провести контент-анализ названий крупных международных событий в политических документах и медиа за последние сто лет.

Основными сферами, где можно найти примеры для исследования выступают: международные отношения и войны (Пунические войны мировые войны, Палестинская интифада); внутриполитические процессы: Французские республики, пятилетки в СССР, пятилетки в КНР (текущий пятилетний план – XIV пятилетка (2021 – 2025), ожидается, что 15-й пятилетний план охватит период с 2026 по 2030 г.); религия и культура (Крестовые походы, Вселенские соборы (Православная церковь признает семь), Римские папы, французские короли, японские эры правления (в современной истории Японии четыре эры)).

Нумерация как инструмент конструирования исторической преемственности или разрыва временных связей отчетливо проступает при изучении династических имен и процессов легитимации власти с помощью порядковых числительных. Практика нумерации монархов (Георг IV, Елизавета II, Карл III) служит классическим примером создания прямой преемственности, часто игнорирующей сложности династических переходов. Числительное здесь выполняет несколько функций: легитимирующая, которая подтверждает право правителя на престол через включение в единый числовой ряд предшественников; стабилизирующая, способная создать впечатление непрерывности и стабильности власти, несмотря на возможные периоды кризиса: прогностическая, которая предполагает бесконечное продолжение династии в будущем.

Порядковые числительные служат как для подтверждения связанности, непрерывности истории, так и для предупреждения опасности повторения событий. Так, «мировые войны» представляют собой тревожный нарратив трагической цикличности и ее обрыва. Названия с числительными «Первая» и «Вторая» были присвоены этим войнам задним числом, что позволило усилить эффект урока истории. Такая нумерация: во-первых, создает представление о двуедином конфликте-катастрофе прошлого столетия (отсюда определение двух этих войн как «Тридцатилетней войны XX в.»); во-вторых, формирует общественный запрос на недопущение «Третьей мировой», которая в дискурсе выступает как апокалиптическое завершение ряда.

Любопытным феноменом, подтверждающим, что нумерация является именно ретроспективным конструктом, служат дебаты среди исто-

риков о так называемой «Нулевой мировой войне». Этим термином некоторые исследователи пытаются обозначить крупный конфликт до 1914 г., чаще всего Тридцатилетнюю войну (1618 – 1648) или Крымскую войну (1853-1856)), который, по их мнению, обладает системными признаками «всемирности», включая вовлеченность множества государств, глобальное значение и применение новых технологий. Поиск «нулевой» войны можно считать попыткой удлинить исторический ряд, найти истоки феномена в прошлом и тем самым придать ему дополнительную цикличность и предопределенность. Однако сама условность термина «нулевой» демонстрирует, что сама по себе нумерация не является объективным фактом. Она служит инструментом исторического мышления, работающим с уже сложившимися нарративами[7]. Но такая попытка ретроспективной проекции сложившейся нумерации в прошлое усиливает целостность исторического объяснения.

Закономерности длины числового ряда и социально-политический контекст

На основе анализа различных примеров можно выявить интересные закономерности. Например, короткий и прерывный цифровой ряд обрывается после фундаментальной победы или поражения, изменения миропорядка. Номер «последнего» события становится исторической вехой (Третья Пуническая война). Длинный непрерывный ряд свидетельствует об устойчивости института, выступая символом традиции и стабильности. В символически завершенном коротком ряду порядковое числительное несет идеологическую нагрузку «завершенности», «окончательной формы», в частности именно. «Третий» часто претендует на статус «последнего» и «наивысшего» («Третий Рим»). «Бесконечный» открытый ряд помогает сделать акцент на поступательном развитии, продолжении деятельности института. Поэтому можно предположить, что устойчивость длинных порядковых рядов (династии, папство) коррелирует с устойчивостью самого института, а обрыв ряда (как в случае с «мировыми войнами») или его символическое завершение («Третий Рейх») часто совпадает с глубокими цивилизационными сломами, революциями или попытками утвердить «окончательный» проект.

Использование нумерации в экономике и политике служит инструментом ритмизации времени[8]. В частности, феномен «пятилеток» (в СССР,

7 *Терновая Л.О., Чапкин Н.С.* Нулевой километр как геополитический индикатор // Культура мира. 2025. Том 13. Выпуск 7. (№ 509). С. 252-260.

8 *Вознесенский И.С.* Первая лига «Время»: российский опыт учета фактора времени в научной организации труда // Вестник Башкирского института социальных технологии (БИСТ). 2017. № 4 (37), декабрь 2017. С. 76-82; *Вознесенский И.С.* Темпоральная компонен-

КНР) демонстрирует, как порядковая нумерация используется для ритмизации и покорения будущего. Экономический план, ограниченный временными и числовыми рамками, превращает неопределенное будущее в серию подконтрольных, измеримых отрезков, что порождает особое квантифицированное историческое сознание, где эпохи воспринимаются не по событиям, а по номерам планов или партийных съездов. Однако когда нумерация таких планов дает сбой, это сказывается и на их выполнении. Исследователи указывают на причины неудачи семилетнего плана развития народного хозяйства СССР («Хрущевская семилетка», 1959 – 1965): недостаток средств; нереальность намеченного; разобщенность экономики; отставание сельского хозяйства.

Квантификационный метод применим к анализу партийной номенклатура, раскрывая механизмы деперсонализации власти через нумерацию[9]. Практика нумерации в политике выходит за рамки событий и пронизывает саму структуру власти. Система должностей «первый секретарь», «второй секретарь», характерная для советской партийной номенклатуры, представляет собой яркий пример функциональной деперсонализации. Благодаря квантификационному методу видим, как порядковый числительный: во-первых, функция полностью поглощает личность, замещает индивидуальность, когда должностное лицо определяется не по фамилии или личным качествам, а по месту в иерархии, обозначенному номером: «первый» – не просто главный, но и источник директив, «второй» – исполнитель и заместитель; во-вторых, кодирует иерархию благодаря тому, что нумерация создает предельно ясную, «математически» выверенную цепь подчинения, где каждый номер указывает на объем власти и ответственности, минимизирует тем самым неопределенность в бюрократической системе; в-третьих, создает заменимость, посредством убеждения, что номер должности предполагает, что любой, кто ее занимает, будет выполнять одну и ту же функцию, укрепляя стабильность системы вне зависимости от конкретных людей, делая аппарат безлич-

та психологии организации труда // Карминские чтения. Актуальные проблемы философии, культурологии, психологии, конфликтологии, права и образования: материалы IV Национальной с международным участием научно-практической конференции. 24 – 25 октября 2018 г., Санкт-Петербург / Под ред. Е. Ф. Ященко. – СПб.: ФГБОУ ВО ПГУПС, 2019. С. 62-71; *Вознесенский И.С.* Темпоральная компонента организационной культуры // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 1 (139). С. 20-28; *Вознесенский И.С.* Темпоральный интеллект: от секрета овладения временем к эффективному управлению // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. Часть 3 (№ 60). С. 90-97.

9 *Грехов А.В.* Единство квантификационного и традиционного методов исследования как методологическая проблема исторического познания: автореферат дис. ... доктора философских наук: 09.00.11 / Нижегор. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2005.

ным и вечным, подобно длинному династическому ряду. Этот феномен напрямую связан с антропологией математики: простая арифметическая последовательность (первый, второй, третий...) становится социальной технологией управления, преобразуя человеческие отношения в схему, где превалирует функция, а не личность.

Порядковые числительные в историческом нарративе становятся далеко не нейтральными маркерами. Они превращаются в активных агентов формирования коллективной памяти, выполняющими важные социально-политические функции: легитимацию власти, создание преемственности или, наоборот, обозначение разрыва, ритмизацию будущего и конструирование символических границ (между второй и «никогда не случившейся» третьей мировой войной). Даже гипотетическая «Нулевая мировая война» служит целям этого конструирования, расширяя временные рамки явления. При этом нумерация способна деперсонифицировать власть, как в случае с партийной номенклатурой, где человек становится функцией под номером.

Математика исторического нарратива упрощает сложность прошлого, делая его удобным и для идеологического потребления, и для бюрократического управления. Длина числового ряда, его обрыв или символическое завершение служат диагностическими признаками состояния общества: его стабильности, пережитых травм или утопических устремлений. Но числовой ряд самой количественной истории не заканчивается. Дальнейшие исследования могут быть направлены на сравнительный анализ нумерационных практик в разных культурах, а также на изучение того, как в цифровую эпоху новые формы нумерации (Web 3.0, Индустрия 4.0, Седьмой технологический уклад) продолжают эту традицию, структурируя современное восприятие технологического прогресса.

Как бы мы ни относились к метким высказываниям Виктора Степановича Черномырдина, не хотелось бы за ним повторять: «Никогда такого не было, и вот опять!» Внимание к количественным данным в истории позволит констатировать, было ли что-то подобное, если было, то почему мы это забыли, и в чем причина того, что неприятно получить повторения забытой истории. Порядковые числительные как инструмент конструирования политической реальности, могут создавать мифы о преемственности (династии, империи) или неизбежности (войны, кризисы), эти мифы же развенчивают. Антропология числовых рядов объясняет, почему обрываются «длинные счета» (Восьмидесятилетняя (ок. 1566/1568 – 1648) и Столетняя (1337 – 1453) войны) и чем они отличаются от «бесконечных» проектов, типа «Третий Рим», «Тысячелетний рейх» и др. Чем больше мы будем понимать, какие социокультурные и политические факторы определяют дли-

ну и устойчивость числового ряда в публичном дискурсе, тем более стабильной будет ситуация в мире.

Библиографический список:

1. Абрамов В.К. О применении количественных методов в исторических иследованиях // Успехи современного естествознания. 2008. № 4. С. 47-48.
2. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.
3. Вознесенский И.С. Первая лига «Время»: российский опыт учета фактора времени в научной организации труда // Вестник Башкирского института социальных технологии (БИСТ). 2017. № 4 (37), декабрь 2017. С. 76-82.
4. Вознесенский И.С. Темпоральная компонента психологии организации труда // Карминские чтения. Актуальные проблемы философии, культурологии, психологии, конфликтологии, права и образования: материалы IV Национальной с международным участием научно-практической конференции. 24 – 25 октября 2018 г., Санкт-Петербург / Под ред. Е.Ф. Ященко. – СПб.: ФГБОУ ВО ПГУПС, 2019. С. 62-71.
5. Вознесенский И.С. Темпоральная компонента организационной культуры // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 1 (139). С. 20-28.
6. Вознесенский И.С. Темпоральный интеллект: от секрета овладения временем к эффективному управлению // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. Часть 3 (№ 60). С. 90-97.
7. Грехов А.В. Единство квантификационного и традиционного методов исследования как методологическая проблема исторического познания: автореферат дис. ... доктора философских наук: 09.00.11 / Нижегор. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2005. 43 с.
8. Историко-математические исследования / Труды семинара МГУ по истории математики; Под редакцией Г.Ф. Рыбкина и А.П. Юшкевича. Выпуск I. М. – Л.: Гостехиздат, 1948. 384 с.
9. Историко-математические исследования / Под редакцией С.С. Демидова. Вторая серия. Вып.13(48). – М.: «Янус-К», 2009. 388 с.
10. Историко-математические исследования / Под редакцией С.С. Демидова. Вторая серия. Вып.16(51). – Москва: «Янус-К», 2018. 394 с.
11. История и Математика: Эволюционная историческая макродинамика / Ответственные редакторы: доктор технических наук С.Ю. Малков, доктор философских наук Л.Е. Гринин, доктор исторических наук А.В. Коротаев. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 288 с.
12. Количественные методы в исторических исследованиях: учебное пособие для вузов по специальности «История» / Л.И. Бородкин, И.М. Гарскова, Т.Ф. Изместьева и др.; под ред. И.Д. Ковальченко. – М.: Высшая школа, 1984. 384 с.
13. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Ренессанс с цифровым лицом: переизобретение гуманитарного знания в эпоху технологий // Культура мира. 2025. Том 13. Выпуск 7. (№ 509). С. 152-160.
14. Терновая Л.О., Чапкин Н.С. Нулевой километр как геополитический индикатор // Культура мира. 2025. Том 13. Выпуск 7. (№ 509). С. 252-260.
15. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкин. – М.: Новое изд-во, 2007. 346 с.
16. Davis L.E., Hughes J.R.T., Reiter S. Aspects of Quantitative Research in Economic History // Journal of Economic History. 1960. Vol. 20. P. 539-547.
17. The Invention of tradition / Ed. by Eric Hobsbawm a. Terence Ranger. Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 1983. VII, 320 p.
18. Горина Л.В., Талинский И.Д., Захарова М.С. Негосударственный сектор дошкольного образования: частные детские сады // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 52-62.

Reference

1. Abramov V.K. On the Application of Quantitative Methods in Historical Research // Advances in Modern Natural Science. 2008. № 4. P. 47-48.
2. Assman J. Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in High Ancient Cultures / translated from German by M.M. Sokolskaya. – Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 363 p.
3. Voznesensky I.S. The First League «Time»: Russian Experience of Accounting for the Time Factor in Scientific Labor Organization // Bulletin of the Bashkir Institute of Social Technologies (BIST). 2017. № 4 (37), December 2017. P. 76-82.
4. Voznesensky I.S. The Temporal Component of the Psychology of Labor Organization // Karminsky Readings. Current Issues in Philosophy, Cultural Studies, Psychology, Conflictology, Law, and Education: Proceedings of the

IV National Scientific and Practical Conference with International Participation. October 24–25, 2018, St. Petersburg / Ed. by E.F. Yashchenko. – St. Petersburg: FGBOU VO PGUPS, 2019. P. 62-71.
5. Voznesensky I.S. The Temporal Component of Organizational Culture // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2020. № 1 (139). P. 20-28.
6. Voznesensky I.S. Temporal Intelligence: From the Secret of Mastering Time to Effective Management // Mission of Confessions. 2022. Vol. 11. Part 3 (№ 60). P. 90-97.
7. Grekhov A.V. The Unity of Quantification and Traditional Research Methods as a Methodological Problem of Historical Knowledge: Abstract of the Dissertation ... Doctor of Philosophy: 09.00.11 / Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky. Nizhny Novgorod, 2005. 43 p.
8. Historical and Mathematical Research / Proceedings of the Moscow State University Seminar on the History of Mathematics; Edited by G.F. Rybkin and A.P. Yushkevich. Issue 1. Moscow – Leningrad: Gostekhizdat, 1948. 384 p.
9. Historical and Mathematical Research / Edited by S.S. Demidov. Second Series. Issue 13 (48). – Moscow: «Yanus-K», 2009. 388 p.
10. Historical and Mathematical Research / Edited by S.S. Demidov. Second Series. Issue 16 (51). – Moscow: Janus-K, 2018. 394 p.
11. History and Mathematics: Evolutionary Historical Macrodynamics / Editors-in-Chief: Doctor of Technical Sciences S.Yu. Malkov, Doctor of Philosophy L. Ye. Grinin, Doctor of Historical Sciences A. V. Korotaev. – Moscow: LIBROKOM Book House, 2010. 288 p.
12. Quantitative Methods in Historical Research: A Textbook for Universities Majoring in History / L.I. Borodkin, I.M. Garskova, T.F. Izmestyeva, et al.; edited by I.D. Kovalchenko. – Moscow: Vysshaya shkola, 1984. 384 p.
13. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Renaissance with a Digital Face: Reinventing the Humanities in the Technological Age // Culture of Peace. 2025. Vol. 13. Issue 7. (№ 509). P. 152-160.
14. Ternovaya L.O., Chapkin N.S. Zero Kilometer as a Geopolitical Indicator // Culture of Peace. 2025. Vol. 13. Issue 7. (№ 509). P. 252-260.
15. Halbwachs M. Social Framework of Memory / trans. from French and introduction by S.N. Zenkin. – Moscow: Novoye Izd-vo, 2007. 346 p.
16. Davis L.E., Hughes J.R.T., Reiter S. Aspects of Quantitative Research in Economic History // Journal of Economic History. 1960. Vol. 20. P. 539-547.
17. The Invention of tradition / Ed. by Eric Hobsbawm a. Terence Ranger. Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 1983. VII, 320 p.
18. Gorina L.V., Talinskij I.D., Zakharova M.S. Non-governmental preschool education sector: private kindergartens // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 52-62.

Шавлохова Е.С.
Доктор исторических наук профессор, кафедры истории и политологии, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар.

Пашковский Б.Г.
Студент 1 курса направления подготовки «Юриспруденция» ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет» имени И.Т. Трубилина», г. Краснодар.

Фролова Д.Е.
Студент 1 курса направления подготовки «Юриспруденция» ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет» имени И.Т. Трубилина», г. Краснодар.

Лихацкая С.В.
Студент 1 курса направления подготовки «Юриспруденция» ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет» имени И.Т. Трубилина», г. Краснодар.

Федерализация российского государства в проекте конституция Муравьёва*

Аннотация. Статья посвящена главному программному документу северного общества декабристов, написанному Никитой Михайловичем Муравьёвым и его соратниками. В статье подробно анализируется такой аспект потенциальной реформации Российского государства, как территориальное устройство. В статье предметно, с опорой на оригинальный текст «Конституции», рассматривается постреформаторская форма государственного устройства России со всеми её особенностями. Большое внимание уделяется не только проекту реформ, но и возможные проблемы их практической реализации в первой четверти девятнадцатого века. Взвешены плюсы и минусы предложений Муравьёва и других революционеров по федерализации России.

Ключевые слова: конституция, Россия, держава, Народное вече, Державная дума, федерализация, ценз, представительство.

* © Шавлохова Е.С., Пашковский Б.Г., Фролова Д.Е., Лихацкая С.В., 2026.

Shavlokhova E.S.
Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History and Political Science, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar.

Pashkovsky B.G.
Student of the 1st course of the direction of training "Jurisprudence" Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar.

Frolova D.E.
Student of the 1st course of the direction of training "Jurisprudence" Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar.

Likhatskaya S.V.
Student of the 1st course of the direction of training "Jurisprudence" Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar.

Federalization of the Russian state in Muravyov's draft constitution

The article is devoted to the main program document of the Northern society of Decembrists, written by Nikita Mikhailovich Muravyov and his associates. The article analyzes in detail such an aspect of the potential reformation of the Russian state as the territorial structure. The article examines the post-reformation form of the Russian state structure, with all its features, in detail, based on the original text of the Constitution. Much attention is paid not only to the draft reforms, but also to the possible problems of their practical implementation in the first quarter of the nineteenth century. The pros and cons of Muravyov's and other revolutionaries' proposals for the federalization of Russia are weighed.

Key words: constitution, Russia, power, People's Assembly, State Duma, federalization, censorship, representation.

Введение. Восстание декабристов на Сенатской площади, хоть и не увенчалось победой революционеров, однако оказало очень большое влияние на исторический процесс развития России. О целях революции говорят редко, куда больше внимания в этой истории, в общем, обращается на сам ход восстания, последующий суд и судьбы восставших. Даже когда речь заходит о том какой именно хотели видеть Россию революционеры, принято ограничиваться абстрактными категориями конституционализма, республиканизма и проблемы крепостничества, тем более не упоми-

нается неоднородность молодой мятежной аристократии и многообразие взглядов на будущее России. Одним из самых известных нам предложений переустройства, можно даже сказать, программным документом, излагающим суть преобразований, является проект конституции, предложенный членом северного общества декабристов Никиты Михайловича Муравьёва.

Конституция Муравьёва предусматривала широкий спектр реформ, которые должны были до неузнаваемости изменить Россию. Помимо таких важных и смелых предложений, как демократизация и отмена крепостного права, особняком стоит предложение изменения формы территориального устройства России на федеративное. Именно эту важную часть проекта конституции мы проанализируем в статье.

Также важно отметить, что до наших дней дошло несколько отличающихся версий проекта конституции.

Донесение высочайше учрежденному Комитету от капитана Муравьева.

Конституция Н. М. Муравьёва, хранившееся у князя Сергея Трубецкого.

Конституция Н. М. Муравьёва, хранившееся у Ивана Пущина.

Однако, проекты конституции во многом схожи и скорее дополняют друг друга, потому мы ссылаемся на них в равной мере.

Форма правления и политический режим. Для начального понимания содержания проекта конституции Муравьёва необходимо в общих чертах охарактеризовать государство и определить основные принципы организации государственной власти. Укажем те события мировой истории, которые могли или повлиять, или, более того, стать прототипами построения структуры власти по конституции.

Во-первых, главой государства по конституции являлся монарх, который представлял Россию в сношениях с иностранными державами [3, ч. 2, ст. 101 гл. X], также осуществлял руководство всеми вооружёнными силами империи [3, ст. ч. 4, ст. 101, гл. X] и возглавлял исполнительную власть, являясь лицом неприкосновенным.

Во-вторых, конституция предполагала создание представительного органа законодательной власти, именуемым Народным вече, состоящим из двух палат, верхней – Державной думы, и нижней – Палаты представителей.

Помимо этого, Вече выступает как инструмент правового ограничения императорской власти. Как один из примеров, во внешней политике император вынужден согласовывать свои действия с Вече, поскольку ратификацию международных договоров, союзов, а также вопросы войны и мира [2, гл. XII]. Также император не может самостоятельно вести фискальную политику в государстве, то есть вводить новые налоги или повышать старые [3, ст. 87, гл. IX].

Монархия в России по конституции является агнатической примогени-

турой, то есть престол наследуется только по старшей мужской линии.

Представители в палаты избираются на тайных равных демократических выборах всеми жителями, имеющими соответствующее право. Однако, конституция ограничивает как на активное, так и на пассивное избирательное право, устанавливая имущественный цензы, для причисления к классу избирателей, в частности для выдвижения кандидатуры на какую-либо государственную должность.

Резюмируя вышенаписанное, мы можем сделать вывод о форме правления и политическом режиме России. Нашему вниманию Россия, через призму конституции, представлена, как дуалистическая монархия, в которой отчётливо разделены права и обязанности императора и Народного Вече. Два данных субъекта вынуждены существовать параллельно, ориентироваться друг на друга в своей ветви власти и приходить к компромиссам, для эффективного управления государством.

Политический режим можно охарактеризовать как цензовая демократия, что означает наличие ограничений избирательных прав цензами, только лишь при прохождении которых, полноценные демократические институты становятся доступны для каждого отдельно взятого жителя.

Переходя к теме влияния событий зарубежной истории, для начала, мы хотим развеять один из исторических мифов. Миф заключается в том, что декабристы в целом в своих идеях ориентировались на революционную Францию. А правда в том, что Французское государство, за которым наблюдали молодые офицеры, и которое стало прототипом для конституции, никогда не было революционным.

Конституция Муравьёва предполагает, во-первых, избирательный ценз, и во-вторых, двухпалатный парламент – всё это отличительные характеристики, которые уже встречались в Конституции III года, установившей режим Директории, принятой в тот же день, что и декрет «о способах окончить революцию», законодательно заканчивающий революцию, то есть 5-го фрюктидора III года. Потому, называть революционную Францию прообразом для декабристов некорректно, так как государство попросту юридически уже не было революционным, так как к тому времени был произведён отказ от революционного управления и правосудия, а революционное правительство было демонтировано.

Конституция Муравьёва уже включала в себя такое понятие, как, народный суверенитет, означающее признание народа единственным источником власти. Достаточно прогрессивный принцип, который был озвучен французскими просветителями, был манифестирован и применён на практике в ходе Великой Французской революции.

Также, нельзя не отметить дискуссии вокруг имущественного избирательного ценза, которые к моменту написания программных до-

кументов декабристов велись практически 170 лет, начиная с Английской революции. Рассматривая общие тенденции и стороны дискуссии о цензе, мы выявляем постулаты двух сторон, выступающих «за» и «против» соответственно.

Политики, отстаивающие установление или сохранение ценза, аргументируют свою позицию тем, что при такой системе избирательное право будет лишь у тех, у кого в государстве есть «твёрдые интересы» и кому его судьба небезразлична. Противники ценза критикуют такую позицию за то, что она отодвигает от власти широкие народные массы и способствует тому, что власть представляет и действует в интересах зажиточной части общества: средней или высокой социальной прослойки.

Куда большее значение для демократии имеет даже не имущественный ценз, повышающий избирательный порог, а уровень политической грамотности избирателей, прошедших через него, который, в первой четверти 19-го века в России, вероятно, оставлял желать лучшего, из чего можно сделать предположение о том, что демократические институты достаточно долго и без должной уверенности в успехе инкорпорировались в культуру России.

Но и в ответ на это предположение можно привести исторические примеры, иллюстрирующие то, что инсталляция демократических институтов в, казалось бы, неблагоприятные к ним, общества в долгосрочной перспективе тоже может быть удачной, например, Соединённые Штаты Америки.

В общем, вопрос демократизации очень противоречив, однако можно с уверенностью заявить, что, во-первых, даже такие меры определённо лучше тирании, во-вторых, нет предпосылок говорить, что они вызовут волну недовольства, в-третьих, эти меры не приведут к диктатуре или террору, как это было во Франции.

Федерализация. Деление империи на державы. Начиная тему федерализации по конституции, обозначим, почему в статье процесс реформации территориального устройства мы вообще называем федерализацией, хотя ни в дном из текстов проекта конституции не употребляются слова «федерализация», «федерация» или «автономия».

Ниже приведём самые весомые доводы в пользу аналогии территориального устройства по конституции и федерации:

Первое, двухпалатный парламент, в который верхняя палата, в нашем случае Верховная дума, представляет интересы субъектов империи.

Второе, наличие у каждого из субъектов своих органов законодательной власти, избираемых на региональных выборах, действующих на территории этих самых субъектов.

Третье, и самое важное, наличие у субъектов права устанавливать собственные налоги для пополнения своей казны и наличие права субъекта свободно распоряжаться ей в своих интересах [2, ч. 5, ст. 77].

Вышеперечисленное помогает сделать вывод о том, что Россия по проекту действительно должна была стать федерацией в полном объёме.

Такой большой акцент именно на федерализации мы делаем потому, что реформация этого аспекта государства является наиболее прогрессивным предложением, так как ни предложение учредить высший законодательный орган власти, ни призыв к демократии не является настолько глобальным и всеохватывающим для России.

Конституция предусматривала деление России на 15 субъектов, в частности на 14 Держав и 2 области, каждый из которых признаёт единого правителя – императора и может участвовать в формировании всероссийских органов власти.

Об органах законодательной власти держав. В каждой державе предполагалось учредить собственный законодательный орган – Законодательное собрание, состоящее по аналогии с Народным вече из двух палат, нижней – палаты выборных и верхней – Державной Думы.

Палата выборных избиралась каждый год на сходе граждан и там же, сроком на 4 года избиралась четверть состава Державной Думы. Получалось так, что состав Палаты выборных обновляется ежегодно, а состав Думы каждый год обновляется на четверть и в течение четырёх лет обновляется полностью.

Принцип организации законодательных собраний у каждой державы одинаков, однако отличается состав, на который влияет единственный фактор – население державы. Каждые 10 тысяч граждан мужского пола посылают одного выборного в Законодательное собрание. К каждому проекту конституции прилагается таблица с предполагаемым населением держав и количеством представителей от них. Так, например, Балтийская держава имеет население 2 миллиона 150 тысяч жителей мужского пола, следовательно, в Палату выборной державы может избраться 215 представителей. Количество представителей в Державную Думу составляет треть от состава Палаты выборных, то есть, например, в Думе вышеупомянутой Балтийской державы был бы 71 представитель.

Законодательное собрание наделено частью судебных функций, например, орган имеет право самостоятельно судить местных чиновников. Обвиняемые Палатой выборных попадают на суд Думе, которая коллегиально выносит приговор квалифицированным большинством (2/3).

Основными полномочиями Законодательного собрания является издание постановлений, касаемо внутренних дел державы, таких как управление собственностью, организация работы общественных учреждений, учебных заведений и школ.

К другим полномочиям Законодательного собрания относится установление налогов, притом, любое предложение о налогах должно сначала

поступить от Палаты выборных, а потом быть одобренным Державной Думой, которая при необходимости может внести правки [2, ст. 70] [3, ст. 87].

О правителе державы. Во главе исполнительной власти каждой державы стоит державный правитель, который отбирается Народным вече, по представлению списка кандидатов Законодательным собранием державы и утверждается императором. Срок назначения правителя – 3 года, должность может занимать несколько раз, но только по прошествии 4-х лет.

Правитель координирует работу Законодательного собрания державы, ежегодно закрывает заседания Палаты выборных [3, ч. 4 ст. 122], назначает на должность Державных судей, Державного Блюстителя (по функциям близок к прокурору) законов и советников [3, ч. 7 ст. 122].

Может показаться, что необходимость утверждения державного правителя Народным вече и императором ограничивает самостоятельность субъектов, и это, своего рода, опасение имеет место быть. Тем не менее, такой механизм в том числе может способствовать тщательному отбору на пост и сохранения стабильность в империи, например, в случае конфликта между центральной властью и отдельной державой, такой механизм позволит назначать на пост компромиссное лицо.

О представительстве в Верховной Думе. Как было указан выше, один из признаков федерации – это представительство субъектов в высшем законодательном органе власти. Конституция не стала исключением. Верхняя палата Народного вече, как и нижняя, целиком состоит из таких представителей, всего их 42, по три от каждой державы и по одному от областей, коих две (Московская и Донская) [2, гл. XII «О Верховной Думе»]. Полномочия Верховной Думы достаточно широки, она включает в себя функции, как и высшей судебной инстанции в отношении чиновничества, так и важного игрока не только во внутренней, но и во внешней политике [3, с. 77].

Верховная Дума, подобно своему аналогу на уровне держав также исполняет судебные функции в отношении чиновников, вдобавок военных судей и высших сановников. Ни один закон в империи не может быть без согласия Думы.

От самостоятельных полномочий Верховной Думы перейдём к тем, которые она вынуждена делить с императором. Дума совместно с императором участвует в заключении международных договоров, в назначении высшего военного и флотского командования, а также судей Верховных судейских мест [4, с. 269].

Заседает Народное Вече в столице, то есть либо в Москве, либо в Новгороде, так как именно здесь идёт разночтение в проектах конституции. В «Донесении» Н.М. Муравьёв пишет о том, что Москва должна быть столицей империи, в проекте конституции, найденной у князя Трубецкого сто-

лицей обозначается Новгород, а в документах Пущина вообще нет указания на столичный город.

Представители держав избираются в Верховную Думу совместно обеими палатами Законодательных Собраний держав сроком полномочий на 6 лет. Избирается 42 человека одномоментно только один раз, в начале установления новой власти, после избрания каждые 2 года заменяется одна треть Думы и через 6 лет она обновляется полностью [5, с. 269].

Примечательно, что представители получают вознаграждение по 50 рублей за каждый день заседания.

О представительстве в Палате представителей. Палата представителей Народного вече состоит из 452 выбранных жителей, по одному на каждые 50 тысяч населения конкретной державы. Избираются сроком на 2 года на державных выборах из числа граждан, прошедших имущественный ценз. Полномочия Палаты представителей включают в себя лишь предложение законов, их редактирование, в случае отклонения и лишение политического звания виновного чиновника по решению Верховной Думы [6, с. 290].

Примечательно, но конституция северного общества декабристов демонстрирует не очень популярную меру – наличие сильной верхней палаты парламента. Во многих федеративных государствах, что во время написания проекта конституции, что в настоявшее время, просматривается то, что верхняя палата имеет меньше полномочий, чем нижняя. Предназначения верхней палаты часто сводятся к контрольным функциям, но в проекте конституции у Верховной Думы действительно больше полномочий. Не смотря на отсутствие права законодательной инициативы, список полномочий Думы действительно внушительный [7, с. 22].

Демократия. Проблема реализации. Мы проанализировали федеративное устройство государства российского, обозначили политический режим и форму правления. Теперь необходимо обозначить проблемы, с которыми могло бы столкнуться молодое мятежное офицерство при попытке притворить в жизнь свои умыслы для достижения своей, на самом деле очень патриотичной, цели – построения лучшей России [8, с. 206].

Предлагаем рассмотреть, на наш взгляд, самую важнейшую проблему конституции:

Избирательные цензы. В самом описании функций, полномочий и порядка органов держав и центральных органов власти не были указаны точные цифры имущественных цензов для получения избирательного права в общем, или для выдвижения на конкретные должности, в частности. Для получения самого права избирать необходим иметь имущества (движимого и недвижимого) в сумме на 500 серебряных рублей. На момент 1820-го года как большая часть крестьянства или не имела дохода вообще, после уплаты повинностей, или оставались в убытках и залеза-

ли в долги. В такой ситуации и говорить не приходиться о более высоких цензах. Безусловно, конституция предполагала отмену крепостничества, и возможно эта мера могла бы повысить уровень накоплений у крестьян, однако, этого всё равно мало, ведь исключая уплату барщины, средняя крестьянская семья получала бы в таких условиях в год около 40 рублей, при учёте того, что будет питаться и жить также, как и при крепостничестве, ни на рубль не повышая расходы [9, с. 40].

Вероятно, эта проблема решилась бы сама собой через достаточное время, так как накопление богатств и зарождение среднего класса, благодаря отмене купеческих гильдий и крепостного права, могли бы дать толчок экономике, но в таком сценарии ставка идёт на десятилетия, десятилетия, во время которых страна будет во власти той же аристократии.

При таких вводных, очевидно, что новая власть первые несколько десятилетий была бы консолидирована в руках бывших помещиков. Помещиков, пускай и без крепостных, и без прямого владения землей, на которых они проживают, но помещиков с финансовыми накоплениями, а следовательно, и правом быть избранным в органы государственной власти, формулировать и исполнять политику государства, в то время как большинство населения империи также было бы отодвинуто от реальных рычагов управления страной [10, с. 205].

Обозначим положительные черты проекта конституции:

Во-первых, отмена крепостничества, это безусловно благо, Россия уже тогда нуждалась в этом важном шаге для дальнейшего роста, притом, конституция предполагала не просто отмену, а также передачу в собственность всей земли, жилья, всего скота и всех орудий труда.

Во-вторых, манифестация и дарование прав и свобод, ведь не смотря на, казалось бы, отстранённость народа от управления страной, никуда не исчезали права, которыми могли пользоваться все жители, например, свободна слова и запрет цензуры.

В-третьих, построение достаточно прогрессивной системы органов государственной власти, которая включала бы в себя разделение властей, презумпцию невиновности, народный суверенитет, демократические институты с системой сдержек и противовесов.

Заключение. Проект конституции, представленный Никитой Михайловичем Муравьёвым и его соратниками из северного общества, действительно неоднозначный документ. Конституция впитала в себя очень много прогрессивных идей в области государственного устройства, идей, которые и сейчас, спустя века, находят отклик.

Данный программный документ нельзя назвать однозначным, его анализ выявил его недостатки, однако, он содержит в себе такие смелые предложения, которые нужны были России, предложения, к которым стоило

бы внимательно прислушаться. Не просто так истории известно, что после поражения декабристов на Сенатской площади, Николай I лично приказал своим подчинённым собрать воедино жалобы и предложения переустройства декабристов. И мы также знаем, что он внимательно изучил их, что часть из них он поддержал, посчитал полезными и справедливыми.

Библиографический список:

1. Предполагаемый мною конституционный устав. // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. // URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5400/ (Дата обращения: 19.01.2026).
2. Конституция Н. Муравьева (Текст, найденный в бумагах С.П. Трубецкого). // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. // URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5400/#sub_para_N_30000/ (Дата обращения: 19.01.2026).
3. Конституция Н. Муравьева (хранившаяся в бумагах И.И. Пущина). – Текст: электронный // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. // URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5400/#sub_para_N_40000/ (Дата обращения: 19.01.2026).
4. Дружинин Н.М. Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. / Н.М. Дружинин; отв. ред. С.С. Дмитриев. – Москва: Наука, 1985. С. 268-288.
5. Сосенков Ф.С. Вопросы обеспечения территориальной целостности России в политико-правовых воззрениях декабристов // Вестник ВГАВТ, выпуск 38, 2014 г. Раздел I. Актуальные проблемы права и государства. С. 20-22.
6. Печегина А.Ю. Особенности федерализма в Российской Федерации. // Научный журнал «Эпомен». 2021. № 58. С. 289-293.
7. Костомаров Н. И. Мысли о федеративном начале древней Руси // СПб. 1861. 38 с.
8. Савельев А.Э., Шаповалов А.В. Тенденции развития российского федерализма // Очерки новейшей камералистики. 2016. № 2. С. 205-207.
9. Гуляков А.Д. Множественность моделей федерализма и использование компаративистского подхода в их исследовании // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 1. С. 37-41.
10. Всероссийское учредительное собрание в документах и материалах. М.–Л. 1930. 219 с.
11. Лукашенко Д.В. Педагогика высшей школы в эпоху цифровизации: трансформация образовательных практик и роль преподавателя // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 208-212.

Reference

1. The constitutional charter I propose. // GARANT.RU: information and legal portal. // URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5400/ (19.01.2026).
2. The Constitution of N. Muravyov (Text found in the papers of S.P. Trubetskoy). // GARANT.RU: information and legal portal. // URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5400/#sub_para_N_30000/ (19.01.2026).
3. The Constitution of N. Muravyov (kept in the papers of I.I. Pushchin). – Text: electronic // GARANT.RU: information and legal portal. // URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5400/#sub_para_N_40000/ (19.01.2026).
4. Druzhinin N.M. Selected Works. The Revolutionary Movement in Russia in the 19th Century / N.M. Druzhinin; ed. S.S. Dmitriev. – Moscow: Nauka, 1985. P. 268-288.
5. Sosenkov F.S. Issues of Ensuring the Territorial Integrity of Russia in the Political and Legal Views of the Decembrists // Bulletin of the VGAVT, Issue 38, 2014. Section I. Actual Problems of Law and State. P. 20-22.
6. Pechegina A.Yu. Features of Federalism in the Russian Federation. // Scientific Journal "Epomene". 2021. № 58. P. 289-293
7. Kostomarov N. I. Thoughts on the Federal Origins of Ancient Rus' // St. Petersburg. 1861. 38 p.
8. Saveliev A. E., Shapovalov A. V. Trends in the Development of Russian Federalism // Essays on the Newest Cameralistics. 2016. № 2. P. 205-207.
9. Gulyakov A. D. The Multiplicity of Models of Federalism and the Use of a Comparative Approach in Their Study // Legal Policy and Legal Life. 2016. № 1. P. 37-41.
10. All-Russian Constituent Assembly in Documents and Materials. Moscow–Leningrad. 1930. 219 p.
11. Lukashenko D.V. Higher school pedagogy in the age of digitalization: the transformation of educational practices and the role of the teacher // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 208-212.

Упоров И.В.

Доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Российская академия естествознания, г. Краснодар.

Партийные инстанции ВКП(б) и местные советы: особенности взаимодействия в послевоенные годы*

Аннотация. В советском государстве имела место политико-идеологическая монополия коммунистической партии, которая в конституциях закреплялась как «руководящее ядро» всех органов и организаций, включая органы государственной власти, которыми являлись прежде всего Советы всех уровней. В статье рассматриваются особенности взаимодействия партийных инстанций и местных Советов депутатов трудящихся в период после окончания Великой Отечественной войны (1945-1956 гг.). Анализируются соответствующие нормы Конституции СССР и Конституции РСФСР, которые действовали в рассматриваемый период, архивные материалы, научные труды по заявленной теме. Отмечается, что влияние партии, причем решающее, наблюдалось уже с этапа выдвижения кандидатов в депутаты местных Советов - кандидатуры на выдвижение заранее утверждались партийными инстанциями и в этом деле самодеятельности не допускалось.. Несмотря на то, что российская конституция довольно подробно определяла статус местных Советов, включая их функции, фактически местные Советы осуществляли политику, определяемую партийными структурами. Вместе с тем приоритет партийных инстанций заключался прежде всего в принятии векторных решений, определении стратегии и тактики в осуществлении внутренней политики, а повседневная и непосредственная текущая деятельность по решению многочисленных вопросов социально-экономического развития оставалась за местными Советами депутатов трудящихся в лице, в первую очередь, их исполнительных комитетов.

Ключевые слова: коммунистическая партия, местные Советы, конституция, взаимодействие, контроль, сессия, райком, обком.

Uporov I.V.

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor. Russian Academy of Natural Sciences, Krasnodar.

Party authorities of the all-Russian committee (Bolshevik) and local councils: interaction in the post-war years

* © Упоров И.В., 2026.

Abstract. The Soviet state enjoyed a political and ideological monopoly of the Communist Party, which was enshrined in constitutions as the "leading core" of all organs and organizations, including state authorities, primarily Soviets at all levels. This article examines the interaction between party authorities and local Soviets of Workers' Deputies in the period following the end of the Great Patriotic War (1945-1956). The article analyzes the relevant provisions of the USSR Constitution and the Constitution of the RSFSR, which were in effect during the period under review, as well as archival materials and scholarly works on the topic. It is noted that the party's influence, and indeed decisive influence, was evident from the very beginning of nominating candidates for local Soviet deputies. Candidates were approved in advance by party authorities, and no independent action was permitted. Despite the fact that the Russian constitution defined the status of local Soviets in considerable detail, including their functions, local Soviets effectively implemented policies determined by party structures. At the same time, the priority of party authorities lay primarily in making policy decisions and determining strategy and tactics for domestic policy, while day-to-day and immediate ongoing work on numerous issues of socio-economic development remained with local Soviets of Workers' Deputies, primarily represented by their executive committees.

Key words: Communist Party, local Soviets, constitution, interaction, control, session, district committee, regional committee.

После окончания Великой Отечественной войны продолжали действовать принятые до войны как союзная конституция – Конституция (Основной Закон) СССР 1936 г. [1], так и конституции союзных республик, в нашем случае - Конституция (Основной Закон) РСФСР 1937 г. [2]. Институт местных Советов депутатов трудящихся к концептуальном плане отрегулирован в союзной Конституции СССР в Главе VIII под названием «Местные органы государственной власти» (ст. 94-101), где указывалось, в частности, что «органами государственной власти в краях, областях, автономных областях, округах, районах, городах, селах (станицах, деревнях, хуторах, кишлаках, аулах) являются Советы депутатов трудящихся». В Конституции РСФСР также в VIII и с тем названием статус местных Советов отрегулирован значительно более подробно (ст. 77-102), вплоть до указания того, какие именно отделы и иные структуры должны создаваться в исполнительных комитетах (исполкомах) местных Советов (отделы - финансовый; коммунального хозяйства; внутренней торговли; здравоохранения; народного образования; социального обеспечения; общий; плановая комиссия; сектор кадров при председателе исполкома; в соответствии с особенностями промышленности города, его городского и пригородного хозяйства: отделы - местной промышленности; земельный).

Из конституционных норм следует, что на местах местные Советы являлись местными органами государственной власти и непосредственно осуществляли управление социально-экономическим развитием на своей

территории [3]. При этом Конституция РСФСР в ст. 89-91 закрепляла один из главных принципов, определяющих статус местных Советов, который заключался в том, что определялась соподчиненность как по вертикали, так и по горизонтали, и отражался в следующих нормах: исполнительные органы Советов непосредственно подотчетны, во-первых, Совету, их избравшему, и, во-вторых, исполнительному органу вышестоящего Совета; вышестоящие исполнительные комитеты Советов имеют правомочия отменять решения нижестоящих исполнительных комитетов, а также приостанавливать решения нижестоящих Советов; вышестоящие Советы имеют правомочия отменять решения нижестоящих Советов и их исполнительных комитетов.

Данный феномен одновременно двойной соподчиненности (ведомственной и территориальной) имел в целом негативную роль, так как принижал значение представительных органов, то есть сессий местных Советов. Помимо этого нужно отметить ст. 130 Конституции РСФСР, согласно которой Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков), является «передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя» и представляет собой «руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных». В Конституции РСФСР 1937 г. текст этой статьи воспроизводится из ст. 126 Конституции СССР 1936 г. Устав ВКП (б) также провозглашал партию руководящей политической структурой в борьбе за социализм и победу коммунизма [4, с. 403].

Как видно, местные Советы находились под партийным контролем местных партийных организаций на всех уровнях и проводили в жизнь «руководящие» решения монопольно правящей в СССР коммунистической партии, то есть, партия держала под контролем абсолютно все вопросы социально-экономического и культурного развития, и это обстоятельство считалось само собой разумеющимся, в том числе в научных работах, и послевоенный период не являлся исключением [5; 6 и др.].

Соответственно партийные структуры и местные Советы определенным образом взаимодействовали друг с другом, причем преимущественно в одностороннем порядке: партия вырабатывала руководящие указания, а местные Советы должны их исполнять и отчитываться. Такое взаимодействие в послевоенное время имело свою специфику, на чем и акцентируется внимание в настоящей работе. В этом контексте прежде всего следует указать на то, влияние партии, причем решающее, наблюдалось уже с этапа выдвижения кандидатов в депутаты местных Советов - кандидатуры на выдвижение заранее утверждались партийными инстанциями и в этом деле самодеятельности не допускалось [7, с. 261]. Собственно, и сама инструкция, в которой разъяснялся порядок выдвижения кандидатов в де-

путатов Советов, имела гриф ограниченного пользования и доводилась до сведения лишь партийного актива [7, с. 264]. Неудивительно, что на местах иногда возникали в этой связи недоразумения. Например, в станице Бескорбной Краснодарского края жители в порядке собственной инициативы выдвинули кандидатом в депутаты Героя Советского Союза П.М. Куренного, своего земляка. Как выяснилось позже, партийно-советские районные инстанции ничего не ведали об этой инициативе [8, л. 67].

Достаточно весомо роль парторганизаций проявлялась во время избирательных кампаний. И нередко за неактивную работу первичные парторганизации подвергались критике. Так, накануне выборов в местные Советы в депутаты трудящихся 22 февраля 1953 г. в г. Магнитогорске в местной прессе указывалось, что «некоторые партийные организации проявляют медлительность в развертывании массово-политической работы. До последнего времени не проводили работы на третьем избирательном участке многие агитаторы, выделенные партийной, организацией ОРСа комбината (секретарь партбюро т. Семин). С таким положением необходимо решительно и быстро покончить, развернуть широкую разъяснительную работу» [9]. Однако преобладающими были все же материалы позитивно-пафосного характера.

Руководящее влияние партии на деятельность Советов было настолько органичным, что на эту тему о рассматриваемом периоде уже в более позднее время было написано множество научных работ, в том числе диссертаций, например: Голеусова Л.П. Деятельность КПСС по организованному укреплению местных Советов и повышению их роли в хозяйственном строительстве в годы пятой пятилетки (1951-1955 гг.), 1971; Ануфриева О.И. Деятельность КПСС по повышению роли Советов в хозяйственном и культурном строительстве в 1946-1955 гг. (На материалах партийной организации Мордовской АССР), 1981г.; Сергиенко В.А. Партийное руководство местными Советами депутатов трудяшихся Западной Сибири в 1952 - 1961 гг., 1984 г. и др. Причем такой подход имело место вплоть до 1990 г. [10], что являло собой весьма странное явление, учитывая, что к тому времени институт местный Советов испытывал кризис, равно как и сама КПСС, и ситуация в этом смысле изменилась только после распада СССР.

Вместе с тем нужно иметь в виду, что партийное влияние было весомым на уровне Союза ССР, союзной (автономной) республики, краев, областей, крупных районов и городов. Что же касается сельских первичных парторганизаций, то их влияние на социально-экономическое влияние территорий было куда более скромным. Об этом свидетельствует, например, сохранившаяся на рубеже 1950-х гг. практика направления на места многочисленных уполномоченных районных комитетов (РК) ВКП

(б), которых в партийных документах стали чаще называть «представителями райкома партии». Негативное влияние такой практики на сельские первичные парторганизации отмечалась на разного рода официальных мероприятиях и в первые послевоенные годы (в частности, на совещании по организации деятельности сельских парторганизаций в январе 1947 г. [11, л. 7-17]).

Между тем послевоенное время связывалось прежде всего с восстановлением народного хозяйства. И в этой связи перманентное увеличение плановых заданий и одновременное сокращение материальных и трудовых ресурсов для их выполнения стимулировало местных руководителей, и прежде всего председателей исполнительных комитетов местных Советов депутатов трудящихся в сельских районах действовать «штурмовыми» методами, и при этом как партийным, так и советским работникам приходилось на некоторое время забывать о «правильном» руководстве через первичные парторганизации, поскольку и те, и другие должны были отвечать за результаты. Так, в феврале 1952 г. член Октябрьского РК ВКП (б) Тульской области на пленуме областной парторганизации следующим образом обобщил свои наблюдения за особенностями системы руководства райкомом партии деятельностью местных органов власти: «сотрудники отдела пропаганды и агитации, так же как и я сам, больше занимались решением чисто хозяйственных проблем, исполняя роль «уполномоченных». Такая практика в работе райкома партии значительно снизила эффективность идеологической работы в районе ... В каждом колхозе есть парторганизация как опора райкома, однако райком очень мало опирался в своей партийной работе на колхозные парторганизации, предпочитая руководить колхозами через их руководителей, минуя коммунистов и тем самым фактически подменяя хозяйственные органы» [12, с. 53].

При этом, как видно, не упоминаются конституционные органы власти – местные Советы депутатов трудящихся, что, собственно, достаточно ясно показывает их авторитет и роль в решении злободневных проблем. Еще более прямо о «дирижировании» местными делами со стороны партийных структур высказался на пленуме Тульского Областного комитета (ОК) КПСС представитель исполкома областного Совета депутатов трудящихся - заведующий Облторготделом, который сообщил о том, что со стороны Облисполкома негодная практика по осуществлению руководства сельским хозяйством по-прежнему порочна, «процветает метод штурма». Приводились примеры – так, в период сельхоз работ в Облисполкоме целыми неделями почти никого не бывает, пока председатель облисполкома Т. Барчуков вместе со своими заместителями «штурмует районы», областной исполком как орган власти, который должен руководить сельским хозяйством в обществе, перестает функционировать» [12, с. 54]. Штабы по

осуществлению такого рода «штурмов» неизменно находились в областных партийных комитетах, что, как представляется, также красноречиво показывает значимость партийных структур..

Между тем текущее управление колхозами посредством направления в колхозы уполномоченных от вышестоящих партийных инстанций сдерживало инициативу в самих первичных парторганизациях, равно как у хозяйственных руководителей, приучало их работать с оглядкой и «под руководством». Другим серьезным фактором, который ослаблял влияние первичных парторганизаций, была неопределенность в разграничении функций между парторганизацией и местным Советом депутатов трудящихся, которые нередко на своих форумах (партийные собрания. конференции, заседания партбюро, сессии Советов депутатов трудящихся, заседания исполнительных комитетов) обсуждали одни и те же вопросы.

Этот аспект затрагивался в партийной печати. Так, в 1947 г. журнал «Партийная жизнь» посвятил улучшению положения дел на селе цикл публикаций «В помощь секретарю колхозной партийной организации», и в числе прочих авторы статей резонно заявляли о недопустимости методов, когда парторганизации решают хозяйственные и иные вопросы за местные Советы и правление колхоза, так как это были органы, подотчетные избравшим им людям. Однако «практические» рекомендации сводились к дежурным фразам о необходимости контроля, а также «вниканию» в местные проблемы, для чего надо было «заранее предвидеть, какие могут возникать трудности», «подсказывать», «помогать» и т.д. Указывалось также, что «парторганизация не должна ограничиться только заслушиванием докладов о ходе выполнения, ее контроль особый, и он оправдывает себя только в случае, когда непосредственно связан с практической организаторской работой» [13, с. 29].

Однако в чем именно должна была заключаться «помощь», журнал раскрывал, как правило, в неопределенной форме, в обобщенных фразах. И получалось, что на уровне конкретного взаимодействия, то есть фактически, выполнение указанных рекомендаций приводило либо к излишней и навязчивой партийной опеке над местными руководителями местных Советов депутатов трудящихся и хозяйственных организаций, дублировании или подмене решений местных органов партийными решениями, а решение текущих внутрипартийных дел партийной первичной организации нередко предавалось забвению [12, с. 55]. А поскольку партийные комитеты на все основные руководящие должности в местных Советах депутатов трудящихся и колхозах утверждали членов ВКП (б), то зачастую первичные парторганизации «помогали» и «подсказывали» своим же членам. Таким образом, совмещение трудовых обязанностей и партийных поручений делало «критику и самокритику» как правило бессодержательной, что,

собственно, и являлось причиной использования на практике «института» уполномоченных.

Нужно учитывать также, что уровень внутрипартийной работы в сельских парторганизациях хронически отставал от стоящих перед ними задач. Причинами были как материальные лишения послевоенных лет, в том числе бытовые проблемы многих рядовых партийцев на селе, так и концентрация руководящих указаний райкомов ВКП (б) на хозяйственных кампаниях; так, технологические вопросы проведения сельхозработ были основными в повестке дня райкомов партии [14, с. 134]. О такого рода порочной практике говорилось и в постановлении ЦК ВКП (б) от 17 августа 1946 г. «О работе Сальского райкома ВКП (б) Ростовской области» [15]. Однако коренного изменения не произошло, и не случайно, если учесть, что критерии были иными – в частности, положительно оценивалась парторганизация, которая вовлекала в сеть политической учебы как можно больше своих членов. В этой связи нужно заметить, что разворачивание сети политучебы в первые три-четыре года после войны позволило охватить большинство коммунистов областных парторганизаций, включая депутатов и работников местных Советов, и в целом партпросвещению уделялось достаточно много внимания. Однако при этом зачастую упускалась из виду не политическая, а практическая учеба коммунистов, работающих в местных Советах.

Руководящее влияние партийных структура не деятельность местных Советов в рассматриваемый период находило отражение также в многочисленных книгах советского периода об истории городов, где давалась характеристика партийным и советским органам, и типичным был, например, подход, примененный в отношении г. Полоцка – в книге об истории этого города, выпущенной в 1987 г., указывалось, в частности: «Работу городского Совета и общественных организаций направлял городской комитет партии» [16, с. 63]. По состоянию на 1 сентября 1946 г. Полоцкая городская партийная организация насчитывала 1033 коммуниста, а всего в городе было в то время 23 первичные парторганизации. Это позволило ей шире охватить своим влиянием практически все сферы местной жизни, в том числе глубже вникать в экономику, укреплять предприятия руководящими кадрами. В частности, в 1950-1951 гг. городской комитет партии выдвинул на руководящую работу 84 члена ВКП (б). Указывалось также, что «горком партии и городской Совет возглавляли политическую и трудовую активность трудящихся, направляя ее на выполнение заданий послевоенных пятилеток, в том числе восстановление и последующий подъем экономики, культуры и в целом рост благосостояния населения города» [16, с. 63].

Как видно, везде неизменно горком партии находится на ведущих по-

зициях. И в целом, таким образом, несмотря на то, что российская конституция довольно подробно определяла статус местных Советов фактически местные Советы осуществляли политику, определяемую партийными органами монопольно правящей ВКП (б). Такое положение показывало соотношение значимости партийного влияния и Советов, и не только на местном уровне, но и на всех других уровнях, включая вершину властной пирамиды, где находилось Политбюро ЦК ВКП (б) во главе со Сталиным, а советские органы, включая Верховный Совет СССР, следовали путем, диктуемым высшим партийным форумом [17]. И такое соотношение наблюдалось по всей длине властной вертикали. Вместе с тем следует отметить, что приоритет партийных структур заключался прежде всего в принятии векторных решений, определении стратегии и тактики в осуществлении внутренней политики, а повседневная и непосредственная текущая деятельность по решению многочисленных вопросов социально-экономического развития оставалась за местными Советами депутатов трудящихся в лице, в первую очередь, их исполнительных комитетов.

Библиографический список:

1. Конституция (Основной Закон) СССР (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 05.12.1936 г., ред. от 15.02.1947 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 01.03.2026).
2. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21.01.1937 г., ред. от 30.01. 1958 г.). // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 01.03.2026).
3. Упоров И.В., Кузовлева Г.В. Представительство народа (населения) в органах публичной власти: сущность и политико-правовая характеристика // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 30-34.
4. ВКП (б) в резолюциях. Часть 2. – М.: Госполитиздат, 1947.
5. Безносиков Я.Н., Жданов Л.А. Коми областная партийная организация в период развития и укрепления социалистического общества в СССР, 1953 - 1961 // Очерки истории Коми областной организации КПСС. – Сыктывкар, 1987.
6. Востриков В.Н. Деятельность партийных организаций Западной Сибири в борьбе за выполнение четвертой пятилетки в области промышленности (1946 - 1950 гг.). – Новосибирск, 1970.
7. Зубкова Е.Ю. Общественные настроения в послевоенной России (1945-1953 гг.): дис. … д-ра ист. наук. – М.: 2000.
8. Информационная сводка Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП (б). 7 января 1946 г. // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 692.
9. Шире агитацию за кандидатов в депутаты! (Передовая статья) // Магнитогорский рабочий. 1953. 11 февраля.
10. Андреев В.П. Руководство коммунистической партией городскими Советами РСФСР. – Томск, 1990.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 221.
12. Цит. по: Кометчиков И.В. Крестьянство и власть в 1945-1953 гг.: общественно-политическая жизнь и повседневность: дис. … канд. ист. наук. Калуга, 2005.
13. В помощь секретарю колхозной партийной организации // Партийная жизнь. 1947. № 6. С. 29-31.
14. Романовский Н.В. Лики сталинизма. – М.: 1995.
15. Постановление ЦК ВКП (б) «О работе Сальского райкома ВКП (б) Ростовской области» от 17 августа 1946 г. // КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций, пленумов ЦК (1898-1986). В 14 т. Т. 8. М., 1985. С. 96-98.
16. Марчекно И.Е. и др. Полоцк: исторический очерк. – Минск: Наука и техника, 1987.
17. Старков О.В., Упоров И.В. Теория государства и права: учебник (3-е изд., перераб., и доп.). – Москва, 2012.
18. Яковлева Е.Е. Трансформация ресурсной ловушки: почему богатство не всегда приносит процветание // Альманах «Крым». 2025. № 50. С. 111-117.

Reference

1. Constitution (Basic Law) of the USSR (approved by the Resolution of the Extraordinary VIII Congress of Soviets of the Union of Soviet Socialist Republics of 05.12.1936, as amended on 15.02.1947) // SPS "ConsultantPlus" (01.03.2026).
2. Constitution (Basic Law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (approved by the Resolution of the Extraordinary XVII All-Russian Congress of Soviets of 21.01.1937, as amended on 30.01.1958). // SPS "ConsultantPlus" (01.03.2026).
3. Uporov I.V., Kuzovleva G.V. Representation of the People (Population) in Public Authorities: Essence and Political and Legal Characteristics // Society and Law. 2015. № 2 (52). P. 30-34.
4. The All-Union Communist Party (Bolsheviks) in Resolutions. Part 2. – Moscow: Gospolitizdat, 1947.
5. Beznosikov Ya.N., Zhdanov L.A. The Komi Regional Party Organization during the Development and Strengthening of Socialist Society in the USSR, 1953-1961 // Essays on the History of the Komi Regional Organization of the CPSU. – Syktyvkar, 1987.
6. Vostrikov V.N. The Activities of Party Organizations of Western Siberia in the Struggle to Fulfill the Fourth Five-Year Plan in Industry (1946-1950). – Novosibirsk, 1970.
7. Zubkova E.Yu. Public Sentiment in Post-War Russia (1945-1953): Diss. … Doctor of History. – Moscow: 2000.
8. Information Summary of the Organizational and Instructional Department of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). January 7, 1946 // GARF. F. 6991. Op. 1. D. 692.
9. Wider Campaigning for Candidates for Deputies! (Editorial) // Magnitogorsk Worker. February 11, 1953.
10. Andreev V.P. Leadership of the Communist Party of the City Soviets of the RSFSR. – Tomsk, 1990.
11. RGASPI. F. 17. Op. 122. D. 221.
12. Cited from: Kometchikov I.V. The Peasantry and Power in 1945-1953: Socio-Political Life and Everyday Life: Diss. … Cand. of History. Kaluga, 2005.
13. To Help the Secretary of the Collective Farm Party Organization // Party Life. 1947. № 6. P. 29-31.
14. Romanovsky N.V. Faces of Stalinism. Moscow: 1995.
15. Resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) "On the Work of the Salsk District Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of the Rostov Region" of August 17, 1946 // The CPSU in Resolutions, Decisions of Congresses, Conferences, and Plenums of the Central Committee (1898-1986). In 14 volumes. Vol. 8. Moscow, 1985. P. 96-98.
16. Marchekno I.E. et al. Polotsk: A Historical Essay. – Minsk: Science and Technology, 1987.
17. Starkov O.V., Uporov I.V. Theory of State and Law: A Textbook (3rd ed., revised and expanded). – Moscow, 2012.
18. Yakovleva E.E. Transforming the resource trap: why wealth doesn't always bring prosperity // Almanac "Crimea". 2025. № 50. P. 111-117.

Гневышев С.В.
ФБГОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», г. Сыктывкар.

Научный руководитель:
Золотарев О.В.
Доктор исторических наук, профессор кафедры истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам. Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина.

Гитлерюгенд: анатомия зла*

Аннотация. Цель статьи – проанализировать процесс формирования и функционирования Гитлерюгенда в нацистской Германии 1920-е – 1945 гг., раскрыв его структуру, идеологию, методы воспитания молодёжи и последствия их применения для общества. Рассматриваются структура, принципы работы, идеология и влияние на немецкую молодёжь. Исследование основано на официальных документах, воспоминаниях и научных публикациях. Анализируются методы воспитания для достижения идеологической лояльности, включая военное и идеологическое обучение. Подчёркиваются негативные последствия тоталитарных методов и их влияние на общество.

Ключевые слова: Гитлерюгенд, нацистская Германия, молодёжная организация, идеологическая обработка, тоталитарный режим, военная подготовка, национал-социализм, денацификация, воспитание молодёжи, история Третьего рейха.

Gnevyshev S.V.
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Pitirim Sorokin Syktyvkar State University," Syktyvkar.

Academic Supervisor:
Zolotarev O.V.
Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History and Methods of Teaching Social and Legal Disciplines, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University.

Hitler Youth: anatomy of evil

* © Гневышев С.В., Золотарев О.В. , 2026.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the process of formation and functioning of the Hitler Youth in Nazi Germany in the 1920s – 1945, revealing its structure, ideology, methods of educating young people and the consequences of their use for society. The structure, principles of work, ideology and influence on German youth are considered. The research is based on official documents, memoirs and scientific publications. The methods of education for achieving ideological loyalty, including military and ideological training, are analyzed. The negative consequences of totalitarian methods and their impact on society are emphasized.

Key words: Hitler Youth, Nazi Germany, youth organization, indoctrination, totalitarian regime, military training, National Socialism, denazification, youth education, history of the Third Reich.

Большинство работ, посвящённых Гитлерюгенд, ориентировано преимущественно на популярную аудиторию, нежели на научную. Это проявляется в преобладании биографических повествований, мемуаров бывших участников и художественных реконструкций эпохи, зачастую создающих эмоционально насыщенную картину событий, но менее глубокие и объективные оценки происходящего. Исторический источники- документы, статистические данные, свидетельства о количестве жертв в большинстве своём были целенаправленно уничтожены нацистским режимом перед поражением в 1945 году, либо остаются до настоящего времени засекреченными в архивах ряда государств. Актуальным остаётся вопрос о потерях, понесённых во время боевых действий, индивидуальных историях участников и процессе денацификации. Такой междисциплинарный анализ позволит глубже понять механизмы формирования и поддержания идеологии нацизма среди молодёжи, а также её интеграцию в социокультурную ткань общества.

В советский период Гитлерюгенд напрямую не становилась предметом монографического исследования, но некоторые аспекты деятельности нацистских молодёжных организаций затрагивались в более широких работах. Например, в коллективной монографии «Германия: фашизм, неофашизм и молодёжь» 1993 г., под редакцией Н.С. Черкасова[1].

Из современных Российских исследований можно выделить монографию «История Гитлерюгенда» А.В. Васильченко 2005 г.[2]. В работе автор рассматривает Гитлерюгенд как инструмент манипуляции над немецкой молодёжью и анализирует его роль в системе нацистского воспитания.

Для более глубокого понимания важности данного исследования не-

1 *Черкасов Н.С., Маковский Ю.В., Супрыгина Г.Г.* Германия: фашизм, неофашизм и молодёжь // Томск. Том. ун-т, 1993. 176 с.

2 *Васильченко А.В.* История гитлерюгенда. 2013, 47 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.libfox.ru/240299-andrey-vasilchenko-istoriya-gitleryugenda.html

обходимо кратко ознакомиться с существующей зарубежной историографией.

В немецкой историографии в 1946 году Говард Беккер[3] опубликовал один из первых послевоенных исследований, посвящённых Гитлерюгенд. В своей работе Беккер анализировал немецкие молодёжные движения, процесс создания Гитлерюгенда на базе довоенных культурных тенденций, а также механизмы подчинения молодёжи нацистской идеологии.

В 1975 году Ханс-Йоахим В. Кох[4], бывший член Гитлерюгенд, а затем доктор философии Кильского университета, представил одну из наиболее ранних и полных послевоенных монографий о Гитлерюгенд. В своей книге, основанной на научных исследованиях и личном опыте, Кох рассматривает генезис молодёжных движений в Германии, становление организации в 1920-х годах, ее трансформацию из небольшого партийного движения в практически всеохватывающую структуру, проявления инакомыслия внутри организации и роль молодёжи в период Второй мировой войны.

Научных исследований, посвящённых довоенным аспектам Гитлерюгенд, недостаточно. Однако существуют две основные монографии, посвящённые этому периоду: «Дети Гитлера: Гитлерюгенд и СС» Герхарда Рempеля[5] и диссертация Рихарда Эрнста Шредера «Гитлерюгенд как военизированная организация»[6]. Эти источники являются ценными для изучения военных аспектов и подготовки историков.

Следует упомянуть работы «Молодёжь и её организация в Третьем рейхе» и «Обманутое поколение. Молодёжь при фашизме. Источники и документы» сборник, изданный в 1985 году, написанные в соавторстве с Матиасом фон Хеллфельдом и Арно Клённе[7]. В 1975 г., упомянутый Хайнс-Йоахим Кох написал работу «Гитлерюгенд: истоки и развитие, 1922–1945»[8]. В 1982 выходит книга Ханса-Кристиана Бранденбурга «История HJ: пути и заблуждения одного поколения[9].

Так же можно обратить внимания на работы американских исследо-

3 Howard Paul Becker German Youth: Bond or Free: International Library of Sociology. The Sociology of Youth and Adolescence International Library of Sociology. Routledge, 2003. 304 c.

4 *H.W. Koch.* The Hitler Youth origins and development 1922–1945. New York: 1st Cooper Square Press, 1976 348 c.

5 Gerhard Rempel Hitler's Children by Gerhard Rempel. Carolina. The University of North Carolina Press, 1990. 368 c.

6 Richard Ernst Schroeder the Hitler youth as a paramilitary organization. Chicago. University of Chicago, 1975. 319 c.

7 Matthias von Hellfeld, Arno Klönne Die betrogene Generation: Jugend in Deutschland unter dem Faschismus: Quellen und Dokumente. Köln. Pahl-Rugenstein, 1985. 325 c.

8 H.W. Koch the Hitler Youth origins and development 1922-1945. New York.1st Cooper Square Press ed. Cooper Square Press, 348 c.

9 Hans-Christian Brandenburg Die Geschichte der HJ by Hans-Christian Brandenburg. Koln. Wissenschaftund Politik, 1982. 347 c.

вателей Дженифер Килли «Жизнь в Гитлерюгенд»[10], Эйлин Хейес[11] «Дети свастики: гитлерюгенд», и Сьюзан Бартолетти[12], «Гитлерюгенд: Взросление в тени Гитлера», Фредерика Джона Стивенса[13], «Гитлерюгенд: история, организация, униформа и знаки отличия» и Дэвида Литтлджона - Гитлерюгенд[14]

Предыстория создания Гитлерюгенд (1922–1933). Немецкое молодёжное движение в период с 1900 по 1933 год прошло пять этапов: эмансипация (1900–1917), трансформация (1918–1919), политизация (1920–1924), поляризация (1925–1928) и радикализация (1929–1933). (Молемма, 7–14). Молодёжное движение в Германии было разделено на буржуазные и рабочие элементы, что существенно повлияло на его развитие и организацию в Веймарской республике. Различия в социально-экономических условиях привели к тому, что до 1919 года идеологии этих групп развивались независимо друг от друга. Быстрая индустриализация и урбанизация в конце XIX – начале XX века способствовали социальной эмансипации молодёжи. Буржуазная молодёжь могла сосредоточиться на идеологических вопросах и активном отдыхе, в то время как молодёжь из рабочего класса сталкивалась с экономическими трудностями и была вынуждена участвовать в трудовой деятельности. Первая мировая война и последующие социальные потрясения значительно повлияли на немецкое молодёжное движение. Война привела к массовой политизации молодёжи и вовлечению её в политические партии. После войны движение столкнулось с новыми вызовами, включая разрыв между поколениями и трудности адаптации к послевоенным условиям. В период Веймарской республики молодёжное движение стало более политизированным и радикальным. После 1918 года она превратилась в разрозненную Bündische Jugend (свободная молодёжь) – свободную сеть национальных völkisch-групп (народных), которые делали упор на самодостаточность, немецкий фольклор и выступали против унижений, связанных с Версальским договором, часто действуя децентрализованными объединениями (Bünde) с добровольным членством и минимальным контролем со стороны взрослых

Начало Великой депрессии в 1929 году привело к новому витку политизации, который предвещал насильственную консолидацию немецкого молодёжного движения под эгидой НСДАП в виде Гитлерюгенд. Некоторые

10 Jennifer Keeley Life in the Hitler Youth. San Diego, CA. Lucent Books, 2000. 112 с.

11 Eileen Heyes Children of the swastika. Millbrook Press, 1993. 96 с.

12 Bartoletti, Susan Campbell Hitler Youth: growing up in Hitler's shadow. New York. Scholastic Nonfiction, 2020. 176 с.

13 Frederick John Stephens Hitler Youth: history, organisation, uniforms, and insignia. The University of Wisconsin. Madison, 2010. 88 с.

14 D. Littlejohn the Hitler Youth: Garden City, N.Y., Doubleday1988. 377 с.

молодёжные организации, такие как Wandervogel (заядлый турист) и Freie Deutsche Jugend (FDJ), играли важную роль в формировании идентичности и идеологии немецкой молодёжи. Однако со временем многие из них утратили влияние или трансформировались под воздействием политических и социальных изменений.

Параллельно с правыми бундовскими формированиями в Веймаре существовали мощные молодёжные лиги левого толка, в том числе Социалистический союз рабочей молодёжи (SAJ), который к 1925 году насчитывал 105 000 членов, а к 1927 году их число сократилось до 55 000, и Коммунистический союз молодёжи (KJVD), который к 1932 году вырос до 58 000 членов. Обе организации пропагандировали классовую солидарность и антифашистскую активность с помощью городских митингов и образовательных программ. Эти организации, достигшие пика влияния в начале 1920-х годов на фоне экономической нестабильности и культурного разочарования, предоставили эстетические и деятельностные прецеденты – такие как кемпинги и групповые ритуалы – для последующей нацистской адаптации, хотя им не хватало явной политической идеологической обработки, которая характеризовала Гитлерюгенд.

Предпосылки и генезис.

Führerprinzip (принцип вождя, фюрерство) – ключевой неофициальный принцип государственного устройства нацистской Германии. Этот принцип предполагал абсолютное подчинение лидеру, обладавшему неограниченными полномочиями, и чья воля считалась высшей и обязательной для исполнения. В рамках данного принципа каждая организация рассматривалась как иерархия, где каждый руководитель нёс абсолютную ответственность в своей сфере деятельности, требовал абсолютного подчинения от нижестоящих и был подотчётен только вышестоящему начальству. Руководствуясь основой данного принципа, была выстроена структура Гитлерюгенд.

Гитлерюгенд состоял из четырёх подразделений, которые были созданы Ширахом вскоре после того, как он стал молодёжным лидером Германии, и они действовали до 1945 года (Кох, 1976, с. 101). Обычно эти подразделения в совокупности называются «Hitlerjugend» (Гитлерюгенд), Deutsche Jungvolk (немецкие юноши), Liga deutscher Mädchen» und «Junge Mädchen» (Лига немецких девушек и девушки). В то время как Гитлерюгенд состояли из мальчиков в возрасте от 14 до 18 лет, немецкая молодёжь состояла из мальчиков в возрасте от 10 до 14 лет (Кох, с. 101). Лига немецких девушек, которая была женским эквивалентом Гитлерюгенд, объединяла девушек в возрасте от 14 до 18 лет и занималась их подготовкой к семейной жизни. «Девушки» – это молодёжный эквивалент Лиги немецких девушек в воз-

расте от 10 до 14 лет. (Koch, с. 45)

Центральное руководство Гитлерюгенд осуществлялось через должность Reichsjugendführer рейхсюгендфюрера (рейхсфюрера молодёжи), который руководил Reichsjugendführung (RJF), высшим административным органом организации, расположенным в Берлине.

В состав RJF входила иерархическая структура, включавшая адъютанта и Stabsführer (начальника штаба), которые руководили пятью исполнительными отделами и шестью Hauptämter гауптамтами (главными управлениями), отвечавшими за ключевые функции: Гитлерюгенд – организация и кадры, Гитлерюгенд – физическая подготовка, Гитлерюгенд – идеологическое воспитание, Гитлерюгенд – социальные службы, Гитлерюгенд – финансы и Гитлерюгенд – юридические вопросы.[6] Отдельная Reichsreferentin рейхсреференте управляла дочерними организациями «Лига немецких девушек» (BDM) и «Jungmädelbund», подчиняясь непосредственно рейхсфюреру молодёжи и обеспечивая гендерно-ориентированное управление в соответствии с нацистскими гендерными ролями. Этот аппарат координировал национальную политику, подготовку лидеров и распределение ресурсов, а рейхсфюрер молодёжи обладал абсолютной властью, подчиняясь только Гитлеру и руководству НСДАП.

Истоки Гитлерюгенд можно проследить с 1922 года, когда он был основан в ответ на просьбу подростка по имени Густав Адольф Ленк (Koch, с. 46; Льюис, с. 12). Ленк хотел вступить в нацистскую партию в 1921 году, но был слишком молод и поэтому отказался; однако он предложил Партии добавить молодёжную секцию (Koch, 1976, с. 46). Гитлер принял эту идею и объявил об основании молодёжной секции 25 февраля 1922 г. (Koch, с. 47). Менее чем через два месяца была официально основана Молодёжная лига, где Ленк был назначен ее лидером 13 мая 1922 г. (Koch, с. 49).9 Тем не менее, многие уже существовали другие молодёжные организации, что затрудняло продвижение Молодёжной лиги тяга в первые годы его существования (Льюис, Ральф, с. 12). Более того, ещё одна неудача возникла, когда Гитлер был заключён в тюрьму в 1924 году после попытки Государственного переворота – и нацистская партия, и Молодёжная лига были запрещены (Льюис, Ральф, с. 15).

В 1926 году Гитлером официально учреждён Гитлерюгенд (Кох, с. 64; Льюис, с. 9). Организацию возглавлял Курт Грубер, который оказался весьма успешным руководителем , увеличив размер молодёжного движения в десять раз в период с 1927 по 1928 год, в первые два года своей деятельности, создав ещё 30 процентный рост между 1928 и 1929 годами.

Грубер уходит в отставку в октябре 1930 года, и его заменяет Бальдур фон Ширах, 30 октября того же года Бальдур фон Ширах был назначен рейхсюгендфюрером (лидером молодёжи рейха), став молодёжным ли-

дером рейха, в 1933 Ширах получает звание Jugendführer des Deutschen Reiches (молодёжного лидера Германской империи) (Lewis, Brenda Ralph с. 27–30). Более того, вскоре после того, как Гитлер стал канцлером в 1933 году, нацисты запретили все конкурирующие молодёжные движения, за исключением католических организации, хотя они также были объявлены вне закона в 1936 году, фактически запретив всю не нацистскую молодёжные организации (Льюис, Brenda Ralph, стр. 9). Закон о Гитлерюгенд (Gesetz über die Hitlerjugend) вступил в силу 1 декабря 1936 года в нацистской Германии. Этот закон сделал членство в Гитлерюгенд обязательным для всех «арийских» детей и подростков, статья первая. Вся немецкая молодёжь в Рейхе объединена в Гитлерюгенд. Закон о Гитлерюгенд (Gesetz über die Hitlerjugend) закрепил полный контроль над молодёжью в рамках политики унификации (Gleichschaltung). В январе 1933 года, в Гитлерюгенд состояло около 100 000 человек, но к концу года эта цифра выросла до более чем 2 миллионов. К 1937 году число членов Гитлерюгенд выросло до 5,4 миллиона, а в 1939 году вступление в организацию стало обязательным. Затем немецкие власти запретили или распустили конкурирующие молодёжные организации. Indoctrinatin

Иерархия званий в Гитлерюгенд

- Hitlerjunge: базовый членский ранг при вступлении. Нет оплаты. Возраст: 14 лет.

- Роттенфюрер: руководит небольшим подразделением («ротте») численностью около 4–8 членов. Срок службы: после первоначального периода. Оплата отсутствует.

- Камерадшафтсфюрер: возглавляет подразделение «камерадшафт» примерно из 10–15 участников. Без оплаты.

- Оберкамерадшафтсфюрер: заместитель камерыдшафтсфюрера, показывает срок службы. Численность подчиненных аналогична предыдущему званию. Без зарплаты.

- Шарфюрер: управляет группами камерадшафтов общей численностью порядка 50–60 членов. Зарплата составляет около 120 рейхсмарок.

- Обершарфюрер: старший шарфюрер. Руководит теми же подразделениями (~50–60 человек). Заработок увеличен до 150 рейхсмарок.

- Фолькшафтсфюрер: командующий подразделением «фолькшафт» числом примерно 150–200 подростков. Обычно назначается в возрасте 18 лет. Получает зарплату около 200 рейхсмарок.

- Оберфолькшафтсфюрер: старший фелькхафтсфюрер. Общее количество под командованием остается прежним (около 150–200 юношей). Платеж увеличен до 250 рейхсмарок.

- Гауптфолькшафтсфюрер: основной лидер фелькхафта, назначаемый

на основании опыта. Число детей-подчиненных также достигает примерно 150–200. Доход увеличивается до 300 рейхсмарок.

- Штаммфюрер: начальник отряда («штамма»), состоящего из примерно 600–800 молодых участников. Это первая официально оплачиваемая позиция.

- Оберштаммфюрер: высший офицер в штабе отряда. Управляет аналогичным количеством молодежи (до 800 человек). Имеет повышенный оклад.

- Баннфюрер: глава района («банн»). Под его руководством находятся тысячи членов молодежного движения. Полностью оплачиваемое положение взрослого руководителя.

- Обербаннфюрер: контролирует сразу несколько районов («баннов»), общее число подопечных достигает десятков тысяч. Взрослая управленческая роль с повышенным доходом.

- Гауптбаннфюрер: наивысший руководитель уровня банна, ответственный за управление целым регионом. Руководит деятельностью многих тысяч ребят. Высокооплачиваемая должность.

- Gebietsführer: региональный лидер над множеством районов («баннов»). Отвечает за десятки тысяч подростков. Высокая зарплата взрослого руководителя.

- Старший региональный руководитель: наивысший управляющий на региональном уровне. Контролирует деятельность всех баннов своего региона, численность достигнет десятков тысяч молодых участников. Получает самую высокую оплату среди региональных лидеров.

- Штабсфюрер: главный сотрудник национального штаба всей молодежной организации. Только взрослые руководители занимают этот пост. Национальная ставка дохода.

- Рейхсюгендфюрер: верховный командующий всей организацией гитлеровской молодёжи. Назначается лично и несет ответственность за всю организацию. Высокое жалование.

Руководство Гитлерюгендом осуществляли два лидера Рейхсюгендфюрер: Бальдур фон Ширах (1931–1940 гг.), затем Артур Аксманн (1940–1945 гг.).

Идеологическая основа.

В 1934 году Бальдур фон Ширах, рейхсюгендфюрер, написал книгу о Гитлерюгенд, в которой он описал структуру организации, проводимую ею деятельность и то, как он представлял себе ее будущее. Здесь Ширах последовательно утверждал, что этому учреждению не хватает военной направленности, - «Гитлерюгенд – это не организация для игры в солдатики... Он никогда не пытался имитировать армию…. В остальном, по своей струк-

туре Гитлерюгенд – это молодёжное движение, а не молодые военные». (Schirach, 2) Более десяти лет спустя Ширах подтвердил свои обвинения на Нюрнбергском процессе. Несмотря на это, он признал, что корпус морской пехоты- Гитлерюгенд (Marine-HJ), специальное подразделение в рамках организации, имел довоенное значение (Schirach,3).

В дополнение к его утверждению, что организация Гитлерюгенд не была довоенной по своей природе, Ширах также предложил, как следует знакомить молодёжь с национал-социалистической идеологией. Это была первостепенная тема, потому что, если бы национал-социалисты могли если они не убедят молодёжь в своих взглядах, их "тысячелетний рейх" прекратит своё существование, когда скончается нынешнее правящее поколение.

Хотя немецкая молодёжь была для Гитлера лишь одним из многих аспектов, которые должны были попасть под гнёт режима, он считал молодёжь единственным способом гарантировать дальнейшее существование Рейха. В 1933 году он объяснил, почему его Рейх должен был состоять из молодёжи, а не из нынешнего поколения, которое обеспечивало безопасность: «Мы, старшее поколение, истощены... Мы насквозь прогнили» (Rempel, 2). Далее он сказал, что нынешнее поколение «тупое», воспоминания о крепостном праве и рабстве», и, более того, что они несли «бремя унизительного прошлого» (Rempel,3). Однако «посмотрите на этих юношей и мальчиков! Какой материал! С их помощью я могу создать новый мир» (Rempel,4).

Первый опыт знакомства молодёжи с попыткой национал-социалистов привить им национал-социалистическое мировоззрение был в начальных школах. Детей учили основным вещам, таким как различение цветов, как общаться, читать и писать. Одним из наиболее полезных инструментов этих школ был букварь. Во времена Третьего рейха эти буквари редактировались – или создавались новые буквари – чтобы преподавать идеологические послания. Наиболее распространённые истории были предназначены для: создайте стремление стать частью более широкой немецкой молодёжи – таким образом, понимая, что концепция Volksgemeinschaft не только возвысить фюрера, но и заставить его казаться по-отцовски – таким образом закладывается основа для национал-социалистической религии с Гитлером в качестве главного божества; и прославления вооружённых сил Германии.

Национал-социалисты создали образовательную программу, в которой использовались две крупнейшие молодёжные организации в Германии - школьная система и Гитлерюгенд. Эти две организации работали в тандеме, постепенно развивая работу друг друга в качестве Немецкая молодёжь становилась все более подверженной влиянию национал-социалистического мировоззрения.

В 1933 году, когда национал-социалисты взяли под свой контроль Гер-

манию, они начали подчинять себе все аспекты общества их конечным целям – система образования не была исключением. В 1940 году была опубликована директива по образованию, в которой говорилось, что "единственный предмет, которому есть место в школьной программе, – это то, что необходимо для достижения этой цели (служения государству и народу). Все остальные предметы, вытекающие из устаревших образовательных идеалов, должны быть отброшены" (R.H. Samuel, 48).

Следовательно, единственными предметами, которые следовало преподавать, были те, которые прививали молодёжи национал-социалистическое мировоззрение и, таким образом, готовили их к служению рейху. В результате многие предметы – и их учебники – претерпели изменения, чтобы лучше представлять национал-социалистические идеи (Pine, 49). Биология и математика стали полезными инструментами для национал-социалистов, чтобы подкрепить уроки Гитлерюгенд о важности расы, в то время как география укрепила идею географической экспансии. В гитлеровской Германии идеологическая обработка молодёжи стала первостепенной заботой, поскольку это позволило национал-социалистам прививать молодёжи свои расовые идеи и их стремление к территориальной экспансии. Более того, это позволило национал-социалистам создать молодую когорту, которая верила в фюрера и стремилась повиноваться ему. Эта вера и повиновение фюреру было жизненно важным, поскольку национал-социалисты могли использовать это для вербовки детей в Гитлерюгенд и использования их во время войны.

Гитлерюгенд в действии.

В 1939 году, когда члены организации Гитлерюгенд регулярно участвовали в военных учениях, нацистская партия решила унифицировать процесс подготовки молодежи, издав специальные руководства для инструкторов. Были выпущены две важные публикации: «Задачи на местности для членов «Гитлерюгенда» («Geländeaufgaben für die Hitlerjugend») и «Подготовка молодежи к военным действиям в сфере стрельбы и ориентации на местности» («Kriegsausbildung der HJ im Schiess- und Geländedienst»). Руководитель молодёжного движения рейха ясно указал цели организации: каждый юноша, вступивший в Гитлерюгенд, обязан был пройти военную подготовку и получить соответствующий документ, удостоверяющий его готовность служить в армии. Для этого участникам предстояло продемонстрировать высокие навыки в стрельбе и тактической подготовке. Помимо физической и боевой подготовки, важной частью программы была также идеологическая обработка молодых людей.

Одним из первых шагов Гитлерюгенд в направлении формирования структуры довоенного обучения стало формирование специализирован-

ных кружков по интересам, которые впоследствии стали своего рода рекрутскими центрами для конкретных видов вооружённых сил. Наряду с внедрением строгих принципов армейской дисциплины и созданием специализированной военной организации, эти группы играли важную роль в привлечении молодёжи в конкретные подразделения Вермахта. Эти группы, Sondereinheiten (специальные группы), позволили мальчикам найти сверстников-единомышленников и в то же время больше участвовать в мероприятиях, соответствующих их интересам, чем в «Общегерманском гитлерюгенде». Эти группы служили и другой цели: они начали обучать молодых людей навыкам, которые были непосредственно связаны с определённым видом обслуживания. Гитлеровская молодёжь корпуса морской пехоты (Marine-HJ) привлекала мальчиков, чьи интересы были сосредоточены на парусном спорте, обучая их навыкам управления малыми судами, ориентированию по звёздам и завязыванию различных морских узлов – всем навыкам, необходимым морякам кригсмарине (Военно-морского флота). Флигель-гитлерюгенд (Flieger-HJ, Летающий-HJ) обращался к тем, кто интересовался авиацией. Обучение Flieger-HJ включало в себя конструирование планеров, ремонт планеров и самолетов, основы аэродинамики, а для мальчиков постарше - обучение навыкам планеризма, которые пригодились каждому пилоту люфтваффе (Военно-воздушных сил) или коммерческой авиации. Мотоциклетная Гитлерюгенд (Motor-HJ) обучала молодых людей мелкому ремонту автомобилей, европейским правилам дорожного движения и предоставляла им возможность получить водительские права, что готовило их к будущей службе в моторизованных подразделениях. Nachrichten-Hitler Youth (разведка и связь Гитлерюгенд) обеспечивало связь и освещение событий Гитлерюгенд. Военнослужащие этого подразделения приобрели навыки обращения с телефонами и телеграфом, умение производить мелкий ремонт электрооборудования и налаживать основные коммуникации, что принесло пользу корпусу связи. Наконец, в Streifendienst (патрульной службе) мальчикам отводится роль, аналогичная военной полиции, и, таким образом, они приобретают навыки работы в правоохранительных органах и становятся потенциальными кандидатами в Schutzstaffel (Подразделение охраны, или СС). Эти различные зондеркоманды обучали своих членов, прививая мальчикам навыки, характерные для конкретной отрасли. Национал-социалисты надеялись, что это улучшит различные виды войск вермахта, поскольку новобранцы уже обладали важными навыками.

Мальчикам, которые вступали в Jungvolk в 10 лет, назначался испытательный срок. На этой стадии их обучали навыкам, необходимым для Гитлерюгенд: физподготовке, посещению собраний, выполнению строевых упражнений. Они также изучали идеологию, включая лозунги и песни, та-

кие как «Песня Хорста Весселя» и «Deutschlandlied». После шести месяцев испытаний каждый член Jungvolk проходил проверку физической силы, храбрости и знаний о национал-социалистической культуре. Испытания включали Mutprobe (проверка храбрости), например, прыжки с высоты или карабканье по склону, и устный экзамен по истории Гитлерюгенда, партии и Гитлера, а также знание песен и лозунгов. Эрих Ноймайер, бывший член Jungvolk и Гитлерюгенд, вспоминает, как участвовал в занятиях спортом, а также конструировании планеров и полётах на них. В своём письменном описании он сравнивает своё время в обеих организациях, которые, по его утверждению, были похожи на бойскаутов. «*Я был в 10 лет Jungvolk в «Гитлерюгенде» в 14 лет. Почти почти все присоединились к обеим организациям. Когда ты хотел принадлежать, ты присоединился. У меня не было ранга. Я был просто участником. В Jungvolk мы проводили еженедельные собрания, занимались спортом [бегом, прыжками] и строили современные [модели] планеров... Я не чувствую, что меня оторвали от семьи. Я вступил в секцию Гитлерюгенда Flieger-HJ"пилот". Моим самым дорогим воспоминанием было научиться управлять планером... Мне очень нравилось летать. Были и другие секции гитлеровской молодёжи, мы были свободны в выборе своей группы после того, как сменили Jungenvolk на Гитлерюгенд в 14 лет» (*Elizabeth Fox, 3*)*

Подготовка к войне.

До войны национал-социалисты утверждали, что не обучают молодёжь военному делу, но после 1942 года, когда были созданы Военные Тренировочные лагеря Wehrertüchtigungslagern (Военные Тренировочные лагеря, WELS), это стало необходимостью. Адольф Гитлер, вероятно по настоянию вермахта, признал недостаточную подготовку молодёжи и необходимость увеличения обучения. В 1942 году Гитлер приказал создать WELS, укомплектованные лидерами Гитлерюгенд, офицерами и рядовыми, для проведения трёхнедельных курсов военной подготовки с упором на полевые учения. Большинство инструкторов были из армии, но некоторые – из СС. Первоначально лагеря предназначались для старших мальчиков Гитлерюгенд, но позже стали курсами для всех старших, после которых выдавалось свидетельство о военной подготовке.

«*Недели в Родевальде были холодными, сырыми и унылыми. Нас, шестнадцатилетних новобранцев, обучали основам пехотного боя… Нас посылали днём и ночью через заболоченные луга, из-за которых мы тонули по колено в грязи. Каждая канава, скрытая под покрытым снежной коркой льдом, заставляла нас погружаться в ледяную воду. Нас учили, как штурмовать притворные вражеские траншеи с обнажёнными штыками и как стрелять из базук [панцерфаустов] по стогам сена. Нас облили слезоточи-*

вым газом и отправили сквозь клубящиеся облака, иногда ползти, а иногда бежать на полной скорости, с противогазами на лицах, пока у нас не отказали легкие и мы не рухнули в ледяную грязь. В наших казармах было холодно, и мы страдали от диареи и лихорадки. Американские бомбардировщики высоко над нами прочертили в небе свой инверсионный след. Когда появились сопровождавшие их истребители и вступили в воздушный бой с немецкими реактивными самолётами, мы вжались телами в пропитанную водой ледяную траву, чтобы избежать обнаружения и обстрела. Наши сержанты-инструкторы заверили нас, что это всего лишь детская забава по сравнению с тем, что ожидало нас на фронте» (Herbst., 174). К концу 1943 года – через год после создания WELS – действовало 226 лагерей. Кроме того, в этих лагерях содержалось около 361 500 человек свидетельства о военной подготовке; к марту 1944 года это число возросло примерно до 437 500 человек (Schroeder, 184–185).

Мобилизация и крах.

1943 год стала переломным этапом в истории Гитлерюгенд. Из инструмента идеологической индоктринации организация превратилась в значимый ресурс для решения острых военно-хозяйственных задач Третьего рейха. По мере нарастания людских потерь и истощения ресурсов нацистский режим всё активнее задействовал молодёжь – зачастую в ситуациях, сопряжённых с непосредственной угрозой жизни. На начальном этапе члены Гитлерюгенда привлекались к задачам гражданской обороны: доставляли почту, помогали пожарным командам ликвидировать последствия авианалётов, охраняли объекты инфраструктуры. Эти функции позволяли высвободить взрослых мужчин для фронта, но уже тогда подростки сталкивались с реальными опасностями – взрывами, обрушениями, огнём.

Наступает критический период войны для Германии наступает в 1943 г., нацистское руководство начинает всеобщую мобилизацию. Геббельс произносит речь о тотальной войне (Геббельс,195–197). Подростков Гитлерюгенд призывают с четырнадцатилетнего возраста в подразделения противовоздушной обороны. Юные зенитчики становились винтиками смертоносной военной машины, выполняя опасные задачи, от наведения прожекторов до подачи снарядов под грохот бомбёжек. Так не менее важной была роль, которая отводилась Гитлерюгенд, в поддержании сельскохозяйственного производства. В условиях нехватки рабочих рук подростки направлялись на фермы для выполнения сезонных работ, прежде всего уборки урожая. Это позволяло хоть частично компенсировать отток взрослых на фронт и поддерживать продовольственную базу страны.

В 1944 году дефицит людских ресурсов достигает критической отметки, нацистское руководство идёт на радикальный шаг: формирование воин-

ских частей из членов Гитлерюгенд. Был объявлен набор в 12-ю танковую дивизию СС «Гитлерюгенд» частично укомплектованная юношами 16–18 лет. По некоторым данным примерно 16000 «добровольцев» из Гитлерюгенд. Судьба 12-й танковой дивизии СС «Гитлерюгенд» в 1944 году часто приводится историками как пример фанатизма и трагической растраты человеческих жизней. Дивизия прибывает во Францию в составе около 20 500 человек. В боях против канадских и британских войск под Каннами и в «Фалезском котле» она была практически уничтожена. К моменту отхода за Сену дивизия потеряла около 80% живой силы и почти всю технику (танки и тяжелую артиллерию). Несмотря на фактическое уничтожение, Гитлер приказал восстановить дивизию. С сентября по декабрь 1944 года происходил процесс, который описали как «мешанину». В состав включили персонал Люфтваффе и Кригсмарине, чьи части были расформированы, а также новую волну добровольцев из Гитлерюгенд, многим из которых было всего 16–17 лет. Несмотря на отчаянный (и зачастую суицидальный) напор молодых солдат, дивизия завязла в боях за «Эльзенборнское плато». Из-за нехватки горючего, плохой логистики и упорного сопротивления США наступление захлебнулось. После Арденн дивизию перебросили в Венгрию для участия в операции «Весеннее пробуждение» (март 1945 года) – последнем крупном наступлении Вермахта.

Это была попытка деблокировать Будапешт и защитить нефтяные месторождения. Наступление провалилось в грязи и под ударами советских войск. Остатки дивизии отступили в Австрию, где в мае 1945 года сдались американским войскам. Из 20 тысяч первоначального состава войну пережили лишь немногие. 12-я дивизия была СС известна не только своей боевой яростью, но и военными преступлениями (например, расстрел канадских военнопленных в Арденнском аббатстве), что стало следствием идеологической обработки молодых солдат. (Margolian, 2-3). История 12-й танковой дивизии СС «Гитлерюгенд» во второй половине 1944 года – это одна из самых мрачных страниц завершающего этапа войны, иллюстрирующая фанатизм и бессмысленные жертвы.

Можно привести следующий трагический пример отчаянных действий. Чтобы укомплектовать дивизию «Хеймвер» достаточным количеством опытных солдат и офицеров, в неё были направлены выжившие на Восточном фронте члены Ваффен-СС, в том числе члены элитного Лейбштандарта СС «Адольф Гитлер». Пятьдесят офицеров вермахта, которые в прошлом были лидерами Гитлерюгенда, также были переведены в дивизию. Из воспоминания генерала Курта Мейера (прошедшего Гитлерюгенд), «*Перешагивая через тела убитых англичан, я добрался до позиций 15-й Роты 26-го Гренадерского Моторизованного Полка СС. Солдаты с изнурёнными лицами занимали оборону в окопах и воронках. Офицеров не было вовсе: все они были*

либо убиты, либо ранены… Настроение юных солдат было для нас непостижимо… Они говорили о противнике без ненависти, наоборот – все время подчёркивали высокий боевой дух врага. В оценках наших солдат сквозило также чувство горечи, когда они говорили о преимуществах боевой техники противника. Снова и снова я слышал: «Черт побери, где бы мы были сейчас, если бы у нас была такая же, как у противника, боевая техника?» Мы все ещё не видели в небе ни одного германского самолёта». (Мейер, 165)

Распоряжение о формировании Фольксштурма было издано 25 сентября 1944 года. Было объявлено, что все мужчины в возрасте от 16 до 60 лет, не состоящие на службе в вооружённых силах и способные служить в армии, будут призваны на службу в Фольксштурм, и должны быть привлечены от всех районов (Gaue) Германии. В Рурской области Германии подростки из Гитлерюгенд практиковались в партизанской войне против вторгшихся американских войск. В феврале 1945 года был запущен проект «Вервольф», в рамках которого немецких детей обучали шпионажу и диверсионной деятельности, чтобы затем отправлять их за линию фронта союзников со взрывчаткой и мышьяком.

3 апреля 1945 года в Берлине были сформированы батальоны, полностью состоящие из членов Гитлерюгенд, для обороны мостов Пихельсдорф на реке Хафель. Этими мостами в Берлине должна была воспользоваться армия генерала Венка, идущая на помощь с юга. Эта армия, о которой юноши не знали, уже была уничтожена и существовала только на бумаге. Это была одна из нескольких призрачных армий, которыми Гитлер командовал, чтобы спасти окружённый Берлин. У мостов в Пихельсдорфе около 5000 юношей в слишком большой для них форме и шлемах, которые болтались у них на головах, стояли с винтовками и панцерфаустами, готовые противостоять русской армии. За пять дней боёв 4500 человек были убиты или ранены. В других частях Берлина юношей из Гитлерюгенд ждала та же участь. Многие покончили с собой, чтобы не попасть в плен к русским (Райан).

В апреле 1945 года, когда Красная армия штурмовала Вену, Ширах призывал молодёжь «сражаться до последнего вздоха». Однако сам он покинул город ещё до его падения, бросив подразделения Гитлерюгенд и фольксштурма. Ширах скрывался в Тироле (Альпы) под видом офицера вермахта, пока не сдался американским войскам в июне 1945 года. Приговор Нюрнбергского трибунала: В разделе, посвящённом Шираху[15], описывается его деятельность как гауляйтера и ответственность за использование молодёжи в последние месяцы войны.

1 мая 1945 года лидер Гитлерюгенд Артур Аксманн покинул фюрер-бун-

15 «Нюрнбергский процесс. Сборник материалов».: Текст раздела о Ширахе можно найти в 8-м томе (в зависимости от года издания) сборника под редакцией Г.Н. Александрова и М.Г. Кириллова. Москва: Юридическая литература, 1987–1999 .

кере в ночь на 1 мая 1945 года в составе одной из групп прорыва (вместе с Мартином Борманом и врачом Людвигом Штумпфеггером). В то время как тысячи подростков из Гитлерюгенд продолжали удерживать мосты через Хафель и сражаться в руинах Берлина, их лидер сосредоточился на собственном спасении. Аксману удалось пробраться через боевые порядки советских войск и скрыться. Он был арестован только в декабре 1945 года в Баварии, где жил под именем Эриха Зиверта[16].

Финал организации Гитлерюгенд был столь же драматичен, как и её вовлечение в войну. 8 мая 1945 года, с капитуляцией Германии, Гитлерюгенд официально прекратил существование. Уже 10 октября 1945-го Союзный контрольный совет объявил его вне закона в рамках денацификации. Бывшие члены организации оказались перед выбором: пройти процедуру перевоспитания, столкнуться с репрессиями или попытаться скрыться. Многие молодые участники, признанные жертвами пропаганды, избежали суровых наказаний, тогда как руководители были интернированы или осуждены.

Идеологическая машина Третьего рейха поставила перед собой амбициозную задачу: взрастить поколение, в котором личность полностью растворялась бы в служении режиму. Гитлерюгенд использовал критический период взросления для внедрения своих разрушительных идей в сознание подрастающего поколения Его роль выходила далеко за рамки типичной молодёжной организации: вместо воспитания гражданственности, взаимопомощи и ответственности, характерных для скаутских движений, нацисты выстраивали систему, в которой ненависть, слепое послушание и готовность к насилию становились нормой. Запуская процесс воспитания молодёжи, Гитлер говорил: «Молодёжь должна быть бесстрашной, жестокой, властной, к ней не должно быть жалости» (на нем. «...ich will eine Jugend, die hungrig ist, die vorwärts schaut, die ... brutal ist»), описывая свои планы по созданию гитлерюгенда (Mein Kampf). Этот процесс можно определить как «воспитание для смерти». Детей и подростков учили воспринимать войну как высшую доблесть, жертву – как долг, а «чужих» (евреев, цыган, инвалидов, политических оппонентов) – как угрозу, подлежащую устранению. Через ритуалы, униформу, коллективные мероприятия и жёсткую дисциплину создавалась иллюзия единства и избранности, а индивидуальные сомнения подавлялись во имя «высших интересов народа».

Исследование истории Гитлерюгенда позволяет сделать ряд выводов о роли и механизмах функционирования этой организации в контексте на-

16 Протоколы допросов Артура Аксманна, последнего лидера Гитлерюгенда, за 1948 год находятся в коллекции Майкла А. Мусманно в Университете Дюкесн в Питтсбурге, Пенсильвания Википедия. Эти документы, в частности интервью, датированное 7 января 1948 года, содержат информацию из первых рук о последних днях жизни Адольфа Гитлера и ситуации в берлинском бункере фюрера.

цистской Германии. Гитлерюгенд представлял собой не просто молодёжную организацию, а инструмент тоталитарного режима, направленный на формирование нового поколения, преданного нацистской идеологии. Эволюция Гитлерюгенда от небольшой молодёжной группы до всеохватывающей структуры, контролировавшей практически всю немецкую молодёжь, свидетельствует о его значительной роли в нацистской системе.

Гитлерюгенд представлял собой иерархически организованную структуру с жёсткой дисциплиной, основанную на принципе фюрерства, включающую комплексную систему идеологического и военного воспитания молодёжи, тотального контроля всех сторон её жизни и тесной интеграции с образовательной системой и государственным аппаратом нацистской Германии. В военный период Гитлерюгенд из инструмента идеологического воспитания превратился в источник пополнения вооружённых сил и трудовых резервов, что подчёркивает его многофункциональность и адаптивность в условиях военного времени. Деятельность гитлерюгенда характеризовалась воспитательной системой, направленной на подавление индивидуальности и формирование единообразного мышления, использованием молодёжи в качестве ресурса для военных целей, ранней идеологической обработкой и созданием поколения, подготовленного к самопожертвованию. Историческое значение Гитлерюгенда заключается в демонстрации опасности тоталитарного контроля над молодёжью и показателе того, как идеологическая обработка может привести к катастрофическим последствиям. Организация стала символом извращённого понимания патриотизма и долга, где индивидуальные права и жизни подчинены идеологическим установкам. Изучение истории Гитлерюгенда имеет важное предупредительное значение для современных обществ, подчёркивая риски радикализации молодёжи и опасности тоталитарных методов воспитания. Это напоминает о необходимости критического осмысления исторических событий и предотвращения повторения подобных явлений в будущем.

Библиографический список:

1. Baldur von Schirach. Die Hitler-Jugend: Idee u. Gestalt. Berlin: Zeitgeschichte, 1934. P. 3-4.
2. Cornelius Ryan. Последняя битва. Штурм Берлина глазами очевидцев. – М.: Центрполиграф, 2022. P. 429.
3. Gerhard Rempel. Hitler's Children. The University of North Carolina Press, 1990. P. 2-4.
4. Koch H.W. The Hitler Youth origins and development 1922–1945. New York : 1st Cooper Square Press, 1976. P. 45, 46-49, 64, 101.
5. Hubert Meyer. The 12th SS: The History of the Hitler Youth Panzer Division. Stackpole Books, 2005. P. 592/
6. Howard Margolian. Conduct Unbecoming. The Story of the Murder of Canadian Prisoners of War in Normandy. University of Toronto Press, 2000. P. 2-3.
7. Ian Kershaw. Hitler: a biography. New York: W.W. Norton, 2008. P. 272-273.
8. Jurgen Herbst. Requiem for a German past. A boyhood among the Nazis. University of Wisconsin Press, 1999. P. 174.
9. Lewis, Brenda Ralph. The Hitlerjugend in war and peace, 1933–1945. Osceola, WI: MBI Pub, 2000. P. 9, 12-15, 27-30.
10. Lisa Pine. Education in Nazi Germany. Oxford, New York: 2010. P. 41, 49.
11. Mary Fulbrook. A History of Germany 1918–2008: The Divided Nation. Oxford, England: Blackwell, 2008. P. 61.
12. Mary Fulbrook. The People's State: East German Society from Hitler to Honecker. London: Yale University

Press, 2008. P. 62-63.
13. R.H. Samuel and Thomas R. Education & Society in Modern Germany (International Library of Sociology). London: Routledge, 2013. P. 48.
14. The History Place. Hitler Youth Beginnings to 1923. // URL: https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/hitler-youth-2#youth-movements-before-the-nazi-takeove 0https://www.historyplace.com/worldwar2/hitleryouth/hj-beginnings.htm
15. Тревор-Роупер Хью. Последние дни Гитлера. Тайна гибели вождя Третьего рейха. 1945. – М.: Издательство ЦП, 2025. 299 с.
16. Уильям Л. Ширер. Взлёт и падение Третьего рейха: история нацистской Германии. – М.: АСТ, 2024. С. 231.
17. Хью Тревор-Роупер. Последние дни Гитлера. Тайна гибели вождя Третьего рейха. 1945. – М.: Издательство ЦП, 2025. 299 с.
18. Курт Мейер. Немецкие гренадёры. Воспоминания генерала СС. 1939–1945. – М.: Центрполиграф. 165 с.
19. Из речи министра пропаганды Германии И. Геббельса о тотальной войне, произнесённой в «Спортпаласте». 18 февраля 1943 г. // Якобсен Г.-А. Вторая мировая война // Вторая мировая война: Два взгляда. – М.: 1995. С. 195-197.
20. An excerpt from an interview with Erich Neumeier // Elizabeth Fox. The Restoration of Germany's children: Nazi indoctrination and Post-war re-education The Hitler Youth. 2016. P. 3.
21. Энциклопедия холокоста // URL: https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/hitler-youth-2#youth-movements-before-the-nazi-takeover-0
22. Постникова А.А. Применение инновационных образовательных технологий при достижении метапредметных результатов в процессе обучения младших школьников с ЗПР // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 114-121.

Reference

1. Baldur von Schirach. Die Hitler-Jugend: Idee u. Gestalt. Berlin: Zeitgeschichte, 1934. P. 3-4.
2. Cornelius Ryan. The Last Battle. The Storming of Berlin Through the Eyes of Eyewitnesses. Moscow: Centerpoligraf, 2022. P. 429.
3. Gerhard Rempel. Hitler's Children. The University of North Carolina Press, 1990. P. 2-4.
4. Koch H.W. The Hitler Youth origins and development 1922–1945. New York : 1st Cooper Square Press, 1976. P. 45, 46-49, 64, 101.
5. Hubert Meyer. The 12th SS: The History of the Hitler Youth Panzer Division. Stackpole Books, 2005. P. 592/
6. Howard Margolian. Conduct Unbecoming. The Story of the Murder of Canadian Prisoners of War in Normandy. University of Toronto Press, 2000. P. 2-3.
7. Ian Kershaw. Hitler: a biography. New York: W.W. Norton, 2008. P. 272-273.
8. Jurgen Herbst. Requiem for a German past. A boyhood among the Nazis. University of Wisconsin Press, 1999. P. 174.
9. Lewis, Brenda Ralph. The Hitlerjugend in war and peace, 1933–1945. Osceola, WI: MBI Pub, 2000. P. 9, 12-15, 27-30.
10. Lisa Pine. Education in Nazi Germany. Oxford, New York: 2010. P. 41, 49.
11. Mary Fulbrook. A History of Germany 1918–2008: The Divided Nation. Oxford, England: Blackwell, 2008. P. 61.
12. Mary Fulbrook. The People's State: East German Society from Hitler to Honecker. London: Yale University Press, 2008. P. 62-63.
13. R.H. Samuel and Thomas R. Education & Society in Modern Germany (International Library of Sociology). London: Routledge, 2013. P. 48.
14. The History Place. Hitler Youth Beginnings to 1923. // URL: https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/hitler-youth-2#youth-movements-before-the-nazi-takeove 0https://www.historyplace.com/worldwar2/hitleryouth/hj-beginnings.htm
15. Trevor-Roper, Hugh. The Last Days of Hitler: The Mystery of the Death of the Leader of the Third Reich. 1945. Moscow: CP Publishing House, 2025. 299 p.
16. William L. Shirer. The Rise and Fall of the Third Reich: A History of Nazi Germany. Moscow: AST, 2024. P. 231.
17. Hugh Trevor-Roper. The Last Days of Hitler: The Mystery of the Death of the Leader of the Third Reich. 1945. Moscow: CP Publishing House, 2025. 299 p.
18. Kurt Meyer. German Grenadiers: Memories of an SS General. 1939–1945. Moscow: Centerpoligraf. 165 p.
19. From a speech by German Propaganda Minister Joseph Goebbels on total war, delivered in the Sportpalast, February 18, 1943 // Jacobsen, G.-A. The Second World War // The Second World War: Two Views. Moscow: 1995. P. 195-197.
20. An excerpt from an interview with Erich Neumeier // Elizabeth Fox. The Restoration of Germany's children: Nazi indoctrination and post-war re-education The Hitler Youth. 2016. P. 3.
21. Holocaust Encyclopedia // URL: https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/hitler-youth-2#youth-movements-before-the-nazi-takeover-0
22. Postnikova A.A. Application of innovative educational technologies in achieving meta-subject results in the process of teaching primary school children with mental restriction // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 114-121.

Чжао Фань
Аспирант, Педагогический университет Центрального Китая.

Историческое образование в первые годы советской власти (1917–1934 гг.): от радикальной социологизации к восстановлению гражданской истории*

Аннотация. Статья посвящена анализу системной трансформации политики в области исторического образования в СССР в период с 1917 по 1934 год. В работе рассматриваются причины ликвидации истории как самостоятельной учебной дисциплины в первые послереволюционные годы, господство социологических схем школы М.Н. Покровского и кризис «беспредметного» образования. Особое внимание уделяется повороту начала 1930-х гг., завершившемуся постановлениями 1934 года о восстановлении гражданской истории. Автор приходит к выводу, что возвращение к систематическому преподаванию истории было продиктовано задачами государственного строительства и необходимостью формирования новой советской идентичности и патриотизма.

Ключевые слова: историческое образование, школа Покровского, гражданская история, советская школа, Наркомпрос.

Zhao Fan
PhD, Central China Normal University.

History education in the early years of soviet power (1917–1934): from radical sociologization to the restoration of civil history

Abstract. The article provides a systematic analysis of the transformation of history education policy in the USSR between 1917 and 1934. The paper examines the reasons for the liquidation of history as an independent academic discipline in the early post-revolutionary years, the dominance of sociological schemes by the school of M. N. Pokrovsky, and the subsequent crisis of "subjectless" education. Particular emphasis is placed on the shift in the early 1930s, which culminated in the 1934 decrees on the restoration of civil history. The author concludes that the return to systematic history teaching was dictated by the tasks of state-building and the need to forge a new Soviet identity and patriotism.

Key words: history education, Pokrovsky school, civil history, Soviet school, Narkompros.

* © Чжао Фань, 2026.

Введение

Процесс становления советского исторического образования в период 1917–1934 гг. являлся ареной острой борьбы между утопическими педагогическими теориями и прагматическими задачами государственного строительства. После прихода большевиков к власти классическая модель преподавания истории, ориентированная на фактографию и государственность, была отвергнута как идеологически враждебная. На начальном этапе советской власти история как автономная дисциплина была фактически ликвидирована, уступив место политизированным курсам, направленным на размывание национального самосознания в пользу глобальной классовой солидарности [20, с. 15].

Интеллектуальный ландшафт 1920-х годов определялся жестким отрицанием преемственности с «проклятым прошлым», что привело к доминированию социологических схем, лишенных конкретных имен и дат. Однако к началу 1930-х годов, в условиях перехода к форсированной индустриализации и осознания неизбежности масштабного военного столкновения, партийное руководство инициировало радикальный возврат к «гражданской истории». Этот маневр был продиктован необходимостью создания нового советского патриотизма, который требовал реабилитации героических страниц национального прошлого в рамках марксистского канона [9, с. 82].

Целью статьи является анализ системной трансформации исторического образования от периода «комплексных программ» и лабораторных методов до восстановления классической университетской и школьной модели в 1934 году. Исследование базируется на изучении механизмов внедрения новых образовательных стандартов, которые превратили историю из вспомогательного инструмента обществоведения в центральный элемент государственной идеологии [12, с. 144].

Радикальный разрыв: ликвидация истории как школьного предмета (1917–1920-е гг.)

Сразу после Октябрьской революции Наркомпрос провозгласил курс на «деисторизацию» образования, рассматривая изучение прошлого как форму пропаганды старого строя. В постановлениях 1918 года история была официально исключена из списка обязательных предметов Единой трудовой школы, а её место заняли прикладные дисциплины. Основной задачей педагогов стало не трансляция знаний о прошлом, а формирование «классового чутья» через анализ текущей политической ситуации [26, с. 42].

Внедрение так называемых «программ ГУСа» (Государственного ученого совета) привело к окончательной подмене истории темами «Труд» и «Общество», где исторический материал использовался лишь фрагмен-

тарно для иллюстрации стадий угнетения. Учащиеся больше не изучали последовательную смену эпох; вместо этого им предлагалось исследовать «эволюцию систем обмена» или «историю борьбы за хлеб». Такой подход приводил к полному разрушению временных связей в сознании молодежи [4, с. 58].

Радикальная педагогика того времени требовала активного разоблачения «национальных героев», чьи образы объявлялись воплощением классового насилия. Учебные курсы фокусировались на «истории колониальной экспансии царизма», намеренно игнорируя любые созидательные аспекты государственного строительства. Школа была ориентирована на подготовку интернационалиста, для которого родная история являлась исключительно историей «позора и рабства» [15, с. 12].

Теоретической базой деструкции исторического образования служило убеждение в том, что «фактология» является пережитком буржуазной науки, скрывающим законы диалектики. В методических рекомендациях 1920-х годов учителям предписывалось избегать заучивания дат и имен, заменяя их анализом производственных отношений и способов эксплуатации. Это привело к ситуации, когда выпускники школ часто не могли назвать век начала правления Петра I, но свободно оперировали терминами «меркантилизм» и «первоначальное накопление» [1, с. 114].

Институциональный кризис усугублялся ликвидацией специализированных исторических кафедр в университетах и созданием ФОНов (факультетов общественных наук), где история преподавалась в максимально сжатом виде. Профессиональное сообщество историков было дезорганизовано, а многие ученые «старой школы» отстранены от работы с молодежью. Подготовка кадров свелась к зазубриванию партийных директив по истории классовой борьбы [17, с. 45].

К середине 1920-х годов результаты этого эксперимента выразились в тотальной потере преемственности поколений. Отказ от преподавания гражданской истории создал слой людей, лишенных культурно-исторического фундамента, что стало вызывать тревогу даже у части партийного аппарата. Необходимость восстановления дисциплины стала очевидной в условиях, когда «мировая революция» затянулась, а стране потребовались устойчивые внутренние смыслы для долгосрочного существования.

Господство социологических схем и школа М.Н. Покровского

К середине 1920-х годов советское историческое образование окончательно перешло на рельсы «экономического детерминизма», где ключевым объектом изучения стали не события, а социально-экономические структуры. В учебных планах доминировала концепция последовательной смены формаций, при которой история России лишалась своей специфики и рас-

сматривалась лишь как периферийный вариант общемирового процесса развития капитализма. Личность в рамках такого подхода воспринималась как статистическая единица, полностью подчиненная объективным законам движения материи [23, с. 142].

Особенностью преподавания в этот период стал «социологический схематизм», при котором конкретный исторический факт приносился в жертву абстрактной марксистской категории. История в школах трансформировалась в безликий перечень стадий эксплуатации, где вместо анализа политических решений предлагалось изучение экономических показателей и форм присвоения прибавочного продукта. Это привело к тому, что учащиеся теряли способность воспринимать историю как живой, развивающийся процесс, наполненный человеческой волей [22, с. 84].

Официальная идеология через образовательные программы вела активную борьбу с «мифами» прошлого, под которыми понимались любые проявления национального самосознания. Деятельность выдающихся деятелей прошлого – от святителей до полководцев – подвергалась тотальному осмеянию или замалчиванию как проявление «классового эгоизма». Учебные пособия того времени концентрировались исключительно на истории народных движений и бунтов, игнорируя созидательную роль государства в обеспечении безопасности и единства страны [10, с. 24].

Центром подготовки новых педагогических кадров, свободных от «академических предрассудков», стал Институт красной профессуры. В его стенах под жестким надзором партийных теоретиков ковались догмы, которые затем транслировались во все вузы страны. Любая попытка исследователя проявить интерес к деталям быта или дипломатическим тонкостям вне рамок классового подхода объявлялась проявлением «гнилого либерализма» и решительно пресекалась [8, с. 76].

К концу 1920-х годов в системе образования сложилась ситуация, когда история как наука была фактически подменена «историческим материализмом». Преподавание велось по жестким шаблонам, которые исключали возможность критического осмысления источников. История превратилась в суррогат социологии, направленный на механическое заучивание схем развития производства, что полностью лишало молодежь понимания национальных традиций и культурного кода [19, с. 154].

Однако деградация исторического знания вскоре вызвала протест со стороны учителей-практиков, которые столкнулись с невозможностью преподавать «голые схемы» в условиях массовой школы. Школьники, способные рассуждать о «классовой сущности феодализма», не могли локализовать во времени правление Ивана III или Петра I, что создавало хаос в их сознании. Данная ситуация стала первым сигналом о необходимости возвращения к событийной, гражданской истории [7, с. 102].

Кризис «безобразного» образования и поворот начала 1930-х гг.

На рубеже десятилетий партийное руководство осознало, что политика «безобразного» образования, лишившая историю конкретики, зашла в тупик. Отсутствие в сознании молодежи четкой хронологической сетки и конкретных исторических образов мешало проведению эффективной государственной пропаганды. Школа фактически перестала выполнять свою функцию по формированию гражданской идентичности, что было недопустимо в условиях перехода к «сталинскому» этапу строительства социализма [15, с. 48].

Резкое изменение внешнеполитического вектора потребовало отказа от чисто интернационалистских установок в пользу «советского патриотизма». Стало очевидно, что мобилизовать массы на индустриальный подвиг невозможно без опоры на примеры великих предков и осознания себя наследниками побед прошлого. Это поставило вопрос о немедленной реабилитации русской истории как процесса становления могущественного государства [21, с. 153].

В 1931–1932 годах партийные постановления нанесли сокрушительный удар по «методическому прожектерству» и попыткам заменить урок «комплексными проектами». Наркомпрос обязали вернуть в школу систематическое изучение основ наук, где история должна была занять место стержневой дисциплины. Был провозглашен курс на восстановление авторитета учителя и возвращение к учебнику как основному источнику знаний [6, с. 14].

Личное участие И. В. Сталина в дискуссиях о прошлом придало реформе необратимый характер. В своих замечаниях к проектам учебников вождь жестко критиковал социологический подход за то, что в нем «Россия была лишена своего лица». Сталин требовал наполнить историю живыми образами государственников и героев, которые могли бы служить примером для подражания новому поколению советских людей [13, с. 312].

Комиссия под руководством Жданова и Кирова, работавшая в 1934 году, стала инструментом демонтажа монополии школы Покровского. В ходе её заседаний было заявлено, что история России – это не только цепь страданий угнетенных масс, но и процесс созидания великой культуры и государственности. Это означало радикальную смену знака: от «самобичевания» прошлого к его «героизации» для нужд настоящего [5, с. 412].

Издание совместного постановления СНК и ЦК от 16 мая 1934 года «О преподавании гражданской истории» подвело черту под периодом «беспредметности». Документ закрепил обязательность хронологического принципа и вернул в школу изучение событий в их строгой последовательности. Этот момент стал датой рождения советской исторической школы в её классическом виде, ориентированной на воспитание государственника и патриота [18, с. 1].

Результаты реформы и институционализация новой модели

Институциональным фундаментом новой образовательной политики

стало восстановление исторических факультетов в Московском и Ленинградском государственных университетах в 1934 году, что ознаменовало возврат к классической модели университетского образования. Это решение позволило преодолеть затянувшийся кризис профессиональной подготовки кадров, возникший после ликвидации исторических кафедр в начале 1920-х годов. Возрождение истфаков создало условия для синтеза академических традиций дореволюционной школы с марксистской методологией, что обеспечило приток квалифицированных педагогов в систему массового образования [16, с. 115].

Одной из ключевых мер по стабилизации учебного процесса стало издание единых государственных учебников, призванных устранить идеологический разнобой и методическое «прожектерство» прошлых лет. Учебная литература нового поколения была ориентирована на четкое хронологическое изложение событий и реабилитацию образов выдающихся государственных деятелей, рассматриваемых теперь как прогрессивных строителей централизованной власти. Внедрение этих пособий позволило государству установить монополию на историческую истину и сформировать у учащихся целостную картину прошлого [11, с. 5].

В постсоветской историографии подчеркивается, что реформы середины 1930-х годов привели к формированию специфического «советского патриотизма», в котором классовый подход был вторичен по отношению к государственным интересам. Историческое образование превратилось в мощный инструмент социальной интеграции, направленный на легитимацию власти через апелляцию к героическому прошлому русского народа. Эта трансформация позволила подготовить общественное сознание к мобилизационным вызовам и будущим военным угрозам, создав устойчивый национально-государственный миф [2, с. 185; 3, с. 702].

Практическая реализация политики исторического образования сопровождалась жесткой регламентацией научной деятельности и окончательным закреплением сталинской версии истории в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Данный труд стал обязательным каноном не только для партийного просвещения, но и для всей системы высшего и среднего образования, предопределив догматизацию исторического знания на многие десятилетия. Любая научная интерпретация, выходящая за рамки этого текста, пресекалась как политическая неблагонадежность [14, с. 250].

Современные исследователи указывают на то, что институционализация новой модели образования сопровождалась масштабным государственным заказом на развитие академической инфраструктуры, включая археологию и архивное дело. Создание Института истории АН СССР и начало издания многотомных серий по истории страны придали советскому историческому нарративу статус академической объективности. Государ-

ство успешно использовало научный авторитет историков для трансляции обновленной идеологии широким массам [24, с. 120].

Итогом рассматриваемого периода стало создание уникальной педагогической системы, сочетавшей строгость классического образования с тотальным идеологическим контролем. К середине 1930-х годов была полностью выстроена вертикаль исторического воспитания от начальной школы до аспирантуры, что обеспечило интеллектуальную консолидацию общества на базе единого видения прошлого. Эта система продемонстрировала высокую устойчивость, сохранив свои базовые параметры вплоть до конца советской эпохи [25, с. 192].

Заключение

Трансформация исторического образования в России в 1917–1934 гг. прошла сложный путь от радикального отрицания исторической преемственности до восстановления гражданской истории в качестве идеологического фундамента государства. Начальный этап советской власти характеризовался попыткой заменить системное изучение прошлого социологизированными схемами обществоведения, что привело к деградации исторического сознания молодежи и потере связи с национальными культурными традициями. Господство «школы Покровского» с её экономическим детерминизмом лишило образовательный процесс конкретики и героических образов, создав опасный интеллектуальный вакуум в условиях государственного строительства.

Поворот начала 1930-х годов, закрепившийся в постановлениях 1934 года, стал актом политического прагматизма, продиктованным необходимостью укрепления государственности и воспитания советского патриотизма. Возврат к хронологическому принципу преподавания, восстановление истфаков и создание единых учебников позволили власти синтезировать марксистскую идеологию с национально-государственным нарративом. История превратилась из «политики, опрокинутой в прошлое», в эффективный инструмент мобилизации общества, способный транслировать идеи преемственности побед и достижений страны.

В конечном итоге, итоги этого периода предопределили облик отечественного образования на десятилетия. Созданная в середине 1930-х годов модель исторического просвещения успешно решила задачу идеологической консолидации, но одновременно ограничила научный поиск жесткими рамками партийного контроля. Несмотря на это, именно в указанный период были заложены основы систематического массового изучения истории, сформировавшие кругозор нескольких поколений советских граждан и обеспечившие устойчивость государственной системы перед лицом глобальных исторических вызовов.

Список литературы

1. Блонский П.П. Трудовая школа / П.П. Блонский. – Владивосток: Изд. Дальневосточного краевого союза земств и городов («Далькрайземгор»), 1921. 299 с.
2. Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941 / Д. Бранденбергер; пер. с англ. А.А. Пешкова, Е.С. Володиной. – Москва: Политическая энциклопедия, 2017. 367 с.
3. Георгиева Н.Г. [Рецензия] Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 3. С. 699-709.
4. Дзюбинский С.Н. Очерки методики обществоведения в школе II ступени / С.Н. Дзюбинский, Б.В. Жаворонков, С.С. Сингалевич. – Казань: Татиздат, 1927. 147 с.
5. Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.) / А.М. Дубровский. – Москва: РОССПЭН, 2017. 621 с.
6. Жданов А.А. Итоги июньского пленума ЦК ВКП(б) и задачи Ленинградской партийной организации: доклад на собрании партактива Ленинграда 13-14 июня 1935 г. / А.А. Жданов. – Москва; Ленинград: Партиздат, 1935. 29 с.
7. Зиновьев М.А. Очерки методики преподавания истории / М.А. Зиновьев; под ред. С.Д. Сказкина. – Москва: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1955. 184 с.
8. Иванова Л.В. У истоков советской исторической науки: (подготовка кадров историков-марксистов в 1917–1929 гг.) / Л. В. Иванова. – Москва: Мысль, 1968. 197 с.
9. Историческая наука в 20–30-е годы: «Круглый стол» Научного совета по историографии и источниковедению // История и историки / отв. ред. И.Д. Ковальченко. – Москва: Наука, 1990. С. 64-105.
10. Каталог учебников и учебных пособий для школ I и II ступени. – Москва: Гос. изд-во. Торг. сектор, 1924. 40 с.
11. Краткий курс истории СССР: учебник для 3-го и 4-го классов / под ред. А.В. Шестакова. – Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1937. 223 с.
12. Культурное строительство в СССР, 1917–1927: разработка единой гос. политики в обл. культуры: документы и материалы / отв. ред. А. П. Ненароков. – Москва: Наука, 1989. 381 с.
13. Ленин, В. И. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б) / В.И. Ленин, И. В. Сталин. – Москва: Партиздат, 1936. 3 т.
14. Маслов Н.Н. Краткий курс истории ВКП(б) – энциклопедия и идеология сталинизма и постсталинизма: 1938–1988 гг. // Советская историография / под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. – Москва: РГГУ, 1996. С. 248-256.
15. О преподавании истории в школе: Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) и руководящие статьи. – Москва: Наркомпрос РСФСР – Учпедгиз, 1936. 96 с.
16. Отечественная история, XX век: учебное пособие для педучилищ и пед. колледжей / под ред. А.В. Ушакова. – Москва: Агар, 1996. 510 с.
17. Покровский М.Н. Борьба классов и русская историческая литература: лекции, читанные в Коммунистическом ун-те им. Зиновьева 3–7 мая 1923 г. / М. Н. Покровский. – 2-е изд. – Ленинград: Прибой, 1927. 123 с.
18. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1934. 16 мая. № 113.
19. Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского: сб. ст. / отв. ред. Б. Д. Греков. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1939–1940. 2 т.
20. Равкин З.И. Советская школа в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.) / З.И. Равкин; под ред. П.Н. Шимбирева. – Москва: Учпедгиз, 1959. 275 с.
21. Родионова И.В. Становление концепции советского патриотизма / И. В. Родионова // Власть. 2009. № 4. С. 152-156.
22. Соколов В.Ю. Проблема предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции в дискуссиях советских историков 1920 – начала 1930-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. Ю. Соколов. – Томск, 1984. 24 с.
23. Стребкова Н.В. Саратовское студенчество: повседневность в условиях становления и развития советского образования в провинции (1917–1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук / Н.В. Стребкова. – Саратов, 2015. 343 с.
24. Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953) / В. В. Тихонов. – Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. 424 с.
25. Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – вторая половина 1930-х гг.) / А.Н. Фукс. – 2-е изд. – Москва: МГОУ, 2017. 419 с.
26. Школа-коммуна Наркомпроса: из опыта Моск. опытно-показ. школы-коммуны им. П.Н. Лепешинского / под ред. М.М. Пистрака. – Москва: Работник просвещения, 1924. 279 с.
27. Мельник С.В. Опыт преподавания дисциплин по тематике межрелигиозного диалога в российских ВУЗах // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 14-26.

Reference

1. Blonsky P.P. Labor School. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern Regional Union of Zemstvos and Cities (Dalkraizemgor), 1921, 299 p.
2. Brandenberger D. The Crisis of Stalin's Agitation Propaganda: Propaganda, Political Education, and Terror in the USSR, 1927–1941. Translated from English by A.A. Peshkova and E.S. Volodina. Moscow: Political Encyclopedia, 2017. 367 p.
3. Georgieva, N.G. [Review]. Brandenberger, D. The Crisis of Stalin's Agitation Propaganda. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia. 2019. Vol. 18. № 3. P. 699-709.
4. Dzyubinsky S.N. Essays on the Methodology of Social Science in Second-Level Schools / S.N. Dzyubinsky, B.V. Zhavoronkov, S. S. Singalevich. – Kazan: Tatizdat, 1927. 147 p.
5. Dubrovsky A.M. Power and Historical Thought in the USSR (1930s–1950s) / A. M. Dubrovsky. – Moscow: ROSSPEN, 2017. 621 p.
6. Zhdanov A.A. Results of the June Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the Tasks of the Leningrad Party Organization: Report at the Meeting of the Leningrad Party Activists on June 13–14, 1935 / A.A. Zhdanov. – Moscow; Leningrad: Partizdat, 1935. 29 p.
7. Zinoviev M.A. Essays on Methods of Teaching History / M.A. Zinoviev; edited by S.D. Skazkin. – Moscow: Publishing house of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, 1955. 184 p.
8. Ivanova L.V. At the Origins of Soviet Historical Science: (Training of Marxist Historians in 1917–1929) / L.V. Ivanova. – Moscow: Mysl, 1968. 197 p.
9. Historical Science in the 1920s–1930s: Round Table of the Scientific Council on Historiography and Source Studies // History and Historians / ed. I.D. Kovalchenko. – Moscow: Nauka, 1990. P. 64-105.
10. Catalog of Textbooks and Teaching Aids for Schools of the First and Second Levels. – Moscow: State Publishing House. Trade Sector, 1924. 40 p.
11. A Brief Course in the History of the USSR: Textbook for Grades 3 and 4 / edited by A.V. Shestakov. – Moscow: State Educational and Pedagogical Publishing House, 1937. 223 p.
12. Cultural Construction in the USSR, 1917–1927: Development of a Unified State Policy in the Field of Culture: Documents and Materials / edited by A.P. Nenarokov. – Moscow: Nauka, 1989. 381 p.
13. Lenin V.I. Collection of Works on the Study of the History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) / V.I. Lenin, I.V. Stalin. – Moscow: Partizdat, 1936. 3 vols.
14. Maslov N.N. A short course on the history of the CPSU (b) - encyclopedia and ideology of Stalinism and post-Stalinism: 1938–1988. // Soviet historiography / edited by. ed. Yu.N. Afanasyeva. – Moscow: Russian State University for the Humanities, 1996. P. 248-256.
15. On teaching history at school: Resolutions of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and guiding articles. – Moscow: People's Commissariat of Education of the RSFSR - Uchpedgiz, 1936. 96 p.
16. Domestic history, XX century: textbook for teacher training colleges and teachers. colleges / ed. A.V. Ushakova. – Moscow: Agar, 1996. 510 p.
17. Pokrovsky M.N. Class Struggle and Russian Historical Literature: Lectures Delivered at the Zinoviev Communist University on May 3–7, 1923 / M.N. Pokrovsky. – 2nd ed. – Leningrad: Priboy, 1927. 123 p.
18. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) "On the Teaching of Civil History in Schools of the USSR" // Izvestiya of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee. 1934. May 16. № 113.
19. Against the Anti-Marxist Concept of M.N. Pokrovsky: Collection of Articles / Ed. B.D. Grekov. – Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1939–1940. 2 v.
20. Ravkin Z.I. The Soviet School during the Period of National Economic Recovery (1921–1925) / Z.I. Ravkin; edited by P.N. Shimbirev. – Moscow: Uchpedgiz, 1959. 275 p.
21. Rodionova I.V. Formation of the Concept of Soviet Patriotism / I.V. Rodionova // Vlast. 2009. № 4. P. 152-156.
22. Sokolov V.Yu. The Problem of Prerequisites for the Great October Socialist Revolution in the Discussions of Soviet Historians of the 1920s – Early 1930s: Abstract of Cand. Sci. (Hist.) Dissertation / V.Yu. Sokolov. – Tomsk, 1984. 24 p.
23. Strebkova N.V. Saratov Students: Everyday Life in the Context of the Formation and Development of Soviet Education in the Provinces (1917–1941): Diss. ... Cand. of History / N.V. Strebkova. – Saratov, 2015. 343 p.
24. Tikhonov V.V. Ideological Campaigns of "Late Stalinism" and Soviet Historical Science (mid-1940s – 1953) / V.V. Tikhonov. – Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016. 424 p.
25. Fuchs A.N. School Textbooks on Russian History as a Historiographic Phenomenon (late 17th century – second half of the 1930s) / A.N. Fuchs. – 2nd ed. – Moscow: Moscow State University of Economics, 2017. 419 p.
26. The Commune-School of the People's Commissariat of Education: from the experience of the Moscow experimental demonstration school-commune named after P.N. Lepeshinsky / edited by M.M. Pistrak. – Moscow: Rabotnik prosveshcheniya, 1924. 279 p.
27. Melnik S.V. The experience of teaching disciplines on interreligious dialogue in Russian universities // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 14-26.

Антипова А.А.

Кандидат филологических наук, доцент факультета иностранных языков и регионоведения. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

История сохранения объекта культурного наследия (на примере жилого флигеля в переулке Чернышевского)*

Аннотация. Сегодня во время стремительного развития городской системы крайне важной задачей является сохранение исторической части города, памятников архитектуры, знаковых мест и объектов. К основным методам сохранения объектов культурного наследия относятся консервация, реставрация, приспособление, музеефикация и др. Настоящая работа посвящена истории создания, преобразования, реставрации жилого флигеля, расположенного на территории усадьбы К. Мейера (Тверской район г. Москвы, переулок Чернышевского), которая была возведена в конце XIX - начале XX вв. архитектором М.К. Геппенером. В настоящее время во флигеле располагается филиал Московского государственного музея Сергея Есенина - «Есенин-центр».

Ключевые слова: Усадьба К. Мейера, жилой флигель, модерн, М.К. Геппенер, Есенин-центр, переулок Чернышевского.

Antipova A.A.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies. Lomonosov Moscow State University.

The history of the cultural heritage site preservation (on the example of a residential wing in Chernyshevsky Lane)

Abstract. Today, during the rapid development of the urban system, it is an extremely important task to preserve the historical part of the city, architectural monuments, iconic places and objects. The main methods of preserving cultural heritage sites include conservation, restoration, adaptation, museification, etc. This work is devoted to the history of the creation, transformation, and restoration of a residential wing located on the territory of the estate of K. Meyer (Tverskaya district of Moscow, Cherny-

* © Антипова А.А., 2026.

shevsky Lane), which was erected in the late 19th and early 20th centuries by architect M.K. Geppener. Currently, the wing houses a branch of the Moscow State Museum of Sergei Yesenin, the Yesenin Center.

Key words: the estate of K. Meyer, residential wing, modern, M.K. Geppener, the Yesenin Center, Chernyshevsky Lane.

В конце XIX века Карл Мейер, владелец торгового дома резиновых изделий в Москве, заказал проект усадьбы русскому архитектору немецкого происхождения Максиму Карловичу Геппенеру. Геппенер был в то время известным архитектором, членом Московского архитектурного общества (МАО). Среди зданий, возведенных им в родной Москве, - гимназии, училища, приюты, Мытищинская, Алексеевская и Рублевская водопроводные станции, Крестовские водонапорные башни, жилые дома [1].

М. К. Геппенер работал, в основном используя эклектику, «именно это направление совпало с годами его творческого становления» [2], но и модерн также не остался без его внимания.

В 1894 г. во 2-м Мариинском переулке (с 1922 г. переулок Чернышевского) для Мейера по проекту Геппенера возвели ансамбль городской усадьбы, который включал главный дом - деревянный жилой дом на каменном подклете (совр. д. 4, стр. 1) и хозяйственный флигель, располагавшийся в глубине участка, к востоку от главного дома (совр. д. 4, стр. 2).

Усадьбу, выходившую торцевым фасадом на красную линию 2-го Мариинского переулка, фланкировала ограда с воротами для въезда во двор с северной стороны. С южной стороны был устроен въезд в усадьбу с каменными пилонами ворот и калиткой, а вокруг дома был разбит сад [3].

Хозяйственная постройка, возведенная в 1894 г., претерпела существенные изменения в 1905 г. и 1930-х гг. (см. рисунок 1-3) [3].

Итак, в 1905 г. флигель был перестроен под жилье по проекту того же самого М.К. Геппенера. В моде уже господствовал стиль модерн, формам которого архитектор и последовал. Перестроенная часть здания, видимая со стороны переулка, получила выразительное архитектурное решение с высотным акцентом по оси - граненым ризалитом, увенчанным шатровой кровлей. Аналогично, но без шатрового перекрытия, был оформлен парадный вход на боковом фасаде. В двухэтажном объеме разместилась одна квартира с парадными и подсобными помещениями на первом этаже, кабинетами и спальней с санузлом – на втором. Этажи связывала парадная лестница с красивой ажурной ковкой.

В 1905 г. Мейер вместе со своей супругой Аделью Александровной организовали в этом флигеле литературный кружок, где собирались писатели и поэты, в том числе члены Суриковского литературно-музыкального круж-

ка, которые не имели своего постоянного помещения [4].

Суриковский кружок был организован в 1905 г. Иваном Захаровичем Суриковым, который сам происходил из крепостных и считался народным поэтом. Он объединил вышедших из народа поэтов и писателей, среди которых были А. Бакулин, И. Лебедев, С. Дергунов, И. Родионов и др. [5]. Любопытно, что Суриковские собрания посещал и С. Есенин. В 1913 году он написал заявление о приеме в Суриковский музыкально-литературный кружок [6].

После смерти К.К. Мейера в 1908 г. усадьба перешла в собственность его супруги Адели Мейер.

Судьба подобных особняков была типична: после 1917 г. владение было национализировано. Главный дом и флигель использовались под жилье, затем под учреждения.

В 1918 году во флигеле располагался 3-й пролетарский музей, о чем свидетельствуют фотографии из архива Государственного научно-исследовательского музея архитектуры имени А.В. Щусева [7] (см. рисунок 4).

История пролетарских музеев в Москве интересна (всего их в городе было восемь). Цель их создания заключалась в сохранении национализированных культурных ценностей. «Пролетарские музеи вошли в историю художественной жизни Москвы как новая самобытная форма работы художественных музеев с неподготовленной аудиторией» [8]. Просуществовали пролетарские музеи недолго: с 1918-го по 1925-й гг., однако сыграли определенную роль в поиске новых средств музейной работы – выставочной и просветительской. Основной причиной закрытия музеев называют дефицит материальных и кадровых ресурсов в то время. Если про другие пролетарские музеи можно найти больше информации в архивах, то про интересующий нас Третий пролетарский музей Краснопресненского района (как и Восьмой пролетарский музей Благуше-Лефортовского района) известно только, что он был ликвидирован в 1921 г. [8].

Интерьер 3-го пролетарского музея представлен на четырех фотографиях из архива Музея архитектуры имени А.В. Щусева. Другим материалом музей не располагает. В комнатах для посетителей предметы были собраны произвольным образом, не было атрибуции, этикетажа, системы ограждения. На фотографиях видно периметрально составленную мебель, плотный тип развески картин, расстеленные ковры, по которым можно было ходить посетителям (см. рисунок 5).

В 1921 году музей закрывают. В 1930-е гг. флигель приобретает новый функционал: одноэтажная восточная часть здания была надстроена вторым этажом, что привело к изменению пространственно-планировочной структуры с пробивкой окон на брандмауэрной стене. Таким образом, основной объем здания стал двухэтажным, его прямоугольную форму в пла-

не усложнили граненые выступы ризалитов в западном торце. В дальнейшем, в здании проводились многократные ремонты с перепланировкой. Во флигеле размещались коммунальные квартиры. Оформление интерьеров в западной части было полностью утрачено, за исключением интерьера парадной лестницы.

В 1960-1970-е гг. жильцов коммуналок выселили из-за аварийного состояния дома, и дом пребывал в забвении, постепенно разрушаясь (см. рисунок 6).

Во второй половине 80-х годов здание реконструировали: у флигеля обновили крышу, здание покрасили, вставили недостающие стекла в окна.

В 1990-е гг. были утрачены пилоны въездных ворот в усадьбу, историческую ограду по переулку разобрали и выстроили на ее месте новую. При этом сохранили исторические металлические решетчатые заполнения прясел прежней ограды.

С 2008 года флигель становится филиалом Московского государственного музея С.А. Есенина. На фасаде здания появляется барельеф с портретом русского поэта [4]. В 2010 гг. в здании ведутся работы по приспособлению флигеля под музейные функции [3].

После реставрации флигель представляет собой прямоугольное кирпичное двухэтажное здание с подвалом, с высотным акцентом по оси – граненым ризалитом, увенчанным шатровой кровлей. С северной стороны расположен главный вход, оформленный граненым ризалитом башенного вида с балконом на втором этаже и одноэтажной пристройкой с левой стороны фасада. Главный фасад акцентирован угловыми рустованными лопатками. Окна западного и северного фасадов имеют историческую расстекловку, украшены рамочными профилированными наличниками с лучковым завершением с подоконными полочками, замковыми камнями (см. рисунок 7).

В 2015-2019 гг. в здании проводились работы по реставрации и приспособлению под современное использование.

На лестничных пролетах парадной лестницы сохранена метлахская плитка. Форма и размер дверей частично сохранены, частично реставрированы. Осталась и парадная двухмаршевая лестница на косоурах с металлическим ограждением и деревянными перилами, с каменными ступенями и ажурным металлическим ограждением с цветочным акцентом (см. рисунок 8-9).

В настоящее время на базе Московского государственного музея С.А. Есенина действует «Есенин-центр» с творческими студиями. Здание используется как объект культурно-досуговой деятельности.

Что касается главного здания, то сейчас в нем располагается частная британская школа.

Рисунок 1. Графическое приложение к предмету охраны объекта культурного регионального значения (памятника) «Флигель городской усадьбы К.А. Мейера, архитектор М.К. Геппенер».

Источник: https://www.mos.ru/dkn/documents/discussions/view/20812221/

Рисунок 2. Графическое приложение к предмету охраны объекта культурного регионального значения (памятника) «Флигель городской усадьбы К.А. Мейера, архитектор М.К. Геппенер».

Источник: https://www.mos.ru/dkn/documents/discussions/view/20812221

Рисунок 3. Графическое приложение к предмету охраны объекта культурного регионального значения (памятника) «Флигель городской усадьбы К.А. Мейера, архитектор М.К. Геппенер».

Источник: https://www.mos.ru/dkn/documents/discussions/view/20812221

Рисунок 4. 3-й пролетарский музей (быв. Флигель усадьбы К.А. Мейера), пер. Чернышевского 4, стр. 2 (быв. 2-й Мариинский пер.), 1918 г.

Источник: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=14147286

Рисунок 5. 3-й пролетарский музей. Москва, 1918 г.

Источник: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=14147286

В советское время красивый особняк не обошли вниманием кинематографисты. Главное здание можно увидеть в фильме «Подросток» (снятому по роману Ф.М. Достоевского), а также в «Служебном романе» режиссера Э. Рязанова (здесь жил главный герой фильма Новосельцев Анатолий Ефремович).

Список литературы

1. Московский журнал. История государства Российского: ежемесячное литературно-художественное, историко-краеведческое издание. – М.: 2025. № 2 (410). С. 13.
2. Нащокина, Мария Владимировна. Сто архитекторов московского модерна. – М.: Изд-во: Жираф, 2000.

Рисунок 6. Флигель. Москва, 1982 г.
Источник: https://pastvu.com/p/18512

Рисунок 7. Флигель. Москва, 2025 г. Фото автора.

Рисунок 8. Ажурная лестница с цветочным акцентом. 2025 г. Фото автора.

Рисунок 9. Метлахская плитка. 2025 г. Фото автора.

С. 83.
3. Акт государственной историко-культурной экспертизы выявленного объекта культурного наследия «Жилой флигель, 1894 г., арх. М.К.Геппенер», расположенного по адресу: г. Москва, пер. Чернышевского, д. 4, стр. 2 // URL: https://www.mos.ru/dkn/documents/discussions/view/20812221/ (Дата обращения: 12.01.01.2026)
4. Московский журнал. История государства Российского. 2021. № 8 (368). С. 44.
5. Лебедева С.Н. Из истории кружка «Писателей из народа» // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. №1, том1, 2020. С.2 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-kruzhka-pisateley-iz-naroda/viewer (Дата обращения: 15.01.2026)
6. Заявление о приеме в Суриковский литературно-музыкальный кружок. Конец 1914 - начало 1915 г. // URL: https://esenin-lit.ru/esenin/documents/author/document-30.htm (Дата обращения: 16.01 2026)
7. Госкаталог.рф // URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=14147286 (Дата обращения: 25.12.2025)
8. Безрукова Н.Б. Пятый Пролетарский музей. История создания и деятельности художественного музея Москвы в 1920-е гг. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 8. С. 52-53, 56.
9. Милованов А.В. Свободное воспитание как педагогическая парадигма в отечественной образовательной мысли конца XIX века // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 236-244.

Reference

1. Moskovsky Zhurnal. History of the Russian State: a monthly literary, artistic, historical and local history publication. – Moscow: 2025. № 2 (410). P. 13.
2. Nashchokina, Maria Vladimirovna. One Hundred Architects of Moscow Art Nouveau. – Moscow: Giraffe Publishing House, 2000. P. 83.
3. Act of the state historical and cultural examination of the identified cultural heritage site "Residential Outbuilding, 1894, architect M.K. Geppener", located at the address: Moscow, Chernyshevsky Lane, 4, building 2 // URL: https://www.mos.ru/dkn/documents/discussions/view/20812221/ (12.01.01.2026)
4. Moskovsky Zhurnal. History of the Russian State. 2021. № 8 (368). P. 44.
5. Lebedeva S.N. From the history of the "Writers from the People" circle // Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. № 1. Volume 1. 2020. P. 2 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-kruzhka-pisateley-iz-naroda/viewer (15.01.2026)
6. Application for admission to the Surikov Literary and Musical Circle. Late 1914 - Early 1915 // URL: https://esenin-lit.ru/esenin/documents/author/document-30.htm (16.01 2026)
7. Goskatalog.rf // URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=14147286 (25.12.2025)
8. Bezrukova N.B. The Fifth Proletarian Museum. History of the Creation and Activities of the Moscow Art Museum in the 1920s // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies". 2020. № 8. P. 52-53, 56.
9. Milovanov A.V. Free education as a pedagogical paradigm in domestic educational thought at the end of the 19th century // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 236-244.

Беляев Д.В.
Аспирант, ассистент кафедры История ФБГОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

План голода на оккупированных территориях СССР: цели, механизмы реализации и демографические последствия нацистской оккупационной политики (1941–1944 гг.)*

Аннотация. В статье рассматривается «План голода» (Hungerplan), разработанный руководством нацистской Германии в ходе подготовки и ведения войны против Советского Союза. Анализируются цели данной стратегии, её место в системе нацистской оккупационной политики и механизмы реализации на оккупированных территориях СССР в 1941–1944 гг. Особое внимание уделяется политике изъятия продовольственных ресурсов, системе распределения продовольствия и ограничениям снабжения местного населения. Hungerplan являлся не только инструментом экономической эксплуатации оккупированных территорий, но и частью более широкой идеологической стратегии нацистского режима. В статье рассматриваются социально-экономические и демографические последствия реализации данной политики, а также её значение для понимания характера нацистской оккупации и масштабов гуманитарной катастрофы на востоке Европы.

Ключевые слова: «План голода», нацистская оккупация, нацистская Германия, СССР демографические последствия, оккупационный режим.

Belyaev D.V.
Postgraduate student, Assistant of the Department of History, Vladimir Dahl Luhansk State University.

The famine plan in the occupied territories of the USSR: goals, implementation mechanisms and demographic consequences of the Nazi occupation policy (1941-1944)

Abstract. The article examines the “Hunger Plan”, developed by the leadership of Nazi Germany during the preparation and conduct of the war against the Soviet Union.

* © Беляев Д.В., 2026.

The article analyzes the objectives of this strategy, its place in the system of Nazi occupation policy and the mechanisms of implementation in the occupied territories of the USSR in 1941-1944. Special attention is paid to the policy of withdrawal of food resources, the food distribution system and restrictions on the supply of local population. It is shown that Hungerplan was not only a tool for the economic exploitation of the occupied territories, but also part of the broader ideological strategy of the Nazi regime. The article examines the socio-economic and demographic consequences of the implementation of this policy, as well as its significance for understanding the nature of the Nazi occupation and the scale of the humanitarian catastrophe in eastern Europe.

Key words: «Hunger Plan», Nazi occupation, Nazi Germany, USSR demographic consequences, occupation regime.

Актуальность исследования политики «Плана голода» на оккупированных территориях Советского Союза в 1941–1944 гг. обусловлена необходимостью более глубокого изучения механизмов нацистской оккупационной политики и её социально-экономических последствий. Hungerplan являлся важным элементом стратегии Третьего рейха на востоке Европы, сочетавшим экономические задачи обеспечения Германии продовольствием с идеологическими установками, направленными на радикальное изменение демографической структуры региона. Анализ целей и способов реализации этой политики позволяет выявить взаимосвязь между хозяйственными решениями, военными задачами и расово-идеологическими принципами нацистского режима.

Исследование данной темы также имеет значение для понимания масштабов гуманитарной катастрофы, пережитой населением оккупированных территорий СССР. Массовая гибель мирных жителей была обусловлена не только военными действиями и репрессивной политикой, но и системными экономическими мерами, направленными на изъятие продовольственных ресурсов и лишение населения средств к существованию. Рассмотрение Hungerplan как сознательно разработанного инструмента оккупационной политики позволяет более полно оценить демографические последствия войны и углубить научное представление о характере нацистского господства на востоке Европы.

План голода (нем. *Hungerplan*) представлял собой одну из ключевых составляющих экономической и демографической стратегии нацистской Германии на востоке Европы в годы Второй мировой войны. Он возник в контексте подготовки к войне против Советского Союза и был непосредственно связан с идеологическими установками национал-социализма, предполагающими колонизацию восточноевропейских территорий, эксплуатацию их ресурсов и радикальное сокращение численности местного населения. В научной литературе Hungerplan рассматривается как элемент

более широкой системы нацистской оккупационной политики, включавшей экономическое разграбление, насильственную депортацию рабочей силы, уничтожение определённых социальных и этнических групп, а также создание условий, ведущих к массовой гибели людей [2, с. 33].

Формирование концепции Hungerplan относится к периоду подготовки Германии к нападению на Советский Союз. В 1940–1941 гг. в высших структурах Третьего рейха активно обсуждались вопросы снабжения германской армии и гражданского населения продовольствием в условиях затяжной войны. Германия испытывала серьёзную зависимость от внешних источников сельскохозяйственного сырья, а британская морская блокада ограничивала импорт продовольствия. В этой ситуации руководство нацистского государства рассматривало советские сельскохозяйственные районы как потенциальную ресурсную базу, которая могла обеспечить германскую экономику и вооружённые силы. Особую роль в разработке соответствующих планов сыграли экономические структуры, действовавшие при руководстве вермахта и Министерстве продовольствия и сельского хозяйства. Важное место занимали разработки статс-секретаря Министерства продовольствия Герберта Бакке, который сформулировал принципы будущей продовольственной политики на востоке [1, с. 102].

Суть Hungerplan заключалась в намеренном перераспределении продовольственных ресурсов оккупированных территорий в пользу Германии и её армии, что неизбежно должно было привести к голоду среди местного населения. При этом план не ограничивался лишь экономическими расчётами. Он был тесно связан с идеологией «расовой борьбы» и колонизационного расширения, согласно которой значительная часть населения СССР рассматривалась как избыточная и подлежащая устранению или вытеснению. В нацистских документах неоднократно подчёркивалось, что обеспечение продовольствием Германии возможно только за счёт «лишения пищи миллионов людей» на востоке. Таким образом, Hungerplan представлял собой не просто хозяйственную программу, а сознательную стратегию демографического и социального переустройства огромных пространств [2, с. 143].

В практическом отношении Hungerplan был тесно связан с экономической программой, разработанной в рамках «Плана Ольденбург», направленного на организацию эксплуатации советских ресурсов. Эти проекты предполагали разделение территории СССР на зоны различного экономического значения. Основные сельскохозяйственные регионы – прежде всего Украина, южные районы России и часть Северного Кавказа – рассматривались как источники продовольствия для Германии. Индустриальные и лесные регионы имели второстепенное значение. При этом крупные города, прежде всего Москва и Ленинград, рассматривались как центры,

население которых должно было быть лишено продовольственных поставок. В ряде документов прямо указывалось, что снабжение этих городов не входит в задачи германской администрации [3, с. 104].

Механизмы реализации Hungerplan включали систему жёсткого контроля над сельскохозяйственным производством, конфискацию продовольствия, разрушение традиционных экономических связей и ограничение перемещения населения. На оккупированных территориях создавались специальные хозяйственные структуры, подчинённые германскому военному командованию и экономическим ведомствам рейха. Они контролировали сбор урожая, распределение сельскохозяйственной продукции и транспортировку продовольствия в Германию. Значительная часть зерна, мяса, картофеля и других продуктов изымалась у местных жителей и направлялась на снабжение армии и немецкого тыла.

Одновременно нацистская администрация вводила строгую систему продовольственных норм. Различные категории населения получали неодинаковые пайки, причём их объём определялся не только хозяйственными соображениями, но и расово-идеологическими установками. Немецкие военнослужащие и гражданские специалисты обеспечивались полноценным питанием, тогда как местному населению предоставлялись минимальные нормы, зачастую недостаточные для поддержания жизни. Особенно тяжёлое положение складывалось в городах, где разрушение системы снабжения приводило к быстрому истощению запасов пищи [1, с. 77].

Важным элементом Hungerplan стало также ограничение доступа населения к сельскохозяйственным ресурсам. Во многих районах крестьяне обязаны были сдавать значительную часть урожая государству по установленным нормам. Невыполнение этих требований каралось репрессиями, вплоть до расстрелов и уничтожения деревень. Помимо этого, проводились реквизиции скота, зерна и других продуктов. В результате сельское население лишалось значительной части продовольствия, необходимого для собственного выживания [3, с. 135].

Серьёзное воздействие на продовольственную ситуацию оказала политика депортации рабочей силы. Миллионы жителей оккупированных территорий были отправлены на принудительные работы в Германию. Эти депортации нарушали сельскохозяйственный цикл и снижали возможности местного производства продовольствия. В результате многие районы сталкивались с дефицитом рабочей силы, что усугубляло последствия реквизиций и разрушения хозяйственной инфраструктуры.

Особенно тяжёлые последствия Hungerplan проявились в крупных городах и районах, оказавшихся в зоне боевых действий. Наиболее известным примером стала блокада Ленинграда, где политика изоляции и прекращения продовольственного снабжения привела к массовому голоду и

гибели сотен тысяч людей. Хотя блокада имела собственную военную логику, она также вписывалась в общую стратегию лишения населения продовольствия. Аналогичные процессы наблюдались и в других регионах, где разрушение транспортных путей и конфискация продовольствия приводили к катастрофическим условиям жизни [4, с. 221].

Демографические последствия Hungerplan оказались чрезвычайно тяжёлыми. На оккупированных территориях СССР в 1941–1944 гг. погибли миллионы мирных жителей. Причины их гибели были различными: массовые расстрелы, уничтожение деревень, депортации и тяжёлые условия труда. Однако значительная часть смертей была связана именно с голодом и болезнями, вызванными недоеданием. В городах и сельских районах фиксировались случаи массового истощения, эпидемий и высокой детской смертности.

Особое значение Hungerplan имел в контексте нацистской демографической политики. Руководство рейха рассматривало восточные территории как пространство для будущей германской колонизации. В рамках этих представлений предполагалось радикальное сокращение численности славянского населения, которое считалось «избыточным» и препятствующим освоению территории. Hungerplan должен был стать одним из инструментов такого сокращения. В сочетании с другими программами – депортациями, насильственной германизацией и уничтожением отдельных групп населения – он формировал систему демографического насилия, направленную на перестройку этнической карты Восточной Европы [5].

Следует подчеркнуть, что Hungerplan не был полностью реализован в том виде, в каком его первоначально задумывали нацистские планировщики. Быстрое развитие военных действий, сопротивление советского населения, партизанская борьба и проблемы германской администрации ограничивали возможности полного осуществления этих проектов. Тем не менее основные элементы плана были воплощены на практике и оказали разрушительное воздействие на социальную и демографическую структуру оккупированных территорий.

Современная историография рассматривает Hungerplan как важный пример взаимосвязи идеологии и экономической политики в нацистском государстве. Он демонстрирует, что хозяйственные расчёты в условиях тоталитарного режима могут быть тесно переплетены с расовыми и колониальными представлениями. Планирование продовольственного снабжения в данном случае превращалось в инструмент массового насилия и демографического давления [4, с. 156].

Исследование Hungerplan имеет большое значение для понимания характера нацистской оккупационной политики на востоке Европы. Оно показывает, что экономическая эксплуатация и уничтожение населения

рассматривались не как побочные последствия войны, а как сознательные элементы стратегии. В этом контексте голод выступал не только как результат хозяйственных трудностей, но и как целенаправленный инструмент политики, направленной на перераспределение ресурсов и изменение демографической структуры региона

Таким образом, Hungerplan являлся важнейшим компонентом нацистской политики на оккупированных территориях СССР. Он сочетал экономические, военные и идеологические цели, направленные на обеспечение Германии продовольствием и одновременное ослабление местного населения. Реализация этой политики привела к масштабным гуманитарным последствиям, выразившимся в массовом голоде, разрушении хозяйственной системы и огромных демографических потерях. В совокупности эти процессы стали одним из трагических проявлений нацистской оккупационной политики в годы Второй мировой войны.

Библиографический список:

1. Адриянов В. Архипелаг OST: судьба рабов «Третьего Рейха» в их свидетельствах, письмах и документах / В. Адриянов. – Москва: Молодая гвардия, 2005. 219 с.
2. Мюллер Р.Д. Война Гитлера на Востоке и немецкая политика переселения: совместная работа вермахта и экономики / Р.Д. Мюллер. – Берлин: Академия, 1993. 378 с.
3. Поражение германского империализма во Второй мировой войне: статьи и документы / под общ. ред. Н.Г. Павленко. – Москва: Воениздат, 1960. 291 с.
4. Преступные цели – преступные средства: документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1943–1944гг.). 3-е изд. – М.: Экономика, 1985. 328 с.
5. Советская Украина в годы Великой Отечественной Войны 1941 –1945: докум. и матер. в 3 т. – К.: Наук. думка, 1985. Т. 1. Украинская ССР в период коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г.-18 ноября 1942 г.). – К.: Экономика, 1991. С. 324-325.
6. Ткаченко В.В. Режиссура высоких идей: технологии подготовки и проведения празднования 80-летия победы в Ленинградской области // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 52-59.

Reference

1. Adriyanov V. The OST Archipelago: The Fate of the Slaves of the "Third Reich" in Their Testimonies, Letters, and Documents / V. Adriyanov. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2005. 219 p.
2. Müller R.D. Hitler's War in the East and German Resettlement Policy: The Joint Work of the Wehrmacht and the Economy / R.D. Müller. Berlin: Akademie, 1993. 378 p.
3. The Defeat of German Imperialism in World War II: Articles and Documents / edited by N.G. Pavlenko. Moscow: Voenizdat, 1960. 291 p.
4. Criminal Goals – Criminal Means: Documents on the Occupation Policy of Nazi Germany on the Territory of the USSR (1943–1944). 3rd ed. – M.: Economica, 1985. 328 p.
5. Soviet Ukraine during the Great Patriotic War of 1941–1945: documents and materials in 3 volumes. – K.: Nauk. Dumka, 1985. Vol. 1. The Ukrainian SSR during the turning point in the Great Patriotic War (June 22, 1941–November 18, 1942). – K.: Economica, 1991. p. 324-325.
6. Tkachenko V.V. Directing high ideas: technologies of preparation and celebration of the 80-th anniversary of victory in the Leningrad Region // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 52-59.

Брызгалова И.Г.

Кандидат исторических наук, доцент, кафедра Истории России. Институт Истории и Международных отношений Южный Федеральный университет, г. Ростов-на-Дону.

Деордиева А.Н.

Кандидат исторических наук, доцент, кафедра Истории России Институт Истории и Международных отношений Южный Федеральный университет, г. Ростов-на-Дону.

Процесс формирования новой государственности в национальных районах северного Кавказа (на примере Терской области). Особенности и специфика (весна 1917 г. – начало 1918 г.)*

Аннотация. Статья посвящена изучению проблем создания специфических органов власти разных уровней на юге России после Февраля 1917 года, формы и специфики органов власти разных уровней, управленческих практик в национальных районах и в частности на Тереке. Цель статьи показать, что на ход государственного строительства в исследуемом регионе оказали влияние своеобразие социально-экономических, классовых, сословных, общественных и национальных отношений, культура и психология населения, его многонациональный состав и наличие национальных традиций - традиционные формы организации власти: элементы системы военно-народного управления (национальные районы Северного Кавказа, казачьи органы власти). Эти особенности выразились в четком определении казачьих и национальных органов власти в общегосударственной системе и организации основ местного самоуправления. Особое внимание уделяется тому факту, что система власти в регионе на данном этапе действовала как единое целое, существовала тесная связь между всеми ее частями. Интересен и показателен пример Терской Области по созданию новой государственности с ярким проявлением национальных традиций и казачьей специфики. В Терской Области и сотрудничали, и противоборствовали две политические силы: казачество, которое воплощало военное управление и претендовало на полные властные полномочия и Терский Областной Исполнительный Комитет, который олицетворял гражданское управление, обе заявляли о готовности взять на себя вопросы организации власти и управления Терской Областью.

Ключевые слова: государственное строительство, управленческие практики, казачество, военное управление, гражданское управление, система власти, национальные традиции, местное самоуправление, военно – народное управление.

* © Брызгалова И.Г., Деордиева А.Н., 2026.

Bryzgalova I.G.
PhD in History, Associate Professor, Department of Russian History, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, Rostov-on-Don.

Deordieva A.N.
PhD in History, Associate Professor, Department of Russian History, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, Rostov Region.

The process of formation of a new statehood in the national regions of the north Caucasus (on the example of the Terek region). Features and specificities (spring 1917 – beginning of 1918)

Abstract. The article examines the creation of specific government bodies at various levels in southern Russia after February 1917, the forms and specifics of government bodies at various levels, and governance practices in national districts, particularly on the Terek. The article aims to demonstrate that the course of state building in the region under study was influenced by the unique socio-economic, class, estate, social, and national relations, the culture and psychology of the population, its multinational composition, and the presence of national traditions–traditional forms of government organization: elements of the military-public administration system (national districts of the North Caucasus, Cossack government bodies). These features were reflected in the clear definition of Cossack and national government bodies within the national system and the organization of the foundations of local self-government. Particular attention is paid to the fact that the regional government system at this stage functioned as a single whole, with close ties between all its components. The example of the Terek Region in creating a new statehood with a clear manifestation of national traditions and Cossack specifics is interesting and illustrative. In the Terek Oblast, two political forces both cooperated and clashed: the Cossacks, who embodied military governance and claimed full powers, and the Terek Oblast Executive Committee, which embodied civil governance. Both declared their readiness to take on the issues of organizing power and governing the Terek Oblast.

Key words: state building, management practices, Cossacks, military administration, civil administration, system of power, national traditions, local self-government, military-people's administration.

Актуальность данной темы определяется общественно-политическим и научным интересом к изучению проблем государственного строительства постмонархической России. Метод актуализации, применяемый в статье, способствует анализу исторических событий весны 1917 года и начала 1918 года с учётом их общественно – политической актуальности в настоящем и будущем времени.

До сих пор не потеряли своей актуальности проблемы, которые были насущными и в Феврале 1917 года: организация демократического механизма власти, создание стабильных и эффективных органов власти разных уровней с учетом интересов различных социальных и национальных групп населения, четкое разграничение функций государственных (центральных) и местных властей, взаимодействие центра и регионов. Исторический опыт такого региона, как многонациональный Северный Кавказ с его казачьей спецификой, и в настоящее время имеет главнейшее значение.

Особый интерес вызывает опыт создания специфических органов власти разных уровней на юге России после Февраля 1917 года. А формы и специфика органов власти разных уровней, управленческие практики в национальных районах и в частности на Тереке, создание условий для обеспечения гражданского мира и национального согласия в обществе, решение всех проблем эволюционным путем, путем политического диалога заслуживают особого внимания современных политиков и историков.

Историко-генетический (ретроспективный) метод позволяет представить причинно-следственные связи и закономерности формирования и развития органов власти разных уровней, управленческие практики в национальных районах Северного Кавказа и в частности на Тереке в исследуемый период.

Историко-сравнительный метод показывает общие и особенные черты в развитии процессов государственного строительства в регионах Северного Кавказа, влияние своеобразия социально-экономических, классовых, сословных, общественных и национальных отношений, культуры и психологии населения, его многонационального состава и наличие национальных традиций - традиционные формы организации власти: элементы системы военно-народного управления (национальные районы Северного Кавказа, казачьи органы власти) на формы организации власти и формируемые управленческие практики.

Методологическую базу статьи составляет принцип научного историзма, включающий в себя объективный анализ совокупности источников и имеющейся литературы, а также выявленных фактов, конкретной исторической ситуации, происхождения событий и их последствий в рамках рационально-логического способа осмысления изучаемой действительности.

В статье использованы материалы съездов и совещаний: I съезд горских народов Северного Кавказа и Дагестана, проходившего 1 мая 1917 года во Владикавказе, совместного заседания казачьего войскового круга и Центрального комитета Союза горцев 6 ноября 1917 года, материалы работы Терского Областного Исполнительного комитета, Терского Областного Совета, а также материалы о роли казачества: резолюции собраний казаков столичных полков, станичных и хуторских сходов, материалы съездов

Донского и Кубанского казачества, а также заседаний Войсковых кругов Донского и Терского, материалы Терских сборников, содержащие архивные материалы и мемуары участников событий тех лет.

Материалы периодической печати: «Приазовский край», «Вольный Дон», «Горная жизнь», «Северо – Кавказское слово», «Северо – Кавказский край» также представляют особый интерес и помогают осмыслить более обширную панораму общественно-политической жизни того периода.

Тема формирования новой государственности в послефевральский период в регионах Северного Кавказа и национальной государственности горских народов Северного Кавказа периода 1917-1920 годов остается до сих пор недостаточно изученной. В печати - и в периодических изданиях, и в отдельных публикациях - она стала подниматься с начала 20-х годов XX века, то есть сразу по следам событий. Согласно данным, в течение второго десятилетия XX века вышло в свет более 70 статей и брошюр, посвященных социально-политическим процессам на Тереке и в Дагестане [12, с. 16].

Вопрос состоял в том, насколько глубоко и объективно была представлена проблема в целом, насколько сглаживались, искажались или вовсе умалчивались её отдельные аспекты. «Сложнейшие общественно-политические и межнациональные процессы, которые происходили в 1917-1920 гг. на Северном Кавказе, ученые-исследователи сводили к противостоянию двух политических сил – «революционеров» и «контрреволюционеров», «большевиков» и «меньшевиков», «красных» и «белых», забывая о том, что существовала еще одна, третья политическая сила, одинаково отвергаемая и «красными», и «белыми». Это организаторы и руководители Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Горской Республики, истории которых даже поверхностно до сих пор не исследованы» [10, с. 15].

Формы самоопределения горских народов, социально-экономические программы политических партий, «революция» и «контрреволюция», военное противоборство «белых» и «красных» на территории Северного Кавказа, положение местного населения - вот тот широкий круг вопросов, которые поднимались в 20-70е годы прошлого века, но исследования носили ограниченный характер, в силу общественно-политических причин.

Среди работ 30-х годов XX века непосредственный интерес для рассматриваемой темы представляют работы И. Борисенко и Н. Буркина [1]. Работы носят показательный характер. Авторы продолжали анализировать события, связанные с революцией и гражданской войной в ракурсе формирования структур государственного управления, но в поле их зрения была уже исключительно советская государственность. Оценка деятельности других политических сил и формирований, казачества, национальных структур, Горского правительства постепенно утрачивала объективный характер.

В последующие годы основные тенденции менялись медленно, и це-

лостная картина национальной государственности в регионах Северного Кавказа не являлась объектом исторических исследований.

«Сам процесс формирования российской государственности после Февраля в центре и в регионе, а затем процесс изменения форм самой власти не являлся отдельным и специальным предметом изучения. Предпочтение отдавалось, прежде всего, Советам. Несмотря на наличие большого количества литературы, освещающей период с Февраля по Октябрь 1917 года, история органов Временного правительства, казачьих и национальных органов власти была освещена недостаточно полно. Преобладал подход изначального противопоставления всех органов власти друг другу, искусственного вычленения Советов из всей системы власти». [2, с. 22].

В 1980 году в Махачкале прошла региональная научная сессия «Гражданская война на Северном Кавказе». Круг тем, затронутых в ее рамках, и интерпретация событий нашли отображение в сборнике материалов сессии и продолжили дальнейшее изучение ключевых вопросов государственного строительства в национальных районах с использованием национальной специфики [8].

Отмечая высокий уровень работ, посвященных истории отдельных республик Северного Кавказа, Ш.М. Магомедов указывал, что «в целях выявления наиболее общих закономерностей и специфических особенностей» следует «стараться воссоздать более целостную картину всего революционного процесса в регионе» [11, с. 10].

В 1988 году вышла коллективная монография ученых Северо – Кавказского региона обобщивших всю отечественную историческую литературу по проблемам революции и гражданской войны. Новый подход к осмыслению истории кавказских народов в области государственного строительства 1917-1920 годов был заложен [9].

«Исследования по истории революции в регионе создали необходимые предпосылки для рассмотрения проблем формирования органов власти и реализации проблемы политического выбора в системе новой российской государственности на Дону и Северном Кавказе после Февраля 1917 года. За последние два-три десятилетия издан ряд монографий, статей, очерков, которые раскрывают своеобразие условий революций в различных районах Дона и Северного Кавказа, примером этого являются труды Абазатова М.А., Аликберова А., Гаджиева М.И., Гугова Р.Х., Иванько И.И., Кашкаева Б.О., Кириенко Ю.К., Кислицина С.А., Козлова А.И., Лайпанова К.Т., Перехова Я.А., Сергеева В.Н., Скорика А.П., Тикиджьяна Р.Г., Тотоева М.С., Трута В.П., Трусовой Е.М., Улько Г.Е., Хмелевского К.А., Этенко Л.А. и др.» [2, с. 22].

Издание работ региональных историков в 80-х, 90-х годах создало новую историографическую ситуацию, именно тогда проблема приобрела научный статус.

Исследования 80-90 –х годов значительно обогатили фактологическую и теоретическую базу истории региона. Важно, что значительно расширилась источниковедческая база: были открыты и опубликованы материалы практически всех политических партий, работы их лидеров, введено в научный оборот большое количество новых архивных материалов. Однако до 90-х годов нерешенными оставались вопросы становления и развития новой государственности на Дону и Северном Кавказе после Февраля как целостной системы, взаимоотношения органов Временного Правительства, Советов, казачьих и национальных органов власти, особенности развития этого процесса в регионе. Такой системный подход к проблеме в научной литературе отсутствовал, хотя потребность в нем в историографии определилась [2, с. 23].

Предметом исследований стало выяснение содержания различных подходов основных российских общественно-политических сил к проблемам государственного строительства, основных закономерностей возникновения и развития местных органов власти, функционирования всей властной системы региона после Февраля, анализ возможностей и реального процесса создания органов власти разных уровней, организация демократического механизма власти, принципы взаимодействия между гражданами, обществом и государством, формирование и деятельность массовых организаций трудящихся на разных этапах революции [2, с. 24].

В 2000 –х годах исследователи пришли к важнейшим выводам, которые углубили и расширили исследуемую проблематику [15, 16, 17, 19].

В работах рассматриваются основные проблемы и противоречия процесса становления национальной государственности горских народов на Северном Кавказе, анализируется специфика национально-государственного строительства на Северном Кавказе, особенности государственного строительства народов Кавказа в переломный период российской государственности, отмеченный острыми драматическими событиями, революциями 1917 года. Показаны достижения, ошибки и деформации в национальной политике, национальная политика большевиков на разных этапах социалистического строительства.

Историографический анализ темы и исследование избранных проблем позволяют определить круг вопросов, требующих дальнейшего научного осмысления. Важнейшими из них являются: социально-экономическое положение национальных районов Северного Кавказа; общественно-политическое положение региона накануне Февральской революции; роль общественных классов и местных организаций политических партий; развитие демократических и социалистических тенденций в революции; соотношение сил на различных этапах Февральской революции; поведение и настроение казачества и крестьянского населения (коренного, иногороднего, горского). Недостаточно изучены формирование и деятельность мест-

ных органов власти Временного правительства (в том числе в национальных районах), органов казачьего управления, земств и органов городского и сельского самоуправления, органов национального самоуправления, а также переплетение, разделение и соотношение власти между всеми властными структурами [2, с. 28].

Главной, определяющей особенностью формирования новых органов власти в национальных районах Северного Кавказа и в частности на Тереке оказалось то, что на ход государственного строительства в исследуемом регионе оказали влияние своеобразие социально-экономических, классовых, сословных, общественных и национальных отношений, культура и психология населения, его многонациональный состав и наличие национальных традиций - традиционные формы организации власти: элементы системы военно-народного управления (национальные районы Северного Кавказа, казачьи органы власти). Эти особенности выразились в четком определении казачьих и национальных органов власти в общегосударственной системе и организации основ местного самоуправления, в проведении реформы казачьего и национального управления.

В национальных районах государственное строительство шло в двух направлениях. Создавались органы власти Временного Правительства – общественные исполнительные комитеты (Осетия, Дагестан, Калмыкия, Кубань, армянские союзы), а также специфические национальные органы власти (Кабарда, Чечня, Ингушетия, Дагестан). Эта особенность осложняла и делала более трудоемким процесс формирования новой государственности.

В данный период были созданы единые органы власти, где представители Советов и гражданских исполнительных комитетов решали насущные политические и экономические вопросы. Эти организации действовали на всех уровнях от городских, окружных до областных (губернских). Система власти в регионе на данном этапе действовала как единое целое, существовала тесная связь между всеми ее частями.

Таким образом, на практике создавалась возможность разрешения всех насущных вопросов и проблем не революционным путем, и путем политического диалога и практического взаимодействия. Меньшевики и эсеры стремились к расширению социальной базы новой демократической власти. Это отвечало и интересам кадетов. Буржуазия пыталась всячески найти контакты с Советами. Большевики имели свою точку зрения.

Существование Общественных Комитетов создало почву для организации и деятельности совместных, коалиционных властных организаций на уровне областей и губерний региона. Были созданы Областные Исполнительные Комитеты. Это было объединение всех демократических сил на более высоком уровне. Они представляли собой организацию власти нового качества: аппарата власти Временного правительства и Советов на Тере-

ке, и в других в национальных районах Северного Кавказ, также, как и на Дону, Кубани, Ставропольской и Черноморской губерниях.

В Дагестане 9 марта представители местной буржуазии, помещиков, духовенства, национальной интеллигенции создали Временный Дагестанский Областной Исполнительный Комитет.

15 марта после отстранения от должности начальника Области на Тереке Гражданский Комитет Владикавказа был преобразован в Областной Гражданский Исполнительный комитет. Областной Исполнительный комитет заменил прежнее областное правление, он являлся носителем высшей правительственной власти. Об этом свидетельствует заявление Терского Областного Исполнительного Комитета [6].

Такие же заявления были характерны и для Донского и Кубанского Областных Исполнительных Комитетов, а также Комитетов Общественной Безопасности Ставрополья и Черноморской губернии.

Необходимо отметить, что Областные Комитеты Дона, Кубани и Терека имели общую особенность. Там сохранились и реорганизовывались через реформу казачьего управления традиционные сословные казачьи учреждения, которые самым тесным образом сотрудничали с Временным Правительством. Представители казачества входили во все структуры власти, так как оно являлось ключевой фигурой в регионе. Казачество играло главную роль и в Областных органах власти, создавая его костяк (основу), хотя эти органы и носили коалиционный характер.

Состав Областных Исполнительных Комитетов был достаточно представительный.

Интересен и показателен пример Терской Области по созданию новой государственности с ярким проявлением национальных традиций и казачьей специфики.

После революционных событий 1917 года на территории Терского казачьего войска, как и по всей стране, шло создание новой государственности, образование новых государственных структур. По насыщенности и значительности событий, происходивших в сфере государственного строительства период весны 1917 - весны 1918года был чрезвычайно важен и интересен, и очень неоднозначен. На Тереке, как и в других национальных районах региона, точно также, как и на Дону, Кубани, Черноморье и Ставрополье действовали совместные органы власти.

На процесс создания новой государственности большое влияние оказали специфические особенности Терека.

Отличительной особенностью Терской области, образованной в 1859 г, являлась многонациональность и полиэтноконфессиональность состава населения, что и оказало доминирующее влияние на все процессы и дальнейшую эволюцию властных институтов. Терская область была одной из

самых многонациональных регионов Юга России.

«На пространстве в 64 070 кв. верст вынуждены были жить совместной жизнью русские (казаки и неказаки), кабардинцы, чеченцы, осетины, ингуши, кумыки, карачаевцы, ногаи, немцы, армяне, грузины и другие, всего в количестве 1250000 душ. Уже такая мозаика национальностей была источником многих столкновений» [18, с. 58]. Наиболее крупными этническими группами горского населения были: чеченцы, осетины, кабардинцы, ингуши, кумыки, а также горцы Нальчинского округа, который входил в состав Терской Области: балкарцы и каранагайцы [21, л. 15].

«Для терских казаков их положение среди горских народов сделалось источником постоянных тревог и неприятностей… Покоренные горцы, видя на своих еще недавно родных местах русское население, естественно не могли питать к казакам особенно дружеских чувств. Весь одиум к покорителям они перенесли на казаков, своих соседей, как представителей русского народа.» [18, с. 59].

Казачество преимущественно проживало в Пятигорском, Сунженском, Моздокском, Кизлярском отделах [22, л. 16]. «В Терской области сформировалось несколько линий казачьих станиц. (Владикавказская, Сунженская). Станицы терских казаков блестяще выполнили свою роль стратегических военных поселений» [18, с. 59]. Несмотря на то, что оно не было превосходящим остальное население по численности, оно занимало особое положение среди всех национальных и сословных групп населения.

В этносословном отношении население подразделялось на казаков, коренных крестьян и иногородних. Сословный состав населения в Терской Области выглядел так: 20,2% составляли казаки, 53,1% - коренные крестьяне (горское сельское население), 24,6% - иногородние (остальное население). Самыми многочисленными группами - сословиями в крае, кроме казаков являлись иногородние и коренные (горские) крестьяне. [13, с. 18, 19] Большинство жителей Пятигорского, Моздокского, Сунженского, Кизлярского отделов и Владикавказского, Веденского, Назрановского, Грозненского, Нальчинского и Хасав-Юртовского округов относилось к иногороднему населению, или так называемому остальному. [22, л. 16] Иногородние, проживающие в казачьих областях, подразделялись на оседлых и неоседлых. Все коренные крестьяне были членами сельских общин.

Коренные крестьяне и все иногородние в казачьих областях были лишены многих прав и являлись по сравнению с казаками низшими сословиями.

Данные особенности отразились на формировании новой государственности и определили специфичность вновь создаваемых форм государственности.

До событий Февраля 1917г. терское казачество, являясь по сути, ключевой фигурой, имело самоуправление лишь на низовом уровне (станичном,

хуторском). Они не могли выбирать наказного атамана и атаманов отделов, членов отдельских правлений и областного правления.

Таким образом казачество Терека не имело полноценной властной структуры, обеспечивающей казачью автономию. Поэтому свержение монархии и возродило в казачестве, прежде всего среди казачьих верхов, надежду на реальную самостоятельность и автономию. Именно события Февраля 1917 года положили начало пересмотру и реорганизации системы власти на Тереке, также, как и в других казачьих областях: Донской, Кубанской и в целом на Юге России.

Процесс формирования новых самоуправленческих структур был инициирован лидерами казачества сразу после получения известий о смене власти в Петрограде. Уже с середины марта 1917 г. терское казачество приступает к созданию основ государственной власти на территории своего проживания. Был разработан проект «Временного положения о хозяйственном управлении Терского казачьего войска», предусматривавший создание на войсковой территории казачьей автономии. Законодательная власть должна была перейти к выборному Войсковому Кругу, а исполнительная вручалась атаману Войска Терского, который избирался на заседании Круга [20].

14 марта 1917 года во Владикавказе собрался казачий круг [23, л.1(об)]

На заседаниях 1-го Войскового круга Терского казачьего войска (ТКВ) было избрано Войсковое правительство в лице Войскового атамана, депутата II и IV Государственных дум есаула М.А. Караулова и членов войскового правления: есаулов Л.Е. Медяника и С.А. Черкасова, инженеров П.П. Борисова и Н.В. Белоусова. [24, л. 1-5(об)] Властные полномочия новой структуры самоуправления распространялись на четыре казачьих отдела Терской области - Пятигорский, Моздокский, Кизлярский, Сунженский, и регулировали общественно-политические, экономические, социальные стороны жизни на данной территории.

Ситуация в регионе с одной стороны повторяла ситуацию в стране в целом: шел процесс образования органов власти Временного Правительства и Советов. Но, объединительные тенденции, да и само это движение Советов, были не столь сильны в Терской области, особенно в сельских районах, как в других частях региона. «Горская жизнь» давала обзор и анализ организации Советов крестьянских депутатов, начиная с Февраля. В ней отмечалось, что «Комиссар Владикавказского округа А. Такоев обратился к гражданским исполнительным комитетам округа со специальным циркулярным предложением по организации и развитию движения Советов в Осетии» [5].

Параллельно с организацией власти казачеством весной 1917 года активно шел процесс формирования институтов власти Временного правительства в лице гражданских исполнительных комитетов в городах и сельской местности.

14-15 марта после отстранения от должности начальника Области на Тереке Гражданский Комитет Владикавказа был преобразован в Областной Гражданский Исполнительный комитет. На должность начальника области был назначен полковник И.М. Михайлов. Областной Исполнительный комитет заменил прежнее областное правление. Одновременно были смещены начальники округов и вместо них созданы окружные гражданские исполнительные комитеты. После Февраля 1917 года председателем Окружного Гражданского Исполнительного комитета Владикавказского округа был избран С. Такоев. Окружные и городские гражданские комитеты назначали на должности комиссаров различных ведомств, городов, округов [25, л. 24].

Областной Исполнительный Комитет являлся носителем высшей правительственной власти. Об этом свидетельствует заявление Терского Областного Исполнительного Комитета [3].

Состав Терского Областного Исполнительного Комитета был достаточно представительный, входили представители от всех групп населения: сельчан (горцев, казаков и от остального населения), горожан, рабочих, военнослужащих, кооперативов [26, л. 15].

Выборы в комитет осуществлялись в следующем порядке: сельское и городское население посылало в комитет по одному делегату от 20 тысяч. Число делегатов определялось в зависимости от численности населения на 1915 год. В Терский Областной Исполнительный Комитет по данным на апрель 1917 года от горского сельского населения были выбраны представители от национальных общин в соответствии с их численностью: от чеченцев 14 делегатов, соответственно – осетины -7; кабардинцы – 5; ингуши -3; кумыки - 2; от горцев Нальчикского округа: балкарцы – 2; каранагайцы - 1.Казаки были представлены так: Пятигорский отдел - (69.486 чел. – 3 делегата); Моздокский отдел – (63.758 – 3); Сунженский отдел – (64.420 – 3); Кизлярский отдел - (57.404 – 3). Иногороднее (остальное) население отделов: Пятигорского, Моздокского, Сунженского, Кизлярского, было представлено 8 делегатами. 4 делегата представляло интересы «остального» населения округов: Владикавказский, Веденский, Назранский – 1; Грозенский – 1; Нальчикский – 1; Хасав-Юртовский – 1. Интересы жителей городов: Владикавказа, Моздока, Пятигорска, Георгиевска, Кисловодска, Кизляра,Хасав-Юрта, Нальчик (сдобода) представляли 11 делегатов [27, л. 16].

Проект положения о временном самоуправлении Терской области, принятый в первой половине апреля 1917 года, свидетельствовал, что «Терский Областной Совет являлся выразителем воли населения области и высшим органом гражданской (законодательной) власти в области. Избирался на срок до созыва 2-го Съезда представителей населения области. Он собирался на особые очередные съезды-сессии не менее 2-х раз в год для рассмотрения общих вопросов. Члены Терского Областного Совета -

представители горских племен входили в особую комиссию по управлению горскими племенами» [28, л.20].

Терский Областной Исполнительный Комитет являлся представителем и выразителем води всего населения Терской области и всех организованных групп населения, высший орган гражданской (исполнительной) власти в области, объединяющий и согласующий деятельность всех советов, отделов и округов области и городских гражданских исполнительных комитетов. В своей деятельности он руководствовался распоряжениями Временного Правительства, указаниями Комиссара Временного Правительства и решениями Терского Областного Совета [28, л.20].

На данном этапе революции (весна 1917 года) Терское казачество еще оказывало активную поддержку Временному Правительству в попытках решения вопроса национальных меньшинств, что имело немаловажное значение в таком многонациональном районе. Это нашло выражение в рассмотрении разработке и принятии инструкции Терским Областным Исполнительным Комитетом комиссару Владикавказского округа по организации самоуправления, а также проведения 1-го съезда уполномоченных Владикавказского Осетинского округа – с главным вопросом: сохранение осетинского народа, его культуры, традиций, а также в инициативе Терского казачьего правительства провести совместный съезд казаков и горцев для упрочения добрососедских отношений в новых условиях общерусской политической жизни [29, л. 2].

Весной 1917 года с одной стороны, Терское казачество на практике начинает воплощать в жизнь идею казачьей автономии. Являясь ключевой фигурой, реально обладая административной властью, активно участвует в процессе создания новой властной системы, пытается выстраивать приемлемую систему взаимоотношений для всех категорий населения региона, проводит политику сословно-национального согласия, способствуя на практике реальному и конструктивному диалогу различных национальных, сословных, социальных и общественно – политических сил в решении вопросов формирования модели новой государственной власти в регионе.

Но наблюдаются и реальные противоречия. Необходимо учитывать и тот факт, что, в то же время истинная политическая власть на территории Пятигорского, Моздокского, Кизлярского и Сунженского отделов, где компактно проживало казачество, принадлежала не Областному исполкому, а Войсковому правительству.

Характеризуя установленную систему управления на Тереке весной 1917 года, следует учитывать этот факт, и то, что от участия в выборах на территориях Пятигорского, Моздокского, Кизлярского и Сунженского отделов, и, следовательно, политической жизни были отстранены проживавшие на казачьей земле представители иных сословных групп, что уже само

по себе осложняло процессы государственного строительства на Тереке, закладывало основы системного кризиса, который поразил терское казачество позже в начале 1918 г. [30].

Ситуацию осложняли и особенности социально – экономического плана, присущие Терской области, в частности состояние сельского хозяйства и последующие попытки решения земельного вопроса, который касался основной массы населения Терской области. Узел противоречий в земельном вопросе затягивался на протяжении многих лет. Земельный вопрос становился своеобразным катализатором в решении вопросов о власти.

Ситуация на Тереке начинает меняться к концу лета 1917 года. Происходят события, которые носят противоречивый характер. После июльских событий в Петрограде казачьи и горские власти вступают в блок, для борьбы с дальнейшим развитием революции. Об этом сообщает газета «Горская жизнь» в июле 1917 года [4].

Казачество идет по пути усиления полномочий Войскового Круга. На III сессии Войскового Круга Терского казачьего войска (1–4 августа 1917 г.), было принято решение о передаче всей административной власти в четырех отделах Терской области Войсковому атаману М.А. Караулову, а также о подчинении ему всех частей Терского казачьего войска и предоставлении «чрезвычайных полномочий, необходимых к охране государственного порядка на войсковой территории» [7]. Часть территории Терской Области фактически выводилась из подчинения Областного Исполнительного Комитета.

События Октября 1917 года в Петрограде были негативно восприняты политической элитой терского казачества, которое стремилось к расширению своих политических прав и окончательному обособлению от остальной России, о чем свидетельствует Приказ по Войсковому Правлению Терского казачьего войска № 108 от 12 ноября 1917 года [31, л.111], и статья газеты «Горская жизнь» «Организация власти в Терской Области» 14 ноября 1917 года.

Атаман Караулов в Приказе по Войсковому Правлению Терского казачьего войска от 15 ноября 1917 года объявил «о немедленном приведении в полную боевую готовность всех полков Терского казачьего войска, находящихся в Терской области». Указывалось, что «……дабы не дать разгореться пожару гражданской войны, вся территория Терского края объявляется на военном положении» [32, л. 167].

В Терской Области противоборствовали две политические силы: казачество, которое воплощало военное управление и претендовало на полные властные полномочия и Терский Областной Исполнительный Комитет, который олицетворял гражданское управление, обе заявляли о готовности взять на себя вопросы организации власти и управления Терской Областью.

Терское войсковое правительство входит в образовавшееся 20 октября

1917года «Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей», ставивший своей целью создание прочной власти, которая могла бы сохранить прежние политические и экономические привилегии казачьих верхов и буржуазии.

Терское казачество отказалось признать легитимность Совета Народных Комиссаров. Войсковое правительство 28 октября заявило о том, что принимает на себя «всю полноту государственной власти в пределах войсковой территории до восстановления власти Временного правительства и прочного правопорядка в России» [33, л.2].

Октябрьские события стали мощным толчком к дальнейшему водоразделу общества.

В начале декабря 1917 года казачья элита признала верховную власть Терско-Дагестанского правительства.

К началу 1918 года вопрос о создании на Тереке твердой и авторитетной власти ставился представителями всех народов, революционными и демократическими организациями. Ни горские, ни казачьи верхи, объединенные в Терско-Дагестанском Правительстве, не могли уже отвечать насущным требованиям времени.

Показательны в этом отношении решения Третьего Терского Областного съезда земледельческих депутатов, который проходил в г. Владикавказе с 15 по 20 декабря 1917 года. Съезд постановил: «Терско-Дагестанское Правительство организованно несовершенно, так как оно не избиралось всем населением края и поэтому это правительство не может пользоваться доверием трудящегося населения. Единственной авторитетной властью будет являться та власть, которая будет создана Учредительным сеймом» [14].

Это правительство после Второго съезда народов Терской Области, который состоялся в феврале 1918года в г. Пятигорске – распалось. Власть в Терской Области перешла в руки Терского Народного Совета и Совета Народных комиссаров.

Терское войсковое Правительство, не получившее поддержки широких масс казачьей бедноты 19 января 1918 года своим постановлением, заявило Войсковому кругу о сложении полномочий.

В результате в декабре 1917 – феврале 1918 гг. Терское казачье войско охватил острейший внутриполитический кризис, повлекший за собой распад всех властных институтов, созданных казачеством весной 1917 г. Итогом стало временное падение политического значения терского казачества весной 1918 г. и установление Советской власти на всей территории Терской области.

Библиографический список / Reference

1. Борисенко И. Советские республики на Северном Кавказе. - Ростов-на-Дону, 1927.

2. Брызгалова И.Г. Февраль 1917 года на Дону и Северном Кавказе: формирование общегосударственных и региональных институтов власти. Актуальные проблемы изучения. // Актуальные вопросы истории, этнографии и антропологии»: материалы международной заочной научно-практической конференции. (10 мая 2011 г.) – Новосибирск: Изд. «ЭНСКЕ», 2011. С. 20-31
3. Вольный Дон – 29 апреля 1917.
4. Горская жизнь. – 31 июля 1917.
5. Горская жизнь – 6 сентября 1917.
6. Горская жизнь. - 1 января 1918.
7. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.1849, Оп. 1, Д.7.
8. Гражданская война на Северном Кавказе. // Материалы региональной научной сессии. 23-24 декабрь 1980 г. – Махачкала, 1982.
9. Гугов Р.Х., Козлов А.И., Этенко Л.А. Вопросы историографии Великого Октября на Дону и Северном Кавказе. – Нальчик, 1988.
10. Дзидзоев В.Д. От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР (19171924 гг.) (Начальный этап национально-государственного строительства народов Северного Кавказа в XX веке). – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2003. С. 15.
11. Магомедов Ш.М. Северный Кавказ в трёх революциях. – М.: 1986. С.10.
12. Малиев Н.Д. Советская историография Октябрьской социалистической революции и гражданской войны на Тереке (1918-1978 гг.). Автореф. дисс. на соик. уч. ст. д. и. н. – М.: 1981. С. 16.
13. Октябрь на Дону и Северном Кавказе. – Ростов-н/Д. 1977. С. 18-19.
14. Российский государственный военно-исторический архив (далее -РГВИА). Ф. 1300. Оп. 1. Д. 96.
15. Лобанов В.Б. От Терской области к Горской АССР: Терек в 1917-1921 гг. // Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 1. С. 48-60. – DOI: 10.31143/2542- 212X-2022-1-48-60. (Дата обращения 18.12.2025)
16. Семёнов А.А., «Становление федеративной государственности на Северном Кавказе в 1920–1921 гг.: противоречия и поиск решения национальных проблем». Сетевое издание “Вектор гуманитарной мысли”. 2023. № 2. С. 1-10. // URL: https://fip.kubstu.ru/data/mc/0002/0010.pdf Дата обращения
17.Состин Д.И. «Опыт национально-государственного строительства кавказских народов в период российских революций 1917 года».
18. Терский сборник. Выпуск 12. Екатеринбург, 2024. С. 58-59.
19. Тетуев А. И. «Национальная политика большевиков на Северном Кавказе: опыт и уроки (1917–1937 гг.)». // «Социально-культурная трансформация народов Северного Кавказа в российском цивилизационном пространстве (1917– 2017 гг.): взгляд сквозь столетие». Сборник научных статей по материалам региональной научной конференции. (Нальчик, 29 июня 2017). – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. С. 5-26 // URL: https://www.kbigi.ru/fmedia/ (Дата обращения 18.12.2025)
20.Ткачев Е.А. Терское казачество в годы революций и гражданского противостояния (1917–1923): участие, политические приоритеты, итоги: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Пятигорск, 2005. 217 с.
21. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее -ЦГА РСО-А), Ф.р-9, Оп. 1, Д.3.
22. ЦГА РСО-А, Ф.р-9, Оп. 1, Д.3.
23.ЦГА РСО-А. Ф. р-1. Оп.1. Д. 3.
24. ЦГА РСО-А. Ф. р-10. Оп. 1. Д. 3.
25. ЦГА РСО-А Ф.1849, Оп. 1, Д.7.
26. ЦГА РСО-А. Ф.р-9, Оп. 1, Д.3.
27. ЦГА РСО-А. Ф.р-9, Оп. 1, Д.3.
28. ЦГА РСО-А, Ф.р-9, Оп. 1, Д.3а
29. ЦГА РСО-А. Ф. 1849, Оп. 1.Д.5.
30. ЦГА РСО-А. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 3.
31. ЦГА РСО-А Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 6.
32. ЦГА РСО-А Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 2.
33. Ц ГА РСО-А. Ф. 225. Оп. 1. Д. 2а.
34. Борисенко И. Авантюристы в гражданской войне. – Ростов-на-Дону, 1930.
35. Матиев Т.Х. Роль моздокского съезда народов Терека в налаживании политического союза между Ингушетией и большевиками // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18. Вып. 2. С. 250-253.
36. Матиев Т.Х. Термин «Горское национальное движение» в современной историографии революции и гражданской войны 1917–1921 гг. // «Культура и история народов Кавказа: вчера, сегодня, завтра». Материалы Международной научной конференции, посвященной 95-летию создания Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. – Магас: ООО «КЕП», 2021. С. 309-316.
37. Буркин Н. Октябрьская революция и гражданская война в горских областях Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону, 1933.
38. Электронный журнал «Caucasology», 2022. С. 83-90. // URL: https://www.caucasology.ru/jour/article/view/379?ysclid=mmqarb4qg540009902 https://kbsu.ru/wp-content/uploads/2022/10/04_sostin.pdf (Дата обращения 18.12.2025)

Будаева А.Э.
Аспирант, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ.

Некоторые аспекты биографии М.М. Сахьяновой (1896-1981)*

Аннотация. Исследование рассматривает биографию первой в истории женщины руководившей Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республикой Марии Михайловны Сахьяновой. Территориальная сфера государственной и общественной деятельности М.М. Сахьяновой включала также столицу страны, Дальневосточный край, в зарубежной миссии Корею, Китай и Монголию. В Москве она избиралась Членом Центральной контрольной комиссии ВКП(б) СССР и Членом Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) СССР. Также М.М. Сахьянова занималась вопросами текущей работы партии в районах Сибири и в Туве, направлялась в руководство Чувашской АССР, Башкирской АССР, затем директором совхоза в Пензенской области, была научным сотрудником Института марксизма - ленинизма при ЦК КПСС. С середины 1930-х гг. проживала в Москве в доме по улице Серафимовича 2, являющимся сейчас памятником архитектуры эпохи конструктивизма. В процессе исследования был проведен анализ научных статей, публикаций в периодических изданиях, архивных документов, воспоминаний современников и т. д. Подчеркнуто важное влияние М.М. Сахьяновой на становление и развитие женского движения. Оценен вклад М.М. Сахьяновой в общественную жизнь Бурятии второй половины XX века, в сохранение культурных исторических ценностей, собраны факты биографии немного раскрывающие ее мировоззрение.

Ключевые слова: М.М. Сахьянова, С.Я. Ербанова, Г.Н. Войтинский, Республика Бурятия, коммунистическая партия, коминтерн, женское движение, гендер, женское лидерство, женщины в политике, выдающиеся женщины.

Budaeva A.E.
PhD Student, Buryat State University named after D. Banzarov, Ulan-Ude.

Some aspects of the biography of M. Sakhyanova (1896-1981)

Abstract. The article examines the biography of the first woman in history to lead the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic, Maria Sakhyanova. The

* © Будаева А.Э., 2026.

territorial sphere of state and social activities of M. M. Sakhyanova also included the capital of the country, the Far Eastern Territory, in the foreign mission Korea, China and Mongolia. In Moscow, she was elected a Member of the Central Control Commission of the CPSU (b) of the USSR and a Member of the Party Control Commission under the Central Committee of the CPSU (b) of the USSR. Also, M. M. Sakhyanova dealt with the current work of the party in the regions of Siberia and Tuva, went to the leadership of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic, the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic, then the director of the state farm in the Penza region, was a researcher at the Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU. Since the mid-1930s. lived in Moscow in a house on Serafimovich Street 2, which is now an architectural monument of the constructivist era. In the process of research, an analysis was carried out of scientific articles, publications in periodicals, archival documents, memoirs of contemporaries, etc. The important influence of M. Sakhyanova on the formation and development of the women's movement is emphasized. The contribution of M. Sakhyanova to the public life of Buryatia in the second half of the twentieth century, to the preservation of cultural historical values was assessed, the facts of the biography slightly revealing her worldview were collected.

Key words: M.M. Sakhyanova, S.Ya. Erbanova, G.N. Voitinsky, Republic of Buryatia, communist party, Comintern, women's movement, gender, women's leadership, women in politics, outstanding women.

Введение

Для полного понимания современного мира общественно-политической жизни, эффективности влияния на конструктивные процессы лидеров общественного мнения, становится актуальным не только знание прошлых исторических событий XX в., но и более внимательное исследование характера ключевых исторических личностей. Известно, что невозможно исследовать биографию человека без учета влияния на него других людей и внешних обстоятельств. Социальная система в целом и социальные институты как ее элементы напрямую связаны с деятельностью человека, изменение социальных и институциональных структур общества происходит в результате действий и определенного поведения людей [9, с. 135].

Изучение прошлого опыта позволит увидеть достижения и ошибки уже с перспективы настоящего времени. **Новизна** заключается в том, что эта работа позволяет преодолеть сложившийся стереотип и комплексно взглянуть на исторический локальный опыт XX века.

Одной из значимых фигур на политической арене Бурятии прошедшего века была Мария Михайловна Сахьянова (1896-1981). Разумеется ранее подобная личность привлекала внимание исследователей и журналистов, но по мнению автора деятельность М. М. Сахьяновой не получила еще достаточного отражения в региональной и всероссийской историографии. В большинстве материалов ее личностная характеристика обрывочна и преимущественно субъективна.

Проводимые ранее исследования чаще фокусировались на общественных процессах. Данная работа предпринимает попытку взглянуть на биографию конкретного человека, оценить влияние на него внешних социальных условий и жизненных обстоятельств, дополнить историю женского движения Бурятии XX века.

Обзор литературы

Исследованием биографии М.М. Сахьяновой занимались А.А. Бартанова [2], [3], Б.Б. Батуев [5] и Г.Д. Басаев [4], Л. Курас [11], И.Н. Сотникова [13] и др. Кроме того о ней писали как республиканские, так региональные и столичные СМИ.

Основная цель. С помощью реконструкции биографии М.М. Сахьяновой приблизить к современному пониманию значение ее деятельности в историческом пространстве, дополнить имеющейся биографические исследования новыми материалами, раскрывающие ее характер. Также оценить влияние окружающего социума на М.М. Сахьянову, а также ее влияние на развитие женского движения и общественную жизнь в Бурятии, в частности на сохранение ею культурно-исторических ценностей.

Методология и методы исследования

В работе использованы архивные данные, научные публикации, воспоминания, материалы из периодической печати, статьи из электронных СМИ. В ходе исследования использовались общенаучный, историко - сравнительный методы, историко - системный подход. Была проведена работа с источниками (интерпретация).

Результаты исследования

В настоящий момент реконструкции биографии отдельного человека уделяется все большее внимание. Исследователи, создавая персональную историю, пытаются понять особенности духовного мира личности, его взаимодействие с другими людьми и культурами. Содержание родственных, соседских, дружеских, профессиональных и иных связей создают отчетливый рисунок взаимовлияний, роли авторитетного руководства, возникновения предпочтений и вкусов, мнений и ценностных ориентаций в жизни личности [10, с. 2].

Мария Михайловна Сахьянова родилась 5 января 1896 г. в улусе Шабартай (Шибертуй) Балаганского уезда Иркутской губернии (в настоящее время Осинский район Иркутской области) в семье многодетного крестьянина [13, с. 154-155]. В 1914 г. закончила Малышевское второклассное училище [2, с. 15]. При поддержке социально активных жителей края, народного учительства в лице М.Н. Хангалова (1858-1918) и Е.П. Данчиновой

(1883-1964) Мария смогла поехать учиться в столицу страны [1, с. 6].

Об обстоятельствах этой поездки, со слов самой Марии Михайловны, написал народный писатель Бурятии Ц.-Ж Жимбиев (1928-2006). Когда «семьи Шаракшанэ (родители Або Сергеевича Шаракшанэ (1921-2005)) и Инкижиновых приехали в Петроград вместе с ними приехала и Сахьянова. Они были тепло встречены Цанид-хамбой Агван Доржиевым (1853-1938), который устроил их всех жить в новом доме при буддийском дацане» [8, с. 14].

Так, вдали от малой родины, началась ее активная общественно-политическая жизнь. Она поступила на Высшие женские курсы, которые были открыты в 1896-1897 гг. как Временные курсы для приготовления руководительниц физического воспитания и игр (ныне Национальный государственный университет имени Петра Францевича Лесгафта). В 1916 г. М.М. Сахьянова стала членом Петербургской организации РСДРП(б) и секретарем 2-го городского райкома РСДРП(б) Петрограда [11, с. 150]. Помимо этого М.М. Сахьянова подрабатывала переписчицей и грузчицей, участвовала в работе Красного Креста, который помогал ссыльным и заключенным [2, с. 15]. За активное участие в политической деятельности она была заключена в Выборгскую женскую тюрьму, откуда освободилась накануне Февральской революции. А уже «3 апреля 1917 г. вместе с рабочими Питера, моряками из Кронштадта прибыла на знаменательную встречу» [3, с. 4-5]. В статье сохранившейся в Музее «Дом на набережной» журналиста Н. Мар «Сильные сердца. Накануне декады бурятского искусства» об этом было написано следующее. «В памятный день 1917 года - день возвращения Владимира Ильича Ленина (1870-1924) на родину - Мария Михайловна тоже была на Финском вокзале. Слушала его и в особняке М.Ф. Кшесинской (1872-1971)... Была даже совсем рядом с ним. Но заговорить все же не решалась. А между тем очень хотелось рассказать Ленину о Бурятии, о нашем улусе и старой жизни...»[1].

Затем она вернулась домой и в декабре 1917 г. участвовала в *Декабрьских событиях в г. Иркутске* (вместе с П. П. Постышевым (1887-1939) и М.А. Трилиссером (1883-1940)). Организовала и руководила первой бурятской группы большевиков, в которую входили М.Н. Ербанов, С.Х. Николаев, Е. Зонхиева, В.И. Трубачеев, Г.Г. Данчинов, Ф.М. Осодоева, И.В. Ченкиров. В 1918-1920 гг. активно участвовала в организации партизанского движения в Приморье [11, с. 150].

Так как М.М. Сахьянова обладала богатым опытом подпольной работы 3 сентября 1920 г. иностранный отдел (ИНО) Дальневосточного бюро ЦК РКП(б) направил ее в Китай для работы в группе Г.Н. Войтинского (1893-1953). Она добиралась до Пекина через Харбин и русскую полосу от-

1 Музей «Дом на набережной» г. Москва.

чуждения КВЖД. У Сахьяновой имелся фальшивый паспорт на имя *Марии Александровны Трубачеевой*. После того как профессор Пекинского университета Ли Дачжао посоветовал Войтинскому заручиться поддержкой проживавшего в Шанхае лидера «движения за новую культуру» Чэнь Дусю. Таким образом Г. Н. Войтинский, его жена и М.М. Сахьянова направились в Шанхай с рекомендательным письмом от профессора к Чэнь Дусю [13, с. 161-162]. Соответственно Мария Михайловна содействовала организации Шанхайского союза социалистической молодёжи. Надо добавить, что в Шанхае М.М. Сахьянова занималась установлением связей и с революционной частью корейской эмиграции. Советские представители решали задачу превращения Корейской социалистической партии, созданной ещё 8 мая 1919 г., в Коммунистическую партию Кореи (Корёконсандан). Весной 1921 г. Г.Н. Войтинский с женой возвратились из Китая в Иркутск. Но по воспоминаниям С.А. Далина (1902-1985) М.М. Сахьянова задержалась в Монголии. Там она занималась вопросами зарождающегося женского движения [13, с. 163]. О результативности этой деятельности говорит следующий факт. Примерно в 1925 г. пять даурских девушек (Хай Юри, Гуруй, Субад, Саран и Ринчин) тайно покинули Мэхэрт и направились на учебу в Верхнеудинск. Позже они учились в Москве в Коммунистическом университете трудящихся Востока, работали в МНР [14, с. 302].

О дальнейшей деятельности Сахьяновой по информации начальника научно - информационного центра ГБУ «Государственный архив РБ» Н. Сороковиковой от 28 мая 2013 г. известно следующее. В связи с выездом на учебу в Москву секретаря Бурят-Монгольского обкома В.И. Трубачеева, ЦК РКП(б) и Дальневосточное бюро РКП(б) выдвинули на должность секретаря обкома партии М.М. Сахьянову. III пленум Бурятского обкома РКП(б) 25 ноября 1924 г. единогласно утвердил Марию Михайловну секретарем Бурятского областного комитета РКП(б). Возглавив областной комитет партии через год после образования республики. М.М. Сахьянова сумела сплотить бурятских коммунистов. Были решены задачи становления и укрепления национальной государственности бурят, развития и усиления органов советской власти, культуре и быту[2]. В вышеупомянутой статье из музея «Дом на набережной» так были описаны условия работы 1-го секретаря Обкома «не на чем было съездить за Селенгу - на весь обком одна лошадь и та некормленая. Затем Москва... Депутат Верховного Совета...»[3]. Необходимо дополнить, что в столице она была избрана Членом Центральной контрольной комиссии ВКП(б) СССР (1927–1934) [11, с. 150].

2 *Сороковикова Н.* Одна из первых. Руководитель, революционер, общественник // Вести Закамны. 08.03.2023. // URL: https://vestizakamny.ru/lubimaja-burjatija/odna-iz-pervyh-rukovoditel-revolyutsioner-obschestvennik-28-05-2013.html (Дата обращения: 01.11.2025).

3 Музей «Дом на набережной» г. Москва.

Рисунок 1. Фото из статьи «Она вам не балерина» газета «Номер один» 08.03.2023[5].

Все вышеуказанное делает Марию Михайловну по мнению журналистки Эржены Мансоруновой первой в мире женщиной - руководительницей. «Будучи ребенком из бедной семьи, а не наследницей или женой правителя, она построила свой путь самостоятельно и добилась самой высокой руководящей должности в республике»[4].

О том какое положение в политической жизни общества занимала М.М. Сахьянова говорит и фотография из фондов Национального музея Бурятии. На групповом фото (рисунок 1) справа от И.В. Сталин сидит Мария Михайловна Сахьянова.

С января 1929 г. опытный и подготовленный бурятский коммунист начала работать в аппарате высшего органа партии в качестве ответственного инструктора ЦК ВКП(б). Она в этой должности занималась вопросами текущей работы партии в районах Сибири, в Монголии и Туве. В марте 1933 г. М.М. Сахьянова была награждена орденом Ленина за активную работу среди женщин[6]. В это же время данную награду получили Надежда Крупская, Клара Цеткин, Александра Коллонтай, Мария Ульянова и другие выдающиеся женщины страны.

В 1936 г. она была избрана делегатом VIII чрезвычайного съезда Советов СССР. Затем М.М. Сахьянова была направлена на работу в город Чебоксары в качестве уполномоченного Комиссии партийного контроля по Чувашской АССР. Ее работа проходила в сложнейшей обстановке, когда повсеместно началась кампания по выполнению решений февральско-мартовского 1937 г. пленума ЦК ВКП(б), официально обосновавших развертывание массовых репрессий. М.М. Сахьянова не следовала установкам

4 *Мансорунова Э.* Она вам не балерина // Номер один. // URL: https://gazeta-n1.ru/news/society/120035/ (Дата обращения: 01.11.2025).

5 Там же.

6 *Сороковикова Н.* Одна из первых. Руководитель, революционер, общественник // Вести Закамны. 08.03.2023. // URL: https://vestizakamny.ru/lubimaja-burjatija/odna-iz-pervyh-rukovoditel-revolyutsioner-obschestvennik-28-05-2013.html (Дата обращения: 01.12.2025).

этих решений – обвинялась в недостаточной борьбе с «враждебными элементами» специальным постановлением бюро Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) от 3 сентября 1938 г.[7].

М.М. Сахьянова была Депутатом Верховного Совета СССР первого созыва, представляла Чувашскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. В то время в состав Верховного Совета СССР первого созыва, который заседал с 1938 по 1946 (выборы во время Великой Отечественной войны не проводились, в связи с чем с 1942 года, после истечения первоначального 4-летнего срока полномочий, Президиум Верховного Совета ежегодно публиковал указ, продлевающий работу этого созыва ВС ещё на год). Дополним, от Бурят-Монгольской Автономной республики в Совет входил Иванов Соломон Матвеевич (уроженец улуса Ей Аларского аймака), а от Усть-Ордынского Бурят-Монгольского - Петхонова Агафья Михайловна[8].

Из Чувашии Марию Михайловну отозвали снова в Москву для работы в КПК при ЦК ВКП(б). Однако в апреле 1939 г. она была освобождена от занимаемой должности. А в июне 1939 г. направлена на в Пензенскую область - на должность директора совхоза им. Лассаля. С января по декабрь 1940 г. работала заведующей парткабинетом Сокольнического райкома партии города Москвы. С декабря 1940 г. до начала Великой Отечественной войны находилась в отпуске для подготовки к сдаче кандидатского экзамена по истории партии. С июня 1941 г. работала на различных должностях партийного аппарата. Когда 20 октября 1941 г. в Москве было объявлено *осадное положение* и началась эвакуация Чувашия снова стала местом жительства Сахьяновой. С ноября того же года по февраль 1942 г. она работала лектором Чувашского обкома партии. А уже в августе 1942 г. Мария Михайловна в должности ответственного секретаря столичного района Ростокино включается в важнейшую работу по составлению хроники обороны Москвы. С декабря 1943 года она работала лектором Центрального Дома культуры железнодорожников при Народном комиссариате путей сообщения (Министерство транспорта Российской Федерации). А с июня 1951 г. до ухода на пенсию в ноябре 1956 г. была научным работником Института марксизма - ленинизма при ЦК КПСС (Marx–Engels–Lenin Institute). Закономерно, что в январе 1956 г. в связи с 60-летием со дня рождения, за заслуги в революционном движении М.М. Сахьянова была

7 *Сороковикова Н.* Одна из первых. Руководитель, революционер, общественник // Вести Закамны. 08.03.2023. // URL: https://vestizakamny.ru/lubimaja-burjatija/odna-iz-pervyh-rukovoditel-revolyutsioner-obschestvennik-28-05-2013.html (Дата обращения: 01.12.2025).

8 Сайт Национального музея Усть-Ордынского округа. Навстречу дню создания Усть-ордынского округа. 12.09.2020 // URL: https://mus38.ru/news/2020-09-12-1474 (Дата обращения: 01.01.2026).

награждена вторым орденом Ленина и ей была назначена персональная пенсия союзного значения[9].

Об обыденной жизни Марии Михайловны можно сказать следующее. Ее племянница - первая профессиональная бурятская балерина, народная артистка СССР Л.П. Сахьянова рассказала. «Среда, в которой находилась она (следовательно и ее тетя прим. автора) была представлена многочисленными выдающимися персоналиями. Мои детство и юность прошли в 20-х–40-х годах в Москве. Круг общения родителей был очень широк, так как они были работниками Коминтерна». В гостях у Сахьяновых бывали «Г. Уинстон и Д. Шилов, С. Лазо и В. Кингисепп, М. Ракоши и В. Блюхер, М. Рубинштейн и Г. Войтинский, А. Фадеев и наши М. Амагаев, М. Ербанов, А. Маркизов, а Х. Намсараев и Ц. Сампилов даже жили у нас некоторое время». Жизнь в послевоенные годы Лариса Петровна описывала так. «Мы очень нуждались – нечего было одеть и нечего было есть. Было нас 6 иждивенцев у Марии Михайловны Сахьяновой. Мой отец в начале войны ушел в ополчение и сразу же погиб, у других ребят отцов репрессировали»[10].

Проживая в Москве, даже будучи пенсионеркой М. М. Сахьянова поддерживала связь с активными участниками борьбы за Советскую власть в Иркутске и Иркутской губернии, и конечно с земляками из Бурятии. Известно, что Мария Михайловна помогла проживающим в Улан-Удэ в стесненных условиях родственникам бурятского поэта Ж.Б. Батоцыренова (1881-1937 гг.). После получения государственной квартиры дочь поэта написала: «Очень и очень я благодарна М. Михайловне (Сахьяновой), А.У. Модогоеву, С.Я. Ербановой, И.Т. Поликарповой, О.Б. Цыбиковой – помогли и не забывали отца» [7, с. 27].

Отмеченная вышеуказанной благодарностью бывшая Заместитель председателя Госплана БМ АССР, супруга Михея Николаевича Ербанова, персональная пенсионерка всероссийского значения Савранна Яковлевна Ербанова (1903-1987) активно вела переписку с Марией Михайловной, знакомила с республиканскими новостями[11]. Также известно, что в 1967 г. М.М. Сахьянова приезжала на родину М.Н. Ербанова и выступала на открытии двух памятников - Председателю ревкома и исполкома первой Советской Бурятской Автономии, главе Правительства Бурятской АССР, первому секретарю обкома КПСС Бурятии М.Н. Ербанову и Герою Совет-

9 *Сороковикова Н.* Одна из первых. Руководитель, революционер, общественник // Вести Закамны. 08.03.2023. // URL: https://vestizakamny.ru/lubimaja-burjatija/odna-iz-pervyh-rukovoditel-revolyutsioner-obschestvennik-28-05-2013.html (Дата обращения: 01.12.2025).

10 *Сахьянова Л.* «С детства я страдала страшной, до слез стеснительностью»// сайт Бурятского театра оперы и балета. 13.02.2023. // URL: https://uuopera.ru/2023/02/13/iz-vospominaniy-larisy-sakhyanovoy-s/ (Дата обращения: 01.12.2025).

11 НАРБ. Ф. Р-2188. Оп.1. Д.54. Л.1-9.

ского Союза Е.И. Быкову. В этой поездке Сахьянова общалась с членом Аларского райкома комсомола - Риммой Викторовной Шадаевой (Дондубон) [6, с. 49].

Рисунок 2. М.М. Сахьянова[16].

В Москве с 1935 г. и до своего ухода в 1981 г. М.М. Сахьянова жила в *Доме на Набережной*, которую выделили ее сестре - сотруднице Коминтерна[12]. В разное время в доме проживали маршалы Блюхер, Тухачевский и Жуков, государственные деятели Ф.Э. Дзержинский, Л.П. Берия и Н.С. Хрущев, дети Сталина - В.И. Сталин и С.И. Аллилуева, авиаконструктор А.И. Микоян, летчик М.В. Водопьянов, передовик труда А.Г. Стаханов, литераторы Демьян Бедный и Александр Серафимович[13]. О доме сохранились различные легенды. Одна из них гласит, что между стенами квартир тянутся потайные коридоры[14].

Обыденные воспоминания рассказывают. «Многие родители жившие в этом доме, особенно отцы, проводили выходные с детьми: играли, читали и водили в театр, в кино (обычно в «Ударник» и, в конце 1930-х, в Первый Детский, в зале Нового театра), в Третьяковскую галерею (по другую сторону Канавы), в Пушкинский музей (по другую сторону реки) и в Парк Горького (куда шли сначала вдоль Канавы, а потом вдоль реки)» [12, с. 149].

Мария Михайловна (рисунок 2) живя в центре общественной и культурной жизни страны и в преклонном возрасте была в курсе республиканских культурных событий. В 1960 г. она подарила открытому в г. Улан-Удэ Библиотечному институту (ныне ВСГИК) более тысячи книг и журналов[15].

В наши дни связь с земляками не теряют и последователи Сахьяновой. В 2019 г. в Бурятию вернулся личный архив знаменитого актера Ва-

12 Экспонат Музея «Дом на набережной» г. Москва.

13 *Махновская Н.* «Мальчик исписал 15 тетрадок - и предсказал все». Рассказываем о главной тайне жуткого Дома на набережной // Главные новости Москвы 24/7. 10.06.2022. // URL: https:// msk1.ru/text/gorod/2022/06/10/71399930/ (Дата обращения: 01.12.2025).

14 *Шлионская И.* Престиж и история: жилье в Доме на набережной по-прежнему считается элитным // Строительная газета. 08.09.2024. // URL: https://stroygaz.ru/publication/dwelling/prestizh-i-istoriya-zhile-v-dome-na-naberezhnoy-po-prezhnemu-schitaetsya-elitnym/ (Дата обращения: 01.12.2025).

15 *Сороковикова Н.* Одна из первых. Руководитель, революционер, общественник // Вести Закамны. 08.03.2023. // URL: https://vestizakamny.ru/lubimaja-burjatija/odna-iz-pervyh-rukovoditel-revolyutsioner-obschestvennik-28-05-2013.html (Дата обращения: 01.12.2025).

16 НАРБ. Ф. Р-2188. Оп.1. Д.35. Л.1 (портрет).

лерия Ивановича Инкижинова (1895-1973). По словам коллекционера и мецената Льва Львовича Бардамова: она не считала его врагом народа, поэтому «сохранила для будущего поколения». Также Л.Л. Бардамов выразил благодарность Валентине Александровне Сахьяновой за сохранение этих неповторимых документов[17]. Телеграмма из переданного архива была отправлена Валерием Инкижиновым супругу Марии Михаловны. Александр Иванович Оширов (1901-1931) работал на различных должностях в полпредстве СССР в Китае, трагически погиб накануне конфликта на Халхин-Голе... Как вспоминала его сестра Инна Ивановна Оширова: «Брат мой, Александр, работал в Коминтерне, недалеко от Манежа, и я знала многих коммунистов, таких как японский коммунист Сэн Катаяма, также Ван Мина и других коммунистов Китая». В историю Бурятии он вошел и как продюсер фильма «Потомок Чингисхана» (в зарубежном прокате «Storm over Asia» 1928 г.)[18].

Добавим, что самой Марии Михайловне был посвящен спектакль поэта Солбонэ Туя «Оюун Билик», который в 1936 г. поставила первая профессиональная бурятская женщина режиссер - Мария Бадмаевна Шамбуева (1901-1931)[19]. Которую, как первую бурятскую актрису с уникальным певческим даром, будучи опытным режиссером, открыл В.И. Инкижинов [8, с. 15]. В этом несомненно прослеживается творческое взаимодействие выдающихся общественных деятелей той эпохи.

Несомненно, что дважды орденоносная М.М. Сахьянова входит в яркую плеяду женщин Бурятии. Ее вклад в становление и развитие Бурятии оценен следующими фактами. Имя Марии Сахьяновой присвоено Улан-Удэнской школе-интернату № 1, и ее имя носит улица, на которой расположен Бурятский научный центр. На основании постановления Бюро Улан-Удэнского горкома КПСС и исполкома городского Совета депутатов трудящихся от 1 июля 1967 г. в связи с празднованием 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции М.М. Сахьяновой было присвоено звание «Почетный гражданин г. Улан-Удэ»[20].

Заключение

Проведенное исследование показало, что события и люди прошедше-

17 В Улан-Удэ вернулся личный архив Валерия Инкижинова // Байкал-Daily 10.10.2019. // URL: https://www.baikal-daily.ru/news/16/375223/ (Дата обращения: 01.12.2025).

18 *Махачкеев А.* Ошировы. Семейные хроники. Продолжение // Буряад үнэн. 01.03.2023. // URL: https://burunen.ru/bur/blogs/96995-oshirovy-semeynye-khroniki-prodolzhenie/ (Дата обращения: 01.12.2025).

19 О постановке «Оюн Билик»//Бурят-Монгольская правда, № 116 (5895), 22 мая 1936, стр. 4.

20 Улан-Удэ. Сайт горсовет [Электронный ресурс]. Сахьянова Мария Михайловна / Почетные граждане. 26.07.2019. // URL: https://ulan-ude-eg.ru/gorod/pochetnye-grazhdane/sakhyanova-mariya-mikhaylovna/ (Дата обращения: 01.12.2025).

го XX века продолжают оставаться в зоне общественного интереса. Мария Михайловна была знакома со многими выдающимися людьми мирового масштаба, длительно проживала в Москве в правительственном *Доме на набережной*, что несомненно сказывалось на ее мировоззрение. В масштабе страны она плодотворно сотрудничала политическими лидерами своего времени, в масштабе республики служила примером для многих женщин, в частности была старшей соратницей для С.Я. Ербановой. География ее деятельности охватывала огромную территорию, она отличалась сильным характером и щедростью. М.М. Сахьянова передала в дар ВСГИК большую библиотеку, сохранила исторические документы подтверждающие творческое взаимодействие ее мужа А.И. Ошорова с Валерием Инкижиновым - выдающимся актером сыгравшем главную роль в фильме режиссера Всеволода Пудовкина (1893-1953) по сценарию Осипа Брик (1888-1945) и Ивана Новокшонова (1896-1943) «Потомок Чингисхана» (1928).

В дополнении к этому надо сказать, что деятельность как Марии Михайловны, так и ее современниц представляет интерес и заслуживает дальнейшего исследования.

Библиографический список:

1. Алтаева А.Э. Основные периоды педагогической деятельности Е.П. Хазагаевой (1883–1964) // Педагогика: традиции и инновации: Материалы VII Международной научной конференции. 2016. С. 5-8.
2. Бартанова А.А. «Женщины Советской Бурят-Монголии». – Улан-Удэ.: Бурмонгиз, 1952. 120 с.
3. Бартанова А.А. Славная дочь бурятского народа (о М.М. Сахьяновой) // Женщины Советской Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. С. 3-9.
4. Басаев Г.Д. Политическая история Республики Бурятия в 20-30-е годы и роль в ней М.Н. Ербанова: дис. ... док. ист. наук. – Иркутск, 1998. 449 с.
5. Батуев Б.Б. «Мария Михайловна Сахьянова: страницы политической биографии». Улан-Удэ.: Вост.-Сиб. гос. ин-т культуры. Общественно-науч. центр «Сибирь», 1992. 84 с.
6. Будаева А.Э. Общественная деятельность Савранны Яковлевны Ербановой в 1960-1970 гг // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2023. № 3. С. 46-55.
7. Будаева А.Э. С.Я. Ербанова в информационном пространстве первой четверти XXI в // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2025. № 1. С. 24-29.
8. Жимбиев Ц.-Ж. Немеркнущий образ киноактера // Неизвестный и известный Валерий Инкижинов: жизнь и творчество. Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2003. С. 13-18.
9. Жуйков Д.А. Основные методологические проблемы биографического исследования в современной историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 25 (279). С. 133-136.
10. Иконникова С.Н. Биография как социокультурное измерение истории // Культурологический журнал. 2011. № 4 (6). С. 1-6. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/biografiya-kak-sotsiokulturnoe-izmerenie-istorii/viewer (Дата обращения: 20.01.2026).
11. Курас Л.В. М.М. Сахьянова, Э.-Д. Ринчино и монгольская революция 1921 г. // Власть. 2010. № 6. С. 150-152.
12. Слезкин Ю. Л. «Дом на набережной», выходные дни. Начало 1930-х годов // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2019. № 1 (44). С. 1-5. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dom-na-naberezhnoy-vyhodnye-dni-nachalo-1930-h-godov (Дата обращения: 27.12.2025).
13. Сотникова И.Н. О деятельности Марии Михайловны Сахьяновой на Дальнем Востоке // Проблемы новой и новейшей истории Китая. 2018. С. 154-170.
14. Цыбенов Б.Д. Из истории развития культуры и образования национальных меньшинств Хулун-Буира в первой половине XX в. // Власть. 2021. № 6. С. 298-303. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-razvitiya-kultury-i-obrazovaniya-natsionalnyh-menshinstv-hulun-buira-v-pervoy-polovine-xx-v (Дата обраще-

ния: 27.12.2025).
15. Смирнова Е.А. Парадигмы культуры Древней Греции в современных форматах визуального искусства // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 44-51.

References

1. Altayeva A.E. The Main Periods of the Pedagogical Activity of E.P. Khazagaeva (1883–1964) // Pedagogy: Traditions and Innovations: Proceedings of the VII International Scientific Conference. 2016. P. 5-8.
2. Bartanova A.A. Women of Soviet Buryat-Mongolia. – Ulan-Ude: Burmongiz, 1952. 120 p.
3. Bartanova A.A. The Glorious Daughter of the Buryat People (about M.M. Sakhyanova) // Women of Soviet Buryatia. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House, 1969. P. 3-9.
4. Basayev G.D. Political History of the Republic of Buryatia in the 1920s–1930s and the Role of M.N. Erbanova in It: Diss. ... Doc. of History. – Irkutsk, 1998. 449 p.
5. Batuev B.B. "Maria Mikhailovna Sakhyanova: pages of political biography." Ulan-Ude.: Vost.-Sib. state Institute of Culture. Social science Center "Siberia", 1992. 84 p.
6. Budaeva A.E. Social activities of Savranna Yakovlevna Erbanova in 1960-1970 // Bulletin of the Buryat State University. Humanities Studies of Inner Asia. 2023. № 3. P. 46-55.
7. Budaeva A.E. S.Ya. Erbanov in the information space of the first quarter of the XXI century // Bulletin of the Buryat State University. Humanities Studies of Inner Asia. 2025. № 1. P. 24-29.
8. Zhimbiev Ts.-Zh. The Unfading Image of a Film Actor // Unknown and Famous Valery Inkizhinov: Life and Work. Ulan-Ude: Publishing and Printing Complex of the VSGAKI, 2003. P. 13-18.
9. Zhuikov D.A. The Main Methodological Problems of Biographical Research in Modern Historiography // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2012. № 25 (279). P. 133-136.
10. Ikonnikova S.N. Biography as a Sociocultural Dimension of History // Cultural Studies Journal. 2011. № 4 (6). P. 1-6. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/biografiya-kak-sotsiokulturnoe-izmerenie-istorii/viewer (20.01.2026).
11. Kuras L.V., M.M. Sakhyanova, E.-D. Rinchino and the Mongolian Revolution of 1921 // Vlast. 2010. № 6. P. 150-152.
12. Slezkine Yu. L. "House on the Embankment", Weekends. Early 1930s // Vestn. Perm. University. History Series. 2019. № 1 (44). P. 1-5. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dom-na-naberezhnoy-vyhodnye-dni-nachalo-1930-h-godov (27.12.2025).
13. Sotnikova I.N. On the activities of Maria Mikhailovna Sakhyanova in the Far East // Problems of the New and Contemporary History of China. 2018. P. 154-170.
14. Tsybenov B.D. From the history of the development of culture and education of national minorities of Hulunbuir in the first half of the 20th century // Power. 2021. № 6. Pp. 298-303. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-razvitiya-kultury-i-obrazovaniya-natsionalnyh-menshinstv-hulun-buira-v-pervoy-polovine-xx-v (27.12.2025).
15. Smirnova E.A. Paradigms of ancient Greek culture in modern visual art formats // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 44-51.

Власов И.А.

Магистр, аспирант Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Липецк.

Образ Петра I (Великого) в отечественной и зарубежной научной публицистике и историографии: специфика интерпретации личности и деяний первого русского императора*

Аннотация. В статье, на основании изучения различных концепций, касающихся трактовки причин, содержания и итогов деятельности первого русского императора Петра I; его личного вклада в радикальные преобразования системы власти в России и социального ландшафта страны, выявляются тенденции в характеристике различными учеными и исследователями российской истории места и роли Петра I в становлении Российской империи как важнейшего элемента системы международных отношений. С опорой на отечественные и зарубежные первоисточники (научную публицистику и монографические работы) дается описание динамики в интерпретации образа Петра I как в научном дискурсе, так и в общественном сознании, на разных этапах истории страны – в имперский период, в эпоху СССР и в постсоветское время. Используя общенаучные методы исследования – анализ и синтез, компаративный подход – при оценке масштаба личности Петра I (особенностей его психоэмоционального портрета и мотивов действий на разных отрезках его жизни), с опорой на документы, архивные материалы и профильную научную литературу, автор выявляет степень влияния уровня развития общественного сознания и политических предпочтений в России и СССР на приверженность тех или иных отечественных научных школ к восприятию фигуры и деяний первого русского императора.

Научная значимость данной работы объясняется попыткой составить панорамную картину известных науке подходов к изучению феномена Петра I, с точки зрения социально-политического и исторического значения его действий, в том числе в аспектах, связанных с формированием сложных и противоречивых экономических, политических и культурных взаимосвязей между Россией и Европой, а также переформатированием государственного устройства самой России (прежде всего в части отношений между элитами и рядовым населением, конструирования новой архитектуры властного аппарата, вестернизации общественной жизни).

Данная работа может представлять научный интерес как комплексное исследование, во-первых, оценок историков и биографов монарха-реформатора, принадлежащих к разным историческим эпохам, и, во-вторых, в качестве мониторинга трансформации восприятия ученым сообществом значимости петровских преобразований XVIII века.

Ключевые слова: Петр Первый, реформы Петра Первого, образ первого российского императора, внешняя политика Российской империи в XVIII веке, личность в истории.

* © Власов И.А., 2026.

Vlasov I.A.
Master's degree student, postgraduate student, Leningrad State University named after A.S. Pushkin, Lipetsk.

The image of Peter I (the Great) in Russian and foreign scientific journalism and historiography: the specifics of the interpretation of the personality and deeds of the first Russian emperor

Abstract. This article, based on a study of various theories regarding the causes, content, and results of the activities of the first Russian Emperor, Peter I, and his personal contribution to the radical transformation of the Russian system of power and the country's social landscape, identifies trends in the characterization by various scholars and researchers of Russian history of Peter I's place and role in the development of the Russian Empire as a crucial element in the system of international relations. Drawing on Russian and foreign primary sources (scholarly journalism and monographs), the article describes the dynamics of interpretation of Peter I's image in both scholarly discourse and public consciousness, across different periods of Russian history—the imperial period, the Soviet era, and the post-Soviet period. Using general scientific research methods—analysis and synthesis, a comparative approach—to assess the scale of Peter the Great's personality (the specifics of his psycho-emotional profile and the motives for his actions at different periods of his life), drawing on documents, archival materials, and specialized scientific literature, the author reveals the degree to which the level of development of public consciousness and political preferences in Russia and the USSR influenced the adherence of various domestic scientific schools to the perception of the figure and deeds of the first Russian emperor.

The scientific significance of this work is explained by an attempt to compile a panoramic picture of known scientific approaches to the study of the phenomenon of Peter the Great, from the perspective of the socio-political and historical significance of his actions, including aspects related to the formation of complex and contradictory economic, political, and cultural relationships between Russia and Europe, as well as the reformatting of the state structure of Russia itself (primarily in terms of relations between the elites and the ordinary population, the construction of a new government architecture, and the Westernization of public life).

This work may be of scholarly interest as a comprehensive study, firstly, of the assessments of historians and biographers of the reforming monarch from different historical eras, and secondly, as a monitoring of the changing perceptions of the scholarly community regarding the significance of Peter the Great's reforms in the 18th century.

Key words: Peter the Great, Peter the Great's reforms, image of the first Russian emperor, foreign policy of the Russian Empire in the 18th century, personality in history.

Введение

Отношение к вопросу о роли личности в историческом процессе не-

редко становилось причиной расхождений во взглядах именитых ученых и авторитетных научных школ. При этом, оценивая доводы оппонирующих сторон, трудно избавиться от мысли о том, что на отношение специалистов по военной, политической, экономической и прочим подвидам исторической науки к фактору человеческой индивидуальности, как к движителю изменений в обществе, оказывает влияние конкретный исторический момент – господствующее мировоззрение (идеология), система общепринятых этических принципов. То же самое, думается, можно сказать и рассуждая о рассматриваемой в данной статье теме.

Период российской истории, условно названный «эпохой петровских реформ», часто воспринимается как пролонгированный в течение нескольких десятилетий переходный процесс адаптации России к формату мироустройства Нового времени. При осмыслении этого отрезка русской истории часто задействуют историко-антропологический подход, а также ставшие привычными термины, обозначающие характер преобразований государственного устройства России и, соответственно, метод определения их эффективности (посредством сравнения желаемой цели и достигнутого результата), – «модернизация», «вестернизация», «европеизация» и «догоняющее развитие». Однако многие историки продолжают придерживаться традиционных способов исследования – источниковедения и фактологического анализа, не стремясь к далеко идущим обобщениям.

Между тем невозможно оспаривать грандиозность преобразований, стартовавших в России в начале XVIII века, которые «охватили все направления экономической, политической и духовной жизни страны и привели к радикальным преобразованиям во всех сферах жизнедеятельности населения, укреплению политической и экономической мощи России» [1, с. 111]. По масштабам и воздействию на устои государства петровские реформы сравнимы, пожалуй, лишь с программами индустриализации и коллективизации первых десятилетий советской власти в СССР; в этой связи уместен, как иллюстрация такой параллели, ставший уже хрестоматийным отрывок из поэмы 1924 года М. Волошина «Россия»: «Петр был первый большевик, замысливший Россию перебросить [...] за сотни лет, к ее грядущим далям» [2, с. 55].

В последние несколько десятилетий проблемное поле для глубоких исторических изысканий, касающихся петровской эпохи, значительно расширилось, и многие аспекты, ранее остававшиеся на периферии научного поиска, теперь вызывают повышенный интерес. Заметным стимулом в этом отношении стал тот факт, что иностранные коллеги перестали считаться для отечественной исторической науки идейными оппонентами; их труды переводятся на русский язык, издаются и становятся доступными не только академическим кругам, но и широкой аудитории. Таковы, к примеру,

работы в жанре научной публицистики американского историка Ричарда Пайпса [3] или французской исследовательницы русской истории Франсины-Доминик Лиштенан [4] и многих др. В каждой из таких работ, конечно, представлено авторское видение, но и, к сожалению, отголоски взгляда со стороны западной исторической традиции, трактующей события и процессы российской истории не всегда объективно, а иногда и обескураживающе. В частности, С.А. Мезин отмечает, что «Лиштенан видит в Петре I прежде всего человека с его достоинствами и недостатками и не считает русское самодержавие «естественной» формой правления» [5, с. 188].

Разумеется, на состояние и направление развития научного дискурса, связанного с жизнью и деятельностью столь непростой, многогранной (и часто непоследовательной в своих поступках) личности, каким был первый российский император; на тренды «прогрессивных» западных воззрений и убеждения исследователей «новой волны» постсоветской России не мог не сказаться нынешний критический взгляд на «патриархальные порядки» старой, абсолютистской России. Действительно, «в последние годы отношение к преобразованиям Петра I в российской экспертной среде […] меняется», поскольку он «не вызывает восторга у западников, для которых идеалом является концепция «либерализма», но в её современном прочтении» [6, с. 202].

Однако для того, чтобы составить целостное представление об образе Петра I в историографии (о его влиянии на ход российской истории), пусть даже в общих чертах, необходимо принимать во внимание весь эволюционный процесс осмысления событий, происходивших в России в XVIII веке, да и в более позднее время.

Исследователи начала XX века, особенно периода, предшествовавшего Октябрьской революции, указывали в своих работах на исторически судьбоносное значение преобразовательных реформ Петра I для дальнейшего развития Российского государства, разделяясь в то же время на сторонников их позитивной роли и уверенных в их разрушительности.

В годы первых десятилетий становления Советской власти акцент в трактовке реформаторства первого русского императора сместился с укрепления бюрократической машины государства, выстраивания им жесткой вертикали власти и насаждения буржуазного уклада на индустриальные и военные успехи петровской эпохи, а также «стратегическую прозорливость» царя-технократа. Но во всех случаях анализ развертывания реформ и слома патриархальной России в конце концов приводил к изучению неоднозначной, самодостаточной и внутренне антонимичной фигуры этого российского правителя – «контрастная и часто фантасмагоричная личность Петра I привлекала внимание большинства историков, пишущих о его эпохе» [7, с. 21].

Одни историки указывали на подчиненность стратегии петровской политики общей тенденции саморазвития государства, обосновывая это тем, что «единичная воля, при всей своей свободе, не может не подчиняться силе исторических условий и обстоятельств […] Ни честь реформы, ни упреки за их неправду и насильственность не падают исключительно на одного Петра» [8, с. 20]. Другие – как, к примеру, основатель государственной школы русской историографии С.М. Соловьев, – напротив, именовали Петра I не иначе, как «революционером на троне». Им вторили и более поздние «властители умов» –так, «одновременно Робеспьером и Наполеоном» называл Петра I А.С. Пушкин [9, с. 146]. Именно Петр I рассматривался «ключевой фигурой в череде попыток модернизации и вестернизации России, в конечном итоге приведших к революции 1917 г.» [7, с. 20]. Его самодостаточность и независимость в действиях подчеркивалась и историками позднего имперского периода, считавшими, что «человѣкъ съ характеромъ вполнѣ самостоятельнымъ мало способенъ дѣйствовать по внушеніямъ другихъ» [10, с. 218].

Известна также «народническая» ветвь в оценке подвижничества Петра I в деле перевода России на рельсы интенсивно (а не экстенсивно!) развивающегося государства, – когда петровские преобразования рассматриваются как проект, реализуемый совместно с обществом и в его (общества) интересах, с целью превращения Российского государства в европейскую по менталитету (но не по духу!) страну. В таком контексте следует воспринимать высказывания о том, что Петр I «царем на Руси служил, служил верой и правдой, бодро тянул тягло за одно с народом!» [11, с. 410-411], что «жадный до просвещения, поклонник Запада, со страстью к мореплаванию, промышленности, торговле […] стал богатырем не московской, а вечевой эпохи» [12, с. 1111].

С другой же стороны, звучали реплики о «просвещенном деспотизме» первого русского императора, который взрастил «служилый правящий класс, живущий за счет рабов» [13, с. 162] и заложил фундамент «социокультурной трансформации русского дворянства», укрепление которого продолжили все последующие правители России [14, с. 39].

Безусловно, углубленный разбор позиции каждого (пусть даже весьма авторитетного) историка в связи с его отношением к личности и мотивам действий Петра I не способен дать однозначного ответа на вопрос о мере конструктивности и своевременности той линии, которую исповедовал Петр I при переустройстве Российского государства. Поэтому целесообразным следует признать системный подход, обобщение концепций, предлагавшихся в разное время сторонниками различных подходов к трактовке образа первого русского императора, а также исторического контекста, в рамках которого он существовал. Важно сопоставить, структурировать,

выделив главное в этих концепциях, и взвесить аргументацию авторов. В этом, думается, и состоит новаторская компонента нашего исследования.

Считаем, что анализ общности и отличий концепций (отечественных историков прошлого и нынешнего времени, а также их зарубежных коллег) позволит придать новый импульс изучению образа Петра I, с точки зрения историзма оценок, их соответствия состоянию общественной мысли и силы восприятия обществом исторической преемственности в своем развитии.

Завершая вступительную часть, можно сделать следующий вывод: при всей непоследовательности, импульсивности и жесткости проводимой политики (как внутренней, так и внешней), при всех несуразностях мировоззрения (застрявшего в прошлом, но стремящегося в грядущее монарха), часто одностороннем видении социально-политической ситуации в стране (и обстоятельств, к ней приведшим), наконец, при всей противоречивости своих желаний и порывистости нрава Петр I, наряду с немногими другими историческими персонажами истории России (Александром Невским, Иваном IV Грозным, И.В. Сталиным и др.), стал символом русского мира. Отношение к этому символу претерпевало изменения «со сменой поколений, правлений, исторических событий: от старообрядческой легенды о Петре-антихристе до мифологического образа демиурга – творца новой России» [7, с. 20], но не меняло своего статуса. При этом, как считают некоторые ученые, «в России старых и новых времен были только два правителя, образ которых преимущественно оставался положительным – Александр Невский и Пётр I (даже несмотря на отдельные неоднозначные, а подчас и мрачные эпизоды в жизни каждого)» [15, с. 44]. Пожалуй, наиболее емкий в своем рационализме и – одновременно – критичности приговор вынес царю-реформатору А.С. Суворин, написав, что он «останется великим, несмотря на его великие ошибки, потому что достаточно великого он сделал» [16, с. 356].

Материалы и методы

Учитывая предметную область исследования, его теоретическую базу составили научные работы (фундаментальные исследования и научная периодика) представителей отечественных и зарубежных научных школ, посвященные исследованию личности и деятельности Петра I; исторической и политической ситуации, сложившейся в конце XVII – XVIII вв. в российском обществе и на внешнем контуре Российского государства. Кроме того, были изучены документы, датированные рассматриваемым периодом истории России, связанные с петровскими инициативами по реорганизации устройства государства, а также комментарии к ним. Дополнительно автором был проанализирован обширный пласт литературно-художе-

ственных публикаций, содержащих оценочные суждения и позиции ряда российских мыслителей и политиков XIX–XX вв. относительно роли Петра I и предпринятых им мер в части модернизации органов власти и социальных институтов.

При работе с фактографическим материалом и профильной литературой автор опирался на привычные методы, которыми оперирует историография, – хронологический метод, сравнительно-исторический и ретроспективный анализ, метод историзма и периодизации исторического процесса, а также метод систематизации (по различным критериям) позиций и аргументации ученых, занимавшихся изучением феномена личности Петра I.

Приведенными выше обстоятельствами объясняется научная достоверность, доказательность и объективность проведенного исследования.

В качестве объекта исследования выступают публикации разных лет, относящиеся к отечественному и зарубежному научному дискурсу, связанному с историей России XVII–XVIII вв., соотносимые по своей тематике и хронологическим рамкам с периодом правления Петра I и содержащие упоминания о нем лично и его деятельности.

Предметом исследования является характеристика фигуры Петра I в контексте проводившихся им преобразований, с учетом проявления его уникального интеллектуально-психологического и эмоционально-волевого потенциала как правителя т.н. «переходного» периода российской истории – от средневековья к Новому времени.

Массив исследований, посвященных избранной нами теме и представленных в отечественной исторической науке, политологии и политэкономии, весьма значителен, – настолько, что, по меткому наблюдению А.В. Малинова, «в пору составлять историографию историографии о Петре I» [7, с. 20].

Особый интерес в этой связи представляют труды отечественных историков – С.А. Мезина, Т.Ю. Айдуновой, О.С. Кругликовой и Н.И. Павленко. Ярким авторским стилем отличаются работы Е.В. Анисимова, анализировавшего поступки и мотивацию первого русского императора критика с позиций еврогуманизма, буржуазной идеологии и подвергавшего критике реформы петровской эпохи за насильственный (полицейский) характер их проведения, сопряженный с неуемным авторитаризмом монарха-реформатора, ориентированного на защиту абсолютизма и, в то же время, идейное раскрепощение элит; заложившего, по мнению Е.В. Анисимова, основу будущей склонности истеблишмента России к тоталитарному формату управления.

Частные вопросы внешней и внутренней политики начала XVIII века, деятельным участником которых выступал Петр I, освещены во множестве

исследований; в массиве отечественных публикаций времени можно выделить научные изыскания таких авторов, как И.В. Волкова, И.А. Гобозов, А.А. Голубинский, О.А. Кирьяш, Д.М. Коломыц и О.Г. Коломыц, А.Э. Котов, Н.И. Крамаров, С.А. Нефедов, И.В. Кручек, А.А. Кузнецов, И.В. Кузнецова, Ю.В. Лебедев, О.А. Тапехина, Т.В. Черникова, Н.А. Прокофьева и Е.А. Щеглова, В.В. Щепкин, С.М. Санькова и Н.И. Крижановский. Весьма примечательный подход – выделение функционально-идеологических моделей интерпретации образа Петра I – демонстрируют В.Э. Багдасарян и С.И. Реснянский. Историческую обстановку развертывания петровских реформ подробно описали А.А. Пешков, Н.В. Семенова, Е.И. Конанова, Я.Е. Водарский и др.

Несомненной ценностью отличаются памятники историографии XIX – начала XX вв., отражающие полемику славянофильства и западничества в российской историографической традиции, – труды и записки К.Н. Бестужева-Рюмина, О.Ф. Миллера, В.И. Ламанского, М.Н. Каткова, В.С. Хомякова и др.

Высшая степень осуждения деяний Петра I слышна в высказываниях А.С. Суворина и М.О. Меньшикова, утверждавших: «вместо того чтобы поставить свою культуру, свой быт в пример инородцам и в подражание им, наше правительство в лице Петра I отреклось от своей культуры и начало подражать инородческой» [17, с. 91], околдовав «европейским подражанием» Россию; при этом создание державы мирового уровня из России потребовало таких «напряжений, что население едва выдержало», хотя «до Петра простой народ жил свободнее и богаче, чем после Петра» [18, с. 276]. И, напротив, совершенно иную тональность имеют доводы апологета петровских реформ – М.Н. Каткова (главного пропагандиста петровских реформ в «московской консервативной публицистике», по мнению А.Э. Котова [19, с. 325-326].

Пожалуй, наиболее взвешенную позицию, в определенном смысле резюмирующую столкновения двух противоположных точек зрения, предложил в свое время К.Н. Бестужев-Рюмин, полагавший, что в начале XVIII века «много разных культурных миражей пронеслось над русским обществом. Эти марева охватывали его и овладевали им более или менее продолжительное время: то пленяли его немецкая канцелярия, то французская бюрократия, то аристократизм эмигрантов, то учение энциклопедистов, то частью общества овладевали революционные мечты и т. д. и т. д. […] Все это было понятно: торопились учиться, торопились стать на ряду с учителями и в этом ставили свою цель» [20, с. 423].

Следует отметить, что поздние исторические исследования (в частности, советской поры) восприняли в большей степени тезисы, свойственные славянофильской концепции оценки петровских преобразований, точнее

той ее версии, репрезентация которой принадлежит К.С. Аксакову и А.С. Хомякову [7, с. 21].

Что касается зарубежного дискурса в русле рассматриваемой проблематики, то ее составили работы, посвященные личности Петра I и принадлежащие перу Р. Пайпса [21], Ф.–Д. Лиштенан [4], Р. Виттрама [22], Р.К. Масси, М.С. Андерсона, К. Грюнвальда, ряда французских биографистов Петра I (Р. Порталя, А. Валлоттона, А. Труайя), а также публикации, описывающие особенности социально-исторических и политических условий, в которых вызревали и модернизационные начинания Петра I (А. Лорторари [23], Н.В. Рязановского, М.М. Карпович, М. Раев и М. Чернявского, П. Бушковича и др.).

Результаты исследования

Анализ первоисточников, относящихся к интересующей нас проблеме, демонстрирует изменчивость в оценках личности Петра I и его деяний в рамках официальной (именно официальной!) исторической традиции.

В немалой степени на тренд последнего XX столетия в вопросе формирования системы идеологических «аксиом», на которых строился анализ петровской эпохи (со всеми ее противоречиями, достижениями и ошибками) в советской и постсоветской России, да и на развитие исторической науки в целом, оказали события 1917 года. При этом, как отмечает Е.В. Анисимов, «Пётр I, пожалуй, единственный российский деятель, который практически без потерь перешёл рубеж 1917 года, ставший роковым для многих авторитетов того времени». Тем не менее советские историки лишили Петра I титула «Великий»; Санкт-Петербург был переименован в Ленинград.

В послереволюционный период в России развернулась дискуссия о роли и значении реформ Петра I. Историки разделились на несколько групп. Одни видели в Петре прообраз большевика (о чем мы выше упоминали) и рассматривали его реформы как предвестник социалистических преобразований. Другие с сожалением отмечали, что как раз Октябрьская революция 1917 года разрушила тот государственный и общественный порядок, который заложил Петр I своими преобразованиями. Третьи акцентировали внимание на жестоком нраве монарха, считали его деятельность и его самого (как человека) заслуживающими только осуждения.

Однако до конца 1920-х годов в научных школах СССР продолжали работать исследователи с дореволюционным опытом и взглядами, которые сохраняли уважительное отношение к Петру I и придерживались традиционных подходов к трактовке его деятельности. В своей работе «Петр Великий. Личность и деятельность», изданной в Ленинграде в 1926 году, С.Ф. Платонов выступил против негативных и карикатурных изображений

Петра I, созданных в произведениях А. Толстого (роман «Петр I», 1934 г.) и Б. Пильняка («Повесть Петербургская», 1921 г.). Историк считал Петра I образцом самоотверженного служения государству; личностью, проникнутой верой в правду и просвещение, воплощением подлинной государственной силы.

В «Русской истории в самом сжатом очерке» М.Н. Покровского, ставшей в 1920-е годы официальным марксистским учебником, личность Петра I, «прозванного льстивыми историками "великим"», была представлена в негативном свете. Покровский сообщал, что Петр I «запер жену в монастырь», лично участвовал в пытках и казнях, жестоко подавлял мятежи и «умер от последствий сифилиса, заразив предварительно и свою вторую жену».

Антимонархические настроения среди последователей М.Н. Покровского сохранялись до середины 1930-х годов, когда в историографии возобладали идеи государственности, патриотизма и героики. С этого времени и до конца советской эпохи петровские реформы рассматривались как прогрессивное явление, а издержки правления Петра I объяснялись обстоятельствами времени. Для обоснования этого подхода советские историки использовали цитаты классиков марксизма-ленинизма. Петр I у них представал как олицетворение ускоренной европеизации «варварской Руси», проводившейся, однако, «варварскими методами».

Марксистский подход ориентировал советских историков на изучение экономических и социальных аспектов петровской эпохи. Основное внимание уделялось (по понятным причинам) вопросам классового противостояния в русском обществе и общей социально-экономической ситуации. Исследователи сосредоточились на изучении общественных настроений в то время, а также истории национальных окраин. Рассматривая промышленное развитие России в первой четверти XVIII века, такие историки, как П.Г. Любомиров, С.Г. Струмилин, Е.И. Заозерская, А.П. Глаголева, Ф.Я. Полянский, А.М. Панкратова, Н.И. Павленко и другие, на основе обширного фактического материала показали рост мануфактурного производства, становление отечественной промышленности.

В ходе дискуссии об абсолютизме 1968–1972 годов было признано, что положение К. Маркса о возникновении абсолютизма как результате равновесия между дворянством и буржуазией неприменимо к русскому самодержавию первой четверти XVIII века. Историки-марксисты считали, что самодержавие Петра I представляло собой «диктатуру дворянства», но отмечали усилившуюся при нем самостоятельность государственной власти, которая позволяла ущемлять интересы различных социальных групп.

Другой – немарксистский – подход представлен в исторических очерках и публикациях эмигрантских научных кругов, покинувших Со-

ветскую Россию после революции. Профессура дореволюционного образца – Е.Ф. Шмурло, А.А. Кизеветтер, П.Н. Милюков, Е.В. Спекторский, Е.Ю. Перфецкий и другие – демонстрировали широкий спектр позиций по поводу конструктивности петровских реформ и оценочных суждений о самом их вдохновителе, часто менявшихся со временем. Так, в работах П.Н. Милюкова прослеживается эволюция его взглядов на Петра I: первоначально он критиковал и развенчивал «ауру» монументальности и значимости для судеб России деятельности царя-реформатора, но позже признал необходимость и органичность его реформ в русле сложившейся историко-политической обстановки, требовавшей интеграции России в европейскую цивилизацию.

В то же время среди русских историков зарубежья не сложилось единого мнения относительно приемлемости петровских реформ в принципе (в части их содержания, методов проведения в жизнь, достигнутых результатов): одни видели в Петре сильного государственника, тогда как другие рассматривали его как одержимого революционера.

Часть научного сообщества связывала наступивший в пореформенное время, после смерти Петра I, культурный раскол в русском обществе с истоками революционного движения в России в начале XX века. В условиях ограниченных финансовых возможностей и трудностей с организацией масштабных научных исследований лишь немногие ученые, такие как Е.Ф. Шмурло и его молодые коллеги – А.В. Флоровский и С.Г. Пушкарев, смогли продолжить по-настоящему фундаментальные исследования.

Современный этап отечественной историографии (стартовавший с конца 1980-х годов и продолжающийся по сей день) характеризуется отказом от монополии марксистской идеологии, стремлением к интеграции с мировой исторической наукой, поиском новых подходов и реабилитацией позиции классиков русской историографии дооктябрьского периода.

Зарубежные академические школы историографии, работающие в системе ведущих европейских и североамериканских вузов, сформировали за прошедшее время столь же неоднородный дискурс относительно истории России петровского времени.

Признание Фридрихом Энгельсом Петра I «действительно великим человеком», казалось, открыло путь к его «реабилитации» как «дальновидного» государственного деятеля, но также способствовало и его чрезмерной идеализации (хотя советские историки проигнорировали суждения К. Маркса и Ф. Энгельса относительно завоевательного характера внешней политики России в XVIII веке – работа К. Маркса «Разоблачение дипломатической истории XVIII века», основанная на русофобских памфлетах того времени, не переводилась на русский язык и цитировалась лишь в контексте критики).

После Второй мировой войны американская русистика заняла лидирующее положение в изучении истории России, чему способствовало появление в американских университетах русских историков-эмигрантов, таких как М.М. Карпович и Г.В. Вернадский.

Исследования, посвященные петровской эпохе, проводились в университетах Беркли (Н.В. Рязановский), Гарварда (М.М. Карпович), в Колумбийском (М. Раев, М. Чернявский) и Йельском (П. Бушкович) университетах.

М. Раев, специалист по российскому XVIII веку, рассматривал реформы Петра I в контексте европейской истории и полагал, что царь реализовал управленческие идеи и практики германских монархий XVII века. Несоответствие новых политических форм российским общественным структурам, по мнению исследователя, привело к стремлению перестроить, в том числе, общественные отношения в соответствии с принципами «регулярного полицейского государства».

Р.К. Масси, выпускник Йельского университета, создал одну из наиболее полных биографий Петра I. Его роман-исследование, основанный на широком круге источников, неоднократно издавался на русском языке.

Среди обобщающих работ о петровской эпохе на английском языке выделяется также книга М.С. Андерсона, профессора Лондонской школы экономики. Он представляет Петра I как выдающегося государственного деятеля, осознающего себя первым слугой государства, и рассматривает петровские реформы как процесс ускоренного развития, а не революцию.

Французские авторы также составили несколько популярных биографий Петра I (см. работы К. Грюнвальда, Р. Порталя, А. Валлоттона и А. Труайя). Однако с научной точки зрения наибольший интерес представляют специальные исследования, посвященные отражению образа императора в европейском общественном дискурсе.

Наиболее же полным и взвешенным трудом в плане оценок исторического момента и фигуры самого Петра I представляется двухтомник Р. Виттрама, который, к сожалению, так и не был переведен на русский язык. Этот ученый уделял особое внимание европейскому контексту политики царя Петра, опираясь в основном на доступные архивные материалы.

Таким образом, проведенный нами анализ демонстрирует зависимость суждений историков и их позиций от преобладающих в обществе настроений, опорой которых выступает точка зрения, избранная официальным политикумом приоритетной, соответствующей а) социальному климату, б) превалирующей идеологии и в) актуальной системе культурно-исторических императивов. Отдельные высказывания исследователей, не совпадавшие с официальной линией исторической науки в тот

или иной момент, лишь подтверждали инерционность общей траектории эволюции научного дискурса.

Обсуждение

Характеризуя социальную и экономическую политику Петра I, многие исследователи отмечают её сходство с европейской практикой меркантилизма. Однако конъюнктурные соображения побуждали историков акцентировать внимание на «самостоятельности» и «независимости» политики царя, ее дистанцировании от европейских экономических идей и образцов. Так, Н.И. Павленко высказал оригинальные наблюдения об особенностях развертывания новой петровской торгово-промышленной политики: царь стремился развивать промышленность, ограждая её протекционистскими мерами и создавая из промышленников «особую прослойку феодального общества».

Государственные меры в отношении купечества, такие как повышение налогов и введение государственной монополии на торговлю некоторыми товарами, привели, как известно, к массовому разорению купцов в то время.

Социальная политика Петра I также производит неоднозначные впечатления. Точка зрения Б.И. Сыромятникова о классовом дуализме монархии Петра I и буржуазной направленности его политики не получила поддержки среди советских историков. Тезис об искусственном характере мануфактурной промышленности был отвергнут. Вопрос о характере промышленности в петровское время – «феодальном» или «капиталистическом» – оставался дискуссионным долгое время. Большинство исследователей признавали крепостническую основу петровских мануфактур и не видели перехода к капиталистическому укладу в программе петровской индустриализации.

Во второй половине 1980-х годов, после единодушной положительной оценки реформ как прогрессивного явления, начали раздаваться голоса критиков Петра I, в основном из числа публицистов. Это даже побудило Н.И. Павленко выступить в защиту первого русского императора. Однако вскоре последовала «отповедь» со стороны профессиональных историков – Е.В. Анисимов, уже зарекомендовавший себя как знаток социально-экономических и политических вопросов петровской и последующей эпох, предпринял ревизию научных основ советского «петроведения». Его научно-популярная книга [24], вышедшая в разгар идеологических споров, перед распадом Советского Союза, стала своеобразным ответом на эти споры.

Следует признать, что «петровская мифология», выступившая в XX–XXI вв. ареной столкновений различных точек зрения, начала форми-

роваться уже в отечественных изданиях XVIII–XIX вв., «в первую очередь это были «Ведомости» [...], созданные и развивавшиеся в пропагандистских целях», а позднее «эстафету подхватывают […] издания Императорского Русского географического общества» [15, с. 45]. Так, в «Записках русского географического общества» очевидно поступательное «формирование образа Петра I […] по трем основным коммуникативным векторам: 1) отношение потомков к деятельности императора, 2) личные качества Петра Великого, 3) его конкретные дела и поступки» [15, с. 47]. В дальнейшем отдельные историки фокусировались на тех или иных гранях личности Петра I, связывая с его нестабильным характером, взрывным энтузиазмом и кипучей энергией, поступки и конкретные шаги, как на поприще переустройства государственного аппарата, так и в насаждении нового формата общественных отношений. На этом «сочетании несочетаемого» – интеграции социально-культурных и государственно-административных начал в петровских реформах основывались все неудачи и достижения царя-реформатора, по мнению многих исследователей: «Петр I был не только деятелем государственным, но и общественным, – вот почему и громадна так эта историческая личность [...] это сочетание, хотя и неравномерное, двух деятелей в одном лице если и составляет особую силу Петра, то зато и скорее увлекало его к смешению двух раздельных сфер — общественной и государственной, помогало ему сообщить реформе характер принудительный и насильственный [...] Никто более самого Петра так не вредил успеху многих его поистине гениальных замыслов, ибо всякая новая идея торжествует в обществе полнее и успешнее, когда она не опирается ни на какую внешнюю силу. Между тем Петр, деятель общественный, постоянно соблазнялся своею внешнею властью и пускал в общество свои идеи не в форме свободного слова, допускающего и вызывающего возражения, но в форме законов и указов, всегда и везде имеющих силу обязательную, принудительную. Петр сам, кажется, чувствовал эту ложь своего положения и потому так любил снимать с себя царское звание и смешиваться с подданными» [8, с. 17-18]. Мощь и уникальное сочетание эмоционально-волевых качеств Петра I, его способность на время абстрагироваться от своего «верховного» положения – статуса самодержца – неоднократно подмечались в работах XIX–XX вв. Нарочитый, «пафосный» демократизм Петра I позволял предполагать, что «личность играет роль в истории не благодаря своему официальному положению, а благодаря своим дарованиям и нравственному влиянию на общество» [25, с. 122 прим.]

Историки же, упрекавшие Петра I в необузданной жестокости и авторитарном характере при имплементации своих инициатив, считали, что именно «насильственность и есть та Ахиллесова пятка Петра...» [26, с. 100], и что «в одинаковой степени справедливы по отношению к законотворче-

ству и законодействию Петра I и Иосифа Сталина строки […] поэта: Как подкову, кует за указом указ – / Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз» [27, с. 12]. Петр I в таком контексте выступает уже не творцом новой России, а, скорее, ее «могильщиком», который пополнил «отечественную, почвенную традицию необузданного деспотизма власть имущих западными рационализаторскими механизмами» [28, с. 201].

Однако и критики, и сторонники реформ Петра I соглашались, что сближение с европейскими «стандартами мировоззрения» в начале XVIII века было беспрецедентным, но одни видели это сближение в негативном свете, утверждая, к примеру, что «начиная с Петра I, мы уступили более сильному Западу, и сколько бы ни сопротивлялись остатками своей старинной самобытной культуры, неудержимо будем подчиняться и уступать…» [29, с. 384], а другие полагали, что в тот момент «была преодолена многолетняя дипломатическая изоляция государства, произошел выход на новые рубежи, обусловленные вековым геополитическим устремлениями» [14, с. 40].

Разумеется, представленные здесь точки зрения не исчерпывают всё полемическое поле в историографии петровской эпохи, даже внутри блоков сторонников и противников заслуг Петра I присутствует идейное расслоение или «дискуссионные разломы» (в терминологии В.Э. Багдасаряна и С.И. Реснянского), «как, например, дискуссия между патриотами-противниками и патриотами-сторонниками Петра» [30, с. 353].

Заключение

Данное исследование ставило перед собой цель соотнесения точек зрения, представленных в многообразном научном и общественном дискурсах и связанных с трактовкой значения прозападнических реформ XVIII в России, а также интерпретацией личности Петра I как идеолога и вершителя этих преобразований. Мы постарались выделить в дискурсивном пространстве важнейшие концептуальные моменты, смысловые ядра; определить наиболее выраженные тенденции и факторы, их породившие.

Можно согласиться с тем, что время правления Петра I пришлось на момент исторического выбора, который необходимо было сделать русскому обществу и государству, и что страна в это время являла собой «только лист белой бумаги» [31, с. 526–527.]. Но вместе с тем трудно оспорить тезис, что далеко не каждый руководитель государства способен усмотреть верный путь, учесть все подводные камни и препятствия в процессе «смены вех», ведь «исторической личность становится лишь тогда, когда сознает или, по слову историка, «угадывает» те интенции, нужды и цели общественного развития» [7, с. 21]. В этом смысле миссию Петра I вряд ли можно назвать предопределенной и/или однозначным благом для Российского государства. В переходные периоды истории всегда имеют место и экономические

надрывы, и социальная неустроенность, и политический диссонанс. Как точно подметил К.Н. Бестужев-Рюмин «в каждой исторической эпохе есть отрицательная сторона, относящаяся к прошлому, и положительная, обращенная к будущему […] Конечно, наученные горькими опытами люди начинают сознавать, что дело тем прочнее, чем лучше согласуется с существующими уже в обществе силами. Такого сознания не было в эпоху Петра, и жаль, что его не было» [32, с. 131].

По мнению части современных российских историков, деятельность Петра I крайне неоднозначна и его преобразования привели лишь к ограниченным позитивным итогам, «но в долгосрочной перспективе ввергли русское общество в состояние неплодотворного подражания, презрения к своему прошлому, неверия в свои творческие силы» [7, с. 23]. Их оппоненты аргументируют свою позицию тем, что «железной самодержавною рукою» Петр I избавился от «иосифлянского фундаментализма» и развернул «российскую элиту лицом к Европе» [33, с. 251]. Однако даже последовательные критики «петровской перестройки» XIX века признавали, что образ Петра Великого «никогда не умрет в русском народе, пока будет существовать на земле русское племя, пока будет слышна на земле русская речь...» [34, с. 3., л. 71].

Интересно, что сам монарх воспринимал идею о том, что его руками «создается новая русская нация» не весьма благосклонно, он, в частности, записал, что не властители, а «академии и школы сочиняют новый народ и новый свет, как мы во многих иных эвропеиских нациях видим» [35, с. 241].

На новом этапе развития российской историографии, в работах последних лет, всё сильнее ощущается потребность иного, соответствующего запросам нынешнего времени подхода к оценке личности и деяний Петра I и его сподвижников. Эта смена ракурса научного видения, безусловно, должна основываться на опыте прошлого; и следует согласиться с тем, что прежняя, традиционная историографическая «икона» первого русского императора «является синтезом семантик прежней советской интерпретации [...] и теории модернизации (образ Петра в качестве предтечи всех последующих российских реформаторов)», однако столь же верно и то, что «смена векторов развития России на современном этапе предположительно актуализирует запрос на новое переосмысление петровской эпохи» [30, с. 359].

Обобщая вышесказанное, считаем необходимым обозначить прикладной компонент проведенного исследования, которое может быть использовано как источник историографического материала, посвященного исследованию личности и деятельности крайне противоречивой фигуры Петра I, оставившего неизгладимый след в мировой и отечественной истории. Эмпирический материал и авторские оценки, изложенные в этой статье, могут быть использованы при подготовке лекций и семи-

нарских занятий по отдельным темам отечественной истории, а также в процессе написания научных работ, посвященных трансформационным процессам, происходившим в русском обществе и государстве на рубеже XVII–XVIII вв., а также личности их инициатора – Петра I (Великого).

Библиографический список:

1. Кручек И.В. Петр I: портрет на фоне социального обеспечения // Общество и цивилизация. 2023. Т. 5. № 2. С. 110-113.
2. Заостровцев А.П. Реформы Петра I как вариант адаптивной модернизации // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2023. № 2. С. 45-61.
3. Пайпс Р. Россия при старом режиме / пер. с англ. В. Козловского. – Москва: Независимая газета, 1993. 421 с.
4. Лиштенан Ф.-Д. Петр Великий. Окно в Европу. Рождение Российской империи / пер. с фр. В.А. Бабинцева; под ред. Е.С. Зашихина, С.В. Соколова. – Москва: Политическая энциклопедия; Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2021. 567 с.
5. Мезин С.А. Французское исследование о Петре Великом // Российская история. 2023. № 5. С. 183-188. – DOI 10.31857/S2949124X23050127.
6. Крамаров, Н.И. Реформы Петра I как столкновение национального и заимствованного (к продолжающемуся спору западников и славянофилов) // Проблемы национальной стратегии. 2024. № 4 (85). С. 186-205. – DOI 10.52311/2079-3359_2024_4_186.
7. Малинов А.В. Образ Петра I в учении петербургских славянофилов // Кунсткамера. 2022. № 2 (16). С. 18-34. – DOI 10.31250/2618-8619-2022-2(16)-18-34.
8. Ламанский В.И. Михаил Васильевич Ломоносов. Биографический очерк. – Санкт-Петербург: Типография А.А. Краевского, 1863. 102 с.
9. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: [в 10 т.]. – Т. 8: Автобиографическая и историческая проза; История Пугачева; Записки Море-де-Бразе / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом); 2-е изд. – Москва, 1958. 595 с.
10. Бэр К.М. Заслуги Петра Великого по-части распространения географических познаний о России и пограничных съ нею земляхъ Азии // Записки Русского географического. – 1849. – Книжка III. – Санктпетербургъ: Въ Типографии Втораго Отдѣления Собственной Е.Я. В. Канцеляри. С. 217-253.
11. Миллер О.Ф. Об отношениях русской литературы к Петру Великому // Русская старина. 1873. Март. С. 406-411.
12. Меньшиков, М.О. Письмо CCXXXIII // Письма к ближним. – Год V-й. – Май. – 1906. – Санкт-Петербург: Типография А.Ф. Воейкова, 1906. С. 565-1606.
13. Санькова С.М. Правление Петра Первого в оценках представителей российского государственного национализма (М.Н. Каткова, А.С. Суворина, М.О. Меньшикова) / С.М. Санькова, Н.И. Крижановский // Тетради по консерватизму. 2022. № 3. С. 160-170. – DOI 10.24030/24092517-2022-0-3-160-170.
14. Линькова Е.В. Внешняя политика Петра I в оценках российских консерваторов XIX в. // Вестник МГИМО Университета. 2022. Т. 15. № 2. С. 37-50. – DOI 10.24833/2071-8160-2022-2-83-37-50.
15. Прокофьева Н.А. Образ Петра I в «Записках Императорского Русского географического общества» / Н.А. Прокофьева, Е.А. Щеглова // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2023. Т. 42. № 1. С. 43-54. – DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-1-43-54.
16. Суворин А.С. Письмо CLXV // В ожидании века XX: Маленькие письма (1889–1903). – Москва: Алгоритм, 2005. С. 355-357.
17. Меньшиков М.О. Великорусская партия V (1907. 23 июня) // Великорусская идея. – Москва: Институт русской цивилизации, 2012. Т. I. 688 с.
18. Меньшиков М.О. О здоровье народном // Письма к ближним: полное собрание: [в 16 т.]. – Т. 1: 1902 г. – Санкт-Петербург: Машина времени, 2019. 832 с.
19. Котов А.Э. Образ Петра Великого в консервативной публицистике второй половины XIX в. // Петр Великий: исследования и открытия: К 350-летию со дня рождения: М-лы междунар. науч. конф. «Значение преобразований Петра в новой и новейшей истории России» (г. Москва, 17–19 мая 2022 г.). – Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2022. С. 323-328.
20. Бестужев-Рюмин К.Н. «Духа не угашайте» // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1885а. № 10. С. 423-425.
21. Pipes R. Russia under the old regime. – New York: Penguin Books, 1995. 361 p.
22. Wittram R. Peter I Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit. – Bd. 1–2. Gottingen,

1964.
23. Lortholary, A. Les «Philosophes» du XVIII siecle et la Russie. Le mirage Russe en France au XVIII siecle. – Paris, 1951.
24. Анисимов, Е.В. Время петровских реформ XVIII в., 1-я четверть / Ист. б-ка «Хроника трех столетий: Петербург-Петроград-Ленинград». – Ленинград: Лениздат, 1989. 495 с.
25. Ламанский В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе: исследование Владимира Ламанского. – Санкт-Петербург: Типография Майкова, 1871. 316 с.
26. Миллер О.Ф. Основы учения первоначальных славянофилов // Русская мысль. 1880а. Кн. 1. С. 77-102.
27. Яновский О.А. Прежде, чем читать эту книгу… // Семевский М.И. Тайная служба Петра I: документальные повести / сост., подгот. текста, предисл. и коммент. О.А. Яновского. Минск: Беларусь, 1993. С. 5-6.
28. Оболонский А.В. Кризис бюрократического государства: реформы государственной службы: международный опыт и российские реалии. – Москва: Фонд «Либеральная миссия», 2011. 448 с.
29. Меньшиков М.О. Две правды // Великорусская идея. – Москва: Институт русской цивилизации, 2012. Т. II. 712 с.
30. Багдасарян В.Э. Образ Петра I в современном историографическом и общественном дискурсе / В.Э. Багдасарян, С.И. Реснянский // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 3. С. 351-362. – DOI 10.22363/2312-8674-2022-21-3-351-362.
31. Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. – Москва: Наука, 1991. Т. 1. 798 с.
32. Бестужев-Рюмин К.Н. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Сочинение профессора С.-Петербургской духовной академии М.О. Кояловича. С.-Петербург, 1884 // Журнал Министерства народного просвещения. – 1885б. Январь. Ч. CC XXXVII. С. 95-140.
33. Янов А.Л. Спор о «вечном» самодержавии: от Грозного до Путина. – Москва: Новый Хронограф, 2017. 566 с.
34. Меньшиков М.О. Колдовство обычая // Новое время. – 1901 г. 1 июля.
35. Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники: сб. док. – [в 3 т.]. – Т. 2–3 / Центр истории России Нового времени НИУ ВШЭ, Центр ист. исслед. НИУ ВШЭ, Рос. гос. арх. древ. актов; сост. Н.А. Воскресенский. – М.: Древлехранилище, 2020. 848 с.
36. Гончарова Н.А., Бобров А.Д., Панаетов И.А., Хронова И.А. Роль и структура налоговых отчислений в комплексной оценке расходов компании на персонал // Альманах «Крым». 2025. № 49. С. 54-62.

Reference

1. Kruchek I.V. Peter I: Portrait against the Background of Social Security // Society and Civilization. 2023. Vol. 5. № 2. P. 110-113.
2. Zaostrovtsev A.P. Reforms of Peter I as a Variant of Adaptive Modernization // Bulletin of Moscow University. Series 6: Economy. 2023. № 2. P. 45-61.
3. Pipes R. Russia under the Old Regime / translated from English by V. Kozlovsky. – Moscow: Nezavisimaya Gazeta, 1993. 421 p.
4. Lichtenan F.-D. Peter the Great. Window to Europe. The Birth of the Russian Empire / translated from French by V.A. Babintsev; edited by E.S. Zashikhin, S.V. Sokolova. – Moscow: Political Encyclopedia; Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2021. 567 p.
5. Mezin S.A. French Research on Peter the Great // Russian History. 2023. № 5. P. 183-188. – DOI 10.31857/S2949124X23050127.
6. Kramarov N.I. Reforms of Peter the Great as a Clash of the National and the Borrowed (to the Ongoing Debate between Westernizers and Slavophiles) // Problems of National Strategy. 2024. № 4 (85). P. 186-205. – DOI 10.52311/2079-3359_2024_4_186.
7. Malinov A.V. The Image of Peter I in the Teachings of the St. Petersburg Slavophiles // Kunstkamera. 2022. № 2 (16). P. 18-34. – DOI 10.31250/2618-8619-2022-2(16)-18-34.
8. Lamansky V.I. Mikhail Vasilievich Lomonosov. Biographical Sketch. – St. Petersburg: A.A. Kraevsky Printing House, 1863. 102 p.
9. Pushkin A.S. Complete Works: [in 10 volumes]. – Vol. 8: Autobiographical and Historical Prose; History of Pugachev; Notes of Moret-de-Brazay / USSR Academy of Sciences. Institute of Russian Literature (Pushkin House); 2nd ed. – Moscow, 1958. 595 p.
10. Baer K.M. The Merits of Peter the Great in Disseminating Geographical Knowledge about Russia and the Asian Borderlands // Notes of the Russian Geographical. – 1849. – Book III. – St. Petersburg: In the Printing House of the Second Department of E.Ya. V.'s Own Chancellery. P. 217-253.
11. Miller O.F. On the Relationship of Russian Literature to Peter the Great // Russkaya Starina. 1873. March. P. 406-411.

12. Menshikov, M.O. Letter CCXXXIII // Letters to Fellow Travelers. – Year 5. – May. – 1906. – St. Petersburg: A.F. Voeikov Printing House, 1906. P. 565-1606.
13. Sankova S.M. The Reign of Peter the Great in the Assessments of Representatives of Russian State Nationalism (M.N. Katkova, A.S. Suvorina, M.O. Menshikova) / S.M. Sankova, N.I. Krizhanovsky // Notebooks on Conservatism. 2022. № 3. P. 160-170. – DOI 10.24030/24092517-2022-0-3-160-170.
14. Linkova E.V. The Foreign Policy of Peter the Great in the Assessments of Russian Conservatives of the 19th Century // Bulletin of MGIMO University. 2022. Vol. 15. № 2. P. 37-50. – DOI 10.24833/2071-8160-2022-2-83-37-50.
15. Prokofieva N.A. The Image of Peter I in the "Notes of the Imperial Russian Geographical Society" / N.A. Prokofieva, E.A. Shcheglova // Issues of Journalism, Pedagogy, and Linguistics. 2023. Vol. 42. № 1. P. 43-54. – DOI 10.52575/2712-7451-2023-42-1-43-54.
16. Suvorin A.S. Letter CLXV // In Anticipation of the Twentieth Century: Little Letters (1889–1903). – Moscow: Algorithm, 2005. P. 355-357.
17. Menshikov M.O. Great Russian Party V (1907. June 23) // Great Russian Idea. – Moscow: Institute of Russian Civilization, 2012. Vol. I. 688 p.
18. Menshikov M.O. On Public Health // Letters to Neighbors: Complete Collection: [in 16 volumes]. – Vol. 1: 1902. – St. Petersburg: Mashina Vremeni, 2019. 832 p.
19. Kotov A.E. The Image of Peter the Great in Conservative Journalism of the Second Half of the 19th Century // Peter the Great: Research and Discoveries: On the 350th Anniversary of His Birth: Proceedings of the International Scientific Conf. "The Significance of Peter's Reforms in the Modern and Contemporary History of Russia" (Moscow, May 17–19, 2022). – Moscow: Center for Humanitarian Initiatives, 2022. P. 323-328.
20. Bestuzhev-Ryumin K.N. "Do not quench the Spirit" // News of the St. Petersburg Slavic Charitable Society. 1885a. № 10. P. 423-425.
21. Pipes R. Russia under the old regime. – New York: Penguin Books, 1995. 361 p.
22. Wittram R. Peter I Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit. – Bd. 1–2. Gottingen, 1964.
23. Lortholary A. The "Philosophers" of the 18th century and Russia. The mirage of Russia in France during the 18th century. – Paris, 1951.
24. Anisimov E.V. The Time of Peter's Reforms of the 18th Century, 1st Quarter / Ist. Library "Chronicle of Three Centuries: Petersburg-Petrograd-Leningrad". – Leningrad: Lenizdat, 1989. 495 p.
25. Lamansky V.I. On the Historical Study of the Greco-Slavic World in Europe: Vladimir Lamansky's Research. – St. Petersburg: Maikov Printing House, 1871. 316 p.
26. Miller O.F. Foundations of the Teachings of the Early Slavophiles // Russkaya Mysl. 1880a. Book 1. P. 77-102.
27. Yanovsky O.A. Before Reading This Book... // Semevsky M.I. The Secret Service of Peter I: Documentary Stories / compiled, prepared the text, foreword and commentary by O.A. Yanovsky. – Minsk: Belarus, 1993. P. 5-6.
28. Obolonsky A.V. The Crisis of the Bureaucratic State: Civil Service Reforms: International Experience and Russian Realities. – Moscow: Liberal Mission Foundation, 2011. 448 p.
29. Menshikov M.O. Two Truths // The Great Russian Idea. – Moscow: Institute of Russian Civilization, 2012. Vol. II. 712 p.
30. Bagdasaryan V.E. The Image of Peter I in Modern Historiographic and Public Discourse / V.E. Bagdasaryan, S.I. Resnyansky // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia. 2022. Vol. 21. № 3. P. 351-362. – DOI 10.22363/2312-8674-2022-21-3-351-362.
31. Chaadaev P.Ya. Apology of a Madman // Chaadaev P. Ya. Complete Works and Selected Letters. – Moscow: Nauka, 1991. Vol. 1. 798 p.
32. Bestuzhev-Ryumin K.N. History of Russian Self-Awareness Based on Historical Monuments and Intermediate Works. Work by Professor of the St. Petersburg Theological Academy M.O. Koyalovich. St. Petersburg, 1884 // Journal of the Ministry of Public Education. – 1885b. January. Part XXXVII. P. 95-140.
33. Yanov A.L. The Debate on the "Eternal" Autocracy: From Ivan the Terrible to Putin. – Moscow: Novy Khronograf, 2017. 566 p.
34. Menshikov M.O. Ordinary Witchcraft // New Time. – 1 July 1901.
35. Legislative acts of Peter I. Government editions and drafts, notes, reports, reports, petitions, and foreign sources: Coll. doc. – [in 3 vols.]. – Vol. 2–3 / Center for the History of Modern Russia, HSE University, Center for Historical Research, HSE University, Russian State Archives of Ancient Acts; compiled by N.A. Voskresensky. – Moscow: Ancient Repository, 2020. 848 p.
36. Goncharova N.A., Bobrov A.D., Panaetov I.A., Khronova I.A. The role and structure of tax deductions in the comprehensive assessment of the company's personnel costs // Almanac "Crimea". 2025. № 49. P. 54-62.

Мокеева М.О.
Студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменский государственный университет.

Возмищева Е.С.
Студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменский государственный университет.

Вторушина А.П.
Студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменский государственный университет.

Улитина Е.Д.
Студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменский государственный университет.

Иванов К.С.
Старший преподаватель. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменский государственный университет.

Жизнь после подвига: психологические трансформации поколения победителей*

Аннотация. Статья посвящена анализу социально-психологических трансформаций в советском обществе в послевоенный период (1945–1953 гг.). Выявляется парадокс между триумфом СССР как державы-победительницы и острой внутренней напряженностью, вызванной разрухой, необходимостью изнурительного восстановления и продовольственным кризисом 1946–1947 гг..

Особое внимание уделяется проблемам ветеранов, которые, несмотря на статус «героя-победителя», столкнулись с катастрофическими материальными условиями, трудностями в трудоустройстве и неэффективностью советской бюрократии. Обсуждается кризис демографического дисбаланса и двойное бремя для женщин, а также проблемы «детей войны».

Исследуются личностные и психологические последствия войны, включая проявления посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и факторов его развития.

Описывается социально-психологический портрет послевоенного советского человека, характеризующийся феноменом двойного сознания – разделением кри-

* © Мокеева М.О., Возмищева Е.С., Вторушина А.П., Улитина Е.Д., Иванов К.С., 2026.

тической внутренней реальности и внешнего идеологически правильного выражения, что обеспечивало адаптацию, но вело к эмоциональному истощению.

Ключевые слова: послевоенный период, социально-психологические трансформации, посттравматическое стрессовое расстройство, поколение победителей, адаптация ветеранов, демографические последствия войны, советское общество, психологическая травма, двойное сознание, послевоенное восстановление.

Mokeeva M.O.
Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch), Tyumen State University.

Vozmishcheva E.S.
Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch), Tyumen State University.

Vtorushina A.P.
Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch), Tyumen State University.

Ulitina E.D.
Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch), Tyumen State University.

Ivanov K.S.
Senior Lecturer. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch), Tyumen State University.

Life after the feat: psychological transformations of the generation of victors

Abstract. This article analyzes the socio-psychological transformations in Soviet society in the post-war period (1945–1953). It reveals the paradox between the USSR's triumph as a victorious power and the acute internal tensions caused by the devastation, the need for grueling reconstruction, and the food crisis of 1946–1947.

Particular attention is paid to the problems of veterans who, despite their status as "victorious heroes," faced catastrophic material conditions, employment difficulties, and the inefficiency of the Soviet bureaucracy. The crisis of demographic imbalance and the double burden for women are discussed, as well as the problems of "children of war".

The personal and psychological consequences of the war are explored, including the manifestations of post-traumatic stress disorder (PTSD) and the factors that contribute

to its development.

The article describes a socio-psychological portrait of a post-war Soviet person, characterized by the phenomenon of double consciousness – the separation of a critical internal reality and an external ideologically correct expression, which ensured adaptation, but led to emotional exhaustion.

Key words: post-war period, socio-psychological transformations, post-traumatic stress disorder, generation of victors, adaptation of veterans, demographic consequences of the war, Soviet society, psychological trauma, double consciousness, post-war recovery.

1. Героизм и реальность: социально-психологический портрет советского человека в послевоенные годы

Переход советского общества от военного состояния к мирному был сопряжен не только с экономическим восстановлением, но и с глубокими социально-психологическими трансформациями

Послевоенный период в истории Советского Союза, охватывающий годы с 1945 по 1953 год, представляет собой время острой психологической и социальной напряженности. Главный парадокс заключался в дисбалансе между триумфом СССР, став державой-победительницей и одним из двух мировых центров силы, и катастрофической внутренней ситуацией.

Контраст победы и разрухи внутри страны – создал невыносимое психологическое давление. Граждане, пережившие чудовищные лишения и проявившие беспримерный героизм на фронте и в тылу, ожидали облегчения и большей свободы. Вместо этого они столкнулись с необходимостью изнурительного восстановления[1].

Послевоенная идеология не позволяла гражданам перейти от режима военного напряжения к мирному спокойствию. Вместо этого, требовалось перенести психологию «солдата на фронте» в сферу производственных отношений.

Война также породила эффект «стихийной десталинизации». Ослабление формального государственного контроля в окопах уступило место самоконтролю и неформальному контролю со стороны малых социальных групп, боевых товарищей, что давало ощущение большей свободы, чем в мирное время. На основе возросшего чувства личной ответственности за судьбы Отечества формировался личный взгляд на то, каким должно стать Отечество в будущем[2]. Этот новый, критический взгляд на действительность представлял потенциальную опасность для режима, который до войны был рассчитан на субъекта, мыслящего в ограниченных пределах дозволенного.

1 *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. С. 55.

2 Там же, С. 28-37.

Ветераны возвращались с фронта с чувством чести, основанным на чёткой военной иерархии, эффективности и прямом командовании. Однако они столкнулись с медленной, непрозрачной и часто коррумпированной реальностью гражданской жизни и советской бюрократии. Возник глубокий разрыв между их общественным статусом «героя-победителя» и их реальной материальной и социальной полезностью в условиях мирного времени.

Несмотря на громкую риторику о героизме, материальные условия жизни ветеранов часто были катастрофическими. Многим не хватало жилья, а найти работу, соответствующую их навыкам и самооценке, было крайне сложно.

Из демобилизованных по состоянию здоровья 2 млн человек, около 450 тыс. имели ампутированные конечности. Они столкнулись с огромными трудностями в получении лечения (к концу войны лишь треть интернатов имела врача) и в трудоустройстве, несмотря на официальные постановления. Факты незаконных отказов в приеме на работу или увольнений были обыденностью. Эта ситуация, особенно нищенство калек на вокзалах, символизировала провал неформального социального контракта между властью и «поколением победителей».

Война спровоцировала глубокий кризис демографического дисбаланса. Общие потери СССР оцениваются в 26,5–27 млн человек, при этом около 20 млн (76%) приходилось на мужчин. В 1946 году численность женщин превышала численность мужчин уже начиная с поколения 20–24-летних, а в наиболее дееспособной группе (20–44 года) женщин было на 10 млн больше, чем мужчин[3].

Этот дефицит кардинально изменил брачные устои и саму структуру семьи. Женщины, которые во время войны взяли на себя тяжёлые промышленные, сельскохозяйственные и административные роли, оказались под двойным прессом. С одной стороны, они должны были нести основное бремя труда по восстановлению страны, с другой – возвращаться к традиционным гендерным ролям, несмотря на отсутствие мужчин. Эта двойственность сформировала новый, психологически напряжённый женский профиль.

Особенно тяжелым было психологическое бремя вдов и одиноких женщин, которые, не имея официального статуса «героев-фронтовиков», несли эмоциональный и экономический груз содержания семей в условиях крайней нужды.

Особую группу составляли «дети войны» – поколение, рано повзрослевшее под влиянием тяжелого труда. Тяжелый труд и постоянное недоедание привели к значительному ухудшению здоровья подростков: в 1944 году в крупных городах 28–40% подростков, занятых на производстве, были при-

3 *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л.* Население Советского Союза 1922-1991 / под. ред. А. Г. Волкова. – М.: Наука, 1993. С. 61-72

знаны больными. Одновременно наблюдался рост детской беспризорности и безнадзорности. Только в Москве во второй половине 1945 г. органами милиции было задержано 27,7 тыс. безнадзорных детей, многие из которых занимались мелкой торговлей на рынках, чтобы прокормить себя и свои семьи

Психологическое напряжение от голода и дефицита перекрыло идеологическую приверженность, сместив фокус внимания граждан на немедленные, прагматичные вопросы выживания.

В 1946 году, после неурожая и кампании по хлебозаготовкам, положение с оплатой труда было хуже, чем в тяжелый 1943 год: 13,2% колхозов в РСФСР вообще не выдали крестьянам зерна по трудодням.

В этих условиях продовольственный кризис 1946-1947 гг. перерос в настоящий голод, который унес около 2 млн жизней по всему СССР[4]. Этот голод был прямым следствием сознательного решения властей о дополнительных хлебозаготовках и отказе расконсервировать государственный резерв, при том, что в 1946-1947 гг. СССР экспортировал 2,5 млн тонн зерна союзникам. Этот выбор, продиктованный геополитическими целями, показал, что легитимность режима основана на внешней силе, а не на благосостоянии народа.

Необходимость доступа к ресурсам привела к моральным компромиссам и ускоренному развитию системы «блата». Злоупотребления при распределении гуманитарной помощи, поступавшей из США и Великобритании, усиливали социальное расслоение. Руководящие работники, например отбирали лучшие вещи, а рабочим доставались остатки или непригодные предметы, что вызывало жалобы и проверки.

Это системное, мелкое взяточничество и коррупция требовали от граждан моральной гибкости и цинизма, что резко контрастировало с высокими идеалами военного коллективизма и самопожертвования.

Война, временно приоткрывшая «окно в Европу» миллионам советских солдат, создала политическую угрозу в виде «европеизированного» советского солдата.

Наблюдение за европейским уровнем жизни стало нравственным и психологическим ударом. Этот опыт дал «знание сравнения», которое обесценивало идеологические догмы о превосходстве советского строя, дало населению основу для сравнения и потенциальной критики советской системы. Сталин немедленно приступил к демонтажу военной гибкости и автономии[5].

Чтобы гарантировать, что ни один политический соперник не сможет использовать военный престиж для собственной выгоды, И.В. Сталин на-

4 Хрестоматия по отечественной истории (1946–1995): Учеб, пособие для студентов вузов / Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Щагина. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. С. 7-15.

5 *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. С. 38-40.

чал внутренние чистки. Ждановщина стала аппаратом для психологического принуждения. Культурные чистки были направлены на устранение потенциального интеллектуального инакомыслия, вынуждая деятелей искусства, писателей и учёных к немедленному подчинению.

Усталость от экстремального военного бытия привела к формированию утопических ожиданий о наступлении «жизни-праздника». Люди, пережившие войну, идеализировали довоенное время и надеялись, что «самое тяжелое – позади», и что мирная жизнь начнется сразу, по инерции Победы.

Эти надежды подкреплялись жаждой психологической компенсации. В послевоенные годы наблюдался массовый спрос на приключенческую литературу, сказки и киноленты, такие как «Девушка моей мечты» и «Тарзан». Среди отечественных фильмов популярность завоевала комедия «Кубанские казаки»[6].

Эта установка ожидания предполагала, что перемены к лучшему, если и не произойдут быстро, то все равно неизбежны, и главной задачей человека становится адаптация и выживание в текущих условиях.

В этот период ярко выражается феномен двойного сознания, что представляет собой психологическую адаптацию, выработанную для преодоления разрыва между героическими государственными требованиями и травматической пережитой реальностью. Механизм заключался в сознательном разделении внутренней, критической реальности от внешнего идеологически правильного выражения. Человек жил, поддерживая две параллельные картины мира. Это приводило к эмоциональному истощению и глубокому ощущению отчуждения от своего подлинного «я».

Критерии для раскрытия внутренней реальности стали крайне узкими, ограничиваясь семьёй или проверенными, многолетними друзьями. Это определяло параметры социальной интимности в послевоенную эпоху.

Социально-психологический портрет послевоенного советского человека – фигура исключительной психологической устойчивости, чья общественная идентичность была построена на адаптивной двойственности. Он был одновременно и героическим победителем, и разочарованным выжившим, несущим груз неразрешённой травмы.

Советский человек публично демонстрировал непоколебимую веру в систему и готовность к дальнейшим жертвам, в то время как в частной сфере развивал глубокий скептицизм в отношении идеологических лозунгов и государственного аппарата. Его выживание зависело от способности бесшовно переключаться между этими двумя режимами сознания.

Травма и вынужденная идеологическая двойственность, проистекающая из необходимости поддерживать «двойное видение», определили

6 *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. С. 48-49.

моральный и эмоциональный ландшафт, унаследованный последующими поколениями.

Несмотря на тяжелейшую психологическую цену, которую пришлось заплатить, память о Победе оставалась самым мощным источником национальной сплоченности, даже в те моменты, когда вера в Партию и государство ослабевала. Эта память стала главным эмоциональным якорем, придающим смысл колоссальным жертвам и оправдывающим текущие лишения.

2. Война внутри: личностные и психологические последствия подвига

После окончания Великой Отечественной войны миллионы солдат, прошедших через ужасы сражений, начали возвращаться в родные города, села и деревни. Это возвращение стало символом надежды и восстановления, но также несло в себе боль и утраты.

Но за годы войны этот мир стал им совершенно чужд. Старый мир, ставший новым поставил перед ветеранами трудную и сложную задачу смыслообразования, актуализировал необходимость переосмысления трагического опыта войны и корректировки всей системы восприятия.

Именно в условиях «обычной» жизни стали замечать изменения в поведении людей, вернувшихся с войны:

1. Дезадаптация, выражающаяся в сильных зависимостях (алкоголизм, наркомания) и конфликтности (как профессиональной, так и социальной).

2. Появление негативизма, мнительности, нервозности, приступов гнева.

3. Воспоминания о травматическом или стрессовом событии постоянно преследуют человека (яркие картинки из прошлого). Постоянное переживание травмирующего случая. Отсутствие желание планировать будущее и живет только прошлым.

4. Стремление избегать мыслей, мест, запахов, звуков, разговоров, людей, которые напоминают о травмирующем событии или связаны с ним.

5. Тревожные сны.

Это симптоматика ПТСР (посттравматическое стрессовое расстройство - психическое расстройство, развивающееся вследствие мощного психотравмирующего воздействия угрожающего или катастрофического характера, сопровождающееся экстремальным стрессом)[7].

Основные причины развития ПТСР после военной травмы:

1. Участие в активных боевых действиях и наличие непосредственной угрозы жизни. Военные часто находятся в ситуациях, где каждое их действие может быть вопросом жизни и смерти. Организм мобилизуется, что-

7 *Караваева Т.А.* Посттравматическое стрессовое расстройство в парадигме доказательной медицины: патогенез, клиника, диагностика и терапия // ФГБНУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева» Министерства здравоохранения Российской Федерации. 2022. С. 6-10.

бы выжить, психика работает на пределе.

2. Травматические события: смерти, разрушения, травмы. Участие в операциях, где солдаты вынуждены наблюдать или участвовать в насильственных действиях, часто оставляют глубокий след в психике.

3. Гибель и тяжелые ранения сослуживцев вызывают сильные эмоциональные переживания, которые способствуют развитию посттравматического расстройства. В военных частях между людьми складываются тесные связи, и потеря близкого друга может быть особенно тяжелой.

4. Продолжительная служба в зонах боевых действий. Длительное пребывание в условиях постоянного стресса и опасности также увеличивает риск проявления ПТСР у ветеранов боевых действий. Жизнь в условиях постоянной угрозы, когда невозможно расслабиться и почувствовать себя в безопасности, исчерпывает ресурсы психики и приводит к серьезным психологическим последствиям.

5. Состояние боевого стресса в условиях зоны боевых действий переносит каждый. Благодаря стрессовому механизму закрепляется памятный след новых эмоционально поведенческих навыков и стереотипов, первостепенно значимых для сохранения жизни. Вместе с тем, боевой стресс является состоянием дестабилизирующим, патологическим, ограничивающим функциональные резервы организма, увеличивающим риск дезинтеграции психической деятельности и стойких дисфункций[8].

Факторы, которые повышают вероятность развития посттравматического стрессового расстройства у военнослужащих:

1. Молодой возраст, недостаточная психологическая зрелость и жизненный опыт.

2. Низкий уровень образования и социально-экономического статуса.

3. Наличие психических расстройств или травм в анамнезе, в том числе пережитых в детстве.

4. Слабые навыки совладания со стрессом, недостаток социальной поддержки.

5. Дополнительные стрессовые факторы во время или после службы: проблемы в отношениях, финансовые трудности, потеря близких.

6. Специфика рода войск и воинской специальности (выше риск у солдат спецподразделений, саперов, медиков)[9].

В СССР не было достаточно эффективной и распространённой системы исследований посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) у

8 *Бухтиярев И.В., Глухов Д.В.* Формирование посттравматических стрессовых расстройств у военнослужащих в боевой ситуации // ФГБНУ «Научно-исследовательский институт медицины труда им. академика Н.Ф. Измерова». 2018. № 2. С. 11-13.

9 *Ганджалиев А.А.* ПТСР у военных // Клиника психического здоровья и лечения зависимостей Rehab Family. 2025.

участников Великой Отечественной войны (ВОВ). В те годы в СССР не использовали такой термин, а состояние, которое, по мнению некоторых специалистов, могло быть проявлением ПТСР, рассматривалось как проявление неврастении, реактивных состояний или просто трудного характера.

Однако есть исследования, которые предполагают наличие признаков ПТСР у участников ВОВ, но они не прошли в широкую прессу и остались в узких кругах специалистов.

Распространенным явлением было то, что вернувшиеся с войны очень мало рассказывали о ситуациях, с которыми они столкнулись и о своих переживаниях, вызванные ими. Можно сделать предположение что это одно из проявлений ПТСР - диссоциация.

Диссоциация в психологии - это психологический феномен, при котором происходит разрыв или нарушение нормальной интеграции психических функций и процессов. Части сознания - память, чувства, восприятие, идентичность - перестают действовать как единое целое.

Функция диссоциации - защитный механизм, который психика включает, чтобы справиться с непереносимой нагрузкой: стрессом, травмой, переизбытком эмоций или информации. Сознание временно «отключает» или «разъединяет» некоторые свои функции, чтобы сохранить ядро личности целым и снизить остроту переживаний[10].

Но так же есть предположение, что это простое желание людей не погружаться заново в те ужасные события, именно поэтому они мало рассказывали о ВОВ.

События Великой Отечественной войны оставили глубокий и многогранный след в произведениях искусства. Эта трагическая и в то же время героическая страница истории нашла своё отражение в различных жанрах и формах творчества: от картин и скульптур до песен, стихотворений, рассказов и повестей.

Многие художники создали яркие и эмоциональные полотна, запечатлев на них сцены боёв, портреты солдат, образы мирного населения, страдающего от войны. Эти произведения не только документируют исторические события, но и передают чувства и переживания людей того времени.

Композиторы и поэты также откликнулись на события войны, создавая песни и стихотворения, которые стали символами борьбы и победы. Песни о солдатах, о Родине, о любви и верности звучали на фронте и в тылу, поддерживая моральный дух народа. Стихотворения, полные боли и надежды, отражали мысли и чувства людей, переживавших ужасы войны.

В литературе появились рассказы и повести, основанные на реальных событиях, на судьбах солдат и мирных жителей. Эти произведения не

10 *Ганджалиев А.А.* ПТСР у военных // Клиника психического здоровья и лечения зависимостей Rehab Family. 2025.

только информировали о ходе войны, но и анализировали её последствия, поднимали важные морально-этические вопросы. Они стали частью культурного наследия, напоминанием о важности мира и необходимости предотвращения подобных трагедий в будущем.

Одно из таких - поэма А.Недогонова «Флаг над сельсоветом».

Поэма посвящена послевоенной жизни деревни. Автор обращается к судьбам поколения, вернувшегося с фронта, и к жизни послевоенной деревни. Недогонов показывает, что послевоенная жизнь должна быть счастливой - эстетика, далёкая от надрывной реальности, помогает преодолеть разруху. При этом автор подчёркивает, что равное отношение страны к героям и труженикам тыла - это лейтмотив поэмы.

Массы встретили поэму тепло, но находились и те, кто критиковал работу Недогонова, ссылаясь не неправдоподобность описываемых событий.

Так же хорошо известна Автобиографическая повесть Бориса Ряховского «Отрочество архитектора Найденова».

Повесть рассказывает о послевоенном детстве в Актюбинске - городе, где сходятся земли русского Приуралья и казахской степи. В произведении описывается жизнь подростка Вани Найденова, который разводит голубей и сталкивается с разными трудностями и испытаниями. Повесть исследует мужество, силу духа и взросление личности, а также затрагивает тему послевоенной жизни.

Менее оптимистичной является повесть «В ожидании козы» советского писателя Евгения Дубровина.

Евгений Дубровин рассказывает о послевоенной жизни двух братьев, к которым неожиданно возвращается отец, считавшийся погибшим на войне. Повесть затрагивает сложные темы: о человечности и доброте, о взрослении, трудности выбора и ответственности - за принятое решение и его последствия. Автор показывает, что надеяться на чудо (даже в виде козы) не стоит, и даже если прикладывается много усилий, не всегда получается. Это лишь несколько примеров, и все они совершенно разные.

Произведения, описывающие травмирующий послевоенный опыт советских граждан, имеют важное значение для понимания и осмысления исторических событий, их последствий для общества и отдельных людей. Они выполняют несколько функций:

1. Сохранение памяти. Такие произведения помогают сохранить в памяти события, которые могли быть забыты или искажены со временем. Они служат напоминанием о том, что пережили люди в послевоенный период, и о том, как это повлияло на их жизнь.

2. Эмпатия и понимание. Описания травмирующего опыта помогают читателям лучше понять и почувствовать страдания людей, которые пережили войну и её последствия. Это способствует развитию эмпатии и более

глубокому пониманию истории.

3. Анализ и осмысление. Произведения, посвящённые послевоенному опыту, часто содержат глубокий анализ причин и последствий событий. Они помогают читателям осмыслить сложные исторические процессы и их влияние на общество.

4. Образовательная функция. Произведения на эту тему могут использоваться в образовательных целях для изучения истории, литературы и культуры послевоенного периода. Они помогают студентам и исследователям лучше понять контекст и мотивы действий людей в то время.

5. Психологическая функция. Описание травмирующего опыта в художественной форме может помочь некоторым читателям, переживающим похожие эмоциональные трудности, лучше понять свои чувства и не чувствовать себя одинокими в своих переживаниях.

6. Критика и рефлексия. Такие произведения могут служить инструментом для критики социальных и политических систем, которые не всегда адекватно реагировали на потребности послевоенного населения. Они побуждают к рефлексии о том, как можно избежать повторения подобных трагедий в будущем.

7. Культурное наследие. Произведения, описывающие послевоенный опыт, становятся частью культурного наследия и влияют на формирование национальной идентичности. Они помогают сохранить и передать культурные ценности и традиции будущим поколениям.

После окончания Великой Отечественной войны перед советским народом встали масштабные и сложные задачи по преодолению её последствий. Экономика страны находилась в плачевном состоянии, разрушенные города и села требовали восстановления, а тысячи людей, включая ветеранов, столкнулись с острыми социальными и психологическими проблемами.

В первые послевоенные годы страна столкнулась с массовыми трудностями. Голод, безработица и нехватка жилья стали повседневными явлениями. Многие семьи потеряли кормильцев, а разрушенные дома и инфраструктура оставляли людей без крова и средств к существованию. Ветераны, вернувшиеся с фронта, часто не могли найти работу и были вынуждены начинать жизнь с нуля.

Психологические последствия войны также были значительными. Люди, пережившие ужасы боевых действий, нуждались в поддержке и реабилитации. Многие страдали от посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), депрессии и других психических проблем. Адаптация к мирной жизни требовала времени и усилий, и не все смогли справиться с этим испытанием.

Военный и послевоенный период оставили след в культуре: было написано множество песен, которые давали надежду бойцам в окопах, которые

закаляли дух тыловых работников, которые позволили объединить весь советский народ для борьбы за свою страну, за свое будущее и будущее их детей.

На свет появилось большое количество картин, агитационных плакатов, которые призывали вставать на защиту Родины. Были написаны стихотворения, поэмы, повести, рассказы, отражающие дух войны, и послевоенную жизнь советских граждан.

Советский народ смог выдержать столь непростое испытание. Многие не вернулись с фронта, каждая семья кого-то потеряла. И эта боль, эта скорбь объединяла людей по всей стране. Они усердно работали, часто без выходных для того, чтобы восстановить то, что было разрушено и уничтожено.

Библиографический список:

1. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза 1922–1991 / под. ред. А.Г. Волкова. – М.: Наука, 1993. 143 с.
2. Бухтиярев И.В., Глухов Д.В. Формирование посттравматических стрессовых расстройств у военнослужащих в боевой ситуации // ФГБНУ «Научно-исследовательский институт медицины труда им. академика Н.Ф. Измерова». 2018. № 2. С 11-13.
3. Ганджалиев А.А., ПТСР у военных // Клиника психического здоровья и лечения зависимостей Rehab Family. 2025.
4. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. 229 с.
5. Караваева Т.А. Посттравматическое стрессовое расстройство в парадигме доказательной медицины: патогенез, клиника, диагностика и терапия // ФГБНУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева» Министерства здравоохранения Российской Федерации. 2022. С. 6-10.
6. Сенявская Е.С. Фронтовое поколение великой отечественной: социально-психологический феномен // Перспективы. Электронный журнал. 2015. № 2. С. 50-60. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/frontovoe-pokolenie-velikoy-otechestvennoy-sotsialno-psihologicheskiy-fenomen (дата обращения: 25.11.2025).
7. Хрестоматия по отечественной истории (1946-1995): Учеб, пособие для студентов вузов / Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Щагина. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. 600 с.
8. Белов И.А. Сбалансированность развития регионов России факторы и перспективы развития // Альманах «Крым». 2025. № 48. С. 125-132.

Reference

1. Andreev E.M., Darsky L.E., Kharkova T.L. Population of the Soviet Union 1922–1991 / ed. A.G. Volkov. – Moscow: Nauka, 1993. 143 p.
2. Bukhtiyarev I.V., Glukhov D.V. Formation of post-traumatic stress disorders in military personnel in a combat situation // Federal State Budgetary Scientific Institution "Research Institute of Occupational Medicine named after Academician N.F. Izmerov". 2018. № 2. P. 11-13.
3. Gandzhaliev A.A., PTSD in military personnel // Rehab Family Clinic of Mental Health and Addiction Treatment. 2025.
4. Zubkova E.Yu. Post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945-1953. – M.: "Russian Political Encyclopedia" (ROSSPEN), 1999. 229 p.
5. Karavaeva T.A. Post-traumatic stress disorder in the paradigm of evidence-based medicine: pathogenesis, clinical features, diagnostics and therapy // Federal State Budgetary Scientific Institution "V.M. Bekhterev National Medical Research Center of Psychiatry and Neurology" of the Ministry of Health of the Russian Federation. 2022. P. 6-10.
6. Senyavskaya E.S. Frontline generation of the Great Patriotic War: a socio-psychological phenomenon // Prospects. Electronic journal. 2015. № 2. P. 50-60. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/frontovoe-pokolenie-velikoy-otechestvennoy-sotsialno-psihologicheskiy-fenomen (25.11.2025).
7. Reader on Russian History (1946-1995): Textbook, manual for university students / Ed. A.F. Kiselev, E.M. Shchagin. - Moscow: Humanitarian Publishing Center VLADOS, 1996. 600 p.
8. Belov I.A. Balanced development of Russian regions: factors and development prospects // Almanac "Crimea". 2025. № 48. P. 125-132.

Горкуш С.В.
Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения ФГБОУ РТУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет, РТУ МИРЭА».

Произведения батальной живописи как исторический источник, повествующий о событиях, происходящих в годы великой отечественной войны*

Аннотация. Чем дальше уходят от нас события Великой Отечественной войны, тем ценнее становятся военные сюжеты батальной живописи – свидетельства страниц нашей истории. Этой проблеме посвящена данная статья. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в ряды воинов Советской Армии бойцами были зачислены батальные художники, которые создали этюдную летопись фронтовых сражений, галереи портретов героев. Перед художниками ставилась задача максимально правдиво и точно изобразить реалии, происходящие на фронте, на передовой. Оптимальной формой работы художников являлась фронтовая бригада, основной задачей которой было создание «художественных документов».

Ключевые слова: исторический источник, война, батальная живопись, «художественный документ», художники-баталисты.

Gorkush S.V.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Documentation, Russian Technological University.

The battle paintings as a historical source of narrating the events that took place during the great patriotic war

Abstract. The further the events of the Great Patriotic War move away from us, the more valuable military objects of battle painting become – evidence of pages of our history. This article is dedicated to this problem. During the Great Patriotic War of 1941–1945, the battle artists were recruited into the ranks of the soldiers of the Soviet Army, who created sketch chronicles of front-line battles and galleries of portraits of heroes. The artists were tasked to depict realities as truthfully and accurately as possible the realities happening at the front, on the front line. The optimal form of work for artists was a front-line brigade, whose main task was to create «artistic documents».

Key words: historical source, war, battle painting, “artistic document”, battle painters.

* © Горкуш С.В., 2026.

Данная статья посвящена батальным художникам и их творчеству в контексте рассмотрения аспекта, раскрывающего источниковедческую составляющую проблемы.

В информационную базу историко-документального наследия Великой Отечественной войны входят все виды и типы документальных источников военного времени, повествующих о происходящих тогда событиях. Как правило, к ним относятся различного рода официальные документы правительственных учреждений, государственных организаций, письма с фронта и на фронт, записки, фотографии, документальная кинохроника, аудиозаписи, дневники, записи интервью и мемуары очевидцев событий. Вполне знакомый и привычный для нас комплекс документов, анализу которых посвящено достаточно много научных трудов.

Однако, нельзя не отметить тот факт, что есть еще один очень важный и занимательный документ военной поры, так называемый «художественный документ», точнее его разновидность - рисунки, этюды батальной живописи, сыгравшие определённо значимую роль в создании документальной летописи войны. Именно об этом виде документа и пойдет речь.

В основе актуализации темы, посвященной документальным свидетельствам, созданным художниками баталистами, лежит прежде всего недостаточная степень ее изученности. Такой вывод сделан в результате историографического обзора по интересующей проблеме. Практически не выявлено какой-либо серьёзной научной работы, посвященной художественному документу, созданному в сфере изобразительного искусства в военные годы. Чаще всего исследователи представляют такой документ в контексте творчества батальных художников. Остаются недостаточно изученными аспекты, позволяющие дать всестороннюю характеристику документам такого типа как историческим источникам, определить их место и значение в историко-документальном наследии Великой Отечественной войны.

Попытаемся приблизиться к пониманию обозначенной проблемы. Для этого необходимо прояснить что такое художественный документ, что такое батальный жанр и почему картины баталистов считают документальными источниками.

Как известно, виды документальных источников определяются как по сфере возникновения информации, так и по объекту отражения этой информации. Исходя из этого они бывают управленческие, политические, научные, религиозные, экономические, личные, бытовые, спортивные, художественные в том числе.

Что же включает в себя понятие художественный документ? Очевидно, что такие документы связаны с художественным творчеством и создаются в мире искусства, *представляющего различные формы творческой деятель-*

ности людей и охватывающего обширное и многогранное пространств.

Кратко рассмотрим разные толкования понятия «художественного документа».

Определение «художественного документа» как исторического источника, данное искусственным интеллектом, включает в себя произведение в сфере искусства, литературы, музыки, кино, изобразительного искусства, театра, которое влияет на чувства и эмоции.

В сентябре 1886 года в Берне (Швейцария) была принята Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений. Согласно статье 2, пункта 1 конвенции «термин «литературные и художественные произведения» охватывает любую продукцию в области литературы, науки и искусства, вне зависимости от способа и формы ее выражения». В список указанной продукции в данном пункте вошли «рисунки, произведения живописи, иллюстрации, карты, планы, эскизы» [1].

С момента принятия конвенция многократно пересматривалась. Российская Федерация присоединилась к конвенции 13 марта 1995 года с оговоркой о том, что действие конвенции не распространяется на произведения, которые на дату вступления в силу для РФ уже являются на её территории общественным достоянием. 11 декабря 2012 года оговорка была отозвана правительством РФ.

Большое внимание изучению источников уделял **Сигурд Оттович Шмидт** - советский и российский историк, специалист в области источниковедения и истории России XVI–XIX веков. Именно им еще в 1985 году была предложена классификация исторических источников по типам и подтипам. В данную классификацию автор включил «изобразительные источники», к которым среди прочих он отнес «художественно-изобразительные» или собственно «изобразительные» (иконы, фрески, картины, графика, изображения на произведениях декоративно-прикладного искусства и др.) [2].

Очевидно, что «изображение», пожалуй, является ключевым словом в определении художественных документов, созданных в жанре изобразительного искусства. Данное предположение отчасти закреплено также в Национальном стандарте Российской Федерации (ГОСТ Р 7.0.8-2025, утв. Приказом Росстандарта от 28.01.2025 N 30-ст). В разделе 3 Термины и определения. Общие понятия в пункте 30 говорится: «Изобразительный документ: Документ, визуально воспроизводящий внешний вид и/или внутреннюю структуру какого-либо объекта, а также его восприятие автором» [3].

Невероятно разнообразный мир искусства включает в себя множество его видов и жанров, одним из которых является изобразительное искусство. В данную категорию входит живопись, позволяющая видеть и воспринимать окружающий мир через созданные художником с помощью

красок, кистей, холстов визуальные образы рисунков, этюдов и картин.

Именно изображение сюжета определяет жанр живописи, её стиль, который несомненно передает особую атмосферу и несет свой неповторимый характер. Для нас особый интерес представляет художественный документальный источник, созданный в жанре батальной живописи. Сразу же возникает вопрос, а что значит «батальный», «батальный жанр», «батальная живопись», «батальный художник», «художник баталист», «батальная сцена»?

«Определение батального жанра восходит к французской терминологии (фр. bataille – битва) и описывает произведения, посвященные теме военных походов, сухопутных и морских сражений, военных действий, включающих подготовку к бою, оборону, наступление, а также военный быт. Нередко парадные портреты полководцев демонстрируются в батальном окружении. Каждое произведение погружает зрителей в мир происходящих событий, как бы заставляет пережить их. Раскрывает силу, движение, драматизм текущей ситуации [4].

Данное толкование «батального жанра» позволяет говорить о том, что **«художник-баталист»** – это **художник, изображающий военные сюжеты и специализирующийся на батальной живописи.**

Традиция присутствия художников на войне была весьма развита еще в Российской империи. Впервые должность художника появилась в XIX в. при Главном морском штабе, занимавшемся сбором и обобщением сведений как об отечественном, так и об иностранном флоте. Позже в Советской России, в СССР данная традиция была продолжена. Особую роль в этом сыграл созданный в 1932 году Союз художников и изомастерская Митрофана Борисовича Грекова, основанная в 1934 г. по приказу К.Е. Ворошилова.

На начальном этапе становления в художественную мастерскую зачисляли одарённых красноармейцев, которые, проходя боевую и политическую подготовку, в свободное от службы время посещали занятия. Многие талантливые ученики впоследствии поступали в художественные вузы.

В 1938 году, по приказу командующего Московским военным округом С.М. Будённого, данная изомастерская была переименована в Студию военных художников имени М.Б. Грекова. Позже она стала профессиональной батальной студией. В начале Великой Отечественной войны немало «грековцев» ушло на фронт вместе с маршевыми ротами. Находясь в действующей армии на протяжении всей войны, сродни военным корреспондентам, художники баталисты с помощью карандаша и бумаги фиксировали всё увиденное и пережитое, стараясь достоверно и убедительно передавать то, свидетелями чего они являлись.

Одной из эффективных форм работы батальных художников являлась фронтовая бригада. Основной задачей таких бригад было создание художественных документов и наглядной агитации. Художникам необходимо

было максимально правдиво и точно изобразить реалии, происходящие на фронте, на передовой. Для них даже составлялись так называемые памятки художнику, командированному на фронт с рекомендациями по выполнению задания. Предпочтение отдавалось этюдам батальной живописи, выполненным с натуры, а также наиболее актуальным темам таким как «Массово-политическая работа», «Эвакуация», «На прифронтовой дороге», «Раздача питания», «Выступление художественной самодеятельности в прифронтовом госпитале» и многие другие.

Фронтовые художественные бригады работали на многих фронтах Великой Отечественной войны: Ленинградском фронте, Брянском, I и IV Украинском, I и III Белорусском, Карельском, Финском, Западном и фронте 45-й Армии, тем самым была возможность охватывать широкий географический диапазон. «Третьим фронтом» называли работу художников в военное время. Для многих художников путь в творчестве пролег среди фронтовых дорог [5]. Они, фактически, стали летописцами и документалистами тех страшных событий, своего рода находкой на фронте. Ведь фотографов было не так много, да и фотоаппараты дорогие, как и технология проявки негативов. Кроме того, каждый фотоаппарат в военное время находился под контролем, а за каждую отснятую пленку требовался отчет и нередко, в связи с этим возникали определенные сложности. У художника его «профессиональное оружие» -карандаши, уголь, этюдник и прочие принадлежности всегда были под рукой, чтобы иметь возможность создавать этюды и наброски при необходимости.

Помимо этюдов с передовой, художники делали наброски и зарисовки солдатских портретов. Были случаи, когда портрет, нарисованный художником, оставался единственным изображением героя, который погиб в бою за Родину. Так, например в коллекции рисунков художника Горпенко Анатолия Андреевича, сохранился портрет Крестильникова Николая Ивановича, который оказался единственным портретом военного. Боец в одиночку ликвидировал 4 вражеских танка, а после пропал без вести в 1943 году. Копию портрета отдали в дар семье военного в 2019 году и этот рисунок стал единственным изображением их отважного родственника [6].

К бесценным документальным свидетельствам относятся зарисовки, наброски и этюды ленинградских художников, фиксировавших богатейший фактологический материал в своих работах. Например, художник Александр Блэк провел в Ленинграде первую блокадную зиму. Каждый день он выходил на улицу и рисовал то, что видел и нередко на обоях [7].

Классиком отечественного искусства, представителем батальной Студии военных художников имени М.Б. Грекова является Борис Михайлович Неменский, советский и российский живописец, педагог, профессор, лауреат Государственных премий в области искусства и образовательной дея-

тельности. Неменский Б.М. был на нескольких фронтах и дошел до Берлина. За это время он создал множество этюдов и набросков, был награжден медалями «За победу над Германией» и «За боевые заслуги». В настоящее время Борис Михайлович является самым старым художником-баталистом в мире, ему 103 года.

Документальными, самыми точными и страшными свидетельствами на Нюрнбергском процессе стали рисунки Зиновия Шендеровича Толкачева. Расследуя преступления нацистов в лагере смерти Майданек, художник создал серию рисунков «Майданек». Во время освобождения нашими войсками в январе 1945 года Освенцима, художник сделал зарисовки на бланках комендатуры концлагеря. На них он запечатлел детский барак и заключённых. Одна из самых страшных серий рисунков – циклы «Освенцим», «Цветы Освенцима» - стала, наряду с тысячами других, документальным свидетельством обвинения на Нюрнбергском процессе.

На сегодняшний день практически не осталось никого в живых тех, кто прошел войну с карандашом и красками в руках. Но для нас сохранилось большое документальное наследие – этюдная летопись с фронтов Великой Отечественной, целые галереи портретов ее героев и художественные произведения батальной живописи, созданные по пленэрным материалам с полей сражения. Данная область художественного творчества служит наглядным документальным историческим источником для исследования военных событий.

Чем дальше уходят от нас события Великой Отечественной войны, тем ценнее становятся художественные произведения - свидетельства страниц нашей истории. Богатейший фактологический материал сегодня дает возможность оценить и проанализировать созданную на передовой художественную документацию Великой Отечественной войны.

Подводя итог исследования, проведенного в рамках данной статьи, определенно можно сделать вывод, что документальные изобразительные источники имеют ряд особенностей, которые отличают их от других исторических источников:

– они часто несут дополнительную культурно-историческую информацию;

– большая часть изобразительных источников отображают исторические события в тот момент, когда они происходят. Но это не значит, что вся информация автоматически является достоверной;

– мы видим события через восприятие художника, а художник – это лицо со своим мировоззрением, взглядами. Он принадлежит определенному сословию. Поэтому информация, которую мы получаем из изобразительных источников, достаточно субъективна.

Однако, следует учитывать, что при создании своих произведений ба-

тальные художники «часто досконально изучают обстоятельства боя, работают с документами, историческими исследованиями, мемуарами участников, свидетельствами очевидцев, материальными памятниками» [8].

Библиографический список:

1. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений. Берн (Швейцария) // URL: https://ya.ru/search/?text=Бернская+конвенция+по+охране+литературных+и+художественных+произведений&lr=213&clid=2363688-77&win=467&search_source=yaru_desktop_common&search_domain=yaru
2. Сигурд Оттович Шмидт (советский и российский историк). // URL: https://ya.ru/search/?text=с+о+шмидт+историк+его+определение+изобразительного+источника&lr=213&clid=2363688-77&win=467
3. «ГОСТ Р 7.0.8-2025. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» (утв. Приказом Росстандарта от 28.01.2025 N 30-ст) // URL: https://legalacts.ru/doc/gost-r-708-2025-natsionalnyi-standart-rossiiskoi-federatsii-sistema-standartov/?ysclid=mlmg5mahan72355167
4. Дмитриева А.А. Произведения батальной живописи в контексте изучения европейской истории // URL: https://pureportal.spbu.ru/files/99131466/elibrary_42610547_94715249.pdf
5. Олейник М.С. Фронтовые бригады: от передовой к подлинной «художественной документации» / М.С. Олейник // Идеи и идеалы. 2018. № 3. Т. 2. С. 113-124. – DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.2-113-124.
6. Горпенко Анатолий Андреевич: советский художник, герой // URL: https://artinvestment.ru/auctions/67550/?ysclid=m6pinzsed9825347532
7. Дни блокадного Ленинграда в рисунках Александра Блэка // URL: https://www.culture.ru/materials/166787/dni-blokadnogo-leningrada-v-risunkakh-aleksandra-bleka?ysclid=m6pjpvei3x109184229
8. Любин Д.В. Батальная живопись как исторический документ. Особенности творческого метода А.Е. Кощебу // Манускрипт. 2021. Том 14. Выпуск 6. С. 1255-1261 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/batalnaya-zhivopis-kak-istoricheskiy-dokument-osobennosti-tvorcheskogo-metoda-a-e-kotsebu
9. Беляева Н.Н. К вопросу организации индивидуальных занятий в классе баяна и аккордеона в ВУЗе // Культура Мира. 2025. Том 13. Вып. 3. (№ 46). С. 48-54.

Reference

1. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works. Berne (Switzerland) // URL: https://ya.ru/search/?text=Бернская+конвентка+по+охране+литетурных+и+художественный+провесендий&lr=213&clid=2363688-77&win=467&search_source=yaru_desktop_common&search_domain=yaru
2. Sigurd Ottovich Schmidt (Soviet and Russian historian). // URL: https://ya.ru/search/?text=с+о+шмидт+историк+его+определение+изобразного+источника&lr=213&clid=2363688-77&win=467
3. "GOST R 7.0.8-2025. National standard of the Russian Federation. System of standards on information, librarianship and publishing. Office Work and Archival Affairs. Terms and Definitions" (approved by Order of Rosstandart dated 28.01.2025 N 30-st) // URL: https://legalacts.ru/doc/gost-r-708-2025-natsionalnyi-standart-rossiiskoi-federatsii-sistema-standartov/?ysclid=mlmg5mahan72355167
4. Dmitrieva A.A. Works of Battle Painting in the Context of the Study of European History // URL: https://pureportal.spbu.ru/files/99131466/elibrary_42610547_94715249.pdf
5. Oleinik M.S. Frontline Brigades: From the Advanced to Genuine "Artistic Documentation" / M.S. Oleinik // Ideas and Ideals. 2018. № 3. Vol. 2. P. 113-124. – DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.2-113-124.
6. Gorpenko Anatoly Andreevich: Soviet artist, hero // URL: https://artinvestment.ru/auctions/67550/?ysclid=m6pinzsed9825347532
7. Days of the Siege of Leningrad in the Drawings of Alexander Black // URL: https://www.culture.ru/materials/166787/dni-blokadnogo-leningrada-v-risunkakh-aleksandra-bleka?ysclid=m6pjpvei3x109184229
8. Lyubin D.V. Battle Painting as a Historical Document. Features of the creative method of A.E. Kotzebue // Manuscript. 2021. Volume 14. Issue 6. P. 1255-1261 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/batalnaya-zhivopis-kak-istoricheskiy-dokument-osobennosti-tvorcheskogo-metoda-a-e-kotsebu
9. Belyaeva N.N. On the issue of organizing individual lessons in the bayan and accordion class at a university // Culture of World. 2025. Vol. 13. Issue 3. (№ 46). P. 48-54.

Ершова К.Е.
Соискатель ученой степени кандидата исторических наук, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

Антропология звука в весенне-летних обрядах календарного цикла народа саха*

Аннотация. В данном исследовании проводится системный анализ характеристик звукового пространства, характерного для традиционных весенне-летних праздников и обрядов народа саха. Цель исследования – выявление и интерпретация акустических аспектов, играющих важную роль в сохранении и передаче культурных традиций народа саха через ритуалы. Изучение звукового поля – сложная задача, включающая широкий спектр звуков от природных и естественных до строго организованных вербальных и музыкальных текстов. Научная новизна данного исследования заключается в том, что обрядовые звуки рассматриваются как система знаков, через которые передается этническая картина мира народа саха от поколения к поколению. Особое внимание уделяется формированию семантического содержания звукового поля, которое обладает глубоким смыслом и отражает уникальную культуру мировосприятия и общения внутри общества. Исследование показало, что в обрядах народа саха основное «сообщение» высшим силам состоит из текстовых и возгласных фрагментов, лейтмотивом которых являются искусственные звуки (металлические, инструментальные, ритмические, хлопки) и звукоподражательные звуки.

Актуальность изучения звука обусловлена тем, что это относительно новая область этнографических исследований. Звуковая среда играет важную роль в восприятии пространства и создании коллективной памяти. Данное направление привлекает внимание ученых благодаря своей междисциплинарности и потенциалу для глубокого понимания культурных практик. Городские звуки, ритуальные песнопения и природные шумы формируют уникальный акустический ландшафт, который отражает культурные особенности региона.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

1. Изучить структуру и особенности звукового пространства весенне-летних календарных обрядов народа саха, включая характеристики природных, искусственных и музыкальных звуков.

2. Выявить символическое значение каждого элемента звукового поля, исследуя их связь с представлениями народа саха о мире, природе и духовной сфере.

3. Определить функции звуков, выполняемых в рамках ритуальной практики.

Материалом для исследования являются полевые материалы автора, включающие аудиозаписи традиционных благословлений и благопожеланий, сопровождающихся ритуальными музыкальными инструментами; видеозапись шаманского камлания, представляющего собой фиксацию живой народной культуры и религиозных практик коренного населения Якутии, зафиксированные непосредственно в

* © Ершова К.Е., 2026.

ходе этнографического исследования; статьи о якутских обрядовых песнях, мифах, преданиях Н.А. Алексеева из рукописного фонда Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук.

Теоретическую базу настоящего исследования составляют труды российских ученых, специализирующихся на изучении традиционной культуры, народного искусства и религиозных представлений народа саха, а также общие теории культуры и семиотики. Основные научные направления, использованные в работе, включают исследования структуры и функций ритуалов, обрядового поведения и религиозной практики народа саха. Среди ключевых авторов в данной области выделяются А.И. Гоголев, Н.К. Данилова, О.Н. Дмитриева, Г.В. Ксенофонтов, П.А. Слепцов, Н.А. Стручкова, Г.У. Эргис и т.д. Особое внимание уделяется публикациям А.С. Ларионовой, в которых анализируется музыкальная культура, жанровая структура и особенностей исполнительского мастерства. В рамках данного направления анализируется воздействие звуков и акустических образов на восприятие, эмоции и сознание человека, в контексте чего важны труды Е.Е. Левкиевской. Кроме того, особое внимание уделяется концепциям русской школы семиотики, с акцентом на разработки Ю.М. Лотмана.

Практическая значимость данного исследования заключается в его вкладе в научное осмысление функций звука в контексте традиционной культуры якутов. Проведенный анализ звуковой среды ритуальных практик позволяет выявить механизмы, посредством которых звуковое оформление выполняет функцию медиатора, выстраивая коммуникативный мост между сакральной и трансцендентной сферами. Данный вид исследования позволяет сохранить элементы традиционной культуры, что приобретает особую значимость в условиях утраты культурных традиций.

Ключевые слова: семантика звука; Якутия; обряды календарного цикла; этнография; звуковая среда ритуала.

Ershova K.E.

Candidate of Historical Sciences degree seeking applicant, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Anthropology of sound in the spring-summer rituals of the Sakha people's calendar cycle

Abstract. This study provides a systematic analysis of the sound space characteristics of the traditional spring and summer rites of the Sakha people. The purpose of the study is to identify and interpret acoustic aspects that play an important role in preserving and transmitting the cultural traditions of the Sakha people through rites. Studying the sound field is a complex task, involving a wide range of sounds from natural to strictly organized verbal and musical texts.

The scientific novelty of this study lies in the fact that ritual sounds are considered as a system of signs through which the ethnic worldview of the Sakha people is transmitted from generation to generation. Special attention is paid to the formation of the semantic

content of the sound field, which has a deep meaning and reflects the unique culture of world perception and communication within society. The study showed that in the rites of the Sakha people, the main «message» to the higher powers consists of text and exclamation fragments, the leitmotif of which are artificial sounds (metallic, instrumental, rhythmic, clapping) and onomatopoeic sounds. The relevance of studying sound is due to the fact that it is a relatively new field of ethnographic research. The sound environment plays an important role in the perception of space and the creation of collective memory. This field attracts the attention of scientists due to its interdisciplinarity and potential for a deep understanding of cultural practices. Urban sounds, ritual chants and natural noises form a unique acoustic landscape that reflects the cultural characteristics of the region.

To achieve the above-mentioned research goal, it is necessary to solve the following tasks:

1. To study the structure and features of the sound space of the spring-summer calendar rituals of the Sakha people, including the characteristics of natural, artificial and musical sounds.

2. To reveal the symbolic meaning of each element of the sound field, exploring their connection with the ideas of the Sakha people about the world, nature and the spiritual sphere.

3. Determine the functions of the sounds performed in the framework of ritual practice.

The material for the study is the author's field materials, including audio recordings of traditional blessings and well-wishes accompanied by ritual musical instruments; a video recording of shamanic worship, which is a recording of the living folk culture and religious practices of the indigenous population of Yakutia, recorded directly during ethnographic research; articles about Yakut ritual songs, myths, and legends by N.A. Alekseev from a handwritten Foundation of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

The theoretical basis of this research consists of the works of Russian scientists specializing in the study of traditional culture, folk art and religious beliefs of the Sakha people, as well as general theories of culture and semiotics. The main scientific directions used in the work include studies of the structure and functions of rituals, ritual behavior and religious practice of the Sakha people. Among the key authors in this field are A.I. Gogolev, N.K. Danilova, O.N. Dmitrieva, G.V. Ksenofontov, P.A. Sleptsov, N.A. Struchkova, G.U. Ergis, etc. Special attention is paid to the publications of A.S. Larionova, which analyze musical culture, genre structure and features of performing skills. Within the framework of this direction, the impact of sounds and acoustic images on human perception, emotions and consciousness is analyzed, in the context of which the works of E.E. Levkievskaya are important. In addition, special attention is paid to the concepts of the Russian school of semiotics, with an emphasis on the developments of Jury Lotman.

The practical significance of this research lies in its contribution to the scientific understanding of the functions of sound in the context of the traditional culture of the Yakuts. The analysis of the sound environment of ritual practices makes it possible to identify the mechanisms by which sound design performs the function of a mediator, building a communicative bridge between the sacred and transcendental spheres. This type of research makes it possible to preserve elements of traditional culture, which is particularly important in the context of the loss of cultural traditions.

Keywords: semantics of sound, Yakutia, rituals of the calendar cycle, ethnography, sound environment of the ritual.

Звук способен нести в себе разнообразные значения, выполнять апотропеическую и продуцирующие функции, структурировать время и пространство, а также решать другие магические задачи [1, с. 51]. Основными элементами звуковой организации календарных обрядов якутов является человеческий голос или (ритуальное молчание), а также использование ритуальных инструментов: колокольчиков, хомуса, бубна, обладающих сакральным значением. Вербальные обряды, связанные с календарем, призваны организовать годовой цикл и исполняются в строгой традиции, становясь неотъемлемой частью культуры народа.

Для многих скотоводческих народов, включая якутов, год традиционно делился на два больших сезона: летний (период выпаса скота) и зимний (время стойлового содержания). Данное деление отражает особенности кочевой жизни и природно-климатические условия региона, однако стоит отметить, что наиболее значимыми были именно весенне-летние обряды, связанные с окончанием зимовки [2].

Конец марта, когда якутские кобылицы начинают переселяться на весенние пастбища, сопровождается особыми ритуалами, посвящёнными духам местности *иччи* и божествам *айыы*, обитающим в Верхнем мире. В весенний период было принято встречать новый сезон очистительными обрядами и благословениями, помогающими избавиться от сакральной нечистоты, призвать благополучие семье и здоровье домашнему скоту. Согласно верованию народа саха благословение духов нужно получать на все добрые дела, в целях чего наиболее распространенной формой ритуала служили *алгысы*. Алгыс (*от тюрк. алга* – благословить) – это совокупность действий и восхвалений в торжественной форме, которые помогают человеку установить контакт с духами через устные практики и часто сопровождаются игрой на хомусе и бубне, звуками колокольчиков, песнопениями, хороводами, а также возжиганием огня и можжевельника. Произнесенные слова имеют своего духа-иччи, и когда они произносятся, то взлетают в Верхний мир, передавая заложенный в них смысл [3, с.123]. Если в христианской религиозной традиции благословение испрашивают у священников, наделенных властью от Бога, то у якутов обряд благословения в праве совершать не только белые шаманы (*якут. айыы ойууна*), но и старшие в роду. Если речь идет о проведении семейных ритуалов, то ими чаще всего занималась самая старшая женщина в семье, что является подтверждением того, что культ женского шаманизма у сибирских народов более древний [4, с. 18].

В первой части алгысчыыт обращается к высшим силам и духам-покровителям, используя сложные эпитеты. Данная часть алгыса характеризуется высокой степенью мифопоэтической насыщенности и символической глубины [5, с.20]. Во второй части алгыса наблюдается страстное

моление к божествам, сопровождаемое конкретными прошениями. Словесное обращение алгысчыта подкрепляется ритуальными действиями [6, с. 29].

Одним из важных весенних ритуалов у якутов является развешивание пёстрой волосяной верёвки (*якут. салама ыйааһына)*, которое проводили исключительно старшие женщины в роду в период. Когда вырастала первая трава и распускались листья на деревьях, женщины развешивали *дэлбиргэ* – веревку из пестрой материи и перьев, а также возжигали костер. В ходе ритуального действия произносили алгыс и пели обрядовые песни, в которых обращались к духу-хозяйке, просили у неё защиты скота и детей, приумножения богатства и потомства. К слову, звуки потрескивания горящих поленьев считались речью духа-огня, который якуты наделяют предсказывающей функцией.

Проводы богини Исэгэй Иэйиэхсит *(якут. Иһэгэй Иэйиэхсит*), покровительницы рогатого скота, важный элемент духовной культуры якутов. Она почиталась как богиня, дающая *кут* (кют, т.е. душу) детям и приплоду скота, что необходимо для жизни здорового потомства [7, с. 393]. По поверью, Исэгэй Иэйиэхсит помогала благополучно разрешиться от бремени, после чего хозяева стада должны были осуществить ее проводы. Так как богиня не выносит излишнего шума, то при отправлении обряда нельзя было ругаться или громко разговаривать, а по его завершении шаман наставлял людей в течение трёх суток избегать любых громких звуков [8, с. 36].

Шаман в этом обряде выступал в роли посредника между миром живых и мертвых, который отправлялся в путешествие в мир духов, чтобы испросить души рогатому скоту, сопровождая путешествие пением. Среди акустических аспектов шаманского камлания, которые помогают ему настроиться на восприятие тонких вибраций, можно выделить звуки, похожие на икоту, которые воспроизводятся в самом начале камлания, громкие зевки, звуки хомуса, сопровождающиеся легкими постукиваниями в бубен [9, с. 98]. Учащение ритма камлания с помощью ударов колотушки о бубен помогает погрузиться в транс для последующего перемещения (полета) шамана в Нижний мир. Звон металлических нашивок на шаманском костюме, изображающих тотемных животных, – апотропей (в момент сражения с демонами абаасы Нижнего мира) и средство коммуникации с духами. Относительно самого пения, вошедшего в транс шамана, то, как отмечал Г.В. Ксенофонтов, у якутов существовало понятие – *кутурар*, которое можно перевести, как «быть одержимым духом (кут)», что может свидетельствовать, что пение исходит не от самого шамана, а от духов [10, с. 113].

В весенний период в рамках обрядовой практики, направленной на ритуальное очищение различных объектов и пространств, проводился обряд

под названием арчы. Данный ритуал осуществлялся непосредственно после первого раската грома. В мифологическом контексте народов, практиковавших данный обряд, существовала вера в то, что верховное божество грома, известное как *Сюллэр сюгэ тойон*, совершает очищения земной поверхности [11, с. 37].

С наступлением нового этапа в жизни скотоводов, а именно: переезда из зимних «балаганов», в летние стоянки, «сайылыки», связан один из главных летних обычаев. Перед переездом женщины прощались с духами-покровителями зимнего дома: обрызгивали балки простоквашей и попросили духа Ньадьы Дьянха (*якут. Ньаадьы Дьаҥха*) охранять жилище в их отсутствие. Так же они осуществляли словесное прощание с домашним духом Дьиэрдэ Бахсы (*якут. Дьиэрдэ Бахсыыла)* [12, с. 164]. В день переезда в летник якуты проводят ритуал гадания: самая старшая женщина бросает в воздух ложку, перевязанную конским волосом, и вопрошает духов о том, будет ли год благополучным или нет? Если ложка падает выпуклой стороной, то год будет тяжёлым, а если вогнутой стороной вверх, то год будет благополучным.

21 июня отмечается главный праздник народа саха Ысыах (*якут. Ыһыах*) – день летнего солнцестояния, который знаменует начало Нового года в традиционном календаре скотоводов и считается праздником коневодства. Во время празднования Ысыаха проводятся разные ритуалы, такие как моления, хороводы и народные игры. В соответствии с древними поверьями, посредником между простыми смертными и небесными божествами Айыы выступал алгысчыт, или белый шаман, который произносил алгыс с обращением ко всем святым небожителям, затем следовали девять молитвенных заклинаний: верховному божеству, покровителю коневодства Дьөһөгөй Айыы, а затем – к Үрун Айыы Тойону, Иэйиэхсит Хотун, покровителю охотников Байанаю и другим.

Вступлением для ритуала служили звуки хомуса и бубна, а акустический фон обогащали звуки металлических колокольчиков на махалке из конского хвоста (*якут. дэйбиире*). Звон колокольчика функционирует как символическая граница, разграничивающая профанную акустическую среду и сакральную область [13, с. 134]. На празднике Ысыах непорочные молодые люди, битиситы, помогают белому шаману во время обрядов, повторяя заклинания шамана, чтобы усилить и поддержать их магическое воздействие [14]. В культуре якутов существует традиция использовать дэйбиир в ритуальных практиках, направленных на защиту от злых духов: чёрный дэйбиир очищает энергетическое поле, а белый – приносит благополучие, здоровье и счастье. Интересно, что во время проведения Ысыаха присутствие собак не допускалось, ибо существовало поверье, что их лай может отпугнуть божеств Верхнего мира, однако в быту, напротив, лай

собак символизировал предупреждение о приближении к дому злых духов *абаахы* [15]. Все присутствующие внимали песне алгысчыта, так как только в этот день можно было получить священное благословение на весь год.

Освящение коровы-первотёлки – важный ритуал, символизирующий начало нового жизненного цикла. Освящение проводили старейшины рода или шаманы, читающие специальные молитвы и заговоры. Обряд посвящения коровы-первотелки включал в себя использование огня и металлических предметов, которые прошли закалку огнем [16, с. 175]. В процессе обряда по копытам животного слегка ударяли топором и произносили алгыс, чтобы корова была неводливой и производила много молока.

Сенокос начинается 12 июля, поэтому с самого раннего утра совершался обряд, посвящённый Хотуур Иччитэ – духу-покровителю косы и духухозяйке покоса. Глава рода преподносил угощения духам и обращался с молитвой о благословении на начало сенокоса. В конце лета, когда заканчивались работы по заготовке сена, мужчины устраивали обряд бросания вил (*якут. кыдама тюерэхтиир*). Они оставляли на поле копну сена и бросали на неё вилы, приговаривали заклинание, чтобы и в следующем году был благополучный покос.

Таким образом, звуковой аспект традиционных календарей играет ключевую роль в поддержании культурного единства и связи с окружающим миром, обеспечивая гармоничное сосуществование человека и природы. Ритуальный звук создает уникальный сакральный звуковой ландшафт, который настраивает душу участников на определенный лад, вызывает глубокие эмоциональные реакции. Звуки, сопровождающие различные календарные события народа саха, имеют глубокий смысл и могут быть разделены на несколько категорий: человеческие звуки (ритуальное икание, зевки, заклинания, благословения, молитвы, возгласы, бормотание, песенные монологи в разной тесситуре, горловое пение, звукоподражания животным), искусственные звуки (ритмичные звуки для привлечения внимания, выстрел для отпугивая злых духов, металлический звон, звуки музыкальных инструментов), природные звуки и метеорологические явления (раскаты грома как предвестник очищения, собак в качестве предупреждения и защиты, мычание быка как прошение у богини телят и т.д.), потусторонние звуки. В качестве превентивных средств у якутов преобладали запреты на различные шумы, а крики и лай собак запрещены по время некоторых обрядов из уважения к духам.

Звуки, слова, молитвы, песнопения создают сложное и многослойное звуковое поле, которое люди привыкают слышать в определённом месте и в определённое время, что вызывают у слушателей чувство спокойствия и защищённости. В культуре якутов голос человека – это мощный инстру-

мент, который может оказывать влияние на природу и общество. В эпосах и мифах разных культур, которые отражают религиозные представления народов, можно найти упоминания о магической силе человеческого голоса. Человеческий голос воспринимают как медиум, который может влиять мир материальный через связь с миром божественным, а благопожелания и заклинания считались действенными и полезными.

Библиографический список:

1. Левкиевская Е.Е. Голос и звук в славянской апотропеической магии / Е.Е. Левкиевская // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / Отв. ред. С.М. Толстая – М.: Издательство «Индрик», 1999. С. 51-72.
2. Слепцов П.А. Светлым божествам Айыы. Традиционный якутский ритуал: классификация, функции, генезис / П.А. Слепцов // Илин. 1995. № 6. // URL: https://ilin-yakutsk.narod.ru/1995/44.htm.
3. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. – Москва: Наука, 1974. – 404 с.
4. Данилова Н.К. Экологические традиции в культуре якутов: природа и человек // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 8. 1. // URL: https://applied-research.ru/ru/article/view?id=7063.
5. Алексеев Н.А. Статьи (Якутские обрядовые песни, структура якутских мифов, ысыах, шерпы) (1968 – 2003) // ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 48. Д. 12.
6. Алексеев Н.А. Статьи (Якутские обрядовые песни, структура якутских мифов, ысыах, шерпы) (1968 – 2003) // ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 48. Д. 12.
7. Дмитриева О.Н. Обряды и алгысы, посвященные богине Айыысыт // МНКО. 2017. № 3 (64). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obryady-i-algysy-posvyaschennye-bogine-ayyysyt.
8. Гоголев А.И. Магические основы якутской традиционной религии / А.И. Гоголев // Проблемы востоковедения. 2016. № 2 (72). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/magicheskie-osnovy-yakutskoy-traditsionnoy-religii.
9. Ларионова А.С. Музыка обрядов и праздников коренных народов Якутии – эвенков, эвенов, юкагиров, якутов / А.С. Ларионова // Вопросы музыкознания. 2021. № 1 (17). С. 93-105.
10. Ксенофонтов Г.В. Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов / Г.В. Ксенофонтов; С пред. С.А. Токарева; Обложка: П. Кузаньян. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Безбожник, 1930. 123 с.
11. Гоголев А.И. Магические основы якутской традиционной религии // Проблемы востоковедения. 2016. № 2 (72). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/magicheskie-osnovy-yakutskoy-traditsionnoy-religii.
12. Данилова Н.К. «Дом – мир женщины»: сакральные женские образы и феминная символика в жизненном пространстве народа саха / Н.К. Данилова // Человек и культура. 2019. № 3. // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29870
13. Крехалева Е.А. Звучащий ландшафт севернорусского Міра: монография / Е.А. Крехалева; Министерство образования Архангельской области; Гос.бюджет. учреждение Арханг.обл. НОЦ «Ломоносовский дом; ФГБУН ФИЦКИА им. акад. Н.П. Лавёрова УрО РАН. – Архангельск, 2022. 192 с.
14. Стручкова Н.А. Якутский танцевальный фольклор в контексте современной повседневной культуры // Материалы конференции «Холод как преимущество. Города и криолитозона: традиции, инновации, креативность». 2019. № 2 (20). // URL: https://meridian-journal.ru/site/articlee4e9/?id=1324.
15. Яковлева Е. Когда солнце становится ближе // Илин. 2009. № 2. 3. // URL: https://ilin-yakutsk.narod.ru/2009-23/13.htm
16. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. – Москва: Наука, 1974. 404 с.
17. Байханов И.Б., Терновая Л.О. Педагогическая антропология лекции // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 97-109.

Reference

1. Levkievskaya E.E. Voice and sound in Slavic apotropaic magic / E.E. Levkievskaya // The sounding and silent world: Semiotics of sound and speech in the traditional culture of the Slavs / Rep. ed. CM. Tolstaya - M.: Publishing house “Indrik”, 1999. P. 51-72.
2. Sleptsov P.A. To the bright deities Aiyy. Traditional Yakut ritual: classification, functions, genesis / P.A. Sleptsov // Ilin. 1995. № 6. // URL: https://ilin-yakutsk.narod.ru/1995/44.htm.
3. Ergis G.U. Essays on Yakut folklore. – Moscow: Nauka, 1974. – 404 p.
4. Danilova N.K. Ecological traditions in the culture of the Yakuts: nature and man // International Journal of Ap-

plied and Fundamental Research. 2015. № 8. 1. // URL: https://applied-research.ru/ru/article/view?id=7063.
5. Alekseev N.A. Articles (Yakut ritual songs, the structure of Yakut myths, Ysyakh, Sherpas) (1968 - 2003) // Yaroslavl Scientific Center SB RAS. F. 4. Op. 48. D. 12.
6. Alekseev N.A. Articles (Yakut ritual songs, the structure of Yakut myths, Ysyakh, Sherpas) (1968 - 2003) // Yaroslavl Scientific Center SB RAS. F. 4. Op. 48. D. 12.
7. Dmitrieva O.N. Rituals and algyses dedicated to the goddess Aiyysyt // MNKO. 2017. № 3 (64). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obryady-i-algysy-posvyaschennye-bogine-ayyysyt.
8. Gogolev A.I. Magical foundations of the Yakut traditional religion / A.I. Gogolev // Problems of Oriental Studies. 2016. № 2 (72). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/magicheskie-osnovy-yakutskoy-traditsionnoy-religii.
9. Larionova A.S. Music of rituals and holidays of the indigenous peoples of Yakutia - Evenks, Evens, Yukaghirs, Yakuts / A.S. Larionova // Questions of musicology. 2021. № 1 (17). P. 93-105.
10. Ksenofontov G.V. Legends and stories about shamans among the Yakuts, Buryats and Tungus / G.V. Xenophon; From prev. S.A. Tokarev; Cover: P. Kuzanyan. – 2nd ed., add. and processed – M.: Bezbozhnik, 1930. 123 p.
11. Gogolev A.I. Magical foundations of the Yakut traditional religion // Problems of Oriental Studies. 2016. № 2 (72). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/magicheskie-osnovy-yakutskoy-traditsionnoy-religii.
12. Danilova N.K. "Home is a Woman's World": Sacred Female Images and Feminine Symbolism in the Living Space of the Sakha People / N.K. Danilova // Man and Culture. 2019. № 3. // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29870
13. Krekhaleva E.A. Sounding Landscape of the Northern Russian World: Monograph / E.A. Krekhaleva; Ministry of Education of the Arkhangelsk Region; State Budgetary Institution of the Arkhangelsk Region Scientific and Educational Center "Lomonosov House; Federal State Budgetary Institution of Science FRCKIA named after academician N.P. Laverov, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. – Arkhangelsk, 2022. 192 p.
14. Struchkova N.A. Yakut Dance Folklore in the Context of Contemporary Everyday Culture // Proceedings of the Conference "Cold as an Advantage. Cities and Cryolithozone: Traditions, Innovations, Creativity." 2019. № 2 (20). // URL: https://meridian-journal.ru/site/articlee4e9/?id=1324.
15. Yakovleva E. When the Sun Gets Closer // Ilin. 2009. № 2. 3. // URL: https://ilin-yakutsk.narod.ru/2009-23/13.htm
16. Ergis G.U. Essays on Yakut Folklore. – Moscow: Nauka, 1974. 404 p.
17. Bayhanov I.B., Ternovaya L.O. Pedagogical anthropology of lecture // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 97-109.

Захарченко И.А.

Аспирант департамента истории и археологии. Школа искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

Официальная пресса Российской империи о потерях солдат-приамурцев во время Первой мировой войны (по материалам газеты «Приамурские ведомости»)*

Аннотация. Статья посвящена военным потерям призванных на военную службу жителей и уроженцев Приморской и Амурской областей в период «великого отступления» Русской армии. Автор проводит анализ исследований, посвященных военным потерям и приводит предполагаемый процент потерь приамурцев к числу призванных в действующую армию. Исследования потерь по материалам публикаций списка главного штаба убитых, раненых и пропавших без вести, опубликованных с 15 января по 17 декабря 1915 года в газете «Приамурские ведомости», позволяют представить социокультурный образ солдата-приамурца, принявшего участие в событиях Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, Приамурский край, боевые и небоевые потери, безвозвратные и временные потери.

Zakharchenko I.A.

Postgraduate Student of the Department of History and Archaeology of the School of Arts and Humanities at the Far Eastern Federal University.

Official press of the Russian Empire on the losses of Amur soldiers during the First World war (based on the Priamur Vedomosti newspaper)

Abstract. The article is devoted to the military losses of residents and natives of the Primorsky and Amur regions who were conscripted during the "great retreat" of the Russian army. The author analyzes research on military losses and provides an estimated percentage of Amur residents who were conscripted into the active army. Research on casualties based on the list of the General Staff's killed, wounded, and missing soldiers, published in the Priamurskie Vedomosti newspaper from January 15 to December 17, 1915, provides insights into the socio-cultural image of the Priamur soldier who partici-

* © Захарченко И.А., 2026.

pated in the events of World War I.

Key words: The First World War, the Amur Region, combat and non-combat losses, permanent and temporary losses.

Первая мировая война – один из величайших военных конфликтов в истории человечества в начале XX века. Население участвовавших в войне государств превышало 1 миллиард человек (67% населения земного шара). Число мобилизованных достигало 66 миллионов, что составляло 5,8% всего населения стран, участвовавших в войне [8, с. 8].

Людские потери за период ведения военных действий были колоссальными. На полях сражений применялись технологически усовершенствованные орудия уничтожения людских резервов. Пулемёты выкашивали десятками и то и сотнями солдат в наступательных операциях, артиллерия равняла с землей обороняющихся, самолеты настигали живую силу с воздуха, а отравляющий газ оставлял на поле боя умирающих. По данным Центрального статистического управления СССР потери воюющих сторон по самым приближенным данным составляют около 9 млн. человек – это те самые цветущие в расцвете лет жизни, которым не суждено было вернуться к своим очагам.

Прошло более ста лет после подписания Версальского договора, но вопрос о потерях до настоящего времени остаётся открытым для исследований и надеяться на то, что когда-то в будущем удастся с необходимой точностью определить истинные размеры потерь, вряд ли удастся. Исследования военных потерь затрудняются противоречивостью сведений и их недостатком по многим причинам. По словам Ю.А. Полякова «эти трудности особенно значительны применительно к России XX века. Первая мировая война заканчивалась в обстановке разложения старой армии, массового дезертирства, большой численности российских солдат, находившейся за колючей проволокой вражеского плена, расстройством системы учёта» [9, с. 3].

Вопрос об изучении потерь во время Первой мировой войны был впервые поднят Народным комиссаром здравоохранения, далее Н.К.З., Н.А. Семашко в августе 1920 года. Для обследования данного вопроса была создана комиссия Н.К.З. по обследованию санитарных последствий войны. Не вдаваясь во все аспекты работы комиссии, остановимся на вопросах, касающихся непосредственно военных потерь в войне. Вопросом «убитых, раненых, пропавших без вести и военно-больных» занимались доктор В.И. Бинтшток и Некрасов; вопросом «военнопленных» - доктор И.Д. Певзнер. Данные о военных потерях в эту войну на основании военно-исторического архива и материалов Ставки Верховного Главнокомандующе-

го, выборка и предварительная обработка этих материалов была сделана Л.И. Сазоновым - сотрудником военно-исторического архива. Дополнительные данные были получены со сводной таблицы об убитых, раненых и пропавших без вести на основании «Именных списков» Главного Штаба, касающихся более 700 тыс. человек. 20 декабря комиссия приступила к изданию первого выпуска «Трудов».

По итогам работы комиссии в вопросе «Военные потери России в войну 1914-1918 гг. (убитые, умершие от ран и болезней и пропавшие без вести)» были посвящены две работы, составленные доктором В.И. Бинштоком и Л.И. Сазоновым.

Попытка дать общий очерк потерь России в войне 1914-1918 гг. сделана была в статье В.Г. Аврамова «Жертвы империалистической войны в России», помещенной в №1-2 «Известий Народного Комиссариата Здравоохранения» за 1920 год.

Общая картина боевых потерь по Аврамову за 38 месяцев войны (с августа 1914 г. по 1-е октября 1917 г.) представляется в следующих числах [1, с. 156]:

Убито	664 800
Ранено (контужено и отравлено)	3 813 827
Пропало без вести	2 333 375
Итого	6 812 092

Доктор В.И. Бинштоk, взяв за основу цифры Аврамова и вводя в них необходимые поправки и дополнения, относящиеся к пленным и «без вести пропавшим», а также дополняя их цифрами безвозвратных потерь, относящиеся к ним умершим от ран и болезней в лечебных заведениях, составил картину всех потерь. По его данным безвозвратные потери в округленном виде составили 1 660 000 чел. [10, с. 149]

Л.И. Сазонов оценивает общие потери русской армии за время империалистической войны 1914-1918 гг., по официальным данным, поступившим за время войны, недостаточно ещё проверенными и требующими дальнейшей их проработки. По его подсчетам потери определяются в 7.326.000, а за округлением - в 7.500.000 человек [10, с. 177].

В 1925 году Отдел военной статистики Советского Центрального статистического управления напечатал таблицу о боевых потерях Русской армии в мировую войну. Окончательные итоги этой таблицы таковы [1, с. 149]:

Убитые	626.400
Умершие от ран	17.174
Раненые (контуженые и отравленные)	2.754.202
Без вести пропавшие и пленные	3.638.271
Всего	7.036.087

Точку в исчислении потерь русской армии накануне Второй мировой войны ставит Н.Н. Головин в своей работе «Военные усилия России в Мировой войне». Он делает заключение, что установленный общий итог боевых потерь в 7.917.000 находится в середине между двумя величинами, определёнными советскими статистическими учреждениями [1, с. 173].

В середине XX века к исследованию людских потерь в Первую мировую войну возвращается известный демограф Б.Ц. Урланис. «Определение потерь России в Первой мировой войне представляет довольно трудную задачу, - писал он в своё время. - Статистические материалы о потерях России очень противоречивы, неполны и часто недостоверны. Это отчасти и привело к тому, что в мировой печати фигурировали фантастические цифры о русских потерях в войне 1914–1918 гг. Поэтому нужно критически разобраться в основных первоисточниках и затем подойти к определению наиболее достоверного числа русских солдат и офицеров, убитых во время этой войны» [12, с. 144].

По его расчетам, потери русской армии в войне 1914-1918 гг. представлены в следующих цифрах (в тыс. человек) [12, с.146]:

Основная исходная цифра числа убитых и пропавших без вести до 1 мая 1917 г..... 775
Число убитых с 1 мая 1915 г. по март 1918 г..... 30
Число убитых во флоте..... 3
Недоучет убитых в 1914 г..... 100
Итого..... 908

Б.Ц Урланис в своих исследованиях большое значение уделяет вопросу разработки классификации потерь среди военных по их видам. Он разграничивает потери в демографическом смысле от потерь в военно-оперативном смысле. С демографической точки зрения к потерям среди военных должны быть отнесены все случаи смерти независимо от их причин (ранение, болезнь и т.д.). С военно-оперативной точки зрения под потерями обычно понимают не только случаи смерти солдат и офицеров, но и всякое их выбытие из строя, хотя бы на время. Поэтому в военно-оперативном смысле в потери включаются, помимо убитых и умерших, все попавшие в плен, пропавшие без вести, а также раненые и больные, поступившие в лечебные учреждения.

В 2001 году выходит статистическое исследование больших и малых войн, в которых принимала участие Россия и СССР в XX веке. В изданной книге под общей редакцией Г.Ф. Кривошеева приводится количество безвозвратных людских потерь в Первой мировой войне по их видам и категориям. В собранном виде эти данные представлены в таблице 1 [9, с. 100].

Таблица 1. Безвозвратные демографические потери русской армии в войне 1914-1918 гг. (в абсолютных цифрах).

Виды потерь	Всего	В том числе	
		Офицеров и классных чинов	Нижних чинов
Безвозвратные боевые потери			
Убито, умерло на этапах санитарной эвакуации	1200000	23134	1176686
Пропало без вести (считаются умершими или погибшими)	439369	7331	432038
Умерло от ран в госпиталях	240000	7123	232877
Умерло от отравления газами	11000	161	10839
Итого	1890369	37749	1852620
Безвозвратные небоевые потери			
Умерло от болезней	155000	10350	144650
Умерло в плену	190000	1140	188860
Погибло, умерло в результате несчастных случаев и др. причин	19000	2160	16840
Итого	364000	13650	350350
Всего	2254369	51399	2202970

Большой вклад в исследование людских потерь российских вооруженных сил в годы Первой мировой войны продолжает российский историк С.Г. Нелипович. Являясь автором множества монографий, статей и публикаций, он впервые в историографии детально анализирует все военные операции на Русском фронте с учетом потерь по вновь вводимым в научный оборот архивным источникам всех сторон военного конфликта. Автор не только устанавливает количество и категории потерь с подробностью до соединений и частей, но и показывает их влияние на последующее ведение военных действий.

По данным Нелиповича, потери Российской империи за спасение Сербии и существенное облегчение союзников по Антанте в кампании 1914 года составили [3, с. 224]:

Убитые, умершие от ран..... 157423
Раненые, контуженные..... 646210
Пропавшие без вести, пленные..... 710822
Всего..... 1514455

Потери Действующей армии в 1915 году превысили 4 млн. 241 тыс. человек, из которых 2 млн. 151,5 тыс. человек – безвозвратно (убитые и пропавшие без вести). В плену оказалось 34 генерала (один из них вскоре умер), 8825 офицеров и 1 535 353 нижних чина; число погибших составляет 607 359 человек, из них 6711 офицеров и 16 генералов [4, с. 846].

Расхождения в подсчете потерь исследователями имеют существенные отличия. М.В. Оськин в своей работе писал, что потери с начала войны и до конца 1915 года составили 4,36 млн. человек, из которых 1,74 млн. человек считались пленными [6, с. 190]. Это ещё раз подтверждает мнение многих исследователей о выполнении довольно-таки трудной и ёмкой работы по исчислению потерь людских резервов.

Итак, исходя из вышеперечисленного, мы имеем официальный порядок цифр числа военных потерь русской армии в Первой мировой войне. Какую же из них считать приближенной к действительности? С наибольшей достоверностью в подсчете потерь русской армии в Первой мировой войне, опираясь на статистические данные Б.Ц. Урланиса, Н.Н. Головина, В.Г. Аврамова и другие авторитетные источники, в которых содержится базовый материал исследуемой проблемы, достиг авторский коллектив под руководством Г.Ф. Кривошеева. Безвозвратные демографические потери русской армии в войне 1914-1918 гг. составили 2254369 человек. Зная, что за годы Первой мировой войны всего было привлечено в армию и флот 15378 тыс. человек [9, с. 92], методом пропорций можно определить % потерь от числа мобилизованных. Эта цифра составляет 14,65%. В последующем эти данные помогут определить количество демографических потерь солдат-приамурцев за 1914-1918 гг.

Периодическую печать в своём отчете Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер отмечал «не только как двигатель общественной жизни, но и как сотрудницы администрации» [11, с. 200]. Пресса Приамурья отчасти приносила свою пользу, но всё же временами уклонялась от возложенных на неё задач.

В Приамурском генерал-губернаторстве в 1910 году из периодической печати издавались:

г. Благовещенск – «Амурский край», «Амурский листок», «Благовещенск», «Эхо», «Амурская газета объявлений», «Коммерческий посредник», «Вестник общества спиритуалистов в г. Благовещенске» и «Голос приказчика»;

г. Хабаровск – «Приамурские ведомости», «Приамурье», «Голос востока», «Приамурская жизнь»;

г. Владивосток - «Дальний Восток», «Далекая окраина» и «Океанский вестник»;

г. Никольск – Уссурийский – «Уссурийская окраина», «Никольск-Уссу-

рийский»;

г. Николаевск – «Амурский Лиман», «Восточное поморье».

Начало Первой мировой войны население Приамурского края встретило с воодушевлением. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти 23 июля 1914 года в обращении к населению края писал: «В настоящее время, когда с открытием военных действий, духовным и физическим силам народа, воодушевлённого сознанием своего священного долга перед Богом, Царём и Отечеством, предстоит значительное напряжение, всем верноподданным нашего Державного Монарха, без различия пола, возраста, вероисповедания и рода занятий, необходимо сплотиться в одну тесную семью на защиту интересов государства …» (РГИА ДВ. Ф.1 Оп.1. Д.1965. Л.30). Ответ Николая II не заставил себя долго ждать и уже 24 июля т.г. был следующим: «Воодушевление Дальнего Востока Меня искренне радует не сомневаюсь в готовности жителей окраины наравне с населением коренной России отстаивать русскую землю от дерзкого врага» (РГИА ДВ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 217. С.104). «Газеты на своих страницах разъясняли своим читателя причины войны, её цели и важнейшие события на полях сражений. Читательский интерес населения к периодической печати возрастает. «Приамурские ведомости» также принимают участие в пропагандистской кампании. На страницах газеты публикуются материалы патриотических выступлений, освещаются события отправки на фронт резервистов и добровольцев, описываются ратные подвиги наших солдат. Война, которая должна была стать молниеносной и победоносной для России принимает затяжной характер. Родственники, которые с честью и достоинством отправляли своих родных на фронт, с нетерпением ждут от них весточек.

В своем дневнике 30 июля 1914 года Р.М. Хин-Гольдовская пишет: «что делается на «театре» войны и где этот «театр», неизвестно. Газеты пишут о французских победах на Эльзасе и Бельгии, об английских победах на море, о немецких поражениях… О нас, русских, ни гу-гу. Ни один Иван Сидоров не ранен… а между тем, в Москву уже, говорят, идут поезда, набитые ранеными…» [2, с. 239].

В 1915 году русские войска испытали на себе главный удар немецкого блока. Целью германо-австрийцев был разгром противника на востоке и вывод России из войны. За счет технического превосходства врага Россия была вынуждена оставить Галицию, Польшу, Литву. «Великое отступление» сопровождалось большим потерями и падением престижа правящего класса.

В боях были почти полностью потеряны контингенты призывов срока 1914-1916 гг. и призванного до осени ополчения, частично – призывников срока 1917 г.

В 1915 году в газетах с описанием подвигов и мест гибели публикуются

некрологи жителей Приамурского края. 25 января в газете «Приамурская жизнь» печатается, что по сведениям полученной телеграммы, бывший вице-губернатор Приморской области В.И. Лодыженский, вернувшийся в чине подполковника в строй, убит на поле брани (Приамурская жизнь. 1915. 25 января.). «Амурский лиман» 8 февраля публикует: «Убитые горем родители, братья и сестры с душевным прискорбием извещают родных и знакомых о смерти дорогого сына и брата Василия Ивановича Толстикова, погибшего в бою 13 ноября 1914 года. Панихида будет отслужена в Соборе сегодня 8 февраля 1915 г. после обедни» (Амурский лиман. 1915. 8 февраля.). «Далекая окраина» на своих страницах пишет, что лейтенант Георгий Павлович Унтербергер[1] погиб при исполнении служебного долга 22 мая на минном заградителе «Енисей», торпедированном германской подводной лодкой U-26 (Далекая окраина. 1915. 28 мая. С. 2).

Списки потерь жителей и уроженцев Приамурского края появились в «Приамурских ведомостях» лишь только 15 января 1915 во 2-м бюллетене Справочного отдела Сибирского общества для помощи раненым воинам (Приамурские ведомости. 1915. 15 января. №2238). В списке оказались сведения на 21 человека. Эти сведения были той связывающей маленькой ниточкой между мужьями и женами, сыновьями и матерями, которые давали хоть какую-то незначительную информацию о своих земляках. Всего таких бюллетеней за 1915 год было напечатано 28. Последний бюллетень был опубликован в газете 17 декабря 1915 года, а в 1916 году публикация списков убитых, раненых и пропавших без вести была прекращена. Кроме этого, с 20 апреля 1915 года в газете печатаются именные списки главного штаба убитых, раненых и без вести пропавших нижних чинов по Приморской и Амурской областям (рис. 1). Причем эти списки потерь печатались отдельно друг от друга и выходили под разными номерами. Таких списков генерального штаба оказалось 8, которые содержали сведения о 296 приамурцах. Всего же за 1915 год в газете были опубликованы 1312 фамилий жителей и уроженцев Приамурского края.

Списочный состав армии составляли офицеры, классные чины, военное духовенство и нижние чины. В состав Вооруженных сил Российской Империи входили постоянные войска, ополчение, казачьи войска и войска, образуемые из инородцев Тобольской, Томской, Архангельской и Астраханской губернии, Иркутского и Приамурского генерал-губернаторства и из населения Финляндии и некоторых местностей Сибири, подчиняющихся особым правилам [5, с. 12-13]. Приамурцы проходили службу в разных ро-

1 Георгий Павлович Унтербергер, сын нижегородского губернатора (1897-1905), Приамурского генерал-губернатора и войскового атамана Амурского и Уссурийского казачьих войск (1905-1910), члена Государственного совета (1910-1917) П.Ф. Унтербергера.

дах сухопутных войск, главными из которых считались пехота, кавалерия и артиллерия.

Распределение нижних чинов по сведениям потерь из материалов газеты «Приамурские ведомости»:

Прапорщик..... 1
Классный чин..... 1
Унтер-офицеры..... 194
Рядовые..... 1074
Нестроевые..... 11
Нет данных..... 31
Всего..... 1312

В своей основе императорская армия была крестьянской. По данным Министерства Внутренних дел за 1911 год при укомплектовании армии новобранцами, соотношение городских обывателей к сельским жителям составлял 12,9% к 87,1% соответственно. Сословная принадлежность по спискам потерь из материала газет 1915 года составила:

Крестьянин – 900
Мещанин – 76
Казак – 27
Прочие – 7
Пустые графы – 302
Всего – 1312

В административном отношении Российская империя была разделена на 99 крупных частей – 78 губерний, 21 область и 2 самостоятельных округа [7, с. 15]. Согласно опубликованным сведениям приамурцы были родом из 36 губерний и 7 областей. Если брать по регионам империи, то большинство были выходцами из Сибири -1094 человек, из которых 808 человек были уроженцами Приамурского края. Родившиеся в Европейской России составили 106 человек, Средней Азии – 18 человек и родом из Привислянских губерний было всего лишь 2 человека. 92 строки в списках оказались не заполненными.

Анализ военных потерь по сведениям газеты «Приамурские ведомости» проведем с использованием классификации, разработанной полковником медицинской службы профессором Л.С. Каминским. Военные потери приамурцев показаны в нижеследующей таблице.

Домой уже никогда не вернутся к своим родным и близким 13,7% лучших мужей и сыновей своей отчизны, жителей Приамурского края. Из временных потерь часть солдат так и не сможет оправится от полученных ранений и примет мученическую смерть в госпиталях и городских лазаре-

тах. Из выздоровевших часть вернется в ряды действующей армии, а часть вернется домой искалеченными не только в физическом плане, но и в духовном.

Таблица 2. Военные потери приамурцев по сведениям газеты «Приамурские ведомости» с 15 января по 17 декабря 1915 г. (в цифрах приведены кол-во человек).

Боевые				**Небоевые**			
Безвозвратные		**Временные**		**Безвозвратные**		**Временные**	
Убитые	35	Раненые	997	Умершие от болезней	5	Больные	107
Пропавшие без вести	130	Контуженые	19				
Попавшие в плен	8	Обмороженные	3				
	173		1019		5		107

Статистические показатели, полученные в результате исследования потерь солдат приамурцев – жителей и уроженцев Приморской и Амурской областей по материалам периодической печати, позволяют представить социокультурный образ солдата-приамурца – участника событий Первой мировой войны. В условиях ведения военных действий вероятность получения полных числовых данных сомнительна, хотя материалы, из которых получены результаты можно считать более/менее правильными и надежными. После последующего изучения и сопоставления параллельных источников, некоторые цифры будут положены в основу расчетов, которые могут быть использованы для воссоздания полноценной

Библиографический список:

1. Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. – М.: Вече, 2006.
2. Дневники Великой войны: Воспоминания, дневники, письма о Первой мировой (из собрания Российского государственного архива литературы и искусства) / Федеральное архивное агентство. Российский государственный архив литературы и искусства. Л.Н. Бодрова, А.Л. Евстигнеева, Н.А. Молотова. – М.: Квадрига, 2022.
3. Нелипович С.Г. Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон. 1914. – М.: Квадрига, 2019.
4. Нелипович С.Г. Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон. 1915. – М.: Квадрига, 2022.
5. Новый Закон о воинской повинности 27 декабря 1914г. – Москва, 1915.
6. Оськин М.В. Русский солдат в окопах Первой мировой. – М.: Вече, 2018.
7. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. – Санкт-Петербург: Блиц, 1995.
8. Россия в мировой войне 1914-1918 года (в цифрах). – М.: Центральное статистическое управление. Отдел военной статистики, 1925.
9. Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
10. Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914-1920 гг. – Москва: Государ-

ственное издательство, 1923.
11. Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906-1911 гг.: Очерк. – СПб., 1912.
12. Урланис Б.Ц. История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил Европейских стран в войнах XVII – XX вв. (историко-статистическое исследование). – Санкт-Петербург: ООО «Издательство «Полигон», 1998.
13. Рыбаков С.В. О сущности веры // Межконфессиональная миссия. 2020. Том 9. Часть 6. № 47. С. 576-582.

Reference

1. Golovin N.N. Russia in the First World War. Moscow: Veche, 2006.
2. Diaries of the Great War: Memories, Diaries, and Letters about the First World War (from the Collection of the Russian State Archive of Literature and Art) / Federal Archival Agency. Russian State Archive of Literature and Art. L.N. Bodrova, A.L. Evstigneeva, N.A. Molotova. Moscow: Quadriga, 2022.
3. Nelipovich S.G. Russian Front of World War I: Casualties of Both Sides. 1914. Moscow: Quadriga, 2019.
4. Nelipovich, S.G. Russian Front of World War I: Casualties of Both Sides. 1915. Moscow: Quadriga, 2022.
5. New Law on Military Conscription of December 27, 1914. Moscow, 1915.
6. Os'kin M.V. A Russian soldier in the trenches of World War I. Moscow: Veche, 2018.
7. Russia 1913. Statistical and documentary reference book. Saint Petersburg: Blitz, 1995.
8. Russia in the World War 1914-1918 (in figures). Moscow: Central Statistical Office. Department of Military Statistics, 1925.
9. Russia and the USSR in the wars of the 20th century. Statistical study. Moscow: OLMA-PRESS, 2001.
10. Works of the Commission for the Study of the Sanitary Consequences of the War of 1914-1920. Moscow: State Publishing House, 1923.
11. Unterberger P.F. Amur Region. 1906-1911: Essay. Saint Petersburg, 1912.
12. Urlanis B.Ts. History of military losses. Wars and Population of Europe. Human Losses of the Armed Forces of European Countries in the Wars of the 17th–20th Centuries (historical and statistical study). – St. Petersburg: Poligon Publishing House, 1998.
13. Rybakov S.V. About the essence of faith // Mission confessions. 2020. Volume 9. Issue 6. № 47. P. 576-582.

Потапова А.Н.
Кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных наук и молодежной политики Оренбургского государственного медицинского университета Минздрава Российской Федерации, г. Оренбург.

Телякаева А.Ф.
Кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры общественных наук и молодежной политики Оренбургского государственного медицинского университета Минздрава Российской Федерации, г. Оренбург.

Страницы истории оренбургского кафедрального собора*

Аннотация. Статья посвящена исследованию становления и развития Никольского Оренбургского кафедрального собора как уникального центра духовно-культурного развития региона, сложному периоду государственно-церковных отношений в годы советской власти, деятельности архиепископов, священнослужителей и верующих для его сохранения и развития. В работе использованы методы историко-архивного анализа, историографический обзор, проанализированы архивные документы, воспоминания старожилов. Исследование отражает изменения в архитектурной композиции храма, влияние значимых исторических событий на его судьбу, позволяет глубже понять взаимосвязь между духовной жизнью, архитектурными традициями и социокультурными процессами, происходившими в регионе, а также актуализирует вопросы сохранения храмового наследия.

Ключевые слова: история Русской Православной Церкви, Никольский Оренбургский кафедральный собор, государственно-церковные отношения в советский период, храмовое строительство, духовенство, верующие.

Potapova A.N.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Social Sciences and Youth Policy, Orenburg State Medical University, Ministry of Health of the Russian Federation, Orenburg.

Telyakaeva A.F.
Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer, Department of Social Sciences and Youth Policy, Orenburg State Medical University, Ministry of Health of the Russian Federation, Orenburg.

* © Потапова А.Н., Телякаева А.Ф., 2026.

Pages of the history of the Orenburg cathedral

Abstract. This article explores the formation and development of St. Nicholas Cathedral in Orenburg as a unique center of the region's spiritual and cultural development, the complex period of church-state relations during the Soviet era, and the efforts of archbishops, clergy, and believers to preserve and develop it. The study utilizes historical and archival analysis, a historiographical review, and an analysis of archival documents and the recollections of long-time residents. The study reflects changes in the cathedral's architectural composition and the influence of significant historical events on its fate, allowing for a deeper understanding of the relationship between spiritual life, architectural traditions, and sociocultural processes occurring in the region, and also highlights issues of preserving the cathedral's heritage.

Key words: history of the Russian Orthodox Church, St. Nicholas Orenburg Cathedral, state-church relations in the Soviet period, temple construction, clergy, believers.

Религиозный храм является не только культовым сооружением, но и символом отечественной истории и культуры. Изучение истории православных храмов в Оренбуржье особенно актуально, так как храмы региона отражают уникальное переплетение культурных, этнических и религиозных традиций, сложившихся на перекрестке Европы и Азии. В Оренбуржье храмы становились центрами духовной жизни, играли ключевую роль в укреплении государственной идентичности, а также в сохранении памяти о важных исторических событиях. В статье отражена история Никольского собора г. Оренбурга, преодолевшего тяжелые испытания и гонения, «прошедшего путь» от приходской церкви до главного храма Оренбургской и Саракташской епархии Русской Православной Церкви. Исследование истории храмов помогает раскрыть особенности региональной архитектуры, понять влияние исторических процессов на религиозную жизнь и выявить проблемы сохранения уникального наследия в условиях современных вызовов.

Свято-Николаевский собор назван в честь святителя Николая Мирликийского, жившего в III веке в Малой Азии, в городе Патаре, покровителя путешественников, переселенцев, оклеветанных, а также считающегося покровителем брака. В Оренбургской епархии действуют множество храмов в честь святителя Николая Чудотворца, традиционно 19 декабря приходы отмечают память своего храмового покровителя.

Весной 1883 года в казачьей станице Форштадт (до 1922 года - пригород Оренбурга) на Атаманской улице (современная - улица Чкалова) на средства прихожан заложили церковь. Оренбургские казаки во главе с подрядчиком Е.Г. Колокольцевым приняли решение построить новое здание из кирпича, так как многие имевшиеся деревянные постройки

уничтожил пожар в 1879 году. Примерный план строительства разработал инженер-капитан В.П. Сахаров [1]. Предварительную стоимость работ оценили в 25 тысяч рублей [2]. Иконостас выполнил московский мастер иконописи Соколов в 1886 году. Колокол передал купец второй гильдии Ф.П. Дегтярев.

В 1883 году будущий император Николай Александрович передал для строящейся церкви большое напрестольное Евангелие, в металлическом окладе, для хранения которого в 1891 г. построили часовню [3].

Церковь была заложена в 1883 году, а 4 мая 1886 года освящена Преосвященным Вениамином II (Смирновым), епископом Оренбургским и Уральским. Среди присутствовавших на освящении храма был оренбургский губернатор генерал-майор Н.А. Маслаковец. Первоначально церковь была однопрестольной, во имя святителя Николая Чудотворца, а с 1910 года ее стали возводить трехпрестольной в честь Успения Богородицы и святого великомученика и целителя Пантелеимона. История сохранила имена первостроителя о. Василия (Коблова), умершего в 1917 году и погребенного за алтарем храма вместе со строителем и старостой Е. Колокольцевым [4].

С установлением Советской власти начались гонения на Русскую Православную Церковь, получившие массовый характер в 1918 году, после издания 23 января декрета «Об отделении Церкви от государства», и продолжались, то усиливаясь, то временно ослабевая, на протяжении всего советского периода, т. е. до конца 80-х гг. В 1920 – 1930-е годы активную борьбу с религией осуществлял Союз воинствующих безбожников.

В 1930-х гг., в период разрушения храмов и гонений, Никольский храм уцелел. Из действовавших до революции 42 храмов г. Оренбурга единственный не подвергся разрушению. В 1935 г. Никольский храм по решению Оренбургского горсовета «под давлением рабочих коллективов» закрыли, предметы культа вынесли. Помещение стали эксплуатировать для хозяйственных целей, первоначально разместили общежитие.

В период Великой Отечественной войны государственно-церковные отношения претерпевают изменения, усиливаются религиозные настроения среди населения. Активизировалась и деятельность верующих г. Чкалова (так назывался Оренбург с 1938 по 1957 гг.), которые в декабре 1943 г. обратились с письмом к Патриарху Московскому Сергию. В письме они отмечали, что их более 100 тыс. человек, просили содействия в открытии храма. В это время с 1942 г. Никольская церковь в г. Чкалове использовалось как хранилище для эвакуированных архивов, и по данным на 1 февраля 1944 г. была занята Государственным архивом НКВД. В этом помещении разместили 67 вагонов документов [5, С.48].

Путь возвращения храмов был долог: существовала многоступенча-

тая процедура прохождения заявлений верующих по инстанциям. Инициативную группу возглавлял Н.П. Кузьмин. По распоряжению СНК СССР №10974 от 20 мая 1944 г. в Чкаловской области разрешалось открыть два здания РПЦ: в г. Чкалове и с. Студенцы Гавриловского (ныне Саракташского) района. Определенную роль в возвращении верующим церкви сыграло письмо с грифом «секретно» заместителя начальника УН КГБ И.М. Козырева секретарю Чкаловского облисполкома Н.И. Сафронову. В письме мотивировалась необходимость зарегистрированного здания религиозного культа для осуществления государственного контроля. Отмечалось, что проживающие в городе священнослужители ходят по домам верующих, совершают богослужения, на которых присутствует значительное число верующих; «с целью пресечения вражеской деятельности антисоветского элемента, для проведения патриотической работы среди религиозников необходимо предоставить верующим бывшую Никольскую церковь» [6].

30 мая 1944 года верующие получили разрешение об открытии церкви, но вести здесь службы было невозможно. «Храм был набит бумагами от пола до куполов. Целый год люди на тележках и санках вывозили кипы книг на автовокзал. Тогда временно сбили палатку с односкатной крышей, без окон, с одной дверью – одним словом холодный барак; сделали молитвенный дом и служили в нем» [7]. Приход в Форштадте стал функционировать с 1 июня 1944 г. Управляющий Чкаловской епархией Уфимский архиепископ Стефан настоятелем церкви назначил священника Г.И. Тучина. Главой церковного совета избрали И.Д. Шеховцова. Первое время служба проходила в арендованном частном доме, выходящем на церковную площадь.

Объективную необходимость возвращения здания Никольской церкви раскрывал в декабре 1944 г. в письме к председателю Облисполкома Управляющий Чкаловской епархией А. Архангельский. В обращении отмечалась необходимость воспитывать «верующую массу» в патриотическом духе, произносить патриотические призывы, устраивать сборы в Фонд Обороны страны. За несколько месяцев в 1944 г. Никольской церковью было собрано в Фонд Обороны страны 40 тыс. рублей и 10 тыс. рублей сданы в местные органы государственной власти для новогодних подарков детям фронтовиков [8]. В феврале 1945 г. на Чкаловскую (Оренбургскую) кафедру назначили епископа Мануила Лемешевского, внесшего неоценимый вклад в открытие храма и оформление епархии.

Только в марте 1945 г. помещение освободили от архивных документов. Уполномоченный Совета по делам РПЦ при СНК СССР по Чкаловской области П.Г. Тептярев, обращаясь к общине верующих сообщил, что им передается здание церкви, сторожки, культовое имущество в бесплатное и бес-

срочное пользование.

Однако, вскоре после открытия церкви, «активистов» обвинили в антисоветской деятельности. Особым совещанием при МГБ СССР были осуждены: настоятель церкви А.Г. Свистунов, староста церкви И.Д. Шеховцов, член церковного совета В.И. Суреев. Обвинение заключалось в организации и проведении ночных нелегальных собраний, распространении антисоветской литературы, использовании церковной кассы для антисоветской работы [9].

Реконструкция храмов, возрождение былого благолепия, рост числа прихожан укрепляли позиции РПЦ. С открытием Никольской церкви начался поиск ее колоколов. Просьба передать церковному совету Никольского кафедрального собора имеющийся церковный колокол поступила на завод «Автозапчасть» [10]. Для создания Креста Господня владыка Мануил пригласил А.Я. Барановского, в подвале дома которого и создавали святыню [4]. Давая новую жизнь храмам, собирали уцелевшие иконы. Из села Кулагино Покровского района по просьбе священнослужителей, получивших предварительно согласие Уполномоченного Совета по делам РПЦ по Чкаловской области, передали в Никольский собор икону «Достойно есть» (ранее привезенную с Афона). Регент В.П. Косарев собрал хор из бывших певцов.

С 1945 г. по благословлению владыки Мануила, на праздник Крещения Господня ежегодно организовывали крестный ход на реку Урал: от Никольского собора по улице Чкалова, по ул. 8 марта, Горького до большого моста. Вырубался крест на льду, который заливался водой разных цветов; получался «радужный Крест». Рядом делали прорубь для купания. Служили водосвятный молебен, после которого в воду с верой и молитвой погружались все желающие: больные, раненые, просто верующие [11, С. 8].

С благословения владыки Мануила привезли купленный в районе рубленый дом, собрали и разместили в нем контору и просфорню. В целях восстановления и ремонта церквей в ряде епархий предусматривалось создание специальных фондов, складывающихся из отчислений приходов. В Чкаловской епархии такой фонд организовали 1 января 1947 г., одной из задач фонда являлась «помощь приходам во время строительства или ремонта храмов (взаимообразно и безвозвратно)» [9].

В отношении религиозных общин, занимавшихся ремонтом и восстановлением культовых зданий, местные органы государственной власти применяли порой грубые административные меры. В Никольском соборе г. Чкалова первоначально власти разрешили провести водопровод, когда же он был построен, то в присоединении к городской водопроводной сети прихожане получили отказ [4, С. 49].

С июля 1949 г. настоятелем Никольского храма назначили протоиерея К. Плясунова, при нем в 1955 – 1958 гг. художник Владимир Рублёв расписал собор. Были заменены иконостасы во всех 3-х приделах, позолочены Кресты и луковицы на куполе и колокольне, построены помещения для крестильни, проект которой сделал о. Константин. После отца Константина настоятелем был отец Михаил Титаренко [11, С. 10-11].

В 1948 г. владыку Мануила арестовали. Епархией в разные периоды управляли: епископ Борис (Вик) с 1949 по 1951 гг.; епископ Варсонофий (К.Д. Гриневич) с 1951 по 1953 гг.; архиепископ Михаил (М.Д. Воскресенский) с 1953 по 1960 гг.

В мае 1960 г. на Оренбургскую кафедру назначили архиепископа Палладия (Г.М. Каминский), который прибыл в Оренбург с регентом В.Я. Замеховским. В 1962 г. владыка Палладий назначил настоятелем Никольского собора протоиерея Е. Иноземцева. В 1963 году владыку Палладия перевели на Рязанскую кафедру, а на Оренбургскую назначили епископа Леонтия (Леонид Фадеевич Бондарь). С декабря 1966 года настоятелем собора стал отец Борис Сандар. В период настоятельства отца Бориса был расписан придел Всех Святых; в алтарях установили вызолоченные престолы. Владыка Леонтий вместе с о. Борисом отстаивали права детей на свободу вероисповедания и посещения храма. В связи с этими проблемами владыка Леонтий совершил поездку в Москву. Несмотря на сложные отношения с властями о. Борис остался верен своему пастырскому долгу. В результате лишился регистрации [11, С. 12].

В 1968 г. к передней части собора пристроили придел Всех святых, что существенно увеличило вместимость собора. С 1982 – 1984 г., по благословению владыки Леонтия, обустроили ограду. На Оренбургской кафедре в период с 1989 по 1994 гг. владыку Леонтия возвели в сан архиепископа и митрополита [11, С. 16]. В 1985 году настоятелем Никольского кафедрального собора назначили о. Василия Лищенюка, в лице которого владыка Леонтий приобрел деятельного помощника. На территории храма построили новые хозяйственные помещения.

В трудные десятилетия советской власти Никольский храм выстоял, стал кафедральным. В 1988 – 1990 гг. установили круглый купол, заменив деревянный квадратный. В 1991 – 1992 гг. построили и освятили Всесвятский придел, провели серьезные реставрационные работы. В 1994 г. по проекту Н.А. Быковской надстроили новую семиметровую колокольню. В период с 1994 по 1995 гг. провели множественные благо устроительные работы: иконостасы позолотили, расписали купол и три алтаря, произвели живописные реставрационные мероприятия; построили Водосвятную часовню, облагородили территорию рядом с собором.

В 1996 г. Никольский храм посетил Патриарх Московский и Всея Руси

Алексий II, он отслужил торжественный молебен и дал положительную оценку собору.

В новом административном здании, построенном в 1997 – 1998 гг., обустроили воскресную школу, трапезную, типографию, бухгалтерию, библиотеку и гостиницу. В это время Оренбургская епархия понесла тяжелую утрату: 24 января 1999 г. умер митрополит Оренбургский и Бузулукский Леонтий (Бондарь).

При Никольском храме с 2001 г. функционирует богатая библиотека, среди читателей служащие собора, прихожане, студенты вузов и школьники [4]. С 2007 г. действует крестильный Богоявленский храм, с 2009 г. – церковная лавка [3].

Никольский собор имеет огромное значение для верующих Оренбурга. Благодаря их усилиям он восстанавливался и украшался. Архиепископы и священнослужители внесли огромный вклад для его сохранения и развития. Сегодня храм является средоточием духовного бытия и значительные события в земной жизни человека традиционно связаны с храмом. В истории Никольского кафедрального собора отражена история края и нашей страны. Сегодня храмы выполняют функции центров не только религиозной, но и социальной интеграции населения. Они способствуют сохранению исторической памяти, трансляции духовно-нравственных ценностей и укреплению социальных связей, а также выступают в качестве институтов, объединяющих различные этнические и конфессиональные группы региона. Архитектурные особенности храмов отражают уникальные культурные процессы, происходящие на территории Оренбуржья, а их социальная деятельность – образовательные, благотворительные и культурные проекты – способствует развитию гражданского общества и укреплению региональной сплоченности. В современных условиях храмы продолжают играть ключевую роль в формировании региональной идентичности, обеспечивая преемственность традиций и укрепляя связь между историческим наследием и современными социальными процессами.

Библиографический список:

1. Епархиальные ведомости. 1886. № 10. С. 375.
2. Григорьев Ю. Древняя и молодая // Вечерний Оренбург. 1998. 13 мая (№ 20).
3. Горлов Г., протоиерей, Боброва О. Духовная нива Оренбуржья. Оренбург, 2010. // URL: http: https://project.orenlib.ru/ litmap/up/person/flash/Gorlov_GE/Duhovnaya_niva_Orenburjya (Дата обращения: 18.12.2025)
4. Мячина Н.А. Никольский собор: история и современность. 1999. // URL: http: http://www.oepress.ru / nikolskiy_sobor.html (Дата обращения: 16.11.2024)
5. Потапова А.Н. Из истории Никольского кафедрального собора // Материалы региональной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов Оренбургской области. Ч. 3. Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2004. С. 48.
6. Потапова А.Н. Чкаловская Епархия в годы Великой Отечественной войны // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны. Оренбург: Оренб. губерния, 2000. С. 138.
7. Стремский Н. Мученики и исповедники Оренбургской епархии XX века. Книга 3. Оренбург, 2000. С. 222.
8. Потапова А.Н. Патриотические традиции Русской Православной Церкви: исторический аспект // Фор-

мирование патриотизма у учащейся молодежи в процессе преподавания гуманитарных дисциплин. СПб. Пушкин, 2001. С. 103.
9. Потапова А.Н. Религиозные организации на Южном Урале в военные и послевоенные годы // Этноконфессиональный диалог: состояние, противоречия, перспективы развития. Оренбург: Изд. центр Оренб.гос. агр. ун-та, 2002. С. 166.
10. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО.) Ф.617. Оп.1. Д.79. Л.5.
11. ГАОО. Ф.617. Оп.1. Д.46. Л.44.
12. ГАОО. Ф.617. Оп.1. Д.113. Л.28.
13. Потапова А.Н. Православные епархии на Южном Урале в военные и послевоенные годы // Великий подвиг советского народа в Великой Отечественной войне (1941 – 1945 гг.): сб. статей Междунар.науч. конф., посвящ.65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2010. С. 316-321.
14. Бормотова Т.М., Мазаев Ю.Н. Коммуникация пожилых людей в социальных сетях Интернета // Межконфессиональная миссия. 2021. Том 10. Часть 3. № 52. С. 309-319.

Reference

1. Diocesan Gazette. 1886. № 10. P. 375.
2. Grigoriev Yu. Ancient and Young // Vecherniy Orenburg. 1998. May 13 (№ 20).
3. Gorlov G., Archpriest, Bobrova O. Spiritual Field of the Orenburg Region. Orenburg, 2010. // URL: http: https://project.orenlib.ru/litmap/up/person/flash/Gorlov_GE/Duhovnaya_niva_Orenburjya (12.18.2025)
4. Myachina N.A. St. Nicholas Cathedral: History and Modernity. 1999. // URL: http: http://www.oepress.ru /nikolskiy_sobor.html (16.11.2024)
5. Potapova A.N. From the History of St. Nicholas Cathedral // Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference of Young Scientists and Specialists of the Orenburg Region. Part 3. Orenburg: RIC GOU OSU, 2004. P. 48.
6. Potapova A.N. Chkalov Diocese during the Great Patriotic War // Southern Urals during the Great Patriotic War. Orenburg: Orenburg Province, 2000. P. 138.
7. Stremsky N. Martyrs and Confessors of the Orenburg Diocese of the 20th Century. Book 3. Orenburg, 2000. P. 222.
8. Potapova A.N. Patriotic Traditions of the Russian Orthodox Church: Historical Aspect // Formation of Patriotism among Young Students in the Process of Teaching Humanities. St. Petersburg. Pushkin, 2001. P. 103.
9. Potapova, A.N. Religious Organizations in the Southern Urals during the War and Post-War Years // Ethnoconfessional Dialogue: Status, Contradictions, Development Prospects. Orenburg: Publishing Center of Orenburg State Agricultural University, 2002. P. 166.
10. State Archives of the Orenburg Region (GAOO), F.617, Op.1, D.79, L.5.
11. GAOO, F.617, Op.1, D.46, L.44.
12. GAOO, F.617, Op.1, D.113, L.28.
13. Potapova A.N. Orthodox dioceses in the Southern Urals during the war and post-war years // The great feat of the Soviet people in the Great Patriotic War (1941-1945): collection of articles of the International Scientific Conf., dedicated to the 65th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War. - Orenburg: Publishing Center of OGAU, 2010. P. 316-321.
14. Bormotova T.M., Mazaev Y.N. Communication of elderly people in social networks of the Internet // Mission confessions. 2021. Volume 10. Issue 3. № 52. P. 309-319.

Аннотации

Стадульская Н.А.
Антипова Л.А.

Метафорическое измерение речей климатического саммита COP30

Статья посвящена исследованию метафорического измерения речей участников тридцатой конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP30), проходившей в Белене (Бразилия) в ноябре 2025 года. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания того, как языковые средства, в частности метафоры, конструируют восприятие климатического кризиса и влияют на принятие политических решений в условиях растущего разрыва между риторикой амбиций и реальными результатами переговоров. Материалом исследования послужили официальные выступления спикеров и лидеров государств, представителей коренных народов, а также аналитические комментарии экспертов, опубликованные в ходе конференции и сразу после ее окончания. Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении представлений о прагматическом потенциале метафоры в политическом дискурсе и ее роли в конструировании климатической реальности. Практическая значимость связана с возможностью использования результатов в курсах политической лингвистики, теории перевода и экологической коммуникации.

Ключевые слова: климатический дискурс, политическая метафора, дискурсивные стратегии, концептуальная метафора, речевое воздействие.

Седень Е.А.
Арзамазов А.А.

Постирония, языковая гибридность и метатекстуальность как стратегии культурного самоутверждения в тексте «Последний кылбур» Богдана Анфиногенова

В статье рассматривается поэтический текст Богдана Анфиногенова «Последний кылбур», анализируются постирония, языковая гибридность и метатекстуальность как ключевые элементы его художественной организации, определяется их роль в формировании стратегии культурного самоутверждения. Особое внимание уделяется функционированию гибридного языкового кода и цифровых маркеров как средств репрезентации этнической идентичности в условиях социокультурной фрагментации. Автор показывает, что текст представляет собой синтетический феномен современной удмуртской словесности, в котором отражаются процессы трансформации этнофутуризма и особенности существования малых литератур в цифровую эпоху.

Ключевые слова: Богдан Анфиногенов, удмуртская литература, этнофутуризм, постирония, языковая гибридность, метатекстуальность, цифровая поэтика, культурная идентичность, лингвистическая деколонизация.

Хайдарова Ф.У.

Сравнительный анализ структурных особенностей местоименных словосочетаний в таджикском и английском языках

В статье рассматриваются структурные особенности местоимённых словосочетаний в таджикском и английском языках в сопоставительном аспекте. Основное внимание уделяется классификации местоимённых словосочетаний, их морфологическому и синтаксическому строению, а также функциям в предложении. Анализируются сходства и различия в позиционном расположении местоимений, способах согласования и управления, а также в их взаимодействии с именными и глагольными компонентами словосочетаний. Материал исследования основан на примерах из художественных и публицистических текстов двух языков. В результате выявляются типологические особенности таджикского и английского языков, обусловленные их принадлежностью к различным языковым системам, что позволяет углубить понимание специфики местоимённых конструкций и может быть использовано в теории

перевода, контрастивной лингвистике и практике преподавания иностранных языков.

Ключевые слова: местоимённые словосочетания, неопределённые местоимения, личные местоимения, адъюнкт, ядро, изафет, примыкание, сопоставительный анализ, английский язык, таджикский язык.

Стрелкова А.Ю.

Активизация речевой деятельности обучающихся с помощью коммуникативных игр на занятиях по иностранному языку

В статье обоснована эффективность коммуникативных игр для активизации речевой деятельности у обучающихся. Игровые технологии на примере коммуникативных игр рассматриваются как средство повышения мотивации, снижения языковой тревожности и трансформации навыков в умения. Проанализированы этапы организации игры и роль преподавателя как модератора и организатора процесса. Рассмотрены варианты как базовых игр, так и профессионально-ориентированные сценарии (case-study, деловые симуляции) для моделирования будущей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: коммуникативные игры, мотивация обучения, игровые технологии, роль преподавателя, методика обучения, навыки, умения.

Аскерова М.А.
Баталов А.А.

Речевой портрет Камалы Харрис: лингвистические особенности в контексте выборов в США 2024 года

Статья посвящена исследованию лингвистических особенностей, формирующих речевой портрет политического деятеля. Анализируется речевой портрет Камалы Харрис в контексте ее поражения на выборах 2024 года в США и влияние этого контекста на вербализацию политических идей. Целью работы является изучение языковых средств, с помощью которых создается речевой портрет Камалы Харрис в ситуации проигрыша на президентских выборах в США в 2024 году.

Ключевые слова: политический дискурс, языковая личность, речевой портрет, политическое выступление, контекст, стилистические приемы.

Барановская Б.В.

Разграничение термина «адекватность» со смежными терминами

В настоящей статье автор сравнивает термин «адекватность» перевода с другими смежными терминами, используемыми при переводе текстов. Для достижения максимальной адекватности в переводе переводчику необходимо помимо воспроизведения стилистических и семантических особенностей, обратить внимание на восприятие текста читателями, которые должны воспринять текст перевода также как носителя исходного языка. Переводческие решения субъективны и зависят от восприятия переводчиком исходного текста.

Ключевые слова: адекватность, перевод, термины, эквивалентность, полноценность, функциональность.

Бовелиева Я.В.

Языковая личность и текст в цифровую эпоху

В условиях развития цифровой эпохи языковая личность претерпевает значительные трансформации. В статье рассматривается, как изменения в коммуникационных практиках влияют на текст и формирование языковой личности, исследуются новые черты и тенденции, появляющиеся в результате широкого использования цифровых технологий в повседневной жизни.

Ключевые слова: языковая личность, цифровая личность, цифровая эпоха, текст, информационные коммуникации.

Брахима Тогола
Бит-Юнан Ю.Г.

Специфика интерпретации падения режима М. Траоре в газетах Мали

Статья посвящена анализу особенностей интерпретации падения режима генерала Муссы Траоре в малийских газетах. Рассматривается освещение политического кризиса 1991 г. в государственной и независимой прессе Мали. Особое внимание уделяется различиям в интерпретации причин падения режима, роли протестного движения, армии и международных факторов. На основе сравнительног.. Настоящеебликаций газег.. Настоящее, ‘‘Les Echos’’ и ‘‘L’Indépendant’’ выявляются ключевые дискурсивные стратегии СМИ: легитимация политического перехода, делегитимация авторитарного режима, мобилизация общественного мнения и формирование коллективной памяти о событиях марта 1991 г.. Настоящее исследование приходит к выводу, что малийская пресса в этой эпохе сыграла важную роль в формировании общественного восприятия политического кризиса и демократического перехода в Мали.

Ключевые слова: Мали, Мусса Траоре, пресса, политический кризис, демократизация, медийный дискурс, политическая коммуникация.

Губин А.Ю.

Дихотомия «творчество – жизнь» в производственных романах Федора Гладкова

В статье рассматривается дихотомия «творчество – жизнь» в производственных романах Федора Гладкова («Цемент», «Энергия») в контексте становления и развития жанра производственного романа в советской литературе. Исследуется влияние историко-культурных условий, идеологических установок социалистического реализма и документальной основы произведений на художественное воплощение темы труда. Особое внимание уделяется психологической глубине персонажей, нравственным конфликтам и актуальности поднимаемых Гладковым проблем для современности. Проводится параллель между советскими производственными романами и их современными аналогами, отражающими цифровую трансформацию и новые социально-экономические реалии. Статья подчеркивает непреходящую ценность произведений Гладкова как историко-культурного наследия и источника для осмысления роли труда в жизни человека.

Ключевые слова: Федор Гладков, производственный роман, социалистический реализм, «Цемент», «Энергия», дихотомия творчества и жизни, труд, индустриализация, советская литература, современный производственный роман, цифровая трансформация, психологизм, историко-культурный контекст.

Гуломова Ф.А.

Эволюция и характеристики военных терминов в немецком, таджикском и русском языках: взгляд на терминосистему

Данная статья посвящена военным терминам в процессе преподавания немецкого языка и их аналогам в таджикском и русском языках. Современные процессы глобализации требуют от специалистов-лингвистов пересмотра подходов к преподаванию иностранных языков на всех уровнях обучения и разработки новых образовательных программ и методов. В частности, изучение немецких военных терминов в ходе преподавания этого языка должно осуществляться в новой форме и с использованием новых методов.

В силу особенностей немецкого языка примерно 80% немецких военных терминов представляют собой сложные слова, и, к сожалению, таджикский читатель из-за сложности понимания военных терминов на немецком языке не может должным образом осмыслить и использовать их исходное значение. Автор решил провести научную работу по этой проблеме, чтобы внести значительный вклад в развитие и рост таджикской лингвистики. В связи с этим в статье обсуждается ряд военных терминов.

Целью данного исследования является выявление и представление современных и эф-

фективных методов и подходов в направлении изучения военных терминов в процессе преподавания немецкого языка.

Новизна этого исследования заключается в том, что автор объединил классический подход к изучению иностранных языков и терминов с развитием современных технологий.

Ключевые слова: специальный, термин, перевод, преподавание немецкого языка, профессиональные слова, военная терминология, лингвистика, аналог, иностранный язык, метод, образование, технология, научный.

Гэ Жань

Аннализ мультимодального взаимодействия в российском стендапе

В статье рассматривается феномен мультимодального взаимодействия между исполнителем и зрительной аудиторией в российском стендапе. Работа подробно классифицирует конкретные виды мультимодальных взаимодействий, присутствующих в стендап-выступлениях, и на основе кооперации вербальных и невербальных модальностей всесторонне анализирует выраженные характеристики взаимодействий на различных уровнях. Систематически исследуется ключевая роль мультимодального взаимодействия в представлении искусства стендап-комедии и передаче его эффектов комического выступления. Опираясь на конкретные примеры исполнения, в исследовании реконструируются пути генерации юмора для каждой выделенной формы взаимодействия, что направлено на обеспечение теоретической основы и эмпирической иллюстрации для межкультурных исследований комедии и прикладных аспектов теории мультимодального взаимодействия.

Ключевые слова: мультимодальность, мультимодальное взаимодействие, стендап, комедия, юмор, модальноть.

Захарова И.Р.

Развитие навыка аудирования при изучении немецкого языка: от традиционных методик к экстенсивному подходу

Статья посвящена развитию навыка аудирования при изучении иностранного (немецкого) языка. В первой части рассматривается эволюция методических подходов к обучению аудированию – от грамматико-переводного метода до коммуникативной дидактики. Анализируются когнитивные процессы, лежащие в основе понимания речи на слух, в частности взаимодействие стратегий «снизу вверх» (декодирование языковых единиц) и «сверху вниз» (использование фоновых знаний и контекста). Выявляются типичные ошибки при выполнении упражнений на аудирование и предлагается оптимальная трехфазная модель работы с аудиотекстом (предтекстовая фаза, фаза слушания, послетекстовая фаза), подробно описываются цели и виды деятельности на каждом этапе. На примере учебника «Schritte plus neu 3» проводится дидактический анализ заданий к аудиотекстам, включая работу с диалогическими текстами для чтения и аудирования. Особое внимание уделяется концепции экстенсивного аудирования – регулярного просмотра аутентичных видеоматериалов (телесериалов) с целью глобального понимания. Представлены результаты эмпирического исследования, проведенного с восемью студентами уровня A1 в течение двух семестров, которое демонстрирует положительное влияние экстенсивного аудирования на понимание речи на слух и расширение словарного запаса, однако выявляет проблему сохранения грамматических ошибок в письменной речи. В связи с этим обосновывается необходимость комбинирования экстенсивного аудирования с экстенсивным чтением для более гармоничного развития всех языковых компетенций.

Ключевые слова: аудирование, понимание речи на слух, методика преподавания иностранных языков, немецкий язык, когнитивные процессы, стратегии «снизу вверх» и «сверху вниз», трехфазная модель, дидактический анализ, диалогические тексты, экстенсивное аудирование, аутентичные материалы, телесериалы, уровень A1, языковые компетенции.

Ломакина С.А.

Мирообразы поэзии Любови Турбиной

В статье рассматривается художественно-эстетическое составляющее поэзии Любови Николаевны Турбиной, которая выработала собственный оригинальный поэтический стиль, сочетающий своеобразие ритма и интонации, глубину размышлений, интимную камерность. Цель настоящей статьи заключается в рассмотрении мирообразов поэзии Турбиной через авторское видение "вечных тем", переживания того, что происходит как во внутреннем, так и во внешнем мире. Автор считает, что Л. Турбина своим творчеством сохраняет художественный опыт прошлого, преобразовывает и развивает полученные традиции в настоящем. Особое внимание в статье уделяется мирообразам дороги и дома, которые являются фундаментом всей мировоззренческой концепции поэта. Они создают реальное культурное пространство, наполненное системой смыслов и духовных ценностей: нравственных, экзистенциальных, эстетических. Эмоциональная насыщенность, острый психологизм, мгновенность существования отражают тонкое мастерство художника слова, демонстрируя не просто поэзию, а определенный душевный строй. Каждое произведение Любови Турбиной – это реальная жизнь, в которой счастье прячется за самым обыденным и заурядным, а истинным чудом является окружающий нас мир.

Ключевые слова: Л. Турбина, современная поэзия, мирообраз, смысл бытия, метафора, метафизика, вечные темы.

Баталов А.А.
Серегина М.К.

TED Talks как база исследования вербальной лингвистической специфики ораторского мастерства

Статья посвящена исследованию особенностей речевого поведения спикеров англоязычных научно-популярных конференций фонда TED в контексте лингвистики. Рассматриваются экспрессивный языковой потенциал на лексико-грамматическом уровне и распространенные вербальные модели репрезентации авторского мнения в корреляции с такими экстралингвистическими признаками как речевой портрет адресанта сообщения и его коммуникативными целями как оратора. Основным направлением исследования является выявление типичных речевых лингвистических особенностей TED Talks как жанра публичных выступлений.

Ключевые слова: речевое поведение, экспрессивный языковой потенциал, вербальная модель, речевой портрет, оратор, коммуникативная цель, публичное выступление.

Синегубов С.Н.
Шостак В.А.
Долгушина П.С.

Трансформация гендерных ролей в советской профессиональной среде 1930-х гг.

В данном исследовании рассматривается процесс трансформации гендерных ролей женщин в профессиональной сфере в период 1930-х гг. Производится анализ перехода от одной традиционной модели поведения к новой, которая сочетает в себе характеристику активного политического субъекта с культом материнства. Также анализируется масштабная вовлеченность женщин в производство. Рассматривается кадровая политика, которая выражалась в выдвижении ударниц на руководящие должности. Прослеживается идеологический аспект: влияние пропаганды через СМИ на самосознание людей. Раскрыты основные цели, которые правительство преследовали на самом деле, вовлекая женщин в тяжёлый труд. Работа служит базой для осмысления противоречивого характера советского реформирования, с одной стороны, разрушение патриархального уклада, с другой – обречение женщин на двойную нагрузку при сохранении мужского доминирования.

Ключевые слова: гендер, трансформация, патриархат, советская модернизация.

Пром Тхари

Гибридная демократия и внешнее влияние в Камбодже: роль безусловной помощи Китая и восприятие демократии молодёжью

Данное исследование анализирует, каким образом Китай предоставляет Камбодже безусловную помощь, а также исследует сложные взаимосвязи между устойчивостью элит и восприятием демократии молодёжью в рамках гибридной демократической системы Камбоджи. В работе показано, что китайская помощь способствует поддержанию Народной партией Камбоджи (CPP) внешних атрибутов демократии, одновременно усиливая контроль элит через неопатримониальные и клиентелистские политические структуры. Большинство камбоджийской молодёжи, представляющей более половины населения, проявляет стремление к демократической подотчётности и гражданскому участию, используя цифровые платформы и обращаясь к международным демократическим дискурсам. Однако экономическая зависимость от китайских проектов и мощные сети политического покровительства со стороны CPP ограничивают амбиции камбоджийской молодёжи. В исследовании показано, что это политическое противоречие является ключевым элементом гибридной демократии Камбоджи и ставит под сомнение перспективы демократического развития в условиях, когда система контролируется внешним патронажем и внутренней авторитарной властью. В работе подчёркивается, что политикам следует сосредоточить усилия на развитии программ гражданского образования, формировании прозрачных механизмов государственного управления и создании безопасных пространств для политического участия молодежи.

Ключевые слова: Камбоджа, гибридная демократия, китайская помощь, неопатримониализм, клиентелистская политика, восприятие молодежи, демократическая подотчётность, гражданское участие.

Смирнов А.В.
Куликов С.П.

Стратегические планы США в отношении Европы в период демократической администрации Билла Дж. Клинтона (1990-е годы XX века)

В данной статье рассматривается процесс формирования новой внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов в период работы демократической администрации Билла Клинтона. На основании ряда материалов президентской библиотеки Билла Клинтона, материалов сессий Конгресса США и Государственного департамента США проиллюстрирована последовательность американской внешнеполитической доктрины относительно расширения НАТО на «Восток» за счёт бывших стран-участниц социалистического блока. Также рассмотрен вопрос отношения США к югославским военным конфликтам, особенности экономической и политической модернизации стран Восточной Европы после свершения в них серии «бархатных революций». Кроме того, рассмотрен вопрос формирования новой модели американо-восточноевропейских отношений и их стратегическое влияние на внешнеполитический курс Российской Федерации, находящейся в тот период на этапе выработки новой модели внешнеполитической стратегии.

Ключевые слова: расширение НАТО, Косово, Босния, распространение «демократических принципов», дипломатия, американо-российский дипломатический диалог.

Храмова Ю.В.

Официальные визиты и саммиты лидеров Японии и КНР как индикатор нормализации двусторонних отношений (2014-2019)

Статья посвящена анализу официальных визитов и саммитов между руководством Японии и Китайской Народной Республики в период с 2012 по 2019 гг. как индикатора процесса нормализации двусторонних отношений после резкого ухудшения в начале 2010-х гг. Проблема исследования заключается в отсутствии системного анализа контактов на высшем уровне как самостоятельного показателя стабилизационных усилий сторон, несмотря на их широ-

кое упоминание в политических и аналитических работах. Цель статьи состоит в выявлении динамики форматов и тематического наполнения встреч между премьер-министром Японии Синдзо Абэ и высшими руководителями Китая председателем Си Цзиньпином и премьером Государственного совета Ли Кэцяном. В работе анализируются официальные визиты и встречи на полях международных форумов, а также то, каким образом в ходе саммитов затрагивались вопросы истории, безопасности и экономики. В результате показано, что встречи в рассматриваемый период носили асимметричный и ограниченный характер и отражали не полноценную нормализацию, а попытки минимальной стабилизации отношений. Научная новизна статьи заключается в трактовке визитов и саммитов как индикатора нормализации, а не как вторичного элемента дипломатического взаимодействия.

Ключевые слова: Япония, КНР, Сенкаку, Дяоюйдао, исторический вопрос, экономическое сотрудничество.

Хугали Мохамед Хассан Абдин

Плотина GERD как фактор региональной безопасности: последствия для Судана и дилемма кооперации на Голубом Ниле

Статья посвящена анализу кризиса вокруг Плотины Великого Эфиопского Возрождения (Grand Ethiopian Renaissance Dam, GERD) и его последствий для Судана. Показано, что Судан, находясь непосредственно ниже по течению Голубого Нила, одновременно может извлечь выгоды из регулирования стока и энергетической кооперации, но несет повышенные риски из-за операционной неопределенности режимов наполнения и эксплуатации GERD, недостаточной институционализации обмена гидрологическими данными и каскадной зависимости суданских гидроузлов. Обосновано, что ключевой переменной снижения рисков выступают не столько абстрактные договоренности о «принципах», сколько стабильные процедуры раннего предупреждения, обмена данными и координации на период экстремальных осадков и засух. Отдельное внимание уделено влиянию внутренней политической нестабильности Судана после 2019 г. на его переговорную и административную способность управлять трансграничными водными рисками. Предложены сценарные оценки и рекомендации для суданской стороны в логике «минимального технического пакета» сотрудничества и укрепления национальных институтов мониторинга.

Ключевые слова: GERD, плотина Возрождение, Судан, Эфиопия, Египет, Голубой Нил, водная безопасность, гидрополитика, международное водное право.

Цзяцзы Цзинь
Юйюэ Лю

Изучение способа образования императорской столицы династии Тан с точки зрения климата и гидрологии

«Четыре неприступные крепости» Чанъаня времён династии Тан были обеспечены естественным военным фортом, а гидрологическая система, окружающая столицу восемью реками, обеспечивала водоснабжение, орошение сельскохозяйственных угодий и транспортную доступность. Считается, что теплый и влажный климат в начале правления династии Тан (с середины VII до середины VIII века) создавал благоприятные условия для развития сельского хозяйства в регионе Гуаньчжун. В середине VIII века климат стал более холодным, что стало важной причиной изменения функций столицы и смещения политического центра на восток.

Авторы статьи систематизировали закономерности изменения климатических характеристик и гидрологической среды в эпоху династии Тан, проанализировали, как природные факторы взаимодействовали с политическими, военными, экономическими и другими социальными факторами и как результаты этого взаимодействия влияли на статус столичных городов Чанъань и Лоян.

В этом исследовании, основанном на сравнении и анализе различий в климате, гидроло-

гии, географии и других аспектах двух императорских столиц — Чанъаня и Лояна — времён династии Тан, раскрывается механизм синергической эволюции природных и социальных факторов при выборе столицы. Это исследование позволяет по-новому взглянуть на закономерности формирования древних китайских столиц.

Ключевые слова: Династия Тан, город Чанъань, город Лоян, Древние китайские столицы, выбор места для столицы, климат, гидрология.

Абдипатта Ж.Н.
Кайыркен Т.З.

Формирование границ и национальное строительство в советской Центральной Азии: национально-территориальное разграничение и возникновение Казахской и Киргизской ССР

В данной статье рассматриваются различия в процессах формирования Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики и Кара-Кыргызской Автономной области. Формирование отдельных государств для местных этнических групп в Центральной Азии из бывших колоний Российской империи было стратегическим шагом большевиков для утверждения власти после гражданской войны. Центральный комитет, в частности Ленин, уделял этому вопросу особое внимание из-за политической поддержки национальных меньшинств во время Октябрьской революции, а позже — при формировании народных комиссариатов на отдельных территориях. Однако при создании автономных республик в Центральной Азии советы преследовали разные цели. Например, создание Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики в 1920 году и включение Кара-Кыргызской Автономной области в состав СССР в 1924 году различались по целям и устремлениям Центрального комитета в отношении образовавшихся государств. В исследовании также рассматривается роль местной интеллектуальной элиты, автономии алашей и кочевого восстания Жетисуского региона 1916 года в формировании ранних национальных движений. На основе сравнения создания Киргизской АССР и Кара-Кыргызской автономной области в статье показано, что советская национально-государственная дезинтеграция представляла собой процесс политического регулирования между местными элитами и большевиками, заложивший структурные основы современной казахской и кыргызской государственности.

Ключевые слова: национально-территориальное деление, советская национальная политика, Киргизская АССР, Кара-Кыргызская автономная область, Алаш-Орда.

Абдуллаев С.Р.

Албанское побережье в балканской политике Наполеона (1801–1807 гг.): угроза вторжения

В статье, основанной на материалах Османского архива, исследуются оборонительные и дипломатические меры Высокой Порты в условиях острой угрозы французского вторжения в Албанию и Морею в 1801–1807 годах. Особое внимание уделяется комплексу военно-административных распоряжений: укреплению береговой обороны, реорганизации местных сил, назначению чрезвычайных наместников и координации с албанскими лидерами. Анализируется реакция ключевых европейских держав — Российской империи и Великобритании, чья позиция во многом определяла манёвр Османской империи. Особо подчёркивается двойственная и крайне подозрительная политика Наполеона: сочетание дипломатических заверений с тайными военными подготовками и проектами раздела османских владений. Именно эта политика, даже без реализации прямой агрессии, вызвала глубокий и, по сути, необратимый кризис доверия между Стамбулом и Парижем. Кульминацией этого процесса стал Тильзитский договор 1807 года, радикально изменивший расстановку сил на Балканах и в Восточном вопросе в целом.

Ключевые слова: Османская империя, Франция, Албания, Морея, Порта, Наполеон, Наполеоновские войны, Тильзитский мир, франко-османские отношения, великие державы.

Амбарян С.С.

Проблема темнокожего населения капиталистических стран на страницах советской периодической печати

Статья посвящена изучению положения темнокожего населения в странах капиталистического мира через призму советских средств массовой информации. В работе анализируются статьи различных советских журналов и газет по изучаемой проблеме. Источниками для написания работы послужили издания следующей периодической печати: журналы «Ровесник», «Крокодил», «Иностранная литература»; газета «Известия». Цель работы: описание положения темнокожего населения капиталистических стран на основе советских периодических изданий. Для достижения поставленной цели использовались специально-исторические методы: диахронный, историко-сравнительный, а также общенаучные методы исследования: анализ, синтез, систематизация. Особое внимание при написании статьи уделялось таким проблемам как: быт и социально-экономическое положение негритянского населения, борьба темнокожих за уравнение в правах, жизнь негров после нивелирования правовых устоев.

Для устроения более полной характеристики, проблема положения темнокожего населения стран капитализма прослеживается во времени с конца 1930-х годов до середины 1980-х. В работе делается особый акцент на описание состояния проблемы темнокожего населения США после отмены сегрегации, а также после законодательного уравнения «белых» и «черных» в Южной Африке. В заключение работы формулируется вывод о положении темнокожего населения в странах капитализма в XX веке.

Ключевые слова: советская периодическая печать, темнокожее население, капиталистическое общество, капитализм, расизм, сегрегация.

Куровский С.В.
Мишин Д.А.
Морозов М.А.

Трансформация стратегического взаимодействия между ФРГ и США в рамках североатлантического альянса в контексте кризиса европейской безопасности (2014-2023 гг.)

В статье представлены результаты исследования двухсторонних отношений ФРГ и США в рамках ключевого военно-политического союза, являющегося основополагающим элементом системы евроатлантической безопасности. Цель научного исследования – выявление ключевых этапов, направлений и результатов трансформации стратегического взаимодействия ФРГ и США в НАТО под влиянием кризиса европейской безопасности в 2014-2023 гг. В статье приведены теоретические и исторические предпосылки германо-американского взаимодействия в НАТО до 2014 года, факторы интенсификации и новые приоритеты взаимодействия после 2014 года, а также экономические, технологические и внутриполитические аспекты взаимодействия. Анализируется конкретный исторический период (2014-2023 гг.), отмеченный переломом в европейской безопасности (аннексия Крыма, геополитическая напряженность на Украине), что позволяет изучать эволюцию и интенсификацию отношений в условиях кризиса. Выбранный временной период характеризуется переходом Германии от «культуры сдержанности» к более активной и ответственной роли в альянсе под давлением США, что требует комплексного исторического осмысления. Исследование заполняет лакуну в отечественной историографии, фокусируясь на взаимодействии в рамках НАТО как на отдельном факторе международных связей.

Ключевые слова: стратегическое взаимодействие, Североатлантический альянс, система европейской безопасности, кризис, эволюция отношений, фактор международных связей, приоритеты.

Нарбут М.И.
Сюннерберг М.А.

Француженки в колониальном Вьетнаме (1862–1945 гг.): экономическая деятельность и социальная роль

В статье анализируется экономическая и социально значимая деятельность француженок в колониальном Вьетнаме в период 1862–1945 гг. На основе комплексного подхода – анализа административных ежегодников, публицистики и мемуаров, материалов по французской эмиграции и современной научной литературы – реконструируются основные виды занятости женщин во Французском Индокитае. Показано, что француженки вносили вклад в колониальную инфраструктуру образования и здравоохранения; вместе с тем их деятельность носила амбивалентный характер – позитивные социальные эффекты сопровождались репродукцией расовых и статусных иерархий. Работа заполняет историографический пробел, объединяя разрозненные источники и давая системное представление о роли французских женщин в экономике и общественной жизни Индокитая конца XIX – первой половины XX в.

Ключевые слова: француженки, колониальный Вьетнам, Индокитай, женская эмиграция, предпринимательство, образование, медицина, проституция, социальная история.

Пау А.Н.

Субъектность Международной организации Франкофонии: критерии и этапы формирования

В статье исследуется вопрос субъектности Международной организации Франкофонии (МОФ) через призму теории международных отношений и международного права. Дается определение субъектности применительно к международным организациям и выделяются ее ключевые критерии. На основе официальных документов МОФ – Ниамейской конвенции 1970 г., решений саммитов Франкофонии, Декларации Бамако 2000 г. и Хартии Франкофонии 2005 г. – прослеживается историческая эволюция франкофонных институтов от создания Агентства культурно-технического сотрудничества (АССТ) в 1970 г. до оформления Международной организации Франкофонии как самостоятельного участника международных отношений. Анализируются ключевые вехи этого процесса: конференция в Ниамее 1970 г., первые саммиты Франкофонии, учреждение должности Генерального секретаря, а также принятие нормативно-правовых актов, закрепивших политическое измерение и международно-правовой статус МОФ.

Ключевые слова: Международная организация Франкофонии, Франкофония, субъектность, международные организации, международная правосубъектность, институционализация, международные отношения, культурная дипломатия.

Пром Тхари

Роль гражданского общества и граждан в демократическом процессе Камбоджи: участие или маргинализация?

В этой статье рассматривается ограниченное участие гражданского общества и граждан в развивающейся демократической системе Камбоджи. Конституция Камбоджи 1993 года гарантирует основные права, такие как свобода выражения мнений, объединений и собраний, однако гражданская активность остаётся ограниченной и фрагментарной. В исследовании показано, что, несмотря на наличие демократических институтов и правовых норм, гражданское пространство продолжает сужаться под воздействием авторитарных традиций, политизированного правоприменения, контроля над СМИ и ограничительных законов. Используются анализ государственной политики, документированные кейсы и вторичный анализ правовых текстов и отчётов гражданского общества для демонстрации того, как структурные и нормативные барьеры сдерживают подлинное общественное участие. Обсуждается влияние закона об ассоциациях и неправительственных организациях (LANGO) на работу объединений и НПО, а также факторы, такие как цифровые репрессии, недостаточный уровень гражданского образования и проблемы участия молодежи. В статье утверждается, что для развития подлинной демократии необходимо осуществить правовую реформу, организовать инклюзивный диалог и инвестировать в образование для укрепления гражданской активности.

Ключевые слова: Камбоджа, гражданское общество, демократическое участие, LANGO,

политическая культура, свобода СМИ, участие молодежи, гражданское образование.

Терновая Л.О.
Чапкин Н.С.

Математика исторического нарратива: порядковая нумерация событий и ее роль в формировании коллективной памяти

В статье предпринята попытка проанализировать феномен использования порядковых числительных в историческом нарративе и его влияние на формирование коллективной памяти. На примере таких событий, как мировые войны, династические имена монархов, пятилетние планы и другие социально-политические явления, автор анализирует, как математическая нумерация структурирует историческое сознание, создавая иллюзию преемственности, цикличности или неизбежности. Междисциплинарное исследование, основанное на подходах антропологии математики, теории коллективной памяти и дискурс-анализа, позволяет выявить скрытые механизмы политической легитимации и конструирования национальной идентичности через простейшие математические операции счета. Анализируются исторические примеры применения математических методов к изучению войн, кризисов и социальных процессов с X по XX век, включая Столетнюю войну (1337–1453), Тридцатилетнюю войну (1618–1648) и Крымскую войну (1853–1856). Особое внимание уделяется роли математических инструментов в анализе политических традиций.

Ключевые слова: количественная история, клиометрия, математические методы, антропология математики, порядковые числительные, история войн, экономическая история.

Шавлохова Е.С.
Пашковский Б.Г.
Фролова Д.Е.
Лихацкая С.В.

Федерализация российского государства в проекте конституция Муравьёва

Статья посвящена главному программному документу северного общества декабристов, написанному Никитой Михайловичем Муравьёвым и его соратниками. В статье подробно анализируется такой аспект потенциальной реформации Российского государства, как территориальное устройство. В статье предметно, с опорой на оригинальный текст «Конституции», рассматривается постреформаторская форма государственного устройства России со всеми её особенностями. Большое внимание уделяется не только проекту реформ, но и возможные проблемы их практической реализации в первой четверти девятнадцатого века. Взвешены плюсы и минусы предложений Муравьёва и других революционеров по федерализации России.

Ключевые слова: конституция, Россия, держава, Народное вече, Державная дума, федерализация, ценз, представительство.

Упоров И.В.

Партийные инстанции ВКП(б) и местные советы: особенности взаимодействия в послевоенные годы

В советском государстве имела место политико-идеологическая монополия коммунистической партии, которая в конституциях закреплялась как «руководящее ядро» всех органов и организаций, включая органы государственной власти, которыми являлись прежде всего Советы всех уровней. В статье рассматриваются особенности взаимодействия партийных инстанций и местных Советов депутатов трудящихся в период после окончания Великой Отечественной войны (1945-1956 гг.). Анализируются соответствующие нормы Конституции СССР и Конституции РСФСР, которые действовали в рассматриваемый период, архивные материалы, научные труды по заявленной теме. Отмечается, что влияние партии, причем решающее, наблюдалось уже с этапа выдвижения кандидатов в депутаты местных Советов - кандидатуры

на выдвижение заранее утверждались партийными инстанциями и в этом деле самодеятельности не допускалось.. Несмотря на то, что российская конституция довольно подробно определяла статус местных Советов, включая их функции, фактически местные Советы осуществляли политику, определяемую партийными структурами. Вместе с тем приоритет партийных инстанций заключался прежде всего в принятии векторных решений, определении стратегии и тактики в осуществлении внутренней политики, а повседневная и непосредственная текущая деятельность по решению многочисленных вопросов социально-экономического развития оставалась за местными Советами депутатов трудящихся в лице, в первую очередь, их исполнительных комитетов.

Ключевые слова: коммунистическая партия, местные Советы, конституция, взаимодействие, контроль, сессия, райком, обком.

Гневышев С.В.
Золотарев О.В.

Гитлерюгенд: анатомия зла

Цель статьи – проанализировать процесс формирования и функционирования Гитлерюгенда в нацистской Германии 1920-е – 1945 гг., раскрыв его структуру, идеологию, методы воспитания молодёжи и последствия их применения для общества. Рассматриваются структура, принципы работы, идеология и влияние на немецкую молодёжь. Исследование основано на официальных документах, воспоминаниях и научных публикациях. Анализируются методы воспитания для достижения идеологической лояльности, включая военное и идеологическое обучение. Подчёркиваются негативные последствия тоталитарных методов и их влияние на общество.

Ключевые слова: Гитлерюгенд, нацистская Германия, молодёжная организация, идеологическая обработка, тоталитарный режим, военная подготовка, национал-социализм, денацификация, воспитание молодёжи, история Третьего рейха.

Чжао Фань

Историческое образование в первые годы советской власти (1917–1934 гг.): от радикальной социологизации к восстановлению гражданской истории

Статья посвящена анализу системной трансформации политики в области исторического образования в СССР в период с 1917 по 1934 год. В работе рассматриваются причины ликвидации истории как самостоятельной учебной дисциплины в первые послереволюционные годы, господство социологических схем школы М.Н. Покровского и кризис «беспредметного» образования. Особое внимание уделяется повороту начала 1930-х гг., завершившемуся постановлениями 1934 года о восстановлении гражданской истории. Автор приходит к выводу, что возвращение к систематическому преподаванию истории было продиктовано задачами государственного строительства и необходимостью формирования новой советской идентичности и патриотизма.

Ключевые слова: историческое образование, школа Покровского, гражданская история, советская школа, Наркомпрос.

Антипова А.А.

История сохранения объекта культурного наследия (на примере жилого флигеля в переулке Чернышевского)

Сегодня во время стремительного развития городской системы крайне важной задачей является сохранение исторической части города, памятников архитектуры, знаковых мест и объектов. К основным методам сохранения объектов культурного наследия относятся консервация, реставрация, приспособление, музеефикация и др. Настоящая работа посвящена истории создания, преобразования, реставрации жилого флигеля, расположенного на территории усадьбы К. Мейера (Тверской район г. Москвы, переулок Чернышевского), которая

была возведена в конце XIX - начале XX вв. архитектором М.К. Геппенером. В настоящее время во флигеле располагается филиал Московского государственного музея Сергея Есенина - «Есенин-центр».

Ключевые слова: Усадьба К. Мейера, жилой флигель, модерн, М.К. Геппенер, Есенин-центр, переулок Чернышевского.

Беляев Д.В.

План голода на оккупированных территориях СССР: цели, механизмы реализации и демографические последствия нацистской оккупационной политики (1941–1944 гг.)

В статье рассматривается «План голода» (Hungerplan), разработанный руководством нацистской Германии в ходе подготовки и ведения войны против Советского Союза. Анализируются цели данной стратегии, её место в системе нацистской оккупационной политики и механизмы реализации на оккупированных территориях СССР в 1941–1944 гг. Особое внимание уделяется политике изъятия продовольственных ресурсов, системе распределения продовольствия и ограничениям снабжения местного населения. Hungerplan являлся не только инструментом экономической эксплуатации оккупированных территорий, но и частью более широкой идеологической стратегии нацистского режима. В статье рассматриваются социально-экономические и демографические последствия реализации данной политики, а также её значение для понимания характера нацистской оккупации и масштабов гуманитарной катастрофы на востоке Европы.

Ключевые слова: «План голода», нацистская оккупация, нацистская Германия, СССР демографические последствия, оккупационный режим.

Брызгалова И.Г.
Деордиева А.Н.

Процесс формирования новой государственности в национальных районах северного Кавказа (на примере Терской области). Особенности и специфика (весна 1917 г. – начало 1918 г.)

Статья посвящена изучению проблем создания специфических органов власти разных уровней на юге России после Февраля 1917 года, формы и специфики органов власти разных уровней, управленческих практик в национальных районах и в частности на Тереке. Цель статьи показать, что на ход государственного строительства в исследуемом регионе оказали влияние своеобразие социально-экономических, классовых, сословных, общественных и национальных отношений, культура и психология населения, его многонациональный состав и наличие национальных традиций - традиционные формы организации власти: элементы системы военно-народного управления (национальные районы Северного Кавказа, казачьи органы власти). Эти особенности выразились в четком определении казачьих и национальных органов власти в общегосударственной системе и организации основ местного самоуправления. Особое внимание уделяется тому факту, что система власти в регионе на данном этапе действовала как единое целое, существовала тесная связь между всеми ее частями. Интересен и показателен пример Терской Области по созданию новой государственности с ярким проявлением национальных традиций и казачьей специфики. В Терской Области и сотрудничали, и противоборствовали две политические силы: казачество, которое воплощало военное управление и претендовало на полные властные полномочия и Терский Областной Исполнительный Комитет, который олицетворял гражданское управление, обе заявляли о готовности взять на себя вопросы организации власти и управления Терской Областью.

Ключевые слова: государственное строительство, управленческие практики, казачество, военное управление, гражданское управление, система власти, национальные традиции, местное самоуправление, военно – народное управление.

Будаева А.Э.

Некоторые аспекты биографии М.М. Сахьяновой (1896-1981)

Исследование рассматривает биографию первой в истории женщины руководившей Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республикой Марии Михайловны Сахьяновой. Территориальная сфера государственной и общественной деятельности М.М. Сахьяновой включала также столицу страны, Дальневосточный край, в зарубежной миссии Корею, Китай и Монголию. В Москве она избиралась Членом Центральной контрольной комиссии ВКП(б) СССР и Членом Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) СССР. Также М.М. Сахьянова занималась вопросами текущей работы партии в районах Сибири и в Туве, направлялась в руководство Чувашской АССР, Башкирской АССР, затем директором совхоза в Пензенской области, была научным сотрудником Института марксизма - ленинизма при ЦК КПСС. С середины 1930-х гг. проживала в Москве в доме по улице Серафимовича 2, являющимся сейчас памятником архитектуры эпохи конструктивизма. В процессе исследования был проведен анализ научных статей, публикаций в периодических изданиях, архивных документов, воспоминаний современников и т. д. Подчеркнуто важное влияние М.М. Сахьяновой на становление и развитие женского движения. Оценен вклад М.М. Сахьяновой в общественную жизнь Бурятии второй половины XX века, в сохранение культурных исторических ценностей, собраны факты биографии немного раскрывающие ее мировоззрение.

Ключевые слова: М.М. Сахьянова, С.Я. Ербанова, Г.Н. Войтинский, Республика Бурятия, коммунистическая партия, коминтерн, женское движение, гендер, женское лидерство, женщины в политике, выдающиеся женщины.

Власов И.А.

Образ Петра I (Великого) в отечественной и зарубежной научной публицистике и историографии: специфика интерпретации личности и деяний первого русского императора

В статье, на основании изучения различных концепций, касающихся трактовки причин, содержания и итогов деятельности первого русского императора Петра I; его личного вклада в радикальные преобразования системы власти в России и социального ландшафта страны, выявляются тенденции в характеристике различными учеными и исследователями российской истории места и роли Петра I в становлении Российской империи как важнейшего элемента системы международных отношений. С опорой на отечественные и зарубежные первоисточники (научную публицистику и монографические работы) дается описание динамики в интерпретации образа Петра I как в научном дискурсе, так и в общественном сознании, на разных этапах истории страны – в имперский период, в эпоху СССР и в постсоветское время. Используя общенаучные методы исследования – анализ и синтез, компаративный подход – при оценке масштаба личности Петра I (особенностей его психоэмоционального портрета и мотивов действий на разных отрезках его жизни), с опорой на документы, архивные материалы и профильную научную литературу, автор выявляет степень влияния уровня развития общественного сознания и политических предпочтений в России и СССР на приверженность тех или иных отечественных научных школ к восприятию фигуры и деяний первого русского императора.

Научная значимость данной работы объясняется попыткой составить панорамную картину известных науке подходов к изучению феномена Петра I, с точки зрения социально-политического и исторического значения его действий, в том числе в аспектах, связанных с формированием сложных и противоречивых экономических, политических и культурных взаимосвязей между Россией и Европой, а также переформатированием государственного устройства самой России (прежде всего в части отношений между элитами и рядовым населением, конструирования новой архитектуры властного аппарата, вестернизации общественной жизни).

Данная работа может представлять научный интерес как комплексное исследование, во-первых, оценок историков и биографов монарха-реформатора, принадлежащих к разным

историческим эпохам, и, во-вторых, в качестве мониторинга трансформации восприятия ученым сообществом значимости петровских преобразований XVIII века.

Ключевые слова: Петр Первый, реформы Петра Первого, образ первого российского императора, внешняя политика Российской империи в XVIII веке, личность в истории.

Мокеева М.О.
Возмищева Е.С.
Вторушина А.П.
Улитина Е.Д.
Иванов К.С.

Жизнь после подвига: психологические трансформации поколения победителей

Статья посвящена анализу социально-психологических трансформаций в советском обществе в послевоенный период (1945–1953 гг.). Выявляется парадокс между триумфом СССР как державы-победительницы и острой внутренней напряженностью, вызванной разрухой, необходимостью изнурительного восстановления и продовольственным кризисом 1946–1947 гг..

Особое внимание уделяется проблемам ветеранов, которые, несмотря на статус «героя-победителя», столкнулись с катастрофическими материальными условиями, трудностями в трудоустройстве и неэффективностью советской бюрократии. Обсуждается кризис демографического дисбаланса и двойное бремя для женщин, а также проблемы «детей войны».

Исследуются личностные и психологические последствия войны, включая проявления посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и факторов его развития.

Описывается социально-психологический портрет послевоенного советского человека, характеризующийся феноменом двойного сознания – разделением критической внутренней реальности и внешнего идеологически правильного выражения, что обеспечивало адаптацию, но вело к эмоциональному истощению.

Ключевые слова: послевоенный период, социально-психологические трансформации, посттравматическое стрессовое расстройство, поколение победителей, адаптация ветеранов, демографические последствия войны, советское общество, психологическая травма, двойное сознание, послевоенное восстановление.

Горкуш С.В.

Произведения батальной живописи как исторический источник, повествующий о событиях, происходящих в годы великой отечественной войны

Чем дальше уходят от нас события Великой Отечественной войны, тем ценнее становятся военные сюжеты батальной живописи – свидетельства страниц нашей истории. Этой проблеме посвящена данная статья. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в ряды воинов Советской Армии бойцами были зачислены батальные художники, которые создали этюдную летопись фронтовых сражений, галереи портретов героев. Перед художниками ставилась задача максимально правдиво и точно изобразить реалии, происходящие на фронте, на передовой. Оптимальной формой работы художников являлась фронтовая бригада, основной задачей которой было создание «художественных документов».

Ключевые слова: исторический источник, война, батальная живопись, «художественный документ», художники-баталисты.

Ершова К.Е.

Антропология звука в весенне-летних обрядах календарного цикла народа саха

В данном исследовании проводится системный анализ характеристик звукового пространства, характерного для традиционных весенне-летних праздников и обрядов народа саха. Цель исследования – выявление и интерпретация акустических аспектов, играющих важную роль в сохранении и передаче культурных традиций народа саха через ритуалы. Изучение звукового поля – сложная задача, включающая широкий спектр звуков от природных

и естественных до строго организованных вербальных и музыкальных текстов. Научная новизна данного исследования заключается в том, что обрядовые звуки рассматриваются как система знаков, через которые передается этническая картина мира народа саха от поколения к поколению. Особое внимание уделяется формированию семантического содержания звукового поля, которое обладает глубоким смыслом и отражает уникальную культуру мировосприятия и общения внутри общества. Исследование показало, что в обрядах народа саха основное «сообщение» высшим силам состоит из текстовых и возгласных фрагментов, лейтмотивом которых являются искусственные звуки (металлические, инструментальные, ритмические, хлопки) и звукоподражательные звуки.

Актуальность изучения звука обусловлена тем, что это относительно новая область этнографических исследований. Звуковая среда играет важную роль в восприятии пространства и создании коллективной памяти. Данное направление привлекает внимание ученых благодаря своей междисциплинарности и потенциалу для глубокого понимания культурных практик. Городские звуки, ритуальные песнопения и природные шумы формируют уникальный акустический ландшафт, который отражает культурные особенности региона.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

1. Изучить структуру и особенности звукового пространства весенне-летних календарных обрядов народа саха, включая характеристики природных, искусственных и музыкальных звуков.

2. Выявить символическое значение каждого элемента звукового поля, исследуя их связь с представлениями народа саха о мире, природе и духовной сфере.

3. Определить функции звуков, выполняемых в рамках ритуальной практики.

Материалом для исследования являются полевые материалы автора, включающие аудиозаписи традиционных благословлений и благопожеланий, сопровождающихся ритуальными музыкальными инструментами; видеозапись шаманского камлания, представляющего собой фиксацию живой народной культуры и религиозных практик коренного населения Якутии, зафиксированные непосредственно в ходе этнографического исследования; статьи о якутских обрядовых песнях, мифах, преданиях Н.А. Алексеева из рукописного фонда Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук.

Теоретическую базу настоящего исследования составляют труды российских ученых, специализирующихся на изучении традиционной культуры, народного искусства и религиозных представлений народа саха, а также общие теории культуры и семиотики. Основные научные направления, использованные в работе, включают исследования структуры и функций ритуалов, обрядового поведения и религиозной практики народа саха. Среди ключевых авторов в данной области выделяются А.И. Гоголев, Н.К. Данилова, О.Н. Дмитриева, Г.В. Ксенофонтов, П.А. Слепцов, Н.А. Стручкова, Г.У. Эргис и т.д. Особое внимание уделяется публикациям А.С. Ларионовой, в которых анализируется музыкальная культура, жанровая структура и особенностей исполнительского мастерства. В рамках данного направления анализируется воздействие звуков и акустических образов на восприятие, эмоции и сознание человека, в контексте чего важны труды Е.Е. Левкиевской. Кроме того, особое внимание уделяется концепциям русской школы семиотики, с акцентом на разработки Ю.М. Лотмана.

Практическая значимость данного исследования заключается в его вкладе в научное осмысление функций звука в контексте традиционной культуры якутов. Проведенный анализ звуковой среды ритуальных практик позволяет выявить механизмы, посредством которых звуковое оформление выполняет функцию медиатора, выстраивая коммуникативный мост между сакральной и трансцендентной сферами. Данный вид исследования позволяет сохранить элементы традиционной культуры, что приобретает особую значимость в условиях утраты культурных традиций.

Ключевые слова: семантика звука; Якутия; обряды календарного цикла; этнография; звуковая среда ритуала.

Захарченко И.А.

Официальная пресса Российской империи о потерях солдат-приамурцев во время Первой мировой войны (по материалам газеты «Приамурские ведомости»)

Статья посвящена военным потерям призванных на военную службу жителей и уроженцев Приморской и Амурской областей в период «великого отступления» Русской армии. Автор проводит анализ исследований, посвященных военным потерям и приводит предполагаемый процент потерь приамурцев к числу призванных в действующую армию. Исследования потерь по материалам публикаций списка главного штаба убитых, раненых и пропавших без вести, опубликованных с 15 января по 17 декабря 1915 года в газете «Приамурские ведомости», позволяют представить социокультурный образ солдата-приамурца, принявшего участие в событиях Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, Приамурский край, боевые и небоевые потери, безвозвратные и временные потери.

Потапова А.Н.

Телякаева А.Ф.

Страницы истории оренбургского кафедрального собора

Статья посвящена исследованию становления и развития Никольского Оренбургского кафедрального собора как уникального центра духовно-культурного развития региона, сложному периоду государственно-церковных отношений в годы советской власти, деятельности архиепископов, священнослужителей и верующих для его сохранения и развития. В работе использованы методы историко-архивного анализа, историографический обзор, проанализированы архивные документы, воспоминания старожилов. Исследование отражает изменения в архитектурной композиции храма, влияние значимых исторических событий на его судьбу, позволяет глубже понять взаимосвязь между духовной жизнью, архитектурными традициями и социокультурными процессами, происходившими в регионе, а также актуализирует вопросы сохранения храмового наследия.

Ключевые слова: история Русской Православной Церкви, Никольский Оренбургский кафедральный собор, государственно-церковные отношения в советский период, храмовое строительство, духовенство, верующие.

Abstracts

Stadulskaya N.A.
Antipova L.A.

The metaphorical dimension of COP30 climate summit speeches

The article is devoted to the study of the metaphorical dimension of the speeches of the participants of the thirtieth Conference of the Parties to the United Nations Framework Convention on Climate Change (COP30), held in Belém (Brazil) in November 2025. The relevance of the research is determined by the need to understand how linguistic means, in particular metaphors, construct the perception of the climate crisis and influence political decision-making in the context of a growing gap between the rhetoric of ambitions and the real results of negotiations. The research was based on official speeches by speakers and leaders of states, representatives of indigenous peoples, as well as analytical comments by experts published during the conference and immediately after its end. The theoretical significance of the research lies in clarifying ideas about the pragmatic potential of metaphor in political discourse and its role in constructing climate reality. The practical significance is related to the possibility of using the results in courses in political linguistics, translation theory, and environmental communication.

Key words: climate discourse, political metaphor, discursive strategies, conceptual metaphor, speech impact.

Seden E.A.
Arzamazov A.A.

Post-irony, linguistic hybridity and metatextuality as strategies of cultural self-assertion in Bogdan Anfinogenov's text "The last kylbur"

The article examines Bogdan Anfinogenov's poetic text "The Last Kylbur." It analyzes post-irony, linguistic hybridity and metatextuality as key elements of its artistic structure and determines their role in shaping a strategy of cultural self-assertion. Particular attention is paid to the functioning of hybrid language and digital markers as means of representing ethnic identity under conditions of socio-cultural fragmentation. The author emphasizes that the text represents a synthetic phenomenon of contemporary Udmurt literature, reflecting the transformation of ethnofuturism and the specific features of minority literatures in the digital era.

Key words: Bogdan Anfinogenov, Udmurt literature, ethnofuturism, postirony, linguistic hybridity, metatextuality, digital poetics, cultural identity, and linguistic decolonization.

Haidarova F.U.

A comparative analysis of the structural features of pronominal word combinations in Tajik and English

The article examines the structural features of pronominal word combinations in the Tajik and English languages from a comparative perspective. Special attention is paid to the classification of pronominal phrases, their morphological and syntactic structure, as well as their functions within the sentence. Similarities and differences in the positional arrangement of pronouns, agreement and government patterns, and their interaction with nominal and verbal components of word combinations are analyzed. The research material is based on examples taken from literary and journalistic texts in both languages. As a result, typological characteristics of the Tajik and English languages, determined by their belonging to different language systems, are identified. The findings contribute to a deeper understanding of the specificity of pronominal constructions and may be applied in translation theory, contrastive linguistics, and the practice of foreign language teaching.

Key words: pronominal word combinations, indefinite pronouns, personal pronouns, adjunct, head, izafet, adjunction, contrastive analysis, English language, Tajik language.

Strelkova A.Y.

Activation of learners' speech activity through communicative games in foreign language classes

The article substantiates the effectiveness of communicative games in activating speech activity among learners. Game-based technologies, exemplified by communicative games, are considered as a means of enhancing motivation, reducing language anxiety, and transforming language skills into communicative competences. The stages of game organization and the teacher's role as a moderator and facilitator of the process are analyzed. Both basic games and professionally-oriented scenarios (case studies, business simulations) for modeling future professional activity are examined.

Key words: communicative games, learning motivation, game-based technologies, teacher's role, teaching methodology, language skills, communicative competences.

Askerova M.A.
Batalov A.A.

The speech portrait of Kamala Harris: linguistic features in the context of the US 2024 election

The article is devoted to the study of features of the speech portrait of the politician. The study analyzes the speech portrait of Kamala Harris in the context of the politician's defeat at election 2024 in the United States and the impact of this context on the verbalization of political ideas. The objective of the research is to identify the linguistic means by which the speech portrait of Kamala Harris is formed within the framework of the defeat at the US presidential election 2024.

Key words: political discourse, linguistic personality, speech portrait, political speech, context, stylistic devices.

Baranovskaya B.V.

Distinction of the term "adequacy" from related terms

In this article, the author compares the term "adequacy" of translation with other related terms used in the translation of texts. To achieve maximum adequacy in translation, the translator, in addition to reproducing stylistic and semantic features, must pay attention to the perception of the text by readers, who must perceive the translated text in the same way as a native speaker of the source language. Translation decisions are subjective and depend on the translator's perception of the source text.

Key words: adequacy, translation, terms, equivalence, completeness, functionality.

Bovelieva Y.V.

Linguistic personality and text in the digital age

In the context of the development of the digital age, the linguistic personality is undergoing significant transformations. The article examines how changes in communication practices affect text and the formation of linguistic personality, explores new features and trends emerging as a result of the widespread use of digital technologies in everyday life.

Key words: linguistic personality, digital personality, digital age, text, information communications.

Brahima Togola
Bit-Yunan Y.G.

The specifics of interpreting the fall of M. Traore's regime in Malian newspapers

The article examines the specific features of media interpretations of the fall of Moussa Traoré's regime in the Malian press. The study analyzes how the political crisis of 1991 was covered by both state-controlled and independent newspapers in Mali. Attention is paid to differences in interpretations regarding the causes of the regime's collapse, the role of protest movements, the army, and international factors. Based on a comparative analysis of publications in the newspapers 'L'Essor'',

''Les Echos'', and ''L'Indépendant', the paper identifies key media discourse strategies such as the delegitimization of the authoritarian regime, the legitimization of political transition, the mobilization of public opinion, and the construction of collective memory about the events of March 1991. The study concludes that the Malian press at that period played a significant role in shaping public perceptions of the political crisis and the democratic transition in Mali.

Key words: Mali, Moussa Traoré, press, Political crisis, democratization, media discourse, Political communication.

Gubin A.Yu.

The "creativity-life" dichotomy in Fyodor Gladkov's industrial novels

This article examines the dichotomy of "creativity versus life" in Fyodor Gladkov's industrial novels ("Cement," "Energy") within the context of the emergence and development of the industrial novel genre in Soviet literature. It explores the influence of historical and cultural conditions, the ideological tenets of socialist realism, and the documentary basis of the works on the artistic embodiment of the theme of labor. Particular attention is paid to the psychological depth of the characters, moral conflicts, and the contemporary relevance of the issues raised by Gladkov. A parallel is drawn between Soviet industrial novels and their contemporary counterparts, reflecting digital transformation and new socioeconomic realities. The article emphasizes the enduring value of Gladkov's works as a historical and cultural legacy and a source for understanding the role of labor in human life.

Key words: Fyodor Gladkov, industrial novel, socialist realism, "Cement," "Energy," dichotomy of creativity and life, labor, industrialization, Soviet literature, contemporary industrial novel, digital transformation, psychologism, historical and cultural context.

Gulomova F.A.

Evolution and characteristics of military terms in the German, Tajik and Russian languages: a look at the terminological system

This article focuses on military terms used in German language teaching and their equivalents in Tajik and Russian. Current globalization processes require linguists to reconsider approaches to teaching foreign languages at all levels and develop new educational programs and methods. Specifically, the study of German military terms in German language teaching must be implemented in a new format and using new methods.

Due to the peculiarities of the German language, approximately 80% of German military terms are complex words. Unfortunately, the Tajik reader, due to the difficulty of understanding military terms in German, is unable to properly comprehend and utilize their original meanings. The author decided to conduct research on this issue to make a significant contribution to the development and growth of Tajik linguistics. In this regard, a number of military terms are discussed in this article.

The purpose of this study is to identify and present modern and effective methods and approaches for studying military terms in German language teaching. The novelty of this study lies in the author's combination of a classical approach to the study of foreign languages and terms with the development of modern technologies.

Key words: specialized, term, translation, German language teaching, professional vocabulary, military terminology, linguistics, equivalent, foreign language, method, education, Technologie, scientific.

Ge Ran

Analysis of multimodal interaction in Russian stand-up comedy

The article examines the phenomenon of multimodal interaction between performers and live audiences in Russian stand-up comedy. It offers a detailed typology of specific multimodal interactional forms present in stand-up performances and, by analyzing the cooperation of verbal and non-verbal modalities, provides a comprehensive account of the interactional features manifested at different levels. The study systematically investigates the pivotal role of multimodal interaction in

the staging of stand-up as an art form and in the transmission of the effects of comedic performance. Drawing on concrete performance examples, the research reconstructs the mechanisms of humor generation for each identified interactional form, thereby providing both a theoretical foundation and empirical illustrations for cross-cultural studies of comedy and for applied work in multimodal interaction theory.

Key words: multimodality, multimodal interaction, stand-up, comedy, humor, modality.

Zakharova I.R.

The development of listening skills in German language learning: from traditional methodologies to an extensive approach

The article is devoted to the development of listening comprehension skills in learning a foreign (German) language. The first part examines the evolution of methodological approaches to teaching listening comprehension – from the grammar-translation method to communicative didactics. It analyzes the cognitive processes underlying listening comprehension, in particular the interaction of "bottom-up" strategies (decoding linguistic units) and "top-down" strategies (using background knowledge and context). Typical mistakes in performing listening exercises are identified, and an optimal three-phase model for working with audio texts (pre-listening phase, while-listening phase, post-listening phase) is proposed, with a detailed description of the goals and activities at each stage. Using the textbook "Schritte plus neu 3" as an example, a didactic analysis of tasks for audio texts is carried out, including work with dialogic reading-listening texts. Special attention is paid to the concept of extensive listening – regular viewing of authentic video materials (TV series) for global understanding. The results of an empirical study conducted with eight A1-level students over two semesters are presented, demonstrating the positive impact of extensive listening on listening comprehension and vocabulary expansion, while also revealing the issue of persistent grammatical errors in written speech. In this regard, the necessity of combining extensive listening with extensive reading for a more balanced development of all language competencies is substantiated.

Key words: listening comprehension, listening, teaching methodology of foreign languages, German language, cognitive processes, bottom-up and top-down strategies, three-phase model, didactic analysis, dialogic texts, extensive listening, authentic materials, TV series, A1 level, language competencies.

Lomakina S.A.

The world images of Lyubov Turbina's poetry

The article examines the artistic and aesthetic component of Lyubov Nikolaevna Turbina's poetry, which has developed its own original poetic style, combining the uniqueness of rhythm and intonation, the depth of reflection, and the intimate nature of its chamber. The purpose of this article is to explore the worldview of Turbina's poetry through the author's perception of timeless themes and the experience of what happens both in the inner and outer world. The author believes that Turbina's work preserves the artistic legacy of the past, transforming and developing the traditions in the present. The article pays special attention to the world images of the road and the house, which are the foundation of the poet's entire worldview system. They create a real cultural space filled with a system of meanings and spiritual values: moral, existential, and aesthetic. The emotional intensity, acute psychologism, and momentary existence reflect the subtle skill of the word artist, demonstrating not just poetry but a specific state of mind. Every work by Lyubov Turbina is a reflection of real life, where happiness hides behind the most ordinary and unremarkable things, and the true miracle is the world around us.

Key words: L. Turbina, modern poetry, worldview, meaning of existence, metaphor, metaphysics, eternal themes.

Batalov A.A.
Seregina M.K.

TED Talks as a base for the study of the verbal linguistic specificity of public speaking

The article is devoted to the study of speech behaviour of speakers of popular science conferences in English of the TED Foundation from the point of view of linguistics. The main points under research are expressive linguistic potential at the lexical and grammatical levels and common verbal models of representation of the author's opinion in correlation with such extra-linguistic features as the speech portrait of the speaker and his communicative goals. The main focus of the research is to detect the typical speech linguistic features of TED Talks as a genre of public speaking.

Key words: speech behavior, expressive language potential, verbal model, speech portrait, speaker, communicative goals, public speaking.

Sinegubov S.N.
Shostak V.A.
Dolgushina P.S.

Transformation of gender roles in the soviet professional environment in the 1930s

This study examines the process of transformation of women's gender roles in the professional sphere during the 1930s. It analyzes the transition from one traditional model of behavior to a new one that combines the characteristics of an active political subject with the cult of motherhood. The study also analyzes the extensive involvement of women in production. It examines the personnel policy that led to the promotion of female workers to leadership positions. The study also explores the ideological aspect, including the influence of propaganda through the media on people's self-awareness. The article reveals the main goals that the government actually pursued by involving women in hard labor. The work serves as a basis for understanding the contradictory nature of Soviet reforms, which, on the one hand, destroyed the patriarchal system, but on the other hand, condemned women to a double burden while maintaining male dominance.

Key words: gender, transformation, patriarchy, Soviet modernization.

Prom Thary

Hybrid democracy and foreign influence in Cambodia: the role of China's unconditional aid and youth perceptions of democracy

This research examines how China provides unconditional aid to Cambodia while studying the intricate relationship between elite stability and youth perceptions of democracy in Cambodia's hybrid democratic system. The research examines how Chinese aid supports the Cambodian People's Party (CPP) to preserve democratic appearances while strengthening elite control through neopatrimonial and patronage political frameworks. The majority of Cambodian youth who make up more than half of the population want democratic accountability and civic engagement while using digital platforms and international democratic discourses. The economic dependence on Chinese-funded projects together with the CPP's strong patronage networks restricts the ambitions of Cambodian youth. The research reveals this political tension as the core element of Cambodia's hybrid democracy system which challenges the future prospects of democratic development in a system controlled by foreign patronage and domestic authoritarian power. The research demonstrates that policy makers should focus on developing civic education programs and establishing transparent governance partnerships and safe political engagement spaces for young people.

Key words: Cambodia, hybrid democracy, Chinese aid, neopatrimonialism, patronage politics, youth perceptions, democratic accountability, civic engagement.

Smirnov A.V.
Kulikov S.P.

US strategic plans for Europe during the democratic Administration of Bill J. Clinton (1990s)

This article examines the process of forming a new foreign policy strategy of the United States during the Democratic administration of Bill Clinton. Based on a number of materials from the Bill

Clinton presidential Library, materials from sessions of the US Congress and the US Department of State, the sequence of the American foreign policy doctrine regarding the expansion of NATO to the "East" at the expense of the former member countries of the socialist bloc is illustrated. The issue of the US attitude towards the Yugoslav soldiers, the specifics of the economic and political modernization of Eastern European countries after the series of "velvet revolutions" were also considered. In addition, the issue of forming a new model of American-Eastern European relations and their strategic impact on the foreign policy course of the Russian Federation, which at that time was at the stage of developing a new model of foreign policy strategy, was considered.

Key words: NATO expansion, Kosovo, Bosnia, spreading of "democratic principles", diplomacy, US-Russian diplomatic dialogue.

Khramova Yu.V.

Official visits and summit meetings between the leaders of Japan and the people's republic of China as an indicator of the normalization of bilateral relations (2014–2019)

This article examines official visits and summit meetings between the leaders of Japan and the People's Republic of China from 2014 to 2019 as an indicator of the normalization process following the sharp deterioration of bilateral relations in the early 2010s. The research problem lies in the lack of systematic analysis of high-level contacts as an independent measure of stabilization, despite their frequent mention in studies on East Asian diplomacy. The aim of the article is to assess the dynamics of the formats and thematic content of meetings between Japanese Prime Minister Shinzo Abe and the Chinese leadership, represented by President Xi Jinping and Premier Li Keqiang. The study focuses on official visits and summit meetings held on the margins of international forums, with particular attention to references to historical issues, security concerns, and economic cooperation. The findings demonstrate that summit diplomacy during this period reflected a limited and asymmetrical form of stabilization rather than full normalization. The novelty of the article lies in treating leader-level visits and summits as an indicator of normalization efforts, rather than as a secondary or purely symbolic element of diplomatic interaction.

Key words: Japan, People's Republic of China, Senkaku Islands, Diaoyu Islands, historical issues, economic cooperation.

Khugali Mohamed Hassan Abdin

The GERD dam as a regional security factor: implications for Sudan and the dilemma of cooperation on the Blue Nile

This article analyzes the crisis surrounding the Grand Ethiopian Renaissance Dam (GERD) and its implications for Sudan in 2011–2023. It shows that Sudan, as the nearest downstream state on the Blue Nile, faces a dual outcome: potential gains from more regulated flows and prospects for energy cooperation, alongside heightened risks driven by operational uncertainty during reservoir filling and dam operation, limited institutionalization of hydrological data exchange, and cascading vulnerabilities for Sudan's downstream water infrastructure. The study argues that Sudan's core concern is not only long-term water allocation but, critically, short-term predictability of releases, early-warning procedures, and coordination mechanisms that determine the safe operation of key assets such as the Roseires and Sennar dams and related irrigation systems. The article also highlights how Sudan's domestic political instability after 2019 reduced state capacity for sustained technical negotiations and risk governance, thereby increasing the likelihood that external water uncertainty translates into domestic socioeconomic stress. Drawing on hydropolitics and institutional analysis, informed by principles of international watercourses law and relevant scholarship, the paper outlines cooperative, competitive, and crisis scenarios and proposes policy recommendations centered on a "minimum technical package" of cooperation: regular data sharing, operator-to-operator communication, and agreed operational procedures for droughts and extreme hydrometeorological events.

Key words: Grand Ethiopian Renaissance Dam (GERD), Renaissance Dam, Sudan, Ethiopia,

Egypt, Blue Nile, water security, hydropolitics, international water law.

Jiaji Jin
Yuyue Liu

Research on the formation mechanism of Tang Dynasty Imperial capital from the perspectives of climate and hydrology

The "four solid fortresses" of Chang'an in the Tang Dynasty provided a natural military barrier, while the hydrological pattern surrounded by eight rivers provided a basic guarantee for its water supply, agricultural irrigation, and transportation. It is believed that the warm and humid climate in the early Tang Dynasty (mid-7th to mid-8th century) created favorable conditions for the development of agriculture in the Guanzhong region. In the middle period (mid-8th century), the climate turned cold, becoming an important driving force for the adjustment of the capital's functions and the eastward shift of the political center. At the same time, the authors systematically sorted out the evolution laws of climate characteristics and hydrological environment in the Tang Dynasty, analyzed how natural factors interacted with political, military, economic and other social factors, and jointly shaped the capital status of Chang'an and Luoyang. By comparing and analyzing the differences in climate, hydrology, geography, and other aspects between the two imperial capitals of Chang'an and Luoyang in the Tang Dynasty, this study reveals the synergistic evolution mechanism of natural and social factors in the selection of capital cities, providing a new perspective for understanding the formation laws of ancient Chinese capital cities.

Key words: Tang Dynasty, Chang'an City, Luoyang City, Ancient Chinese capital cities, Capital location selection,climate, hydrology.

Abdipatta Z.N.
Kayirken T.Z.

Border-making and nation-building in Soviet Central Asia: national-territorial delimitation and the emergence of the Kazakh and Kyrgyz SSRs

This article examines the differences in the formation processes of the Kirghiz Autonomous Soviet Socialist Republic and the Kara-Kyrgyz Autonomous Oblast. The formation of separate states for local ethnic groups in Central Asia from former Russian Empire was a strategic move by the Bolsheviks to assert power after the civil war. The Central Committee, particularly Lenin, focused on this issue because of the political support of national minorities during the October Revolution and later, when forming people's commissariats in individual territories. However, when creating autonomous republics in Central Asia, the soviets supported different goals. For example, the creation of the Kirghiz Autonomous Soviet Socialist Republic in 1920 and the incorporation of the Kara-Kyrgyz Autonomous Oblast into the USSR in 1924 differed in the Central Committee's goals and aspirations for the resulting states. The study also focuses on the role of the local intellectual elite, the Alash autonomy, and the 1916 nomadic uprising of the Zhetisu region in the formation of early national movements. By comparing the creation of the Kyrgyz ASSR and the Kara-Kyrgyz Autonomous Region, the article demonstrates that Soviet National-State Delamination was a process of political regulation between local elites and the Bolsheviks that laid the structural foundations of modern Kazakh and Kyrgyz statehood.

Key words: National-territorial delimitation, Soviet nationality policy, Kirghiz (Kyrgyz) ASSR, Kara-Kyrgyz Autonomous Region, Alash Orda.

Abdullaev S.R.

The Albanian coast in Napoleon's Balkan Policy (1801–1807): the threat of invasion

The article, based on materials from the Ottoman archives, examines the defensive and diplomatic measures taken by the Sublime Porte in response to the acute threat of a French invasion of Albania and the Morea between 1801 and 1807. Particular attention is paid to the comprehensive set of military-administrative measures: strengthening coastal defenses, reorganizing local forces, appointing extraordinary governors, and coordinating with Albanian leaders. The

reactions of the key European powers—the Russian Empire and Great Britain—are analyzed, as their positions largely shaped the Ottoman Empire's maneuvering. Special emphasis is placed on Napoleon's duplicitous and highly suspicious policy: combining diplomatic assurances with secret military preparations and projects for partitioning Ottoman territories. It was precisely this policy—even without the execution of direct aggression—that provoked a profound and essentially irreversible crisis of trust between Istanbul and Paris. The culmination of this process was the Treaty of Tilsit in 1807, which radically altered the balance of power in the Balkans and in the Eastern Question as a whole.

Key words: Ottoman Empire, France, Albania, Morea, Sublime Porte, Napoleon, Napoleonic Wars, Treaty of Tilsit, Franco-Ottoman relations, great powers.

Ambaryan S.S.

The problem of the black population of capitalist countries on the pages of the Soviet periodical press

The article is devoted to the study of the situation of the black population in the countries of the capitalist world through the prism of the Soviet mass media. The paper analyzes articles from various Soviet magazines and newspapers on the issue under study. The sources for writing the work were the publications of the following periodicals: magazines "Rovesnik", "Crocodile", "Foreign literature"; newspaper "Izvestia". Purpose of the work: description of the situation of the black population capitalist countries based on Soviet periodicals. To achieve this goal, special historical methods were used: diachronic, historical and comparative, as well as general scientific research methods: analysis, synthesis, systematization. When writing the article, special attention was paid to such problems as: the life and socio- economic situation of the Black population, the struggle of blacks for equality in rights, the life of Blacks after the leveling of legal foundations.

To formulate a more complete description, the problem of the situation of the black population of capitalist countries can be traced back in time from the late 1930s to the mid-1980s. The paper focuses on describing the state of the problem of the black population of the United States after the abolition of segregation, as well as after the legislative equation of "whites" and "blacks" in the United States. South Africa. In conclusion, the paper draws a conclusion about the situation of the black population in the countries of capitalism in the 20th century.

Key words: Soviet periodical press, black population, capitalist society, capitalism, racism, segregation.

Kurovsky S.V.
Mishin D.A.
Morozov M.A.

Transformation of strategic interaction between Germany and the USA within the framework of the north Atlantic alliance in the context of the European security crisis (2014-2023)

This article presents the results of a study of bilateral relations between Germany and the United States within the framework of a key military-political alliance, which is a fundamental element of the Euro-Atlantic security system. The objective of the scientific study is to identify the key stages, directions, and results of the transformation of strategic interaction between Germany and the United States in NATO under the influence of the European security crisis in 2014-2023. The article presents the theoretical and historical prerequisites for German-American interaction in NATO before 2014, the factors of intensification and new priorities for interaction after 2014, as well as the economic, technological, and domestic political aspects of interaction. A specific historical period (2014-2023), marked by a turning point in European security (the annexation of Crimea, geopolitical tensions in Ukraine), is analyzed, which allows us to study the evolution and intensification of relations in a crisis. The selected time period is characterized by Germany's transition from a "culture of restraint" to a more active and responsible role in the alliance under pressure from the United States, which requires a comprehensive historical understanding. The study fills a gap in Russian historiography by

focusing on interaction within NATO as a separate factor in international relations.

Key words: strategic interaction, the North Atlantic Alliance, the European security system, crisis, evolution of relations, the factor of international relations, priorities.

Narbut M.I.
Syunnerberg M.A.

French women in colonial Vietnam (1862–1945): economic activity and social role

The article examines the economic and socially significant activities of French women in colonial Vietnam from 1862 to 1945. Drawing on a comprehensive approach that combines the analysis of administrative yearbooks, journalistic writings and memoirs, materials on French emigration, and contemporary scholarly literature, the study reconstructs the social profiles of female settlers in French Indochina. The article demonstrates that French women contributed to the development of colonial infrastructures of education and healthcare; at the same time, their activities were inherently ambivalent, as positive social effects were accompanied by the reproduction of racial and status hierarchies. By bringing together dispersed sources, the study addresses an important historiographical gap and offers a systematic account of the role of French women in the economic and social life of Indochina in the late 19th and first half of the 20th century.

Key words: French women, colonial Vietnam, Indochina, female migration, entrepreneurship, education, healthcare, prostitution, social history.

Pau A.N.

Subjectivity of the international organization of La Francophonie: criteria and stages of formation

This article examines the issue of the subjectivity of the International Organization of La Francophonie (OIF) through the lens of international relations theory and international law. It provides a definition of subjectivity as it applies to international organizations and identifies its key criteria. Based on official OIF documents–the 1970 Niamey Convention, resolutions of Francophonie summits, the 2000 Bamako Declaration, and the 2005 Charter of La Francophonie–the historical evolution of Francophone institutions is traced from the creation of the Agency for Cultural and Technical Cooperation (ACCT) in 1970 to the establishment of the International Organization of La Francophonie as an independent actor in international relations. The key milestones of this process are analyzed: the 1970 Niamey Conference, the first Francophonie Summits, the establishment of the office of Secretary General, as well as the adoption of regulatory and legal acts that cemented the political dimension and international legal status of the OIF.

Key words: International Organisation of La Francophonie, Francophonie, subjectivity, international organizations, international legal personality, institutionalization, international relations, cultural diplomacy.

Prom Thary

The role of civil society and citizens in Cambodia's democratic process: participation or marginalization?

This paper investigates the restricted participation of civil society together with citizens within Cambodia's developing democratic system. The 1993 Constitution of Cambodia establishes basic rights including freedom of expression and association and assembly yet civic involvement remains restricted and scattered. The research demonstrates that Cambodia maintains democratic institutions and legal frameworks yet its civic space continues to contract because of authoritarianism's social traditions and enforcement politicization and media control and restrictive laws. The research uses policy reviews and documented case studies and secondary analysis of legal texts and civil society reports to demonstrate how structural and normative barriers limit meaningful public engagement. The research examines how LANGO affects associations and NGOs alongside digital repression and inadequate civic education and youth participation challenges. The paper establishes that a partici-

patory democracy requires legal reform alongside inclusive dialogue and educational investment to strengthen civic empowerment.

Key words: Cambodia, civil society, democratic participation, LANGO, political culture, media freedom, youth engagement, civic education.

Ternovaya L.O.
Chapkin N.S.

The mathematics of historical narrative: ordinal numbering of events and its role in the formation of collective memory

This article attempts to analyze the use of ordinal numbers in historical narrative and its influence on the formation of collective memory. Using examples of events such as world wars, dynastic names of monarchs, five-year plans, and other sociopolitical phenomena, the author analyzes how mathematical numbering structures historical consciousness, creating the illusion of continuity, cyclicality, or inevitability. This interdisciplinary study, based on approaches from the anthropology of mathematics, collective memory theory, and discourse analysis, reveals hidden mechanisms of political legitimation and the construction of national identity through the simplest mathematical operations of counting. This article analyzes historical examples of the application of mathematical methods to the study of wars, crises, and social processes from the 10th to the 20th centuries, including the Hundred Years' War (1337–1453), the Thirty Years' War (1618–1648), and the Crimean War (1853–1856). Particular attention is paid to the role of mathematical tools in the analysis of political traditions.

Key words: quantitative history, cliometrics, mathematical methods, anthropology of mathematics, ordinal numbers, history of wars, economic history.

Shavlokhova E.S.
Pashkovsky B.G.
Frolova D.E.
Likhatskaya S.V.

Federalization of the Russian state in Muravyov's draft constitution

The article is devoted to the main program document of the Northern society of Decembrists, written by Nikita Mikhailovich Muravyov and his associates. The article analyzes in detail such an aspect of the potential reformation of the Russian state as the territorial structure. The article examines the post-reformation form of the Russian state structure, with all its features, in detail, based on the original text of the Constitution. Much attention is paid not only to the draft reforms, but also to the possible problems of their practical implementation in the first quarter of the nineteenth century. The pros and cons of Muravyov's and other revolutionaries' proposals for the federalization of Russia are weighed.

Key words: constitution, Russia, power, People's Assembly, State Duma, federalization, censorship, representation.

Uporov I.V.

Party authorities of the all-Russian committee (Bolshevik) and local councils: interaction in the post-war years

The Soviet state enjoyed a political and ideological monopoly of the Com-munist Party, which was enshrined in constitutions as the "leading core" of all organs and organizations, including state authorities, primarily Soviets at all levels. This article examines the interaction between party authorities and local Soviets of Workers' Deputies in the period following the end of the Great Patriotic War (1945-1956). The article analyzes the relevant provisions of the USSR Constitution and the Constitution of the RSFSR, which were in effect during the period under review, as well as archival materials and scholarly works on the topic. It is noted that the party's influence, and indeed decisive influence, was evident from the very beginning of nominating candidates for local Soviet deputies. Candidates were approved in advance by party authorities, and no independent action was permit-

ted. Despite the fact that the Russian constitution defined the status of local Soviets in considerable detail, including their functions, local Soviets effectively implemented policies determined by party structures. At the same time, the priority of party authorities lay primarily in making policy decisions and determining strategy and tactics for domestic policy, while day-to-day and immediate ongoing work on numerous issues of socio-economic de-velopment remained with local Soviets of Workers' Deputies, primarily represented by their executive committees.

Key words: Communist Party, local Soviets, constitution, interaction, control, session, district committee, regional committee.

Gnevyshev S.V.
Zolotarev O.V.

Hitler Youth: anatomy of evil

The purpose of the article is to analyze the process of formation and functioning of the Hitler Youth in Nazi Germany in the 1920s – 1945, revealing its structure, ideology, methods of educating young people and the consequences of their use for society. The structure, principles of work, ideology and influence on German youth are considered. The research is based on official documents, memoirs and scientific publications. The methods of education for achieving ideological loyalty, including military and ideological training, are analyzed. The negative consequences of totalitarian methods and their impact on society are emphasized.

Key words: Hitler Youth, Nazi Germany, youth organization, indoctrination, totalitarian regime, military training, National Socialism, denazification, youth education, history of the Third Reich.

Zhao Fan

History education in the early years of soviet power (1917–1934): from radical sociologization to the restoration of civil history

The article provides a systematic analysis of the transformation of history education policy in the USSR between 1917 and 1934. The paper examines the reasons for the liquidation of history as an independent academic discipline in the early post-revolutionary years, the dominance of sociological schemes by the school of M. N. Pokrovsky, and the subsequent crisis of "subjectless" education. Particular emphasis is placed on the shift in the early 1930s, which culminated in the 1934 decrees on the restoration of civil history. The author concludes that the return to systematic history teaching was dictated by the tasks of state-building and the need to forge a new Soviet identity and patriotism.

Key words: history education, Pokrovsky school, civil history, Soviet school, Narkompros.

Antipova A.A.

The history of the cultural heritage site preservation (on the example of a residential wing in Chernyshevsky Lane)

Today, during the rapid development of the urban system, it is an extremely important task to preserve the historical part of the city, architectural monuments, iconic places and objects. The main methods of preserving cultural heritage sites include conservation, restoration, adaptation, museification, etc. This work is devoted to the history of the creation, transformation, and restoration of a residential wing located on the territory of the estate of K. Meyer (Tverskaya district of Moscow, Chernyshevsky Lane), which was erected in the late 19th and early 20th centuries by architect M.K. Geppener. Currently, the wing houses a branch of the Moscow State Museum of Sergei Yesenin, the Yesenin Center.

Key words: the estate of K. Meyer, residential wing, modern, M.K. Geppener, the Yesenin Center, Chernyshevsky Lane.

Belyaev D.V.

The famine plan in the occupied territories of the USSR: goals, implementation mechanisms and demographic consequences of the Nazi occupation policy (1941-1944)

The article examines the "Hunger Plan", developed by the leadership of Nazi Germany during the preparation and conduct of the war against the Soviet Union. The article analyzes the objectives of this strategy, its place in the system of Nazi occupation policy and the mechanisms of implementation in the occupied territories of the USSR in 1941-1944. Special attention is paid to the policy of withdrawal of food resources, the food distribution system and restrictions on the supply of local population. It is shown that Hungerplan was not only a tool for the economic exploitation of the occupied territories, but also part of the broader ideological strategy of the Nazi regime. The article examines the socio-economic and demographic consequences of the implementation of this policy, as well as its significance for understanding the nature of the Nazi occupation and the scale of the humanitarian catastrophe in eastern Europe.

Key words: «Hunger Plan», Nazi occupation, Nazi Germany, USSR demographic consequences, occupation regime.

Bryzgalova I.G.
Deordieva A.N.

The process of formation of a new statehood in the national regions of the north Caucasus (on the example of the Terek region). Features and specificities (spring 1917 – beginning of 1918)

The article examines the creation of specific government bodies at various levels in southern Russia after February 1917, the forms and specifics of government bodies at various levels, and governance practices in national districts, particularly on the Terek. The article aims to demonstrate that the course of state building in the region under study was influenced by the unique socio-economic, class, estate, social, and national relations, the culture and psychology of the population, its multinational composition, and the presence of national traditions–traditional forms of government organization: elements of the military-public administration system (national districts of the North Caucasus, Cossack government bodies). These features were reflected in the clear definition of Cossack and national government bodies within the national system and the organization of the foundations of local self-government. Particular attention is paid to the fact that the regional government system at this stage functioned as a single whole, with close ties between all its components. The example of the Terek Region in creating a new statehood with a clear manifestation of national traditions and Cossack specifics is interesting and illustrative. In the Terek Oblast, two political forces both cooperated and clashed: the Cossacks, who embodied military governance and claimed full powers, and the Terek Oblast Executive Committee, which embodied civil governance. Both declared their readiness to take on the issues of organizing power and governing the Terek Oblast.

Key words: state building, management practices, Cossacks, military administration, civil administration, system of power, national traditions, local self-government, military-people's administration.

Budaeva A.E.

Some aspects of the biography of M. Sakhyanova (1896-1981)

The article examines the biography of the first woman in history to lead the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic, Maria Sakhyanova. The territorial sphere of state and social activities of M. M. Sakhyanova also included the capital of the country, the Far Eastern Territory, in the foreign mission Korea, China and Mongolia. In Moscow, she was elected a Member of the Central Control Commission of the CPSU (b) of the USSR and a Member of the Party Control Commission under the Central Committee of the CPSU (b) of the USSR. Also, M. M. Sakhyanova dealt with the current work of the party in the regions of Siberia and Tuva, went to the leadership of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic, the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic, then the director of the state farm in the Penza region, was a researcher at the Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU. Since the mid-1930s. lived in Moscow in a house on Serafimovich Street 2, which is now an architectural monument of the constructivist era. In the process of research, an analysis was carried out of scientific articles, publications

in periodicals, archival documents, memoirs of contemporaries, etc. The important influence of M. Sakhyanova on the formation and development of the women's movement is emphasized. The contribution of M. Sakhyanova to the public life of Buryatia in the second half of the twentieth century, to the preservation of cultural historical values was assessed, the facts of the biography slightly revealing her worldview were collected.

Key words: M.M. Sakhyanova, S.Ya. Erbanova, G.N. Voitinsky, Republic of Buryatia, communist party, Comintern, women's movement, gender, women's leadership, women in politics, outstanding women.

Vlasov I.A.

The image of Peter I (the Great) in Russian and foreign scientific journalism and historiography: the specifics of the interpretation of the personality and deeds of the first Russian emperor

This article, based on a study of various theories regarding the causes, content, and results of the activities of the first Russian Emperor, Peter I, and his personal contribution to the radical transformation of the Russian system of power and the country's social landscape, identifies trends in the characterization by various scholars and researchers of Russian history of Peter I's place and role in the development of the Russian Empire as a crucial element in the system of international relations. Drawing on Russian and foreign primary sources (scholarly journalism and monographs), the article describes the dynamics of interpretation of Peter I's image in both scholarly discourse and public consciousness, across different periods of Russian history—the imperial period, the Soviet era, and the post-Soviet period. Using general scientific research methods—analysis and synthesis, a comparative approach—to assess the scale of Peter the Great's personality (the specifics of his psycho-emotional profile and the motives for his actions at different periods of his life), drawing on documents, archival materials, and specialized scientific literature, the author reveals the degree to which the level of development of public consciousness and political preferences in Russia and the USSR influenced the adherence of various domestic scientific schools to the perception of the figure and deeds of the first Russian emperor.

The scientific significance of this work is explained by an attempt to compile a panoramic picture of known scientific approaches to the study of the phenomenon of Peter the Great, from the perspective of the socio-political and historical significance of his actions, including aspects related to the formation of complex and contradictory economic, political, and cultural relationships between Russia and Europe, as well as the reformatting of the state structure of Russia itself (primarily in terms of relations between the elites and the ordinary population, the construction of a new government architecture, and the Westernization of public life).

This work may be of scholarly interest as a comprehensive study, firstly, of the assessments of historians and biographers of the reforming monarch from different historical eras, and secondly, as a monitoring of the changing perceptions of the scholarly community regarding the significance of Peter the Great's reforms in the 18th century.

Key words: Peter the Great, Peter the Great's reforms, image of the first Russian emperor, foreign policy of the Russian Empire in the 18th century, personality in history.

Mokeeva M.O.
Vozmishcheva E.S.
Vtorushina A.P.
Ulitina E.D.
Ivanov K.S.

Life after the feat: psychological transformations of the generation of victors

This article analyzes the socio-psychological transformations in Soviet society in the post-war period (1945–1953). It reveals the paradox between the USSR's triumph as a victorious power and the acute internal tensions caused by the devastation, the need for grueling reconstruction, and the food crisis of 1946–1947.

Particular attention is paid to the problems of veterans who, despite their status as "victorious

heroes," faced catastrophic material conditions, employment difficulties, and the inefficiency of the Soviet bureaucracy. The crisis of demographic imbalance and the double burden for women are discussed, as well as the problems of "children of war".

The personal and psychological consequences of the war are explored, including the manifestations of post-traumatic stress disorder (PTSD) and the factors that contribute to its development.

The article describes a socio-psychological portrait of a post-war Soviet person, characterized by the phenomenon of double consciousness – the separation of a critical internal reality and an external ideologically correct expression, which ensured adaptation, but led to emotional exhaustion.

Key words: post-war period, socio-psychological transformations, post-traumatic stress disorder, generation of victors, adaptation of veterans, demographic consequences of the war, Soviet society, psychological trauma, double consciousness, post-war recovery.

Gorkush S.V.

The battle paintings as a historical source of narrating the events that took place during the great patriotic war

The further the events of the Great Patriotic War move away from us, the more valuable military objects of battle painting become – evidence of pages of our history. This article is dedicated to this problem. During the Great Patriotic War of 1941–1945, the battle artists were recruited into the ranks of the soldiers of the Soviet Army, who created sketch chronicles of front-line battles and galleries of portraits of heroes. The artists were tasked to depict realities as truthfully and accurately as possible the realities happening at the front, on the front line. The optimal form of work for artists was a front-line brigade, whose main task was to create «artistic documents».

Key words: historical source, war, battle painting, "artistic document", battle painters

Ershova K.E.

Anthropology of sound in the spring-summer rituals of the Sakha people's calendar cycle

This study provides a systematic analysis of the sound space characteristics of the traditional spring and summer rites of the Sakha people. The purpose of the study is to identify and interpret acoustic aspects that play an important role in preserving and transmitting the cultural traditions of the Sakha people through rites. Studying the sound field is a complex task, involving a wide range of sounds from natural to strictly organized verbal and musical texts.

The scientific novelty of this study lies in the fact that ritual sounds are considered as a system of signs through which the ethnic worldview of the Sakha people is transmitted from generation to generation. Special attention is paid to the formation of the semantic content of the sound field, which has a deep meaning and reflects the unique culture of world perception and communication within society. The study showed that in the rites of the Sakha people, the main «message» to the higher powers consists of text and exclamation fragments, the leitmotif of which are artificial sounds (metallic, instrumental, rhythmic, clapping) and onomatopoeic sounds. The relevance of studying sound is due to the fact that it is a relatively new field of ethnographic research. The sound environment plays an important role in the perception of space and the creation of collective memory. This field attracts the attention of scientists due to its interdisciplinarity and potential for a deep understanding of cultural practices. Urban sounds, ritual chants and natural noises form a unique acoustic landscape that reflects the cultural characteristics of the region.

To achieve the above-mentioned research goal, it is necessary to solve the following tasks:

1. To study the structure and features of the sound space of the spring-summer calendar rituals of the Sakha people, including the characteristics of natural, artificial and musical sounds.

2. To reveal the symbolic meaning of each element of the sound field, exploring their connection with the ideas of the Sakha people about the world, nature and the spiritual sphere.

3. Determine the functions of the sounds performed in the framework of ritual practice.

The material for the study is the author's field materials, including audio recordings of traditional blessings and well-wishes accompanied by ritual musical instruments; a video recording of shamanic

worship, which is a recording of the living folk culture and religious practices of the indigenous population of Yakutia, recorded directly during ethnographic research; articles about Yakut ritual songs, myths, and legends by N.A. Alekseev from a handwritten Foundation of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

The theoretical basis of this research consists of the works of Russian scientists specializing in the study of traditional culture, folk art and religious beliefs of the Sakha people, as well as general theories of culture and semiotics. The main scientific directions used in the work include studies of the structure and functions of rituals, ritual behavior and religious practice of the Sakha people. Among the key authors in this field are A.I. Gogolev, N.K. Danilova, O.N. Dmitrieva, G.V. Ksenofontov, P.A. Sleptsov, N.A. Struchkova, G.U. Ergis, etc. Special attention is paid to the publications of A.S. Larionova, which analyze musical culture, genre structure and features of performing skills. Within the framework of this direction, the impact of sounds and acoustic images on human perception, emotions and consciousness is analyzed, in the context of which the works of E.E. Levkievskaya are important. In addition, special attention is paid to the concepts of the Russian school of semiotics, with an emphasis on the developments of Jury Lotman.

The practical significance of this research lies in its contribution to the scientific understanding of the functions of sound in the context of the traditional culture of the Yakuts. The analysis of the sound environment of ritual practices makes it possible to identify the mechanisms by which sound design performs the function of a mediator, building a communicative bridge between the sacred and transcendental spheres. This type of research makes it possible to preserve elements of traditional culture, which is particularly important in the context of the loss of cultural traditions.

Key words: semantics of sound, Yakutia, rituals of the calendar cycle, ethnography, sound environment of the ritual.

Zakharchenko I.A.

Official press of the Russian Empire on the losses of Amur soldiers during the First World war (based on the Priamur Vedomosti newspaper)

The article is devoted to the military losses of residents and natives of the Primorsky and Amur regions who were conscripted during the "great retreat" of the Russian army. The author analyzes research on military losses and provides an estimated percentage of Amur residents who were conscripted into the active army. Research on casualties based on the list of the General Staff's killed, wounded, and missing soldiers, published in the Priamurskie Vedomosti newspaper from January 15 to December 17, 1915, provides insights into the socio-cultural image of the Priamur soldier who participated in the events of World War I.

Key words: The First World War, the Amur Region, combat and non-combat losses, permanent and temporary losses.

Potapova A.N.
Telyakaeva A.F.

Pages of the history of the Orenburg cathedral

This article explores the formation and development of St. Nicholas Cathedral in Orenburg as a unique center of the region's spiritual and cultural development, the complex period of church-state relations during the Soviet era, and the efforts of archbishops, clergy, and believers to preserve and develop it. The study utilizes historical and archival analysis, a historiographical review, and an analysis of archival documents and the recollections of long-time residents. The study reflects changes in the cathedral's architectural composition and the influence of significant historical events on its fate, allowing for a deeper understanding of the relationship between spiritual life, architectural traditions, and sociocultural processes occurring in the region, and also highlights issues of preserving the cathedral's heritage.

Key words: history of the Russian Orthodox Church, St. Nicholas Orenburg Cathedral, state-church relations in the Soviet period, temple construction, clergy, believers.

Авторы

Абдипатта Ж.Н. - студент 2-го курса магистратуры, специальность «Востоведение», факультет востоковедения. Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилёва, г. Астана, Казахстан.

Абдуллаев С.Р. - аспирант. Уральский государственный педагогический университет. SPIN-код: 4087-1060

Амбарян С.С. - аспирант 3 курса. ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет». Учитель истории и географии, МБОУ-СОШ №15 имени Тамбиева Владимира Григорьевича, г. Армавир.

Антипова А.А. - кандидат филологических наук, доцент факультета иностранных языков и регионоведения. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Антипова Л.А. - кандидат педагогических, кафедра иностранных языков. Пятигорский медико-фармацевтический институт, филиал Волгоградского государственного медицинского университета, г. Пятигорск.

Арзамазов А.А. - доктор филологических наук, профессор кафедры русистики ИРЯ РУДН (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы), этноориентированной педагогики, цифровой дидактики. Руководитель Лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии Казанского научного центра РАН.

Аскерова М.А. - студентка магистратуры. Институт иностранных языков, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Барановская Б.В. - независимый исследователь, г. Южно-Сахалинск.

Баталов А.А. - кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра теории и практики иностранных языков, Институт иностранных языков, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Беляев Д.В. - аспирант, ассистент кафедры История ФБГОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля».

Бит-Юнан Ю.Г. - доктор филологических наук Российский государственный гуманитарный университет, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Высшая школа экономики, г. Москва.

Бовелиева Я.В. - независимый исследователь. Индивидуальное предприятие «Хунарли йигит».

Брахима Тогола - аспирант, Российский государственный гуманитарный университет.

Брызгалова И.Г. - кандидат исторических наук, доцент, кафедра Истории России. Институт Истории и Международных отношений Южный Федеральный университет, г. Ростов-на-Дону.

Будаева А.Э. - аспирант, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ.

Власов И.А. - магистр, аспирант Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Липецк.

Возмищева Е.С. - студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменский государственный университет.

Вторушина А.П. - студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменский государственный университет.

Гневышев С.В. - ФБГОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», г. Сыктывкар.

Горкуш С.В. - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения ФГБОУ РТУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет, РТУ МИРЭА».

Губин А.Ю. - аспирант. Российский технологический университет МИРЭА (Московский институт радиотехники, электроники и автоматики).

Гуломова Ф.А. - докторант. Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни, г. Душанбе, Таджикистан.

Гэ Жань - магистр. Институт русского языка, Хэйлунцзянский университет, г. Харбин, Китайская Народная Республика.

Деордиева А.Н. - кандидат исторических наук, доцент, кафедра Истории России Институт Истории и Международных отношений Южный Федеральный университет, г. Ростов-на-Дону.

Долгушина П.С. - студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Ершова К.Е. - соискатель ученой степени кандидата исторических наук, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

Захарова И.Р. - старший преподаватель. Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова, г. Санкт-Петербург. SPIN-код: 8414-7060

Захарченко И.А. - аспирант департамента истории и археологии. Школа искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

Золотарев О.В. - доктор исторических наук, профессор кафедры истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам. Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина.

Иванов К.С. - старший преподаватель. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменский государственный университет.

Кайыркен Т.З. - доктор филологических наук, профессор кафедры Международные Отношения, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан.

Куликов С.П. - кандидат исторических наук, доцент Кафедры Всеобщей Истории. Новосибирский национально-исследовательский государственный Университет.

Куровский С.В. - руководитель научно-исследовательского подразделения ООО «Высшая Школа Образования».

Лихацкая С.В. - студент 1 курса направления подготовки «Юриспруденция» ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет» имени И.Т. Трубилина», г. Краснодар.

Ломакина С.А. - кндидат филологических наук, доцент. Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина, г. Елец. SPIN-код: 9849-2780

Мишин Д.А. - руководитель редакционно-издательского отдела ООО «Высшая Школа Образования».

Мокеева М.О. - студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменский государственный университет.

Морозов М.А. - студент факультета «Международные отношения и внешняя политика», Дипломатическая академия МИД России.

Нарбут М.И. - студентка 4 курса факультета Международных отношений. Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Пашковский Б.Г. - студент 1 курса направления подготовки «Юриспруденция» ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет» имени И.Т. Трубилина», г. Краснодар.

Пау А.Н. - аспирант. Санкт-Петербургский государственный университет.

Потапова А.Н. - кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных наук и молодежной политики Оренбургского государственного медицинского университета Минздрава Российской Федерации, г. Оренбург.

Пром Тхари - аспирант по политическим наукам, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Министерство внутренних дел Камбоджи.

Седень Е.А. - магистрант. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Серегина М.К. - студентка магистратуры. Института иностранных языков, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Синегубов С.Н. - доктор исторических наук, профессор. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Смирнов А.В. - магистр Истории. Кафедра Всеобщей Истории. Новосибирский национально-исследовательский государственный Университет.

Стадульская Н.А. - доктор филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков.

Пятигорский медико-фармацевтический институт, филиал Волгоградского государственного медицинского университета, г. Пятигорск.

Стрелкова А.Ю. - кандидат филологических наук, старший преподаватель. Московский государственный педагогический университет.

Сюннерберг М.А. - кандидат исторических наук, доцент Кафедры востоковедения. Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Телякаева А.Ф. - кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры общественных наук и молодежной политики Оренбургского государственного медицинского университета Минздрава Российской Федерации, г. Оренбург.

Терновая Л.О. - доктор исторических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Власть история и история власти», руководитель проекта.

Улитина Е.Д. - студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменский государственный университет.

Упоров И.В. - доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Российская академия естествознания, г. Краснодар.

Фролова Д.Е. - студент 1 курса направления подготовки «Юриспруденция» ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет» имени И.Т. Трубилина», г. Краснодар.

Хайдарова Ф.У. - кандидат филологических наук кафедры теории и практики английского языка факультета иностранных языков ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова», Республика Таджикистан, г. Худжанд.

Храмова Ю.В. - аспирант 3-ого курса Института международных отношений и мировой истории ННГУ (Нижегородский государственный университет) имени Н.И. Лобачевского.

Хугали Мохамед Хассан Абдин - аспирант 3-ого курса. Казанский Федеральный Университет (КФУ), г. Казань.

Цзяцзы Цзинь - студент магистратуры. Сианьский университет, Сиань, Китайская Народная Республика.

Чапкин Н.С. - старший преподаватель. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова». Базовая кафедра цифровой экономики института развития информационного общества.

Чжао Фань - аспирант, Педагогический университет Центрального Китая.

Шавлохова Е.С. - доктор исторических наук профессор, кафедры истории и политологии, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар.

Шостак В.А. - студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Юйюэ Лю - студент бакалавриата. Сианьский университет, Сиань, Китайская Народная Республика.

Authors

Abdipatta Z.N., 2nd year master's student, specialty "Oriental Studies", Faculty of Oriental Studies, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

Abdullaev S.R., Graduate student. Ural State Pedagogical University. SPIN-code: 4087-1060

Ambaryan S.S., Third-year postgraduate student, Armavir State Pedagogical University. History and Geography Teacher, Secondary School No. 15 named after Vladimir Grigorievich Tambiev, Armavir.

Antipova A.A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies. Lomonosov Moscow State University.

Antipova L.A., Candidate of Pedagogical. Sciences Department of Foreign Languages, Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute – a branch of Volgograd State Medical University, Pyatigorsk.

Arzamazov A.A., Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Studies, Peoples' Friendship University of Russia, Ethnic-oriented Pedagogy, Digital Didactics. Head of the Laboratory of Multivariate Humanitarian Analysis and Cognitive Philology of the Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

Askerova M.A., Master's Degree Student. The Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Baranovskaya B.V., Independent researcher, Yuzhno-Sakhalinsk.

Batalov A.A., PhD, Assistant Professor, Department of Foreign Languages in Theory and Practice, the Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Belyaev D.V., Postgraduate student, Assistant of the Department of History, Vladimir Dahl Luhansk State University.

Bit-Yunan Y.G., Doctor of Philology, Russian State Humanitarian University, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Higher School of Economics, Moscow.

Bovelieva Y.V., Independent researcher. Individual enterprise "Hunarli Yigit".

Brahima Togola, PhD Student. Russian State University for the Humanities.

Bryzgalova I.G., PhD in History, Associate Professor, Department of Russian History, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, Rostov-on-Don.

Budaeva A.E., PhD Student, Buryat State University named after D. Banzarov, Ulan-Ude.

Chapkin N.S., Senior Lecturer. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Economic University named after G.V. Plekhanov". Basic Department of Digital Economy of the Institute for the Development of the Information Society.

Deordieva A.N., PhD in History, Associate Professor, Department of Russian History, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, Rostov Region.

Dolgushina P.S., Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) Tyumen State University.

Ershova K.E., Candidate of Historical Sciences degree seeking applicant, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Frolova D.E., Student of the 1st course of the direction of training "Jurisprudence" Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar.

Ge Ran, Master. Institute of Russian Language, Heilongjiang University, Harbin, China.

Gnevyshev S.V., Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Pitirim Sorokin Syktyvkar State University," Syktyvkar.

Gorkush S.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Documentation, Russian Technological University.

Gubin A.Yu., Postgraduate student. Moscow Institute of Radio Engineering, Electronics, and

Automation of the Russian Technological University.

Gulomova F.A., Doctoral candidate. Tajik State Pedagogical University named after S. Aini, Dushanbe, Tajikistan.

Haidarova F.U., Candidate of Philological Sciences of the Department of Theory and practice of English Language, Faculty of Foreign Languages, SEI "Khujand State University named after academician B. Gafurov", Khujand, Republic of Tajikistan.

Ivanov K.S., Senior Lecturer. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch), Tyumen State University.

Jiaji Jin, Master's student Xi'an University, Xi'an, Shaanxi, China.

Kayirken T.Z., PhD of Philological Sciences, Professor of the Department of International Relations, L.N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

Khramova Yu.V., 3rd-year graduate student at the Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (NIU).

Khugali Mohamed Hassan Abdin, Third-year postgraduate student. Kazan Federal University (KFU), Kazan.

Kulikov S.P., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History. Novosibirsk National Research State University.

Kurovsky S.V., Head of the Research Department LLC "Higher School of Education".

Likhatskaya S.V., Student of the 1st course of the direction of training "Jurisprudence" Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar.

Lomakina S.A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yelets State University named after I.A. Bunin, Yelets. SPIN-code: 9849-2780

Mishin D.A., Head of the Editorial and Publishing Department of LLC "Higher School of Education".

Mokeeva M.O., Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch), Tyumen State University.

Morozov M.A., Student of the Faculty of International Relations and Foreign Policy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Narbut M.I., Fourth-year student, Faculty of International Relations, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Pashkovsky B.G., Student of the 1st course of the direction of training "Jurisprudence" Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar.

Pau A.N., Postgraduate student. Saint Petersburg State University.

Potapova A.N., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Social Sciences and Youth Policy, Orenburg State Medical University, Ministry of Health of the Russian Federation, Orenburg.

Prom Thary, Postgraduate student in political science, Faculty of Humanities and Social Sciences, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia. Ministry of Interior of Cambodia.

Seden E.A., Master's student, Peoples' Friendship University of Russia.

Seregina M.K., Master's student at the Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Shavlokhova E.S., Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History and Political Science, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar.

Shostak V.A., Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) Tyumen State University.

Sinegubov S.N., Doctor of Historical Sciences, Professor. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) Tyumen State University.

Smirnov A.V., Master of History. Department of General History. Novosibirsk National Re-

search State University.

Stadulskaya N.A., Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages. Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute – a branch of Volgograd State Medical University, Pyatigorsk.

Strelkova A.Y., Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer. Moscow State Pedagogical University.

Syunnerberg M.A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Oriental Studies, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Telyakaeva A.F., Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer, Department of Social Sciences and Youth Policy, Orenburg State Medical University, Ministry of Health of the Russian Federation, Orenburg.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal "Power History and the History of Power," and Project Director.

Ulitina E.D., Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch), Tyumen State University.

Uporov I.V., Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor. Russian Academy of Natural Sciences, Krasnodar.

Vlasov I.A., Master's degree student, postgraduate student, Leningrad State University named after A.S. Pushkin, Lipetsk.

Vtorushina A.P., Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch), Tyumen State University.

Vozmishcheva E.S., Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch), Tyumen State University.

Yuyue Liu, Uundergraduate student Xi'an University, Xi'an, Shaanxi, China.

Zakharchenko I.A., Postgraduate Student of the Department of History and Archaeology of the School of Arts and Humanities at the Far Eastern Federal University.

Zakharova I.R., Senior Lecturer. Military Medical Academy named after S.M. Kirov, St. Petersburg. SPIN-code: 8414-7060

Zhao Fan, PhD, Central China Normal University.

Zolotarev O.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History and Methods of Teaching Social and Legal Disciplines, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ЭТНОСОЦИУМ»

Журнал «ЭТНОСОЦИУМ и межнациональная культура» входит в Перечень ВАК РФ

В составе редакционного совета ведущие государственные, общественные деятели, выдающиеся российские и зарубежные ученые. В работе журнала участвуют все регионы России, страны Латинской Америки, Китая, Европы. Журнал распространяется во всех органах государственной власти России (во всех регионах), в посольствах зарубежных стран и за рубежом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОСУЩЕСТВЛЯЕТ:

создание, регистрацию, издание и продвижение журналов и альманахов; помощь во всех вопросах, в том числе в юридических, бухгалтерских, арендных, кадровых.

Редакционная подготовка (литературное и техническое редактирование), дизайн.

Рецензенты и оппоненты, доктора наук и профессора.

Издаем книги, монографии, авторефераты, учебные пособия и др. на высоком уровне, нужным тиражом!

В процесс выпуска книги входит:

* допечатная доработка (по желанию автора);
* редактирование;
* корректура;
* подготовка электронного макета;
* присвоение ISBN;
* присвоение кодов УДК, ББК и авторского знака;
* разработка дизайна обложки;
* печать тиража (различными способами: офсет, цифра);
* передача 16 экземпляров в Книжную палату;
* рассылка готового тиража по территории РФ.

Все изданные нами книги проходят рецензирование и квалифицированную предпечатную подготовку.

www.etnosocium.ru
тел: +7 (495) 772-19-99
e-mail: etnosocium@mail.ru